

DER KÄMPFENDEN MENSCHHEIT ALS MAHNUNG,
ARMENIENS RINGENDEM VOLKE ZUM TROSTE,
DER EIGENEN DEUTSCHEN HEIMAT,
BIALA BEI BIELITZ, ZUM GEDÄCHTNIS.

JOSEF STRZYGOWSKI

DIE BAUKUNST DER ARMENIER UND EUROPA

ERGEBNISSE
EINER VOM KUNSTHISTORISCHEN INSTITUTE DER UNIVERSITÄT WIEN
1913 DURCHGEFÜHRTEN FORSCHUNGSREISE

PLANMÄSSIG BEARBEITET VON
JOSEF STRZYGOWSKI
UNTER BENÜTZUNG VON AUFNAHMEN DES ARCHITEKTEN
THOROS THORAMANIAN

MITARBEITER: ASSISTENT DR. HEINRICH GLÜCK UND LEON LISSITZIAN
MIT 828 ABBILDUNGEN SAMT EINER KARTE

BAND I
ZWEITES BUCH: WESEN
I. STOFF UND WERK
II. GEGENSTAND III. GESTALT

KUNSTVERLAG ANTON SCHROLL & CO. G.M./B.H. IN WIEN
1 9 1 8

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ

СРАЖАЮЩЕМУСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ – КАК ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ,
БОРЮЩЕМУСЯ НАРОДУ АРМЕНИИ – В УТЕШЕНИЕ,
МОЕМУ НЕМЕЦКОМУ ОТЕЧЕСТВУ,
БИАЛЕ БЛИЗ БИЕЛИТЦА – НА ПАМЯТЬ.

ЙОЗЕФ СТРЖИГОВСКИЙ

АРХИТЕКТУРА АРМЯН И ЕВРОПА

ИТОГИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПОЕЗДКИ, ПРЕДПРИНЯТОЙ ИНСТИТУТОМ
ИСТОРИИ ИСКУССТВ ПРИ ВЕНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 1913 ГОДУ

ПЛАНОМЕРНО ОБРАБОТАНО
ЙОЗЕФОМ СТРЖИГОВСКИМ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОБМЕРОВ АРХИТЕКТОРА
ТОРОСА ТОРАМАНЯНА

СОТРУДНИКИ: АССИСТЕНТ Д-Р ГЕНРИХ ГЛЮК И ЛЕВОН ЛИСИЦЯН
С 828 РИСУНКАМИ И ОДНОЙ КАРТОЙ

ТОМ I

КНИГА ВТОРАЯ: СУЩНОСТЬ

I. МАТЕРИАЛ И КОНСТРУКЦИЯ
II. ПРЕДМЕТ III. ОБРАЗ

(перевод ПАВЛА АМБУРГЕРА)

ЕРЕВАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО “ГИТУТЮН” НАН РА
2018

УДК 72.03
ББК 85.11
С 852

Печатается по решению ученого совета Института искусств НАН РА

Книга подготовлена к печати и издана при содействии
председателя Государственного комитета по градостроительству
при правительстве Республики Армения
Нарека Саргсяна и концерна “МонАрх”

Ответственные редакторы:

член-корреспондент НАН РА,
доктор архитектуры, профессор Мурад Асратян,
член-корреспондент НАН РА,
доктор искусствоведения, профессор Арарат Агасян

Сверка с немецким оригиналом – Жасмина Меграбян
Редактор русского перевода – кандидат архитектуры Ануш Тер-Минасян

Стржиговский Йозеф

С 852 Архитектура армян и Европа. Том I, книга вторая (пер. Павла Амбургера) / Йозеф Стржиговский; НАН РА, Инс-т искусств; Ред.: М. Асратян, А. Агасян. – Ер., Изд-во “Гитутюн” НАН РА, 2018, 399 стр. с илл.

Двухтомный труд выдающегося австрийского искусствоведа Йозефа Стржиговского (1862–1941) “Архитектура армян и Европа” (Вена, 1918) состоит из четырех книг, первая из которых была издана Институтом искусств НАН РА в 2011 году.

Предлагаемая вниманию читателей вторая книга также посвящена описанию и анализу памятников средневековой армянской архитектуры. Пользуясь материалами, предоставленными ему известным армянским архитектором, основоположником научного изучения армянского зодчества Торосом Тораманяном (1864–1934), как и собственными материалами, полученными в результате проведенной в Армении в 1913 году экспедиции, автор последовательно представляет разнообразные типы армянских церковных построек этого времени. Кроме того, он обращается к строительным материалам и технике, говорит о внешнем облике (в его понимании: о форме и сущности) памятников, после чего переходит к их исследованию с чисто функциональной (утилитарной) точки зрения.

Русский перевод книги Й. Стржиговского адресован как специалистам, так и широкому кругу читателей, желающих ознакомиться не только с историей, но и со специфическими особенностями средневековой армянской архитектуры.

УДК 72.03
ББК 85.11

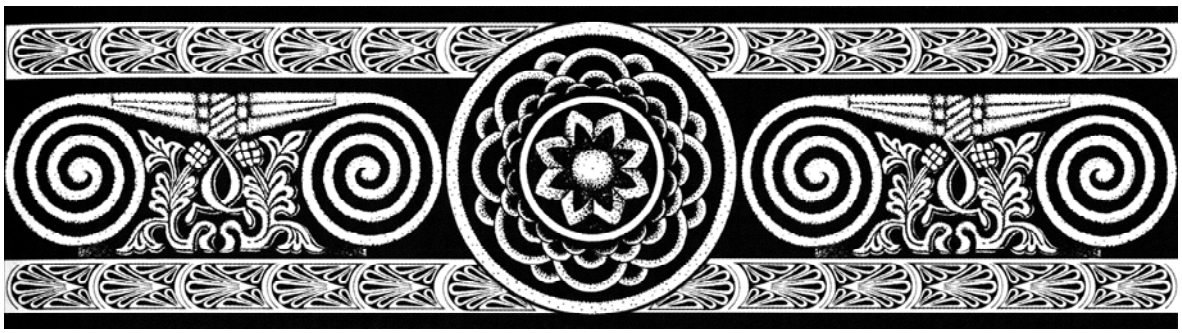
ISBN 978-5-80-80-1303-2
© Институт искусств НАН РА, 2018

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ РУССКОГО ПЕРЕВОДА

Подготовка к изданию русского перевода второй книги монументального труда выдающегося австрийского искусствоведа Йозефа Стржиговского ”Архитектура армян и Европа” потребовала от группы научных сотрудников Института искусств НАН РА больше года напряженной работы. После кропотливой сверки с немецким оригиналом текст русского перевода был окончательно отредактирован и исправлен. Фотографии, рисунки, чертежи и планы, сканированные со страниц немецкого издания, подверглись тщательной технической обработке.

Перевод книги печатается без купюр, но снабжен необходимыми примечаниями и комментариями. Обильно цитируемая Йозефом Стржиговским литература в значительной мере уточнена и в большинстве случаев, ради удобства читателей, вынесена из текста в подстрочные сноски. При этом источники на немецком и других европейских языках приводятся без перевода, тогда как литература на армянском языке дается не только в оригинале, но и в переводе на русский язык.

Книга подготовлена к печати и издана благодаря финансовому содействию председателя Государственного комитета по градостроительству при правительстве Республики Армения Нарека Саргсяна и концерна “МонАрх”, за что выражаем им глубокую признательность.

КНИГА ВТОРАЯ
СУЩНОСТЬ

Армянская архитектура раннего христианского периода, как она была описана нами в первой книге, дает картину вполне завершенного, цельного явления. В разнообразии архитектурных форм всегда чувствуется отпор преходящим влияниям с юга и запада, почему и зодчество Армении оставляет впечатление сильной, национально самобытной культуры. Средства, применяемые при строительных работах, остаются одними и теми же, но их применение в художественном творчестве настолько разнообразно, что возникает настоятельная потребность изучить сущность, происхождение и движущие силы этого своеобразного архитектурного направления, даже в том случае, если для этого нет необходимости с научной точки зрения. Наша попытка больше является инициативой, чем окончательным решением этих задач. Уклоняться от таких вопросов или откладывать их решение в пользу других означает (как показал мне опыт в Египте), что они никогда не будут рассмотрены или же придется быть свидетелями того, как дилетанты со школьными знаниями исказят реальные факты. Обычно специализированные научные институты ограничиваются сообщениями о собранных материалах. Институт при моей кафедре не в состоянии сделать это за неимением нужных средств. Перед войной этот институт располагал дотацией всего лишь в 1800 крон в год для преподавательских целей. То, что я привел в каталоге типов, было собрано благодаря пожертвованиям разных лиц[1]. При этом нельзя считать, что в процессе собирания материалов о памятниках мы располагали достаточными средствами. Поэтому я вынужден переложить научную обработку на других лиц, прежде всего на Тороса Тораманяна, которые могут представить памятники точнее меня. Я же, со своей стороны, при переработке их данных постараюсь дать максимум того, что предоставляет мне мой многолетний опыт работы[2].

[1] Институт в III томе пытался таким же образом обработать материалы, найденные Альбертом Грюнведелем, Альбертом фон Ле Коком и Полем Пеллио в Средней Азии, а в VI томе – также материалы американских исследовательских экспедиций в Сирии. См. ***Strzygowski Josef***, Der Wandel der Kunstforschung – Mitteilungen der kaiserlich-königlichen Geographischen Gesellschaft, LXI, Wien, 1918 (стр. 20 и далее).

[2] Доброжелательная оценка в Вене моих усилий видна из обсуждения моей последней работы. См. Graphischen Kunsten, Wien, XL (1917); Mitteilungen der kaiserlich-königlichen Geographischen

Всякое живое существо в полной зрелости и силе представляет собой единое целое. Однако, будучи само по себе неразделимым, оно доступно научному исследованию, т. е. планомерному и полноценному рассмотрению только на основе разделения на части, учитывающего его разные стороны. Как исследователь природы не может и не желает разрушить единство живого существа, так и исследователь рукотворного человеческого творчества, т. е. изобразительного искусства, не в состоянии это сделать. Если при таком разделении ничего не остается, то вряд ли мы имеем перед собой нечто великое, тут "художник" не был свободен, и ничто не побудило его к созданию чего-либо дальше ремесла и внешней взаимосвязанности.

Древнехристианское искусство армян не так легко понять, как, по-видимому, те направления в искусстве, которые что-либо "изображают". Чистое зодчество, если хотите, создано из знаков, подобных которым нет ни в одном из повседневных языков. Можно сказать, что оно предстало перед нами в VII веке в совершенстве форм, подобно дорическим храмам. Там, однако, архитектурный облик дополняется изображением человека, что может послужить ключом к исследованию. Но в армянской архитектуре отсутствует "изображение", в этом отношении она, как будет показано, сходна с исламским искусством, правда, с одним существенным различием: если исламское искусство преимущественно может считаться декоративным, то армянское искусство прежде всего и с самого начала носит характер исключительно строительного искусства. Отсутствие колонн в армянской архитектуре, которые часто считаются человекоподобной формой, не должно приводить к обычным заблуждениям в эстетике.

К произведениям искусства с научной точки зрения надо подходить, не только устанавливая их сущность саму по себе, но в то же время проводя глубокий сравнительный анализ и выявляя эволюцию и воздействия на их историческом пути. Поэтому, стремясь использовать приведенные факты, я наряду с исследованием сущности, пользуюсь сравнительным методом. В следующей главе будет сделана попытка выявить историческую связь между фактами, а в заключении я перейду к вопросу о распространении архитектурных форм.

При исследовании сущности я буду придерживаться системы, которая неоднократно представлялась в последние годы. Более подробные разъяснения можно найти в моей статье "Эволюция искусствознания" в "Журнале изобразительного искусства"[1], а также в моей работе "Алтай-Иран и переселение народов. Исследования по истории орнаментального искусства при возникновении очагов духовной жизни у северных и кочевых народов"[2]. А в качестве чуть ли не учебного пособия отсылаю к работе Луиз Потпешниг "Введение в обзор произведений изобразительного искусства"[3].

Gesellschaft, LXI, Wien, 1918 (стр. 36 и далее); Monatshefte für Kunstwissenschaft, Leipzig, IX, 1918 (стр. 101–106).

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Der Wandel der Kunstforschung – Zeitschrift für bildende Kunst, L, Leipzig, 1915 (стр. 3–11).

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander-und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917.

[3] См. ***Potpeschnigg Luise***, Einführung in die Betrachtung von Werken der bildenden Kunst, Wien, 1915.

Ниже предлагается план последовательного исследования ряда проблем, разработанный на основе моего опыта[1].

	РЕМЕСЛО I. МАТЕРИАЛ и КОНСТРУКЦИЯ Побудитель: Творчество Цель: Умение	ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ МИР	
		Значение	Явление
ЧЕЛОВЕК	Предметная обусловленность	II. ПРЕДМЕТ Побудитель: Духовное состояние Цель: Толкование	III.ОБРАЗ Побудитель: Природа Цель: Изображение
ТВОРЕЦ	Личная свобода	V. СОДЕРЖАНИЕ Побудитель: Душа Цель: Выражение	IV. ФОРМА Побудитель: Чувства Цель: Воздействие

Ремесло

Этот раздел, к сожалению, вследствие войны приходится выпускать без предусмотренных подробных исследований на месте. Если бы не война, раздел был бы написан Тораманяном на основе его богатого опыта. Мне приходится ограничиться описанием того, что я наблюдал сам в 1889 и 1913 гг. в области строительных работ, не ставя себе цель точного исследования. Наконец, такая работа является делом технических специалистов, которые не преминут ознакомиться с армянским способом строительства, могущим иметь большое значение для современных бетонных работ.

Уровень строительных ремесел в Армении было и остается очень высоким. И сейчас на всем Востоке выше всех ценятся армянские мастера по кладке купола. В особенности и в большей мере это относится к эпохе переселения народов, когда строительные мастера и каменотесы использовались по всему району Средиземного моря вплоть до Франции, как впоследствии, после них – ломбардцы в Германии, Франции и Англии.

[1] Для применения такого же плана в поэтическом искусстве ср. ***Potpeschnigg Luise,*** Planmäßige Wesensforschung in der Dichtkunst, Jahrbücher für das klass. Altertum, 1917, II, Band XL (стр. 209).

I. МАТЕРИАЛ И КОНСТРУКЦИЯ

Определяющими предпосылками для ремесла являются материал и техника. Для них я употребляю хорошие немецкие определения “Baustoff” и “Werk” – “строительный материал” и “конструкция”. В армянском искусстве оба эти понятия своеобразны и имеют исключительное значение. В то же время строительный материал и его обработка – два разных понятия, которые должны рассматриваться отдельно. В греческом храме в ортостатах время кажется остановившимся в том далеком прошлом, которое знало только чисто каменное строительство. Вполне возможно, что и в Армении могут отыскаться развалины того же периода исторической эволюции, которые могут быть выявлены только при четком разграничении материала и конструкции.

А. Строительные материалы

По этому вопросу существуют неправильные представления. Так, например, особенно широко распространено мнение, что армянские постройки – чисто каменные сооружения. Карл Шнаазе, например, в “Истории изобразительных искусств” говорит, что большинство древних церквей Армении построено из тёсаного камня[1], при этом он никогда не упоминает о том, что они состоят из бетона с облицовкой плитами. Шарль Диль в 1910 году идет еще дальше, говоря: “Армянские строители были, в действительности, высококвалифицированными техниками. Живя в стране, где преобладает камень, они с необычайным умением развили стереотомию[2]… В строительстве мы видим исключительное применение тёсаного камня”[3]. В противоположность этой похвале, Шнаазе, который столь же мало был знаком со страной, как и Диль, в своем введении утверждает: “Впрочем, стены никогда не достигают прочности европейской конструкции; камни неравномерно обтёсаны, вследствие чего швы оказались непрочными; и эти церкви своей долгой сохранностью обязаны преимущественно нехватке лесоматериала”[4]. Сравнение с чисто каменными постройками неуместно. Постоянно замалчивается факт, что армянские постройки не возводились, как в Египте или в Греции, из чисто каменной кладки, а представляют собой облицованные плитами конструкции. Еще во введении я констатировал, что надо сделать разграничение между собственно массивом стены и ее облицовкой изнутри и снаружи. Сначала я буду рассматривать тот строительный материал, который применялся для облицовки или в качестве опалубки.

---

[1] См. ***Schnaase Carl***, Geschichte der bildenden Künste, 2 Auflage: 8 Bände, Düsseldorf-Stuttgart, 1866−1879 (том III, стр. 327).

[2] Прим. ред.: под словом “стереотомия” в данном случае следует понимать искусство высекания и обтесывания камней.

[3] ***Diehl Charles***, Manuel d’art byzantin, Paris, 1910 (стр. 315, 441 и далее).

[4] См. ***Schnaase Carl***, Geschichte der bildenden Künste, 2 Auflage: 8 Bände, Düsseldorf-Stuttgart, 1866−1879 (том III, стр. 330).

а) Облицовка из лавы и туфа

Постройки, несмотря на то, что они создавались из двух видов строительного материала, образуют настолько прочно связанный массив, что их по внешнему виду вполне можно было бы принять за чисто каменные сооружения. Конечно, побывавший в стране лично не сделает такой ошибки. Повсюду имеются развалины древних построек, в которых бросаются в глаза конструкция из бетона с облицовкой из плит. Две иллюстрации: Пастушья церковь в Ани (II, рис. 248) и церковь в Тайларе (II, рис. 249)[1] могут служить дополнением к рис. 1 (I) и показать, насколько прочно связаны между собой примененные материалы. Даже полное обрушение снизу не смогло свалить эти здания. Я сперва займусь вопросом облицовки плитами.

Генрих Глюк пишет по этому поводу: “Наличие и вид строительных материалов, которыми располагает страна, являются главными факторами для создания архитектурных форм. В этом отношении два обстоятельства имеют величайшее значение для Армянского нагорья: первое – Армения, ввиду своего геологического состояния, высоты и климата, является сплошь и рядом страной камня, и второе – тут можно найти только вынужденные и незначительные постройки из древесных пород. Под горными породами прежде всего подразумеваются вулканические: базальт, лава, туф, которые определяют верхний геологический слой почвы. Из них базальт менее пригоден для применения в качестве строительного материала. Твердый и хрупкий, он с трудом поддается обработке в качестве строительного камня. Кроме того, он встречается в открытом виде только в труднодоступных крутых откосах речных ущелий. Но именно твердость и устойчивость против выветривания явились причиной использования этого камня для надписей на отвесных скалах (клинообразная надпись близ Мармашена)[2] или же в виде плит для надписей на сооружениях (стела с клинообразной надписью в Звартноце) (I, рис. 29). Для применения в строительстве оказывались более удобными легко поддающиеся обработке лавы и туфы, древние остывшие потоки которых покрывают все плоскогорье, частично в виде крупных блоков и плит и частично – в виде обломков туфа, смешанного с конгломератами в послетретичных наслоениях. Более твердые из этих блоков (большей частью серовато-черного цвета) применялись для внутренних конструктивных элементов (пилонов, арок и подпружных арок), в то время как пористые, более легкие и лучше поддающиеся обработке камни (красные, желтоватые и серые) шли на изготовление облицовочных плит. Базальт применялся почти в исключительных случаях, но и то редко, лишь для опор.

Что касается геологических возможностей добычи материалов, то следует иметь в виду также возможности производства кирпича и использования глины для строительных нужд. Однако эти материалы при недостатке дилювиальных (намытых) почв и легкой возможности добычи камня в Армении остались несколько чуждыми для строительства. Обычный крестьянский каменный дом является свиде-

[1] Построена в 1198 году (?) или раньше.

[2] См. ***Уварова П.С.***, Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического общества, снаряженными на Высочайше дарованные средства, выпуск 3, Москва, 1893, таблица XIX; ***Никольский М.В.***, Клинообразные надписи Ванских царей, открытые в пределах России – Древности восточные. Труды Восточной комиссии Императорского Московского Археологического общества, Т. I, выпуск 3, Москва, 1893, стр. 885.

тельством древней, укоренившейся в горной Армении строительной традиции. При спуске с плоскогорья в сторону севера и востока, где большие речные долины дают богатые залежи глины, резко меняется архитектурная картина населенных мест. Здесь камень уступает свое место простой глинобитной стене в жилищном строительстве, либо кирпичной стене в монументальных постройках. Так, долина реки Куры при выходе из горных ущелий под Тифлисом и долина Риона создают все предпосылки для развития грузинской кирпичной архитектуры. В этом смысле человек, спустившийся с высокогорья в Ереванскую равнину, будет поражен, увидев совершенно другую природу и культуру, когда вместо тысячелетних каменных монументов подлинной Армении он увидит пришедшие всего-то за 200 лет в состояние упадка изящные кирпичные дворцы Еревана.

В Армении при избытке камня ощущается недостаток в лесоматериале. Само плоскогорье совершенно лишено леса, и только в долинах рек имеется богатая растительность, широким поясом охватывающая плоскогорье особенно в его северной части. Однако по сравнению с большими буковыми и дубовыми лесами Грузии и лесами Понтийских гор здесь в известной мере могут быть использованы только березовые и ольховые рощи, не считая плодовых деревьев, растянувшихся по краю плоскогорья вдоль берегов больших рек и постепенно приближающихся к богатым фруктовым культурам соседних стран. Дерево встречается слишком редко, к тому же оно слишком ценно, чтобы его можно было применять в более широком масштабе для сооружения построек монументального характера. Запасы леса едва хватают для примитивного покрытия жилищ и для изготовления самой необходимой утвари. Дерево даже не служит топливом. Кроме того, немногие породы древесины были пригодны для применения в более крупных постройках. Таким образом, поневоле пришлось перейти к сводчатым конструкциям из камня. Геологические условия и местная флора являлись, таким образом, решающими факторами при создании архитектурных форм”.

б) Заполнение: бетон

Далее Глюк говорит: “В то время как для облицовки вырезались плиты из лавы и туфа, вулканический щебень, покрывающий страну в виде более или менее крупных кусков, служил для заполнения стен, что главным образом характеризует армянскую архитектуру. Это заполнение выполнялось с применением большого количества строительного раствора в качестве вяжущего элемента. Использование в строительстве раствора не так понятно, как применение вулканических пород в стране, где сами постройки кажутся вулканическими образованиями, выросшими из вулканического грунта. Едва ли где-либо в пределах центральной зоны между Ахалцихом на севере, озером Севан на востоке, долиной Аракса на юге и северо-западной границей плоскогорья имеются места, где невулканические пласты выступают на поверхность. Вулканические извержения всюду покрывают первичную породу. Только в горной цепи Памбака (северо-восточнее Александрополя[1]) на поверхность выступает третичная порода Грузии в виде узкой полосы, покрытой смешанными известковыми породами. Эти третичные напластования с трех сторон в виде замкнутого массива

[1] Прим. ред.: ныне Гюмри.

охватывают всю северную часть плоскогорья. Лишь в южной и западной частях Армении вдоль Евфрата, Аракса и Чороха часто встречаются весьма мощные залегания гипса, мела и извести, которые более разнообразно расчленяют геологическую картину. Из этих районов центральная часть плоскогорья, т. е. области Александрополя, Карса и окрестности Арагаца, снабжались вяжущими материалами".

Я должен с сожалением признаться, что мы не привезли с собой для исследования образцов строительных растворов. Это объясняется тем, что, как уже было упомянуто, опытнейший специалист в этой области, архитектор Тораманян должен был сам обработать этот раздел. Ввиду этого предполагались новые исследовательские поездки. Война лишила нас этой возможности. Таким образом, мне пришлось ограничиться исследованием небольшого фрагмента мозаики, который я привез из Звартноца. Надо полагать, что для этой цели применялся более тонкий материал, чем для заполнения швов между облицовочными плитами или зазоров между каменными плитами. Все же можно допустить, что состав вяжущих веществ у обоих растворов приблизительно одинаковый. По внешнему виду они отличаются главным образом тем, что раствор мозаики почти чисто белый, как мел, в то время как раствор бетона, вследствие примеси крупнозернистого вулканического песка, имеет серый цвет, причем этот оттенок создается вулканическим щебнем, входящим в состав бетона. До окончательного выяснения вопроса путем химического исследования растворов можно допустить возможность схожести обоих растворов. Я обратился к доктору-профессору Эммериху Зельху с просьбой исследовать раствор в кусочках мозаики[1]. Он любезно дал мне следующее заключение: "Белый, как мел, хрупкий раствор в большей своей части растворяется в соляной кислоте с бурным вспениванием. Остается лишь небольшое количество песка с несколькими хлопьями кремниевой кислоты, которая, появившись от разложения соляной кислотой, легко растворяется 10% раствором соды. Количественный анализ дал:

Песок	= 3,85%
CaO	= 46,35%
Раствор SiO_2	= 5,43%
Раствор $Al_2O_3 + Fc_2O_3$	=1,71%
Потеря от прокаливания	=40,79%
Неопределенный остаток	=1,87%
	100,00%

Непосредственное определение углекислоты выявило содержание CO_2 = 34,80%.

По поводу результатов анализа заметим следующее: прежде всего бросается в глаза незначительное количество песка, т. е. 3,85%. Из этого надо заключить, что мы здесь не имеем дело с обыкновенным песчаным раствором, состоящим обычно из одной части извести на 2/3 части песка. Найденное содержание CO_2 и CaO, соотношение которых в принципе согласуется, показывает, что образец раствора состоит приблизительно на 80% из углекислой извести. Это количество состоит из первоначально примененной гашеной извести, превратившейся путем поглощения из воздуха углекислоты в углекислую известь, к которой далее вновь добавляется углекислая известь. Следовательно, применялся раствор, в котором вместо обычно применяе-

[1] Приношу благодарность г-ну д-ру Штуру за посредничество в этой просьбе.

мого песка к гашеной извести добавлялась углекислая известь в виде известняка, мрамора или мела. Так как песок в обыкновенной смеси раствора играет лишь механическую роль и не дает химической реакции с гашеной известью, то его можно заменить каким-либо другим нейтральным порошком с соответствующей величиной зерен, в данном случае – углекислой известью в какой-либо форме. Такого рода чисто известковые растворы применяются иногда и в настоящее время.

Из анализа также видно, что раствор содержит 5,43% растворимой кремниевой кислоты и 1,71% выделяемых под действием соляной кислоты глинозема и окиси железа. Эти вещества, наличествуя в достаточном количестве, придают извести гидравлические свойства. Их общее количество в 7,14% в данном случае незначительно. Если же это содержание “гидравлических факторов” отнести не к общему количеству раствора, но к количеству примененной гашеной извести, то их весомость заметно повысится. В настоящее время, однако, нельзя установить, какое количество из аналитически найденной углекислой извести происходит из гашеной извести раствора и сколько было добавлено к смеси углекислой извести. Если исходить из обычно принятого состава смеси, то надо полагать, что приблизительно 1/3 свежего раствора состояла из гашеной извести. В этом случае отношение найденного гидравлического фактора к извести должно быть увеличено в три раза. Известь с 20% гидравлического фактора безусловно имеет гидравлические свойства, хотя и не в такой степени, как современные цементы.

Сейчас невозможно установить, были ли в то время известны гидравлические свойства примененной извести, а также использовались ли они сознательно и планомерно ли создавались. С технической точки зрения имеются две возможности. Гидравлический характер извести мог получиться оттого, что примененный для обжига известняк содержал глиноземистые или кремнистые примеси, которые создавали гидравлические факторы, как это имеет место у современных романцементов и у слабогидравлических известей. В этом случае можно себе представить, что строители того времени чисто эмпирически пришли к выводу, что обожженная известь, получаемая из такого материала, дает более прочный раствор, и на основе этого опыта они использовали ее в технике строительства.

Другая возможность придать извести гидравлические свойства состоит в том, что к ней добавлялся трасс (плотная горная порода вулканического происхождения) . Трасс, так же, как и пуццолановая земля, является природным материалом, с которым были знакомы уже древние римляне. При добавлении в правильной пропорции к обыкновенной обожженной извести он становится гидравлическим, превращаясь в превосходный трассовый цемент. Трасс представляет собой вулканический продукт, и весьма возможно, что вулканический грунт Армении может давать такого рода “природный цемент”. Если это так, то армянские строители могли выявить возможность применения этого материала так же, как их римские коллеги пришли к применению пуццолановой земли в Италии и трасса в Рейнских землях. Правда, имеющийся в данном случае раствор оказался довольно плохим видом трассового раствора. Строители, может быть, не знали правильной пропорции добавления трасса или же они ее по каким-либо особым причинам изменили”. Согласно этому заключению доктора-профессора Эммериха Зельха, мы имели дело не с воздушным

раствором, а со своего рода гидравлическим раствором (цементом)[1], качество которого улучшалось путем добавления вулканического песка и щебня. О способе применения этого цемента может дать представление рис. 250 (II), где у одной из церквей монастыря Багнайр[2] на переднем плане слева, в том месте, где отвалились от стены плиты, ясно видны слои, которые, видимо, частью образовались вследствие давления на плиты вытекшего цемента. Можно также предположить, что кладка заполняющей массы производилась послойно, с трамбовкой и одновременно с установкой каменной опалубки. В этом отношении можно произвести интересные наблюдения и у других построек, лишенных облицовки. Имея эти сведения, мы можем перейти к вопросу о способе использования этих строительных материалов.

Б. Конструкция

Способ, которым пользовались армянские строители при возведении своих конструкций, настолько близок современным, что и для нашего времени может считаться весьма ценным и употребительным. Подобно этому, железобетонное строительство в стремлении не отстать от времени находится в поисках подходящего облицовочного материала (о самом бетоне как об искусственном камне, конечно, не может быть и речи). Для крупных построек эта система может считаться наиболее совершенной. При этом архитектор сталкивается с трудностью, состоящей в том, что при применении камня вместе с бетоном последний в массиве стены дает бóльшую осадку, чем камень в облицовке. Ввиду этого и в настоящее время приходится избегать закрепления плит в бетоне и отделять камень от бетона хотя бы белой известью, потому что бетон химически агрессивно действует на камень. Такие соображения возникали, вероятно, и у армянских зодчих. Во всяком случае, упомянутые нами постройки свидетельствуют о вполне зрелом опыте армянских строителей, приобретенном уже в VII столетии на основе вековой практики и развития строительства.

Согласно приведенному выше анализу, мы имеем дело с вулканическим материалом наподобие римской пуццолановой земли или рейнского трасса, являющемися природным цементом[3]. Наличием данного материала в Армении могут быть объяснены многие своеобразные черты строительства в этой стране. Об этом уже говорилось в первой части введения. Иллюстрации дают нам наглядные примеры довольно значительного отличия в составе заполняющей массы. Рис. 1 (I) показывает сравни-

[1] Зельх ссылается также на книгу Людвига Кипенгойера “Известь и раствор” (см. ***Kiepenheuer Ludwig***, Kalk und Mörtel, Köln, 1907), где на стр. 43 имеются данные о растворе Пникса *(прим. ред.: раствор, примененный в строительных работах на холме Пникс, расположенном рядом с афинским Акрополем).* Примененный там раствор замечательно соответствует армянскому раствору в мозаике. По крайней мере, и там мы имеем дело с редким случаем заполнения раствора углекислой известью вместо песка. К сожалению, Кипенгойер не указывает, откуда он получил данные анализы и где можно найти подробности. В наречии Эрзерума наш вид раствора называется “шор”, т. е. “творог”.

[2] Монастырь построен Смбатом II (977–989): см. ***Ալիշան Ղևոնդ***, Շիրակ, Վենետիկ, 1881 (***Алишан Гевонд***, Ширак, Венеция, 1881, стр. 115, план).

[3] См. ***Gutacker Wilhelm Bruno***, Der Rheinische Traß (Berlin, 1914) и приведенную там обширную библиографию. Особое внимание следует обратить на стр. 22, где говорится о строительных материалах средневековых построек Запада.

тельно тонкую массу, в то время как рис. 4 (I) показывает настолько крупное заполнение, что приходится удивляться, как могла данная постройка простоять столько веков. Рассматривая типы и виды архитектурных форм в последующих иллюстрациях, мы ясно видим необходимость специального исследования именно этой стороны строительных работ. Во всяком случае, четко видно, с каким постоянством повторяется заполнение стены, показанное на совершенно необычном для Армении образце (I, рис. 1). В Звартноце (I, рис. 109 и далее) бетонное ядро в пилонах настолько преобладает, что облицовка из плит кажется лишь гладкой пленкой. Только в своде (II, рис. 251) камни, словно настоящие тычки, глубоко входят в бетонную массу. На снимке громадного обломка свода (I, рис. 107)[1] ясно видно, насколько различным может быть отношение между бетонным массивом и толщиной плит. В данном случае применены совершенно бесформенные камни. Второй обломок (II, рис. 252) имеет толстые плиты в нижней части огромной бетонной массы. Своды Звартноца намного превосходят остатки сводов на замковой горе в Эфесе[2], поразившие меня когда-то[3]. Но в других случаях (как, например, в Талине) своды, равно как и купол, покрыты тонкими плитами.

Неудивительно, что стены поразительно толсты, в среднем по 1,20 м, а в больших соборах – таких, как Двин и Звартноц, толщина стен доходит до 1,40 м. Даже у церквей поменьше – таких, как церковь Богородицы в Талине, толщина стены достигает все же 1,10 м. Во всех этих случаях преобладает, естественно, бетонное ядро. Неизгладимое впечатление оставляет и вид стены в Иринде (I, рис. 138). Конечно, имеются и исключения: у постройки в Ани (II, рис. 253) мы видим клиновидные тёсаные камни, ограничивающие бетонное ядро до минимума. Такая конструкция ничего общего не имеет с методом облицовки плитами[4]. А в случае Дираклара (Карнут) или Гелати с их вставленными в стены громадными камнями ничто иное не приходит в голову, как то, что именно ими и заполнялись стены. Тут уж речь идет о чем-то неслыханном, стародавнем. При этом становится понятным, как отдельные церкви, например, Св. Рипсиме и Св. Гаяне в Вагаршапате[5], могли подвергаться частым реставрациям, существенно не меняя своего наружного вида. В ходе этих реставраций приходилось лишь обновлять отпавшие плиты, как в Кафедральном соборе и в церкви Апостолов в Ани (I, рис. 20, 104, 223), в Зариндже (I, рис. 91) и других местах. В Аштараке (I, рис. 165) также камни несколько раз заменялись и усиливались, не меняя формы постройки. Рис. 253 (II) показывает, как можно в таких случаях обойтись простыми, несложными средствами. У Пастушьей церкви в Ани (II, рис. 248), о которой речь пойдет ниже, была обрушена часть ограждающей стены. Несмотря на это, монолитная постройка сохранила свою устойчивость благодаря Тораманяну, которому удалось спасти эту изящную, словно сделанную “из единого куска” постройку с помощью всего лишь одного пилона. В Дворцовой церкви Ани (I, рис. 149) стены фундамента осели у откоса и вызвали разрушение бетонного мас-

[1] Кроме того, см. ***Тер-Мовсесян Месроп***, Раскопки развалин церкви Св. Григория близ Эчмиадзина – Известия Императорской Археологической Комиссии, выпуск 7, С.-Петербург, 1903, таблица II.

[2] Прим. ред.: Стржиговский имеет в виду руины базилики Св. Иоанна, которая была возведена императором Юстинианом I в VI веке на месте старой небольшой церкви.

[3] См. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 143).

[4] См. также купол на рис. 4 (I).

[5] Прим. ред.: ныне Эчмиадзин.

сива, а на переднем плане видна обрушившаяся апсида. Но в таких случаях, а также при обрушении купола (что случалось чаще) приходилось строить заново. Обычно после обрушения купола переставали пользоваться зданием. Когда мы 13 августа 1912 года прибыли в Текор, нам довелось стать свидетелями того, как купол обрушился чуть ли не над головой 85-летнего священника Иоанна Тер-Ерицяна. На рис. 254 (II) видно, что купол, обрушившись к югу, захватил с собой свод главного нефа вместе с южным нефом, вследствие чего наискосок к южной стене образовалась груда обломков, которую удалось убрать только в северном нефе и в апсиде. Там престарелый священник и в настоящее время служит обедню, что, конечно, не может долго продолжаться. В Кафедральном соборе Ани (I, рис. 20-21) купол обрушился вследствие землетрясения, при этом он упал за северо-западный угол, существенно не повредив самой церкви. Со временем обломки были убраны.

Заслуживает внимания, что из местами разрушенной строительной надписи на стенах полуобвалившегося собора Багарана можно узнать, что углы квадрата вверху были изменены, а надпись от 1211 года (I, рис. 34) извещает о реставрации пришедшего в ветхость здания. Купол обрушен, но в остальном архитектурная форма церкви не изменилась со времени ее основания (624–631). Купол, вероятно, завалился вовнутрь. Облицовку фасадов приходилось часто обновлять, вследствие чего в особенности страдали надписи, но бетонный массив оставался целым – так же, как и общая архитектурная форма. То же самое мы видим у собора в Мрене, где отдельные камни с надписями заменены крестами (I, рис. 38). На других фасадах некоторые камни сдвинуты со своих мест (I, рис. 215–217).

Мы еще раз подтверждаем тот факт, что бетонные стены в Армении применялись во все времена и во всех областях вплоть до наших дней. Откуда произошла такая конструкция и не указывает ли большая толщина стен на то, что таким образом предполагалось применение другого материала, об этом поговорим ниже. Сейчас же я вкратце расскажу об отдельных элементах конструкции: стенах, перекрытиях, опорах и кровле.

а) С т е н ы. Охваченная облицовочными плитами стена, как уже было сказано, не укладывается из отдельных горизонтальных элементов, а заливается. Я привожу зарисовку Германа Абиха (II, рис. 255) из его труда “Из кавказских стран”[1]. Рисунок показывает, насколько тонки плиты и как велики куски заполнения в разрезе. О фундаментных стенах, поскольку там не применялись ступенчатые террасы, я ничего сказать не могу. Облицовка верхних стен плитами по большей части выполнена весьма чисто и регулярно. Горизонтальные швы сплошные, но не исключаются и другие виды перевязки. Промежутки между вертикальными швами меняются так же часто, как и высота рядов плит. Как правило, вертикальные швы прямоугольные, но встречаются также скошенные. Широкие и узкие плиты чередуются довольно регулярно, так что по их виду можно определить тычки и ложки. Швы настолько плотные, что поражаешься точности работы, произведенной, по-видимому, без раствора. Эти факты подводят к вопросу о том, возник ли такой способ работы сам по себе или же он был перенят из других видов строительства. Тораманян обратил наше внимание на немаловажное для определения эпохи явление, а именно, что в VII веке

[1] См. ***Abich Hermann***, Aus kaukasischen Ländern, Band I, Wien, 1896 (стр. 185).

кромки каменных плит зачастую были не острыми, а отшлифованными. Этим, возможно, хотели избежать выпадения плит.

О соединении плит с бетоном уже говорилось во введении. Судя по рис. 1 (I), кажется, что вверху, на барабане с окнами (там, где арки опираются на кронштейны) плиты даже не связаны между собой, а средний кронштейн отвалился, не оставив никаких следов проникновения в бетон. С другой стороны, нижний ряд камней, по-видимому, был связан с бетоном. Он выравнивает нагрузку в определенном и важном месте, возможно, выполняя ту же задачу, что и в некоторых случаях уложенная в бетон деревянная балка. Так, в Текоре (II, рис. 254) мы видим в западной стене разрушенного собора еще сохранившиеся деревянные балки, которые лежат под плитами и заходят в бетон. Таким образом они противостоят давлению сверху и предупреждают откалывание кромок, которое часто наблюдается в нижних частях фасадов. Толщина плит различна, ее лучше всего можно определить по вертикальным граням (I, рис. 17, Мастара).

Цвет колеблется между черным, коричневым и желтым. Удивительно, что смена цвета не использована в художественных целях. Снаружи постройки кажутся пестрыми, как это видно на том же рисунке (I, рис. 17). Немногие исключения, которые наблюдаются, например, у стен Ани или на развалинах небольшого строения с двумя поставленными друг на друга цилиндрическими сводами (II, рис. 256), по-видимому, относятся к более позднему периоду и объясняются влиянием исламского вкуса. У разрушенной постройки в Ани (II, рис. 256) передний фасад пятнистый, и только клиновидные камни арки подобраны по цвету. С другой стороны, ясно видно, что левая боковая стена имеет шахматную перевязку с чередованием светлых и темных плит. Более богатые рисунки мы видим лишь в исламский период во дворцах, мечетях и на городских стенах.

В этом отношении достойна внимания церковь в Огузлу (II, рис. 257), образующая вместе с Ширакаваном (I, рис. 232) и Тайларом (II, рис. 249) группу, расположенную между Александрополем и Ани и относящуюся к типу купольных зал. Церковь основана в 1001 году. Строительная надпись говорит о Хасане, сыне хакана Гютуни, который, видимо, был современником Смбата I (конец IX века). На рисунке ясно видна старая стена с равномерно темным цветом, а рядом расположен юго-западный угол, явно реставрированный. Видны также две темные полосы и кладка камней с подобранной расцветкой. Это указывает на то, что реставрация относится к более позднему времени. Такое реставрационное дополнение могло бы помочь охране и уходу за памятниками, условия для которых, надеемся, вскоре будут созданы и в Армении. Оно также послужит указанием для быстрого распознавания времени реставрационных работ даже при умеренной смене цвета кладки.

Кроме коричневой лавы для несущих элементов иногда используется и черный базальт. Это особенно бросается в глаза в Звартноце (I, рис. 110), так как ввиду редкости в Армении свободно стоящих опор наличие базальта наблюдается не часто.

б) П е р е к р ы т и я. Армяне признавали только сводчатые покрытия и достигли в этой области поразительного мастерства. В качестве перекрытий почти исключительно применялись цилиндрические своды и купола. Так как они строились из литого бетона, то были необходимы кружала и опалубка, как при современном бетонном строительстве. По-видимому, на кружала укладывались облицовочные пли-

ты, служащие опалубкой. Бетон придавал им нужную устойчивость. Пример Багарана (I, рис. 28) показывает, что сама по себе облицовка с заклиниванием укладывалась настолько тщательно, что она продержалась даже после того, как бетон разрушился от времени и выветривания. С другой стороны, пример Аштарака (I, рис. 168) свидетельствует о том, что применялись кружала, так как плиты не связаны с вертикальной стеной. В некоторых случаях свод, по-видимому, возводился раньше стены. В Багаране (I, рис. 87) мы видим, что свод и стена стыкуются впритык, и что местами стена подведена под свод. С другой стороны, многочисленные постройки, у которых облицовка отвалилась и сохранился лишь бетонный массив, доказывают решающее значение бетона для долговечности сооружения. В Аруче (I, рис. 14) сохранились отверстия для лесов у начала свода.

Наглядный пример для определения способа устройства сводов показывает северный придел церкви в Караванке второй половины XIII века (II, рис. 258), на юго-востоке озера Севан. Свод церкви сохранился только в виде облицовочных плит, уложенных рядами. Обвалившаяся подпружная арка торцевой стены, как и опорная стена левой арки, делают возможным осмотр бетонного ядра. Примеры, приводимые в этом томе, убедительно подтверждают мнение Бахмана, прославлявшего мастерство армян в воздвижении сводов[1]. Устойчивость свода без бетона в Караванке свидетельствует о том, насколько точно были пригнаны швы в плитах.

Важно также констатировать, что купол как при переходе из квадрата, так и в барабане с окнами и завершающей полусфере, состоял из бетона с облицовкой (I, рис. 1, 4, 135), т. е. при установке парусов не применялись клиновидные камни, а плиты обычно укладывались горизонтальными рядами или лучеобразно. С точки зрения конструкции, о парусе, как о рассчитанном элементе сферического свода оболочки, не может быть и речи.

в) О п о р ы. Опорами перекрытия в армянских церквях всегда служат пилоны, если сама стена не выполняет эту задачу. Никогда не применялись колонны, как это было в древнехристианских церквях. В качестве опор прежде всего служат стены. Тип квадрата с упорными нишами по осям ясно показывает, что первоначальное архитектурное решение осуществлялось исключительно с учетом замкнутой кладки стены. Свободно стоящая средняя опора была введена, по-видимому, лишь впоследствии, ввиду потребности в более крупных помещениях (II, рис. 259). Колонна, за малыми исключениями, неизвестна. С другой стороны, часто встречаются полуколонны, которые выступают из стены или пилона и на ранних этапах никогда не являются самостоятельной опорой. Колонну, если она в Армении вообще встречается (I, рис. 112, Звартноц), следует себе представить, собственно, либо в виде круглого пилона, либо в качестве заполнения ступенчатого угла у входов. Впрочем, то же касается и полуколонны, которая может быть закругленным углом, выступающим перед стеной или пилоном, выполняющим функцию переходного элемента к своду. Об этом поговорим далее.

Цилиндрический свод опирается на стены или пилоны, а купол – на арки, стены или пилоны, либо на все это вместе. Своды в большинстве случаев цилиндрические, реже – стрельчатые, овальные или подковообразные. То же относится и к аркам. Переходы от углов между арками, в случае, если они служат опорой для ку-

[1] См. ***Bachmann Walter***, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, Leipzig, 1913 (стр. 34).

пола, осуществляются посредством тромпов или парусов, которые подводят к барабану и появляются вновь, если барабан также круглый. Сам купол всегда представляет собой сферический свод-оболочку. Об отклонениях будем говорить ниже.

г) К р о в л и. Наклонная кровля с кладкой из каменных плит опирается на бетон, который сплошным массивом заполняет пространство между сводом и кровлей. Первоначальная пирамидальная форма над квадратным барабаном с окнами вскоре уступает место конусу над круглым или многоугольным барабаном. Вопрос о том, увеличилась ли высота кровли в дальнейшем, и являлся ли радиус барабана мерилом для высоты, остается открытым[1].

Существенную роль при этом играл климат. Сводчатые конструкции приобрели в Армении присущий им внешний вид с характерными прямолинейными кровлями со скатом, скрывающими округлость сводов, особенно купола, получившего свой характерный облик. Цилиндрический свод покрывается односкатной или щипцовой кровлей. При сравнении с постройками прилегающих к Армении стран (Персия и Месопотамия), где чрезвычайно распространены сводчатые покрытия, мы видим, что купол и своды там большей частью свободны и вполне обозримы во всей своей округлости. Кровля со скатами в этих странах не имеет господствующего значения. Не требует особого доказательства, что кровли со скатами служат для лучшего стока атмосферных осадков. Это подтверждается при обзоре различных форм жилищ в соответствии с их географическим положением. Считается, что различные уклоны щипца соответствуют количеству атмосферных осадков в разных местах[2]. В то время как армянский дом вследствие недостатка лесоматериала не имеет стропил и щипца, в лесных районах соседних северных стран распространены щипцовые кровли[3]. Введение их в монументальное строительство будет рассмотрено ниже.

В. Строительные работы

Надписи и историки дают некоторые сведения об организации строительных работ. В одном месте у Себеоса (История Геракла: III, 1) сообщается: “Он (Смбат Багратуни, 606–607) собрал мастеров-каменщиков и подчинил их надежному руководителю работ, приказав спешно закончить постройку (церкви)”. Предположительно речь тут идет о своего рода цехе каменщиков. Следует обратить внимание на то, что Себеос представляется здесь современником этой постройки. Подобные сведения дает также Товма Арцруни в X веке, когда Гагик приступил к перестройке Ахтамара: “Тысячи рабочих строили город в течение пяти лет. Когда приступили к постройке дворца, царь собственной рукой при помощи нескольких мастеров составил планы… Большое число опытных мастеров, прибывших отовсюду, в точности выполняли планы царя, полученные приказания исполнялись немедленно. Царь поручил следить за строительством сведущему человеку…” (***Товма Арцруни***, История дома Арцруни: III, 36)[4].

---

[1] См. ***Кондаков Н.П.***, Древняя архитектура Грузии, Москва, 1876, стр. 32.

[2] См. ***Sarre Friedrich*** *und* ***Herzfeld Ernst Emil***, Iranische Felsreliefs, Berlin, 1910 (стр. 178).

[3] См. ***Koch Karl Heinrich***, Reise in Grusien, am kaspischen Meere und im Kaukasus, Weimar, 1847 (стр. 103).

[4] См. ***Brosset Marie-Félicité***, Histoire des Ardzrouni par le Vartabied Thoma Ardzrouni – Collection d’historiens arméniens, T. I, St.-Pétersbourg, 1874 (стр. 236).

О длительности работ свидетельствуют надписи. Багаран начал строиться в 624 году и был закончен через 7 лет, т. е. в 631 году. Багаван строился с 631 по 639 годы; Мармашен строился с большими трудностями и с большими расходами с 988 по 1029 годы. Строительство церкви в Ахтамаре, по сведениям Товмы Арцруни, длилось 6 лет (915–921 гг.).

Нередко сообщается, что заказчик лично составлял проект. Об этом мы только что упомянули, ссылаясь на сведения Товмы Арцруни. Одна весьма хвастливая надпись от 1211 года в Мрене, которую приводит Марр, сообщает о постройке летнего дворца с садом[1]. Владелец хвалится, что он "без архитектора сам составил проект, заложил фундамент постройки и распланировал сад, закончив всю работу за 10 лет". Можно вспомнить, например, об участии Юстиниана в постройке церкви Св. Софии. О Св. Григоре и постройке трех святынь в Вагаршапате речь пойдет ниже. Наверное, здесь уместно упомянуть также армянскую сказку про чудесного соловья[2], где говорится о сроке одной постройки в семь, а другой – в девять лет, причем речь идет о строительстве церкви, "подобно которой не найти во всем мире"[3].

Духовные ценности

Составляя план моего исследования (см. выше), я стоял перед выбором, с чего бы мне хотелось начать. Если я начну с Предмета и далее перейду к Образу, то в заключении, конечно, подойду к Форме. Но тогда два таких значимых понятия, как Предмет и Содержание будут разъединены и поставлены: одно – в начале, а другое – в конце исследования. Если же попробовать другой образ действий, то окажется, что этот кажущийся недостаток в то же время является преимуществом, т. к. принуждает к более четкому выявлению противоположности между этими двумя значимыми ценностями, а именно: Предметом и Содержанием.

Значение художественного произведения заключается в той глубинной причине, которая побудила художника к творчеству и была воспринята зрителем. Рукотворное произведение художника существует свободно и независимо от чувств, тем не менее выражается только через них. Но и здесь (как позже и в ряду Явления – между Образом и Формой) надо сделать разграничение между Предметной обусловленностью, т. е. Предметом и Личной свободой, т. е. Содержанием. Предмет соотносит произведение искусства по времени, месту и общественному строю к существующему Духовному состоянию, а Личная свобода, вобрав в себя личный опыт, возвышает новое творение над местом, временем и общественным строем и подводит к новым художественным открытиям, создавая предпосылки для будущего развития и расцвета искусства. Следовательно, Явление предстает как средство, значение, а в конечном итоге, как самоцель в искусстве.

---

[1] См. ***Марр Н.Я.***, Новые материалы по армянской эпиграфике – Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества, С.-Петербург, VIII (1893), стр. 81 и далее.

[2] См. ***Chalatianz Grikor***, Märchen und Sagen aus Armenien, Leipzig 1887 (стр. 10 и далее).

[3] В сказках армян в Семиградии прекрасная церковь строится за один год (см. ***Wlislocki Heinrich Adalbert,*** Märchen und Sagen der Bukowinaer und Siebenbürger Armenier, Hamburg, 1891, стр. 27; ***Schullerus Pauline***, Rumänische Volksmärchen aus dem mittleren Harbachtale, im Anhang aus dem Alttale, Hermannstadt, 1907, стр. 248; ***Leskien August***, Balkanmärchen. Jena, 1915, стр. 228).

II. З Н А Ч Е Н И Е, Ч А С Т Ь П Е Р В А Я: П Р Е Д М Е Т

Исследователь Предмета первым делом интересуется общей направленностью Духовности, к которой относятся памятники, затем целью, которой они служат, и, наконец, их заказчиком. Тут надо прежде всего подчеркнуть, что армянская культура той эпохи, которую мы здесь рассматриваем, имеет одновременно ярко выявленный национальный и церковный характер. Это не случайность и не результат особого выбора, что именно церкви мы сделали лейтмотивом наших исследований. Фактически, национальная культура армян, насколько она сохранилась в виде памятников изобразительных искусств, имела сперва определенно религиозный характер с народным оттенком, а затем сделалась церковной. Конечно, имелся и дохристианский период (здесь исследователь на каждом шагу наталкивается на его остатки с клинообразными надписями), когда для тогдашней Армении были характерны мощные замки и оттуда, возможно, многое перешло в крепостную архитектуру, которая уже при христианстве, наряду с церковной архитектурой, также сыграла определенную роль в строительстве. Однако, в конечном итоге, именно церковная архитектура оказалась решающей в процессе эволюции.

В последующем, наряду с церквями, монастырями и гробницами, мы все же будем рассматривать, по крайней мере, на нескольких примерах, замки и дворцы, затем важнейшие города и, прежде всего, армянскую Помпею – город Багратидов Ани, чтобы при возникновении вопросов о происхождении построек христианского культа можно было опереться на более древние источники. Однако, что касается сравнительного материала для церковного строительства, то приходится ограничиваться лишь намеками. Так как следы самого раннего христианского периода в Армении, т. е. с IV по VI века, весьма скудны, то приходится расширять рамки исследования за пределы церковного строительства и с самого начала охватывать взглядом все в целостности. При этом оказывается, что пока мы имеем образцы только из круга церковного (или культового) строительства, время происхождения которых точно установлено. Уже этот факт оправдывает ограничение, которого мы придерживаемся в этой книге. В нижеследующем разделе мне придется иногда переходить предусмотренные хронологические пределы.

1. Церкви

Н а з н а ч е н и е. Назначение церквей указывается уже в их названии. У историков V века Агатангелоса, Фавстоса Бузанда и Лазаря Парпеци – это “Дом Господа” или “Дом молитв”, и в зависимости от того, в чью честь они строились, им давали названия: иногда “Маргареаран матур” (Дом пророка), иногда “Аракеларан” (Дом апостола) или “Вкаяран” (Дом Мучеников)[1]. Порой упоминаются названия *матур* (часовня), *экклесия* (помещение для собраний), *ораторий* (место для молитвы). В древнейшем лекционарии (по Гатрджяну, см. ниже) “люди собираются в матуре, затем служится обедня в Святом матуре перед Святым крестом”. Впоследствии глав-

[1] Например, церковь Св. Саргиса (Св. Феклы по Фавстосу Бузанду – История Армении: IV, стр. 10; ***Émine Jean-Baptiste***, Faustus de Byzance, Bibliothèque historique en quatre livres – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l’Arménie, T. I, Paris, 1867, стр. 245) в Текоре.

ную церковь назвали “Катогике”, что соответствует нашему “Кафедральному собору”.

В общем армянская церковь является одновременно Божьим домом, помещением для собраний, молитвенным домом и мартирионом. Возникает вопрос, как, исходя из этих назначений, пришли к купольным постройкам приведенных выше видов. Являлся ли армянский дом или помещение для собраний в период возникновения христианской церкви купольной постройкой, было ли то, что называется мартирионом, помещением с куполом, или эта архитектурная форма была заимствована извне вместе с христианством? Так как эта форма была мало известна в церковном строительстве Средиземноморья, то спрашивается, откуда она могла появиться? На вопросы, поставленные здесь, мы ответим в следующих разделах.

З а к а з ч и к (основатель). В надписях указываются также заказчики: в Багаране (624) – блаженный Тер Бут Аравегян, как основатель, и его жена Анна, как завершительница стройки. В Аламане – Григор Иллюстр и его жена Мариам. В Мастаре упоминается имя недостойного Григораса. В Аруче (668) – князь Григор Мамиконян и его жена Елена. Его преемник, патриций Ашот, именитый человек, исполненный страха Божьего и известный как покровитель наук, построил церковь в Даруйнке (***Степанос Таронеци Асохик***, Всеобщая история: II, 4)[1]. Самая древняя надпись 486 года в Текоре, к сожалению, сохранившаяся только в виде искаженной копии, указывает на князя Саака Камсаракана, как на строителя (основателя). В надписи малой церкви в Талине, построенной в VII веке, упоминается правитель страны Нерсес Апоюпат Патрик как строитель (680–690)[2]. Что касается церкви в Мрене, то Левон Лисицян предполагает, что расходы по постройке несли княжеская семья, община в Мрене и вся страна.

Причины, вызывавшие постройку церквей, примерно всегда одни и те же. В Багаране причина не указана, и церковь называется лишь “Святой”, в Аламане Григор и Анна[3] строят “святую церковь ради спасения своих душ”. В Мрене святая церковь строилась “ради заступничества за Камсараканов, за Мрен и за всю страну”. В Мастаре возобновленные надписи, приблизительно X века, говорят, что “божественный дом был построен, чтобы спасти недостойного Григораса”. В надписях появляются характерные, возвышенные и образные обороты речи: “Собор является невестой с крестом вместо короны. Ее жених – Христос, друзья – апостолы, пророки и мученики. Она пронесет нас сквозь века и спасет Григораса”. К периоду основания собора (около 640 г.), по всей вероятности, можно отнести только конец фразы, т. к. подобная экзальтированность вообще не была свойственна эпохе возникновения собора, подтверждением чему является, например, простая надпись в Аруче (668 г.): “Святой собор посторен ради заступничества за его строителей”. С той же целью

[1] См. ***Gelzer Heinrich*** *und* ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр. 89).

[2] Это, вероятно, тот Нерсес, по адресу которого в приписке к переводу “Церковной истории” Сократа Схоластика были сказаны следующие слова: “О ты, господин Нерсес Камсаракан, Апоюпат Патрикиос, ты, строитель церквей” (см. Սոկրատայ Սքոլաստիկոսի Եկեղեցական պատմութիւն (յառաջաբան՝ Մեսրոպ Տէր Մովսէսեանի), Վաղարշապատ, 1897 – “Церковная история” Сократа Схоластика (введение – Месропа Тер-Мовсесяна), Вагаршапат, 1897, стр. 89). Его и католикоса Нерсеса III Шинога (Строителя) следует особо выделить как основателей.

[3] Прим. ред.: не Анна, а Мариам.

был построен мартирион Св. Саргиса в Текоре (после 486 г.) одним из князей династии Камсараканов – “ради себя и всего народа, супруги, детей (сыновей) и любимых…”. Похожий текст посвящения встречается и в документе о постройке малой церкви Св. Богородицы в Талине: “Во имя Святой Богородицы, ради заступничества за меня, за Шушан, мою супругу, и за Граата, нашего сына”.

Церкви, следовательно, являлись приношениями, которые подносились Богу ради спасения души. Барельефов и таких подношений, или, как мы их называем, портретов основателей сохранилось больше, чем “сценок”, о которых речь пойдет дальше в разделе “Образ”. Обычно основатель церкви изображается верхом на лошади или же с моделью церкви в руках. Лишь Мрен является исключением. Но и здесь два рельефа призваны выразить основную идею подношения: Христос и апостолы с двумя ангелами над основателем как бы составляют форум, к которому направлена просьба. Являлись ли основатели нахарарами (дворянами), католикосом, царем или какими-либо другими лицами, приходится в отдельных случаях, когда нет надписи, устанавливать посредством сравнительной истории костюмов. В более поздних церковных постройках изображения основателей встречаются чаще, как, например, снаружи над главной апсидой монастырской церкви Арича, в Ахтамаре – на западной стороне церкви Святого Креста (о чем речь пойдет ниже), далее в Грузии: в Вардзии (Григорий III), в Гелати (Давид), в Атени (Баграт III) и т. д., а также в других церквях.

В своем труде “Опыт систематичного описания древнегрузинских церковных построек”[1] Теодор Клуге различает постройки общего назначения, часовни, посвященные чему-либо, и кладбищенские часовни. Будучи заложены аристократическими родами, последние служили одновременно усыпальницами и в качестве монастырских и церковных построек. При этом они зависели исключительно от богатого сословия, содержащего их за свой счет. Кто имел достаточно денег, тот строил собственную церковь, как предмет роскоши, и держал при ней, по возможности, своего собственного священника. Этим объясняется их быстрый упадок. Вымирание рода, социальные сдвиги и, в особенности, смена религий делали свое дело. Постройки, таким образом, нередко превращались в каменоломни для нужд смешавшихся с местными жителями турок и татар.

А теперь перейдем к рассмотрению отдельных частей церкви.

Внутренние части церкви (литургические требования)

А. Восточная часть

Армянская литургия (патараг) древнейшего периода рассмотрена Овсепом Гатрджяном в приложении к описанию виде́ния Св. Саака и на основании результатов обследования Текора[2]. Этого, конечно, мало. Но после Гатрджяна ничего значи-

[1] См. ***Kluge Theodor***, Versuch einer systematischen Darstellung der altgeorgischen Kirchenbauten, Braunschweig, 1918 (стр. 7).

[2] См. ***Գաթրճեան Յովսէփ***, Սրբազան պատարագամատոյցք հայոց, Վիեննա, 1897 (***Гатрджян Овсеп***, Священные литургии армян, Вена, 1897), издано отцом Акобосом Ташяном. Свой труд Гатрджян писал в 1870-х годах, следовательно, кое-что в его работе устарело. О церквях Армении V и VI веков

тельного не добавлено. Может быть, данный труд о древнейших церковных постройках создаст и в этом направлении более твердую основу. Во всяком случае, важнейшие данные были получены благодаря раскопкам Звартноца. Я рассмотрю отдельные литургические требования, поскольку они имели значение для церковного строительства.

В о с т о ч н о е н а п р а в л е н и е. Церкви располагались к востоку, поэтому их иногда называли “домами, смотрящими на восток” (***Степанос Таронеци Асохик***, Всеобщая история: III, 3)[1]. Исключения встречаются редко[2]. Первое правило апостольского канона в сборнике, составленном Иоанном Философом в VIII веке, предписывает: “Приступая к молитве и молясь Богу, следует повернуться к востоку”[3]. Девятый канон Тадеоса, который был неизвестен Иоанну Философу, поскольку был более нового происхождения, предписывает: “Когда верующие собираются в Доме господнем для молитвы…, они должны обернуться на восток и стоять с распростертыми руками”[4]. Армянские церкви состоят из трех частей, расположенных с востока на запад: восточная часть, в которой на амвоне стоял алтарь, затем – главное помещение в середине под куполом, в котором собирались верующие, и, наконец, третье помещение на западе (как исповедальня) для согрешивших. В этой же последовательности я буду рассматривать эти три части армянской церкви с их боковыми помещениями. По Гатрджяну, восточная часть и часть с хорами называлась “дас”, т. е. чин, или “бем”, т. е. сцена. Мы видим эту часть во многих примерах архитектурных сооружений в виде четырехугольной сцены, выступающей вовнутрь церкви и замкнутой сзади полукруглой апсидой. В дальнейшем я не буду обращаться к этим вопросам, поэтому я сделаю здесь несколько подробных замечаний, касающихся обустройства церкви. О том, каким впечатляющим и значимым было оформление “бема”, говорит тот факт, что Клуге в своем систематическом анализе древнегрузинских церковных построек классифицирует эти церкви прежде всего по форме “бема”, то есть по тому, имеют ли апсиды четырехугольную или круглую форму, выступают ли они вперед или отступает назад, или по тому, сколько их – две, три или больше. Лишь после этого он рассматривает сами архитектурные формы. Я считаю такой метод подхода к церквям, как к произведениям искусства, неправильным. Я рассматриваю части постройки отдельно от всей постройки в целом. То, что “бем”, как место богослужения, заслуживает особого внимания при изучении восточных церквей, видно при сравнении их с известной сирийской формой и из той борьбы, которая велась в этом направлении в промежуточной области между Сирией

см. в приложении (стр. 724 и далее). Приношу благодарность отцу Месропу Хапозяну за перевод этой части издания.

[1] См. ***Gelzer Heinrich*** *und* ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр. 203).

[2] В своей работе “Опыт систематичного описания древнегрузинских церковных построек” Теодор Клуге говорит, что алтарные ниши в Грузии направлены либо в сторону Иерусалима, либо на восток (см. ***Kluge Theodor***, Versuch einer systematischen Darstellung der altgeorgischen Kirchenbauten, Braunschweig, 1918, стр. 7). Мне неизвестно, имеются ли в Армении примеры церквей, направленных в сторону Иерусалима.

[3] См. ***Գաթրճեան Յովսէփ***, Սրբազան պատարագամատոյցք հայոց, Վիեննա, 1897 (***Гатрджян Овсеп***, Священные литургии армян, Вена, 1897, стр. 299).

[4] Там же, стр. 406.

и Арменией – в Северной Месопотамии. Но сперва ближе познакомимся с армянским типом.

Прежде всего приведем цитату из Григора Татеваци (умер в 1410 году), который предъявляет следующие требования к обустройству церкви: “Церковь строится из камня и различных материалов. Она делится на три части: алтарь (хоран или бем)[1], наружное помещение (гавит) и внутреннее помещение. Форма – крестообразная. В восточной части имеется купол. В церкви 12 камней в фундаменте и 12 окон в память о двенадцати пророках и апостолах, которые являются “световыми лучами” церкви. В церкви два входа – на южной и западной сторонах”[2]. Григор Татеваци упоминает еще о трех чинах священнослужителей: о епископе, священниках и дьяконах.

а) А м в о н в соборе Звартноца, который был построен в 650 г. и разрушен до 1000 года, хорошо сохранился (II, рис. 267). На плане (I, рис. 112) видно, что амвон выступает перед круглой апсидой. Рис. 261 (II) дает соответствующее изображение[3]. Сравним внутренний вид и план Аруча (I, рис. 14 и 228), где апсида с амвоном имеет глубину 8,79 м (в Звартноце – 10,50 м). Ширина выступающего перед апсидой амвона соответствует крайним точкам углов апсиды и составляет в Звартноце 12,95 м, а в Аруче – 11,35 м. Высота амвона доходит до 1 м. Перед амвоном имеется охватывающая ступень шириной приблизительно в 0,40 м. В Звартноце ступени ведут к амвону не только на узких сторонах, как в Аруче, но и спереди, в середине. Ступени хорошо видны на рис. 267 (II). Справа, у юго-западного угла амвона, в настоящее время стоит плита с солнечными часами (I, рис. 31). Об этом скажем позже. Амвон раскопан ниже пола остальной части церкви. Я не проводил исследования по вопросу о времени сооружения амвона и ссылаюсь на мнение Тораманяна, высказанное им в отношении различных изменений в строении хоранов в его книге о Текоре, т. к. мнения по этому вопросу еще не выяснены. Я, не будучи специалистом, считаю себя в этом вопросе некомпетентным. Следует сравнить план Текора (II, рис. 387) с рис. 262 (II), изображающим апсиду с амвоном в том состоянии, как мы ее нашли в 1913 году. Амвон очень мало выступает, и странно, что он не имеет ступеней. Я не думаю, что он очень древний. Хоры в Текоре, как будет показано ниже, подвергались таким разнообразным изменениям, что, по-видимому, приходилось постоянно менять и амвон. Даже алтарь больше не существует, и сейчас на его месте стоит простой стол. На рис. 389 (II) видно, что между амвоном и средним куполом имеется покрытое сводом помещение длиной 3,60 м, которое могло бы дать достаточно места для обычно выступающей части амвона. Жалкий вид “бема” наводит на мысль, что вряд ли перед нами образец древних времен. Я хочу уже здесь обратить на это внимание, т. к. Текор, наряду с Эчмиадзином, является наиболее важной постройкой с

[1] Йозеф Браун, которому я отправил корректуру гранок для его обширного труда об алтарях, полагает, что тут под “хораном” надо понимать не собственно алтарь, а только помещение, предназначенное для него, как это и следует из сообщения Фредерика Конибера о порядке освящения церкви (см. ***Conybeare Frederick***, Rituale Armenorium, Oxford, 1905). Прим. ред.: речь идет о книге немецкого иезуитского теолога и историка искусства Йозефа Брауна (1857–1947) “Христианский алтарь и его историческое развитие” (см. ***Braun Joseph***, Der christliche Altar in seiner geschichtlichen Entwicklung, 2 Bände, München, 1924).

[2] ***Գրիգոր Տաթևացի***, Գիրք հարցմանց, Կ. Պոլիս, 1729 (***Григор Татеваци***, Книга вопрошений, Константинополь, 1729, стр. 613–614).

[3] Ср. ***Strzygowski Josef***, Der Dom zu Aachen und seine Entstellung, Leipzig, 1904 (стр. 35).

точки зрения истории развития архитектуры. В ряду видов и форм он был пропущен, так как он, как и его амвон, во всех отношениях показывает смешанные формы. Только Звартноц может восстановить то, что в Эчмиадзине и Текоре исчезло в течение столетий. Однако и там сохранилось не более, чем общее расположение.

Важно, что в типе Звартноца, в противоположность Текору и Аручу, восточная часть не отделена от купола. Амвон выступает почти до середины, что в других церквях случается редко, так как в пространство между куполом и апсидой обычно включается особая поперечная часть, которая особенно ясно видна в Талине (I, рис. 197). Как бы то ни было, в Армении уже в очень ранний период наблюдается весьма своеобразное развитие восточной части. Поэтому нас не удивит, если окажется, что Армения на раннем этапе оказывала влияние на развитие "бема", т. е. помещения для алтаря, в Месопотамии. Мы благодарны Баумштарку за то, что он связал литературу об истории литургии с теми фактами, которые наблюдались в северомесопатамских церквях, и что в настоящее время история искусств может выразить свое мнение по этому поводу[1]. Различают три вида строения алтарного помещения: первый – открытая апсида, второй – апсида, прикрываемая посредством колонн и занавеса, и третий – апсида, преобразованная в отдельное помещение со стенами и выходом через дверь. Баумштарк считает, что эти три вида хронологически следовали друг за другом: сперва имелась открытая апсида, затем был введен занавес и, наконец, появилась замыкающая стена. Против этого предположения были высказаны сомнения со стороны специалистов по изобразительному искусству, считающих, что формы апсид могли создаваться под влиянием соседних стран, отчего граничащая с Арменией Северная Месопотамия склоняется к открытой апсиде, которая до настоящего времени господствует по ту сторону Тавра, в то время как для Южной Месопотамии, по-видимому, изначально были характерны апсиды, замкнутые стенами, ну а занавесы и поддерживающие их колонны или темплоны могли проникнуть с Запада, возможно, из Византии. Для подтверждения этой точки зрения здесь будут приведены некоторые обоснования.

В древнеармянской церкви отсутствует какое-либо ограждение апсиды. Она открыта в сторону главного помещения церкви[2]. В этом, может быть, и состоит ее главное отличие от прочих восточных церквей – как греческой, так и зависимой от нее грузинской[3]. В отказе от ограждения занавесом или иконостасом армянская церковь заметно приближается к западным образцам, но все же с некоторыми отклонениями.

Устройство амвона с открытой апсидой мы встречаем, по крайней мере, в одной северомесопотамской церкви в монастыре Дер эз-Зафаран (Дайр-Джеферан)

---

[1] См. ***Baumstark Anton***, Ein Alterskriterium der nordmesopotamischen Kirchenbauten – Oriens Christianus, Ser. NS, Leipzig, Band 5, 1915 (стр. 111–131).

[2] Только так можно понять у Фавстоса Бузанда то место, где речь идет о неверующем монахе, который мог издали наблюдать за всеми действиями служащего обедню священника в мартирионе монастыря Мамбре.

[3] См. ***Кондаков Н.П.***, Древняя архитектура Грузии, Москва, 1876, стр. 36 и далее; ***Уварова П.С.***, Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического общества, снаряженными на Высочайше дарованные средства, Москва (выпуски разных лет).

близ Мардина[1] – той самой церкви, которая уже потому, что имеет конхи, относится к ряду армянских церквей. В настоящее время она является резиденцией якобитского патриарха. В апсиде, имеющей ширину 4 м, устроен амвон, на котором стоит алтарь. По мнению Конрада Пройсера, этот амвон мог бы быть древним. Однако приведенный им снимок (таблица LXIII) вызывает сомнения. Ступени устроены спереди, а не с боков, как принято в Армении. Правда, в этом отношении Звартноц, как исключение, может служить параллелью. Апсида второй церкви, а именно – церкви Девы Марии в Хахе[2], была вначале открытой и показывает тот же ряд ниш, как позднее – соборы в Ани (I, рис. 222) и Мармашене (I, рис. 241). Не исключено, что и амвон в этой церкви вначале был подобен армянскому типу. В обеих церквях в Майафаркине (Тигранакерт ?) – как в базилике (возможно, это была церковь, построенная епископом Маруфа (Марута) в память о персидских мучениках), так и в церкви Марии – перед апсидой имеется помещение[3]. Таким образом, не исключено, что прилегающие к Армении города у берегов Тигра в Северной Месопотамии вполне могли испытать воздействие армянской архитектуры.

Передняя сторона амвона высотой до 1 м украшалась иногда декоративными плитами. Иначе нельзя объяснить большое количество декоративных плит или их обломков, найденных в Мармашене именно в этом месте. Сохранившийся в церкви Гагика в Ани амвон (II, рис. 263) может служить древним образцом подобного типа[4]. С краю, рядом со ступенями, имеется ниша с двойными полуколоннами, далее – валик над плитами, а над ним – двухполосная плетеная лента. Передняя стенка амвона церкви Григора монастыря Кечарис украшена рядом декоративных арок (II, рис. 347). В церкви Григора монастыря Амагу (II, рис. 264) хорошо сохранилось оформление алтаря. Переднюю сторону амвона украшает непрерывный рисунок четырехлистных розеток в виде барельефов с профилированным обрамлением. С обеих сторон к алтарю ведут по 4 ступени. Алтарь представляет собой плиту на восьмигранной опоре. Над ним имеется апсида с возвыщающимся непосредственно перед ней куполом, опирающимся на несущие арки с полуколоннами. Постройка относится приблизительно к XIII веку. Достойно внимания то, что в Северной Месопотамии можно наблюдать постепенное введение заграждения в виде колонн с занавесом, как бы подготавливая переход к иконостасу[5].

б) А п си д а. Полагают, что круглая апсида, как мы ее видим в Текоре, Звартноце, Аруче и в других древних церквях, не является изначальной формой. Лазарь

---

[1] См. ***Preusser Conrad,*** Nordmesopotamische Baudenkmäler altchristlicher und islamischer Zeit, Leipzig, 1911 (стр. 49 и далее, таблица LXII–LXIII).

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 258) и ***Bell Gertrude***, Churches and monasteries of the Tûr'Abdin and neighbouring districts – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, IX, Heidelberg, 1913 (стр. 81).

[3] Там же, стр. 86; ср. с моей статьей в "Справочнике по искусствознанию" (Repertorium für Kunstwissenschaft, Berlin, 1918).

[4] Ср. ***Марр Н.Я.***, О раскопках и работах в Ани летом 1906 года (Предварительный отчет) – Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, том X, С.-Петербург, 1907, стр. 14.

[5] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 260) и ***Bell Gertrude***, Churches and monasteries of the Tûr'Abdin and neighbouring districts – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, IX, Heidelberg, 1913 (стр. 81). Ср. ***Holl Karl***, Die Entstehung der Bilderwand in der Griechischen Kirche – Archiv für Religionswissenschaft, Leipzig, Band IX, 1906 (стр. 365 и далее).

Парпеци сообщает о виде́нии католикоса Саака Партева (403–438), которое представилось ему, когда он сидел в Эчмиадзине на амвоне у алтаря Господня[1]. Лазарь писал около 500 года, а виде́ние, согласно Ланглуа, было описано около 460 года. В немецком переводе (за который приношу благодарность отцу Месропу Хапозяну), по сравнению с переводом Ланглуа, помещено только то, что может служить указанием по интересующим нас вопросам: “Я увидел на земле четырехугольный бем из облаков… На беме – киворий из чистого золота в форме куба…, покрытый тончайшей вуалью ослепительно белого цвета. На сводчатом потолке (хоранадзев цацкутюн) отчетливо появился знак креста… И тут внезапно подул легкий ветер и приподнял часть вуали. Я посмотрел и увидел на беме четырехугольный стол, украшенный разноцветными дорогими камнями. На столе лежали святой хлеб и кисть винограда… (следует описание масличного дерева). На левой стороне бема я увидел высокий, четырехугольный трон, подобный кристаллу цвета морской воды, покрытый темным полотном. Полотно было сдуто благоухающим ветерком, и я увидел на троне большую серебряную плиту, а на ней – пурпурное одеяние, и рядом лежал шар, весь золотой, и пергамент в виде четырехугольных листов, первые строки которых были очень искусно написаны золотом, и, видимо, выполнены весьма искусной рукой…”.

На основании этого виде́ния Св. Саака предполагается, что бем первоначально имел четырехугольную форму. Это неудивительно. В моем труде “Амида…” я несколько раз описывал северомесопотамские церкви с такого рода хорами[2]. Может быть, эта форма и там была первоначальной и лишь позже была вытеснена круглой формой. Торос Тораманян считает такую эволюцию для Армении вероятной. Левон Лисицян, в свою очередь, из разных трудов Тораманяна собрал соответствующие высказывания по этому поводу.

По мнению Тораманяна, до конца V века в Армении полукруглая апсида была неизвестна. Он считает, что в дохристианскую эпоху в Армении не было базилик с апсидами. Построенный в конце V века Ваганом Мамиконяном собор в Эчмиадзине уже имел в четырех крыльях креста полукруглые апсиды (об этом поговорим ниже). В конце V века полукруглая апсида, вместо принятого прямоугольного углубления, была пристроена в церкви в Текоре[3]. Тогда же, а может быть и несколько позже, была добавлена апсида в церкви в Ереруке (I, рис. 177)[4]. Апсида в Касахе (I, рис. 172), по мнению Тораманяна, также относится к V веку[5]. Однако церковь в

---

[1] См. ***Ghésarian Samuël***, Lazare de Pharbe, Histoire d’Arménie – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l’Arménie, T. II, Paris, 1869 (стр. 274). Я здесь оставляю в стороне вопрос о том, существовал ли уже тогда такой собор. См. такие изображения виде́ний на византийских миниатюрах – например, в рукописях Иакова Монаха (*прим. ред.: должно быть Джакомо Монаха*): см. ***Stornajolo Cosimo***, Miniature delle omilie di Giacomo Monaco (cod. Vatic. gr. 1162) e dell’evangeliario greco Urbinate (cod. Vatic. urbin. gr. 2), Rome, 1910 (таблица XXXI и далее).

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 186, 275). В украинских и скандинавских деревянных церквях бем большей частью четырехугольный.

[3] См. ***Թորամանեան Թորոս***, Պատմական հայ ճարտարապետութիւն։ Ուսումնասիրութիւն։ Ա. Տեկորի տաճարը, Թիֆլիս, 1911 (***Тораманян Торос***, Армянская историческая архитектура. Исследование. А. Собор в Текоре, Тифлис, 1911, стр. 36, рис. 4).

[4] Там же стр. 79, рис. 18.

[5] Там же, стр. 78 и далее.

Дирakларе (Карнут) до настоящего времени не имеет полукруглой апсиды, но на восточной стороне (I, рис. 152) есть четырехугольное углубление. Мы нашли там установленную внутри в 1864 году круглую апсиду. Не следует забывать, что крепление нишами могло служить таким же стимулом для перехода к полукруглым апсидам, как и греческое влияние. Этим можно объяснить, почему первоначальная форма с углами впоследствии почти совершенно исчезла[1]. О наружной форме апсид, круглой или многоугольной, я буду говорить ниже. В качестве примера современного устройства я привожу на рис. 265 (II) внутренний вид Рипсиме: решение, где ясно видны как алтарное возвышение, так и амвон. Сюда относится и занавес, при помощи которого можно загораживать помещение алтаря.

в) К и в о р и й и л и д е р е в я н н а я с т е н к а п е р е д а л т а р е м. Изображение алтаря, напоминающее виде́ние Св. Саака, можно найти в начальных миниатюрах того Евангелия, которое было опубликовано мною как “Эчмиадзинское Евангелие”[2] и в книге “Յուշարձան” (“Памятник”, таблица II)[3]. Оно же послужило поводом для изучения каролингско-оттоновских рукописей[4]. Сводчатый купол со знаком креста, который видел Св. Саак, побудил художника к своеобразному изображению четырех колонн, которые в Иерусалимской редакции были удвоены. Насколько мне известно, старых киворий не сохранилось. Новые находятся в Эчмиадзинском соборе и в церкви Рипсиме (II, рис. 265). В последнее время в Армении как будто стали объединять киворий с иконостасом (правда, пока без икон)[5]. Если перелистать каталог типов, то уже Аграк не оставляет в этом вопросе никаких сомнений (I, рис. 93). Церковь в Мастаре также располагает подобной деревянной дверью (I, рис. 60). В качестве примера я привожу “держатель креста (хачкал)” (II, рис. 266) из церкви 1756 года в Ахтамаре[6]. Своей высокой стрельчатой аркой в середине сельд-

---

[1] Исключением могла бы быть своеобразная постройка в Маджитлу, о которой я упоминал в первой книге (*прим. ред.: см.* ***Стржиговский Йозеф****, Архитектура армян и Европа, Том I, книга первая, Ереван, Издательство “Гитутюн” НАН РА, 2011, стр. 122*). Ср. также ***Millet Gabriel***, L’école grecque dans l’architecture byzantine, Paris, 1916 (стр. 180 и далее).

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Das Edschmiadsin-Evangeliar, Wien, 1891 (таблица II, 1).

[3] См. ***Strzygowski Josef***, Ein zweites Etschmiadsin Evangeliar – Յուշարձան: Գրական ժողովածու, Վիեննա, 1911, Ն. Ակինեանի առաջաբանով (Памятник. Литературный сборник, Вена, 1911, с предисловием Н. Акиняна, стр. 345–352).

[4] Там же (стр. 345–352), а также ***Strzygowski Josef***, Der Dom zu Aachen und seine Entstellung, Leipzig, 1904 (стр. 20).

[5] Отец Йозеф Браун пишет мне по этому поводу: “Я сомневаюсь в том, что эта деревянная перегородка имеет связь с греческим иконостасом… не только потому, что на ней нет икон, которые необходимы на иконостасе для литургии, но и потому, что иконостас, по существу, является как бы заграждением алтаря и всего алтарного помещения. Я склонен приписать введение стенки скорее какой-либо практической цели. В Испании уже в XV веке можно увидеть подобные сооружения для запрестольных украшений (ретабло, ретабль). Алтарь стоит перед ретабло, которое широкой стенкой простирается от одной стены до другой. На ретабло висят картины. Справа и слева от алтаря имеется по дверце, ведущей в помещение за ретабло. В Германии в XVII–XVIII веках также встречаются такие устройства у главного алтаря. Иногда они появляются и в Италии, в монастырских церквях перед входом в хоры”.

[6] См. ***Լալայեան Երուանդ***, Վասպուրականի նշանաւոր վանքեր – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1910, XX գիրք, № 2 (***Лалаян Ерванд***, Знаменитые монастыри Васпуракана – Азгагракан андес, Тифлис, 1910, книга XX, № 2, стр. 209).

жукского фасада и богатой ажурной резьбой по дереву он напоминает мимбар[1] в Большой мечети Кайруана IX века[2]. Интересно, что при том, что по обеим сторонам имеются характерные для иконостаса двери, сам алтарь находится посередине за "хачкалом". Подобным образом надо себе представить обе деревянные перегородки в Аграке и Мастаре. Алтарь, как и в случае виде́ния Св. Саака в V веке, загораживался занавесом, висевшем на кивории. В соответствии с этим "бем" назывался также "отделением с занавесом"[3].

г) А л т а р ь. Согласно виде́нию, алтарь представлял собой четырехугольный стол, украшенный разноцветными драгоценными камнями. Гатрджян полагает, что алтарь был деревянный, и только начиная с VIII века он строился из камня. Иоанн Философ предписывает: "Не подобает строить алтарь, на котором приносится жертва Христу, из дерева, и делать его подвижным. Он должен быть из камня и неподвижен"[4]. В другом месте он говорит о четырех сторонах алтаря. Корюн сообщает, что тело создателя армянского письма Месропа Маштоца было захоронено Ваганом Аматуни в Ошакане. Через три года после смерти Маштоца Вагану Аматуни удалось "построить великолепный алтарь (или хоран) из тёсаных и декоративных камней и устроить внутри алтаря (или хорана) место упокоения святого и (в честь его) преподнести в дар столу (сеган) животворящего тела и крови Христа богатую, многоцветную, ослепительно сверкающую утварь из золота, серебра и драгоценных камней"[5]. В X веке Иоанн Летописец (гл. XXXVI) сообщает, что в церкви, которую построил царь Смбат рядом со своим дворцом в городке Еразгаворс (Ширакаван), в стол Господень был заделан пояс из золота, украшенный драгоценными камнями. Из этого можно заключить, что тогда было принято украшать алтарь золотом или драгоценными камнями независимо от того, был ли он из дерева или камня. Алтарь стоит так, что можно ходить вокруг него и двигаться перед ним, чтобы была возможность закрыть алтарь занавесом. Об этом говорится также в письме Макариоса Иерусалимского (565–572) в ответ на запрос епископа Вртанеса из Сюника (562–580). В письме (в английском переводе Фредерика Конибера), в частности, описывается устройство алтаря в Иерусалиме[6]: "…стол искупления должен стоять за занавесом. Служители церкви должны стоять согласно их чину. Народ должен находиться вне занавеса, а некрещенные – у дверей, чтобы они не смешивались и не нарушали порядок в церкви. Каждый должен занимать свое место" (рукопись, лист

[1] Прим. ред.: мимбар или минбар – кафедра для чтения Корана и проповеди.

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 198 и далее).

[3] Ср. ***Riegl Alois***, Ein orientalischer Teppich vom Jahre 1202 nach Christus und die ältesten orientalischen Teppiche, Berlin, 1895.

[4] См. Յովհաննու Իմաստասիրի Աւձնեցւոյ Մատենագրութիւնք, Վենետիկ, 1833 – Domini Johannis Philosophi Ozniensis Opera per J.B. Aucher lat. reddita, Venetiis, 1833 (Труды Иоанна Философа Ознеци, Венеция, 1833, стр. 63).

[5] Перевод о. Нерсеса Акиняна по подлинному Корюну (см. ***Կորիւն,*** Պատմութիւն վարուց եւ մահուան սրբոյն Մեսրոպայ , Վենետիկ , 1894 – ***Корюн,*** Житие Маштоца, Венеция, 1894, стр. 46).

[6] См. The Key of Truth, a Manual of the Paulician Church of Armenia, The Armenian Text, Edited and Translated with Illustrative Documents and Introduction by Frederick C. Conybeare. Oxford, Clarendon Press, 1898 (стр. 178). Здесь и в других местах письмо приписывается Макариосу эпохи Никейского собора 325 года. Ср. ***Ակինեան Ներսես***, Կիւրիոն կաթողիկոս Վրաց, Վիեննա, 1910 (***Акинян Нерсес***, Кирион, католикос Грузии, Вена, 1910, стр. 98, примечание 2).

56)[1]. Там же, в другом месте (рукопись, лист 116), в 21 каноне, говорится: “Я слышал, что сосуды церкви и даже занавес предоставляют жениху и невесте для брачного помещения, а также кубок – солдатам для питья вина. Такие священники должны быть изгнаны…”[2].

д) Т р о н. Так же, как и алтарь, трон стоит на левой стороне амвона, как это и требовалось согласно виде́нию Св. Саака. Трон по своей отделке напоминает изображение Этимасии (Престола уготованного)[3]. Возможно, он произошел от таких тронов. Гатрджян упоминает некоторые места из Фавстоса Бузанда и Иоанна Философа, где католикос представляется сидящим на беме, вернее, на троне бема.

е) К а ф е д р а. В Звартноце, где разрушена середина и левая сторона бема, на правой стороне имеется круглое возвышение (II, рис. 267), которое можно принять за амвон. Возможность такого объяснения доказывается свидетельствами, говорящими о применении последнего. В предписаниях относительно обедни, правда, написанных позже в Киликии Нерсесом Ламбронаци, говорится, что дьякон берет Евангелие, поднимается на кафедру (амвон) или на балкон младшего дьякона и начинает оттуда читать вслух. Если церковь была осквернена, то накануне рисуют кресты на столе…, как и в купели и на амвоне. У Лазаря Парпеци упоминается эпизод о том, как однажды в церкви при большом скоплении народа патриарх велел петь псалмы, а затем, благославляя, взошел на “место слушания”, чтобы обратиться с речью[4].

Сооружение на беме в Звартноце поднимается в виде 3/4 круга с внешним диаметром в 2 м и внутренним – в 1,20 м, следовательно – с толщиной стенки в 25 см. Кроме того, имелось 12 полуколонн, поставленных на расстоянии 24 см и соединенных между собой арками. Они образовывали одиннадцать ниш высотой 80 см и стояли на цоколе высотой 57 см, с профилированным поясом высотой 26 см. В целом высота кафедры составляла 1,80 м, подход к ней осуществлялся с восточной стороны посредством трех ступеней между ее боковыми стенами. Обычно считается, что эта надстройка имеет совсем другое назначение, а именно – шкафа для хранения реликвий[5]. В действительности, насколько мне известно, в древнеармянских церквях не обнаружено никаких следов кафедры.

ё) С о л н е ч н ы е ч а с ы. Собственно, они должны относиться не к интерьеру, а к фасаду церкви. Однако на узкой южной стене амвона в Звартноце, рядом со ступенями, стоят солнечные часы (I, рис. 31). На квадратную плиту с длиной сторон 1,30 м нанесен круг с широкой профилированной выкружкой, разделенный линией на две части. На одной половине имеется надпись: “Поэтому будет молиться Тебе всякий, кто Тебе предан, пока есть время найти Тебя” (Псалом 32:6)[6]. Другая поло-

---

[1] Здесь и далее я цитирую рукопись канонов Венской библиотеки мхитаристов.

[2] Этот канон относится к V веку. Неправильно приписаны Св. Сааку каноны на стр. 100–115. Ср. Uոփերք հայկականք, հատոր Բ, Վենետիկ, 1853 (Армянская библиотека, Том II, Венеция, 1853, стр. 93), а также ***Mai Angelo***, Scriptorum veterum nova collectio, Rome, 1825–1838, X, II (стр. 26).

[3] Об этом см. мою статью в книге Франца Дёльгера “Константин Великий и его время”(см. ***Dölger Franz Joseph***, Konstantin der Große und seine Zeit, Freiburg im Breisgau, 1913, стр. 373 и далее).

[4] См. ***Ghésarian Samuël***, Lazare de Pharbe, Histoire d’Arménie – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l’Arménie, T. II, Paris, 1869 (стр. 365).

[5] См. ***Марр Н.Я.***, О раскопках и работах в Ани летом 1906 года (Предварительный отчет) – Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, том X, С.-Петербург, 1907, стр. 14.

[6] Прим. ред.: у Стржиговского ошибочно указан Псалом 31:16.

вина представляет собой часы с круглыми точками в конце двенадцати радиусов и с цифрами над ними. Непонятно назначение часов внутри церкви. В отношении установки часов снаружи см. Талин (I, рис. 202) и прочие соответствующие примеры, показанные нами в рисунках. Все же возможно, что тут имеется некая связь с ритуалом богослужения и с восточной частью церкви. О применении солнечных часов в церквях я писал в "Византийский журнале"[1], обращаясь к церкви в Скрипу, построенной в 873–874 гг. Что касается применения таких часов в исламских мечетях, то мы отсылаем к исследованию Эйльхарда Видемана и Фрица Хаузера "О пользовании часами в исламской культуре"[2].

Приделы

Согласно Овсепу Гатрджяну, приделы главной апсиды назывались в V веке "диаконикона", а в VIII веке – "сакраментариями". Он считает, что одно из этих помещений было предназначено для хранения церковной утвари, для облачения и приготовлений к причастию. Во втором приделе хранились дары и подаяния народа, пожертвования для нужд церкви и священников. Тораманян подробно исследовал этот вопрос. Из его трудов Лисицян сделал следующие выводы: "Можно различить три вида приделов: во-первых, простирающиеся с севера на юг в виде выступающих поперечных нефов. Такого рода приделы встречаются только в V и VI веках в церквях типа Текора (II, рис. 387), Ерерука (I, рис.177) и в соборе Эчмиадзина (II, рис. 268)[3]; во-вторых, квадратные приделы VII века, которые мы видим, например, в церкви Св. Гаяне (I, рис. 213), в соборе Мрена (I, рис. 221, придел пристроен в VII веке) и др.[4] В-третьих, продолговатые, расположенные с запада на восток помещения X, XI и следующих веков. Сюда относятся церкви в Ширакаване (I, рис. 232, начало X века), собор в Ани (I, рис. 222, 1001 г.) и др. Кроме того, многие армянские церкви имеют приделы и на западной стороне, например – Ерерук, Рипсиме и собор в Эчмиадзине (в его первоначальном виде), Аван, Апостольская церковь в Ани и др. Эти приделы иногда двухэтажные"[5].

В областях, прилегающих к Средиземному морю, приделы главной апсиды часто называются προθεσις (протесис или креденца)[6] и διακονικόν (диаконикон или

---

[1] *См.* ***Strzygowski Jozef,*** Inedita der Architektur und Plastik aus der Zeit Basilios I – Byzantinische Zeitschrift, Band III, Leipzig, 1894 (стр. 1–16).

[2] См. ***Wiedemann Eilhard*** *und* ***Hauser Fritz,*** Über die Uhren im Bereich der islamischen Kultur – Nova Acta. Abhandlungen der kaiserlich Leopoldinisch-Carolinischen Deutschen Akademie der Naturforscher. Band C, Nr. 5, Halle / Leipzig 1915.

[3] См. ***Թորամանեան Թորոս***, Պատմական հայ ճարտարապետութիւն: Ուսումնասիրութիւն: Ա. Տեկորի տաճարը, Թիֆլիս, 1911 (***Тораманян Торос***, Армянская историческая архитектура. Исследование. А. Собор в Текоре, Тифлис, 1911, стр. 10 и далее).

[4] Там же, стр. 8, рис. 16 и 17. О перестройке Мрена поговорим ниже.

[5] Ср.: ***Millet Gabriel***, L'école grecque dans l'architecture byzantine (Paris, 1916), а также церкви в Резафе (см. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910, стр. 221 и далее).

[6] Прим. ред.: отдельное помещение или столик возле алтаря в храме для приготовления и хранения святых даров: хлеба и вина.

диаконник)[1]. Спрашивается: какое назначение имеют эти помещения в Армении? Из труда Нерсеса Ламбронаци мы видим, что их назначение в XI и XII веках в Киликии было такое же, как и на Западе. “Священник должен перед обедней облачаться согласно ритуалу. Он входит вместе с диаконом в авандатун (сакристия, ризница), где хранится облачение”[2]. Другой придел служил для хранения церковной утвари, облачения, даров и прочего и назывался просто комнатой (сеняк)[3]. В другом месте Нерсес Ламбронаци называет это помещение иначе: “Диаконы должны идти в “саркавагатун” (диаконикон, диаконник) и принести священные дары со свечами и ладаном”[4].

Из канона второго собора в Двине (555 г.) видно, что в это время священная утварь хранилась в доме главного священника и доставлялась в церковь только для богослужения. Канон 14 гласит: “Принадлежности для обедни, пожертвования и церковная утварь должны храниться в доме главного священника, как это было установлено ранее”[5]. Из этого следует, что приделы имели другое назначение.

Дальше в том же 14 каноне говорится: “И главный священник не должен уходить из церкви и заниматься домашними делами…, чтобы не пренебрегать своей службой, дневной и ночной молитвой, и иметь надзор за народом. Другие священники должны летом по очереди быть при нем”. О том же гласит и 15 канон Св. Саака (начало V века): “Летом главный священник должен оставаться в церкви, причем остальные священники должны по очереди, по неделям состоять при нем”[6].

По мнению Нерсеса Мелик-Тангяна, летние покои главного священника находились во дворе церкви[7]. Тораманян, однако, считает, что, по крайней мере, до VII века это невозможно. Эти летние покои находились, скорее всего, в приделах (или в одном из приделов). То обстоятельство, что эти покои предназначались только на лето, объясняется тем, что зимой пришлось бы разводить огонь для топки. Но зажигание огня в церкви было запрещено на ранних этапах религиозного рвения, когда стремились искоренить все дохристианские языческие обряды. Во время религиозной борьбы и преследования огнепоклонников разведение огня в церкви счи-

---

[1] Прим. ред.: помещение в храме для хранения церковной утвари, литургических книг и облачений.

[2] См. Սրբոյն Ներսեսի Լամբրնացւոյ Տարսոնի եպիսկոպոսի խորհրդածութիւնք ի կարգս եկեղեցւոյ եւ մեկնութիւն խորհրդոյ պատարագին, Վենետիկ, 1847 (Рассуждения святого Нерсеса Ламбронаци, епископа Тарсона о церковном чине и толковании таинства литургии, Венеция, 1847, стр. 143), цитируется по Тораманяну: ***Թօրամանեան Թորոս***, Գաւիթ և ժամատուն հայոց հնագոյն եկեղեցիներու մէջ – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1911, գիրք XXI (***Тораманян Торос***, Притвор и жаматун в древнейших армянских церквях – Азгагракан андес, Тифлис, 1911, книга XXI, стр. 8).

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же, стр. 9. Однако Тораманян не дает ответа на вопрос о том, не следует ли понимать под словами “дом главного священника” именно его покои в церкви или при церкви (например, в приделах).

[6] Там же. В настоящее время при каждой церкви есть несколько священников. Главным священником считается тот, кому настала очередь служить. Некоторое время (приблизительно две недели) до и столько же после богослужения он не должен посещать свой дом, навещать жену.

[7] См. ***Մելիք-Թանգեան Ներսէս***, Հայոց եկեղեցական իրաւունքը, Գիրք 1, Շուշի, 1903 (***Мелик-Тангян Нерсес***, Церковное право армян, Книга 1, Шуши, 1903, стр. 379).

талось величайшим грехом и даже богохульством. Поэтому покои в церкви предоставлялись только на летнее время[1].

Нам известны следующие церкви V и VI веков: Касах (I, рис. 172), который имеет на северо-восточном конце комнату неправильной формы, Дираклар (Карнут) (I, рис. 152), имеющий на юго-восточной стороне подобную же комнату. Текор (II, рис. 387) и Ерерук (I, рис. 177) имеют с обеих сторон апсиды в виде двухэтажных комнат. Возможно, что эти приделы в VII веке, после того как католикос Эзр впервые построил во дворе церкви Св. Гаяне отдельный дом в качестве жилища для священника (жаматун), были превращены в ризницу и в помещение для хранения имущества. Этот обычай впоследствии стал общепринятым[2]. Форма приделов после этого становится более правильной.

Спрашивается: а какое назначение имеют западные приделы? Из церковной литературы известно, что кроме покоев священника армянские церкви должны были иметь также помещения для кающихся, для баптистерия или для купели. Кроме язычников в армянской церкви различали также людей, еще лишенных причастия, и так называемых “слушателей”, которые, в зависимости от своей принадлежности, имели право слушать богослужение или снаружи, или внутри церкви. Возникает вопрос: где они могли находиться во время службы или молитвы “Никого из язычников”? Армянские церкви, все без исключения, не имеют нартекса, в противоположность церквям стран Средиземного моря. Церкви в Текоре (II, рис. 387), Ереруке (I, рис. 177), Касахе (I, рис. 172) и Одзуне (I, рис. 208), которые, по мнению Тораманяна, относятся к древнейшим типам армянских церквей, имеют портики на трех сторонах. Хотя церковь в Аштараке в настоящее время не имеет портика, ее нужно в этом отношении еще обследовать. Так как самые древние церковные каноны подтверждают существование закона о язычниках и кающихся, то надо полагать, что указанные портики играли в V и VI веках роль помещений для кающихся. Церкви этой эпохи имеют, кроме западных входов, еще по два входа на южной и северной сторонах, хотя некоторые из них весьма малого размера. Большое число дверей, по-видимому, указывает на то, что портики служили помещениями для кающихся. Через эти двери должны были слушать службу люди, не имеющие права входа в церковь[3].

В конце V века, с построением Ваганом Мамиконяном собора в Вагаршапате, в Армении возникает новая архитектурная форма, копией которой является пятику-

---

[1] См. ***Թորամանեան Թորոս***, Գաւիթ և ժամատուն հայոց հնագոյն եկեղեցիներու մէջ – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1911, գիրք XXI (***Тораманян Торос***, Притвор и жаматун в древнейших армянских церквях – Азгагракан андес, Тифлис, 1911, книга XXI, стр. 9 и далее).

[2] См. Պատմագրութիւն Յովհաննու Կաթողիկոսի ամենայն Հայոց, Յերուսաղէմ, 1843 (“История” Католикоса всех армян Иоанна, Иерусалим, 1843, стр. 56); ***Թորամանեան Թորոս***, Գաւիթ և ժամատուն հայոց հնագոյն եկեղեցիներու մէջ – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1911, գիրք XXI (***Тораманян Торос***, Притвор и жаматун в древнейших армянских церквях – Азгагракан андес, Тифлис, 1911, книга XXI, стр. 10).

[3] См. ***Թորամանեան Թորոս***, Գաւիթ և ժամատուն հայոց հնագոյն եկեղեցիներու մէջ – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1911, գիրք XXI (***Тораманян Торос***, Притвор и жаматун в древнейших армянских церквях – Азгагракан андес, Тифлис, 1911, книга XXI, стр. 14); ***Մելիք-Թանգեան Ներսէս***, Հայոց եկեղեցական իրաւունքը, Գիրք 1 (***Мелик-Тангян Нерсес***, Церковное право армян, Книга 1, Шуши, 1903, стр. 379).

польная церковь в Аване[1] (I, рис. 76), построенная в конце VI века католикосом Иоанном. Эти церкви также на западной стороне имеют квадратные или круглые приделы. Очевидно, что еще до VII века существовала потребность в западных приделах. Так, например, такие приделы были пристроены в церкви в Ереруке[2], самое позднее в конце VI века, по-видимому, в качестве помещения для кающихся[3]. Церкви, имеющие портики, являются специально освященными храмами или церквями, построенными по их образцу. Вначале пользовались портиками как помещениями для кающихся, однако в холодные армянские зимы было невозможно выстаивать в открытом портике. Этим можно объяснить, почему в Ереруке, наряду с портиками, имеются еще и особые приделы. После этого придел, в конце концов, переместили в самый конец церкви, довольствуясь западными притворами. Кроме дверей, соединяющих их с главным помещением церкви для молитвы, эти помещения имеют еще и наружную дверь, позволяющую входить в них, не проходя через церковь, как, например, в соборе Св. Рипсиме в Эчмиадзине (в настоящее время эти входы замурованы)[4]. Во многих новых церквях нет западных притворов. У них соответствующая часть отделена решеткой от остального помещения. В Малой Азии эта часть называется pinamaz-sekössi, т. е. помещением для кающихся (“лишенных молитвы”)[5]. Однако есть церкви VII века, которые не имеют западных приделов, как, например, церковь Св. Гаяне в Эчмиадзине, в то время как церковь Св. Рипсиме имеет такие помещения. По-видимому, закон об отделении кающихся от прочих молящихся был отменен в VII веке, в связи с чем эти помещения потеряли свое значение. Каноны о покаянии были в Армении всегда намного мягче, чем на Западе. После X века эти западные приделы превращаются в часовни.

К этому, по Гатрджяну, надо добавить следующее: в настоящее время на месте сакраментариев, обычно справа и слева от главного алтаря, в том же направлении устроены еще два алтаря. Эта форма многими считается исключительно армянской, хотя Иоанн Философ и другие определенно предписывают иметь лишь один алтарь[6]. Церковь в Эчмиадзине имеет в настоящее время справа и слева от главного алтаря как приделы, так и алтари (II, рис. 268), причем последние появились в более позднее время. В древнюю эпоху строго придерживались правила: “Один алтарь – одна церковь”. Так, например, Нерсес Ламбронаци говорит: “Для одного Христа

---

[1] См. ***Թօրամանեան Թորոս***, Նորագոյն կարծիքներ հայ ճարտարապետութեան մասին – Անահիտ, Փարիզ, 1911, թիւ 9–12, սեպտեմբեր–դեկտեմբեր (***Тораманян Торос***, Новейшие мнения об армянской архитектуре – Анаит, Париж, 1911, № 9–12, сентябрь–декабрь, стр. 212).

[2] См. ***Թօրամանեան Թորոս***, Պատմական հայ ճարտարապետութիւն: Ուսումնասիրութիւն: Ա. Տեկորի տաճարը, Թիֆլիս, 1911 (***Тораманян Торос***, Армянская историческая архитектура. Исследование. А. Собор в Текоре, Тифлис, 1911, стр. 84), а также ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (***Стржиговский Йозеф***, Малая Азия – новая страна истории искусства, Лейпциг, 1903, стр. 43).

[3] См. ***Թօրամանեան Թորոս***, Գաւիթ և ժամատուն հայոց հնագոյն եկեղեցիներու մէջ – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1911, գիրք XXI (***Тораманян Торос***, Притвор и жаматун в древнейших армянских церквях - Азгагракан андес, Тифлис, 1911, книга XXI, стр. 15).

[4] Там же, стр. 21.

[5] Там же..

[6] См. Յովհաննու Իմաստասիրի Աւձնեցւոյ Մատենագրութիւնք, Վենետիկ, 1833 – Domini Johannis Philosophi Ozniensis Opera per J.B. Aucher lat. reddita, Venetiis, 1833 (Труды Иоанна Философа Ознеци, Венеция, 1833, стр. 304).

достаточен один алтарь, но недостаточно большого числа служителей". В XI, XII и XIII веках, хотя и часто устраивалось много алтарей, но, чтобы соответствовать церковным предписаниям, они окружались стенами так, что каждый алтарь представлял собой отдельную часовню. Против этого яростно восстает Нерсес Ламбронаци: "Мы заполняем углы церквей алтарями… Большая церковь в Константинополе удовлетворяется одним алтарем, так же, как и Кафедральный собор в Ани, Сионская церковь в Иерусалиме, церковь Петра в Антиохии и церковь Св. Софии в Тарсусе… Но в монастырях мы устроили больше алтарей, чем там имеется монахов".

Исследователь искусства с первого взгляда на древнейшие купольные квадраты и на чистые типы с нишами может убедиться в том, что приделы не принадлежали первоначальной конструкции, но большей частью были пристроены позже, притом часто без всякой органической связи. В качестве наглядного примера я приведу на рис. 269 (II) снимок обрушившейся юго-восточной пристройки в соборе Багарана (I, рис. 84). Виден стоящий в углу пилон, несущий свод. По стенам можно судить о том, что эта пристройка не была связана с главным зданием. Дверь, по-видимому, также устроена впоследствии. Четырехконховые церкви, которые я выше классифицировал по числу этих конх, являются хорошим доказательством вышесказанного. В связи с этим бросается в глаза, что в древнейших церковных постройках литургический характер мало или совсем не подчеркивается. Это может дать некоторое указание по вопросу о происхождении отдельных архитектурных форм. Об этом поговорим ниже. Однако уже здесь можно высказать мнение, что именно постройки продольного типа вызвали потребность в приделах в армянском церковном строительстве. Купольные постройки лишь постепенно приспособились к этому требованию (см. выше о Мастаре; так же, как и в Багаране, приделы апсиды там были пристроены позже). Полукруглая апсида также могла проникнуть в Армению тем же путем, как и форма культа[1].

Б. Средняя часть

а) *Купол.* Согласно Иоанну Философу, средняя часть церкви (неф или наос) называется также "тачар". Если исходить из плана Талиша (Аруча) (I, рис. 228), то именно квадрат под куполом надо считать помещением для паствы. Восточное помещение с амвоном называется "бем". Западную треть общего помещения составляет притвор ("гавит"). Из виде́ния, приписанного Агатангелосом Св. Григорию Просветителю, о котором будет часто упоминаться[2], вытекает, что средняя часть помещения для собрания молящихся уже в первой половине V века представлялась в виде помещения, покрытого куполом на арках с четырьмя опорами. Однако это виде́ние нельзя отнести ко времени Св. Григория, так как ясно, что оно было приписано ему лишь в V веке, может быть, с целью доказать, что церковь католиката уже существовала при жизни Св. Григория. Во всяком случае, это виде́ние доказывает, что в представлении V века форма купольного помещения была обычной в том виде, как она существует в лучеобразных купольных постройках.

[1] Ср. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 217). А может быть, инициатива шла из Армении?

[2] См. ***Langlois Victor***, Agathange, Histoire du régne de Tiridate et de la prédication de St. Gregoire – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, T. I, Paris, 1867 (стр. 157).

Можно было бы предположить, что стремление к сохранению упорных ниш, прилегающих к куполу, объясняется не только первоначальной задачей крепления купола, но также потребностью (как на Афоне) иметь помещение для певчих. Однако этому противоречит тот факт, что певчие (сыновья "даса", т. е. духовного сословия) стояли в пресвитерии рядом с алтарем. Помещение нефа предназначалось для паствы. Скамеек не было. Во время богослужения стояли, причем женщины – отдельно от мужчин. Следует полагать, что неф и гавит были ограждены друг от друга, так как в литургическом песнопении встречаются места, при исполнении которых требуется следить, чтобы ни один грешник не имел доступа в святое помещение.

б) *Эмпора.* В армянских церквях второго этажа не существовало, трудно доказать даже зачатки его. При обследовании собора в Артике мы нашли в северной конхе лестницу. При сравнении наружного вида этого собора (I, рис. 61) с Мастарой (I, рис. 17) мы видим над венчающим карнизом опорных ниш дальнейшую надстройку. Она могла бы считаться относительно более новой, но главная квадратная часть возвышается также над ней. Спрашивается, как могла уместиться эмпора в типе "с конховым квадратом"? В Ахтамаре сбоку есть эмпора, которая имеется, однако, только в южной конхе[1]. Может быть, лестница в Артике тоже вела только к такому помещению или к кровле[2]. Часто встречающиеся лестницы, стоящие открыто рядом с объемом отдельных церквей, как, например, в Касахе или Ширакаване, едва ли могли иметь связь с эмпорами. Они сначала идут параллельно стене церкви, затем поворачиваются под прямым углом и ведут вертикально вверх на кровлю (I, рис. 8 и 233). В Касахе такой лестницей еще пользуются, несмотря на то, что существующая кровля деревянная. В Ширакаване сохранился только нижний марш лестницы. Эти наружные лестницы ни в коем случае не могут быть одного возраста с церквями и, может быть, вообще пристраивались, когда развалины церкви превращались в укрепленные замки[3].

В связи с вопросом об эмпорах попытка реставрации Звартноца имеет особое значение. Тораманян, который совершенно справедливо предполагает в Звартноце наличие каменного купола и шатровой кровли (I, рис. 119), придал четырехконховой постройке в Звартноце эмпору. Он, может быть, считал это нужным для крепления большого купола. Следы лестницы до настоящего времени не установлены и снаружи постройки, если даже принять во внимание, что выход к эмпоре находился за восточной апсидой в верхних частях. В пользу устройства угловых эмпор говорит Бана (I, рис. 127).

Эмпора, по-видимому, является элементом, больше требующимся в больших городах. Поэтому отсутствие их в Армении понятно и, скорее всего, связано с вопросом о размещении женщин в церкви. Здесь не было необходимости, как в Месо-

[1] См. ***Bachmann Walter***, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, Leipzig, 1913 (таблица XXXII).

[2] В настоящее время входной проем из-за повышения пола настолько низок, что к лестнице можно проникнуть только ползком.

[3] Как ни соблазнительно указать на примеры, приведенные Паулем Клеменом (см. ***Clemen Paul***, Die romanische Monumentalmalerei in den Rheinlanden, Düsseldorf, 1916, стр. 689) в качестве образцов входов к эмпорам в Малой Азии, все же лучше подождать результатов более точных исследований.

потамии, особенно в его армянской северной части, и в Малой Азии, увеличивать высоту купольной постройки путем включения эмпоры (купольная базилика), т. к. женщины в армянских церквях размещались внизу, но где именно? Мне не смогли дать разъяснений о древнейшем периоде и вардапеты – ученые монахи из венских мхитаристов, которых я спрашивал об этом.

По поводу эмпор можно упомянуть еще о двойных двухэтажных церквях, какие я встретил в Егварде и Амагу. Однако там эти два помещения не имеют между собой связи и относятся к более позднему времени. Во всяком случае, они не имели сколько-нибудь заметного значения в истории развития церковной архитектуры, как, например, двойные круглые церкви в Швеции[1].

В. Западная часть

Имеется несколько видов притворов, иначе – передних или боковых помещений: собственно притвор или “гавит”, затем уже с VII века встречающийся жаматун, т. е. так называемый “жилой дом священника” со сдвоенными залами и множеством могильных плит, наконец, библиотеки, помещения для реликвий или залы для синодов. Эти вопросы обстоятельно исследовал Тораманян[2]. При этом он исходил из того, что до X и XI веков рядом с церквями не было никаких строений. Все же мне кажется, что это предположение не совсем верно.

а) Г а в и т. Поскольку не сохранилось ни одной церкви IV и V веков (все они были разрушены во время войн, бушевавших в 451 и 572 годах), мы не знаем, имелись ли в купольных постройках помещения, которые предназначались для кающихся. Для продольных построек Тораманян предлагает считать таковыми наружные помещения. В плане собора Талиша (Аруч), представляющего собой купольную залу, за такое помещение можно было бы принять третью, самую западную часть внутреннего помещения. В противоположность “бему” (дасу), т. е. наиболее святому месту, к которому имели доступ только священники, и “наосу” (нефу), где собирались верующие, именно этот “гавит” является местом сбора грешников. Наименование “гавит” употреблено Фавстосом Бузандом (История Армении: III, 3) в сообщении по случаю осады церкви в Аштишате при католикосе Вртанесе I Партеве (333–341): “Гавит церкви был заполнен толпой смятенных людей”[3]. Там также есть упоминание о крепостном вале. Во всех случаях этим сообщением подтверждается существование притвора еще в эпоху Св. Григория Просветителя. Решить эту проблему будет возможно только в связи с начатым в данном труде исследованием древнейших купольных построек армянских христиан до V века. Возможно, что именно в развитии боковых помещений апсиды и форм приделов можно проследить греко-сирийское влияние на соответствующие формы в Армении V–VI вв.

---

[1] Ср. ***Seeßelberg Friedrich***, Die früh-mittelalterliche Kunst der germanischen Völker, Berlin, 1897 (стр. 77 и далее).

[2] См. ***Թօրամանեան Թորոս***, Գաւիթ և ժամատուն հայոց հնագոյն եկեղեցիներու մէջ – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1911, գիրք XXI (***Тораманян Торос***, Притвор и жаматун в древнейших армянских церквях – Азгагракан андес, Тифлис, 1911, книга XXI).

[3] См. ***Émine Jean-Baptiste***, Faustus de Byzance, Bibliothèque historique en quatre livres – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l’Arménie, T. I, Paris, 1867 (стр. 212).

б) Ж а м а т у н[1]. Иоанн Католикос сообщает в X веке, что строительство жаматунов впервые было введено католикосом Эзром, когда он при церкви Гаяне в Вагаршапате стал строить жилище для священника[2]. Следовательно, здесь речь идет не о части церкви как гавите, а об отдельной вспомогательной пристройке. Жаматун, следовательно, еще меньше, чем гавит, может быть смешан с греческим нартексом. Скорее всего, можно назвать жаматуном западное помещение, принятое в славянских странах ко второму тысячелетию называть притвором. Об этих притворах Тораманян пишет: “На западной, а также на южной и северной сторонах многих армянских церквей имеются часто прямоугольные и квадратные притворы, которые иногда связаны между собой. Ни один из этих притворов не относится к периоду до X или XI веков. Примечательно, что притвор никогда не устраивался одновременно с постройкой церкви, а пристраивался позже. Этим не только нарушалась гармония всей постройки, но закрывались красивые фасады, окна, карнизы, орнаменты, рамки и аркады”[3].

Залу в церкви Иоанна в монастыре Оромос (Хошаванк), построенную в 1038 году, можно считать первым из сохранившихся притворов. По крайней мере, это наиболее древний из известных нам примеров[4]. Нерсес Ламбронаци, например, при царствовании Багратидов еще не знает притвора[5]. Более того, он представляет происхождение притвора следующим образом (объяснение литургии): “После больших опустошений, произведенных сельджуками в Армении, толпы эмигрантов повалили в Малую Азию и Киликию. В надежде на скорое возвращение они строили лишь небольшие церкви. Но когда они не смогли вернуться и их число увеличилось, церкви стали слишком малы для всех, отчего они стали пристраивать упомянутые залы к своим церквям…”[6]. Из этого можно заключить, что притворы, вероятно, возникли в Киликии еще до XII века и оттуда проникли в Армению. Их происхождение, следовательно, чисто армянское и ничего общего не имеет с западным нартексом[7].

В притворах всегда полно надгробных плит и хачкаров (крест-камней). Как у других народов, так и у армян было желание хоронить умерших в церкви. Но поскольку армянские церковные законы строго воспрещали хоронить в церкви, т. к. это считалось осквернением церкви, то князья, священники и другие богатые люди хотели

---

[1] Этимологически “жаматун” (часовня) в действительности означает “дом церкви”, “церковный дом”, дом, принадлежащий церкви и обитаемый священниками или используемый для их временного пребывания.

[2] См. Պատմագրութիւն Յովհաննու Կաթողիկոսի ամենայն Հայոց, Յերուսաղէմ, 1843 (“История” Католикоса всех армян Иоанна, Иерусалим, 1843, стр. 56).

[3] ***Թօրամանեան Թորոս***, Գաւիթ և ժամատուն հայոց հնագոյն եկեղեցիներու մէջ – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1911, գիրք XXI (***Тораманян Торос***, Притвор и жаматун в древнейших армянских церквях – Азгагракан андес , Тифлис, 1911, книга XXI, стр. 22 и далее).

[4] Там же, стр. 24. Прим. ред.: притвор монастыря Гндеванк построен еще раньше – в 999 году.

[5] См. Սրբոյն Ներսեսի Լամբրնացւոյ Տարսոնի եպիսկոպոսի խորհրդածութիւնք ի կարգս եկեղեցւոյ եւ մեկնութիւն խորհրդոյ պատարագին, Վենետիկ, 1847 (Рассуждения святого Нерсеса Ламбронаци, епископа Тарсона о церковном чине и толковании таинства литургии, Венеция, 1847, стр. 26), а также ***Թօրամանեան Թորոս***, Գաւիթ և ժամատուն հայոց հնագոյն եկեղեցիներու մէջ – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1911, գիրք XXI (***Тораманян Торос***, Притвор и жаматун в древнейших армянских церквях – Азгагракан андес, Тифлис, 1911, книга XXI, стр. 24–25).

[6] Там же, стр. 25.

[7] Там же, стр. 26.

быть похороненными хотя бы рядом с церковью[1]. Основатели церквей не были принуждены строить притворы сразу, но перед смертью они сами заботились об этом для себя и для своих наследников. Даже в период самого большого распространения притворов в XIII–XIV веках мы не видим ни одного притвора, который строился бы одновременно с церковью. Многие церкви совсем не имеют притворов. Таким образом, притвор можно рассматривать как залу для фамильных склепов, погребения священников и т. д.[2] Тораманяном составлен подробный список таких зал.

Эту залу для погребения следует отличать от более древнего притвора – гавита, места пребывания грешников и, вероятно, еще некрещенных. Все же надо принять во внимание, что Лазарь Парпеци уже во второй половине V века говорит о “внешних вестибюлях церкви”[3]. Когда церковь оказывалась слишком тесной для толпы молящихся, сообщает он, народ заполнял эти притворы, прилегающие улицы и площади. Можно предположить, что баптистерии находились также вблизи этой западной части церкви, как, например, в церкви Св. Григора в Ариче (I, рис. 64).

На рис. 270 (II) я привожу план церкви Иоанна в монастыре Оромос близ Ани с притвором 1038 года. Мы видим обычную купольную залу, а перед ней – пристройку с 16 круглыми пилонами, поставленными в 4 ряда, причем только четыре пилона стоят свободно в середине. О замечательном ребристом своде мы еще будем говорить в конце нашего труда. Сравните этот жаматун с другими, которые приведены выше на плане монастыря Санаин (I, рис. 42), в Ариче (I, рис. 65), в Кечарисе (II, рис. 280) и т. д.

в) Л е т н и е п р и т в о р ы. Третий вид притвора, более или менее слабо связанный с церковью, лучше всего показывает монастырь Оромос. Там перед церковью Иоанна, построенной царем Иоанном (1020–1041), имеется притвор, названный в надписи жаматуном[4]. Этот залообразный тип встречается в монастыре трижды. Указанные помещения были построены Ваче и госпожой Мамахатун в 1229 году над долиной реки Ахурян, перед склепами царей, примыкающими к юго-восточному углу главной церкви. Три залы составляют вместе так называемую библиотеку и место для реликвий[5]. Самая большая зала называется также синодной залой. Перекрытия большей частью обрушились. Я на этом здесь не буду останавливаться[6]. Третье помещение рядом с притвором также является помещением для реликвий. Оно было построено только в 1277 году мастером (варпетом) Фрером (?) из Карина (Эрзерума)[7]. О другом назначении таких зал (например, в качестве молитвенного

---

[1] Там же.

[2] Там же, стр. 28.

[3] См. ***Ghésarian Samuël***, Lazare de Pharbe, Histoire d’Arménie – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l’Arménie, T. II, Paris, 1869 (стр. 365). Прим. ред.: цитата из Лазаря Парпеци истолкована неверно, там подразумевается галерея снаружи церкви, а не притвор.

[4] См. ***Ալիշան Ղևոնդ***, Շիրակ, Վենետիկ, 1881 (***Алишан Гевонд***, Ширак, Венеция, 1881, стр. 20); снимки я приведу в IV книге настоящего исследования.

[5] Там же, стр. 24.

[6] См. ***Lynch Henry***, Armenia: Travels and Studies, in two vol., London, 1901 (том I, стр. 389), а также Фотографические снимки с развалин древней столицы Армении Ани: коллекция стереоскопическая (фотографии по историческим и этнографическим достопримечательностям Армении О. Кюркчяна), Тифлис, 1881, фотография № 39.

[7] См. ***Ալիշան Ղևոնդ***, Շիրակ, Վենետիկ, 1881 (***Алишан Гевонд***, Ширак, Венеция, 1881, стр. 25).

дома) сообщает послесловие в книге Товмы Арцруни, где говорится о церкви Святого Креста на озере Ван: “Он (католикос Закария, 1296–1336) построил также большой притвор (жаматун) для зимнего времени в резиденции своего патриашества на острове Ахтамар, в красивом просторном месте за церковью Святого Креста. На западной стороне он построил такую же залу для летнего времени. Она была просторной, с арками, стены ее были выложены каменной кладкой на извести. Камни он с большим трудом перевозил из области Хлат (Ахлат) через глубокое озеро”[1].

Настоящий нартекс в византийском стиле часто встречается в Грузии[2]. Нартекс, который, по Милле, восходит к эллинизму и составляет снаружи одно целое с церковью, а внутри является совершенно отдельным притвором в виде прохода, в Армении неизвестен.

г) К р е с т и л ь н ы е д о м а (м к р т а р а н) и к р е с т и л ь н ы е к у п е л и. Мы на Западе настолько привыкли к их широкому распространению, что считаем, что в Армении также встретим много примеров. В общем, можно сказать, что чисто купольные постройки непродольного типа с первого взгляда производят на нас, людей Запада, впечатление баптистериев. Действительно, в Звартноце, как и в церкви Св. Креста в Мцхете[3], были найдены следы купелей. Но это не носит повсеместного характера, и армянские купольные постройки являются церквями, а не баптистериями.

До настоящего времени не удалось найти ни одного не вызывающего сомнения примера крестильного дома. Наши представления о таких постройках исходят пока только из области предположений. Я здесь привожу выдержку из работ Тораманяна. Но хотел бы отметить одно расхождение с его мнением. Агатангелос (История Армении: XXV) сообщает, что Григорий Просветитель сейчас же после разрушения храмов в Аштишате приступил к сооружению церквей и купели для крещения (авазан мкртутян)[4].

В противоположность этому Тораманян говорит: “Начиная с Григория Просветителя (начало IV века) и до Св. Саака Партева (начало V века) мы не имеем никаких сведений о месте и форме баптистерия”. Однако во втором параграфе канонов, обращенных к епископам, Св. Саак указывает (Венская библиотека мхитаристов, рукопись № 114): “…и недалеко от церкви в селах должны быть построены баптистерии, в которых должны быть поставлены купели, как это принято у других…”[5]. Мы видим из канонов второго и пятого соборов в Двине, что хотя баптистерий

---

[1] См. ***Թովմա Արծրունի***, Պատմութիւն տանն Արծրունեաց, Ս. Պետերբուրգ, 1887 (***Товма Арцруни***, История дома Арцруни, С.-Петербург, 1887, стр. 322). Этот отрывок я привожу в немецком переводе о. Месропа Хапозяна.

[2] Ср. ***Millet Gabriel***, L’école grecque dans l’architecture byzantine, Paris, 1916 (стр. 122 и далее) и ***Kluge Theodor***, Versuch einer systematischen Darstellung der altgeorgischen Kirchenbauten, Braunschweig, 1918.

[3] Прим. ред.: имеется в виду храм Джвари.

[4] См. ***Langlois Victor***, Agathange, Histoire du régne de Tiridate et de la prédication de St. Gregoire – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l’Arménie, T. I, Paris, 1867 (стр. 175).

[5] Սուփերք հայկականք, հատոր Բ, Վենետիկ, 1853 (Армянская библиотека, Том II, Венеция, 1853, стр. 81), цитируется по Тораманяну: ***Թօրամանեան Թորոս***, Գաւիթ և ժամատուն հայոց հնագոյն եկեղեցիներու մէջ – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1911, գիրք XXI (***Тораманян Торос***, Притвор и жаматун в древнейших армянских церквях – Азгагракан андес, Тифлис, 1911, книга XXI, стр. 16).

обязательно должен был быть вне церкви, все же постепенно внедрялся обычай крестить в церкви (вероятно, в одном из приделов). Пятнадцатый канон второго собора (555 г.) гласит: “Никто не имеет права проводить крещение небрежно, а должен это делать со страхом и осторожностью, с ладаном и со свечами, с задернутыми занавесями и, как полагается, с освещением Святой купели. Купель должна стоять в церкви или в доме службы, справа от церкви, согласно о. Месропу[1]. Она должна быть сделана из камня или из другого обработанного с благоговением материала, достойного для обряда крещения, такой ширины и глубины, чтобы вода могла достаточно покрывать тело крестимого младенца”[2].

Тринадцатый канон пятого собора в Двине (719 г.) гласит: “Не следует изготовлять купель из любого материала и ставить ее куда попало. Купель должна быть изготовлена из камня и поставлена в самой церкви или в баптистерии рядом с церковью”[3].

Крещение в церкви разрешалось, начиная с VI века, вследствие усиливающегося халкидонского течения и благодаря склонности католикоса к халкидонизму. Однако старые правила не были отменены, и обычай устраивать отдельные баптистерии сохранился до XIII и XIV веков[4]. Кроме круглой церкви Нерсеса III в Звартноце (I, рис. 112) мы не имеем ни одного примера, где купель стояла бы в самой церкви. Учитывая благосклонность Нерсеса III к халкидонизму, это исключение легко объяснимо. Следовало бы раскопать некоторые из круглых и многоугольных часовен в Ани и другие, чтобы выявить, не являются ли некоторые из них баптистериями. С. Мубаяджянц[5] и П. Айказуни[6] сообщают, что когда русские разрушили церковь Апостолов, в полу ее оказалось углубление, выложенное тёсаным камнем вроде крестообразной купели[7]. Если это так, то мы здесь, без сомнения, имеем пример, к сожалению, исчезнувшего баптистерия. Кроме того, возможно, что восьмиугольная часовня, находящаяся у юго-восточного угла собора в Ани, является баптистерием этой церкви, как Орбели определенно указывает в своем “Путеводители по Ани”[8]. Форма баптистерия была, вероятно, круглая или многоугольная[1].

---

[1] См. ***Թօրամանեան Թորոս***, Հայ ճարտարապետութեան շրջանները – Անահիտ, Փարիզ, 1911, թիւ 1–2, յունուար–փետրուար (***Тораманян Торос***, Этапы армянской архитектуры – Анаит, Париж, 1911, № 1–2, январь–февраль, стр. 10).

[2] См. ***Մելիք-Թանգեան Ներսէս***, Հայոց եկեղեցական իրաւունքը, Գիրք 1, Շուշի, 1903 (***Мелик-Тангян Нерсес***, Церковное право армян, Книга 1, Шуши, 1903, стр. 379), цитируется по Тораманяну: ***Թորամանեան Թորոս***, Գաւիթ և ժամատուն հայոց հնագոյն եկեղեցիներու մէջ – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1911, գիրք XXI (***Тораманян Торос***, Притвор и жаматун в древнейших армянских церквях – Азгагракан андес, Тифлис, 1911, книга XXI, стр. 16).

[3] Там же, стр. 17.

[4] Там же.

[5] Прим. ред.: Мубаяджян (Мубаяджянц) Саргис (1860–1937) – армянский писатель и общественный деятель, выступал под литературным псевдонимом Атрпет.

[6] Прим. ред.: Айказуни (Айказян) Петрос (1839–1927) – армянский общественно-политический и культурный деятель, педагог.

[7] См. ***Թորամանեան Թորոս***, Գաւիթ և ժամատուն հայոց հնագոյն եկեղեցիներու մէջ – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1911, գիրք XXI (***Тораманян Торос***, Притвор и жаматун в древнейших армянских церквях – Азгагракан андес, Тифлис, 1911, книга XXI, стр. 18).

[8] Там же.

Когда Св. Саак дает указания о месте баптистерия (см. выше), он говорит: “как это принято у других”. Вероятно, и форма баптистерия была такой же, как и “у других”.

Разрешение второго и пятого соборов в Двине крестить детей в церкви относится, вероятно, не к самой церкви, а к одному из ее приделов. Это предположение становится более вероятным, если принять во внимание, что многие церкви VI и VII веков имели довольно обширные восточные приделы и наружные двери (ребенок вносился в самую церковь только после крещения). Примерами могут служить собор в Эчмиадзине (двери в настоящее время замурованы), церковь Рипсиме (теперь заперта), церкви Св. Теодора в Багаране и в Аване[2]. Часто в современных церквях каменная купель находится справа от алтаря, у северной стены. Однако купель предпочитают устанавливать в северном приделе.

Достойны внимания правила Макариоса Иерусалимского, которые были введены католикосом Вртанесом I Партевом в Армении в IV веке[3]. В параграфе 8 он говорит: “Стол спасения, стоящий за занавесом, на который опускается Святой дух, и купель находятся в том же доме (в церкви) и на почетном месте в правой стороне (церкви); и служители церкви должны, согласно своему званию, почитать ее (купель)”[4]. Хотя в эпоху Макариоса и Вртанеса (в IV веке, как полагает Тораманян) армянские церкви еще не имели притворов, все же возможно, что в следующих веках применялись каноны Макариоса, и купели ставились в притворе, вместо того, чтобы строить отдельные баптистерии[5]. Это относится к исследованиям Тораманяна. Я не намерен выяснять этот запутанный вопрос и хотел бы сообщить лишь то, что мне бросилось в глаза относительно памятников и что я мог вывести из разговоров с венскими мхитаристами. Второй канон Макариоса Иерусалимского, обращенный к армянам, гласит: “Если не имеется освященной купели, то можно крестить в любом сосуде. Если поблизости нет церквей во имя Бога и для посещения народа, то такой способ крещения нельзя осудить. Если же мы имеем церкви, то мы можем строить также дома для крещения (мкртаран, мкртатун) и купели, в которых крестят тех, кто приходит к настоящей вере. Если же мы находимся в таком месте, где нет церкви и

---

[1] См. ***Թօրամանեան Թորոս***, Հայ ճարտարապետութեան շրջանները – Անահիտ, Փարիզ, 1911, թիւ 1–2, յունուար–փետրուար (***Тораманян Торос***, Этапы армянской архитектуры – Анаит, Париж, 1911, № 1–2, январь–февраль, стр. 10).

[2] См. ***Թօրամանեան Թորոս***, Գաւիթ և ժամատուն հայոց հնագոյն եկեղեցիներու մէջ – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1911, գիրք XXI (***Тораманян Торос***, Притвор и жаматун в древнейших армянских церквях – Азгагракан андес, Тифлис, 1911, книга XXI, стр. 20).

[3] Акинян показал (см. выше), что переписка относится к VI веку. Кроме того, эти указания относились к Иерусалиму, потому что Макариос был патриархом и писал Вртанесу, епископу Сюника, примерно в 570 году, согласно просьбе последнего.

[4] См. Գիրք թղթոց, Թիֆլիս, 1901 (Книга писем, Тифлис, 1901, стр. 407), цитируется по Тораманяну: ***Թօրամանեան Թորոս***, Գաւիթ և ժամատուն հայոց հնագոյն եկեղեցիներու մէջ – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1911, գիրք XXI (***Тораманян Торос***, Притвор и жаматун в древнейших армянских церквях – Азгагракан андес, Тифлис, 1911, книга XXI, стр. 19). См. также The Key of Truth, a Manual of the Paulician Church of Armenia, The Armenian Text, Edited and Translated with Illustrative Documents and Introduction by Frederick C. Conybeare. Oxford, Clarendon Press, 1898 (стр. 182).

[5] См. ***Թօրամանեան Թորոս***, Գաւիթ և ժամատուն հայոց հնագոյն եկեղեցիներու մէջ – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1911, գիրք XXI (***Тораманян Торос***, Притвор и жаматун в древнейших армянских церквях – Азгагракан андес, Тифлис, 1911, книга XXI, стр. 20).

надлежащей купели, то не следует препятствовать тем, кто хочет крестить"[1]. При этом упоминается еще о троекратном погружении в воду, причем надо заметить, что это касалось лишь детей, учитывая размеры купели[2] (см. второй канон собора в Двине). В пользу предположения, что купель ставилась в любом месте, говорит тридцать седьмой канон Св. Саака (V век), который упоминает, что в церквях устанавливается купель. Поэтому можно предположить, что в Армении переход от крещения у колодца к купели произошел раньше, чем где бы то ни было. Из этого следует, что мы напрасно ищем отдельные крестильные дома. В отношении места установки купели дает некоторые указания восьмой канон Макариоса VI века. После разговора об алтаре он пишет, что купель должна быть поставлена за алтарем, притом с почетной правой стороны[3]. В связи с этим следует обратить внимание на рис. 271 (II), изображающий развалины Звартноца, где за алтарем справа стоит крестообразная купель в форме четырехлистника. При этом, однако, в Звартноце в середине главного помещения, под куполом, в полу обнаружено углубление (купель?) (I, рис. 109). В отверстие шириной 90 см, охваченное полукруглым углубленным поясом шириной 1,82 м, с западной стороны спускаются пять ступеней. Так как эта постройка была разрушена уже в X веке, то надо считать, что обе купели относятся к более древнему периоду. Этот вопрос требует более точного исследования. Предписание Макариоса, дата которого установлена (приблизительно 570 г.), должно само по себе относиться к периоду до 719 года, когда Иоанн Философ представил собору в Двине сборник канонов.

Крестильные дома. Спрашивается, не служили ли первоначально мало похожие на церкви здания с упорными нишами крестильными домами? Здесь надо указать на постройку III века в Риме, являющуюся характерным примером в стиле армянской архитектуры. Это развалины так называемого храма Минервы Целительницы (Minerva Medica) – восьмиконховой постройки с куполом на барабане. Это для Рима неслыханная форма. В здании обнаружались остатки водопровода. Об этом поговорим ниже. Возможно, что четырех-, шести- и восьмиконховые постройки, служившие в дохристианскую пору купальнями, были в Армении[4] превращены в крестильные дома, и что, таким образом, эта форма внедрилась в церковную архитектуру. К сожалению, такие постройки IV века не сохранились или, по крайней мере, до сих пор не найдены. Тут могут помочь только раскопки, также предлагаемые Тораманяном.

Достоин внимания тот факт, что в малой однонефной часовне на южной сто-

---

[1] См. The Key of Truth, a Manual of the Paulician Church of Armenia, The Armenian Text, Edited and Translated with Illustrative Documents and Introduction by Frederick C. Conybeare. Oxford, Clarendon Press, 1898 (стр. 182).

[2] Характерно также, что канон XI века (fol. 77v) предписывает, чтобы купель была разбита, если в нее попадет мышь и там сдохнет, а остатки купели должны быть закопаны в углу церкви, после чего должна быть установлена новая купель.

[3] Ср. также The Key of Truth, a Manual of the Paulician Church of Armenia, The Armenian Text, Edited and Translated with Illustrative Documents and Introduction by Frederick C. Conybeare. Oxford, Clarendon Press, 1898 (стр. 184).

[4] Гевонд Алишан в качестве примера приводит купальню в Ани (см. ***Ալիշան Ղեւոնդ***, Այրարատ, Վենետիկ, 1890 – ***Алишан Гевонд***, Айрарат, Венеция, 1890, стр. 82). Об этом будет сказано далее, в IV книге настоящего исследования.

роне западного фасада церкви в Опизе[1] также были найдены следы водопровода. Следовательно, можно предположить, что продолговатое помещение с одной апсидой, вероятно, было баптистерием. Если это так, то следовало бы выяснить, не служили ли также баптистериями однонефные постройки при церкви в Аграке (I, рис. 94–95), при церкви Св. Креста в Мцхете (I, рис. 72), при шестиконховой церкви в Ани (I, рис. 136) и в других местах. Время перехода от иммерсии (погружение в святую воду) к асперсии (окропление святой водой), т. е. от крестильного колодца, требующего отдельного здания, к купели, которую можно поставить в любом месте, еще не выяснено[2]. Может быть, то и другое существовало одновременно. Надстройка под куполом церкви Св. Креста в Мцхете (I, рис. 72) производит впечатление купели. Применялась ли форма конховых квадратов для крестильных домов? И здесь данные IV века и перехода к V веку могут дать ответ на этот вопрос.

Крестильные купели. Я сперва буду рассматривать изображенную на рис. 271 (II) купель в Звартноце и одновременно дополню описание этой церкви (I, рис. 112). На снимке виден юго-восточный пилон с обратной стороны, т. е. со стороны обхода. Далее видна полукруглая ниша, о которой уже говорилось, и перед ней – плита базы М-образного пилона, база большой базальтовой колонны, которой принадлежат капители с орлами трапециевидной формы (I, рис. 111). Купель, примыкающая к главной апсиде, стоит на ступени и углублена в камень с длиной сторон 1,40 м.

По-видимому, уже в V веке существовали купели из металла. Уже Фавстос Бузанд (История Армении: IV, X)[3] сообщает о крестильной купели из серебра, которую велел изготовить Василий Великий и которая существовала до эпохи Фавстоса Бузанда. Может быть, этим следует объяснить назначение больших бронзовых котлов в армянских и грузинских церквях и монастырях, о которых говорилось в моей книге “Алтай-Иран...”[4]. Я привожу пример из музея в Эчмиадзине (II, рис. 272).

В Текоре внутри церкви, в нише рядом с теперешним северным входом, стоит каменный сосуд. Я привожу его снимок (II, рис. 273). Мы видим на нем изображение двух обращенных друг к другу животных и справа – разноконечный крест. Также и в Аштараке (I, рис. 167 и 168) примерно в том же месте мы нашли купель в форме четырехлистника, а в Гарни (I, рис. 161), по меньшей мере, полукруглую нишу.

К о л о к о л ь н и. Весьма сомнительно, существовали ли вообще колокольни в Армении в рассматриваемую нами эпоху. Милле в “Греческой школе” устанавливает как принцип, что “колокольня характерна для латинской архитектуры”, и предполагает, что она была введена с Запада крестоносцами[5]. Я считаю, что при решении этого вопроса надо быть осторожным и учитывать, что колокола применялись с древнейших времен в Индии и Китае. Об этом будем говорить в дальнейшем. Я приведу

---

[1] См. ***Павлинов А.М.***, Экспедиция на Кавказ 1888 года. Путевые заметки. Храм в Опизе – Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического общества, снаряженными на Высочайше дарованные средства, выпуск 3, Москва, 1893, стр. 63–65.

[2] Относительно Запада см. ***Strzygowski Josef***, Iconographie der Taufe Christi, München, 1885.

[3] См. ***Émine Jean-Baptiste***, Faustus de Byzance, Bibliothèque historique en quatre livres – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l’Arménie, T. I, Paris, 1867 (стр. 246).

[4] См. ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 58).

[5] См. ***Millet Gabriel***, L’école grecque dans l’architecture byzantine, Paris, 1916 (стр. 135).

несколько примеров применения колоколов в Армении.

Устройства для колокольного звона имелись, по-видимому, уже до 1000 года, так как Степанос Таронеци, упоминая о 986–987 годах, сообщает, что во время конфликта между армянами и халкидонитами последние не позволяли армянам звонить в колокола в городе (***Степанос Таронеци Асохик***, Всеобщая история: III, 20)[1]. Греки, как известно, не знали колоколов и, следовательно, все связанные с этим нововведения должны были проникнуть из других мест. В остальном надо заметить, что в подлинном тексте у Степаноса Таронеци упоминается о "церковном звоне", тогда как о. Вардан Ацуни поясняет, что это был стук по дереву[2]. Он считает, что колокола в Армении в X веке были еще неизвестны и вошли в употребление лишь в XII веке, и полагает, что греки позаимствовали этот обычай из Венеции и ввели его в Армению. В дальнейшем мы увидим, действительно ли оно так и было.

Немного забегая вперед, заметим, что армяне первоначально не знали колоколов, а призывали верующих в церковь посредством "кочнака" (било) – металлического или деревянного стержня, по которому церковный служитель ударял, воспроизводя мелодичные звуки. Иногда он с этим прибором, который у греков назывался "семантрон", ходил по улицам. О своеобразном подобии кочнака упоминает Иоанн Мамиконян под названием "жамхар" (бой часов)[3]. Монахи монастыря Сурб Карапет в Муше применяли его около 600 года в борьбе с персами.

О т к р ы т ы е н а д с т р о й к и н а к р о в л я х. Надстройку на кровле я считаю одним из древнейших устройств для призыва к молитве верующих кочнаком или колокольным звоном. Далее, при рассмотрении каролингской постройки в Центуле[4], мы еще вернемся к этому вопросу. В Армении укоренилась форма надстроек на кровле, как изображено на иллюстрации у Мабильона[5].

Я привожу пример Оромоса 1035 года (II, рис. 274). Башенка здесь восьмиугольная и поднимается высоко над крестообразными кровлями жаматуна при церкви Иоанна (II, рис. 270). От восьмиугольного основания башенка посредством скошенных поверхностей переходит в верхнюю круглую конструкцию с 8 колоннами, с базами в виде валиков и капителями, несущими большие блоки в качестве импостов. Эти колонны соединены между собой профилированными стрельчатыми арками. Над арками конструкция становится снова восьмигранной, с акустическими отверстиями, и заканчивается шатровой кровлей. Нижняя часть между колоннами в настоящее время замурована. На снимках каталога типов эта надстройка на кровле повторяется неоднократно, например – на рис. 64 (I) и повсеместно на приводимых далее снимках.

---

[1] См. ***Gelzer Heinrich*** *und* ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр.149).

[2] См. ***Հացունի Վարդան***, Ժամահար եւ զանգակ – Բազմավէպ, Վենետիկ, 1910, հատոր ԿԸ (***Ацуни Вардан***, Било и колокол – Базмавеп, Венеция, 1910, том 68, стр. 193 –203).

[3] См. Յովհաննու Մամիկոնենի եպիսկոպոսի Պատմութիւն Տարօնոյ, երկրորդ տպագրութիւն, Վենետիկ, 1889 ("История Тарона" епископа Иоанна Мамиконяна, издание второе, Венеция, 1889, стр. 53).

[4] Прим. ред.: имеется в виду каролингская церковь VIII века в бенедиктинском аббатстве Сен-Рикье во Франции. Centula – латинское название аббатства.

[5] Прим. ред.: Мабильон (Мабийон) Жан (1632–1707) – французский ученый, историк, бенедиктинский монах, автор многотомной публикации источников по истории ордена бенедиктинцев с комментариями и примечаниями.

С в о б о д н о с т о я щ и е к о л о к о л ь н и. В качестве примера я привожу известный памятник – башню в Ахпате (II, рис. 275). Она была построена в 1245 г. настоятелем монастыря Амазаспом и, следовательно, не относится к рассматриваемой нами эпохе. Башня имеет детали, на которых мы не будем останавливаться. Входящие углы плана, представляющего собой вписанный в квадрат крест[1], превращены в треугольные ниши, украшенные сверху сталактитами (I, рис. 42)[2]. Таким образом, башня имеет в верхней части форму квадрата со скошенными углами[3]. Орнаменты стен также не были приняты до 1000 года. Под щипцами устроены акустические окна. Верхняя башня с колоннами также играет роль акустического элемента. Семь соединенных арками колонн несут семиугольную надстройку, которая врезывается своими щипцами в шатровую кровлю. Более поздние, не относящиеся к данному труду монастыри, такие как Ованнаванк и Сагмосаванк, имеют вместо свободностоящих колоколен такие же постройки с колоннами, как в Оромосе. Большей частью эти башенки стоят на кровлях притворов. Только соседний с Ахпатом Санаин имеет рядом с притвором колокольню, прилегающую к стене. Эта колокольня относится приблизительно к тому же времени, что и Ахпатская. В настоящее время наряду с колокольней можно часто встретить колокол, поставленный над церковью. Раньше, вероятно, то и другое применялось в отдельности.

П р и с т р о й к и. Третий, самый новый вид мы видим в Эчмиадзине и в церкви Рипсиме (I, рис. 79, 82 и II, рис. 268). Здесь колокольня стоит перед западной стороной. У Катогике в Эчмиадзине имеются еще постройки над боковыми конхами. Об этом поговорим ниже.

Для армянской архитектуры характерно, что колокольня никогда не имела такого же значения, как на Западе. Она всегда заканчивается на высоте постройки и, следовательно, не тянет постройку вверх. Возвышающаяся над зданием колокольня противоречила бы основному закону ведущих купольных построек, заключающемуся в том, что купол церкви должен доминировать над остальными элементами архитектуры.

2. Монастыри

Совершенно исключается возможность полностью рассмотреть эту значительную группу в рамках данного труда. То, что я приведу, является лишь кратким указанием. Окончательная христианизация страны начинается, как и в Германии, только с распространением монастырей в Армении при Нерсесе Великом (353–373/4). До

[1] Подробности см. ***Гримм Д.И.***, Памятники христианской архитектуры в Грузии и Армении, С.-Петербург, 1866 (таблица XXXIV), Памятники древнеармянской архитектуры в фотографиях и чертежах (под редакцией Г.Д. Гримма, составили и издали Л. Егиазаров и Р. Мартиросянц), выпуск IV и V, С.-Петербург, 1911 (Таблицы VII–VIII и XV), а также ***Լալայեան Երուանդ***, Նշանաւոր վանքեր. Բ. Հայոց վանքեր – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1901, գիրք VII և VIII (***Лалаян Ерванд***, Знаменитые монастыри: Б. Армянские монастыри – Азгагракан андес, Тифлис, 1901, книга VII и VIII, стр. 406–407, иллюстрации).

[2] Прим. ред.: ссылка неверная, т.к. на рис. 42 (I) дан план не Ахпатского, а Санаинского монастыря.

[3] Относительно архитектурной формы см. ***Saladin Henri***, Manuel d’art musulman, Paris, 1907 (стр. 232). Возожно, что армянская архитектурная форма возникла по образцу сельджукских минаретов (или на почве “соперничества” с ними).

появления монастырей существовали, вероятно, скиты, может быть, даже в виде более крупных групп.

А. Пещерные монастыри

Эти монастыри составляют особый азиатский тип. В моем труде “Малая Азия…” я описывал целые группы таких монастырей[1]. Благодаря раскопкам в Турфане они хорошо обследованы[2]. Следы ведут дальше к вихарам – буддийским монастырям в Индии. Что касается Армении, то Степанос Таронеци (Всеобщая история: III, 17)[3] сообщает о том, что около 1000 года мать царя Абаса[4] ушла в Тринский монастырь (Թրին-վանք)[5], “где находятся иссеченные в белом камне церкви, обращенные на юг. Тут она посвятила себя молитвам, добрым делам и духовным подвигам”. В Армении такие пещерные монастыри еще сохранились в большом количестве, не считая пещерных жилищ в Цветниковом ущелье близ Ани.

Достойным внимания примером развития этого вида является монастырь Гегард (Айриванк) у истоков реки Гарни, близ водораздела между районами Еревана и Севана. К нему можно дойти за час из Гарни, поднимаясь по долине. Рис. 276 (II) показывает план по Дюбуа де Монпере[6]. Монастырь прилегает к скалистому откосу и в сторону долины ограничивается жилыми и хозяйственными постройками. Церковные здания большей частью высечены в скале. Ввиду этого на рис. 277 (II) видна только меньшая часть построек. В середине стоит крестовокупольная церковь со своим жаматуном, через который можно пройти в находящиеся в скале комнаты и залы. Посетив этот монастырь, мы нашли его в хорошем состоянии. Скромные здания, окружающие площадь с церковью, подсказали нам, почему в древних монастырях большей частью сохранились одни только церкви.

При описании таких пещерных монастырей и скитов я возвращаюсь к той мысли, которую уже выразил в “Амиде…”[7], а именно, что монашество (по крайней мере, в этом краю) имеет бóльшую связь с буддизмом, чем с Египтом. Об этом мы еще будем говорить в третьей книге нашего труда.

---

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 145 и далее).

[2] Ср. ***Grünwedel Albert***, Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan, Berlin, 1912.

[3] См. ***Gelzer Heinrich*** *und* ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр. 146).

[4] Имеется в виду Абас Багратуни (?–1029), царь Карса (Вананда) с 984 года, внук Абаса I Багратуни (880–953), царя Армении с 929 года.

[5] Прим. ред.: по мнению видного армянского историка и географа, члена конгрегации мхитаристов Гукаса Инджиджяна, монастырь этот был расположен в басенском гаваре провинции Айрарат Великой Армении (см. ***Ինճիճյան*** (***Միքայելյան***) ***Ղուկաս***, Հնախօսութիւն աշխարհագրական Հայաստանեայց աշխարհի, Վենետիկ 1835 – ***Инджиджян*** (***Микаэлян***) ***Гукас*** (***Лука***), Древности Армении, Венеция, 1835, стр. 520).

[6] См. ***Dubois de Montpéreux Frédéric***, Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, Paris, 1839–1843 (том III, Атлас и том IV, Атлас, таблица XVI).

[7] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 263).

Б. Главные монастыри

Источником для сведений о старейших монастырях является Фавстос Бузанд (История Армении: книга V, главы XV–XXVII)[1]. Он в особенности упоминает о сирийском монахе Шалите и греческом монахе Епифане[2]. Оба были учениками Даниела Таронеци[3]. После смерти Нерсеса Великого (353–373/74) они удалились в область Мамбре, в пустыню Цопк и в сторону Алдзника, где основали многочисленные монастыри и построили церковь в честь мучеников в Тигранакерте. И севернее Тигра, у верховьев реки[4], наподобие месопотамского монастырского комплекса Монс Масиус (Тур-Абдин)[5] возник армянский монастырский комплекс, в части которого, лежащей к западу от Мартирополя (Майафаркин), в стране Цопк (Софена)[6] находился главный монастырь Мамбре.

По сведениям Степаноса Таронеци, сын Григория Просветителя Аристакес построил большую церковь в Хозане (Гозан)[7]. Это сведение II века, по-видимому, достаточно достоверно указывает время начала постройки и имя основателя. К сожалению, эта местность еще не обследована с точки зрения истории искусства. Будем надеяться, что там нас ждут такие же сюрпризы, как и в Тур-Абдине. В другом месте Фавстос Бузанд (История Армении: V, 31)[8] сообщает о многих женских монастырях, основанных Нерсесом Великим и укрепленных им стенами и башнями. Царь Пап, однако, велел разрушить все эти монастыри после убийства Нерсеса.

Многие группы монастырей сохранились в Северной Армении, а именно в том месте, где плоскогорье переходит в долину Куры. Например, там, где пробивается река Борчалу (Дебет), имеется 7 монастырей: Одзун, Ахпат, Санаин, Ахтала, Кобайр, Сурб Ншан и Сурб Григор. Далее у северо-западной оконечности озера Севан находятся монастыри Севан, Гетик, Гош-Мхитар (Гошаванк), Агарцин, Сурб Саргис и Джухтакванк. Список армянских монастырей приводит “География” Вардапета Вардана (Вардан Аревелци), составленная одним из его учеников[9]. В этом списке нет

---

[1] См. ***Émine Jean-Baptiste***, Faustus de Byzance, Bibliothèque historique en quatre livres – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l’Arménie, T. I, Paris, 1867 (стр. 293).

[2] Прим. ред.: Св. Шалита (Шагита) и Св. Епифан (Епифаний) – известные подвижники и целители IV века н. э.

[3] Прим. ред.: Даниел Таронеци (Даниил Таронский, Даниил Чудотворец) – ученик Григория Просветителя, святой старец, хорепископ, блюститель и глава церквей Таронской области в провинции Туруберан Великой Армении.

[4] См. ***Hübschmann Heinrich***, Die altarmenischen Ortsnamen – Indogermanische Forschungen, XVI, Straßburg, 1904 (стр. 248). Сравни с новой точкой зрения Йозефа Маркварта: ***Marquart Jozef***, Mipherqet und Tigranokerta – Հանդէս ամսօրեայ, Վիեննա, 1916, թիւ 1–12, յունուար–դեկտեմբեր (Ежемесячный журнал, Вена, 1916, № 1–12, январь–декабрь, стр. 68–135).

[5] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 и ***Bell Gertrude***, Churches and monasteries of the Tûr’Abdin and neighbouring districts – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, IX, Heidelberg, 1913.

[6] См. ***Hübschmann Heinrich***, Die altarmenischen Ortsnamen – Indogermanische Forschungen, XVI, Straßburg, 1904 (стр. 295 и далее).

[7] См. ***Gelzer Heinrich*** *und* ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр. 44).

[8] См. ***Émine Jean-Baptiste***, Faustus de Byzance, Bibliothèque historique en quatre livres – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l’Arménie, T. I, Paris, 1867 (стр. 294).

[9] Ср. Mémoires historiques et géographiques sur l’Arménie par Antoine-Jean Saint-Martin, tome II, Paris,

никаких сведений об архитектурных формах, но перечисляются реликвии и даются некоторые сведения об основателях. Я не собираюсь делать здесь такое перечисление, т. к. оно заполнило бы целую книгу. Об этом уже шла речь выше, когда мы говорили о Мармашене, Эчмиадзине, Санаине, Ариче и Одзуне. В каталоге типов рассмотрен целый ряд таких отдельных церквей при монастырях. Они разбросаны по всей обширной Армении в таком количестве, как, может быть, ни в одной стране мира. Они имеют решающее значение в развитии архитектуры. Поскольку армянские летописцы в большинстве своем были монахами, то понятно, что монастыри в их трудах играют не второстепенную роль. В этой стране скорее, чем в буддийских районах или странах христианского Средиземноморья, можно было бы написать историю искусства на основе одних только этих построек.

О целях основания монастырей и способе их строительства дает сведения также Степанос Таронеци (Всеобщая история: III, 17)[1]: “И затем он (царь Абас, 928–952) пришел к похвальному решению построить монастырь для спасения своей души и в память о себе”. Цели были те же, что и при строительстве церквей. Местом постройки он выбирает Ширим (?). “Он окружил эту постройку обширной стеной из гранитных камней квадратной формы; постройки, возведенные с большими расходами за счет его казны, удовлетворяли потребности монастырского жилья”. Хорошее представление об основательном укреплении отдельных монастырей дает монастырь Ахтала, снимок которого приводит Лалаян в журнале “Азгагракан андес” (“Этнографический журнал”)[2] (II, рис. 278). Этот монастырь, как и соседний Сионский монастырь, был основан вроде бы в V веке. Оба монастыря расположены вблизи Ахпата и Санаина и имеют грузинское происхождение. Большая церковь Богоматери, которая возвышается среди стен, была, вероятно, построена только в эпоху царицы Тамары (1184–1212). В Эчмиадзине еще сохранились крепостные стены, у других монастырей они разрушены.

Э ч м и а д з и н. При описании расположения зданий внутри монастырей я исхожу из Эчмиадзина, который от всех других монастырей отличается тем, что здесь собор является центром, и нет других больших церквей, которые могли бы с ним сравниться. За последние десятилетия хотя и были возведены новые постройки значительных размеров – библиотека, музей, дворец патриарха и высшее училище, но среди них нет второй церкви. На рис. 279 (II) я привожу старый план, снятый Марием Броссе[3]. Собор охвачен квадратным двором, в котором находятся покои

1819 (стр. 454 и далее). Там имеется перевод текста “Географии” Вардана Аревелци (стр. 407 и далее), каталог начинается со стр. 415 (*прим. ред.: страницы эти относятся не к первому, как указано у Стржиговского, а ко второму тому издания)*. В примечаниях он часто ссылается на Ришара Симона, как на свидетеля: ***Anonyme*** [***Simon Richard***], Histoire critique de la créance et des coutumes des Nations du Levant, publiée par le Sr. de Moni, Francfort, MDCLXXXIV (1684). Но эту книгу мне не удалось найти.

[1] См. ***Gelzer Heinrich*** *und* ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр. 145).

[2] См. ***Լալայեան Երուանդ***, Նշանաւոր վանքեր. Բ. Վրաց վանքեր – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1901, գիրք VII և VIII (***Лалаян Ерванд***, Знаменитые монастыри: Б. Грузинские монастыри – Азгагракан андес, Тифлис, 1901, книга VII и VIII, стр. 428).

[3] См. ***Brosset Marie-Félicité***, Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l’Arménie: exécuté en 1847–1848 (avec un atlas de 45 planches lithographies), St.-Pétersbourg, [1849]–1851 (Атлас, таблица XV), а также ***Strzygowski Josef***, Das Edschmiadsin-Evangeliar, Wien, 1891 (стр. 2) и ***Macler***

патриарха, кельи монахов и трапезная. Вокруг этого ядра расположены сельскохозяйственные здания, конюшни и базар. Из письма Лазаря Парпеци Вагану Мамиконяну узнаем, что монастырь приблизительно к 500 году настолько развился, что мог соперничать с другими монастырями[1].

От этого главного армянского монастыря другие монастыри довольно значительно отличаются. В Ариче главная церковь стоит в середине, однако она была построена только тогда, когда первоначальная церковь Григора (I, рис. 64 и 65), близкая к первому, Эчмиадзинскому типу (II, рис. 385), стала слишком малой, или когда вокруг этой древней постройки в IX веке возник монастырь. В остальном ядро монастырей состоит почти всегда из групп церквей и склепов. Обслуживающие помещения – жилища, трапезные и хозяйственные помещения монастыря – в настоящее время в большинстве случаев совершенно исчезли или заменены новыми, весьма скромными постройками. Они, следовательно, не могли иметь значительных и долговечных архитектурных форм. Поэтому трудно выявить, как эти части монастыря могли выглядеть в период первого тысячелетия христианства.

Надо думать, что древние монастыри были богато оборудованы. Степанос Таронеци (Всеобщая история: II, 4)[2] сообщает о набеге арабских войск в VII веке. Богатые украшения и великолепная утварь монастыря Св. Григора настолько возбудила их алчность, что 40 монахов было убито, и вся священная утварь церкви была разграблена. Конечно, выражение “богат украшениями” у Степаноса Таронеци не всегда следует относить к изобразительному искусству. Так как об одном монастыре он говорит, например, что последний был богат своими правилами, числом своих братий и знаменит своими мудрыми учеными (***Степанос Таронеци Асохик***, Всеобщая история: III, 7)[3]. Такая хвала высоко ценилась армянами в эпоху около 1000 года; художественных наклонностей у них тогда было меньше. В доказательство этого следует прочесть монастырский каталог Степаноса Таронеци, в котором находится указанное место[4]. Что касается числа монахов, то можно иметь в виду данные, приведенные тем же автором, согласно которым в его время (около 1000 года) в обоих расположенных рядом монастырях Ахпат и Санаин имелось 500 монахов.

К е ч а р и с. Как пример большого монастыря я привожу постройки в Кечарисе (II, рис. 280 и 281), о которых речь пойдет ниже. Справа мы видим Катогике, а слева – церковь Григора с неуклюже пристроенным жаматуном. Между ними расположены небольшие часовни и могилы. От самих зданий монастыря ничего не сохранилось.

О р о м о с. Другим монастырем, о котором уже неоднократно упоминалось, является монастырь Оромос (I, рис. 234). Этот “римский монастырь” близ Ани

Frédéric, Rapport sur une mission scientifique en Arménie russe et en Arménie turque (juillet-octobre 1909) – Nouvelles archives des missions scientifiques et littéraires, n.s., fascicule 2, Paris, 1910 (таблица III, стр. 201).

[1] Ср. с новым армянским изданием Лазаря Парпеци: ***Ղազար Փարպեցի***, Պատմութիւն Հայոց և թուղթ առ Վահան Մամիկոնեան, Թիֆլիս, 1907 (***Лазарь Парпеци***, История Армении и письмо к Вагану Мамиконяну, Тифлис, 1907). О самом письме поговорим ниже.

[2] См. ***Gelzer Heinrich*** *und* ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр. 90).

[3] Там же, стр. 128.

[4] Там же, стр. 126 и далее.

построен в виде двух групп, из которых одна расположена внизу, в долине реки Ахурян, а другая – выше, на плоскогорье[1]. Я привожу снимок более древних нижних построек (II, рис. 282). Мы видим слева церковь Минаса (I, рис. 234), затем в середине видна церковь Геворка (I, рис. 237), и с крайней правой стороны – малая часовня за могилой Ашота (II, рис. 300). Постройки относятся к X и началу XI веков. Великолепную постройку верхнего монастыря мы покажем ниже на нескольких снимках. Рис. 237 (I) и 274 (II) показывают церковь Иоанна XI века с жаматуном. О могилах Багратидов я еще буду говорить более подробно.

Н а р е к. В то время как нижний монастырь Оромос в настоящее время заброшен и разрушен, совершенно другую картину представляет монастырь Нарек – один из главных монастырей Васпуракана, расположенный южнее озера Ван (II, рис. 283). Он венчает холм, возвышающийся среди селения, хозяйственные постройки которого окружают старые стены монастыря.

Я ограничусь этими немногочисленными указаниями об армянских монастырях; мы еще вернемся к ним в связи с другими вопросами. Здесь я еще вкратце укажу на своеобразную группу построек, назначение которых сомнительно.

В а р з а а н. Своеобразную группу построек составляют развалины Варзаана близ Байбурта, по верхнему течению реки Чорох. Бахман сообщил кое-что об этих постройках в своей книге “Церкви и мечети в Армении и Курдистане”[2]. Я привожу другой снимок (II, рис. 284), показывающий наряду с упоминаемыми Бахманом восьмигранным строением (об этом ниже) и крестовокупольной церковью, помещенными им на таблице 8, развалины изящной постройки, погрузившейся в грунт и обращающей на себя внимание своими своеобразными украшениями. Было бы желательно произвести обмеры этих развалин и обследовать груды обломков посредством шурфов или раскопок.

3. Памятники

Армянская церковь своими формами конхового квадрата, четырех-, шести- и восьмиконховых построек производит скорее впечатление памятника, чем храма, так как в ней изначально отсутствуют все признаки религиозного культа. Примером этого является Багаран (I, рис. 84), боковые помещения которого были пристроены лишь впоследствии. Это заставляет нас вспомнить о Леонардо да Винчи, который в своих проектах был больше озадачен созданием памятников как таковых, чем утилитарных или даже церковных построек[3]. Только постройки с цилиндрическими сводами или продолговатой формы, а также выделение апсиды для целей культа из числа прочих упорных ниш показывают конечное религиозное назначение постройки. Этот примечательный факт возможно объяснить на основе эволюционного развития, считая, что памятники были теми прототипами, из которых развилась архитектурная форма церквей в Армении, резко отличающаяся от форм в районе Средиземного моря. Об этом поговорим ниже. Мы здесь будем заниматься изыска-

[1] См. ***Hübschmann Heinrich***, Die altarmenischen Ortsnamen – Indogermanische Forschungen, XVI, Straßburg, 1904 (стр. 445).

[2] См. ***Bachmann Walter***, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, Leipzig, 1913 (стр. 49 и далее).

[3] См. ***Richter Jean Paul***, The literary works of Leonardo da Vinci. In two volumes, volume II, London, 1883.

ниями не того, что исчезло, но могло бы иметь значение для развития церковного строительства, а лишь того, что сохранилось и может служить указанием в этом направлении. Сюда относятся, прежде всего, многочисленные надгробные памятники. Прежде чем перейти к их рассмотрению, мы приведем вид построек, занимающих среднее положение между церковью и памятником и проливающих некоторый свет на вопрос о назначении церквей в Армении. Можно было бы такие церкви по их назначению причислить к кладбищенским сооружениям. Все же следует, как мне кажется, делать различие между мартирионами, ставшими основой для сооружения меньших мартирионов, в результате чего возникли целые комплексы таких сооружений, и настоящими кладбищами, располагающимися обычно вокруг старых мартирионов (церквей и часовен в честь мучеников). Разница между ними, по всей вероятности, в том, что первые предназначались для богатых и знатных людей, а последние – для простого люда.

А. Надгробные сооружения

Отправной точкой для меня является мавзолей Диоклетиана в его дворце в Салоне (Спалато, Сплит)[1]. Там доминировал могильный купол, рядом с которым нельзя было поставить другое надгробие. Здесь также, если церковное сооружение связано с могильным куполом, трудно было бы представить рядом другое надгробие. Это напомнило мне древнехристианскую базилику в Асклепионе Милета[2]. Ближе подходят к армянскому типу те виды могил, какие нам известны в оазисе Эл-Каргех[3] и какие я нашел в Вираншере, по ту сторону Евфрата[4]. Этот же вид встречается затем и в исламе[5].

Для Армении характерно, что могила как архитектурная форма, т. е. как внутреннее помещение, не стоит отдельно от церкви, но и не образует целые города, и что кладбища окружают описанные памятники в том виде, как я попытался определить это в работе “Современное изобразительное искусство”[6]. Среди сохранившихся памятников нет ни одного, который принадлежал бы к IV–VII векам, т. е. к решающему периоду развития армянского искусства. Мы в исторической части нашего труда еще вернемся к вопросу о том, как могли бы выглядеть памятники этого раннего периода.

Степанос Таронеци (Всеобщая история: II, 2)[7] сообщает, что католикос Нерсес, бывший перед тем епископом Тайка, построил надгробную часовню Св. Григора над сводом в Арташате. Надгробной часовней является, по-видимому, также первая ча-

---

[1] Ср. ***Josef Strzygowski***, Spalato, ein Markstein der romanischen Kunst bei ihrem Übergange vom Orient nach dem Abendlande – Studien aus Kunst und Geschichte, Friedrich Schneider zum siebzigsten Geburtstage gewidmet von seinen Freunden und Verehrern, Freiburg im Breisgau, 1906 (стр. 325-336).

[2] Ср. ***Wiegand Theodor***, Vorläufiger Bericht über die von den königlichen Museen in Milet und Didyma unternommenen Ausgrabungen – Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, 1908 (стр. 30).

[3] См. ***Kaufmann Karl Maria***, Ein altchristliches Pompeji in der libyschen Wüste, Mainz, 1902

[4] См. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 100).

[5] См. ***Diez Ernst***, Die Kunst der islamischen Völker, Berlin, 1915 (стр. 81 и далее).

[6] См. ***Strzygowski Josef***, Die bildende Kunst der Gegenwart, Leipzig, 1907 (стр. 26 и далее).

[7] См. ***Gelzer Heinrich*** *und* ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр. 63).

совня Рипсиме в Вагаршапате, построенная Св. Сааком. Уже Св. Григор построил, по Агатангелосу (История Армении: VIII)[1], надгробные часовни для Рипсиме и Гаяне в Вагаршапате. Когда Комитас в 618 г. разрушил постройку Св. Саака, он нашел там, согласно Себеосу (История Геракла: XXV)[2] и Степаносу Таронеци (Всеобщая история: II, 3)[3], тело Св. Рипсиме и, положив реликвию на то же место, построил новую церковь. Если учесть склонность в Армении повторять традиционные формы, то, возможно, тип Рипсиме представляет собой древнюю форму таких надгробных построек. В остальном сами церкви, которые строились для спасения души и в память о ком-либо, служили местом для погребения, как, например, патриаршая церковь в Аргине, где был похоронен ее основатель (***Степанос Таронеци Асохик***, Всеобщая история: III, 9)[4].

Можно предположить, что создателю армянской письменности Месропу Маштоцу, когда его похоронили в Ошакане (***Товма Арцруни***, История дома Арцруни: I, 10)[5], также был поставлен надгробный памятник. Сведения, которые сообщает об этом современник Маштоца Корюн, достойны внимания: “По истечении 3 лет Вагану Аматуни, с великим рвением почитавшему Христа, удалось построить каменный алтарь с богатой каменной резьбой (кандакеал), а внутри алтаря он приготовил место упокоения святого (мартиросаран)…”[6]. С подобными размышлениями я вновь возвращаюсь к вопросу о мартирионе[7], который я когда-то называл эллинистически-восточной архитектурной формой, не связывая с этим необходимость хранения в нем реликвий. И в Армении конховые квадраты могли быть такими же мартириями. При этом не исключается, что этот тип исходил из мартириев, которые строились в честь Трдата и Григория Просветителя, по крайней мере, так можно было бы объяснить, почему конховые квадраты являются часто церквями Григора. Товма Арцруни (История дома Арцруни: II, 1)[8] сообщает о сооружении церкви Григора в Двине, которая была построена после набега персов из камней храма огнепоклонников, и куда был перенесен прах католикоса Гюта. Постройка до настоящего времени не обнаружена. Возможно, что она была разрушена при одном из землетрясений 859–860 и 892–893 гг. (***Товма Арцруни***, История дома Арцруни: III, 22)[9].

Бросается в глаза, что в Армении часто встречаются целые скопления древних построек. Выше мы приводили характерные примеры. В Мармашене, согласно над-

---

[1] См. ***Langlois Victor***, Agathange, Histoire du régne de Tiridate et de la prédication de St. Gregoire – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l’Arménie, T. I, Paris, 1867 (стр. 159).

[2] См. ***Macler Frédéric***, Histoire d’Héraclius par l’évêque Sebèos, Paris, 1904 (стр. 70).

[3] См. ***Gelzer Heinrich*** *und* ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр. 83).

[4] Там же, стр. 136.

[5] См. ***Brosset Marie-Félicité***, Histoire des Ardzrouni par le Vartabied Thoma Ardzrouni – Collection d’historiens arméniens, T. I, St.-Pétersbourg, 1874 (стр. 66).

[6] **Կորիւն**, Պատմութիւն վարուց եւ մահուան սրբոյն Մեսրոպայ , Վենետիկ , 1894 ***(Корюн,*** Житие Маштоца, Венеция, 1894, стр. 27). Ср. ***Hübschmann Heinrich***, Die altarmenischen Ortsnamen – Indogermanische Forschungen, XVI, Straßburg, 1904 (стр. 363).

[7] См. ***Strzygowski Josef***, Der Dom zu Aachen und seine Entstellung, Leipzig, 1904 (стр. 23) и ***Clemen Paul***, Die romanische Monumentalmalerei in den Rheinlanden, Düsseldorf, 1916 (стр. 688 и далее).

[8] См. ***Brosset Marie-Félicité***, Histoire des Ardzrouni par le Vartabied Thoma Ardzrouni – Collection d’historiens arméniens, T. I, St.-Pétersbourg, 1874 (стр. 70).

[9] Там же, стр. 184.

писям, главная церковь была построена в 988–1029 гг. марзпаном Ваграмом Пахлавуни как место упокоения для его семьи. Действительно, там был найден надгробный камень его жены Софии[1]. Можно предположить, что обе малые церкви[2] рядом с Катогике являются надмогильными церквями наподобие третьей, от которой остались развалины на северном кладбище, прилегающем к этой группе построек.

Хцконк находится выше Текора, в тесной скалистой долине. Рис. 25 (I) показывает четыре из этих церквей[3], пятую нужно представить позади нас, т. е. за спиной у зрителей, отдельно от других. Некоторые из этих церквей приведены выше в каталоге типов. Наибольшая церковь Сурб Саргис, возведенная до 1033 года, показана на рис. 25 (I) справа; рядом находится вторая церковь со щипцовым барабаном под складчатым куполом – церковь Богоматери 1006–1007 годов. Слева от нее расположена церковь Сурб Карапет (Св. Иоанна Предтечи), а перед ней, с левого края – церковь Св. Степаноса. Последние представляют собой небольшие купольные залы – так же, как и пятая церковь, невидимая на снимке. Вся группа часто называется монастырем, на что указывает, согласно Алишану, само название (Хцконк – кельи отшельников, монахов). Почти каждая из этих церквей имеет сбоку надгробный камень. Три малые купольные постройки, по-видимому, построены как места для молитвы за усопших, похороненных рядом в могилах. В годовщины их смерти в часовнях служат обедни. На рис. 285 (II) справа виден фасад церкви Св. Саргиса с надписью 1033 года. Слева стоит надгробный камень в круглой нише со щипцовым верхом. Надгробный камень имеет всегда одну и ту же форму с плоским крестом и плетеным орнаментом, охватывающим крест в виде прямоугольника. Сверху под аркой высечена виноградная лоза. Архитектурная рамка имеет форму ступенчатых портиков. Между надгробным камнем и церковью на заднем плане видна Беш-килисе – пятая церковь монастыря, рядом с которой также стоит надгробный памятник в своей раме.

Я обращаю внимание на то, что даже в надгробных постройках (мы ближе познакомимся с их развитием при рассмотрении старых церковных форм) конховые квадраты и постройки с упорными нишами чистого типа вытеснялись типом купольной залы. Это, однако, не должно вводить нас в заблуждение относительно первоначальных форм.

Из сохранившихся надгробных построек в особенности следует упомянуть о могилах Баградитов, находящихся по обе стороны церкви Иоанна в монастыре Оромос близ Ани. Там усыпальницы идут чередой вдоль восточной стены, громоздясь друг на друга. Я привожу наружный вид церкви с востока с группой могил на южной и северной сторонах. На рис. 286 (II) над разрушенной нижней частью церкви, слева и справа от нее, видны по две щипцовые пристройки, между скатами кровель которых поднимаются купола. Рис. 287 (II) показывает главную группу этих могил к югу, со стороны кровель летних притворов. Внизу видны отдельные усыпальницы, из ко-

[1] См. ***Brosset Marie-Félicité***, Les ruines d'Ani, première partie, St.-Pétersbourg, 1860 (стр. 67). Главная надпись приводится ниже в переводе.

[2] Ср. иллюстрацию у Броссе (там же, таблица XXXII) и Алишана (см. ***Ալիշան Ղևոնդ***, Շիրակ, Վենետիկ, 1881 – ***Алишан Гевонд***, Ширак, Венеция, 1881, стр. 147).

[3] Ср. ***Ալիշան Ղևոնդ***, Այրարատ, Վենետիկ, 1890 (***Алишан Гевонд***, Айрарат, Венеция, 1890, стр. 111). Хороший снимок, на котором видны все 5 церквей, см. Sonnen-Aufgang: Mitteilungen des Deutschen Hülfsbundes für Christliches Liebeswerk im Orient, Francfort, XIX, 1917 (стр. 68).

торых две большие охватывают одну малую. Над ними на кровле видна малая группа построек с тремя входами, как показывает рис. 287 (II). Внутри этой группы входы ведут вниз, к усыпальницам. Рис. 288 (II) показывает такой фамильный склеп XIII века. Свод с плоским перекрытием составляет притвор, из которого ступени ведут к помещению над склепом, закрытом в полу двумя плитами. На заднем плане видна стена, расчлененная короткой колонной и двойными полуколоннами, промежутки между которыми заполнены хачкарами.

Принимая во внимание данные о древних надписях с посвящениями, не может быть сомнения в том, как могли возникнуть подобные группы памятников. Отдельные лица старались пожертвованиями на постройку церквей обеспечить спасение своих душ и, вероятно, предпочитали выбирать для таких построек места, которые вообще считались священными. Сюда надо прибавить церкви, строящиеся для выполнения данного обета и, наконец, настоящие мартирии – с назначением стать могилой основателя. Во всяком случае, число церквей с прилегающей могилой основателя преобладает. Рис. 289 (II) показывает кладбище на горе близ Ошакана по снимку Смирнова[1] 1910 года, за предоставление которого я приношу последнему сердечную благодарность. Могилы рассеяны вокруг небольшой часовни, рядом с которой стоит высокий надгробный памятник – вероятно, основателю часовни. Здесь, еще нагляднее, чем в Хцконке, выявляется, что часовня, построенная для обеденной службы и молитв за умерших, не являлась исходной точкой всего кладбища, как это обычно имело место в древних церквях. В этом отношении особенно характерны Талин, Аграк и др. Мы здесь имеем дело с трех- и четырехконховыми постройками. Не связана ли эта архитектурная форма со своим первоначальным назначением? Церковь Св. Григора (Абугамренц) в Ани, как и церковь Апостолов (Аракелоц) там же, дает основание усмотреть связь между чистыми типами построек с упорными нишами и могильным культом[2]. Обе церкви принадлежали роду Пахлавуни. Из них церковь Апостолов стоит среди старого кладбища. Церковь Св. Григора имеет надпись 1040 года, которая сообщает об основании двух усыпальниц при фамильном склепе рода Абугамренц[3], ввиду чего некоторые считали оба притвора при главной апсиде усыпальницами. Верные сведения могут дать только исследования на месте и раскопки. Такие исследования следовало бы рекомендовать уже потому, что они могли бы внести ясность в вопрос о происхождении cellae trichorae[4] над катакомбами в Риме.

Б. Надгробные камни

Канон 138 Св. Василия Великого (fol. 74 r) предписывает: “Никто не смеет хоронить мертвецов вблизи церкви, а только на расстоянии не менее 40 шагов. Иначе – анафема”. Захоронение при церкви, следовательно, допускалось, но только на пред-

[1] Прим. ред.: Смирнов Яков Иванович (1869–1918) – русский археолог и историк искусства, член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук. В 1909–1912 годах совместно с Н.Я. Марром исследовал и изучал архитектурные памятники в Ани.

[2] Выше мы указывали, как именно этот вид купален мог перейти в крестильные дома.

[3] См. ***Орбели И.А.***, Краткий путеводитель по городищу Ани – Анийская серия, вып. IV, С.-Петербург, 1910, стр. 24.

[4] Прим. ред.: трехапсидные часовенки.

писанном удалении. Об этом свидетельствуют многочисленные древние кладбища. Правда, позднее кладбища приблизились к церкви, даже проникли в ее приделы (жаматуны). Древние соборы страны сейчас окружены старыми кладбищами; я еще раз упомяну Аграк и Талин (I, рис. 96 и 198). Там же можно найти самые древние надгробные камни. До сих пор никто не потрудился разобраться в этом несметном богатстве. Возможно, такую работу мы можем ожидать от Гарегина Овсепяна[1].

Рис. 290 (II) дает обычную картину кладбища: масса могильных хачкаров на пьедесталах. На заднем плане слева видна небольшая постройка, а на земле, на переднем плане, видны низкие ящикоподобные могилы. Это древнее кладбище Норадуза, расположенного на западном берегу озера Севан, близ Нор-Баязета[2]. Если это место идентично Нораванку, то там можно было найти также могилы князей и епископов Сюника[3]. Показанные на рис. 290 (II) надгробные камни, из которых самый древний относится к XIII веку, стоят вблизи церкви, о которой поговорим ниже, и указывают на две могилы: одну 1211 г., а другую – 1714 г. Семь из числа этих надгробных камней имеют особое назначение в качестве так называемых охранных камней, т. е. камней, охраняющих от злых духов[4]. Я буду рассматривать надгробные памятники, подразделив их на три главные категории: хачкары, камни с изображением баранов и ящикоподобные. Может возникнуть вопрос: что у них общего с древнехристианскими купольными постройками армян? Прежде всего они очень тесно связаны с церковью, далее – в их украшениях могут проявиться детали, встречающиеся и в отделке церквей. Особенно предпочтительны повторяющиеся орнаменты с крестом посередине, но изредка, в виде исключения, встречаются также изображения человеческих фигур. Наконец, они могут помочь разобраться в вопросе о некоторых путях распространения армянской архитектурной формы.

Х а ч к а р ы (крест-камни). Они распространены тысячами по всей стране. Один из древнейших камней из Ошакана был найден мною в разбитом виде в музее Эчмиадзина. Он изготовлен из красного туфа, имел высоту приблизительно 2,34 м и ширину 1,18 м и относился, вероятно, к VII–VIII векам. Рис. 291 (II) показывает оставшиеся части: лежащий на полу крест в круглой раме венчал этот камень. Нижняя часть – плита, стоит сзади. Она заполнена крестом над валикообразными пальметтами, обрамленными лентой с геометрическим орнаментом. Все выполнено грубым барельефом. Валик креста завершается на концах розочками и обведен двумя грубыми валиками. В углах на ветвях креста – плетеные восьмерки из двух полос. Обе пары пальметт под крестом находятся над горкой дугообразных частей и соединены узлом из нескольких полос. Верхние пальметты соединены прямыми лентами, нижние – плетением в виде восьмерок и кнопками на концах длинных, изогнутых веток. Рама состоит из ленточного плетения и розеток различного вида. Верхний

[1] Прим. ред.: Гарегин Овсепян (1867–1952) – католикос Великого Дома Киликии, крупный арменовед и искусствовед, действительный член Кавказского отделения Московского и Санкт-Петербургского императорских археологических обществ. В 1909–1911 гг. принимал участие в раскопках Гарни и Ани, производимых под руководством Н.Я. Марра.

[2] Ср. ***Ալիշան Ղեոնդ***, Սիսական, Վենետիկ, 1893 (***Алишан Гевонд***, Сисакан, Венеция, 1893, стр. 45) и ***Ալիշան Ղեոնդ***, Այրարատ, Վենետիկ, 1890 (***Алишан Гевонд***, Айрарат, Венеция, 1890, стр. 294 и далее).

[3] О семейно-родовой истории владетелей Сюника, князей и епископов Орбелянов см. Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie par Antoine-Jean Saint-Martin, tome II, Paris, 1819 (стр. 1-300).

[4] См. ***Ալիշան Ղեոնդ***, Սիսական, Վենետիկ, 1893 (***Алишан Гевонд***, Сисакан, Венеция, 1893, стр. 48).

конец может быть сопоставлен с ирландско-шотландскими крестами.

Камни более позднего периода показывают крест с удлиненной средней ветвью. Так, на рис. 293 (II) показан крест из монастыря Татев, как утверждают, IX века. Здесь преобладают вьющиеся пальметты, заполненные виноградными кистями. С обеих сторон креста имеются надписи[1]. Крест составлен из крученых валиков с пальметтами на концах. На острых концах креста показаны по три точки, обведенные кружком[2]. Лоза с валикообразным стеблем, пальметта, которая либо вытянута по необходимости, либо несколько сжата и вырезана со скосом, т. е. способом, о котором я подробно говорил в “Алтай-Иране…”.

Принятые в более поздний период виды камней показаны на рис. 292 (II); здесь изображена группа хачкаров из монастыря Кечарис[3]. Мы видим, что ленточные плетения из многих полос начинают преобладать (см. “Алтай-Иран…”). Камни здесь как бы образуют стену между двумя церквями, располагаясь на одном парапете (II, рис. 280 и 281). Большей частью на них нет надписей. Нижняя часть чаще всего заполняется богатым рисунком из ленточных плетений, крест как бы вырастает из поднимающихся по бокам полупальметт. Обрамление опять состоит из сменяющегося ленточного плетения.

Насколько примитивными были хачкары еще в XI веке, показывает надгробный камень Шушан – дочери царя Сенекерима (1003–1027) в Шушанце у озера Ван (II, рис. 295)[4]. Хачкары более позднего периода показаны в трудах Алишана, затем у Бахмана (“Церкви и мечети в Армении и Курдистане”)[5], Маклера (“Искусство Кавказа”)[6], Линча (“Армения”)[7] и других авторов. Хачкар из Мараша 1247 года опубликован мною у Гроте в книге “Моя экспедиция в Переднюю Азию”[8].

На таких хачкарах редко встречаются изображения человеческих фигур и, насколько мне известно, только в окрестностях озера Севан. Одним из таких древнейших камней является камень из Джингёла[9] 1279 г. (II , рис. 294, снимок Гарегина Овсепяна). Главную часть камня заполняет крест с изображением Христа на плите высотой 2,90 м и шириной 1,15 м. Плита расколота на 2 части. Имеется указание времени – 728 год. База высотой 0,62 м украшена изображением всадника. Все вместе имело высоту 3,52 м и уже издали производило впечатление. Я при этом вспоминаю немецкие памятники, как, например, камни (скалы) Экстернштайне в Детмольде.

---

[1] Там же, стр. 297. В надписи указано имя строителя.

[2] Такого рода украшения показаны в моем труде “Коптское искусство” (см. ***Strzygowski Josef***, Koptische Kunst, Wien, 1904, стр. 109).

[3] См. рис. 286 (II), а также другие группы у Алишана: ***Ալիշան Ղևոնդ***, Սիսական, Վենետիկ, 1893 (***Алишан Гевонд***, Сисакан, Венеция, 1893, стр. 153).

[4] Ср. ***Bachmann Walter***, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, Leipzig, 1913 (стр. 38).

[5] Там же.

[6] Прим. ред.: у Фредерика Маклера нет подобной книги или статьи. Возможно, Стржиговский имел в виду книгу Жюля Мурье с аналогичным названием (см. ***Mourier Jules***, L'art au Caucase, Bruxelles, 1907 и 1912).

[7] См. ***Lynch Henry***, Armenia: Travels and Studies, in two vol., London, 1901.

[8] См. ***Grothe Hugo***, Meine Vorderasienexpedition 1906 und 1907, 2 Bände, Leipzig, 1911–1912 (стр. CCXIX).

[9] Прим. ред.: имеется в виду деревушка Джгин или Джгуналич рядом с группой небольших озер в долине реки Веди.

Этот большой хачкар стоял у истоков Веди-чая[1] в Ереванской губернии. Ближайшая турецкая деревня – Джингёл. Надпись у верхнего края гласит: “Господь Бог, смилуйся над пароном Григором и Мамиконом, отцом и матерью Мамикона”. У верхнего конца креста: “Это – царь Иудеев”. На ленточных плетениях, рядом с верхним концом креста слева показано сияющее солнце на фениксе, справа – гладкий лик луны на баране. Оба изображения имеют надписи: на кресте сверху – “Правая рука Господа”, затем голубь – “Дух божий”[2] и на поперечной перекладине креста – “Руки, сотворившие небо, ты распростер на кресте”. Христос изображен с круглой, рассеченной на две части бородой, с нимбом вокруг головы, он нагой до пояса, с набедренником. У его ног, под армянскими буквами с обозначением символического имени Иисуса Христа (ICXC), написано: “Святой и сильный, святой и смертный, ты, который был распят, смилуйся над пароном Мамиконом”. Крест выступает над фоном, украшенным арабесками. Божья матерь, стоящая у креста, целует правую руку Христа. Под левой рукой стоит Иоанн. Ниже слева изображена фигура с головой Иоанна Крестителя, справа – фигура Иосифа. Крест стоит на горке из арабесок. На базе имеется надпись: “Я, Мамикон, слуга Бога, поставил этот памятник Спасителю (Аменапркич) для заступничества”, т. е. формула, которую мы уже знаем из надписей на церквях. Изображенный всадник, возможно, представляет великого Вардана Мамиконяна (который вел войну в 451 г.), когда он в облике сасанидского князя нападает на кентавра. Второй такой хачкар с изображением распятия также находится у озера Севан, а именно – у входа в церковь монастыря на острове. Он относится к 1653 году[3].

Хачкары часто ставятся на высокий цоколь. Я видел поблизости от церкви в Егварде холм, весь покрытый такими алтароподобными памятниками. Монастыри Ахпат и Санаин также богаты такими примерами[4]. Я привожу пример из Санаина (II, рис. 296). На основании, к которому ведут ступени между двумя нишами, возвышается хачкар с невысоким пьедесталом. Плита пьедестала имеет сильно выступающий венчающий карниз. Все части богато украшены ленточным плетением из трех полос. Это памятник позднего периода. Он украшает могилу Григора Тутеворди[5] и стоит рядом с небольшой церковью основателя[6], имеющей армянскую надпись: “В году, в котором умер Георгий (Гурген), царь Грузии (1184 г.), я, Григор

---

[1] Прим. ред.: имеется в виду река Веди – левый приток Аракса.

[2] Рука и птица часто встречаются в инициалах армянских рукописей. Необходимо исследовать, не имеют ли они символического значения.

[3] Склонность к изображениям в Севанском монастыре нашла свое выражение и в богатой резьбе двери с изображением Чуда Троицы. См. иллюстрацию Алишана (***Ալիշան Ղևոնդ***, Սիսական, Վենետիկ, 1893 – ***Алишан Гевонд***, Сисакан, Венеция, 1893, стр. 83) и фотоснимок Наапетяна (Кавказские виды, том II, снимок 7).

[4] Снимки см.: Памятники древнеармянской архитектуры в фотографиях и чертежах (под редакцией Г.Д. Гримма, составили и издали Л. Егиазаров и Р. Мартиросянц), выпуск IV и V, С.-Петербург, 1911, таблица XLVIII.

[5] Прим. ред.: Григор Тутеворди (XII в.) – средневековый армянский богослов, сторонник независимости Армянской Апостольской Церкви, также известный литератор и переписчик рукописей.

[6] См. ***Լալայեան Երուանդ***, Նշանաւոր վանքեր. Բ. Հայոց վանքեր – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1901, գիրք VII և VIII (***Лалаян Ерванд***, Знаменитые монастыри: Б. Армянские монастыри – Азгагракан андес, Тифлис, 1901, книга VII и VIII, стр. 390–391).

Мартагат, сын Тута из Хаченка, живущий под защитой Божьей матери, поставил этот крест на моей могиле в ожидании своей смерти. Я бросаюсь перед тобой на колени, блаженный перст Божий, и прошу немыми устами, чтобы ты при своем великом появлении был заступником моим, недостойного слуги Христа. Пусть все, которые молятся (Кресту), вспоминают меня во Христе. Крест поставлен при католикосе Иоанне в 634 году (1185 год), когда Св. Церковь была реставрирована. Вспоминайте меня во Христе, строителя Мхитара".

Я привел эту надпись дословно, как пример, показывающий, что хачкары ставились еще при жизни людей. В конце упомянуто имя каменотеса.

Надгробные камни, изображающие барана. В то время как у озера Севан встречаются надгробные кресты с изображением распятого Христа, мы видим в районе Вайоцдзора, к югу, между озером Севан и рекой Аракс, камни, изображающие баранов. На рис. 297 (II) приводится пример, заснятый Фридрихом Сарре в Джульфе[1]. На задней стороне фигуры написано: "Принадлежит Мануку (Эммануилу) Назару, 1027 г. (т. е. 1578 г.)".

Фигура барана стоит посреди обширного кладбища. Она, за исключением нижней стороны, вся покрыта орнаментами с различными изображениями. Рога украшены непрерывными спиральными орнаментами. Передние ноги и соединяющий их пояс покрыты пальметтами, охваченными лентами, имеющими форму сердец. На шее животного имеется плетение из двух полос. Тело и задняя часть украшены, кроме арабесок на спине, изображениями всадников, отдельных фигур и групп, состоящих из всадника, сидящего на персидский манер, и двух обслуживающих его людей, изображениями Горгоны и т. д.

Другой каменный баран в музее в Джульфе (II, рис. 299) еще больше отходит от натуры, являясь типичным продуктом камнетесного мастерства. На нем имеется надпись: "Это место упокоения души Манаса". Дату на фотоснимке нельзя разобрать, но можно считать, что эта фигура тоже относится к XVI или XVII векам. И здесь преобладают украшения в виде переплетающихся лент и пальметт. У меня есть еще один фотоснимок с фигурой барана, также из района Вайоцдзора. На этом снимке изображение барана ближе к натуре. Он представлен стоящим на коленях, на его теле полно орнаментов, а также изображение всадника[2].

Надгробные камни подобного рода на севере Европы служат, по-видимому, доказательством того, что здесь имеется более древняя связь. Езиды ставят на свои могилы фигуры коней[3]. У мусульман также встречаются надгробные фигуры ба-

---

[1] См. ***Dubois de Montpéreux Frédéric***, Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, Paris, 1839–1843 (том II, Атлас, таблица XXXVII). Там же имеется другой снимок с изображением аналогичного камня (том IV, таблица XXVIII). Прим. ред.: средневековый армянский город Джуга на берегу реки Аракс был известен своим кладбищем XV–XVI вв. с надгробными памятниками в виде хачкаров (крест-камней), а также скульптур в виде баранов, которые являлись уникальными произведениями мемориального искусства. На протяжении 1990-х годов и особенно в период с 2003 по 2009 годы, кладбище в Джуге было уничтожено азербайджанцами.

[2] См. также камень в виде фигуры барана 1604 года у Алишана: ***Ալիշան Ղևոնդ***, Սիսական, Վենետիկ, 1893 (***Алишан Гевонд***, Сисакан, Венеция, 1893, стр. 425).

[3] См. снимок у Бахмана: ***Bachmann Walter***, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, Leipzig, 1913 (таблица VII). О езидах см. ***Grothe Hugo***, Meine Vorderasienexpedition 1906 und 1907, 2 Bände, Leipzig, 1911–1912 (стр. XXIX и далее).

ранов. Так, например, Жак де Морган приводит снимок одного из магометанских кладбищ к югу от Каспийского моря, на котором видны два таких камня[1].

Я щ и к о п о д о б н ы е н а д г р о б н ы е к а м н и. Такие камни были нами показаны на рис. 290 (II), у подножия камней с крестами. Они являются наиболее распространенным видом надгробных памятников. К ним относится известный памятник на могиле Ашота в долине монастыря Оромос (II, рис. 300). На снимке видны церкви, описанные нами выше (I, рис. 234 и II, рис. 282), и небольшая однонефная постройка, видимая на заднем плане. Сама могила расположена с запада на восток. На восточной стороне снизу лежит блок в 0,88 м. На двух ступенях лежит камень длиной 2,40 м, шириной 0,88 м и высотой 0,67 м, имеющий форму ящикоподобного деревянного гроба. Кромки его украшены круглыми валиками, основание сбоку выступает, крышка скошена. На южной продольной стенке имеются две надписи – одна большого размера, от которой остались только слова “царь Ашот”, и непосредственно примыкающая к ней другая, меньшая надпись: “Ашот милосердный”[2]. К эпохе царствования царя Ашота III (951/52–977) относится, вероятно, только первая надпись.

Я здесь говорил только о господствующих общих видах надгробных камней. Об отдельных примерах и отклонениях от них я буду говорить в следующих частях моего труда. Там же придется провести сравнение с европейским Севером, где наряду со стоячими крестами также встречаются отдельные надгробные камни в виде фигур баранов. Немногие образцы надписей показывают, что надгробные камни ставились, исходя из тех же мотивов, что и церкви – ради ходатайства о спасении душ умерших. В особенности достойна внимания надпись на камне Григора Тутеворди: “Чтобы Ты (Крест) при Твоем Великом появлении, стал бы моим заступником…” Здесь, по-видимому, имеется в виду Страшный суд. Вопросом о значении, которое придается кресту, мы займемся в дальнейшем, при сравнении с Западом. Постройка церквей и надгробных памятников, таким образом, связывается со Страшным судом, что поразительным образом созвучно с известным учением Заратустры.

4. Жилища

Об армянском крестьянском доме имеется труд Парсадана (Месропа) Тер-Мовсесяна, опубликованный в “Сообщениях Антропологического общества в Вене” (новый выпуск)[3]. Так как крестьянский дом не имел влияния на церковное строительство, то я не буду на нем долго останавливаться, хотя в исследовательской экспедиции участвовал специалист по этому вопросу. Мы не обнаружили крестьянских жилищ, покрытых сводом или куполом. Но если об армянском народном жилище не может быть и речи в связи с возникновением церковной архитектуры, то все же одним из ее истоков, наряду с купелями и надгробными постройками, могли быть и жилые дома. Чтобы дать наглядное представление об армянском доме, я привожу

[1] См. Mission scientifique en Perse par Jacques de Morgan, Paris, 1895-1904 (том I, стр. 259).

[2] Надпись прочитана о. Нерсесом Акиняном по фотографии. См. ***Brosset Marie-Félicité***, Les ruines d'Ani, première partie, St.-Pétersbourg, 1860 (стр. 61), ***Ալիշան Ղևոնդ***, Շիրակ, Վենետիկ, 1881 (***Алишан Гевонд***, Ширак, Венеция, 1881, стр. 29) и альбом Наапетяна (Кавказские виды, том I, снимок 19).

[3] См. ***Ter-Mowsesjanz Parsadan***, Das armenische Bauernhaus – Mittheilungen Anthropologischen Gesellschaft in Wien, Band XXII (Der neuen Folge – Band XII), Wien, 1892 (стр. 125–172).

снимок дома в Вшни у озера Ван (II, рис. 301)[1]. Слева, в середине реки, виден один из описанных нами выше хачкаров. Вдоль склона горы тянутся ряды домов. Всюду навесы на деревянных стойках, рядом – хлева, на которых громоздятся сено, солома и навозные лепешки для отопления. Для сравнения предлагаем читателю обратить внимание на вид поселка при монастыре Нарек (II, рис. 283), а относительно формы домов – на вид города Мцхет, приводимый ниже.

Итак, крестьянский дом не может рассматриваться как исходная строительная форма для церкви, и думается, что истоками церковного строительства (помимо форм купелей или надгробных строений) могли послужить иные виды жилищного строительства армян. По всей вероятности, это могли быть замки и дворцы, которые в Армении были более раннего происхождения, чем церкви, и вполне возможно, что церкви, как помещения для собраний, заимствовали свои архитектурные формы от светских зданий, имевших то же назначение. Христианство, как мы увидим, было введено царской династией Аршакидов и другими армянскими родами (нахарарами). Массы не сразу последовали за ними. В Армении, следовательно, христианство не возникло сначала в угнетенных низших слоях населения, а поддерживалось (по крайней мере, в первый период) господствующим классом. Лишь с V века религия проникла в самые низшие слои народа. Поэтому не считаем невозможным, что в армянском церковном строительстве могут обнаружиться следы такого развития.

Надо обратить внимание на развалины крепости на горе, показанные на рис. 301 (II).

А. Замки

У армянских историков постоянно упоминается о замках, как об опорных пунктах феодалов, а также царей и могущественных церковнослужителей. Имеющие власть защищают ее, опираясь на укрепленный замок. Хотя наша исследовательская поездка должна была касаться исключительно церковной архитектуры, мы здесь все же укажем на два примера сравнительно хорошо сохранившихся замков, чтобы не было пробела. Первым примером служит Магасберд, мимо которого мы проезжали по пути из Ани в Текор, и о котором наглядное представление дает снимок Наапетяна (II, рис. 302). Три мощные полукруглые башни обращены наружу, являясь опорными пунктами примыкающих к ним зубчатых стен. Благодаря снимкам Тораманяна, который интересовался замками так же, как и церквями, я имел возможность познакомиться со вторым примером – с Тигнисом, фотоснимок которого Тораманян послал мне уже в 1912 году. Развалины этого замка находятся в 3 км от Ширакавана. В надписи 1262 года упоминается его название. Тораманян предполагает, что этот замок мог быть построен в X–XI веках для Багратидов еще до основания Ани. Мы и здесь (II, рис. 303) видим три башни в качестве опорных и оборонительных элементов стены. Для нас важен тот факт, что и в этих сооружениях светского характера применялась та же строительная техника, с которой мы уже познакомились по церковным постройкам. Мы видим ниже части стен без облицовочных плит и с открытым бетонным ядром. Рис. 304 (II) показывает часть сооружения изнутри, подтверждая то, что писал мне Тораманян, а именно, что постройка имела 3 этажа с

[1] Прим. ред.: по всей вероятности, речь идет о Бджни, который находится в районе озера Севан, а не Ван.

10 комнатами на каждом. Мы видим поднимающуюся из груды обломков башню. Внизу имеется лестница к высокой комнате, над которой находилось, вероятно, второе, менее высокое помещение. Третий снимок (II, рис. 305) имеет для нас особое значение, потому что он показывает, что в замках имелись подобные церквям помещения монументальных размеров. На снимке виден (как если бы мы имели дело с нефом церкви, направленным на восток) северо-восточный пилон купольной постройки, на котором еще сохранился угловой тромп из клиновидных камней. Справа к среднему квадрату примыкает апсида, а слева – поперечный неф, покрытый цилиндрическим сводом. Простая полочка обозначает место импоста арки, которая, вероятно, имела подковообразную форму. Валяющиеся вокруг обломки принадлежали, по-видимому, более крупному сооружению, чем часовня. В одном из немецких журналов Эрнст Диц опубликовал подробную статью о замках Малой Азии, причем он упоминал также о грузинских памятниках, пользуясь данными д-ра Эдмунда Кюттлера[1]. Относительно Армении, кроме развалин у Ошакана, следует учесть также Текор и прочие, а также труды Мовсеса Хоренаци, Товмы Арцруни (о замках Багратидов у Ахтамара, II век[2]), Степаноса Таронеци и других авторов.

Вовсе не случайно, что наша исследовательская экспедиция встречала сравнительно немногочисленные замки. Замки, как национальные оборонительные пункты, первыми подвергались разрушению со стороны сменяющихся чужеземных захватчиков. Все же следовало бы точно заснять то, что осталось. В Армении даже в большей мере, чем в других странах, где церковная архитектура с самого начала вводила свои собственные формы, а не приспосабливала для своих целей местные формы, можно предположить влияние светской архитектуры на церковную. Я при этом указываю на сведения, которые пытался привести Фридрих Зиссельберг в качестве доказательств для скандинавских круглых церквей[3]. Об этом более подробно поговорим ниже при обсуждении вопроса о распространении типа Багарана.

Мы здесь укажем только на то, что сами церкви в IV веке, вероятно, имели вид замков. По крайней мере, весьма часто упоминается, что они были обнесены валом. Агатангелос (История Армении: LVIII)[4] сообщает, что Григор, перед тем как приступить к постройке церкви, окружал предназначаемое для нее место стеной и водружал на ней крест. Говоря о самих церковных строениях, он вновь упоминает об обнесении их стенами (***Агатангелос***, История Армении: XXV)[5]. Фавстос Бузанд (История Армении: III, 3)[6] рассказывает о восстании язычников против католикоса Вртанеса I Партева (333–341): “Эта толпа уже окружила большую стену церкви в Аш-

[1] См. Der Burgwart. Zeitschrift für Burgenkunde und mittelalterliche Baukunst, Berlin, 1915, XVI (стр. 90 и далее), а также мою статью в книге Франца Дёльгера “Константин Великий и его время” (***Dölger Franz Joseph***, Konstantin der Große und seine Zeit, Freiburg im Breisgau, 1913, стр. 370 и далее).

[2] Прим. ред.: Товма Арцруни писал о замке Гагика Арцруни. Багратиды у Ахтамара замка не имели.

[3] См. ***Seeßelberg Friedrich***, Die früh-mittelalterliche Kunst der germanischen Völker, Berlin, 1897 (стр. 77 и далее).

[4] См. ***Langlois Victor***, Agathange, Histoire du régne de Tiridate et de la prédication de St. Gregoire – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l’Arménie, T. I, Paris, 1867 (стр. 166).

[5] Там же, стр. 176.

[6] См. ***Émine Jean-Baptiste***, Faustus de Byzance, Bibliothèque historique en quatre livres – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l’Arménie, T. I, Paris, 1867 (стр. 211).

тишате. В то время как Вртанес, войдя в храм, служил обедню, восставшие готовились к осаде". Во втором каноне Св. Саака также упоминается об оборонительных стенах церквей (Венская библиотека мхитаристов, fol. 114)[1]. Примеры церквей с крепостными стенами (например, в Татеве и Ахтале – II, рис. 278) в данном труде приводятся ниже[2].

О замках в области озера Ван пишет Вальтер Бахман[3]. Урартские и исламские формы здесь тесно связаны с армянскими. В отношении грузинских замков см. указанные нами выше выпуски "Материалов по археологии Кавказа". Среди армянских областей следует в особенности выделить район Тайка. В районе Хоторджура на реке Чорох находятся 7 сел с развалинами крепостей[4].

Б. Дворцы

Исследователей христианского искусства интересует в особенности строительство дворцов эпохи возникновения христианства, т. е. около 300 года. К сожалению, в Армении нет ни Мшатты, ни Спалато. Может быть, тут уместнее вспомнить старые части западного фасада Амиды[5]. Мы должны ограничиться теми немногими данными, которые можно было выявить попутно во время исследовательской экспедиции, направленной исключительно в сторону исследования церковной архитектуры.

Об обработке соответствующих памятников здесь пока не может быть речи. Я только хочу побудить к этому тем немногим, что я могу представить. Следует различать два вида дворцов: дворец царя и дворец католикоса. Так как самым значительным сохранившимся памятником этого рода является дворец одного из католикосов, то я начну с этой группы.

Д в о р ц ы к а т о л и к о с о в. Самый древний дворец этого рода находился, вероятно, в Аштишате. Наилучшее представление о нем можно получить из сообщения Фавстоса Бузанда (История Армении: IV, 14)[6] о посещении Нерсеса Великого (359–373) отцом Мардпетом: "Перед трапезой он совершал прогулку, направляясь из епископской резиденции и дворца к часовням Св. Мучеников (Иоанна и Атанагинеса), и прогуливался по всей большой и прекрасной территории, делая круговой обход". Тут же можно вообразить дворец типа Звартноца. Нерсес Великий находился в то время в летних резиденциях, принадлежавших ему как католикосу. Они

---

[1] См. Սուփերք հայկականք, հատոր Բ, Վենետիկ, 1853 (Армянская библиотека, Том II, Венеция, 1853, стр. 51).

[2] В отношении Эчмиадзина и церкви Рипсиме см. ***Macler Frédéric***, Rapport sur une mission scientifique en Arménie russe et en Arménie turque (juillet-octobre 1909) – Nouvelles archives des missions scientifiques et littéraires, n.s., fascicule 2, Paris, 1910 (таблицы III–IV).

[3] См. ***Bachmann Walter***, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, Leipzig, 1913 (таблица I и далее), а также ***Ritter Carl***, Die Erdkunde von Asien, Bd. VII, Berlin, 1846 (том IX, стр. 977 и том X, стр. 297 и далее).

[4] См. ***Հաճեան Ս.***, Ծրարաջուրի բերդը – Հանդէս ամսօրեայ, Վիեննա, 1909, թիւ 1, յունուար (***Ачян М.***, Крепость Цараджура – Ежемесячный журнал, Вена, 1909, № 1, январь, стр. 24–27).

[5] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 136, 198 и далее).

[6] См. ***Émine Jean-Baptiste***, Faustus de Byzance, Bibliothèque historique en quatre livres – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, T. I, Paris, 1867 (стр. 250).

были расположены в 15 кантонах, главным образом в Араратском, Даранагикском и Таронском, в тех местах, где раньше находились храмы идолопоклонников, составившие впоследствии основную собственность католикосов. Об этом будем говорить в исторической части нашего исследования. Создается впечатление, что этот исчезнувший мир легко мог послужить импульсом для архитектуры армянской церкви.

Кроме того, в армянской литературе часто приводятся сообщения о дворцах, построенных католикосами: в V веке в Двине, в VII веке в Звартноце и Аруче, в X веке в Аргине и т. д. Уже говорилось о грудах обломков в Аруче, из которых у края лощины еще выступают мощные стены. Здесь в качестве примера приведем только раскопанный дворец в Звартноце. Дворец и церковь составляли один комплекс, как это было вообще принято у католикосов (наподобие Ватикана и собора Св. Петра). Этот момент интересно освещается в рассказе Степаноса Таронеци (Всеобщая история: II, 2)[1] из жизни католикоса Тер-Есаи (775–786). Мать последнего с ребенком у груди просила милостыню перед дворцом католикоса, не решаясь войти в него. Она стояла перед входом в церковь, ту самую церковь, в которой ее мальчик был впоследствии воспитан, стал затем епископом и католикосом.

З в а р т н о ц. Выше мы уже говорили о церкви Нерсеса III (641–651). Дворец, по имеющимся данным, был построен одновременно с церковью и раскопан также вместе с нею. План снят Тораманяном, фотоснимки мы добавили после, сняв их во время нашей экспедиции. Рис. 11 (I) показывает общий вид всего места[2], рис. 306 (II) дает вид раскопанных развалин. Фундаменты сохранились довольно хорошо, благодаря чему можно было без затруднений снять план. Дворец, как и в Аруче, находился у южной стороны церкви и, в отличие от Аруча, заходил за западную сторону церкви. Ворота были, по-видимому, общие. Оси зданий имели общее направление.

Так как генеральный план, снятый Тораманяном (I, рис. 108 и 112), уже дает основание для выявления постепенной эволюции дворца (которая может служить характерным примером), то я приведу на рис. 307 (II) снятый им план дворца, который дает чисто объективную картину. За рядом колонн, замыкающих площадь собора на юге (на иллюстрации – слева), открывается почти квадратный блок зданий. Он нанесен на генеральный план (I, рис. 108) бледными линиями. На его месте показана постройка продольного типа с 4 колоннами. По тем данным, которыми мы располагаем сегодня, блок (II, рис. 307) имел размеры 19,72 м x 18,97 м и был расчленен на 9 помещений глубиной по 5,10 м, при ширине среднего ряда 7,08 м, обращенного к портику ряда – 4,08 м, и другого ряда – 4,64 м. Восточный ряд совершенно отделен от других и имеет сквозную анфиладу дверей. Оба других ряда показывают совершенно отдельные комнаты с выступами для их внутреннего членения, только обе средние комнаты соединены между собой и не имеют таких выступов. С западной стороны проходил коридор шириной 2,78 м, на который выходил ряд пилонов залы шириной 9,80 м, видной на рис. 306 (II) на переднем плане[3]. На рис. 307 (II) ясно видно, что

[1] См. ***Gelzer Heinrich*** *und* ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр. 76).

[2] См. ***Тер-Мовсесян Месроп***, Раскопки развалин церкви Св. Григория близ Эчмиадзина – Известия Императорской Археологической Комиссии, выпуск 7, С.-Петербург, 1903, стр. 68.

[3] Ср. ***Macler Frédéric***, Rapport sur une mission scientifique en Arménie russe et en Arménie turque

каждому из четырех пилонов коридора соответствовал ряд из двух колонн. Мы здесь, следовательно, имеем дело с типичной персидской залой с колоннами. Базы колонн имеют четырехугольные основания высотой 0,30 м, на которых лежит валик высотой 0,12 м с диаметром 0,50 м. С севера примыкала зала, видимая на рис. 308 (II) на переднем плане. Ее размеры составляют 16,40 м x 9,85 м, она сужена тремя далеко выступающими вперед пристенными пилонами до 6,27 м. Если всмотреться в рис. 308 (II), то можно заметить, что пилоны оканчивались двойными полуколоннами диаметром в 0,48 м и с базами в виде перевернутой кубической капители. Зала была, во всяком случае, покрыта сводом. Подобные залы встречаются в персидских дворцах, как, например, в Сарвистане[1]. Там еще сохранился свод с овальными арками. Между пилонами имеются конхи. На рис. 307 (II) слева видны 2 разделенных коридором помещения, за которыми находятся развалины церкви. Примечательно, что на том же рисунке слева виден вестибюль шириной в 2,67 м с тремя сохранившимися крестовыми пилонами у восточного конца, тут же лежит капитель импоста (II, рис. 309). Вестибюль с западной стороны завершается нишей с сиденьями, которая начинается за поперечным проходом, имеет глубину 3,05 м и ступенчатый разрез, благодаря боковым сиденьям (2,86 x 1,25).

Этот проход с пилонами ведет из залы с колоннами и из вестибюля с пилонами мимо церковной площадки за жилищный блок. Мы проходим сперва комнату и попадаем в вестибюль размером 13,88 м x 3,63 м, который на востоке двумя пилонами толщиной 1,74 м x 0,93 м раскрывается в сторону широкого помещения, размеры которого составляют 14,40 м x 5,73 м. Дверь отсюда ведет на южную сторону, в помещение шириной 4,54 м, выступающее за угол жилищного блока и раскрывающееся к востоку в апсиду шириной 4,90 м, перед которой расположено помещение шириной 5,63 м и глубиной 2,95 м. В этой “часовне” были найдены обломки колонн и перегородочных плит. Между прочим, здесь оказалась база колонны с квадратной подколонной плитой и круглым валиком. Эта база замечательна тем, что на ней имеются в углах переходные элементы от квадрата к кругу, как в романской архитектуре. Затем была найдена еще одна база с круглой подколонной плитой, с валиком и профилированным переходом. Декоративная плита имеет две розетки с плетеным орнаментом из двух лент. Из двойной залы, расчлененной двумя пилонами, на восток, в баню ведет дверь шириной 1,74 м.

При общем обзоре видно, что дворец расчленен на четыре части:

1. Восточная жилая часть с двойной залой, баней и часовней, к ней относится последняя анфилада комнат квадратного блока, т. е. три комнаты, отделенные от других комнат западной стороны глухой стеной.

2. Вторая жилая часть из шести комнат, из которых четыре боковые комнаты

(juillet-octobre 1909) – Nouvelles archives des missions scientifiques et littéraires, n.s., fascicule 2, Paris, 1910 (таблица XII).

[1] См. ***Flandin Eugène*** *et* ***Coste Pascal***, Voyage en Perse, Paris, 1851-1854 (таблица XXVIII), ***Rawlinson George***, A manual of ancient history, from the earliest times to the fall of the Western empire, comprising the history of Chaldæa, Assyria, Media, Babylonia, Lydia, Phoenicia, Syria, Judæa, Egypt, Carthage, Persia, Greece, Macedonia, Rome, and Parthia, Oxford, The Clarendon press, 1869 (стр. 586), ***Perrot Georges*** *et* ***Chipiez Charles***, Histoire de de l'art dans l'antiquité. Tome V: Perse, Paris, 1890 (стр. 566) и пр. Ср. ***Strzygowski Josef***, Die sasanidische Kirche und ihre Ausstattung – Monatshefte für Kunstwissenschaft, Band VIII, Leipzig, 1915 (стр. 356 и далее). План приведем ниже.

имеют выступы и отдельные входы. В середине расположены две залы, не сообщающиеся с боковыми комнатами.

3. Залы для приемов или заседаний.

4. Сооружения, относящиеся к воротам из мощных тёсаных блоков, ведущие от основных жилищных и церковных построек вниз, в долину. Вход в общий комплекс зданий находился точно по главной оси собора. Следовательно, церковь и дворец имели лишь один общий вход (I, рис. 108).

Я вкратце рассмотрю отдельные части, чтобы впоследствии подыскать родственные архитектурные типы. В восточной жилищной части нас интересует средняя зала с вестибюлем, расположенным за двумя пилонами между баней и апсидой. Мы представляем себе все помещения покрытыми цилиндрическими сводами. Особенно обращает на себя внимание зала с колоннами и зала, с западной части крепленная пилонами. Первая открывается четырьмя свободно стоящими пилонами в сторону жилищного блока. Эти пилоны хорошо видны на рис. 306 (II). Внутри на одной линии с ними стоят по 2 колонны. Я, к сожалению, не смог точно установить их места, а в план Тораманяна они еще не были занесены. Мы только определили квадратные плиты баз в 0,60 м. Следует обратить внимание на то, что средний неф не шире, чем остальные. При ширине залы в 9 м данные опоры довольно слабы. Зала с пилонами имеет примерно такой же пролет в 9,85 м, который, правда, суживается до 6,27 м из-за выступающих перед стеной на 1,88 м пилонов с шириной 1,30 м. Эти пилоны имеют с лицевой стороны ступенчатый выступ шириной в 0,67 м. Выступающая на 0,27 м часть превращена в пару полуколонн, как это можно представить себе по рис. 201(I)[1]. Кубическая база с двумя круглыми валиками сохранилась. Без сомнения, эта зала тоже была покрыта сводом, о чем еще скажем ниже. Со стороны поперечной стены, прилегающей к внутреннему двору, выступают еще два пилона. За одним из них, в наружном углу, находится конец одного из двух жилых комплексов. Вдоль этого блока тянется проход, отделенный от двора пилонами с крестообразным сечением, из которых сохранились три. Около западного пилона лежал обломок капители, обращающий на себя внимание своей ярко выраженной формой, напоминающей импост (II, рис. 309). Едва ли эта капитель могла принадлежать пилонам, которые хотя и имели размер 1,23 м в квадрате, но сужались до 0,61 м, в то время как капитель имеет нижний диаметр 1,17 м и размер сторон абаки 1,42 м при высоте 0,96 м. Эта капитель, следовательно, слишком велика для пилонов.

Маклер, посетивший развалины дворца в 1909 году, приводит некоторые фотоснимки и полагает, что следует различать две отдельные части дворца. Он считает, что южная часть была предназначена для монахов, секретарей и прислуги, а западная служила покоями католикоса и состояла из двух зал и личных помещений. Он обратил особое внимание на юго-восточный угол, “где были также три почти нетронутых приспособления с вентиляцией и керамическими трубами, видимо, для зимнего обогрева, хотя никаких следов очага не было”[2].

Я не уверен, можно ли согласиться с таким объяснением назначения помеще-

[1] Прим. ред: рис. 201 (I) относится к Талину.

[2] ***Macler Frédéric***, Rapport sur une mission scientifique en Arménie russe et en Arménie turque (juillet-octobre 1909) – Nouvelles archives des missions scientifiques et littéraires, n.s., fascicule 2, Paris, 1910 (стр. 87 и таблицы XIV–XVI).

ний. Прежде всего, мы, по-видимому, имеем дело не со всем дворцом. Католикос, находясь в свойстве с царским домом и с самыми родовитыми аристократическими родами, имел в своем придворном штате одних только епископов 12 человек[1], живших вместе с ним в его дворце в качестве заместителей, помощников и советников верховного священника. Обычай, состоящий в том, что 12 епископов жили в резиденции патриарха в его дворце, сохранился в Эчмиадзине до XVIII века. Ввиду этого я предполагаю, что здание простиралось дальше на юг, и что зала с колоннами заканчивалась там (триконхом?). Этому, однако, противоречит предположение Тораманяна (I, рис. 108). При этом возникают другие вопросы. Если считать, что в западной части находились вестибюли и приемные помещения, а в южной части – покои патриарха, то непонятно назначение восточной части, состоящей из залы (расчлененной двумя пилонами), апсиды и помещений с каналами. Подобное распределение я обнаружил в развалинах одного грузинского дворца, которые описал Дюбуа де Монпере[2].

Р а з в а л и н ы д в о р ц а в Ц и х е д а р б а с и. Этот дворец при взятии города русскими стоял со своими красивыми куполами в полной сохранности, а затем до 1823 г. использовался в качестве каменоломни для постройки половины Кутаиса, пока повелением царя это разрушение не было остановлено. Дюбуа нашел на берегу Риона лишь последние остатки крупного сооружения. На рис. 310 (II)[3] еще виден средний купол между отдельно стоящей небольшой церковью и другими остатками стен. Нижние части состояли из тёсаной кладки, а верх – из хорошей кирпичной кладки. План представляет собой четырехугольник с длиной сторон в 116 футов. Южный фасад имел три полукруглые башни. Рядом со средней башней находятся входы к купольному квадрату с крестообразной конфигурацией 86 фт x 76 фт. Это помещение освещалось через восьмиугольный купол диаметром 44 фт, опирающийся на восемь арок. Говорят, что когда-то на куполе имелся фонарь. В середине сводчатых восточных помещений находилась зала в 32 фт x 26 фт с полукруглой апсидой в 9 фт с низкими полуколоннами. Под этой залой находилась комната. На западе лестница вела к шести более новым помещениям. На северной стороне главного помещения имеется деревянный балкон. О виде с кровель дает представление карта[4]. Развалины принято называть “дворцом царицы Тамары”. Однако Дюбуа предполагает, что эта постройка более древняя и относится к эпохе царей лазов. Архитектура, безусловно, имела византийский характер. Дворец находился на острове, расположенном между каналом и Рионом. Имелись мосты, из которых один вел на север и в сторону Кутаиса. Небольшая церковь на южной стороне с плоской апсидой имела внутри кирпичную, а снаружи – каменную кладку. Несмотря на обрушение свода, еще заметны следы живописи и многочисленные граффити.

Я вижу сходство с Звартноцом в том, что зала с апсидой на восточной стороне смежна с двумя соседними комнатами. Подразделение, конечно, другое, но и там

[1] См. ***Gelzer Heinrich***, Die Anfange der armenischen Kirche – Berichte der Königlichen Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, XLVII, Leipzig, 1895 (стр. 146).

[2] См. ***Dubois de Montpéreux Frédéric***, Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, Paris, 1839–1843 (том II, Атлас, таблицы III и XIV, а также текст – стр. 200 и далее)

[3] Там же, Атлас, таблица XIV.

[4] Там же.

имеется длинный ряд сквозных комнат: там – девять, здесь – шесть. От дворца в Звартноце сохранились только нижние части стен, поэтому мы можем судить о дверных проемах, но не о перекрытии и освещении. Бросается в глаза, что среди раскопанных руин Звартноца не был обнаружен купол, хотя вся концепция прилегающего большого собора основывается на этом куполе. Может быть, купол находился на южной стороне. Во дворце в Цихедарбаси купол занимает середину сохранившейся постройки. В царских дворцах он играет важную роль.

В. Царские дворцы

Дворец часто называется “портой”. Церковный собор в Двине, по Степаносу Таронеци (Всеобщая история: II, 2)[1], происходил при царской порте в царской зале. Название “царская порта” для царского дворца так же обычно, как в более поздние времена – название “высокая порта” (дарбас). Поездка ко двору в Константинополь называется также “поездкой к порте императора греков”[2]. Царский дворец находился обычно вблизи от столицы. Вот как описывает Товма Арцруни (История дома Арцруни: III, 36)[3] дворец, построенный Гагиком (904–938) в Ахтамаре. Приводим только ту часть текста, которая касается самого дворца и дает наглядное представление о богатстве и роскоши таких дворцов: “Дворец, видимо, имел четырехугольную форму, 40 футов[4] в ширину и столько же в длину и высоту. Стена в три больших шага представляет собою массив из извести и камня и кажется массой, выплавленной из свинца и меди. От фундамента до конька здание возвышается свободно, без опорных колонн: это действительно невообразимое чудо. В нем находятся покрытые сводами подвалы, прекрасные коридоры, которые трудно себе представить; имеются купола, прочные как небосвод, украшенные и сверкающие золотом. Кто хочет ими восхищаться, должен снять свой головной убор, как будто оказывая почесть монарху, и только тогда он может, не без ощущения боли в шее, восхищаться эффектом красок”.

“Архитектура дворца настолько величественна и возвышенна, что превосходит всякое воображение, и понимающий человек, осмотревший одну только комнату в течение нескольких часов, выходя из нее, не сможет отчитаться о том, что он видел. Там находятся золоченные кресла и там восседает со спокойным величием царь, окруженный молодыми пажами с блестящими, веселыми глазами, музыкантами и группами прелестных молодых девиц. Встречаются здесь также полки солдат с обнаженными саблями, борцы, обученные борьбе. Тут и там размещены львы и другие хищные звери, вольеры для птиц с пестрым оперением. Если бы мы захотели все перечислить и обо всем рассказать, то не хватило бы терпения ни у рассказчика, ни у слушателя.

В этом восхитительном дворце есть тонко и красиво отделанные двери. Когда обе их створки открываются, то создается приятный сквозняк. Находясь друг против друга, эти створки кажутся сделанными по одной и той же модели”. Товма Арцруни

---

[1] См. ***Gelzer Heinrich*** *und* ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр. 67).

[2] Там же, стр. 124.

[3] См. ***Brosset Marie-Félicité***, Histoire des Ardzrouni par le Vartabied Thoma Ardzrouni – Collection d’historiens arméniens, T. I, St.-Pétersbourg, 1874 (стр. 238).

[4] Прим. ред.: у Товмы Арцруни – “40 локтей”.

также сообщает, что постройка обошлась в 200000 железных фунтов, и что она, находясь посреди города Ахтамара, производила такой же эффект, что и холм, возвышающийся над городом. Как мы видим, описание указывает на применение бетонных стен и особо подчеркивает исключительное впечатление, полученное от куполов и отделки дворца.

Исходя из этого описания, можно сделать выводы о еще более древних дворцах. Я привожу текст из Фавстоса Бузанда (История Армении: V, 6)[1], где описывается убийство Глака (или Длака) Мардпета царем Папом (368–374). Глак был приглашен к ужину во внутренние помещения дворца. Ему дают войти в коридор, ведущий в комнаты царя. “Этот коридор был узок и освещался через несколько малых отверстий в потолке”. Там его схватили и привели к царю, который приказал отвести его в гардеробную, где он и был задушен на глазах у царя.

Отец Александр, д-р Матикян, обратил мое внимание на текст, где говорится еще об одном, более древнем дворце. Анонимный автор, или Псевдо-Себеос, сообщает в неправильно составленном предложении: “На основании книги философа Мар Абаса из Мцурка и обратив внимание на надпись, обнаруженную последним на опоре (колонна, “сюн” ?) в городе Мцбине[2], в столице царя Санатрука, против ворот царского дворца, под обломками царского дома… Колонны (сюнк) этого дворца нужны были для дворца царя Персии. Когда приступили к раскопкам развалин, чтобы найти эти колонны, нашли высеченную на передней стороне камня надпись (ардзанагир) на греческом языке, указывающую годы царствования пяти армянских и парфянских царей”[3]. Тексты этого анонимного автора относятся наполовину к V и отчасти к VII векам. Приведенная надпись относится к V веку. Время царствования Санатрука спорно – не то 75–110, не то 178–196 гг.

Теперь я перехожу к описанию дворцов, руины которых мне довелось увидеть.

Два дворца в Ани. Один из этих дворцов, к которому ведет дорога по перешейку, венчает цитадель и охватывает древнюю церковь 622 года. Другой дворец расположен на противоположной стороне, он занимает северный угол городской стены и граничит с Цветниковым ущельем. Его главный фасад обращен в сторону города, церкви Апостолов и церкви Гагика. Мы обязаны снимками Тораманяну. Сперва я вкратце опишу Северный дворец, верхняя часть которого, по всей вероятности, возникла в эпоху сельджуков, после чего перейду к Замковому дворцу, т. е. к более древнему периоду.

С е в е р н ы й д в о р е ц[4]. Рис. 312 (II) показывает слева внизу три мощных цилиндрических свода, которые с этой стороны несут на себе верхнюю часть по-

---

[1] См. ***Émine Jean-Baptiste***, Faustus de Byzance, Bibliothèque historique en quatre livres – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l’Arménie, T. I, Paris, 1867 (стр. 285).

[2] Согласно Фавстосу Бузанду (История Армении: IV, 14), Мцурк был городом, основанным Санатруком и разрушенным уже в IV веке. Название Мцурка искажено в виде Мцюна или Мцбина (см. ***Մատիկեան Ադբրսանդր***, Անանունը կամ Կեղծ-Սեբէոս, Վիեննա, 1913 – ***Матикян Александр***, Анонимный автор или Псевдо-Себеос, Вена, 1913, стр. 67). Город находился в горной Армении, между Мурадом и Евфратом.

[3] Там же, стр. 73.

[4] № 5 на приведенном мною плане города (I, рис. 41); см. ***Орбели И.А.***, Краткий путеводитель по городищу Ани – Анийская серия, вып. IV, С.-Петербург, 1910, № 9. У Линча (см. ***Lynch Henry***, Armenia: Travels and Studies, in two vol., London, 1901, том I, стр. 363) дан вид с юга.

стройки. Бетонные стены подвального этажа, облицованные плитами, направлены по оси к средней зале в форме наполовину разделенного квадрата (II, рис. 313, план подвала). План верхнего, первого этажа (II, рис. 314) напоминает купольную залу в сохранившихся руинах Цихедарбаси (II, рис. 311). Как там, так и здесь на эту залу выходят большие помещения, здесь – в направлении с востока на запад, при этом западное помещение открывается на залу, в то время как восточное образует вестибюль, лобовая сторона которого видна на наиболее известных снимках развалин Ани (II, рис. 312). Линч считает[1] этот "дворец Пахлавидов"[2], как его обычно называют, складом, в качестве чего, вероятно, и служили его подвалы. Фасад с цветной керамикой, мозаикой, боковыми сталактитовыми углами[3] и окном над дверью, обрамленным аркой в виде седла, хорошо виден на фотоснимке Броссе[4].

Дворец цитадели[5]. Он когда-то полностью доминировал над Ани, как видно на рис. 18 (I) наверху. В настоящее время его верхняя часть почти полностью исчезла, и только на основании еще сохранившихся подвальных стен северо-восточной стороны, которые были раскопаны Марром в 1907–1908 гг., можно составить себе слабое представление о сооружении[6]. На рис. 315 (II) я привожу вид дворца[7], а на рис. 316 (II) – его план.

Замок, построенный первоначально Камсараканами, был расширен Багратидами. Главный вход на западе ведет в коридор, делящий всю постройку на две части – на верхнюю часть напротив церкви 622 года, с двумя цистернами, и на часть с самим дворцом, обращенную к городу. В этой части так же, как и в Северном дворце и в Цихедарбаси, центром является крестообразная зала на восточной стороне. Сюда, несомненно, примыкает баня, наличие которой я предполагал также в Звартноце рядом с залой с двумя пилонами на восточной стороне.

Устройство каналов в стенах является доказательством этого. За баней, в восточном углу, находится базиликообразная зала. Два ряда колонн заканчивались пилонами. Здесь были найдены те ценные обломки гипсовых и деревянных орнаментов, о которых поговорим ниже. Они, как и фрагменты фресок, являются, вероятно, остатками облицовки стен. Описание дворца Арцрунидов у Товмы Арцруни[8] как бы оживляет эти развалины в нашем воображении[9]. Громадная зала занимала западный

---

[1] Там же, стр. 384 и далее.

[2] Орбели исключает возможность того, что дворец возведен Пахлавидами, так как он был построен лишь в XII–XIII веках (см. ***Орбели И.А.***, Краткий путеводитель по городищу Ани – Анийская серия, вып. IV, С.-Петербург, 1910, стр. 36).

[3] См. ***Brosset Marie-Félicité***, Les ruines d'Ani, première partie, St.-Pétersbourg, 1860 (таблица XXI, стр. 47).

[4] См. ***Brosset Marie-Félicité***, Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie: exécuté en 1847-1848 (avec un atlas de 45 planches lithographies), St.-Pétersbourg, [1849]-1851 (Атлас, таблица XXIV). Ср. Эль-Ахмар в Каире (см. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910, стр. 318).

[5] № 11 на приведенном мною плане города (I, рис. 41); см. ***Орбели И.А.***, Краткий путеводитель по городищу Ани – Анийская серия, вып. IV, С.-Петербург, 1910, № 209.

[6] Там же, стр. 11 и далее. Приводимый мною план составлен Тораманяном, обмеры которого не совсем согласуются с обмерами Орбели.

[7] Прим. ред.: на рис.315 (II) представлен вид дворца Пахлавидов, а не дворца цитадели.

[8] См. ***Brosset Marie-Félicité***, Histoire des Ardzrouni par le Vartabied Thoma Ardzrouni – Collection d'historiens arméniens, T. I, St.-Pétersbourg, 1874 (стр. 271).

[9] Панораму города и вид на прилегающую местность см. ***Brosset Marie-Félicité***, Les ruines d'Ani, première partie, St.-Pétersbourg, 1860 (таблица XV).

угол дворца. Судя по распределению внутренних опорных элементов с двумя подпружными арками, можно предположить, что квадратная середина была покрыта куполом, т. е. что это была своего рода купольная зала. Следует обратить внимание на то, что две подобные залы занимают в Звартноце также западный угол. Одна из них напоминает базилику, а другая оснащена тремя мощными подпружными арками[1].

Этот краткий анализ доступных мне памятников позволяет прийти к выводу, что как царские дворцы, так и дворцы католикосов демонстрировали общую архитектурную форму, которая характеризуется наличием:

1) Жилых помещений вокруг бани, поблизости от крестообразной залы.

2) Двух парадных зал разной архитектурной формы.

Имеющиеся находки и описания подтверждают богатство отделки.

О замке Рубенидов в Сисе в районе Малой Армении сказано у Алишана[2]. В течение 1276–1286 гг. строятся дворец и сады в Мрене без участия архитектора, но по проекту самого князя, как сообщает надпись, о которой говорилось выше. О разрушении дворцов сообщает Аристакес Ластивертци, согласно которому “император Василий (867–886) причинил дому (стране) Тайка большое горе, разрушив 12 районов…, а также многоэтажные дворцы царей, которые были возведены с большими расходами и изобретательностью художников, к восхищению посетителей и отраде их обитателей”[3]. Многоэтажность таких построек подтверждается также одной из армянских сказок, рассказанной д-ру Матикяну армянином из Диарбекира. Некий царь запретил своим трем сыновьям переходить через восточную границу. Несмотря на запрет, сыновья перешли границу и увидели при этом среди прекрасного сада великолепный двухэтажный дворец на высокой террасе с выступающим входом, к которому с двух сторон вели лестницы таким образом, что фасад оставался свободным для украшения его цветами. Справа от дворца имелся водопад.

5. Города

Армянские города частично относятся к урартско-парфянской и римско-сасанидской эпохам. Однако случаи основания новых городов в христианскую эпоху также часты. Следует различать города – столицы царей и нахараров, от городов католикосов. Я опишу их отдельно в соответствии с этими группами, причем опять начну с поселений духовенства. Примечателен гимн в честь Ервандакерта у Мовсеса Хоренаци (История Армении: II, 42)[4]. Товма Арцруни (История дома Арцруни: VII, 7)[5] сообщает, что Арташес назвал вновь основанный город из-за его красивых зданий “Зард”, т. е. “украшение”, а по Броссе – “орнаментация”. Следовательно, армяне

[1] Рис. 19 (I) показывает укрепление замка с юга. Имеющиеся там церкви были описаны выше.

[2] См. ***Ալիշան Ղեոնդ***, Սիսական, Վենետիկ, 1893 (***Алишан Гевонд***, Сисакан, Венеция, 1893, стр. 244 и далее).

[3] См. ***Արիստակէս Լաստիվէրտցի***, Պատմութիւն, Վենետիկ, 1844 (***Аристакес Ластивертци***, История, Венеция, 1844, глава II).

[4] См. ***Lauer Martin***, Des Moses von Chorene Geschichte Groß-Armeniens, Regensburg, 1869 (стр. 102).

[5] См. ***Brosset Marie-Félicité***, Histoire des Ardzrouni par le Vartabied Thoma Ardzrouni – Collection d’historiens arméniens, T. I, St.-Pétersbourg, 1874 (стр. 46).

уже около 122 г. н. э. (по Броссе – время правления Арташеса) имели понятие о красоте городов.

А. Города католикосов

Смена духовных резиденций объясняется большей частью политическими мотивами. Обычно резиденция патриарха находится в столице светской власти. Сперва резиденция католикоса находилась в Аштишате, затем – в Вагаршапате, а после середины VI века – в Двине. Если в городе росло персидское, а позднее арабское влияние, то патриарх удалялся в монастырь или строил себе собственную резиденцию отдельно от дворца наместника: будь то персидский марзпан, византийский куропалат или арабский востикан. При армянских властителях католикос обычно переселялся к их двору, как, например, это было, когда столица Багратидов находилась в Ани.

Аштишат – это духовная столица Армении IV века, о памятниках которой мы подробнее поговорим в третьей книге. Вопрос о месте ее расположения спорный[1]. В любом случае, святыней этого города и духовным центром Армении была старая (изначальная) церковь Богоматери.

Эчмиадзин[2]. На втором месте следует Вагаршапат – древняя царская столица, куда патриархи переселились позже, но, по-видимому, еще до проникновения греко-сирийского влияния. Архитектурные формы там все национальные. Среди главных святынь (Кафедральный собор, Рипсиме, Гаяне и Шогакат) нет ни одной постройки, которая могла бы быть отнесена к группе построек продольного типа, покрытых цилиндрическими сводами[3]. Они все чисто купольного типа. Как духовная резиденция это место называется “Эчмиадзин” (“Edschmiatsin”)[4]. Впервые такое название встречается в 1304 году у Степаноса Сюнеци и позже, в 1441 году, когда стали реставрировать старую церковь. Исходной точкой современного патриаршего монастыря является древняя армянская кафедральная церковь или Катогике, о которой впервые упоминается у Агатангелоса в приложении 452–456 гг., где восхваляется церковь в Вагаршапате. Это приложение, однако, отсутствует в историческом источнике “Жизнь Святого Григория Просветителя”[5]. Согласно Генриху Гельцеру, Вагаршапат в IV веке еще не был духовной столицей Армении, ею тогда был Аш-

[1] См. ***Hübschmann Heinrich***, Die altarmenischen Ortsnamen – Indogermanische Forschungen, XVI, Straßburg, 1904 (стр. 400 и далее). Об этом будет сказано в третьей книге (История) нашего исследования.

[2] См. выше, а также более старую литературу, приведенную у Карла Риттера в “Землеведении Азии” (см. ***Ritter Carl***, Die Erdkunde von Asien, X, Berlin, стр. 514 и далее).

[3] Малая часовня рядом с церковью Св. Шогакат в Эчмиадзине составляет единственное исключение (I, рис. 153).

[4] Я записал это название в первом томе моего труда о византийских памятниках как “Etschmiadzin” (см. ***Strzygowski Josef***, Byzantinische Denkmäler, Band I, Wien, 1891). Ср. обсуждение данного названия в рецензии Фридриха Мюллера на мою книгу (см. ***Müller Friedrich***, Strzygowski Josef, Byzantinische Denkmäler – Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, Band 5, Wien, 1891, стр. 169 и далее) и у Генриха Гюбшмана (см. ***Hübschmann Heinrich***, Die altarmenischen Ortsnamen – Indogermanische Forschungen, XVI, Straßburg, 1904, стр. 428 и далее). Название “Эчмиадзин” означает “Место сошествия Христа”. Об истории названия см. также: ***Марр Н.Я.***, По поводу работы архитектора Т. Тораманяна “О древнейших формах Эчмиадзинского храма” – Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества, том XIX, выпуск 1, С.-Петербург, 1909, стр. 52.

[5] Ср. Kleine Schriften von Alfred von Gutschmid, Band III, Leipzig, 1893 (стр. 395 и далее).

тишат[1]. Следует иметь в виду, что Эчмиадзин, т. е. патриарший монастырь с собором, находился к западу от Вагаршапата, а Звартноц – к востоку. Между ними находился город с тремя святынями – храмами Рипсиме, Гаяне и Шогакат. Выше я уже говорил о патриаршем монастыре, ниже столь же подробно опишу и собор. О самом городе Вагаршапате я буду говорить при описании царских столиц. На третьем месте надо указать на Двин, который также будет рассматриваться в главе о царских столицах. С 452 по 971 гг. он был резиденцией католикоса. Затем на короткое время следовали Ширакаван, Аргина и, наконец, Ани, пока католикос не бежал и не поселился в Ромкле.

Б. Столицы царей и князей

Эти столицы имели персидское название “востан” (столица), если город не подчинялся власти армянских феодалов (Мамиконянов, Камсараканов и т. д.), а находился под властью одного из Аршакидов[2]. Ведущей областью этой династии был во все времена Айрарат с главным городом Арташатом. Начиная с персидских марзпанов и с V века эта роль перешла к Двину и понятие “востан” приобрело значение “столицы”[3].

Марр как-то высказал мысль, что основное внимание следует обратить на шесть равных столиц Армении – Армавир, Ервандашат, Багаран, Арташат, Двин и Ани (см. выше). К сожалению, в этом направлении проводились планомерные изыскания только в отношении Ани. Список Марра касается только тех царских столиц, наряду с которыми приходится принимать во внимание еще и резиденции католикосов, которые не всегда были при царском дворе, и столицы тех нахараров, которые временно становились независимыми. Однако это имело место только в более поздние периоды, например, при Арцрунидах в Ване и при Багратидах в Карсе, Киликии и Сивасе. Я сперва вкратце коснусь царских столиц. Чисто урартскую эпоху (Ван) я обхожу[4].

Армавир. Этот город лежит к западу от Вагаршапата[5]. Пробные раскопки графини Уваровой были безрезультатны[6]. Фредерик Конибер в 1888 году также не нашел ничего достойного внимания с точки зрения истории искусства. Камни этого города урартской эпохи были, как утверждают, использованы на постройках соседнего Сардарапата[7].

---

[1] См. ***Gelzer Heinrich***, Die Anfange der armenischen Kirche – Berichte der Königlichen Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, XLVII, Leipzig, 1895 (стр. 128).

[2] От слова “востан” образовалось слово “востаник”, как у нас принято говорить – “королевский”, “родовитый”, “дворянский”.

[3] Ср. ***Hübschmann Heinrich***, Die altarmenischen Ortsnamen – Indogermanische Forschungen, XVI, Straßburg, 1904 (стр. 461).

[4] Данные об отдельных городах большей частью взяты из сопоставлений Левона Лисицяна. Соответствующие ссылки, если в скобках не указан переводчик, непосредственно взяты из армянских изданий.

[5] Ср. ***Hübschmann Heinrich***, Die altarmenischen Ortsnamen – Indogermanische Forschungen, XVI, Straßburg, 1904 (стр. 461).

[6] Ср. ***Ալիշան Ղեւոնդ***, Այրարատ, Վենետիկ, 1890 (***Алишан Гевонд***, Айрарат, Венеция, 1890, стр. 151).

[7] Ср. ***Lynch Henry***, Armenia: Travels and Studies, in two vol., London, 1901 (том II, стр. 73).

Ервандашат. Согласно Алишану[1], этот город был расположен у слияния рек Ахурян и Аракс, в том месте, где Гюбшман отметил на карте наличие развалин, и где Линч сам нанес название этого города. В V веке н. э. город был разрушен[2]. Позднее, в VIII веке, он был снова построен в качестве резиденции князей Камсараканов под названием Мармет. В последний раз этот город упоминается в 1215 году в надписи Мармашена[3].

Тигранакерт. Так же, как Армавир и Ервандашат, Тигранакерт основан до Рождества Христа, в 77 году до н. э., но недолго был столицей Тиграна. Город, видимо, находился в районе нынешнего Майафаркина[4]. Это тот самый Миферкет или Мартирополь, о котором известно, что после разрушения города в 359 году, ко времени правления Феодосия II (408–450) и персидского царя Яздкерта I (399–420), епископ Маруфа собрал останки святых и обратился к императору с просьбой о разрешении построить церковь. Это произошло в промежутке между 410 и 420 годами. Именно с этого времени, уже при Юстиниане, вновь возросло значение четвертой столицы Армении[5]. Сохранившиеся там наиболее значительные церкви были засняты мисс Белл[6]. Тигранакерт был единственной древней столицей, которая была основана вне основной провинции Айрарат. Да и строения в этом городе не выдержаны в армянском духе. Но об этом поговорим позже.

Багаран расположен в нескольких милях севернее Ервандашата, на реке Ахурян. Название "Багаран" означает "обитель богов". У Мовсеса Хоренаци (История Армении: II, 39)[7] Багаран обозначен как "кагак кроц", т. е. "город идолов", и в тексте говорится, что Ерванд назвал город "Багаран". "Это значит, что он велел повсеместно поставить в нем алтари (багин)"[8].

Одноименное село известно в Коговите, на равнине Маназкерта (Манцикерт). В 607 г. упоминается о Самоте, как о "настоятеле монастыря в Багаране", принявшем участие в соборе католикоса Абраама[9]. При царе Ашоте Багратуни (885–889) Багаран

---

[1] См. ***Ալիշան Ղևոնդ***, Այրարատ, Վենետիկ, 1890 (***Алишан Гевонд***, Айрарат, Венеция, 1890, стр. 59).

[2] См. ***Фавстос Бузанд*** (История Армении: IV, 55) и ***Émine Jean-Baptiste***, Faustus de Byzance, Bibliothèque historique en quatre livres – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, T. I, Paris, 1867 (стр. 274).

[3] Дюбуа посетил это место (см. ***Dubois de Montpéreux Frédéric***, Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, Paris, 1839–1843, том III, стр. 435 и том II, таблица XXXVI). См. также ***Lynch Henry***, Armenia: Travels and Studies, in two vol., London, 1901 (том II, стр. 319), где дана более старая литература, и ***Ritter Carl***, Die Erdkunde von Asien, X, Berlin, стр. 449). Ср. ***Мовсес Хоренаци***, История Армении (II, 39) и ***Lauer Martin***, Des Moses von Chorene Geschichte Groß-Armeniens, Regensburg, 1869 (стр. 101).

[4] Прим. ред.: современный город Силван (Турция).

[5] Ср. ***Hübschmann Heinrich***, Die altarmenischen Ortsnamen – Indogermanische Forschungen, XVI, Straßburg, 1904 (стр. 308 и далее). Кроме того, имеется основательная работа Йозефа Маркварта "Миферкет и Тигранакерт", по которой я перепроверил некоторые данные Гюбшмана: см. ***Marquart Jozef***, Mipherqet und Tigranokerta – Հանդէս ամսօրեայ, Վիէննա, 1916, թիւ 1–12, յունուար–դեկտեմբեր (Ежемесячный журнал, Вена, 1916, № 1–12, январь–декабрь, стр. 68–135).

[6] См. ***Bell Gertrude***, Churches and monasteries of the Tûr'Abdin and neighbouring districts – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, IX, Heidelberg, 1913 (стр. 86 и далее).

[7] См. ***Lauer Martin***, Des Moses von Chorene Geschichte Groß-Armeniens, Regensburg, 1869 (стр. 101).

[8] Более подробно см. ***Ritter Carl***, Die Erdkunde von Asien, X, Berlin, 1846 (стр. 451) и ***Hübschmann Heinrich***, Die altarmenischen Ortsnamen – Indogermanische Forschungen, XVI, Straßburg, 1904 (стр. 410).

[9] См. Գիրք թղթոց, Թիֆլիս, 1901 (Книга писем, Тифлис, 1901, стр. 151).

стал столицей нового царства Багратидов. Ашот, по сведениям Иоанна Католикоса, также построил свой дворец. Его сын Смбат I (892–914) в 885 г. перенес столицу в Еразгаворс (Ширакаван), пока город Ани не стал царской столицей в 966 г. Рядом с собором находилось место погребения Багратидов, которое было затем перенесено в монастырь Оромос близ Ани, где похоронен также Гагик II (990–1020).

Багаран снова расцвел в начале XIII века, в эпоху Захаридов, от которой остались многочисленные надписи[1]. Кроме собора в Багаране, имеются также развалины четырех других церквей и крепость. Иоанн Католикос сообщает[2], что в эпоху Смбата I спарапет Ашот в Багаране то ли построил, то ли основал, то ли реставрировал великолепную церковь[3]. В настоящее время Багаран представляет собой армянское село, богатое фруктовыми садами[4].

Арташат[5]. Столица Армении во времена парфян. Вероятно, поэтому этот город был разрушен римлянам в 163 году. Он продолжал быть столицей династии Аршакидов до появления Двина. Нет возможности отождествить этот город с имеющимися развалинами. Обычно предполагают, что монастырь Хор Вирап находился в городе Арташате, так как существует предание, что Св. Григорий Просветитель был брошен в глубокую яму (хор вирап) в Арташате[6]. Об этом поговорим далее.

Вагаршапат. Город воздвигнут в 163 году, после разрушения Арташата, как "новый город" и превращен Вагаршем в столицу[7]. В конце IV века он сделался духовной столицей Армении[8], оставаясь ею до переселения католикоса в Двин в 453 году[9]. Этот город вновь приобрел значение[10] только когда Нерсес III около 650 г.

---

[1] См. альбом Наапетяна (Кавказские виды, том II, снимок 38 и далее). Еще одна иллюстрация будет дана ниже.

[2] См. Պատմագրութիւն Յովհաննու Կաթողիկոսի ամենայն Հայոց, Յերուսաղէմ, 1843 ("История" Католикоса всех армян Иоанна, Иерусалим, 1843, стр. 194).

[3] В последнем случае речь могла идти о соборе.

[4] Более подробно см. ***Ritter Carl***, Die Erdkunde von Asien, X, Berlin, 1846 (стр. 449) и ***Hübschmann Heinrich***, Die altarmenischen Ortsnamen – Indogermanische Forschungen, XVI, Straßburg, 1904 (стр. 411). Ср. ***Թօրամանեան Թորոս***, Բագրան – Ախուրեան, Ալեքսանդրապօլ, 1909, 19 օգոստոսի, № 59 և 21 օգոստոսի, № 60 (***Тораманян Торос***, Багран – Ахурян, Александрополь, 1909, 19 августа, № 59 и 21 августа, № 60).

[5] Снимок см. ***Dubois de Montpéreux Frédéric***, Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, Paris, 1839–1843 (том I, таблица XIX). Ср. ***Lynch Henry***, Armenia: Travels and Studies, in two vol., London, 1901 (том I, стр. 201), ***Мовсес Хоренаци*** (История Армении: II, 49) и ***Lauer Martin***, Des Moses von Chorene Geschichte Groß-Armeniens, Regensburg, 1869 (стр. 108).

[6] См. ***Ալիշան Ղեւոնդ***, Այրարատ, Վենետիկ, 1890 (***Алишан Гевонд***, Айрарат, Венеция, 1890, стр. 394 и далее).

[7] См. ***Marquart Jozef***, Beiträge zur Geschichte und Sage von Erän – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Band 49, Leipzig, 1895 (стр. 651), ***Мовсес Хоренаци*** (История Армении: II, 65) и ***Lauer Martin***, Des Moses von Chorene Geschichte Groß-Armeniens, Regensburg, 1869 (стр. 124).

[8] См. ***Hübschmann Heinrich***, Die altarmenischen Ortsnamen – Indogermanische Forschungen, XVI, Straßburg, 1904 (стр. 469), а также раздел "Эчмиадзин" настоящего исследования.

[9] См. рецензию Н. Марра на работу Т. Тораманяна об Эчмиадзине (об этом поговорим ниже): ***Марр Н.Я.***, По поводу работы архитектора Т. Тораманяна "О древнейших формах Эчмиадзинского храма" – Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества, том XIX, выпуск 1, С.-Петербург, 1909, стр. 52 и далее.

[10] См. более старую литературу в "Землеведении Азии" Карла Риттера: ***Ritter Carl***, Die Erdkunde von Asien, X, Berlin, 1846 (стр. 514), а также ***Ալիշան Ղեւոնդ***, Այրարատ, Վենետիկ, 1890 (***Алишан Ге-***

создал свой Звартноц в восточной части города (Эчмиадзин расположен в западной части).

Двин. Фавстос Бузанд (История Армении: III, 8)[1] сообщает, что царь Хосров II (337–342) велел построить свой дворец на холме, называемом Двин[2]. Вокруг этого дворца постепенно развивался город. В дальнейшем, когда род Аршакидов в 428 г. вымер, в Армению были посланы персидские наместники, которые выбрали Двин своей столицей. Селение к югу от Еревана, в долине Аракса, еще носит это название[3]. Территория бывшего города в настоящее время занята рядом сел.

Некоторые эпизоды из дальнейшей истории Двина, который являлся резиденцией католикоса с 452 по 971 годы, приводились нами при описании раскопанного собора. После разрушения арабами город был построен заново – шире, и по более сложному плану, чем раньше. Степанос Таронеци (Всеобщая история: II, 4)[4] передает в связи с этим, что город пал от того, что одному мальчику удалось пробраться в город через трубопровод и подняться на вал. Во время становления царства Багратидов (885) в качестве резиденции католикоса и представителя халифа он стал наиболее густонаселенным городом Армении.

Карин (Эрзерум). Во время раздела Армении при Феодосии I Великом город был построен под названием Теодосиуполиса (Феодосиополь) в качестве столицы греческой части Армении. Степанос Таронеци (Всеобщая история: II, 1)[5] пишет: “Полководец Анатолий основал город, который он предполагал окружить рвом. Он велел копать глубокие фундаменты для стен и сверху соорудил мощные башни… Таким же образом он построил другие башни с зубцами, которые наподобие носов кораблей не имели обращенных вовнутрь углов. Башни, имевшие круглую форму, были направлены как в сторону горы, так и в сторону равнины к северу, востоку и западу. В середине города, на возвышенном месте он построил громадные дома-склады для припасов. Он назвал это место Августином в честь Августа. Собранную со многих мест воду он провел через подземные водопроводы в город… Он назвал город Теодосиуполисом… А один из горячих источников он перекрыл сводом из тёсаной кладки”. Когда во время войны между Византией и арабами Константин (740–775) взял город, то он разрушил его стены и вскрыл дом с сокровищами[6]. Арабы, однако, через год построили Карин заново.

Кроме упомянутых главных городов, имелся еще ряд более мелких, о которых еще предстоит разговор.

Мрен. С Ани тесно связан город Мрен, расположенный к югу, между Ани и Багараном, на равнине, высоко над Ахуряном. О соборе этого города говорилось

вонд, Айрарат, Венеция, 1890, стр. 202 и далее).

[1] См. ***Émine Jean-Baptiste***, Faustus de Byzance, Bibliothèque historique en quatre livres – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l’Arménie, T. I, Paris, 1867 (стр. 216).

[2] См. ***Степанос Таронеци*** (Всеобщая история: II, I) и ***Gelzer Heinrich*** *und* ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр.17).

[3] Двин нанесен на все карты (у Линча – под названием Дугюн), см. ***Ալիշան Վռնդ***, Այրարատ, Վենետիկ, 1890 (***Алишан Гевонд***, Айрарат, Венеция, 1890, карта).

[4] См. ***Gelzer Heinrich*** *und* ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр. 93).

[5] Там же, стр. 50 и далее.

[6] Там же, стр. 98.

выше. Мрен впервые упоминается у Лазаря Парпеци, который пишет, что во время восстания Вардана в 451 году заметную роль играл Хорен, настоятель монастыря (соответственно – и церкви в Мрене)[1]. Из этого следует, что уже в середине V века здесь была церковь или монастырь. В 638–640 гг. был построен большой собор. До второй половины VIII века Мрен с Шираком и Аршаруником принадлежал княжескому роду Камсараканов. В 783 году (по Алишану)[2] Багратид Ашот Мсакер приобрел эту землю. Согласно преданию, в эпоху Багратидов Мрен служил дачным местом для жителей царской столицы Ани[3]. С X по XIV века о Мрене часто упоминается в надписях, причем в особенности часто говорится о его виноградниках и фруктовых садах. В 1211 году Мрен покупает Самадин, сын Аветика, патрон Ани-Мрена, у Арташира, сына шахиншаха (Захарида) и строит там в 1276 г. свой дворец с садом в качестве летней резиденции. В своей надписи он говорит, что "сам составил план без архитектора, сам же заложил фундамент постройки и разбил сад, закончив все это за 10 лет". Указаны также строительные расходы в размере 40000 золотых динаров[4]. Самадин реставрирует также часовню Спасителя, как извещает об этом надпись 1277 г.[5] Алишан также упоминает о второй часовне с неизвестной датой постройки. В настоящее время Мрен не заселен. Многочисленные развалины, остатки стен и другие следы этого крупного населенного пункта широко разбросаны вокруг собора. В народе Мрен более известен под названием "Карабах" – "Черный сад" и "Хараба" – "развалина".

Аруч, Талиш[6]. Впервые Аруч упоминается у Егише в середине V века вместе с другими армянскими крепостями, зимними царскими резиденциямии и зимними квартирами армянской армии, когда он рассказывает о разрушениях, произведенных Васаком (***Егише***, О Вардане и войне армянской: III, 60)[7]. В 1607 г. Георгий был настоятелем монастыря в Аруче, а Майен – настоятелем монастыря другого Аруча. Оба принимали участие в соборе католикоса Абраама[8]. Из этого следует, что уже до сооружения собора в Аруче там имелись монастырь и одна или несколько церквей, о чем свидетельствуют развалины двух церквей. В середине того же века здесь жил арабский полководец Хабиб (***Себеос***, История Геракла)[9]. Наибольшее значение Аруч

---

[1] См. ***Ghésarian Samuël***, Lazare de Pharbe, Histoire d'Arménie – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, T. II, Paris, 1869 (стр. 45–48).

[2] См. ***Ալիշան Ղևոնդ***, Շիրակ, Վենետիկ, 1881 (***Алишан Гевонд***, Ширак, Венеция, 1881, стр. 6).

[3] См. ***Марр Н.Я.***, Новые материалы по армянской эпиграфике – Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества, С.-Петербург, VIII (1893), стр. 84.

[4] Там же, стр. 81 и далее, а также таблица VI с порталом дворца. Другие снимки см. у Наапетяна (Кавказские виды, тома I и II).

[5] См. ***Ալիշան Ղևոնդ***, Շիրակ, Վենետիկ, 1881 (***Алишан Гевонд***, Ширак, Венеция, 1881, стр. 140).

[6] См. ***Ալիշան Ղևոնդ***, Այրարատ, Վենետիկ, 1890 (***Алишан Гевонд***, Айрарат, Венеция, 1890, стр. 143 и далее). См. выше в настоящем исследовании.

[7] Егише – это уже упомянутый нами в первой книге настоящего исследования Елисей (Егише) Вардапет. Цитата из армянского издания (см. Եղիշէի վարդապետի Վասն Վարդանայ եւ Հայոց պատերազմին, Վենետիկ, 1828, III:79 – О Вардане и войне армянской Егише вардапета, Венеция, 1828, III:79): "…особенно зимнюю ставку царя, где стояли войска: Гарни и Ерамаванк, великий дастакерт Драсханакерт, Варданашат и крепость Ошакан, Парахот, Ардеанк, село Дзолакерт и крепость Армавир, село Куаш, Аруч, Ашнак и весь Арагацотн, Арташатскую область и даже сам Арташат…".

[8] См. Գիրք թղթոց, Թիֆլիս, 1901 (Книга писем, Тифлис, 1901, стр. 151).

[9] См. ***Macler Frédéric***, Histoire d'Héraclius par l'évêque Sebèos, Paris, 1904 (стр. 149).

имел при Григоре Мамиконяне, построившем здесь свой собор и дворец, развалины которого еще не раскопаны. В 1514 году об Аруче под названием Уруч упоминают турецкие историки из свиты султана Селима[1].

За последние века Аруч разделяет судьбу всей страны, находясь под османской и персидской властью до завоевания его русскими. В 30-х годах прошлого века епископ Ованес Шахатунянц нашел там всего лишь 13 домов, принадлежащих магометанам. Южнее собора он заметил также развалины сооружения, похожего на крепость. Севернее, недалеко от дороги, имеются развалины караван-сарая и много следов старых садов и зданий[2]. В 1854 г. село насчитывало 30 армянских семейств, которые при генерале Паскевиче во время русско-турецкой войны 1828 года переселились из Алашкерта. В настоящее время в селе, по свидетельству священника, имеется 100 армянских домов[3]. Село теперь называется Талиш. Найденная в 50 шагах к востоку от собора халдейская клинописная надпись (ныне хранится в монастыре Св. Рипсиме в Вагаршапате) является доказательством возраста поселка.

Ван[4] – это столица Арцрунидов, которые в 908 году создали в армянской провинции Васпуракан у озера Ван независимое царство[5]. Слово Васпуракан имеет персидское происхождение и обозначает высшее дворянское сословие в царстве Сасанидов или место, принадлежащее дворянскому сословию.

Летописец этого времени Товма Арцруни приводит многочисленные сведения о постройках, например – о постройке Востана Гагиком Арцруни на озере Ван (***Товма Арцруни***, История дома Арцруни: III, 36)[6]. Он сначала описывает красоту места и затем продолжает: “Царь предпринял здесь постройку дворцов, помещений, улиц, украшенных статуями, и много других сооружений, которые я не в состоянии описать. Сторону, обращенную к морю (озеру), он охватил мощными, глубоко погруженными в грунт стенами. У высшей точки этой стены, напротив моря, был возведен дворец для собраний с украшениями, позолотой и разноцветной окраской, блестящий, как солнце, и радующий глаз… Своды дверей давали тень и смягчали поток световых лучей…”.

Чуть более подробно Товма описывает основание города Ахтамара тем же Гагиком (***Товма Арцруни***, История дома Арцруни: III, 36)[7]. После того как знать одобрила его планы, строительство было начато, и уже к концу 5-го года оно шло весьма успешно. “Царь, отличавшийся большим умом, решил сам начертить с помощью нескольких мастеров планы и эскизы для сооружения этого дворца у под-

---

[1] См. ***Ալիշան Ղևոնդ.*** Այրարատ, Վենետիկ, 1890 (***Алишан Гевонд***, Айрарат, Венеция, 1890, стр. 145) и ***Марр Н.Я.***, Армянская церковь в Аруче – Известия Императорской Археологической Комиссии, выпуск 12, С.-Петербург, 1904, стр. 64.

[2] См. также ***Lynch Henry***, Armenia: Travels and Studies, in two vol., London, 1901 (том I, стр. 320 и 324).

[3] На пятиверстной карте нанесено 69 домов.

[4] План см. ***Texier Charles***, Description de l'Arménie, la Perse et la Mésopotamie, Paris, 1842 (таблица XXXV). Я здесь не буду говорить о значении города в доармянское время.

[5] См. ***Hübschmann Heinrich***, Die altarmenischen Ortsnamen – Indogermanische Forschungen, XVI, Straßburg, 1904 (стр. 261 и далее).

[6] См. ***Brosset Marie-Félicité***, Histoire des Ardzrouni par le Vartabied Thoma Ardzrouni – Collection d’historiens arméniens, T. I, St.-Pétersbourg, 1874 (стр. 235).

[7] Там же, стр. 237.

ножия горы. Дворец должен был стоять на вершине острова и стать местом отдыха Его Величества. Заложив стены тёсаной кладкой, он распланировал улицы, разбил по краям обрывов террасы для насаждения растений. Со всех областей во дворец стеклись мастера для участия в исполнении проектов и указаний царя. Одному из них, весьма способному, царь поручил постройку дворца квадратной формы…". Речь идет, по-видимому, о Манвеле – строителе церкви в Ахтамаре. О самом дворце мы уже говорили. Согласно этим сведениям, равно как и надписи в Мрене, владелец сам участвовал при составлении проекта.

Ани[1]. Этот город на реке Ахурян (Арпачай) следует различать от замка у изгиба реки Евфрат вблизи современного Эрзинджана (Ерзнка)[2]. Главный город района Ширак первоначально был резиденцией князей из рода Камсараканов[3] и лишь впоследствии стал царской столицей Багратидов. Это единственный из древнеармянских городов, остатки которого хорошо известны и научно обработаны, благодаря исследованиям и раскопкам. Тексье составил план города уже в 1842 году[4], а Броссе – в 1850 году[5]. Последний затем, в 1860 году, опубликовал монографию "Развалины Ани, столицы Армении при царях Багратидах в X и XI веках, история и описание"[6]. После этого (что характерно для исследований в области искусства) исчез всякий интерес к данному вопросу, пока в 1889 г. я не отправился в Армению, и армяне вместе с русскими не принялись за работу. Благодаря Марру, дело раскопок в Ани было полностью налажено, и пребывание Тораманяна в Ани стало возможным[7]. В серии трудов об Ани[8] были опубликованы результаты. Так, например, ученик Н. Марра Иосиф Орбели в одном из выпусков этой серии опубликовал наиболее точный план города с описанием[9]. Затем последовала моя иллюстрация (I, рис. 41). Подробное описание имеется также у Линча[10].

Преобразование древнего города Камсараканов в царскую столицу Багратидов произошло при Смбате II (977–989). Об этом сообщает Степанос Таронеци (Всеобщая история: II)[11]: "Он закончил украшение Ани и охватил его стеной от реки Ахурян до ущелья Цахкоц. Укрепления он строил из каменной кладки на известковом растворе, так же, как и бастионы и башни в стене. Он соорудил стену большой

---

[1] См. план Ани (I, рис. 41). Более старую литературу см. ***Ritter Carl***, Die Erdkunde von Asien, X, Berlin, 1846 (стр. 439 и далее).

[2] Там же, стр. 782 и далее.

[3] Относительно более древних следов см. ***Abich Hermann***, Aus kaukasischen Ländern, Band I, Wien, 1896 (стр. 797).

[4] См. ***Texier Charles***, Description de l'Arménie, la Perse et la Mésopotamie, Paris, 1842 (таблица XIV).

[5] См. ***Brosset Marie-Félicité***, Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie: exécuté en 1847–1848 (avec un atlas de 45 planches lithographies), St.-Pétersbourg, [1849]-1851 (Атлас, таблица XXIII).

[6] См. ***Brosset Marie-Félicité***, Les ruines d'Ani, capital de l'Armenie sous les Rois Bagratides, aux X-e et XI-e siecles, histoire et description, St.-Pétersbourg, 1860.

[7] Прим. ред.: Тораманян работал в Ани в течение 1904–1912 гг.

[8] См. Анийская серия, вып. I–VI, С.-Петербург, 1906-1911.

[9] См. ***Орбели И.А.***, Краткий путеводитель по городищу Ани – Анийская серия, вып. IV, С.-Петербург, 1910.

[10] См. ***Lynch Henry***, Armenia: Travels and Studies, in two vol., London, 1901 (том I, стр. 334 и далее).

[11] См. ***Gelzer Heinrich*** *und* ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр. 138).

высоты и более обширную, чем старая, в соответствии с новыми размерами города. Он защитил его обитыми железом, хорошо слаженными воротами из кедрового дерева. В том же городе Ани он велел главному архитектору Трдату, который уже построил патриаршую церковь в Аргине, заложить фундамент великолепной церкви". Сюда относится и рассказ Степаноса Таронеци (Всеобщая история: III, 28)[1] о складе царя. Учитывая объем данного труда, я не могу останавливаться на истории этого города. По этому вопросу отсылаю читателя к труду Генри Линча "Армения". Здесь же, в дополнение к многочисленным описаниям отдельных построек, рассмотрим лишь город в целом и те постройки, которые в данном труде не могут быть помещены в других главах.

При распланировании Ани решающими факторами являлись благоприятные условия местности. Город образует, как уже было сказано, треугольник, две стороны которого недоступны, благодаря глубоким лощинам. Третья сторона отделена от прилегающей равнины толстой стеной. Замок расположен вне треугольника и связан с ним узким перешейком, выходящим на его вершину (I, рис. 18). Если смотреть со стороны цитадели, то окажется, что город расходится в ширину с возвышающимися церквями вплоть до пояса из оборонительных стен. Справа тянется глубокая долина Ахуряна со старым мостом и небольшой шестиконховой постройкой (I, рис. 41, № 9), за которой слева поднимается от Ахуряна до угла крепостной стены Цветниковое ущелье с многочисленными небольшими пещерами (I, рис. 22). Раскопки показали, что жилые и торговые кварталы города начинались сейчас же у подножия горы. Рис. 320 (II) показывает раскопанную Марром в этой части группу зданий. Развалины церкви начинаются только у вершины треугольника. Они были отдельно описаны выше и нанесены на план города (I, рис. 41). Некоторые более мелкие постройки остались, конечно, неучтенными (II, рис. 255). Из утилитарных построек мы в особенности выделим находящуюся в юго-западном углу города баню (I, рис. 41, № 7), план которой дает Алишан в "Шираке"[2]. Здание имеет в плане форму греческого креста с куполом над серединой и с 4 куполами на углах, которые отделены от основного креста глухими стенами и доступны только через двери в углах среднего квадрата. Я еще вернусь к этому вопросу, когда речь пойдет об отношении Леонардо да Винчи к Армении или Константинополю. Утилитарными сооружениями являются также не показанные на плане города подземные улицы и базары, которые у Леонардо опять-таки приобретают особое значение. Тораманян обмерил их точно, но я бы не хотел опередить его до опубликования его труда. Они тянутся от церкви Апостолов и восьмиугольной башни в пространство между собором и церковью Спасителя и составляют одно из чудес города Багратидов. О дворцах мы говорили выше.

В заключение бросим взгляд на стены и ворота, которые в отношении деталей отличаются от таких же сооружений в Диарбекире, описанных мною в "Амиде…"[3]. Рис. 317 (II) дает вид главных ворот снаружи. Мы видим двойную стену: низкую переднюю стену между круглыми башнями с наружными воротами справа, пройдя через которые, подходим уже к главной стене с фигурой льва, выступающей из

[1] Там же, стр. 192 и далее.

[2] См. ***Ալիշան Ղևոնդ***, Շիրակ, Վենետիկ, 1881 (***Алишан Гевонд***, Ширак, Венеция, 1881, стр. 82).

[3] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 277 и далее).

рамки с крестом над ней (II, рис. 326)[1]. Затем, повернув налево, обходим наполовину обрушенную башню с воротами и попадаем к внутренним воротам, сквозь полукруглую арку которых виден единственный сохранившийся минарет эпохи сельджуков и замок (I, рис. 18). Башня слева сохранилась до свода верхнего этажа. Высокая стена затем простирается дальше до следующей башни. Я привожу на рис. 318 (II) вид северного угла стен в конце Цветникового ущелья, там, где стены подходят к северному дворцу. Здесь также дана картина передней и главной стены с круглыми башнями. Видна также конструкция из бетона с облицовкой плитами, о которых говорит Степанос Таронеци. Всюду видны кресты, сложенные из разноцветного туфа. Реже встречаются надписи. Рис. 319 (II) показывает северо-восточный угол стен с церковью Св. Григора, построенной Тиграном Оненцом и нанесенной на план города (I, рис. 41, № 8). Стены здесь спускаются в долину Ахуряна и раскрываются воротами у церкви. Иногда среди мусора и обломков вдруг возникают живописные картины, в особенности со стены замка – там, где она круто обрывается в сторону Цветникового ущелья (II, рис. 315). Один из самых живописных видов представляет собой так называемая “Девичья крепость” у слияния обеих долин, южнее замка (I, рис. 19).

6. Декоративное убранство: предметное значение

Далее мы увидим, что древнейшее армяно-христианское искусство не знало “изображений”, за исключением изображения основателя постройки, поскольку греко-сирийское течение проявлялось также в Армении. В общем вся отделка ограничивалась украшениями геометрического характера – прежде всего орнаментами в виде ленточного плетения и геометрических рисунков, вьющихся побегов, о чем я уже говорил в своем труде “Алтай-Иран…”. Наряду с этим встречаются также изображения животных и растений, которые могут иметь предметное значение и поэтому должны быть рассмотрены в данной главе.

А. Изображения животных

Мы упоминали о большом числе таких изображений при описании церкви Гагика 921 г. в Ахтамаре. Прежде чем перейти к изображениям человеческих фигур, я приведу снимки двух барельефов. Один из них (II, рис. 321) изображает верблюда, борьбу орла с зайцем и, наконец, павлинов с переплетенными шеями[2], а второй (II, рис. 322) – знакомое нам по миниатюрам изображение Горгоны или сирены, имеющей тело птицы и голову человека[3]. Все эти изображения часто повторяются. Я привожу снимки двух куполов (правда, относящихся к более позднему периоду), под декоративными арками которых попеременно появляются то розетка, то изображение животного. На рис. 323 (II), виден купол церкви Св. Григора, построенной

[1] Прим. ред.: турецкие власти без надобности перестроили верх ворот и уничтожили видный издалека, сложенный из двухцветных камней этот большой крест.

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Der Wandel der Kunstforschung – Mitteilungen der kaiserlich-königlichen Geographischen Gesellschaft, LXI, Wien, 1918 (стр. 283).

[3] См. ***Strzygowski Josef***, Der Bilderkreis des griechischen Physiologus des Kosmas Indikopleustes und Oktateuch, Leipzig, 1899 (стр. 16). Бросается в глаза более частое появление образа Горгоны в средневековой Элладе.

Тиграном Оненцом в Ани (I, рис. 242), другой купол относится к церкви монастыря Гегард (II, рис. 276). Обе церкви являются доказательствами распространенности изображений животных в архитектурном убранстве (II, рис. 329). Я к этому вернусь, когда буду рассматривать изображения животных с точки зрения их образа и формы. Здесь возникает вопрос: имеют ли эти изображения животных чисто декоративное значение, или же они одновременно наделены и предметным смыслом? Пока я остановлюсь на некоторых примерах, которые дают возможность прийти к определенным выводам.

Л е в. Мне известны две церкви, на продольных фасадах которых, высоко над дверьми, под щипцом на гладкой стене изображено животное. К ним относится церковь 989 года в селе Айкадзор[1] (I, рис. 238), на стене которой (II, рис. 324) изображен лев. Он не может считаться декоративным элементом, заполняя без всякой рамки поверхность облицовочной плиты. При внимательном рассмотрении видно, что он не совсем произвольно вставлен в поверхность стены, а как бы заканчивает надпись[2]. Применение фигуры льва в данном случае подобно тому, что мы видим в надписях Ортокидов (или Артукидов) в Амиде, о чем говорится у Макса ван Берхема[3]. В другом случае я обнаружил в Цпни, по пути из Аграка в Нахичеван, на церкви в том же месте быка вместо льва. Значение льва на церковных памятниках, вероятно, иное, чем на светских зданиях, на которых фигуры львов встречаются очень часто. Я привожу только один пример на главных воротах города Ани (II, рис. 326).

О р е л. На рис. 111 (I) была показана украшенная фигурой орла капитель колонны, стоящей в одном из проходов Звартноца. Рис. 328 (II) показывает отдельный снимок орла. Хотя нельзя сказать, что скульптор работал непосредственно с натуры, все же видно желание дать естественный облик орла, о чем свидетельствуют его клюв, когти и мощные распростертые крылья. Здесь, однако, дело не в самом изображении, а в его значении. Следует ли смотреть на орла 650 года как на украшение, или же он является символом? При этом надо учесть проникновение римско-византийской традиции, так же, как и среднеазиатской, о которой в трудах об Амиде говорили как Макс ван Берхем, так и я. Не следует забывать, что до 428 г. в Армении царствовали Аршакиды, т. е. парфяне, и что уже ими в качестве символов на гербах были введены изображения животных[4]. Мы видели изображение орла на соборе в Ани, где оно заполняет плоские ниши над окнами по бокам южных, широких дверей (I, рис. 20) наподобие того, что мы видели в церкви Девы Марии в Хахе[5]. Встречаются также двуглавые орлы[6]. Я привожу еще один, более поздний пример на церкви Св. Григора в Дсехе, близ Санаина (II, рис. 327) ввиду его характерной фор-

---

[1] Прим. ред.: см. примечание 5 на стр. 207 первой книги первого тома Й. Стржиговского “Архитектура армян и Европа” (Ереван, 2011).

[2] Иллюстрация Алишана неверная: см. ***Ալիշան Վեռնէ***, Շիրակ, Վենետիկ, 1881 (***Алишан Гевонд***, Ширак, Венеция, 1881, стр. 168).

[3] См. ***Berchem Max van***, Matériaux pour l'épigraphie et l'histoire musulmanes du Diyar-bekr, Heidelberg, 1910 (стр. 78, 90 и 128).

[4] См. также ***Rivoira Giovanni Teresio***, Architettura musulmana, Milano, 1914 (стр. 233).

[5] См. ***Bell Gertrude***, Churches and monasteries of the Tûr'Abdin and neighbouring districts – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, IX, Heidelberg, 1913 (таблица X).

[6] См. также ***Grünwedel Albert***, Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan, Berlin, 1912, с цветными иллюстрациями.

мы: двуглавый орел держит в своих когтях зайца. Я считаю лишним приводить еще больше примеров применения изображений орлов и участвовать в дискуссиях о происхождении византийского орла, опубликованных в “Византийском журнале”[1]. Этот вопрос я уже затрагивал в своем труде “Амида…”[2]. Армения перенимает символ орла и его значение, вероятно, также с Востока, как его оттуда же ввели в Амиду Ортокиды[3].

Б о р ь б а ж и в о т н ы х. В Ахтамаре (II, рис. 321), Гегарде (II, рис. 325) и Дсехе (II, рис. 327) мы часто видим фигуру орла, держащего в когтях зайца. На эту тему я даю еще один пример, относящийся к богато украшенному Хахуванку в районе Тортума (II, рис. 331). Эта своеобразная церковь, так же, как и расположенный близ Байбурта Варзаан (II, рис. 284), согласно надписи на колонне, построена царем Давидом в 868–869 годах[4]. Постройка была в дальнейшем несколько раз реставрирована. Окно (II, рис. 331), судя по разноцветным клиновидным камням над ним, относится к более позднему периоду. Орел с зайцем под плетеным орнаментом полукруглой арки из двух лент вставлен в углубление между двумя оконными бровками, украшения которых весьма своеобразны. Я пока не буду на этом останавливаться.

Другого рода борьбу животных показывает изображение на монастырской церкви в Гегарде (II, рис. 329), хотя оно относится к более позднему периоду, чем тот, который нас интересует в данном труде. Однако южная сторона на этой церкви имеет настолько примечательные характерные признаки, что я бы хотел их показать. Над воротами, между двумя треугольными нишами и средним окном, изображен лев, нападающий спереди на быка. Обе фигуры расположены непосредственно над оконной рамой и как бы венчают прямоугольные окна. О значении таких изображений борьбы животных я говорил в “Амиде…”[5] и вернусь к этому вопросу в исторической части данного труда. Можно было бы на основании приведенных поздних примеров предполагать сельджукское влияние, однако характерные образцы из Ахтамара старше. Надо к этому добавить, что изображение борющихся животных столь же не чуждо искусству древнехристианского Запада, как и памятникам культуры на Востоке, особенно в Месопотамии.

В остальном мы рассмотрим еще одно течение, исходящее непосредственно из Ирана или древнехристианской Месопотамии. Оно характеризуется изображениями охотничьих сцен, о применении которых дается объяснение в письме Нила[6]. Таким образом, животный мир проникает в архитектурный декор с разных сторон; однако Армения в целом, как мы увидим, придерживается больше Аршакидской традиции.

---

[1] См. Byztinische Zeitschrift, Band XXII, Leipzig, 1913.

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 346 и далее).

[3] Ср. ***Berchem Max van***, Matériaux pour l'épigraphie et l'histoire musulmanes du Diyar-bekr, Heidelberg, 1910.

[4] См. ***Ալիշան Ղևոնդ***, Նշմարք հայկականք, պրակ Գ, Վենետիկ, 1870 (***Алишан Гевонд***, Армянские фрагменты, том 3, Венеция, 1870, таблицы 27–28); ***Уварова П.С.***, Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического общества, снаряженными на Высочайше дарованные средства, выпуск 3, Москва, 1893.

[5] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 297, 347 и далее).

[6] Там же, стр. 273.

Б. Изображения растений

Без сомнения, заполнение антрвольтов у наружных декоративных арок Звартноца (I, рис. 113), что мы видим также в Бана (I, рис. 128), имеет существенное значение. Так как оба вида заполняющих растений, т. е. виноград и гранат, часто повторяются при украшении армянских церквей, то на них мы здесь обратим внимание в соответствии с их значением.

В и н о г р а д н а я л о з а. В куполе церкви Апостолов в Ани, которая, как мы увидим, является подражанием первого Кафедрального собора в Вагаршапате, находился крест, с которого свисали гранаты и виноград. Остатки их находятся в музее в Ани. В остальном виноградная лоза часто встречается как украшение бровок над окнами. Примеры можно найти на рис. 83 (I) при описании Рипсиме. Шире всего виноградная лоза применена на фасадах Ахтамара, о чем будем сейчас говорить подробно. Там лоза тянется в виде ленты по верху всей церкви и соединяет изображения охоты и "всяких животных и бестий", объединяя их единым христианским началом.

Все эти примеры относятся к купольным церквям. Рис. 330 (II) показывает описанную выше дверную перемычку покрытой цилиндрическим сводом церкви в Касахе. Нет сомнений, что обе виноградные лозы по бокам креста и животных имеют символическое значение, чему не стоит удивляться в церкви, украшенной в сирийском духе. Сведения о применении виноградной лозы в церковной архитектуре примыкающих к Средиземному морю районов можно найти в любом справочнике. Ниже я займусь главным образом азиатским течением.

Г р а н а т. Своеобразный образец, найденный мною среди обломков базилики в Аштараке (II, рис. 332), который я считаю украшением более древнего предшественника теперешней церкви (I, рис. 168), дает повод к размышлению. На церкви Апостолов в Ани применялись, по всей вероятности, подобные ветки гранатов. Остатки таких украшений имеются также в музее в Ани. Тесная связь между гранатом и виноградной лозой проявляется на восточной стороне Ахтамара, где виноградная лоза и гранаты применяются хотя и в отдельных фризах, но все же рядом – как, например, в Звартноце (I, рис. 113). Весьма выразительно заполнение дверной арки в монастыре Гегард (II, рис. 329). Оно напоминает подобные формы в Верхнем Египте, которые, по-видимому, возникли под влиянием северомесопотамского центра[1].

В. Изображения людей

Фигуры основателей церкви часто изображаются с ее моделью в руках, выражая этим, что они своими пожертвованиями рассчитывают на заступничество и спасение души. Так как исследователя искусства интересует больше изображение, чем сам предмет, то я буду говорить об этом ряде только в разделе об изображении. С другой стороны, при анализе вопроса о значении интересно рассмотреть ряд барельефов, составляющих особую ветвь в изображениях основателей.

В с а д н и к и. Описание Дворцовой церкви в Ани 622 года следует дополнить,

[1] Ср. с моей статьей в "Справочнике по искусствознанию" (Repertorium für Kunstwissenschaft, Berlin, 1918).

приведя барельеф, показанный только в одной иллюстрации Юлиуса Кестнера и находившийся когда-то в Дворцовой церкви в Ани. Тораманян нашел остаток этого барельефа, его левый край, на котором виден подвешенный меч над крупом коня. Эта часть на снимке Кестнера прикрыта аркой[1]. Посередине видно стилизованное, увенчанное розетками дерево, расстилающее в каждую сторону ветви с целыми и половинчатыми пальметтами, отростками из листьев и цветов. Под этими ветвями с каждой стороны находится по всаднику, обращенному лицом к зрителю. Всадники одной рукой держат повод, а другой направляют вниз, на дракона, пику. Бросаются в глаза широкий свисающий чапрак и разность в движениях лошадей. Рельеф находился в стенной нише, арка которой перекрывает его слева. Ввиду этого я предполагаю, что арка имеет более позднее происхождение. Это соответствует тому факту, что рельеф находился рядом с церковью, в часовне, которая была построена позже. Из этого следует, что он мог быть создан тогда же, когда была воздвигнута сама церковь, т. е. в 622 году, а не восходит, как считает Марий Броссе, к эпохе Багратидов до исламского завоевания (1072 год). Кроме того, Броссе ошибочно считал, что одна из фигур изображает Георгия, а другая – Феодора или Димитрия. В действительности здесь изображены два святых всадника, которые часто встречаются в церквях Передней Азии и Египта и могут олицетворять любого святого[2]. Для нас главный вопрос состоит в том, может ли этот рельеф относиться ко времени основания церкви, т. е. к 622 году. Неудачный рисунок Кестнера едва ли дает возможность однозначно решить эту проблему. Обычай помещать на наружных стенах церквей рельефы в настоящее время может быть выявлен на отдельных, более древних армянских церквях. Главными примерами для этого могут служить два рельефа с греческими надписями, опубликованные мною в "Эчмиадзинском Евангелии"[3], затем рельефы церкви Св. Креста в Мцхете, рельефы соборов Мрена и Одзуна, а также рельефы Гагика в Ахтамаре. Среди последних мы видим те же изображения всадников, что и в Дворцовой церкви Ани, с надписями, указывающими имена Феодора, Георгия и Саргиса (II, рис. 334). Тех же всадников мы встречаем и над южным порталом церкви в Огузлу. Об этом поговорим ниже.

Ахтамар. Эта церковь (I, рис. 67) настолько своеобразно украшена, что является исключительным художественным явлением (II, рис. 334). Под шатровой кровлей купола здесь отсутствует обычный венчающий карниз с ленточными орнаментами, вместо этого тут, одно за другим, помещены изображения около 32 животных: львов, серн, оленей, горных козлов, зайцев и т. п. Подобный фриз с изображениями животных имеется также под кровлями как на продольных сторонах (II, рис. 335), так и у фронтонов церкви. Углы фризов последних на западной стороне опираются на человеческие головы, как в Хатре, в то время как на восточной стороне опорами

[1] См. рис. 333 (II), который заимствован из книги Мария Броссе: см. ***Brosset Marie-Félicité***, Les ruines d'Ani, capital de l'Armenie sous les Rois Bagratides, aux X-e et XI-e siecles, histoire et description, St.-Pétersbourg, 1860 (таблица XXXVII).

[2] Ср. ***Strzygowski Josef***, Der koptische Reiterheilige und der heilige Georg – Zeitschrift für ägyptische Sprache, Leipzig, XL, 1903 (стр. 49–62), а также ***Strzygowski Josef***, Der Dom zu Aachen und seine Entstellung, Leipzig, 1904 (стр. 6 и далее). Хорошие примеры к ним из Хидр Элиаса см. ***Preusser Conrad,*** Nordmesopotamische Baudenkmäler altchristlicher und islamischer Zeit, Leipzig, 1911 (таблицы 6–9).

[3] См. ***Strzygowski Josef***, Das Edschmiadsin-Evangeliar, Wien, 1891 (стр. 6 и далее).

являются фигуры зайцев. Затем следует лента из виноградных листьев, охватывающая всю постройку, простираясь по единому ряду камней, начиная с низкой восточной части под кровлей (II, рис. 338). В этом можно видеть ответвление того же источника, которому обязана также и французская деревянная резьба с изображением грубовато-комических сценок из жизни людей и животных[1]. Насколько богато заполнена виноградная лоза всевозможными затейливыми сценками из жизни людей и животных! Кое-что оттуда я представлю и при описании отдельных сторон фасада. Ниже следуют изображения животных, которые видны зрителю либо спереди, либо сбоку на барельефе. Нижнюю часть богатых украшений составляют сцены из Ветхого завета и отдельные святые, которые на западной стороне возглавляются фигурой основателя, стоящего с моделью церкви перед Христом. Между отдельными фигурами людей опять-таки видны различные животные.

Об этом неслыханном декоративном убранстве пишет местный летописец того времени Товма Арцруни (История дома Арцруни: III, 38)[2]. Сначала сообщается, что Гагик разрушил крепостное поселение Котом в провинции Алдзник[3] и перевез камни через море (озеро) для постройки церкви. “Он имел в своем распоряжении вышеупомянутого архитектора Манвела, человека с большими знаниями и мастерством, который из церкви создал шедевр своего искусства. Упомянутый монах приложил весь свой талант для создания совершенных изображений от Авраама до Давида и Христа, ряда пророков и апостолов по всем правилам искусства, вызывая восхищение зрителей. Он создал множество изображений животных и распределил их в разных частях церкви. В числе их были дикие животные и птицы, дикие кабаны и львы, быки и медведи, показывающие свои природные особенности, что нравится мыслящему зрителю. На отдельных частях стен он изображал также виноградные листья с виноградом, виноделов, сборища зверей и пресмыкающихся, образы которых, сгруппированные по видам, радовали взоры. На четырех сторонах апсиды он поместил четырех евангелистов и святых, помимо принятого ряда, изобразив венец радости святой церкви. На передней стене церкви[4] он поставил крест и изображение Спасителя в облике человека. Против него виднелся образ царя Гагика с нимбом вокруг головы и весьма на него похожий. В руках он держал модель церкви, словно золотой сосуд, наполненный манной небесной, как кадило из золота, распространяющее благоухание. Монарх представлен в позе человека, просящего прощение за свои грехи…”.

Я приведу еще один текст, которым обязан отцу Месропу[5]. Согласно копии

---

[1] То же самое касается и коптского зодчества.

[2] См. ***Brosset Marie-Félicité***, Histoire des Ardzrouni par le Vartabied Thoma Ardzrouni – Collection d’historiens arméniens, T. I, St.-Pétersbourg, 1874 (стр. 240).

[3] См. ***Hübschmann Heinrich***, Die altarmenischen Ortsnamen – Indogermanische Forschungen, XVI, Straßburg, 1904 (стр. 248 и далее).

[4] Это место Броссе перевел как “на своде часовни” (“sur la voûte de la chapelle”).

[5] См. ***Խաչիկ Գ. Լևոնեան***, Աղթամարայ կաթողիկոսները սկզբէն մինչեւ Դաւիթ Գ. կաթողիկոս – Բիւզանդիոն, Կ.Պոլիս, 1900, Դ. տարի, սեպտեմբեր 5–18, թիւ 1191 (***Хачик Г. Левонян***, Католикосы Ахтамара от начала до католикоса Давида III – Бюзандион, Константинополь, 1900, год четвертый, сентябрь 5–18, № 1191).

1820 года с рукописи, которая называется “Հաւաքարան անունաց կաթուղիկոսաց Աղթամարայ” (“Собрание имен католикосов Ахтамара”), “постройка церкви Сурб Хач (Святого Креста) в Ахтамаре была закончена в 921 году. Вся постройка длилась 6 лет. Эта церковь еще стоит. Внутренние и наружные поверхности стен покрыты различными изображениями. Особенно бросаются в глаза окруженные орнаментами каменные барельефы и горельефы, кажущиеся отдельными статуями и изображающие известных лиц от сотворения мира до Иисуса Христа. Изображения были первоначально окрашены и позолочены (следы еще видны) так, что церковь, отражая солнечные лучи, блестела на голубом озере подобно солнцу и была видна издалека. Предание говорит, что для защиты церкви от дождя и солнца она покрывалась жемчужным покровом, вышитым и принесенным в дар богатой женщиной”. Это описание, как и описание Товмы Арцруни, указывает пути для расшифровки значения украшений. Основываясь на сказанном, я вкратце опишу отдельные фасады церкви.

З а п а д н ы й ф а с а д (II, рис. 334)[1]. Над пристроенной в более позднее время залой видны две вертикальные ниши, дающие глубокие тени. Между нишами имеется окно с бровкой, над которым, согласно описанию Товмы Арцруни, высечен крест. Справа внизу изображен Христос, слева – Гагик с моделью, снизу между ними – пара ангелов, несущих медальон с крестом.

Ю ж н а я с т е н а[2] (II, рис. 335). Изображения начинаются с западного угла притчей об Ионе: слева показаны корабль и якорь, затем – кит, похожий на дракона, а справа – обнаженный человек, спящий в огуречной листве. На следующем ряде камней изображен парус, затем следует камень с бородатым святым – Ионой, обращающимся с красноречивым жестом с проповедью к царю Ниневии, сидящему на корточках. На последнем камне представлены четыре медальона с бюстами плачущих женщин. На следующем ряде камней повыше имеются еще 4 медальона с бюстами. Крайний бюст слева, с епископскими наплечниками, имеет надпись, указывающую, что здесь изображен протомученик Степанос (Стефан), затем показаны пророки Софония и Азария, т. е. святые, не имеющие ничего общего с притчей об Ионе. На следующем ряду камней показаны отдельные животные, в том числе над окном изображен олень. Выше тянется фриз из виноградных листьев со стволом в середине. Ствол сплетен в виде восьмерки и заполнен изображениями двух человеческих голов. Слева в качестве заполнения изображены медведь и стоящий мужчина, а справа – стоящий на коленях человек и две цапли. Фриз с изображениями животных под кровлей начинается с образа какого-то животного, затем следуют головы трех бородатых людей.

Далее идет трехчетвертной цилиндр с четырехгранным покрытием. Под окном показаны козы, которые по лестнице взбираются на дерево грибовидной формы. Слева от них показано жертвоприношение Авраама с изображением агнца и десницы

---

[1] См. ***Bachmann Walter***, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, Leipzig, 1913 (таблица XXXIII).

[2] Там же (таблицы 33–35), а также ***Լալայեան Երուանդ***, Վասպուրականի նշանաւոր վանքեր – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1910, XX գիրք, № 2 (***Лалаян Ерванд***, Знаменитые монастыри Васпуракана – Азгагракан андес, Тифлис, 1910, книга XX, № 2, стр. 197-212). Здесь я привожу не все снимки, представленные ими.

Бога[1]. Далее видим святого (Моисея?), простирающего вверх руки из-под покрывала. Справа от него ангел, обращенный к Христу, восседающему под аркой (над ним – пророк Иоиль). За углом – Богоматерь, сидящая на троне. По сторонам – архангелы Гавриил и Михаил. Справа следуют две птицы, затем современная пристройка к эмпоре, встроенной в южную конху. Сзади, по-видимому, скрываются другие изображения. Над описанными барельефами имеются медальоны и изображения павлина, бородатая голова среди виноградных листьев, человек с пращой, петухи по бокам креста из колец и стержней и пр.

На восточной части южной стены, справа от пристройки, на четырех примыкающих гранях (I, рис. 67) изображены двое святых по бокам медальона, стоящие между группами зверей (II, рис. 336 и 337), слева – два поднявшихся на задние лапы медведя, между которыми видны зайцы[2]. Над ними грифон, справа – орел, нападающий на голубя, затем птица с головой горного козла и кольцом на шее. Имена обоих святых указаны в надписях: слева – “Св. Саак, брат Амазаспа, мученик и свидетель Христа”, справа – “Св. Амазасп, князь Васпуракана”[3]. Над этими полосами из фигур видна выступающая голова и среди виноградных листьев – мужчина верхом на медведе. Южная стена заканчивается на востоке малой фигурой юноши Давида, метящего пращой в вооруженного великана Голиафа, стоящего напротив в углу. Между ними скорчившийся бык и слева за Давидом – человек в тюрбане (Саул?). Над ним в круглой рамке изображен Самуил и левее над окном – первосвященник Хели (Эли)[4]. Над Давидом, рядом с цесаркой, выступает барельеф головы. Выше помещена надпись, а среди виноградных листьев расположены фигуры мужчин, птиц, зайца и лисицы.

В о с т о ч н а я с т е н а[5]. Согласно Товме Арцруни, здесь предполагаются четыре евангелиста[6]. На высоте окон изображены четверо стоящих святых (II, рис. 338). Справа у угла изображен Св. Егия (Илия), перед которым стоит на коленях женщина. На той же высоте слева и посередине показаны животные. Над окном – круглый медальон с бюстом и надписью: “И Адам назвал имена всех животных и бестий”, затем с обеих сторон повторяется еще раз: “всех животных и бестий”. На этом основании можно было бы предположить, что значение полосы с изображением животных может быть объяснено в том же смысле. Треугольные ниши на этой стороне охвачены бровками, украшенными гранатовыми ветками. Над бровка-

---

[1] См. ***Bachmann Walter***, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, Leipzig, 1913 (таблица XXXV).

[2] Там же (таблица XXXIV).

[3] Ерванд Лалаян сообщает об истории этих святых-мучеников, живших в период царствования Гаруна-аль-Рашида (766–809), т. е. почти что в эпоху возникновения барельефов: см. ***Լալայեան Երուանդ***, Վասպուրականի նշանաւոր վանքեր – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1910, XX գիրք, № 2 (***Лалаян Ерванд***, Знаменитые монастыри Васпуракана – Азгагракан андес, Тифлис, 1910, книга XX, № 2, стр. 203).

[4] См. ***Bachmann Walter***, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, Leipzig, 1913 (таблица XXXV, внизу).

[5] Там же (таблица XXXVI) и ***Լալայեան Երուանդ***, Վասպուրականի նշանաւոր վանքեր – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1910, XX գիրք, № 2 (***Лалаян Ерванд***, Знаменитые монастыри Васпуракана – Азгагракан андес, Тифлис, 1910, книга XX, № 2, стр. 203).

[6] В святых, изображенных по обе стороны от окна, Лалаян предполагает апостолов Фаддея и Варфоломея, а рядом с ними – Иоанна Крестителя и Григория Просветителя (там же, стр. 206).

ми имеется полоса в виде виноградной лозы, в середине которой показан князь, сидящий на корточках[1]. В щипце помещен барельеф стоящего Христа, голова которого находится между бегущими под карнизом зайцами.

С е в е р н а я с т е н а[2]. На восточном углу, на высоте 2 м, изображен Самсон, держащий за вихор филистимлянина. Рядом с ним пророк Иезекииль, затем еще один святой, а над ним – три круглых медальона с бюстами. Далее следует Горгона (II, рис. 322), над которой изображены стоящий на коленях Самсон, который вонзает свой меч в пасть льва, и два петуха. Справа (II, рис. 321) помещена фигура овцы над нападающим на зайца орлом, а затем, в самом низу – два павлина со сплетенными шеями. У восточного угла конхи – стоящая в молитвенной позе фигура. Цикл возобновляется в середине стены у конхи с изображением Сотворения мира. Слева от окна изображены Адам и Ева, стоящие перед деревом и передающие друг другу яблоко. Справа от окна показано дерево, вокруг ствола которого вьется змей, вытягиваясь в сторону стоящей на коленях Евы. На выступающих над окном трех камнях изображен слева лев, а справа – три рыбы друг над другом. Северная стена заканчивается в западной половине (II, рис. 334) сценой с отроками в пещи огненной и с Даниилом во рву со львами[3]. У угла конхи, в самом начале изображены три святых всадника (Феодор, Сергий и Георгий) под медальонами, а по бокам окна у трехчетвертного цилиндра снова видны животные: слева – лев и медведь, пожирающий виноград, затем – лев, нападающий на быка. Справа – овца надо львом, которому коленопреклоненный Самсон раздирает пасть. Над библейскими сценами выступает голова оленя и т. п. В виноградной листве показаны птицы и козы, среди животных над карнизом кровли изображен человек, держащий быка за рога.

На западной стороне, с которой мы начали наше описание, исходя из фигуры основателя, указанный фриз с изображениями животных сходится в щипце с фигурой стоящего святого с виноградными листьями под ним, которые поднимаются вверх, венчая окно[4]. Виноградная лоза при этом обвивает гранаты. Фриз странным образом смещается по высоте в средней части фасада. Он тесно заполнен различными изображениями: слева – человек с тыквой в руках, затем – кормящая своего медвежонка медведица, дальше – серна и отдыхающий бык; справа – мужчина, борющийся с медведем, человек, сидящий на корточках и плетущий виноградные лозы, бодающиеся бараны и стоящий на коленях человек, направляющий свой лук на медведя. Ниже виноградной лозы находятся треугольные ниши с бровками, в которых показаны две птицы между персидскими пальметтами и ветками граната. Ниже бровок помещается средний крест между выступающими головами животных и подобными крестами с лозой и розетками. Еще ниже, как уже было сказано, показаны фигуры Христа и Гагика. Я и в дальнейшем буду иллюстрировать много деталей с западного и восточного фасадов.

При рассмотрении цикла выясняется, что темой его является молитва Гагика перед Христом, которому он посвящает церковь. При этом, в духе древнехрис-

[1] Согласно Лалаляну – это Гагик. См. также ***Bachmann Walter***, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, Leipzig, 1913 (стр. 45).

[2] Там же (таблицы XXXVII–XXXVIII).

[3] Там же (таблица XXXVII).

[4] Там же (таблица XXXIX).

тианских предсмертных молитв, говорится примерно следующее: “Так же, как ты спас прародителей, Иону, Исаака, Давида, Самсона, юношей в геенне огненной и Даниила во рву со львами, спаси и меня тоже”. Формально здесь перед нами повторение через 400 лет канонических аркад[1], известных нам по сирийскому Евангелию Рабулы от 586 г. из монастыря Иоанна в Загбе, в Северной Месопотамии[2]. Характерным в данном случае является композиция отдельных человеческих фигур с символами и животными, часто размещенными друг над другом, по бокам окна или с одной стороны упорной ниши, включая также библейские сцены. Этот факт указывает направление и место, где мы должны искать истоки фигурных изображений в Армении в эпоху христианства, а именно – Северную Месопотамию, чем и объясняется развитие притчи об Ионе до его проповеди в Ниневии. При этом, однако, необходимо учитывать два обстоятельства. Во-первых, здесь мы имеем дело с исключением; преобладающий вид декоративного убранства армянских церквей развивается, безусловно, по национальным путям, т. е. по путям, о которых нам еще предстоит разговор: армянский мастер обрамляет и заполняет поверхности стен декором. Во-вторых, вид этих украшений, хотя он и встречается в Месопотамии, все же не обязательно всегда происходит оттуда. Об этом будем говорить ниже в отдельной главе. Я пока остановлюсь на изображениях и их предметной расшифровке. Подобно барельефам Ахтамара, я часто встречал изображение Корня Иессеева (Древа Иессеева) на церквях с наружной живописью в Буковине. Об этом скажем ниже. Здесь мы только укажем на то, что в одежде Гагика, построившего церковь в 915–921 гг., ясно сказывется византийское влияние, а в дополнении ряда святых образами Саака и Амазаспа – восприятие эпохи создания барельефов Ахтамара.

а) Живопись

Что касается украшения поверхностей стен, сводов и куполов внутри армянских церквей, то можно установить, что у некоторых из самых значительных церквей VII века, как, например, церквей Рипсиме, Мрена и Мастары, купол имеет расходящиеся в виде лучей ребра, заканчивающиеся внизу профилированными дисками. В соборе в Талине в этом месте еще видны следы креста с дискообразными концами. Такое скульптурное украшение исключает обычную живопись византийских церквей. Таким образом, возникает вопрос: применялась ли вообще живопись для украшения армянских купольных построек в дохристианский период?

М о з а и к а. Что касается мозаичной живописи, о которой упоминается в литературных источниках, то в сохранившихся древних церквях не обнаружено никаких следов такой мозаики. Во всяком случае, на более поздних этапах мозаика совершенно вышла из употребления. Кстати, перевод Степаноса Таронеци (Всеобщая история: III, 9) у Гельцера неверный[3]. Там при описании великолепной церкви в Аргине речь идет не о мозаике; слово “шинвац”, встречающееся в тексте, означает

[1] Прим. ред.: в средневековых армянских миниатюрах их принято называть хоранами.

[2] Второй пример такого влияния – церковь Сант Аполлинаре Нуово в Равенне 526 года (см. ***Baumstark Anton***, Ein Alterskriterium der nordmesopotamischen Kirchenbauten – Oriens Christianus, Ser. NS, Leipzig, Band 5, 1915, стр. 95).

[3] См. ***Gelzer Heinrich*** *und* ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр. 136).

не мозаику, а “строительную конструкцию”. С другой стороны, фактически найдены следы древних мозаик при раскопках. На рис. 339 (II) показаны остатки такой мозаики, найденные в Звартноце и помещенные архимандритом Хачиком рядом со шкафом для реликвий (II, рис. 267) на амвоне[1]. Мозаика покрывает стык двух каменных плит. Видны еще три ветви креста с дисками на концах и цветное пятно в точке пересечения, от которого радиально расходятся двойные лучи. Я, к сожалению, подробнее не обследовал эту мозаику. Сюда относится и фрагмент, на котором, однако, ничего нельзя разобрать[2]. Параллельный пример из монастыря Мар Габриель приводит Гертруда Белл[3].

Кусок мозаичного пола был найден в северной апсиде Двина, он также передан в музей Звартноца[4]. На этой мозаике будто бы изображена Мария, что меня удивляет, учитывая отношение армян к халкидонизму. Эти два фрагмента могут служить доказательством того, что в древнехристианских церквях действительно применялась мозаика. Я лишь сомневаюсь в том, что эта мозаика (поскольку она изображает человеческие фигуры) на самом деле была выполнена армянскими мастерами. С другой стороны, несомненно, что армяне были мастерами в изготовлении декоративной мозаики полов. В Иерусалиме было найдено множество таких мозаик, в том числе с армянскими надписями. Но они никогда не изображают человеческие фигуры[5]. Имевшиеся в Армении мозаики с различными изображениями были созданы, как и барельефы в Ахтамаре, под влиянием Греции и Месопотамии.

С т е н н а я ж и в о п и с ь. К сохранившимся остаткам живописи я уже обращался по отдельности при описании церквей. Среди них имеется роспись, заслуживающая особого внимания, а именно – роспись, находящаяся в апсиде Текора. В “Журнале по истории архитектуры” она сравнивается мною с мозаикой Жерминьи-де-Пре 806 года близ Орлеана[6]. Марр (правда, на основании жалких остатков этой стенной живописи) полагал, что на ней была изображена модель церкви наподобие Звартноца[7]. В действительности же изображен церковный ларь на земле, окруженный двумя рядами арок коричневого и белого цветов друг над другом. Выше видны еще серые крылья малых ангелов и вокруг них – бело-голубое небо. Все остальное можно дополнить по мозаике в Жерминьи-де-Пре[8]. Вероятно, здесь были изобра-

---

[1] См. ***Тер-Мовсесян Месроп***, Раскопки развалин церкви Св. Григория близ Эчмиадзина – Известия Императорской Археологической Комиссии, выпуск 7, С.-Петербург, 1903, стр. 25.

[2] Ценные остатки лежат в настоящее время в музее Звартноца безо всякого ухода. Если сравнить мой снимок со снимком Месропа Тер-Мовсесяна, то видно, как много от данной мозаики за это время исчезло.

[3] См. ***Bell Gertrude***, The Churches and Monasteries of the Tûr’Abdin, Heidelberg, 1910 (стр. 67).

[4] Об этом см. Արարատ, Վաղարշապատ, 1907, համար 7–8, հուլիս–օգոստոս, էջ 658–661 (Арарат, Вагаршапат, 1907, № 7–8, июль–август, стр. 658–661).

[5] См. ***Strzygowski Josef***, Das neugefundene Orpheusmosaik in Jerusalem – Zeitschrift des deutschen Palästinavereines, XXIV, 1902 (стр. 139-171).

[6] См. ***Strzygowski Josef***, Die Entstehung der Kreuzkuppelkirche – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, VII, Heidelberg, 1915 (стр. 77).

[7] См. ***Марр Н.Я.***, По поводу работы архитектора Т. Тораманяна “О древнейших формах Эчмиадзинского храма” – Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества, том XIX, выпуск 1, С.-Петербург, 1909, стр. 15.

[8] См. ***Clemen Paul***, Die romanische Monumentalmalerei in den Rheinlanden, Düsseldorf, 1916 (таблица XLII).

жены два громадных ангела, для которых имелось достаточно места. Я могу себе представить, что эта символическая живопись у алтаря относится к древнейшим образцам отделки апсид. Чтобы дать понятие о византийском направлении при помощи некоторых хорошо сохранившихся примеров, я привожу сохранившуюся в Ани стенную живопись. Эта живопись относится к значительно более позднему периоду, чем сами постройки – как, например, живопись в восьми конхах церкви Спасителя. Живопись купола совершенно разрушена. В главной апсиде изображен Христос, восседающий между архангелами и херувимом. Ниже изображены 12 апостолов. В юго-восточной и северо-восточной нишах показано Чудо троицы, ниже на юго-востоке – Рождество, а на северо-востоке – Распятие. В западной нише изображена Тайная вечеря. Живопись под ней также разрушена, как и сцены под образами евангелиста Луки в юго-западной и апостола Иоанна в южной конхах. В северо-западной конхе изображен евангелист Марк, ниже дано Преображение, в северной конхе показан апостол Матфей, а ниже представлена Св. Анастасия. Перед Матфеем стоит на коленях живописец Саргис Фаршик (или Паршкан), который молится за спасении своей души. Орбели считает, что эти фрески, как и пластичные фигуры животных над капителями, относятся к XIII веку[1]. В этой восьмиконховой постройке темой картин в верхнем ряду являются Христос и его ученики. Если представить еще и купол, на котором, может быть, были изображены Христос и пророки, то мы здесь видим визуальное воплощение идеи распространения учения Христа через его учеников и евангелистов (как я старался показать это на примере Равенны, в связи с антиохийской традицией)[2]. В следующей полосе показаны сцены из Евангелия, которые дополняли Чудо троицы и Тайную вечерю верхнего ряда в виде торжественного цикла.

В соборе в Талине также сохранились остатки живописи. В подковообразной главной апсиде (I, рис. 200) на высоте окна показаны 12 фигур, вероятно, апостолов, над ними – неясная надпись, затем, в самой апсиде, апокалиптическое изображение, обрамленное медальонной лентой с венком в вершине (II, рис. 340); в мандорле – большой трон, на нем лежат подушка и книга из семи листов (?); мандорла изображена на белых полиомматах (Polyommata)[3]. Кругом шестиконечные белые звезды в черных кружочках. Все сильно пострадало вследствие подготовки к новой живописи, требующей шероховатой поверхности. На пилоне между апсидой и левым боковым помещением изображен святой всадник. На стене предалтарного помещения, покрытого цилиндрическим сводом, справа видны остатки росписи со сценой Входа Христа в Иерусалим (?). Обе ноги Христа, едущего верхом на осле в сторону какого-то архитектурного сооружения, обращены к зрителю. За ним следуют трое святых. У стены на противоположной стороне видно много человеческих голов. Марр нашел на этой живописи имя художника Мовсеса[4].

---

[1] См. ***Орбели И.А.***, Краткий путеводитель по городищу Ани – Анийская серия, вып. IV, С.-Петербург, 1910 (стр. 45 и далее). При рассмотрении композиций отдельных сцен с евангелистами следует учитывать соответствующие миниатюры в рукописных Евангелиях.

[2] См. ***Baumstark Anton***, Ein Alterskriterium der nordmesopotamischen Kirchenbauten – Oriens Christianus, Ser. NS, Leipzig, Band 5, 1915 (стр. 93).

[3] Прим. ред.: от др.-греч. πολύ – “много” и ὄμμα – “глаз”.

[4] См. [***Марр Н.Я.***], Раскопки в Эриванской губернии – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1892, С.-Петербург, 1894, стр. 82.

Богатый набор стенной живописи сохранился в церкви Св. Креста в Ахтамаре. Уже Бахман и Лалаян интересовались этой живописью. В то время как снаружи темой для нее служил Ветхий завет, внутри изображались сцены из Нового завета: ясно видно, что в южной апсиде показаны сцены Встречи[1] и Рождества. На рис. 341 (II) я привожу из другой конхи сцены Воскрешения Лазаря и Входа в Иерусалим. Обе они находятся над верхней частью изображения Вознесения Христа[2]. Манера письма сирийская. Напрашивается сравнение с фресками Дейр-эс-Сурьяни в Египте[3]. Более богатый и качественный декор имеет церковь Григора, расположенная в Ани, высоко на склоне над Арпачаем (Ахурян) и построенная князем Тиграном Оненцом в 1215 году[4]. Живопись относится к XIII веку, надписи сделаны на грузинском языке[5]. Постройка не лучеобразная, а типа купольной залы.

На рис. 343 (II) показан внутренний вид на юго-восточный угол. Видны крепленные цилиндрическими сводами пилоны, выступающие перед стеной. В центре купола изображены 4 парящих ангела, несущие медальон с мощной головой Спаса Вседержителя (Пантократора). Кругом, в двух группах, стоят апостолы, разделенные фигурой Марии и ангелами. Далее между окнами барабана видны фигуры пророков, изображенные парами (II, рис. 343). На парусах купола помещены бюсты 4 евангелистов. В своде несущей арки, видной на том же рисунке, изображено Благовещение. Ниже, вокруг окна, показано Рождество Христа, левее – пастухи над сидящим Иосифом, а справа – Мария, лежащая у яслей, над изображением сцены купания. В полосе под ними показаны Вход в Иерусалим, слева – Христос верхом на осле, обращенный обеими ногами в сторону зрителя, справа – мужчины и женщины на фоне города. Наконец, внизу – сцена Успения Богоматери, отделенная стоящим царем от драконовой ткани над дверьми; и над всем этим – стоящие ангелы с медальоном. Таким образом, мы видим, что стенная живопись разделена на три полосы. Можно было бы ожидать, судя по южной стене, что в верхней полосе изображена юность, в нижней – более поздний период, а в средней – расцвет деятельности Христа. Однако, это не так. Уже у северной стены видно, что наверху изображено Чудо Троицы. Нижняя живопись разрушена, а средняя изображает Воскрешение Лазаря. Кроме того, с западной стороны, у пилонов купола сверху изображены отроки в пещи огненной, а внизу – сцена водопоя. В главной апсиде можно еще узнать Спаса Вседержителя между херувимами и стоящими святыми. Под этой сценой, над окном – киворий, а сбоку – Христос, подающий шести апостолам слева вино и шести апостолам справа – хлеб. Ниже – ряд отцов церкви. У стены со входом

[1] Прим. ред.: имеется в виду сцена встречи Марии и Елизаветы вскоре после Благовещения, которая также представлена в южной апсиде, в том же ряду слева.

[2] См. ***Bachmann Walter***, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, Leipzig, 1913 (таблица XXXII, которая повторяется на моей иллюстрации).

[3] См. мою статью в журнале Oriens Christianus, Wiesbaden, Band I, 1901 (стр. 900 и далее), а также ***Johann Georg*** (Herzog zu Sachsen), Streifzüge durch die Kirchen und Klöster Ägyptens, Leipzig, 1914 (таблица LVI и далее).

[4] Турки называют эту церковь Нахшли-килисе (Церковь с живописью), Броссе называет ее Греческой церковью (см. ***Brosset Marie-Félicité***, Les ruines d'Ani, capital de l'Armenie sous les Rois Bagratides, aux X-e et XI-e siecles, histoire et description, St.-Pétersbourg, 1860), строительная надпись сохранилась.

[5] По поводу спора о том, был ли основатель церкви армянином или халкидонитом, см. ниже.

на западе, по бокам среднего окна, изображены: слева – Христос в ореоле славы, а справа – “Noli me tangere” (“Не прикасайся ко Мне”)[1]. Росписи двух верхних полос разрушены. На нижней части стены помещены многочисленные более мелкие картины из жизни Св. Григора. На рис. 343 (II) справа видны некоторые из этих картин. Цикл сюжетных росписей церкви сопровождается орнаментами, которые не ограничиваются архитектурными элементами, как и изображения фигур не ограничиваются одними лишь стенами. В большинстве случаев это сплошные, непрерывные орнаменты, составленные из различных сочетаний ромбов и узких овалов. Часто встречается окраска со смежными, переходными тонами.

Обрушенный притвор церкви был также украшен стенной живописью, в которой еще можно различить: над входом – изображение Христа между ангелами, над ним, по бокам окна слева – сцены оплакивания (в том числе с изображением Марии, которая целует Христа, склонившись над ним), справа – Снятие с креста (II, рис. 342), затем – Иоанн. Эти картины охвачены аркой. В более узком пролете следующей арки с треугольной нишей один над другим изображены двое святых. Справа сверху, в небе видны обнаженные тела женщин и стариков – все с поднятыми перед склоненной головой руками. В левом верхнем углу надпись “ТО СКОТО.”, и все это на голубом фоне. Внизу на красном фоне живописное, но почти разрушенное изображение ада, от которого осталось лишь множество голов. На северной стене слева – известное изображение рая: Исаак, Иаков и Авраам, Мария, молящиеся, Адам с крестом и врата рая с херувимами. Стены, по-видимому, были покрыты живописью с изображением Страшного суда, вдобавок на западной стене сохранилось связанное с этим изображение Второго пришествия Христа, по образцу картины из немецкого издания справочника “Живопись на горе Афон”[2]. Я видел на этой стене, слева над дверной аркой, у ног святых епископов землю на грифоне. Надписи у всех этих росписей, судя по фрагментам, были греческими и грузинскими[3]. Эти надписи, без сомнения, показывают, что живопись имеет грузинское и, следовательно, византийское происхождение. В моей книге “Эчмиадзинское Евангелие” я привел несколько литературных доказательств зависимости изобразительной живописи Армении от Византии. Типы не оставляют в этом никакого сомнения. Следует лишь обратить внимание на то, что в этом проявляется нечто совершенно чужеродное, как и в храме Гарни (I, рис. 12). В армянских церквях древнехристианского периода, я в этом совершенно убежден, не встречалась живопись с изображением человеческих фигур. Вся живопись такого рода была привнесена в Армению греками и сирийцами. Армяне, насколько их искусство национально, исключительно враждебно относятся к картинам. Об этом будет идти речь в следующем разделе настоящей книги, где будет говориться о форме. Марр и Орбели поэтому совершенно правы, считая, что росписи церкви Григора, основанной Тиграном Оненцом в Ани, имеет халкидонское, а не армянское происхождение. Мы еще скажем о пози-

[1] Прим. ред.: евангельский сюжет, описывающий первое после Воскресения явление Христа Марии Магдалине.

[2] См. Das Handbuch der Malerei vom Berge Athos, Lintz, 1855 (стр. 262).

[3] См. ***Орбели И.А.***, Краткий путеводитель по городищу Ани – Анийская серия, вып. IV, С.-Петербург, 1910 (стр. 41–43) и ***Ալիշան Ղևոնդ***, Շիրակ, Վենետիկ, 1881 (***Алишан Гевонд***, Ширак, Венеция, 1881, стр. 74 и далее).

ции, занятой армянами по отношению к собору в Халкидоне (Халкедон, Калхедон) и по вопросу о почитании икон.

Я здесь ограничиваюсь этими скудными данными, которые не могут служить достаточным основанием для окончательных выводов, но являются дополнением к каталогу типов, дающим читателю представление о применении изобразительной живописи в декоративном убранстве армянских церквей более позднего периода, т. е. об использовании чуждого стране способа их украшения.

б) Ткани и сосуды

Нет сомнения в том, что церкви украшались не только живописью. Историки дают яркое представление о том, что для внутреннего убранства и украшения применялись прежде всего ткани и утварь из благородных металлов. Это напоминает покрытие стен внутри древневавилонских храмов золотом, серебром и драгоценными камнями. Агатангелос (История Армении: CIII–CIV)[1] сообщает об украшении трех святынь, построенных Св. Григором в Вагаршапате, золотыми и серебряными подсвечниками и люстрами, в которых постоянно горели свечи. За перегородками, куда мог входить только сам Григор, стояли деревянные гробы. Придворные воскуривали фимиам и приносили в дар разноцветные шелковые и златотканые материи. Царица, царевны и знатные дамы жертвовали пурпурные одеяния, белые и синие ткани для гробов святых. Еще в конце первого тысячелетия в связи с постройкой собора в Аргине католикосом Хачиком I (973–992) Степанос Таронеци (Всеобщая история: III, 9)[2] говорил: “Затем он построил еще три одинаковые церкви чудесного вида и великолепной формы (?). Он украсил их пурпурными и златотканными материями, которые прекрасно соответствовали сверкающим золотом и серебром украшениям и великолепию блестящих сосудов”. Также и про собор в Ани известно, что царица Катрамиде обставила его разноцветными, вышитыми золотом и пурпурными тканями, равно как и золотой и серебряной утварью, другими раскошными сверкающими сосудами, так что церковь католикоса сияла подобно небесному своду. В дальнейшем Товма Арцруни несколько раз сообщает также о красоте других помещений. Я хотел бы лишь обратить внимание на то место у Товмы Арцруни (История дома Арцруни: III, 29)[3], где он повествует о смерти Григора-Дереника (887 год), сообщая, что в эти дни в знак траура “золотые ткани занавесей, образующих при входе разноцветные арки, были заменены тяжелыми черными и мрачными драпировками”. Это доказывает также, что цветам придавали, как и в наше время, символическое значение. Я ограничусь этими сведениями, число которых можно было бы увеличить. Из них ясно вытекает, что красочная обстановка в церквях создавалось не только живописью, но прежде всего тканями[4] и декоративными сосудами. В росписях церкви Григора, построенной Тиграном Оненцом в Ани, можно

[1] См. ***Langlois Victor***, Agathange, Histoire du régne de Tiridate et de la prédication de St. Gregoire – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l’Arménie, T. I, Paris, 1867 (стр. 160).

[2] См. ***Gelzer Heinrich*** *und* ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр. 136).

[3] См. ***Brosset Marie-Félicité***, Histoire des Ardzrouni par le Vartabied Thoma Ardzrouni – Collection d’historiens arméniens, T. I, St.-Pétersbourg, 1874 (стр. 215).

[4] См. ***Strzygowski Josef***, Orient oder Rom, Leipzig, 1901 (стр. 90).

еще найти следы таких тканей, отображенных в живописи, например – драконовые ткани над дверью правого бокового придела[1]. Упоминаемые в литературе ткани, применявшиеся для внутреннего убранства церквей в древности, т. е. в эпоху до 1000 года, не сохранились. В противоположность этому, в музее Эчмиадзина и в Севанском монастыре, как и в армянских церквях Буковины я обратил внимание на большие занавесы со вполне сохранившейся техникой батика. Правда, они относятся к довольно позднему периоду: в Эчмиадзине – к 1714 году, а в Сучаве – к 1787 году. Исходя из моего опыта по исследованию армянской вышивки из Буковины в Музее императора Карла в Вене[2], я предполагаю, что и здесь мы имеем дело с древней техникой батика[3]. Об этом пойдет речь в другом месте. Эти ткани дают широкие возможности для их использования. Может быть, сюда относятся и сведения о том, что Двин славился своими пурпурными коврами, которые умели ткать только там[4]. Для окраски этих ценных ковров и шелковых одеяний применялся род пурпурных червячков (Coccus polonicus), которые гнездятся на корнях короткой жесткой травы (Dactylis littoralis) на Арарате. Матки этого червячка, которые одни только и содержат в себе красящее вещество, собирались и сушились. Собственно ярко-красный цвет достигается путем растворения и смешивания красящего вещества с кислотой, а пурпурный – посредством добавки калия[5].

Второй канон Св. Саака (Венская библиотека мхитаристов, fol. 114) требует, чтобы молитвенные храмы с алтарем были, по возможности, достойно украшены и оснащены постоянным освещением и курением ладана. Я, к сожалению, могу привести мало примеров древнехристианских церковных сосудов из Армении, которые, должно быть, имелись в очень большом количестве. Ниже, в четвертой книге данного исследования, при описании могилы Св. Григора я приведу один образец, который привлек мое внимание ввиду своеобразной формы, подражающей архитектурной форме купольного квадрата. В Армении также часто встречаются те небольшие бронзовые чаши для ладана, которые Отто Пелка рассматривает в своем труде “Сиро-палестинская кадильница”[6].

Памятники армянского искусства, имеющие специальное назначение, вначале

---

[1] См. ***Марр Н.Я.***, О раскопках и работах в Ани летом 1906 года (Предварительный отчет) – Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, том X, С.-Петербург, 1907, таблица XV (цветной снимок), а также ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (снимок на стр. 184).

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Ein Werk der Volkskunst im Lichte der Kunstvorschting – Werke der Volkskunst, № I, Wien, 1913.

[3] Анания Ширакаци говорит о купце, который перевозил жемчуг из Индии через Балх в Армению.

[4] См. ***Thopdschian Hakob***, Armenien vor und während der Araberzeit – Հանդէս հայագիտութեան. Zeitschrift für armenische Philologie, Zweiter Band, Marburg (Hessen), 1904 (стр. 52).

[5] См. ***Parrot Friedrich***, Reise zum Ararat, Erster Theil, Berlin, 1834 (стр. 106).

[6] См. ***Pelka Otto***, Ein syro-palästinensisches Räuchergefäß – Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums, Nürnberg, 1906 (стр. 86 и далее). Ср. ***J. S.*** [***Josef Strzygowski***], Otto Pelka, Ein syro-palästinensisches Räuchergefäß – Byzantinische Zeitschrift, Band XVI, Leipzig, 1907 (стр. 744). Подобный бронзовый сосуд был обнаружен мною в коллекции Ламма в Несби близ Стокгольма. На нем изображены: Крещение, Распятие, женщины у могилы и неизвестная сцена. При этом имеется армянская надпись “Я изготовил (или заказал) этот сосуд для ладана ради спасения моей, Ходжа-бека, души в 950 (1501) году”.

отчасти предшествовали церковным строительным формам, затем развивались параллельно с ними и, надо думать, постепенно подпали под их влияние. Это можно предположить, судя по другим, давно исследованным циклам искусства. Как протекал этот процесс в Армении, мы попытаемся показать в следующих главах. В обычном смысле речь идет об исследовании и выявлении армянского "стиля". Я избегаю применять этот термин, так как он вызвал уже достаточно недоразумений. Периоды установившегося стиля большей частью являются периодами упадка и остановки развития. В Армении об этом можно говорить только после той эпохи, которой мы интересуемся. Пока имеются определенные цели, образуются новые формы как выражение духовного порыва, и не существует других закономерностей, кроме тех, к которым стремятся гуща народа и одаренные художники. Лишь ослабление творческой силы и исканий приводит к созданию стиля, к узакониванию повседневного. Установленное учеными-искусствоведами понятие стиля оттесняет все живое и индивидуальное, выдвигая посредственность. В настоящее время имеет место последнее в том смысле, что личности вообще не придается никакого значения. Однако за каждой новой формой кроется творящая личность. При подражании созданным таким образом формам творчество теряет для современности свое изначальное своеобразие и служит лишь материалом для посредственности. Самая важная задача исследования заключается в том, чтобы проследить не только за образованием зародышей творчества, за их посевом, ростом и цветением, но и за тем, чтобы не обрабатывать сорные травы, а следить, чтобы они не проникли в сознание нашей эпохи. Суть и цель исследования должны заключаться не только в выявлении факта, но прежде всего и в том, чтобы найти корни самих фактов и таким образом создать стимул к истинному творчеству. Однако путь к выявлению зародышей и их роста бесконечно кропотливый и рискованный. "История искусства" охотно обходит этот путь и ограничивается обычно описаниями, избегая рассмотрение проблем развития.

Явление: описание общих признаков

В приведенном мною выше плане исследования Сущности на третьем месте, наряду с материалом, техникой и оценкой значения Предмета, стоит Образ, а на четвертом месте – Форма. Оба последних понятия относятся к Виду (Явлению). Раньше, чем анализировать эти понятия, необходимо от предшествующего последовательного разбора перейти к установлению общих черт, избегая при этом всякого сравнения, выходящего за рамки армянского искусства. Я, следовательно, пока лишь дополню приведенное выше описание памятников суммарным выявлением общих признаков. Карл Шнаазе пытался дать такую сводку[1]. Но так как он не был непосредственно знаком с армянской архитектурой, то проглядел важнейшие факторы или их неправильно понял. То же самое относится и к Джованни Терезио Ривойре, Огюсту Шуази и др.[2]

[1] См. ***Schnaase Carl***, Geschichte der bildenden Künste, 2 Auflage: 8 Bände, Düsseldorf-Stuttgart, 1866−1879 (том III, стр. 327 и далее).

[2] См. ***Rivoira Giovanni Teresio***, Architettura musulmana, Milano, 1914 (стр. 189) и ***Choisy Auguste***, Histoire de l'architecture, Tome II, Paris, 1899 (стр. 21).

Стройплощадка, за малыми исключениями, выбирается у армян так, чтобы имелась вполне ровная поверхность грунта и не пришлось бы преодолевать особые трудности. В трудных случаях применяется ступенчатый цоколь для выравнивания неровностей местности. Характерным примером в этом случае является распланировка Текора и Аграка у склона горы. Там ступени выступают только на стороне склона. В Диракларе (Карнут) возведение западной стороны стало возможным благодаря ступенчатому основанию (стилобат), как и возведение восточных сторон у Дворцовой церкви в Ани и церкви в Аштараке.

А. Ступенчатое основание (стилобат)

Ступенчатое основание, однако, служит не только для выравнивания грунта. Каждая древнеармянская постройка стоит на таких ступенях. Они могли с течением времени измениться или совсем исчезнуть, но следы, вероятно, можно найти при раскопках во всех случаях. В среднем имеются три ступени, высота которых не очень удобна для восхождения, она колеблется в границах между 0,30 м и 0,50 м. Истинное назначение этих ступеней вначале, по-видимому, было другое. Кроме того, Карнут и базилика в Ереруке имели не менее шести ступеней, а собор в Ани – пять. Мы в дальнейшем познакомимся с церковью в Текоре, имеющей основание из девяти супеней в сторону долины и еще две верхние ступени, на которых стоит корпус здания. Мы видим, между прочим, что в Звартноце шестнадцатигранная общая строительная площадка опирается на семь, а круглый корпус самого собора – на следующие три, по меньшей мере, ступени. Армянские церковные зодчие, следовательно, явно расточительствовали при воздвижении подобных цоколей.

Укажем здесь на некоторую особенность в применении этих ступеней, которая могла бы в будущем развиться. Не все ступени относятся к основанию. Характерно, что во многих случаях они прилегают к стенам церквей лишь снаружи, начинаясь на уровне внутреннего пола, т. е. не являясь его опорой. Наглядным примером этому может служить собор в Эчмиадзине, показывающий насколько приходится считаться с бесконечными повторениями и изменениями[1]. Прежде перед стенами находились три широко выступающие ступени, которые в настоящее время заменены высоким цоколем с небольшим выступом снизу. Важно, что вход остался на уровне основания ступеней, где он, по исследованиям Тораманяна, находился с самого начала. Собор, следовательно, не стоял на ступенях, а как бы вырастал из них (Тораманян предполагает, что их было четыре), если только в самом начале, кроме четырех ступеней перед стеной, не было другого ступенчатого основания. Лучшим примером такой конструкции может служить Звартноц (I, рис. 108), где шестнадцатиугольник с семью ступенями образует основание, причем три расположенные по кругу ступени уложены только снаружи вокруг постройки. Как в Эчмиадзине, так и в Звартноце способ применения этих трех ступеней виден оттого, что двери вре-

[1] Ср. Памятники древнеармянской архитектуры в фотографиях и чертежах (под редакцией Г.Д. Гримма, составили и издали Л. Егиазаров и Р. Мартиросянц), выпуск IV и V, С.-Петербург, 1911, таблицы XXVI (II, рис. 344 и 345) и XXVII, на которых приводится один и тот же юго-западный угол постройки: на таблице XXVII – по старому снимку, а на таблице XXVI – по современному.

заются в них (I, рис. 108). В Текоре и в Ереруке также приходится делать различие между основанием и пристенными ступенями. У собора в Ани (I, рис. 20 и 223) вообще имеются только пристенные ступени. Следует также сравнить три ступени Рипсиме перед последней реставрацией церкви (I, рис. 79) и после нее.

Б. Корпус

После того, что было сказано в предыдущих главах, я могу быть кратким. На ступенчатом основании возвышаются стены из бетона, одетые плитами, как было описано выше. Бетон, невидимый снаружи, является, тем не менее, определяющей предпосылкой для Явления, существенно влияющей на все архитектурное оформление: арки, упорные ниши, барабан с куполом – все эти архитектурные формы с круглыми очертаниями вряд ли могли появиться при возведении построек из каменной кладки. Камень в Армении лишь скрепляет конструкцию, созданную из другого материала.

С в о д. Это наиважнейший элемент Явления, теснейшим образом связанный со строительным материалом, что и предопределяет его исключительное применение в виде арок, цилиндрических перекрытий, куполов и упорных ниш. В Иринде (II, рис. 346) мы имеем единственный пример крестового свода. В отличие от Тораманяна, я полагаю, что своды подобного рода в Армении относятся к довольно древнему периоду. Но они не имели решающего значения. Господствующими архитектурными формами стали купол и цилиндрический свод. Тем не менее, не они решают наружный вид здания, поскольку их круглые формы проявляются только в интерьере, а сверху все эти сводчатые перекрытия покрыты плоскими кровлями.

Господствующей формой арок и сводов является круглая форма, хотя наряду с ней встречаются также стрельчатые и подковообразные формы. Из этих рамок выходят только две постройки – показанная выше крестовокупольная церковь в Багаране и крестовая церковь в Артике, о которой речь будет впереди. Эти церкви, наряду с круглой и стрельчатой аркой, имеют еще арки овальной формы, иногда в соединении с подковообразными или стрельчатыми формами.

К у п о л. Купол является самым характерным мотивом армянской церковной архитектуры. Чистый тип постройки, покрытой цилиндрическим сводом, постепенно отступает, и не только убывает в количестве, а с течением времени вообще исчезает. Тип построек, покрытых цилиндрическим сводом с куполом, подчеркивающим продольное направление, заменяется купольным типом. И тогда в соответствии с каталогом типов получается, что первоначальными носителями купола были только лучеобразные формы, а все те купольные постройки, в которых преобладает продольное направление, возникли именно под влиянием типа, покрытого цилиндрическим сводом. Этот вопрос мы подвергнем анализу в главе, посвященной истории развития архитектуры.

Наряду с цилиндрическим сводом и куполом в разрезе армянских церквей проявляется еще один элемент с мощными формами, т. е. упорная ниша, которую мы обычно называем апсидой, конхой или экседрой. Она прилегает к куполу по осям постройки, составляя тетра- или триконх, или же выступает радиально во все стороны. В архитектуре стран Средиземного моря эти формы применялись в виде единичных примеров. Мы уже давно искали страну, в которой эта форма могла

возникнуть. Здесь, в Армении, конховая постройка настолько укоренилась, что приходится искать причины, вызывающие ее бесконечное применение.

Во избежание неясности в терминологии я устанавливаю, что “апсидой” мы называем имеющую особое значение в смысле культа нишу, расположенную на восточной стороне церкви; “конхой” называется упорная ниша на всех других направлениях. “Экседрой” мы называем сквозные ниши с колоннами, а не с пилонами, которые встречаются, например, в строениях типа Звартноца.

Б а р а б а н с о к н а м и. Купол не бывает без барабана. Он служит не только для покрытия, но и для освещения среднего пространства. Барабан большей частью выступает над квадратом основания восьмигранной, а иногда – многогранной или круглой формой. Раньше в каждой грани имелись большие окна, размер которых становился все меньше. Отношение высоты барабана к высоте выступающего над кровлями квадрата основания меняется. Замечается все усиливающаяся тенденция к увеличению высоты барабана и к сокращению его основания. Купол заканчивается пирамидальной каменной кровлей, уклон которой первоначально соответствовал уклону нижних стропильных ног кровли, пока не появилась щипцовая кровля, устраиваемая поперек осей, в то время как до этого кровли охватывали купол радиально.

а) План

Своеобразие плана армянских церквей вытекает из данности трех элементов – купола, упорной ниши и цилиндрического свода. В отличие от стран Запада, купол здесь не является исключением рядом с доминирующим продольным типом, как это мы видим даже в окраинных странах Средиземноморья. В Армении существует как раз противоположный принцип. Ядро армянских церквей составляет в подавляющем большинстве случаев квадрат с куполом, опирающимся на стены или на четыре арки (либо пилоны). Армянский тип вскоре проник в древнехристианскую или византийскую архитектуру, где постепенно стал доминировать. Восьмиугольная или круглая форма вытесняется исходящим из Армении архитектурным решением. Поэтому Шнаазе изначально не прав, полагая, что массивные квадратные, круглые и шаровидные формы характерны для византийской архитектуры, в то время как армянская архитектурная форма имела более условный и ограниченный характер, выражаемый продольным прямоугольником или многоугольником[1]. Верно как раз обратное утверждение, согласно которому в Армении, отчасти под западным влиянием, первоначальная квадратная форма с круглыми выступами переходит в прямоугольную форму.

У п о р н а я н и ш а. Упорная ниша, по-видимому, появилась одновременно с купольной церковью как характерная особенность, которая едва ли где-либо еще применялась столь же целеустремленно. Только влияние покрытой цилиндрическим сводом постройки продольного типа, как мы увидим, приводит к новым решениям. Упорная ниша в триконхе имеет актуальное значение и тогда, когда ее первоначальное строительное значение исчезает. Об этом речь пойдет ниже. Мы здесь обращаем внимание на странный факт, что постройки с упорными нишами чистого типа с ос-

[1] См. ***Schnaase Carl***, Geschichte der bildenden Künste, 2 Auflage: 8 Bände, Düsseldorf-Stuttgart, 1866−1879 (том III, стр. 327).

новным квадратом (такие, как Мастара и Артик) имеют упорные ниши неодинаковых размеров. В Мастаре (I, рис. 59) это не так бросается в глаза, тогда как в Артике этот факт заметен с первого же взгляда на план (I, рис. 63). Это, по-видимому, может быть объяснено дополнительным назначением упорной ниши в качестве главного или бокового входа или лестничной клетки. Разный размер в Мастаре имеют и приделы у главной апсиды, которые, судя по заметным на восточной стороне углам главной апсиды, были пристроены позже.

К о н т у р н а р у ж н ы х ф а с а д о в. Точка зрения Шнаазе неверна, по крайней мере, в отношении начального периода, относительно которого он полагает, что внутренний и преимущественно крестообразный план подчиняется наружной прямоугольной и прямолинейной форме, при которой концы креста и даже хоры не выступают из фасада постройки. Действительно, тип купольного зала с треугольными нишами способствует ограждению наружных фасадов прямоугольным контуром. Но эти тетра- и многоугольники, приведшие к архитектурной форме триконха, ставшей излюбленной формой на Рейне, зародились именно в Армении. Правда, на мой взгляд, вначале было чередование квадратных углов и выступов, а потом уже охват корпуса прямоугольным контуром. Доводы для этого еще надо найти, и они, вроде бы, проясняются.

Т р е у г о л ь н ы е н и ш и. Шнаазе метко охарактеризовал треугольные ниши как углубления в стенах, расходящиеся боковые поверхности которых образуют с прямой плоскостью фасада угол восьмиугольника, охватывающего апсиду[1]. Странно, но он полагает, что эти ниши не только дают значительную экономию при устройстве стен, но также играют конструктивную роль, поскольку образуют внутренние выступы, работающие как опорные пилоны свода. Верным будет как раз обратное утверждение.

Эти ниши встречаются иногда только на восточной стороне, иногда – на южной и северной или же на всех четырех сторонах. Весьма последовательно проведенным типом армянского стиля Шнаазе считает тип Рипсиме, хотя последний не создавался, как он предполагает, без переходных типов.

б) Конструкция

Главной чертой конструкций древнеармянских церквей является то, что это сводчатые пространственные постройки. В этом их отличие от деревянных покрытий в странах бассейна Средиземноморья, что и стало решающим при оценке исторического развития древнеармянской архитектуры. Покрытые цилиндрическими сводами малочисленные постройки продольного типа не играют заметной роли рядом с постройками, где доминирует купол, причем, как правильно заметил Шнаазе, именно единственный, т. е. средний купол, без других, дополнительных куполов. Апостольская церковь в Ани с пятью куполами и Аван, может быть, составляют в Армении исключения, несмотря на то, что эта архитектурная форма стала излюбленной у православной церкви. В самой Армении, по-видимому, склонность к этой форме проявилась только в начальный период развития.

[1] Там же, стр. 328.

С т е н ы. Без сомнения, армянский строитель считает, что сплошная стена является обязательным элементом постройки. Он не представляет себе, подобно строителю-северянину (готика), что стена может потерять свою конструктивную функцию даже в купольных постройках продольного типа. Это устойчивое сохранение древней традиции является достойным внимания обстоятельством для анализа истории развития армянской архитектуры. Здесь, однако, надо учитывать тот факт, что армянская архитектура, несмотря на переход к расчлененным конструкциям, сохранила стену вместе с ее облицовкой в качестве архитектурного элемента. Эта облицовка из камня сама по себе считается украшением, чем и объясняются наличие весьма скудного декора на таких памятниках, как, например, Мастара, где кроме венчающих карнизов имеются лишь украшения бровок над окнами и дверьми, служащие для оживления гладких поверхностей стен.

А р к и. Для перекрытия пролетов между двумя точками в Армении применяется исключительно арка, но никогда не прямая балка, за исключением отдельных случаев, как, например, при устройстве дверной перемычки. Насколько свободно чередуются в одной и той же постройке круглые и подковообразные арки со стрельчатыми арками, видно на рис. 347 (II), где представлена церковь Св. Григора в Кечарисе 1003 года: здесь имеются полукруглые арки у окон и у передней стены апсиды, которая совершенно отдалена от пучковых пилонов купола. Здесь, под куполом, стрельчатая арка является несущим элементом, над которым возведены две подковообразные арки. Складки этих двух арок, постепенно нарастая, возвышаются над внутренней аркой. Иногда их центры не совпадают, что особенно часто встречается в арках над дверьми.

П и л о н ы. Поскольку сама стена не является опорой перекрытия, в качестве несущего элемента почти всегда применяется пилон. Это еще больше бросается в глаза с проникновением в Армению трехнефной базилики. Однако и она встречается только со сводами и пилонами, а не с деревянной кровлей и колоннами. Если бы эти трехнефные залообразные церкви имели какую-либо связь с южноперсидской архитектурой, то именно здесь следовало бы ожидать применения колонн по типу ахеменидских зал или дворца в Звартноце (II, рис. 307). Вместо этого пилон является исходным элементом. Его пропорции подтверждают, что он возник безо всякого античного влияния и предназначен исключительно для несения свода (II, рис. 348). Единственное украшение этих пилонов – полуколонна с основанием и завершающим элементом (II, рис. 347).

Т р о м п ы. К элементам, придающим армянской архитектуре своеобразность черт, относится прежде всего и постольку, поскольку это касается внутренней части постройки, зона тромпов под куполом. В отношении их следует познакомиться с моими исследованиями в “Амиде…”[1]. Тромп, как переходный элемент от квадрата к кругу, перекрывает остающийся непокрытый угол. Рассмотрим, например, купол построенной в 637 г. крестовой церкви в Аламане (II, рис. 349). Каждая сторона квадрата купола подразделена здесь на три почти равные части. Прилегающие к углам точки соединены арками, сужающимися наподобие воронки. Переход от

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 187 и далее). Ср. ***Strzygowski Josef***, Die persische Trompenkuppel – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, III, Heidelberg, 1909 (стр. 1–15).

созданного таким образом восьмиугольника к кругу осуществляется тем же способом. То, что мы видим здесь в малых размерах у основания купола, служит исходной точкой для всей конструкции, проявляясь уже в плане чистого типа купольного квадрата – как например, в Мастаре (I, рис. 60).

После анализа памятников читателю может показаться излишним утверждение, что тромп является доминирующим элементом в армянской архитектуре. Но все же это необходимо подчеркнуть, поскольку Шнаазе тромп неизвестен[1], а Ривойра допускает его только в Одзуне[2], да и то в виде исключения, объясняемого им как случайное знакомство строителя с архитектурой ислама (I, рис. 203). Мне из опыта известно, как охотно пользуются такими выдумками, чтобы ускользнуть от убедительности моих выводов. Ввиду этого я должен несколько ниже остановиться на утверждениях Ривойры. Здесь только укажу на то, что с самого начала господствующей формой в Армении являлся именно тромп (pennacchio a cuffia). Второй вид – настоящая высокая ниша по типу церкви Сан-Витале в Равенне – здесь не встречается. Тромп, иногда больших размеров, с длиной сторон в 3 м, встречается при решении угла купольного квадрата, предусмотренном уже в бетоне (когда купол имеет пролет больше 12 м и доминирует над постройкой как внутри, так и снаружи). В иных случаях тромп имеет карликовую декоративную форму, закрывая бетонное ядро в постройках с куполом меньших размеров. При таком способе применения тромпа характерным является тип укладки облицовочных плит, покрывающих в этом месте бетонное ядро. Эти плиты имеют форму длинных, заостренных треугольников, составленных из пяти-шести, а иногда и меньшего числа камней, расположенных вокруг угла лучеобразно, т. е. в виде веера. Исходя из вершины угла, они объединяются на концах сегментообразно или полукруглой дугой, опирающейся на несущие арки. Иногда тромпы устраиваются из одного камня. В особенности это относится к малым тромпам, служащим переходными элементами от восьмиугольника к кругу, как это ясно видно на рис. 350 (II)[3]. При сравнении расположения большого и малого тромпов по отношению к окну видно, что большой тромп находится иногда рядом, а иногда – ниже окна, в то время как малый тромп находится рядом с окном или над ним.

П а р у с а. Наряду с основным решением посредством тромпа, парус в виде второго способа покрытия открытого угла между квадратом и восьмиугольником или кругом кажется более простым решением в “каменной архитектуре” Армении, хотя применение в ней паруса Шнаазе считает за правило[4]. Между тем, использование паруса здесь большей частью ограничивается малыми парусами у построек с промежуточными опорами при переходах от квадрата к восьмиугольнику и кругу. При смешанной конструкции из бетона с облицовочными плитами парус не допускает такого точного расчета, как при чистой каменной или кирпичной кладке. На рис. 351 (II) я показываю такой грубо сделанный парус из северной часовни церкви

[1] См. ***Schnaase Carl***, Geschichte der bildenden Künste, 2 Auflage: 8 Bände, Düsseldorf-Stuttgart, 1866−1879 (том III, стр. 327).

[2] См. ***Rivoira Giovanni Teresio***, Architettura musulmana, Milano, 1914 (стр. 239).

[3] К сожалению, я не могу указать точное место, где я сделал этот снимок. Прим. ред.: малые тромпы из одного камня показаны на рис. 349 (II, Аламан).

[4] См. ***Schnaase Carl***, Geschichte der bildenden Künste, 2 Auflage: 8 Bände, Düsseldorf-Stuttgart, 1866−1879 (том III, стр. 327).

Св. Креста близ Мцхета (I, рис. 73). Даже в Аруче (I, рис. 14), по-видимому, отсутствует всякий расчет парусов. Рис. 352 (II) показывает северную упорную нишу в Талине. Очевидно, что плиты паруса уложены горизонтальными рядами и не рассчитаны, как клиновидные камни, в соответствии со сферической оболочкой описанного круга.

К р о в л и. В армянской церковной архитектуре встречаются три вида кровель: конусообразные, шатровые и шатрово-складчатые (над куполом), щипцовые (над цилиндрическими сводами), а также направленные и сужающиеся к центру лучеобразные (над упорными нишами). Последний вид постепенно исчезает вместе с упорными нишами, после того как уже в типе Рипсиме этот вид кровли заменила щипцовая кровля. Следовательно, фактически имеются только два вида кровель: первоначально встречающаяся заостренная кровля над куполом с лучеобразными скатами (II, рис. 323), а в более поздний период – заостренная кровля над куполом и щипцовая. Щипцовая кровля при этом часто построена так, что ее средняя часть в виде ступени поднимается над нижними частями. В качестве примера я привожу снимок кровли собора в Ахпате (II, рис. 353).

Строительная конструкция из дерева неизвестна армянской архитектуре, у которой кровля кладется непосредственно на бетонные откосы свода. Вследствие этого здесь отпадают мотивы, которые привели на Севере к введению стрельчатой арки вместо круглой, учитывая меньшее сопротивление круглой арки при вертикальной нагрузке[1].

В. Отделка[2]

В излагаемом разделе о Явлении я подробно не останавливался на описании архитектурных форм, так как независимо от этого они явились основой для установления классов и видов. С другой стороны, об отделке говорилось лишь мимоходом. Поэтому я здесь приведу несколько более подробный обзор данного вопроса.

В противоположность архитектуре стран Средиземного моря и, в особенности, их базиликам, армянская архитектура придает внешнему оформлению большее значение. Ступенчатое основание само по себе создает предпосылку для корпуса, производящего цельное и замкнутое впечатление. Корпус состоит из охватывающего купольный квадрат куба, выступающих упорных ниш и известных дополнительных частей, которые эту первоначально лучеобразную форму впоследствии превратили в продольный тип. Осознание первичности строительной части привело к весьма простой и целесообразной отделке корпуса. Главными элементами стали треугольная ниша, полуколонна, аркады из декоративных арок, двери в середине фасада, окно, барабан с окнами и, наконец, фризы.

[1] Ср. Zeitschrift für bildende Kunst, XXII, Leipzig, 1887 (стр. 121 и далее).

[2] Мне кажутся неясными понятия “формы стиля” (Stilformen) и “теория форм” (Formlehre): см. ***Sybel Ludwig von***, Christliche Antike: Einführung in die altchristliche Kunst. Band 2: Plastik, Architektur und Malerei, Marburg, 1909 (стр. 317).

а) Треугольные ниши

На наружный вид армянских построек больше всего влияют своеобразные треугольные ниши, вертикально расчленяющие одну, другую, а иногда и все их стороны, давая глубокие тени. Такие треугольные ниши имеются уже в Рипсиме (618 г.), затем – в Иринде (I, рис. 137) и Аруче (I, рис. 228). Они редко отсутствуют у тетраконхов, шести- и восьмиконхов и являются исключительно достоянием купольных зал. Ниши представляют собой треугольные, врезанные в стену выемки, которые сверху заканчиваются трompом, наподобие трompов под куполом. У Рипсиме (I, рис. 79 и 81) ниши эти несуразно велики и в глубине плоские; только в Аруче они принимают остроугольную форму (I, рис. 228). На рис. 353 (II) показана стена, на которой видны врезанные трompы. Относительно их дальнейшего развития см. каталог типов. Я, между прочим, приводил примеры из собора в Ани (I, рис. 20 и 222), у которого треугольная ниша имеет ступень и своеобразную раковину в качестве заполнения трompа. Здесь треугольная ниша совмещена со вторым излюбленным украшением армянских церквей.

б) Декоративные арки

В VII в. к нишам (Артик, Звартноц, Талин) добавляются ряды декоративных арок, покрывающих часть фасада, а в соборе в Ани – все четыре стороны, наподобие паутины. Высокие полуколонны, почти всегда парные, поднимаются по стенам и соединены сверху арками. Я привожу здесь пример самой богатой формы, которая, однако, была достигнута лишь в период, находящийся за пределами, поставленными для настоящего труда. Речь идет о построенной в 1215 г. Тиграном Оненцом в Ани церкви Св. Григора (I, рис. 242 и II, рис. 354). Декоративные арки соединены здесь с треугольными нишами и выравнены горизонтально орнаментом из двух полос.

Поскольку я должен остановиться и на мотиве целостности касательно вопроса происхождения, то обратим здесь внимание на отдельные формы полуколонок. Так как кроме того, что относится к декоративным аркам, касается еще в большей степени внутренних украшений, то я оба вида рассмотрю совместно и несколько подробнее. Эта деталь ярче всего покажет западнику, привыкшему иметь дело со “стилями” и считаться прежде всего с колоннами, своеобразие армянской архитектуры и в то же время удивит его чертами, родственными средневековью на Западе.

в) Полуколонки и пучковые пилоны

В северной (готической) архитектуре мы говорили о “полуколонках”, т. е. вертикальных валиках, поднимающихся по пилону или стене и несущих какую-либо нагрузку в своде. Именно этот вид строительного элемента настолько укоренился в древнехристианских купольных постройках Армении, что я считаю нужным применять существующий немецкий термин “Dienst” (полуколонка). Полуколонка в данном случае представляет собой узкий стенной валик, тесно связанный со сводом или аркой. В противоположность этому колонна является свободно стоящей круглой опорой, могущей нести какую-либо нагрузку и имеющей пропорции в соответствии с человеческим телом, прежде всего – определенное соотношение между диаметром и высотой. Полуколонка может подниматься сколь угодно высоко, причем высота и

толщина не находятся в зависимости друг от друга. Различие между полуколонкой и колонной в особенности поражает привыкшего к античной архитектуре человека при рассмотрении видов и типов “капители” и ее применении: уже здесь бросаются в глаза необыкновенные для древнехристианского искусства формы. Впечатление менее чуждых форм получает тот, кто привык к так называемому романскому или готическому, т. е. восточному и северному искусству Запада. Но именно он будет поражен тем, каким образом такие вполне развитые формы могли появиться в Армении в VII веке и даже раньше. Дальнейшее исследование строительного элемента, который во все эпохи являлся самым чувствительным указателем при выявлении взаимных связей, и в этом случае тоже приведет к очевидным выводам. Мы в отдельности рассмотрим полуколонку и колонну, равно как и их завершения. Полуколонка встречается только у купольных построек, а колонна – только у построек продольного типа. Звартноц составляет исключение.

Полуколонка в древнеармянской архитектуре первоначально имела простую полукруглую форму, как, например, внутри собора в Артике – главном примере из древней эпохи. Здесь полуколонки поднимаются у углов конх, являясь опорами тромпов, и стоят на плите (I, рис. 63). То же относится и к полуколонкам, которые появляются снаружи, на стенах упорных ниш (I, рис. 61): у каждого их угла стоят отдельные полуколонки, а между ними – по 5 парных полуколонок. Такое применение сдвоенных полуколонок характерно для армянской архитектуры. Древнейшие портики у дверей, например – в Аруче (I, рис. 228), как и заполнение треугольных ниш, например – в Артике (I, рис. 62 и 63), также характеризуются парными полуколонками.

В головной части и в основании полуколонок есть свои, только им присущие элементы, ничего общего не имеющие с обычными формами капителей и баз. Прежде чем перейти к рассмотрению этих элементов по отдельности, я приведу пример применения полуколонки, которая впоследствии получила своеобычное развитие на Западе, преобразившись в господствующую форму пучкового пилона.

П у ч к о в ы е п и л о н ы. Обычной формой в эпоху Багратидов являлось соединение пилона с полуколонкой. Я привожу снимок апсиды церкви Григора 1003 г. в монастыре Кечарис (II, рис. 347)[1]. На этом снимке видны выступающие перед стеной пилоны этой купольной залы (см. план: II, рис. 280) с двумя главными полуколонками слегка стрельчатых несущих арок. Из подковообразных арок нижняя переходит в ступень пилона между главными полуколонками, в то время как верхняя, встречаясь с соседней аркой, опирается на боковую полуколонку в углу между двумя ступенями пилона. Мы еще познакомимся с великолепным примером пучковых пилонов в соборе в Ани (I, рис. 222). Здесь достаточно указать на тот тип, по которому шло развитие. Приведенные примеры относятся к позднему периоду – около 1000 года. Рис. 201 (I) показывает дополнительный пример из собора в Талине. При этом имеется надпись 783 года, что указывает на более раннюю дату постройки (см. выше). Мы видим на углу пилона, состоящего из четвертных полуколонок, полукруглый валик, поднимающийся под подковообразной аркой, т. е. настоящую полуколонку.

[1] Мой собственный снимок 1899 года см. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 209).

Н и ж н и й к о н е ц п о л у к о л о н к и. Рис. 347 (II) дает наглядное представление о начальной и конечной частях полуколонки. Слева от амвона видна доходящая до пола главная полуколонка. Она начинается элементом, который мы обычно называем “кубиковидной капителью”. Это один из видов основания полуколонки. Другой имеет форму подушки или набалдашника. Примеров такого рода очень много, например – в Ани (II, рис. 323, 342 и 354) и на западной стороне церкви в Мармашене (II, рис. 488).

Достойно внимания, что в противоположность тектонической трактовке античной архитектуры, при которой база и капитель имеют совершенно различные формы, в армянской архитектуре головная и нижняя части большей частью совершенно одинаковы. Ввиду этого я лишь вкратце останавливаюсь на рассмотрении нижнего конца полуколонки. Детали могут быть рассмотрены одновременно с головной частью.

На примере собора в Ани по рис. 21 (I) можно представить, насколько форма полуколонки и ее нижняя часть приближаются к готике. Мы видим северо-восточный пилон купола и замечаем, что нижняя часть оформлена в виде двукратного повторения профиля из вертикали – скоса-валика. Выше полуколонка без перерыва поднимается до арки, в то время как у входа в притвор имеется импост с профилем без скоса, а только с вертикалью и валиком.

В е р х н и й к о н е ц п о л у к о л о н к и. Я принципиально избегаю термина “капитель” и применяю его только в том случае, когда мы имеем дело с подражанием античным формам. Ствол полуколонки никогда не показывает признаков такого подражания, что важно для выявления ее происхождения. С другой стороны, античная капитель неуклонно появляется, когда колонна принимает человеческие пропорции, т. е. когда высота определяется диаметром.

К у б и к. Я так называю вид конца армянской полуколонки, близко подходящего к “кубиковидной капители” романской архитектуры. На рис. 355 (II) показан боковой вид головной части полуколонки под куполом в Аграке, видной на рис. 93 (I) спереди. Странно, что здесь мы имеем одинарную полуколонку, но с двойной капителью над ней. Круглый ствол заканчивается валиком, на котором лежит двойной кубик. Каждому кубику должен был соответствовать отдельный круглый ствол полуколонки. Переход к круглому стволу скрыт у обоих кубиков свисающими с плиты полукружиями. Путем заполнения антрвольт кубики у передней стороны соединены в виде прямоугольного импоста. Первоначальная форма ясно видна сбоку. То же, что и в Аграке, можно наблюдать и в большой церкви в Талине (I, рис. 201). Отчетливо выявлено значение полукруглых свесов в качестве переходных элементов: мы видим, что в данном случае, когда нет признаков конца ствола, он просто заканчивается под срезанными снизу свесами. Такие же завершения мы находим и в Иринде, причем на несущих купол опорах они, в виде исключения, одинарные (I, рис. 138 и 140), но снаружи – снова двойные (I, рис. 141), а на рис. 142 (I) – даже с высеченным человеческим торсом, напоминающим фигуры парусов в Звартноце.

В отношении внутренних опор мы показали только одинарные стволы полуколонн, хотя и с двойными кубиковидными головками. Рассматривая двойные полуколонки у треугольных ниш снаружи Иринда, мы коснулись области применения

кубиковидной капители, в которой этот вид, по-видимому, прочно утвердился еще до того, как туда проник и вид набалдашника или подушки. Рассматривая снимок тетраконховой церкви в Артике (I, рис. 61), мы видим, что у декоративных арок, украшающих упорные ниши, обе угловые полуколонки стоят рядом: их кубиковидные головки сходятся под углом и покрыты общей плитой. Достойно внимания, что выше, на некотором расстоянии, сохраняется фасонная форма, которая заканчивается в виде треугольного элемента. Такое усиление связи при помощи общего элемента мы видим также у арок, украшающих ниши в Талине. Но там, при грубой отделке соединяющего камня, тем более бросается в глаза, что сами кубики богато украшены. Рис. 16 (I) и 202 (I) дают представление о различных видах этого украшения. Видна свободная фантазия, ни одна деталь не является господствующей. У восточной апсиды (II, рис. 356) между полукруглыми свесами выступает стержень, который покрывает свес в виде спирали. Боковые свесы украшены пальметтами, которые имеются у большинства капителей северной и южной апсид (I, рис. 16 и 202). Наряду с симметрично расположенными пальметтами, покрывающими полукруглый свес, имеются и такие, которые, скрещиваясь, распространяются на оба свеса, имея в стыке свисающий гранат (II, рис. 357). Особого внимания заслуживают некоторые кубики, которые имеют под украшенными полукруглыми свесами головку в виде корзинки, сплетенной из двух полос с завершающим валиком (II,рис. 358). Такое разнообразие видов показывает древнеармянское искусство в ходе своей эволюции. Если эти формы применялись с самого начала, то они могут пролить свет и на эволюцию античной капители в Византии.

Талин возник, вероятно, во второй четверти VII века. Чуть позже, около 650 года, возник Звартноц. В Талине (I, рис. 201) мы видим соединение ионических спиралей с плетеной корзиной под ними, т. е. форму, которую легко принять за введенную извне[1]. Все же, при сравнении с показанными здесь родственными типами, ее можно считать самостоятельно возникшим типом. Чистый тип кубиковидной головки широко применен также в Звартноце (I, рис. 107). Она была применена у всех двойных полуколонок первого этажа, сходящихся на наружных сторонах многоугольника. Здесь, в отличие от Талина, основание полуколонок в точности повторяет завершающую их кубическую капитель. Соответствующий тип показан на рис. 360 (II) над стволами расположенных слева и справа двойных полуколонок. Мощные полукруглые свесы здесь заполнены скрещивающимися пальметтами, сходящимися внизу к общему стеблю. Этим создавалась потребность в подчеркивании основания головки посредством крученого валика. Достойно внимания и то, что покрывающая плита имеет скошенное основание. Таким образом, получается та же перевернутая, усеченная пирамида, которую мы видели у корзиночной капители в Звартноце (I, рис. 111 и II, рис. 362). Об этом я буду говорить подробнее в главе об истории развития архитектуры.

Стоит сказать и о том, что часто, например – в Пастушьей церкви в Ани, можно заметить отметки центра горизонтали и вертикали с нанесением полукруга для изготовления свесов кубика. Часто встречаются разновидности кубиковидной головки, как, например, у пилонов малой боковой церкви в постройке 622 года в цитадели Ани (I, рис. 149), где имеются рядом пять полукруглых свесов.

[1] Ср. ***Strzygowski Josef***, Das Edschmiadsin-Evangeliar, Wien, 1891 (стр. 10).

С ф е р и ч е с к а я г о л о в к а (Der Knauf). Я применяю этот немецкий термин, который чисто из простого языкового чувства подходит больше, чем шар. Это наиболее предпочитаемая форма для завершения стволов полуколонок в Ани, т. е. в постройках около 1000 года. Она почти полностью вытеснила кубик, мы находим ее в качестве верхнего и нижнего завершающего элемента полуколонок как внутри, так и снаружи построек, как, например, у церкви Апостолов (I, рис. 106). При этом в отдельных местах мы видим снаружи настоящий шар. Внутри встречаются головки в виде непрерывного валика (см. также II, рис. 347, Кечарис) или в форме своего рода нанизанных друг на друга шаров. Независимо от того, применяются ли шары или валики, они всегда покрываются четырехугольным элементом, имеющим почти такую же высоту, что и сам шар. В наиболее чистом виде эта форма проявляется в наружной стороне церкви Св. Григора (Абугамренц) (I, рис. 130). Шар там иногда имеет короткую шейку, отделяющую его от ствола полуколонки. Церковь монастыря Св. Рипсиме в Ани XIII века (I, рис. 22) дает в этом смысле наглядные примеры, получившие широкое применение в более поздний период. В церкви Спасителя (I, рис. 145) этот вид головки применен на обоих концах полуколонок барабана с окнами, под декоративными арками. В Кафедральном соборе этот вид завершения полуколонки составляет почти все внутреннее убранство (I, рис. 21) – так же, как и декоративная арка снаружи (I, рис. 20). Весь собор настолько богато и разнообразно украшен, что я не могу отказать себе в том, чтобы не привести эти виды орнамента по рисункам Тораманяна. Его зарисовки дают наглядное представление о постоянном повторении шара и блока. Внизу, слева и справа, показаны базы. Орнаменты чрезвычайно богатые: дынеобразные, ребристые с рядами шипов, непрерывные, с ленточным плетением, с розетками и крестами на круглых головках и подушках. Пестрый и своеобразный мир этого декора странным образом воздействует на нас, людей западного мира.

Чтобы привести также пример преобразования непрерывного валика, я покажу деталь из церкви Св. Григора в селе Хошаванк (Айкадзор) (II, рис. 361). Мы видим угол купола с пучковым пилоном. Полуколонки заканчиваются ребристой сферической головкой, которую мы видели на рис. 359 (II), только она здесь приплюснута.

С ф е р и ч е с к а я г о л о в к а н а п о д у ш к е с в о л ю т а м и. Прежде всего обращает на себя внимание капитель в Звартноце (I, рис. 111), о которой уже говорилось выше. Здесь мы показываем ее боковой вид (II, рис. 362). Нет сомнения в том, что верхняя часть перенята от ионической капители. Ниже введена корзинка с ленточным плетением из трех полос.

Более своеобразны, по сравнению со Звартноцом, капители церкви в Бана. Выше шла речь об экседрах с четырьмя и шестью колоннами. На рис. 363 (II) мы в дополнение показываем еще отдельные колонны, стоящие во входящих углах между четырьмя конхами и украшающие встроенную залу за несущей купол полуколонной. Капители служат опорой для подковообразных арок, передавая нагрузку на короткие толстые колонны. Капители имеются двух видов: левая – с гладкой, валообразной головкой и короткой шейкой, и правая – с пластичным плетением на валу с длинной шейкой, законченной сверху рядом бус. Обе имеют подушки с волютами, удивляющие своей пластической обработкой. Сами волюты вытянуты наружу. По обеим сторонам искусно смоделированы стебель лавра или акант. Правая, более богатая

капитель применена в экседрах. На рис. 363 (II) видно, что заполнение между волютами выполнено посредством ионików и бус по античному образцу; можно подумать, что все эти капители гораздо старее 900 года.

Нет сомнения в том, что армяне, познакомившись с постройками римлян в своей стране, сами перешли к созданию ионической капители. В отношении христианской эпохи это нельзя доказать, но это видно по храму в Гарни, который был построен в дохристианскую эпоху, в полном соответствии с позднеантичным искусством Средиземноморья. Об этом дает представление рис. 364 (II). На рис. 434 (II) мы видим четырехстороннюю угловую капитель с круглыми, глубоко вырезанными спиралями. Между ними – тонко моделированные мотивы ионików, пальметт и бус, затем сбоку – акант, гибко заходящий во все углы. Все выполнено в чистейшей манере северо-сирийских каменщиков. От этой ионической капители тянутся ранние связи к подушке полуколонки из Бана. И эта связь, вероятно, проявилась в эпоху до VII века, так как мы имеем целый ряд образцов, относящихся к данному веку.

Прежде всего имеются две прекрасные капители, которые я нашел лежащими в апсиде церкви, раскопанной в Двине. Однако они не относятся к этой, описанной выше церкви. Хачик Дадян[1] раскопал еще и второе место, которое я не видел. Он называет это место церковью Св. мученика Сергия (Саргиса)[2]. Иоанн Католикос сообщает[3], что Нерсес III построил церковь заново в сороковых годах VII века, после пожара. Он говорит, что именно к этой церкви относятся капители, выставленные Хачиком в апсиде церкви Св. Григора и показанные на рис. 365 (II). В своем отчете о раскопках церкви Св. Сергия он пишет, что нашел одну базу и две капители, подобные тем, которые имеются в Звартноце. Нам пришлось снимать их лежащими на полу в перевернутом виде. Мы видим валоподобную капитель, суженную с двух сторон, т. е. она имеет вид корзинки. Капитель густо покрыта барельефом в виде плетения из двух лент. Спирали превращены в декоративные диски, украшенные тремя переплетающимися кольцами из трех полос. Между дисками помещены веерообразные листья с расходящимися концами[4]. Капители малы. Надкапительная плита имеет ширину всего лишь 0,57 м, ширина нижней поверхности составляет 0,50, а высота – 0,40 м. Обращает на себя внимание, что сферическая капитель снизу заканчивается бусами. В данном случае важно, что мы видим сферическую капитель уже в VII веке.

Капитель такого рода мы встретили затем в Иринде, в тех треугольных нишах западной стороны, которые показаны на рис. 141 (I). Там преобладает сферическая часть капители, причем зона со спиралями отмечена тремя расположенными рядом дисками. Малая капитель заканчивается снизу валиком. Некоторые детали на рис. 366 (II) показаны более отчетливо.

---

[1] Прим. ред.: Дадян Хачик (Тер-Григорян Ваган, 1863–1925) – собиратель армянского фольклора, филолог, археолог. С 1888 г. осуществлял археологические работы в селениях Арчадзор, Колатак, Сагмосаберд, а также в Звартноце, Двине, Армавире.

[2] См. Արարատ, Վաղարշապատ, 1907, համար 7–8, հուլիս–օգոստոս, էջ 658–661 (Арарат, Вагаршапат, 1907, № 7–8, июль–август, стр. 658–661).

[3] См. Պատմագրութիւն Յովհաննու Կաթողիկոսի ամենայն Հայոց, Յերուսաղէմ, 1843 (“История” Католикоса всех армян Иоанна, Иерусалим, 1843, стр. 83).

[4] Ср. ***Strzygowski Josef***, Koptische Kunst, Wien, 1904 (стр. 69 и далее).

В пользу распространенности этого рода сферических капителей в VII веке говорит, может быть, еще одна капитель, находящаяся в настоящее время в музее Эчмиадзина. Я видел там и колонну этой капители, заделанную в стену дома. Фотоснимок, показывающий прежний вид колонны в 1910 году (II, рис. 367), я получил от Смирнова. Ствол колонны восьмигранный, сама же капитель круглая и в настоящее время настолько разрушена, что едва ли возможно выявить ее истинные размеры, бока имеют длину сторон 0,88 м; эта капитель, следовательно, меньше, чем подобные капители в Звартноце. Диаметр спиралей достигает 25 см, а промежуточных дисков – 15 см. Сферическая часть была покрыта ленточным плетением.

Снимки ионических сферических капителей церкви Св. Григора, построенной Гагиком в Ани в подражание собору в Звартноце, приводит Марр в своем отчете по раскопкам (II, рис. 368)[1]. Усеченная пирамида, выступающая на 0,24 м над капителью, заканчивается абакой с длиной сторон приблизительно 0,90 м, а всей капители – от 0,88 м до 1,90 м. Спирали очень велики и не рельефны. Они соединены между собой крученым валиком. В промежутках находятся различные украшения с мотивами звезд, крестов и спиралей. Сферическая часть снизу срезана и переходит в ствол колонны, в то время как сверху она втягивается в подушку с волютами. В месте наибольшего выпучивания сферическая часть иногда имеет кант.

Образцы в Хцконке и Мармашене дают представление о том, как вообще выглядели ионические сферические капители X века. Рис. 285 (II) показывает деталь фасада церкви Св. Саргиса в Хцконке. Видны основание и парные полуколонки, несущие арку и обрамляющие одновременно окно, под которым имеется надпись 1033 года. При фотосъемке, к сожалению, не было обращено особого внимания на капители, но все же ясно видно, что они имеют сферическую форму и опираются на чашу с валиком, завершающим полуколонку. Верхняя часть капители состоит из двух парных дисков, украшенных концентрическими кругами. Сверху, в качестве импоста арки, лежит подушка в виде усеченной пирамиды. Те же формы имеются и в Мармашене (II, рис. 371), а именно – на южной стороне примыкающих к главной церкви развалин. Обрамление окон здесь весьма своеобразное. Что же касается сферической части, то мы, по-видимому, имеем дело с обычной формой. В более богатых украшениях последующего периода, после того, как они находят применение в виде непрерывного фриза (монастырь в Аратесе), спирали все более превращаются в ленты из трех полос (монастырь в Ахтале).

Я здесь показал только типичные формы завершающих (оконечных) элементов армянских полуколонок, а также примеры настоящих капителей в античном духе из Двина и Звартноца. Другие встречающиеся формы будут рассматриваться ниже, в связи с вопросами о происхождении кубиковидных и сферических элементов, завершающих полуколонки. Я продолжу свой анализ декоративного убранства армянских церквей в той мере, в которой оно сохранилось на фасадах этих построек местных каменотесов.

[1] См. ***Марр Н.Я.***, О раскопках и работах в Ани летом 1906 года (Предварительный отчет) – Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, том X, С.-Петербург, 1907, стр. 7, 15 и далее.

г) Входы

Постройки хорошо обеспечены входами. Редко имеется только один вход на западной (Зариндж[1], Лмбатаванк, Мармашен) или на южной (церкви Спасителя и Св. Григора в Ани, Айкадзор) сторонах. Обычно есть не менее двух входов: один с западной и другой с южной стороны – например, у построек в Артике, Мастаре, Аграке, у Рипсиме, в Аламане, у простых построек продольного типа, таких как Дворцовая церковь в Ани, в Карнуте, Лернакерте и, наконец, даже у купольных зал, как, например, в монастыре Оромос. У трехнефных старых базилик, как в Ереруке и Касахе, на южной стороне имеются два входа, которые встречаются также в Карнуте и у малой церкви в Егварде, т. е. у однонефных построек. Удивительно, что на северной стороне входы отсутствуют. Тем не менее, церковь Апостолов в Ани имеет два входа – один на северной и один на южной стороне. Очень часто встречается тип с третьим входом на западе, как, например, у купольных построек в Аване, Мцхете, Аруче, Одзуне, Мрене, у Гаяне в Эчмиадзине и у Кафедрального собора в Ани. Двойные боковые входы имеют большие церкви в Егварде, Талине и, вероятно, Двине. Звартноц имеет пять входов, которые расположены радиально вдоль западной части. В общем, по-видимому, число входов было больше в самом раннем и меньше – в более позднем периоде. Во всех случаях входы имеют сравнительно малые размеры, чуть выше человеческого роста. Теперь перейдем к вопросу о форме входов.

В х о д ы. Я отделяю входы от ворот. Входы просто выполняют свое основное назначение. Бетонная конструкция стен позволяет устраивать проемы в вязкой массе без особых устройств для восприятия давления (II, рис. 369). Этим армянский входной проем значительно отличается, например, от сирийского, который состоит из вделанных в стену каменных столбов и требует разгрузки перемычки[2]. Бросается в глаза, что в некоторых из трехнефных построек, покрытых цилиндрическими сводами, имеются входы сирийского типа из тёсаных камней, с мощной перемычкой, как, например, в Ереруке и Касахе, о входах которых мы еще будем говорить отдельно. Здесь я привожу лишь только армянский тип. Хорошим примером могут служить южные входы Багарана, показанные на рис. 27 (I). Отвалившиеся плиты открыли вделанные в бетон две полукруглые арки, из которых верхняя нависает над нижней и образует вокруг внутренних входов выступающие наружу ворота, о которых мы сейчас и будем говорить. Наряду с этим встречается еще вход с прямой перемычкой, но он оформлен так же, как и вход с полукруглой аркой и портиком. На рис. 37 (I) дан наглядный пример входа на западной стороне Текора. На него похож и западный вход большой церкви в Артике (I, рис. 61).

Особую группа входов с неармянскими украшениями, созданными под античным влиянием, как и капитель со спиралями над корзиной, мы видим в Ани и родственных памятниках, созданных около 1000 года. Облицовочные плиты, обрамляющие вход здесь чрезвычайно обильно украшены. Три примера наиболее богато украшенных дверей 1000 года могут служить доказательством этого. У развалин замка

[1] Прим. ред.: единственный вход церкви в Зариндже находится не на западной, а на южной стороне.

[2] Ср. ***Glück Heinrich***, Der Breit- und Langhausbau in Syrien – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, XIV, Heidelberg, Winter, 1916.

Ани (II, рис. 502), возможно X–XI веков, ясно видны облицовочные плиты на бетоне, которые кверху становятся тоньше. Украшение чрезмерно богато: входная рама с профилировкой, дающей глубокие тени, сверху – стоячий акант чужеродной формы, затем – зубцы, валик из листьев и венчающий консольный фриз. Создается впечатление, что мастер более позднего периода подражал античному образцу[1]. Рис. 370 (II) показывает двери церкви Спасителя в Ани 1036 года. Над богато профилированным входным наличником нагромождена такая масса украшений, что четко проявляется техника облицовки. Валик, зубцы, стержни и сильно выступающий карниз дают нагрузку, которая при простой каменной кладке была бы невозможна без разгрузочной арки. На рис. 488 (II) видны двери главной церкви в Мармашене: плиты соединены с усом (под углом) и образуют тройную гладкую раму, над которой расположен валик с пазами зубчатого карниза. Простой тип входа встречается очень часто, но в большинстве случаев его обрамляют декоративными воротами, украшения которых со временем становятся все богаче.

Ворота с подковообразной аркой над парными полуколонками. Начну с ворот Текора. Эта церковь мученика Саргиса была построена вскоре после 486 года. Западные ворота (I, рис. 37), согласно характеру письма замененной надписи, относятся к VI–VII векам (Гарегин Овсепян). Так как оба входа северной стороны полностью совпадают с западными, то этот тип ворот можно считать старым, тем более, что в то время так было принято строить повсеместно. Если взять современный план Текора (II, рис. 387) и сравнить его с эскизом проекта Тораманяна по реставрации той же церкви[2], то увидим, что Тораманян представлял себе базилику как предшественницу купольной постройки и без портиков. Получается, что портики являются армянским дополнением к церкви, изначально построенной в греко-месопотамском духе. Северная стена, судя по плану, имела более богатую отделку.

Итак, в Текоре одновременно встречаются два вида: у обоих ворот северной стороны (II, рис. 372) и у большого главного входа на западе (I, рис. 37) имеются выступающие наружу декоративные подковообразные арки, опирающиеся на тяжелые импосты, полуколонки и подушки шириной 0,75 м (я здесь пока не буду говорить об украшениях). А над воротами на южной стороне (II, рис. 369) декоративная подковообразная арка выступает изнутри самой стены. Стоящий рядом пилястр не имеет отношения к воротам.

Этот вид входа встречается у купольных квадратов (I, рис. 17 и 61, Мастара и Артик), тетраконхов (I, рис. 96, Аграк) и купольных построек продольного типа (I, рис. 229 и 230, Аруч). Рис. 373 (II) показывает верхнюю часть западного входа в Аграке. Мы видим внизу парные полуколонки, соединенные мощными импостами, на которые опирается полукруглая арка, переходящая слева в горизонтальный элемент. Эта арка прикрывает входную перемычку. Вход в настоящее время заделан.

---

[1] В Ани действительно были найдены античные образцы – например, голова вакханки, греческие надписи и пр. Об этом см. ***Ալիշան Ղևոնդ***, Շիրակ, Վենետիկ, 1881 (***Алишан Гевонд***, Ширак, Венеция, 1881).

[2] См. ***Թօրամանեան Թորոս***, Պատմական հայ ճարտարապետութիւն: Ուսումնասիրութիւն: Ա. Տեկորի տաճարը, Թիֆլիս, 1911 (***Тораманян Торос***, Армянская историческая архитектура. Исследование. А. Собор в Текоре, Тифлис, 1911, стр. 15).

Я здесь даю еще отдельный снимок западного портала в Одзуне (II, рис. 374) с обычными полуколонками, несущими арку, и с рамой под надписью с датой, скос которой заполнен валикообразной лозой по индийскому образцу, с перистой листвой[1] и кистями винограда. Исследовав обломки украшений, Тораманян предположил, что в Звартноце были подобные входы с аркой, двойными полуколонками и фронтоном, украшенным виноградной лозой, как в Одзуне (I, рис. 119).

О т к р ы т ы й с т у п е н ч а т ы й п о р т а л. Это преобладающая форма в эпоху Багратидов (с 886 года). Далее я еще вернусь к вопросу о развитии этой формы, здесь же приведу лишь один из многих примеров (II, рис. 375) – вход с западной стороны жаматуна в Кечарисе 1243 года[2]. Это пример из позднего периода, который, однако, ярко показывает характер и цель эволюции. Перед простыми дверьми выступает полукруглая декоративная арка, опирающаяся на две полуколонки, расположенные ступенями. Арка со своей стороны охвачена П-образной рамой с богатой, дающей глубокие тени профилировкой. Полуколонки заканчиваются валиками. Плинтусы украшены рядом одинарных или двойных дужек и шипов. В ступенчатости полуколонки видна та же мощь формы и конструкции, в силу чего возник и пучковый пилон. Характерен также обрамляющий прямоугольник. Эта облицовочная архитектура далека от всякой тенденции к созданию стремящихся ввысь архитектурных элементов со свободными концами (готика).

П о р т а л ь н ы е п р и с т р о й к и. Перед порталом часто устраиваются небольшие сени, имеющие закрытые или открытые бока. Выступающую щековую стену мы видим уже в Аруче (668 год). О ней будет сказано отдельно, при описании входа собора в Ани. Здесь мы прежде всего укажем, что сохранившиеся следы портика на западной стороне в Аруче (I, рис. 228) доказывают, что здесь имелся фронтон над аркой, открытые передние балки которого отвалились. Портик, судя по угловому основанию, был перекрыт крестовым сводом. Входы на южной стороне (I, рис. 13 и 14) имеют круглую арку и следы портика более позднего периода. С другой стороны, западный вход еще хорошо сохранился. Боковые стены портика выступают на 1,98 м и покрыты цилиндрическим сводом (I, рис. 229), опирающимся спереди на две парные колонны.

д) Окна

Окна со временем становятся не только малочисленнее, но и уменьшаются в размерах. Это наблюдение сделано мною самим, и оно настолько неизменно, что по этому признаку можно уверенно устанавливать время, когда была построена церковь. В Иринде мы видим большие окна, освещающие каждую апсиду, и окна барабана купола, которых было всего восемь (I, рис. 138). Оконные проемы либо вовсе не суживаются наружу, либо суживаются лишь в незначительной мере. В этом отношении характерен контраст с церковью Спасителя в Ани (1035–1036 гг.) (I, рис. 145), где внизу окон практически нет, а наверху имеются только узкие щели, немного расширяющиеся вовнутрь (I, рис. 144). При сравнении примеров VII века с образцами периода около 1000 года то же самое можно сказать обо всех типах

[1] Ср. с моей статьей в “Справочнике по искусствознанию” (Repertorium für Kunstwissenschaft, Berlin, 1918).

[2] Ср. ***Ալիշան Ղեոնդ***, Այրարատ, Վենետիկ, 1890 (***Алишан Гевонд***, Айрарат, Венеция, 1890, стр. 261).

построек. Церкви с течением времени все больше скупились на входы и окна. Бросается в глаза, что еще в ранний период на северной стороне не было ни окон, ни входов. Лучшими примерами этого служат трехнефные базилики в Касахе и Ереруке (I, рис. 172 и 177), где на северной стороне отсутствуют всякие проемы. Кроме того, в Ереруке впоследствии были наполовину заделаны большие окна на южной стороне (I, рис. 182). В Аламане, по-видимому, также нет окон на северной стороне. В раннем периоде мы нигде не встречаем следов каких-либо световых проемов[1]. В Аруче нижняя часть чрезвычайно больших окон заложена толстыми, видимо исконно древними плитами. В общем окна и входы имеют полукруглые арочные завершения. Во всяком случае, в раннем периоде встречаются только такие. Переходя к рассмотрению украшений окон, я начну с типов, имеющих полукруглые арки.

О к н а б е з р а м. Большие окна древнего периода, судя по сохранившимся памятникам, не имели никаких украшений. Возьмем, например, Талин (I, рис. 202). Необрамленные окна, правда, расположены среди декоративных арок, или, как в Аграке (I, рис. 26), под непрерывным арочным фризом, тянущимся вокруг всей восточной апсиды. То же мы видим в Мцхете (I, рис. 69) и в других местах – например, в Артике (I, рис. 61).

Б р о в к и. Обычным украшением армянских окон является бровка, которая представляет собой их своеобразный венец, состоящий из полукруглой арки с горизонтальными частями (I, рис. 27). К бровке иногда добавляются двойные полуколонки, как, например, в Мармашене и церкви Св. Григора (Абугамренц) в Ани (I, рис. 130). Я привел в каталоге типов такое количество примеров бровок, что здесь могу обойтись без дальнейших примеров и вернуться к этому вопросу только при его исследовании с точки зрения истории развития архитектуры. Непрерывная бровка имеется как в Аграке, так и на восточной стороне Мцхета (I, рис. 73).

О б р а м л е н н ы е о к н а. Ерерук и Касах дают различные примеры таких рамок (I рис. 169 и 182). Эти рамки состоят из профилировок, охватывающих окно с трех сторон и сильно отличающихся от рамок периода расцвета (II, рис. 376), когда окна обрамлялись со всех сторон и, следовательно, снизу тоже. По-видимому, независимо от бровки, такая рамка имелась у прямоугольных окон и лишь позже перешла к полукруглому окну с бровкой. Наглядные примеры всех этих видов дают Ширакаван (I, рис. 233) и собор в Ани (I, рис. 223). Решающим и характерным фактором у этого рода окон являются орнаменты. О них я буду говорить в дальнейшем. Яркий пример дает Мармашен (II, рис. 488): прямоугольная, богато украшенная оконная рамка расположена здесь между двойными полуколонками. Еще один подобный пример показан на рис. 371 (II).

е) Фризы

Фризы являются горизонтальными выравнивающими элементами, которые помещаются на том же месте, что и надписи (I, рис. 34 и далее), т. е. располагаются в виде пояса под кровлей или вокруг средней части корпуса. Они охватывают корпус до места его перехода в купол; фризы применяются у барабана купола так же, как и в

[1] Деревянные рамы, которые можно видеть на многих иллюстрациях, сравнительно новы. Особенно примечателен пример на рис. 329 (II).

нижней части корпуса, но благодаря остроконечной кровле производят иное впечатление.

Две группы здесь можно установить более отчетливо, чем в отношении входов и окон. Одна группа встречается у квадратных конховых построек и у родственных им видов, другая исходит из построек продольного типа, покрытых цилиндрическими сводами. В качестве примеров возьмем Мастару-Артик (I, рис. 17 и 61) и Ерерук-Касах (I, рис. 169, 170 и далее, 177 и далее). В одной группе мы видим фриз из арочек, который иногда похож на зубцы, но чаще всего имеет форму скоса, украшенного ленточным орнаментом из нескольких полос. Другая группа представляет собой профилированные ленты, обычно охватывающие поясом всю постройку. В первой группе фризы располагаются под кровлей, во второй – в середине стены (по высоте), таким образом, что фриз служит также бровкой окна. Первая группа никогда не связывает фриз с окном, для которого всегда применяются повторяющиеся арочные бровки. Сравнительные исследования должны выявить те зависимости, которые влияли на развитие этих форм, причем анализу должны быть подвергнуты также виды их украшений. Я здесь не буду останавливаться на украшениях построек, покрытых цилиндрическими сводами, и приведу лишь по одному примеру для каждой группы в купольных постройках.

Ф р и з и з м а л ы х а р о ч е к. Рис. 373 (II) показывает фриз в Аграке, а рис. 377 (II) – в Одзуне. Видно, насколько своеобразными могут быть эти украшения, состоящие из повышенных подковообразных арочек, дополненных сверху и снизу пластинками, которые, однако, издали почти незаметны при глубоких тенях, кидаемых этими фризами.

С к о с ы с л е н т о ч н ы м п л е т е н и е м. При раскопках в Звартноце (I, рис. 117) было выявлено два вида скошенных венчающих карнизов, украшенных ленточным плетением из двух полос, которые я сопоставляю на рис. 378–379 (II) на основе зарисовок Тораманяна. Оба карниза начинаются снизу валиком, за которым следует скос. У одного образца высокая верхняя часть украшена квадратными полями с розетками, другая заканчивается двумя плоскими полочками, разделенными выкружкой. В то время как снаружи применяются фризы из арочек или скосов с ленточным плетением, внутри часто применяется выкружка.

К а р н и з с в ы к р у ж к о й. Внутри трехнефных церквей в Ереруке и Касахе, как и в церкви Лернакерта, в качестве импостов для всех пилонов применены крутые выкружки, заканчивающиеся полочкой. Такой же карниз встречается и в типичной крестовокупольной церкви в Мрене (I, рис. 220). Это сходство явилось для Тораманяна поводом считать Мрен перестроенной базиликой, тем более, что тот же карниз имеется и у собора в Текоре, который был фактически перестроен из базилики (II, рис. 380). Однако, поскольку такой же карниз с выкружкой встречается и в большом соборе в Талине (I, рис. 200), нет достаточных оснований утверждать, что Мрен также был перестроен из базилики. В Аруче (I, рис. 14) вместо скоса применена прямая поверхность, окаймленная тонкими валиками, что производит весьма приятное впечатление. Такие валики встречаются иногда и под скосом или выкружкой. Следует учитывать вероятность того, что все эти карнизы могли быть раскрашенными. Подобная декоративная отделка, по-видимому, выявлена, по крайней мере, в одном случае, а именно – в грубо отделанной капители входа в церкви Авана

(I, рис. 77). Такая облицовка или окраска возможна также в двух грубо подделанных под коринфский ордер колоннах однонефной часовни в Егварде (I, рис. 154). Вопрос о том, были ли орлы на капителях в Звартноце раскрашены, требует дальнейшего исследования.

Составленная на основе каталога типов сводка видов древнеармянских церковных построек в последующем будет анализирована в отношении Образа и Формы. Здесь едва ли можно допустить возникновение построек непосредственно из народных образцов, по примеру греческого храма, созданного на основе северного деревянного дома с украшениями, перенятыми от древневосточного каменного дома. Армянское жилище, как уже говорилось, не имеет абсолютно никакого сходства с формой церквей – ни с купольной, ни с продольными сводами[1]. Как мы еще покажем, армянская архитектура в отношении некоторых решающих основных форм возникла главным образом из североиранской архитектуры; наряду с этим заметны также сирийские и греко-месопотамские влияния. В соответствии с этим я и подразделяю следующие главы.

Явление: происхождение архитектурных форм

История искусств охотно довольствуется описательной частью исследования. Для настоящего исследователя, однако, только здесь и начинается настоящая работа. Если первая часть проблемы Явления представляла собой сопоставление, обычное для истории стилей, то сейчас я перехожу к рассматриванию указанного Явления с точки зрения вероятностей его происхождения. Это будет сделано путем сравнений, сперва без приведения доказательств исторического характера. Но при последующей попытке дать историю армянской архитектуры придется исследовать вопрос о том, могут ли считаться вероятными приведенные возможности как в отдельном случае, так и в целом. Я не хочу воссоздавать историю искусства на основе господствующих в настоящее время общих представлений об истории, и обязан, независимо от школьных мнений, идти по пути своей специальности, чтобы затем в рамках истории прийти к самостоятельным выводам. История эволюции – это исследование Сущности, основывающееся вначале на предпосылках. Только из полученных при этом результатов можно, путем сравнения со всеми другими жизненными явлениями, составить историю. Изобразительное искусство является в данном случае лучшим путеводителем, пока мы исходим из памятников, не подчиняя их существующим мнениям. В дальнейшем будем исходить из того, что даты построек некоторых армянских церквей точно установлены. Почти все эти церкви относятся к периоду до 1100 года и, по-видимому, группируются по двум периодам расцвета: первый – в VII веке и второй – около 1000 года. Этому расцвету, о котором свидетельствуют памятники с надписями, указывающими даты построек, предшествовал, однако, период эволюции в IV–VI веках. Этим периодом мы можем заняться только в последующем, т. е. в исторической части нашего исследования, так как эта эпоха сокрыта от нас и должна быть выявлена на основе того, что сохранилось. Здесь мы

[1] См. ***Ter-Mowsesjanz Parsadan***, Das armenische Bauernhaus – Mittheilungen Anthropologischen Gesellschaft in Wien, Band XXII (Der neuen Folge – Band XII), Wien, 1892 (стр. 125–172).

обратим внимание на предшествующие сохранившиеся армянские церкви и на местные или смежные области искусства, чтобы иметь возможность судить о том, примыкали ли армянские архитектурные формы к каким-либо другим направлениям искусства. Более обстоятельный и самостоятельный разбор будет проведен в главе о Форме. Разделение этих двух видов Явления (Образа и Формы) требует глубокого анализа проблемы Происхождения. Любое другое суждение о художественной деятельности народа без применения такого деления ненаучно. Несмотря на это, подобный планомерный анализ до сих пор не проводился ни для какого-либо из течений искусства. Об этом речь пойдет в четвертой книге нашего труда.

В в е д е н и е

Я начну введение с описания пробных попыток, сделанных до настоящего времени с целью осмысления условий возникновения своеобразных армянских архитектурных явлений, и только затем заострю свое внимание на вопросе об Образе. При этом я должен с благодарностью признать, что французский исследователь, о котором неоднократно упоминалось, Габриель Милле, был моим первым последователем при исследовании признаков истории эволюции, что стало моим жизненным призванием. Его труд “Греческая школа в византийской архитектуре”[1] дополняет его же атлас с описанием Мистры[2] и стремится на основе моих трудов и других работ, стимулированных ими, осветить вопрос об эволюции эллинистических архитектурных форм XIV–XV веков. Я здесь впервые вижу всходы своего посева. В Германии такой эффект, к сожалению, не замечается. Наоборот, там всеми силами стараются сохранить старую школьную точку зрения на решающее значение Рима и Византии. Тем самым, естественно, любое восприятие обусловленности явлений заранее ставится с ног на голову. В этом отношении еще один шаг вперед сделал Шарль Диль в своем труде 1910 года “Руководство по византийскому искусству”[3]. Немецкая научная ортодоксальность с угодливостью тормозит всякий прогресс в этом направлении. Если мы хотим при исследовании осветить армянский вопрос с точки зрения развития, то необходимо вернуться назад почти на столетие, к тому времени, когда германский дух завоевал себе то передовое положение, которое в настоящее время постепенно исчезает, по крайней мере в историко-филологической области, или же мы должны прислушиваться к непредвзятым рассуждениям начинающих исследователей, которые при всем почтении к школьным мнениям имеют все же мужество заняться проблемой развития.

Ш н а а з е. Карл Шнаазе является первым немцем, имевшим ясное представление о сущности изобразительного искусства и о том, что решающую роль здесь играют другие принципы, в отличие от таких привилегированных областей научного исследования, как язык и литература. В своем широко задуманном труде об истории изобразительных искусств он высказал собственное суждение об искусстве Армении и Грузии, резюмируя тогдашнее знакомство с данной пробле-

[1] См. ***Millet Gabriel***, L’école grecque dans l’architecture byzantine, Paris, 1916.

[2] См. ***Millet Gabriel***, Monuments byzantins de Mistra – Revue des Études Grecques, Paris, 1910, volume 23, № 103 (стр. 354–356).

[3] См. ***Diehl Charles***, Manuel d’art byzantin, Paris, 1910.

мой. Шнаазе писал: “У дикого и слабого народа, внутренне расчлененного и морально обессиленного различными чужестранными властителями, нельзя ожидать наличия собственного искусства. Без сомнения, грузины и армяне вначале следовали чужим образцам, главным образом – римским и византийским. Но все же впоследствии они создали свой собственный стиль”[1]. Эта критика появилась в 1869 году. Неудивительно, что она оказалась несостоятельной. С другой стороны, при регрессе в исследовании искусства и при сопутствующей ему ограниченности кругозора характерно введение так называемого “исторического метода”, так что, в сущности, за последние полвека этот приговор не подвергся никаким изменениям. Большая вина при этом ложится, главным образом, на русских исследователей, которые возвели в догму зависимость армянского искусства от Византии и его позднее появление в качестве самостоятельного стиля. Прежде всего Никодим Кондаков и графиня Прасковья Уварова настолько отодвинули даты армянских памятников назад, что в настоящее время приходится заново открывать самые древние из них[2]. Шнаазе все же более справедлив. Он считает, что в Абхазии сохранился византийский стиль, но “в Армении, изолированной в политическом и церковном отношении, в результате проникших сюда римских и византийских форм и под воздействием местных элементов, а также, может быть, персидского и арабского вкусов, выработался своеобразный и интересный церковный стиль, который затем перешел в Грузию или, во всяком случае, оказал там сильное влияние”[3]. В настоящее время этот вывод Шнаазе новички свели к его противоположности, а именно: Византию выставили как влияющую на Грузию сторону, а Грузию – как влияющую на Армению[4]. Настала пора основательно осветить эту проблему[5].

Б а х м а н. Положенная мною в основу при описании групп и видов классификация по архитектурным формам могла бы вызвать у некоторых моих коллег по специальности сомнения в возможности выявления связей с точки зрения истории их развития. Ряды типов так соблазнительно близки друг другу, что сами напрашиваются на исследование их первоначальных форм, их разветвлений и дальнейшего развития. Поскольку возможно, что в этих рядах имеются образцы всех главных форм, то с точки зрения полноты исследования нет возражений против такой попытки. Так, например, молодой архитектор Вальтер Бахман в своем труде “Церкви и мечети в Армении и Курдистане”, заключая изложение имеющегося материала, не отказал себе в удовольствии представить эволюцию типов в свете собственных взглядов[6]. На рис. 381 (II) я привожу результат этой попытки, с целью побудить читателя к исследовательской деятельности раньше, чем я сам приступлю к анализу

[1] См. ***Schnaase Carl***, Geschichte der bildenden Künste, 2 Auflage: 8 Bände, Düsseldorf-Stuttgart, 1866−1879 (том III, стр. 325).

[2] См. ***Кондаков Н.П.***, Древняя архитектура Грузии (Москва, 1876) и Коллекции Кавказского музея, том V, Тифлис, 1902, стр. IX (с предисловием П.С. Уваровой).

[3] См. ***Schnaase Carl***, Geschichte der bildenden Künste, 2 Auflage: 8 Bände, Düsseldorf-Stuttgart, 1866−1879 (том III, стр. 326).

[4] См. ***Wulff Oskar***, Altchristliche und byzantinische Kunst, Band I, Berlin, 1914 (стр. 395, 479 и далее).

[5] См. ***Strzygowski Josef***, Die bildende Kunst des Ostens (Leipzig, 1916) и ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917.

[6] См. ***Bachmann Walter***, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, Leipzig, 1913 (стр. 54).

вопроса на основе данных Тораманяна и научных принципов. На этом рисунке показаны рядом 5 планов.

I. Постройка продольного типа, покрытая цилиндрическим сводом, расчлененная подпружной аркой.

II. Постройка продольного типа, покрытая цилиндрическим сводом, разделенная подпружной аркой, которая, по мнению Бахмана, стала расчленяющим пространство выразительным элементом. При этом арка перемещена в сторону входа так, чтобы она отстояла от лобовой стены апсиды на расстояние, равное ширине помещения. Бахман полагал, что уже до XI века была сделана попытка особо подчеркнуть полученный таким образом прямоугольник, заменив свод куполом. Здесь кроется первая и основная ошибка при составлении данного ряда: между I и II типами не видно перехода, приведшего благодаря перемещению арок к применению купола. Скорее купол заставил изменить тип покрытий цилиндрическим сводом[1]. Примечательно, что ширина прямоугольника меньше "ширины помещения", т. е. расстояния от одной боковой стены до другой, и равна лишь основной единице, т. е. ширине купольного квадрата.

III. На следующей стадии к основному квадрату добавляются боковые ниши в виде полукругов, из которых главная апсида обычно имеет несколько бóльшую глубину. Бахман считает, что этот тип возник из предыдущего путем добавления боковых апсид. Возможно ли это?

IV. В конце концов, на последней стадии дальнейшего развития исчезает последний признак продольного типа, т. е. узкое помещение у стены со входом. С этой стороны помещение также замыкается полукруглой нишей, в углах имеются небольшие притворы, как и на восточной стороне. Мыслимо ли, чтобы этот квадрат с упорными нишами, расположенными на осях и по углам, мог произойти из продольного типа?

V. По Бахману, эта форма плана, почти приближающаяся к квадрату, добавляется к вышеуказанным четырем типам в сравнительно более поздний период. План у этого типа по главной оси делится на приблизительно равные части. Это достигается четырьмя пилонами или колоннами (?). Такой тип крестовокупольной церкви является одним из древнейших в армянской архитектуре и имеет бóльшие связи с другими типами, чем думает Бахман.

О попытке Дьелафуа установить классификацию типов[2] поговорим при случае. Однако, надо заметить, что при всех больших заслугах этого исследователя лучше не основываться на его выводах в области истории искусств. Я также сожалею, что немецкий специалист Пауль Клемен вместо того, чтобы применять введенную мною в труде "Малая Азия – новая страна истории искусства"[3] терминологию, предпочитает определения Дьелафуа: например, вместо "крестовокупольной церкви" использует "α β δ"[4]. Может быть, здесь уместно упомянуть также о классификации Марра, которую он опубликовал в 1892 году, после исследовательской поездки в

[1] Подробности см. ниже.

[2] См. ***Dieulafoy Marcel***, Geschichte der Kunst in Spanien und Portugal, Stuttgart, 1913 (стр. 8).

[3] См. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903.

[4] См. ***Clemen Paul***, Die romanische Monumentalmalerei in den Rheinlanden, Düsseldorf, 1916 (стр. 714, примечание 8).

Армению[1]. Марр исходит из наблюдений, сделанных им в Ани и его окрестностях, считая крестообразный тип основным, и по времени различая три типа:

1. Тип Аламана VII века.

2. Тип Багарана, который также начинается с VII века и продолжается до X века.

3. Вписанная в прямоугольник крестовая форма, которая прослеживается с X до XIV века.

Но в настоящее время Марр вряд ли будет настаивать на такой классификации.

После описания этих предварительных попыток со стороны исследователей, которые были знакомы лишь с небольшой группой армянских памятников, а в случае Бахмана – лишь с частью более поздних образцов, мы попытаемся выработать руководящую линию исторического развития, определив в нем место и для тех двух построек, которые до настоящего времени находились вне классификации какого-либо типа: имеем в виду собор в Эчмиадзине и церковь Св. Саргиса в Текоре. Сюда следовало бы причислить также Дворцовую церковь в Ани. О некоторых других постройках мы будем говорить в следующих главах настоящего исследования.

Т о р а м а н я н. Здесь начинаются основательные и долголетние исследования Тораманяна. Он пытался расшифровать историю развития армянской церковной архитектуры, основываясь именно на Эчмиадзине и Текоре. Ввиду этого, после описания других указанных построек, следовало бы исходить из результатов исследований Тораманяна.

а) Собор в Эчмиадзине

Эчмидзин, на который мы обратим наше внимание, является национальной святыней армян. Его история неясна. Относительно даты основания и периода первого тысячелетия мы можем руководствоваться только теперешним состоянием постройки и скудными сведениями различных писателей. Мои выводы, приведенные в 1891 году в "Эчмиадзинском Евангелии"[2], соответствуют той точке зрения, на которую я мог встать на основе изысканий Дюбуа, Броссе, Гримма, Тексье и др. В настоящее время, когда имеются исследования Тораманяна, мои собственные снимки и полученные благодаря исследованиям всего Востока сведения, необходимо прежде всего пересмотреть наше отношение к Византии[3]. То, что мы видим в Эчмиадзине, ничего общего не имеет с Византией, а скорее является исходной точкой той эволюции, которая совершилась в Константинополе под прогрессирующим влиянием Востока. О том, какое участие имела в этом поступательном влиянии архитектура Армении и, в особенности, Эчмиадзинский собор, будет сказано в четвертой книге данного труда.

Надписи эпохи основания собора не сохранились. Первые точные сведения дает Лазарь Парпеци в своей "Истории Армении" (глава LXXIII)[4], написанной в

[1] См. [***Марр Н.Я.***], Раскопки в Эриванской губернии – Отчет Императорской Археологической комиссии за 1892, С.-Петербург, 1894, стр. 81.

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Das Edschmiadsin-Evangeliar, Wien, 1891 (стр. 3 и далее).

[3] См. ***Strzygowski Josef***, Kleinarmenische Miniaturenmalerei. Die Miniaturen des Tübinger Evangeliars Ma. XIII, 1, vom Jahre 1113, bezw. 893 n. Chr., Tübingen, 1907 (стр. 19).

[4] См. ***Ghésarian Samuël***, Lazare de Pharbe, Histoire d'Arménie – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, T. II, Paris, 1869 (стр. 352).

505–510 гг. Согласно этим сведениям, Ваган Мамиконян в 483–484 гг. отправился в Вагаршапат; там, в Святой метрополии, он произвел жертвоприношения и с большим великолепием перестроил здание собора, воздвигнутого его предками и разрушившегося от ветхости. Следовательно, можно считать, что уже до 484 года такая метрополия существовала. Все иные, более конкретные данные о дате постройки собора являются лишь предположениями.

Современное здание, главные черты плана которого передает рис. 382 (II), представляет собой как бы сплав из стилей всех времен. Но оно еще не обмеряно, и на месте его пока не производились раскопки. Я буду касаться этого вопроса только в рамках первого тысячелетия. Ядро здания составляет квадрат, юго-западный угол которого показан на рис. 344 (II) и 345 (II). Квадрат этот имеет четыре многогранных выступа, из которых один виден на рис. 345 (II) справа, в то время как второй закрыт пристройкой западной апсиды. Каждая апсида имеет надстройку нового типа, состоящую из арок, несущих ротонду с колоннами. Между апсидами возвышается купол, опирающийся, как видно из плана (II, рис. 382)[1], на четыре пилона. Расстояние между пилонами на редкость малое – всего лишь 5,20–5,46 м, диаметр купола составляет 6,22 м. При таких малых размерах средней части удивляет, что расстояние от ограждающих стен до пилонов почти такое же, как расстояние между самими пилонами, т. е. 5,42 м или, в соответствии с углами, 4–6 м. Ввиду этого нельзя причислить эту постройку к чистому типу купольных построек с конховым квадратом и средними опорами. Это видно при сравнении с собором в Багаране (I, рис. 84).Там пилоны также стоят не на больших расстояниях (5,45 м), но расстояние от стен составляет, несмотря на меньший купол при квадратных пилонах, только одну треть или одну четверть расстояния между пилонами (1,80 м и 1,45 м). Это явилось первой причиной того, почему я не включил Эчмиадзин в упомянутый выше каталог типов. В здании, по-видимому, были произведены особые изменения, выяснение которых является первейшим условием для соотнесения его с каталогом типов.

В попытке решить эту загадку Тораманян исходит из наблюдения, сделанного им в отношении наружного вида постройки[2]. На рис. 383 (II)[3] на стенах с обеих сторон северной конхи сверху, под кровлей со скатами, заметны остатки шипцов (отмечены цифрами 7 и 8 над фризом, обозначенным цифрой 10), показывающие, по мнению Тораманяна, безусловное присутствие античных форм (к сожалению, без подмостков не было никакой возможности произвести их отдельные, более детальные снимки или зарисовки). Уже Дюбуа из этого заключил, что здание было перестроено[4], а на таблицах III и VII показал его “первоначальный вид, когда царь Трдат велел строить эту церковь”. На иллюстрациях Дюбуа показаны щипцы и фризы,

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Das Edschmiadsin-Evangeliar, Wien, 1891 (стр. 4) и ***Strzygowski Josef***, Der Dom zu Aachen und seine Entstellung, Leipzig, 1904 (стр. 41).

[2] См. ***Тораманян Торос***, О древнейших формах Эчмиадзинского храма: архитектурно-археологический этюд (перевод с армянского Н.Я. Марра) – Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества, том XIX, выпуск 1, С.-Петербург, 1909, стр. 31–52.

[3] У Тораманяна – рис. 1.

[4] См. ***Dubois de Montpéreux Frédéric***, Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, Paris, 1839–1843 (том III, стр. 374).

украшенные зубцами, которые он считает греческими[1], но которые в действительности ничего общего не имеют с греко-римской архитектурой, являясь, скорее всего, характерными элементами древнейших персидских построек. Об этом мы поговорим ниже. Тораманян относит щипцы к периоду обновления постройки после ее разрушения в 380 году. Было бы желательно, чтобы католикосат провел научный обмер всей постройки; только после этого можно будет судить о том, основательны ли указанные предположения. Со щипцами имеют связь находящиеся под ними входы. У тетраконхов входы обычно находятся на северной и южной сторонах конх (апсид), как, например, в Артике, Аване, Рипсиме и т. д. Один такой вход находится в Эчмиадзине, только он расположен на западе. Перед ним стоит колокольня XVII века. В настоящее время церковь имеет два входа. Когда-то их было четыре, что уже указывает на древний возраст, так как уменьшающееся число входов столь же показательно для развития, что и уменьшение размеров окон. В существующем Патриаршем соборе имеются два входа шириной всего лишь в 1,65 м, расположенные рядом с западным углом на севере и на юге (т. е. под старыми щипцами). Дополнением к этому следует считать два малых входа на восточных концах северной и южной стен. На южной стене от этого входа еще сохранилась старая входная арка (II, рис. 384). Все остальные входы, в особенности на северной стене, замурованы. В общем, можно сказать, что на северной стене (II, рис. 383) еще хорошо виден старый щипец, а на южной стене (II, рис. 384) – два входа, из которых левым, расположенным на западной стороне, еще продолжают пользоваться. Над каждым из этих входов имеются по три окна.

Следовательно, мы должны представить себе исключительную постройку с четырьмя боковыми входами под замыкающими щипцами. Существующие конхи ничего общего не имеют с этими щипцами, что видно из кладки стен. Для доказательства того, что эти конхи первоначально не выступали, а находились внутри постройки, Тораманян исходит из сведений о том, что с восточной стороны церкви когда-то находились две малые постройки, отчего это место называлось “Учкилисе”, т. е. “Три церкви”. На этом основании Тораманян, который относит основание церкви к IV веку и предполагает, что она была продольного типа, реставрирует главное ядро современной постройки наподобие церкви Апостолов в Ани (I, рис. 104 и 106) – с четырьмя апсидами, находящимися внутри стен с квадратным контуром (II, рис. 385). Он считает, что в таком виде церковь была заново построена в конце V века (около 484 года) Ваганом Мамиконяном. Католикос Комитас (611–628), согласно Себеосу, обновил церковь в начале VII века, но, по-видимому, не произвел никаких изменений, а ограничился только тем, что в 618 году заменил кровлю и купол, которые раньше были деревянными, на каменные[2]. Через 20 лет Нерсес III будто бы установил свободно стоящие пилоны купола и выдвинул конхи. Исходя из этого, Тораманян считает, что основной корпус существующей церкви

[1] Там же (стр. 2, текст к иллюстрациям). Ср. ***Ալիշան Վեոնդ***, Այրարատ, Վենետիկ, 1890 (***Алишан Гевонд***, Айрарат, Венеция, 1890, стр. 214).

[2] См. История Армении католикоса Иована Драсханакертци (издал Н. Эмин), Москва, 1853, стр. 43. См. также Histoire d’Arménie par le patriarche Jean VI, dit Jean Catholicos (traduite par Antoine-Jean Saint-Martin), Paris, 1841 (стр. 64). Ниже мы поговорим обо всем этом подробнее.

относится к VII веку. Я ограничусь здесь сообщением о выводах Тораманяна и вернусь к ним после того, как приведу результаты его второй исследовательской поездки в Текор. При этом я считаю нужным высказать свое возражение против предположения Тораманяна о том, что купол появился в Армении в поздний период. Деревянный купол, о котором говорит Иоанн Католикос, был, по-видимому, построен в качестве временной конструкции (после обрушения?), как это было с восьмикупольной постройкой Константина в Антиохии. Купол не был занесен в Армению лишь вместе с этой постройкой. Отпали все возражения, выдвинутые архитекторами против Тораманяна, после того как в своем труде о Звартноце он предположил, что этот собор 650 года был покрыт мощным каменным куполом. Купол является исходным элементом в армянской церковной архитектуре и не должен считаться новшеством, введенным лишь в VII веке. Об этом скажем в дальнейшем. Литература об Эчмиадзине весьма обширна[1].

б) Церковь в Текоре

Эта древняя постройка (II, рис. 386) расположена на юго-западе от Ани, у подножия склона над селом, простирающимся вверх от реки Текор. На западном фасаде имеется несколько надписей, среди которых, однако, нет надписи, сделанной в период постройки. С заменяющей надписью, которая, к сожалению, искажена, мы познакомились выше. Судя по ней, церковь была построена около 486 года. К сожалению, в своей первоначальной форме она не сохранилась, а была впоследствии перестроена. Этим объясняются разноречивые данные о времени ее постройки. Уже Джеймс Фергюссон, который считал ее древнейшей сохранившейся церковью Армении и относил к VII веку, указывал[2], что Шарль Тексье в "Византийской архитектуре" причисляет ее то к VII, то к IX веку, а в своем труде об Армении датирует ее 1243 годом[3]. Ривойра в "Мусульманской архитектуре"[4] считает, что купол и поперечный неф, в соответствии с надписью над входом, были возведены в 484 году и, судя по надписи на тимпане, относятся ко времени патриарха Иоанна I Мандакуни (480?–502?)[5]. Ривойра полагает, что нижние и верхние части постройки относятся к разным эпохам. В действительности, надо считать, что купол и поперечный неф возникли в период перестройки первоначальной церкви. Заслуга Тораманяна состоит в том, что своей статьей о Текоре он дал толчок к выяснению этого

[1] По этому вопросу можно найти сведения в следующих трудах: ***Strzygowski Josef***, Das Edschmiadsin-Evangeliar, Wien, 1891 (стр.1 и далее); ***Lynch Henry***, Armenia: Travels and Studies, in two vol., London, 1901 (том I, стр. 262 и далее) и ***Rivoira Giovanni Teresio***, Architettura musulmana, Milano, 1914 (стр. 200 и далее). См. также ***Ալիշան Ղևոնդ***, Այրարատ, Վենետիկ, 1890 (***Алишан Гевонд***, Айрарат, Венеция, 1890, стр. 201) и статью Фридриха Вильгельма Унгера во "Всеобщей энциклопедии науки и искусства" (Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaft und Künst, Leipzig, 1818–1889, Sektor I, Band LXXXI, стр. 42).

[2] См. ***Fergusson James***, A history of architecture in all countries, from the earliest times to the present day, in five volumes, volume 2, London, 1893 (стр. 336).

[3] См. ***Texier Charles***, Byzantine architecture, London, 1864 (стр. 4 и 174) и ***Texier Charles***, Description de l'Arménie, la Perse et la Mésopotamie, Paris, 1842 (стр. 120).

[4] См. ***Rivoira Giovanni Teresio***, Architettura musulmana, Milano, 1914 (стр. 242 и далее).

[5] Прим. ред.: согласно новейшим исследованиям, католикос Иоанн I Мандакуни взошел на патриарший престол в 478 году, а умер в 490 году.

вопроса[1]. За более раннюю датировку постройки выступал также Марр, который нашел на ее стенах следы сирийских надписей[2].

На рис. 24 (I) сверху показана постройка с юго-запада, перед обрушением купола 13 января 1912 года[3]. Церковь уже тогда была в ветхом состоянии, но все же (как и теперь) служила для культа. На заднем фоне видна выступающая часть постройки с хорами, к которой примыкает постройка продольного типа, пересекающая короткий поперечный неф. Место пересечения покрыто куполом, охваченным стеной с квадратным контуром и шатровой кровлей. Плиты всех кровель большей частью исчезли, как и галерея, которая когда-то охватывала постройку в нижней части. На плане (II, рис. 387) мы видим трехнефное продольное помещение шириной 14,48 м с четырьмя пилонами, в котором хоры[4] занимают бóльшую часть площади. Передняя часть хор имеет глубину 3,60 м, так что от общей длины нефа в 23,60 м с апсидой глубиной 5,60 м остается только 17,90 м. Эту постройку следует причислить к купольному типу с продольными цилиндрическими сводами и прямоугольным контуром при четырех отдельно стоящих средних опорах. При сравнении ее с церковью Св. Гаяне (I, рис. 212) в Эчмиадзине можно увидеть, что мы имеем дело с типом крестовокупольной церкви: свод над поперечным нефом открывается поперек направления несущей арки.

Продольный разрез Тексье (II, рис. 388) дает представление о распределении пространства. О своеобразном куполе речь пойдет ниже. Для проверки взаимоотношений размеров нижних частей постройки приводим также снимок, сделанный нами уже после обрушения купола (II, рис. 389). Важен факт, что эффект высоты, присущий всем развитым купольным постройкам, тут не проявляется, и что это нельзя объяснить неудачным обмером Тексье. Церковь производит давящее впечатление, присущее покрытым цилиндрическими сводами постройкам продольного типа. Из этого впечатления мы будем исходить при попытке выявить эволюцию Текора. Я привожу еще один снимок церкви с восточной стороны (II, рис. 390), с двумя широко выступающими по бокам крыльями апсиды. Окна здесь поразительно малы, в то же время украшение углов настенными пилонами по бокам подковообразной арки побуждает к размышлениям относительно времени возникновения постройки. Мы видим, что постройка на этой стороне не приподнята обычным способом на ступенях, а в отличие от армянского стиля, вырастает из высокой стены. Перед церковью находится кладбище.

Это то, что мы видим в настоящее время и что уже зафиксировал Тексье[5]. Заслуга Тораманяна состоит в том, что он доказал, что этот тип не является первоначальной архитектурной формой Текора. Мы можем принять за исходную точку его наблюдений (проверенных мною) исследование пилонов. На рис. 391 (II) виден

---

[1] См. ***Թորամանեան Թորոս***, Պատմական հայ ճարտարապետութիւն: Ուսումնասիրութիւն: Ա. Տեկորի տաճարը, Թիֆլիս, 1911 (***Тораманян Торос***, Армянская историческая архитектура. Исследование. А. Собор в Текоре, Тифлис, 1911).

[2] См. Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества, том XIX, выпуск 1, С.-Петербург, 1909, стр. 14 и далее.

[3] См. также ***Rivoira Giovanni Teresio***, Architettura musulmana, Milano, 1914 (стр. 243).

[4] Прим. ред.: по-видимому, автор здесь под хорами подразумевает средний неф.

[5] См. ***Texier Charles***, Description de l'Arménie, la Perse et la Mésopotamie, Paris, 1842 (таблица XXV и стр. 120).

северный пилон восточного ряда, если смотреть со стороны старого, теперь замурованного входа. На плане (II, рис. 387) и на снимке, сделанном внутри (II, рис. 389), пилон по форме соответствует другим примерам из группы купольных построек продольного типа. Но если присмотреться к этому углу цоколя, то можно увидеть, что он неоднократно подвергался изменениям. Профилировка из двух выкружек, разделенных двумя полочками над плитой базы на северной стороне, составлена из трех неравных кусков и, видимо, стерлась с западной стороны, если только к ней когда-то не примыкал еще один блок. В настоящее время здесь образовался входящий угол без профилировки, которой нет также и на поставленном здесь позже камне с крученым валиком под полосой в виде трех ступеней (как в ионическом архитраве). Создается впечатление, что здесь снова воспользовались старым материалом, который, однако, оказался недостаточно широк для этой цели и даже длиннее, чем надо (пилон над ним отступает на 20 см). Можно предположить, что от первоначального пилона осталась только средняя часть “a”, к которой приставили “b”, чтобы продвинуть его к востоку, затем добавили “c”, чтобы приставить к пилону соответствующий пилястр. Следовательно, пилоны первоначально находились ближе друг к другу, т. е. на расстоянии 4,80 м вместо 5,87 м, вследствие чего пилястры (II, рис. 387), примыкающие к внутренней стене, без точного учета средних пилонов, оказались посередине этих первоначальных пилонов. По аналогии с трехнефными постройками продольного типа, сохранившимися в первоначальном виде, как, например, в Касахе (I, рис. 172), мы тут, по-видимому, имеем дело с покрытой цилиндрическим сводом постройкой продольного типа, а не с купольной постройкой.

Тораманян привел несколько доводов, чтобы обосновать такую реставрацию первоначальной архитектуры. Его книга о Текоре сосредоточена на этом доказательстве, так как он этим хочет доказать справедливость своего убеждения, что первоначально в Армении вообще имелись только постройки продольного типа, из которых некоторые, как, например Текор, были впоследствии превращены в купольные постройки. Доказательством сказанного он считает то, что четыре фронтона в Текоре были неодинаковой ширины, как это было принято (фронтоны над главным нефом на западе и на востоке имели ширину 9,38 м, а над поперечным нефом на юге и на севере 7,08 м). Эта разница соответствует разнице расстояний между настенными пилонами на внутренней стороне стен. Она составляет на западной стороне 7,48 м, а на южной и северной стенах – соответственно 5,70 м и 5,89 м. Если церковь была бы построена с самого начала в виде купольной постройки, то эти расстояния были бы равны. Он считает, что потребовавшее стольких усилий смещение пилонов было проделано именно для того, чтобы прямоугольник, образованный ими, преобразовался в квадрат для несения купола.

Тораманян предполагает, что церковь была первоначально базиликой с тремя парами пилонов. Из этого следует предположить, что на стене, на расстоянии примерно 5,80 м имелся другой настенный пилон, а перед ним, у сильно выступающих концов апсиды, находилась третья пара пилонов. И если это действительно было так, то восточная стена должна была быть выдвинута дальше вперед. Подобное изменение показано на рис. 392 (II)[1]. Черные части чертежа, сделанного рукой Тораманяна,

[1] См. также снимок у Тораманяна: ***Թօրամանեան Թորոս***, Պատմական հայ ճարտարապետութիւն: Ուսումնասիրութիւն: Ա. Տեկորի տաճարը, Թիֆլիս, 1911 (***Тораманян Торос***, Армянская историческая ар-

показывают предполагаемый им самый старый план. Тораманян полагает, что это был храм дохристианской эпохи. Церковь была сначала уменьшена на две пары пилонов, но все еще при прямой восточной стене, и лишь после этого был установлен купол, т. е. пилоны были раздвинуты и усилены. Кроме того, впоследствии были добавлены апсиды, поперечные крылья, хор и проход. Вторая стадия на том же чертеже показана штриховкой, а третья – серым цветом. Рис. 393 (II) дает представление о превращении внутренней части постройки продольного типа с двумя пилонами в купольную постройку. Следует обратить внимание на те изменения, которым при этом были подвергнуты пилоны. Однако их состояние (II, рис. 391) не получило исчерпывающего объяснения. Если бы Тораманян был прав, то в Текоре, при превращении его в купольную церковь, произошло бы нечто подобное тому, что имело место в соборе Св. Марка в Венеции при переходе от базилики к купольному типу храма Св. Апостолов в Константинополе.

К выводу о том, что имелась промежуточная стадия в виде укороченной базилики (II, рис. 392), Тораманян приходит ввиду того факта, что западный фронтон среднего нефа не находится, как обычно, в одной плоскости с боковыми частями восточной стены, т. е. на ограждающей стене апсиды, а примерно над серединой свода апсиды пересекает его в том месте, где на рис. 392 (II) заштрихованная восточная стена с двумя пилонами пересекает старую базилику.

Работа Тораманяна о Текоре появилась в 1911 году, а статья об Эчмиадзине – в 1909 году. Поэтому особенно важно предположение Тораманяна о том, что по своей первоначальной форме (базилика с пилонами) церковь Текора была старше, чем собор в Эчмиадзине. Так как он считает, что это было раньше V века, то, говоря об Эчмиадзине, имеет в виду постройку Вагана Мамиконяна конца V века, т. е. тетраконх без свободно стоящих средних опор (II, рис. 385). Этому соответствуют также его выводы в книге о Текоре, согласно которым христианство проникло в Армению через Сирию и Месопотамию, и поэтому естественно предположить, что оттуда же проникла и первоначальная архитектурная форма армянских церквей. Однако там не удалось найти ни одной постройки до IV века, которую можно было бы сравнить с древнейшими армянскими церквями. Далее Тораманянн говорит, что в Византии и Риме христианство в это время не занимало господствующего положения, и поэтому там не строились церкви, в то время как в Армении их ревностно строили. Ввиду этого первоначальную форму церквей следует искать в самой Армении. Из сообщений писателей дохристианской эры нам известно, что армяне имели многочисленные храмы и святыни. Хотя языческий культ армян был близок к персидскому, все же греко-римское влияние играло большую роль в области как культуры, так и архитектуры, в особенности при Трдате, последнем языческом царе. Благодаря летописцам нам также известно, что Григорий Просветитель и Трдат энергично приступили к сооружению новых церквей и к освящению старых храмов (?). Можно предположить, что вновь возведенные церкви строились по образцам древних языческих храмов. Тораманян считает, что все эти церкви – Текор, Ерерук, Одзун, Касах, Аштарак и некоторые другие – вообще являются самыми древними армянскими церквями и в своем первоначальном виде были очень близки к армянским языческим храмам. Последнее предположение становится еще вероятнее,

---

хитектура. Исследование. А. Собор в Текоре, Тифлис, 1911, стр. 33).

если учесть сходство этих церквей с греко-римскими храмами. Возможно, что некоторые из этих церквей первоначально были не чем иным, как языческими храмами, причем двух видов: с наружной галереей и без нее. В Текоре, по мнению Тораманяна, галерея была пристроена позже, но не после VI века, так как уже в VII веке такие галереи больше не строились (Одзун)[1].

В той же книге о Текоре Тораманян касается вопроса о введении купола: Эчмиадзин имел купол уже в V веке, который, по свидетельствам историков, до VII века был деревянным. По всей вероятности, этот купол собора в Эчмиадзине был первым примером такой формы в Армении. Желание видеть подобный купол из деревянных частей, как в Текоре, с крестообразной кровлей, т. е. стремление армян сделать свои церкви похожими на главную святыню в Эчмиадзине, было причиной многочисленных изменений этих построек. В V веке в Армении, вероятно, еще не умели строить купола из камня. В VII веке каменный купол уже широко распространился, причем, по сравнению с остальными, купол в Текоре оказался самым простым и примитивным. Отсюда Тораманян приходит к выводу, что церковь в Текоре была построена в промежутке между V и VII веками.

Таково мнение Тораманяна. На этом основании можно считать, что первоначально в Армении имелись лишь трехнефные церкви продольного типа, и что купол проник в каменную архитектуру из деревянной только в VII веке. Из этого видно, что уже в 1909–1911 гг. Тораманян на основе проведенных им в течение десятилетий со всем национальным рвением исследованиий пришел к выводу, который мало отличается от поспешного вывода Бахмана 1913 года: оба архитектора считают, что прототипом является продольный тип, в то время как купол появляется лишь позже. Это решительно противоречит моей классификации видов и типов, если смотреть на них с точки зрения истории развития. Поэтому моя задача будет заключаться в том, чтобы внести ясность в эти противоречия.

Прежде всего бросается в глаза, что в Эчмиадзине (Вагаршапате), который так же, как и Иерусалим в районе Средиземного моря, является путеводной звездой для христианства в Армении, имелась церковь типа трехнефной, т. е. постройка с пилонами, покрытая цилиндрическим сводом. У Тораманяна, должно быть, имелись веские причины, побудившие его считать именно эту архитектурную форму доминирующей в начальном периоде христианской архитектуры. Я нахожу объяснение этой точки зрения в книге Тораманяна о Текоре: “Принимая во внимание греко-римское влияние на армянскую архитектуру (в особенности – на церковь в Текоре) в V веке и, кроме того, учитывая более древние примеры подобного рода в Риме, я полагаю, что форма Текора проникла в Армению из Рима, притом, вероятно, по пути через Сирию и Малую Азию, где встречаются церкви с таким же планом, относящиеся к V веку”[2]. Ходом мыслей этого представителя Востока (Тораманян – турецкий армянин) руководило неискоренимое убеждение в единстве развития христианской архи-

[1] Дальнейшие выводы о Текоре см.: ***Ալիշան Վեռնը***, Շիրակ, Վենետիկ, 1881 (***Алишан Гевонд***, Ширак, Венеция, 1881, стр. 181). Тораманян начертил Текор со всеми деталями. Было бы большим упущением не опубликовать эти ценные иллюстрации, выполненные до обрушения купола.

[2] См. ***Թորամանեան Թորոս***, Պատմական հայ ճարտարապետութիւն: Ուսումնասիրութիւն: Ա. Տեկորի տաճարը, Թիֆլիս, 1911 (***Тораманян Торос***, Армянская историческая архитектура. Исследование. А. Собор в Текоре, Тифлис, 1911, стр. 56).

тектуры на основе римского влияния. Это же привело его и к предположению о том, что первые христианские постройки имели деревянные покрытия, и что своды вроде куполов появились позже.

в) Восток, Рим, эллинизм?

Мы видим, насколько убежден Тораманян в своей точке зрения. Такой взгляд является в настоящее время общим. Причина кроется, если смотреть на проблему шире, не только в дилемме "Восток или Рим", которую я подробно анализировал в 1901 году. В статье "Эллада в объятиях Востока", напечатанной в приложении ко "Всеобщей газете"[1], я попытался показать, как эллинизм вытесняется из восточных областей своего распространения, и как Восток постепенно настолько крепнет, что уже сам проникает на Запад (сперва вместе с позднеримским и древневизантийским, а затем – с исламским и "романским" искусством) и добивается победы над античкой[2]. Со временем я исследовал этот вопрос более детально. В книге "Алтай-Иран…" я попытался показать, что геометрический орнамент лозы и ленточное плетение доказывают проникновение Азии в область декоративного искусства. Подобно этому, цилиндрический свод и купол представляют влияние архитектуры Востока в противовес влиянию Эллады. Появление покрытых цилиндрическим сводом церквей в Месопотамии создает, как я указывал в моем труде "Амида…", то движение, которое привело к романской архитектуре. Настоящая книга в том же духе подведет к выводу, что Иран или Армения, с одной стороны, через Константинополь, а затем морским путем и по суше с севера и на юг, дали Европе купол над квадратом, тот купол, который со времен Леонардо да Винчи и Браманте доминировал в новейшей архитектуре Запада. Об украшениях речь пойдет ниже.

Раньше, чем доказать сказанное, необходимо проанализировать старое заблуждение, состоящее в том, что цилиндрический свод и купол будто бы имеют эллинистическое происхождение и проникли на Восток только благодаря эллинизму. Можно было бы пройти мимо этого устаревшего школьного взгляда, если бы он не возник и не добился признания у людей, незнакомых с Востоком. Как мало тех, кто старается ближе познакомиться с Востоком! Необходимо отнестись к этому вопросу тем более серьезно, что такой добросовестный исследователь, как Габриэль Милле, в своей новейшей книге "Греческая школа в византийской архитектуре"[3], в которой он сообщает о результатах многолетних работ по исследованию Мистры, был введен в заблуждение (подобно мисс Гертруде Белл)[4] относительно того, что период постройки может быть определен, исходя из положения, что покрытые цилиндрическими

---

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Hellas in des Orients Umarmung – Beilage zur Allgemeine Zeitung, München, № 40–41, 18/19, Februar 1902 (стр. 313-317 и 325-327).

[2] Ср. ***Strzygowski Josef***, Spalato, ein Markstein der romanischen Kunst bei ihrem Übergange vom Orient nach dem Abendlande – Studien aus Kunst und Geschichte, Friedrich Schneider zum siebzigsten Geburtstage gewidmet von seinen Freunden und Verehrern, Freiburg im Breisgau, 1906 (стр. 325); ***Strzygowski Josef***, Die Schicksale des Hellenismus in der bildenden Kunst – Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur, Band XV, Leipzig, 1905 (стр. 19); ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 177).

[3] См. ***Millet Gabriel***, L'école grecque dans l'architecture byzantine, Paris, 1916.

[4] Ср. Byzantinische Zeitschrift, Band XXIII, Lepzig, 1920 (стр. 330).

сводами продольный и широкий типы построек появились не раньше VII века, то есть, другими словами, что свод появился в Месопотамии только после эпохи Юстиниана. Если бы этот вопрос не был выяснен в моей книге "Амида…"[1] и, в окончательном виде, в работе Г. Глюка "Постройки широкого и продольного типа в Сирии"[2], я бы остановился на нем более подробно[3].

В данной главе речь пойдет не о позднем эллинизме христианского периода Эллады, а прежде всего о том, правда ли, что несмотря на то, что "принцип свода был издревле известен на Востоке – в Вавилоне, Ассирии и Египте, и применялся для подземных сооружений, при строительстве канализации и гробниц, а в месопотамском районе – в виде входных арок, в Египте – в хозяйственных постройках в форме сводчатых перекрытий, свод, как покрывающий и оформляющий пространство элемент большой архитектуры, никогда и нигде на Западе не встречается до того, как весь Восток был наводнен и пронизан элементами греческой культуры и эллинизма"[4]. Собственно страна-родоначальница до сих пор неизвестна, но во всех случаях свод вряд ли возник из кирпичных строений, для которых характерна способность подражать и видоизменяться под влиянием каменных конструкций, но которые отнюдь не создают базы для творчества.

Эта точка зрения, которая связывает эллинизм и сводчатую архитектуру так, будто именно эллинизм превратил свод в оформляющий пространство элемент, игнорирует тот очевидный факт, что сводчатая архитектура на Востоке была распространена еще с древних времен, и что эллинизм ничего не сделал для того, чтобы воспринять эти распространенные архитектурные черты, которые, напротив, сами вытеснили эллинизм. Таким образом, сводчатая архитектура устранила греческую архитравную архитектуру. Последний натиск этого движения произошел, как я надеюсь доказать, в Армении. Именно здесь ясно видно, что кирпичная архитектура вначале повторяла формы, созданные в дереве, которые каменная архитектура перенимает и развивает дальше. Если бы западнохристианский мир обладал достаточной силой, чтобы следовать за натиском Востока, и не удовлетворился бы решением применять деревянные перекрытия, а шел бы по пути позднеримской эпохи и развил бы сводчатую архитектуру, то уже тогда началось бы движение, которое после 1000 года сначала привело к применению цилиндрического свода и так называемой связанной системы и длилось до тех пор, пока итальянский Ренессанс не ввел купол, повернув тем самым в русло того сильного течения, которое мы собираемся проследить в Армении.

В Армении имеется еще одна постройка греко-римского типа – храм Гарни. Чтобы доказать, что христианская архитектура ничего общего с этим не имеет, мы считаем целесообразным прежде всего рассмотреть это сооружение здесь, в части "истории развития".

---

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910.

[2] См. ***Glück Heinrich***, Der Breit- und Langhausbau in Syrien – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, XIV, Heidelberg, Winter, 1916.

[3] См. текст Генриха Глюка (ниже), а также мою статью в "Справочнике по искусствознанию" (Repertorium für Kunstwissenschaft, Berlin, 1918).

[4] Ср. ***Sarre Friedrich*** *und* ***Herzfeld Ernst Emil***, Iranische Felsreliefs, Berlin, 1910 (стр. 127).

г) Храм в Гарни (I, рис. 12)[1]

Я опускаю легенду об основании храма, о которой сообщает Мовсес Хоренаци (История Армении: I, 12)[2]. Этот храм относится якобы к эпохе царствования Трдата Великого (287–336/7). Мовсес Хоренаци (История Армении: II, 90)[3] об этом пишет: “В то же время Трдат заканчивает постройку крепости Гарни, которую он возвел из тёсаных мраморных блоков, связанных железом и свинцом. В той же крепости он построил летний дворец с башнями, удивительными картинами и великолепными скульптурами в честь своей сестры Хосровидухт и оставил памятную запись об этом на греческом языке”. Вардапет Вардан в XIII веке называет постройку великолепным троном Трдата[4]; Степанос Таронеци (Всеобщая история: III, 2)[5] говорит о загородном доме Хосровидухт, построенном Трдатом, царем Армении. Приходится иметь в виду, что дворцовый комплекс состоял из самого дворца и храма. Этот тип впоследствии часто повторяется князьями и духовными лицами – например, в Звартноце. Разница состоит в том, что языческий храм заменялся церковью, буквально рядом с Гарни находится громадная площадка, заваленная обломками. Около лестницы, на ступенях валяется обломок большого купола. В противоположность храму, состоящему фактически из тёсаной кладки, связанной железом, мы здесь видим преобладание бетона. Ввиду этого было бы весьма желательно произвести съемку всего района.

Размеры храма внутри целлы составляют всего лишь 5,05 м x 7,55 м, а толщина – стен 0,90 м. Одно только применение каменной кладки уже отличает его от христианских бетонных построек. Выше я привел снимок (I, рис. 12), сделанный во время исследовательской поездки, который показывает современное состояние развалин. Видно, что подиум храма еще хорошо сохранился; от верхней части осталось на месте только несколько камней. Было бы, однако, нетрудно восстановить общий вид здания, так как вокруг валяется громадное количество строительных блоков, некоторые из которых украшены прекрасными орнаментами. Такую попытку уже предпринял Дюбуа де Монпере[6]. Я лично сильно сомневаюсь в правильности сведений Мовсеса Хоренаци относительно того, следует ли отнести эти блоки именно к сохранившимся остаткам храма. Я склонен считать, что последний скорее относится к эпохе Баальбека и Пальмиры, а не к IV веку[7]. Во всяком случае, он очень близок к

---

[1] Общий план см. ***Ալիշան Վռնդ***, Այրարատ, Վենետիկ, 1890 (***Алишан Гевонд***, Айрарат, Венеция, 1890, стр. 6); ср. ***Porter Robert Ker,*** Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia, vol. II, London, 1821 (стр. 625); ***Dubois de Montpéreux Frédéric***, Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, Paris, 1839–1843 (том III, стр. 286 и Атлас, таблица XXXI).

[2] См. ***Lauer Martin***, Des Moses von Chorene Geschichte Groß-Armeniens, Regensburg, 1869 (стр. 25).

[3] Там же, стр. 153.

[4] См. Mémoires historiques et géographiques sur l’Arménie par Antoine-Jean Saint-Martin, tome II, Paris, 1819 (стр. 421).

[5] См. ***Gelzer Heinrich*** *und* ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр. 117).

[6] См. ***Dubois de Montpéreux Frédéric***, Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, Paris, 1839–1843 (том III, таблица XXVI). В моем распоряжении имеется целый ряд хороших снимков, которые я охотно предоставлю исследователям.

[7] Прим. ред.: храм в Гарни построен в I-ом, а не в IV-ом веке н.э.

античным постройкам этих мест[1]. Следует обратить внимание на то, что в Гарни были найдены известные предметы античного искусства[2] – как, например, скульптура Аполлона Строганова[3]. Тораманян, однако, возражает против предположения, что этот храм строился греко-римским архитектором, считая, что при внимательном рассмотрении каменных орнаментов, они оказываются отчасти совершенно чуждыми эллинизму, и что там, где они действительно греко-римские, они обработаны иными техническими приемами и с иными пропорциями[4]. Об этом речь пойдет ниже.

Я ограничусь здесь тем, что дополню приведенный выше снимок двумя другими снимками, дающими возможность охватить постройку в целом. В дальнейшем будет приведен еще ряд отдельных снимков. Рис. 394 (II) показывает западую сторону постройки. Мы видим три охватывающие ступени, а над ними – ортостаты стены целлы с лежащими еще на своих местах блоками мощного завершающего карниза. На переднем плане виден угол заднего фронтона, который лучше показан на рис. 395 (II). Отдельные части украшены орнаментами позднеантичного периода: пальметтами с львиной головой посредине, под ними – бусы, а внизу все замыкается зубцами с шаром в углу. В общем, тип украшений мало отличается от типа, принятого в северо-сирийских городах. Когда мы будем подробно говорить об армянском архитектурном орнаменте христианской эпохи, то покажем, что украшения церквей ничего общего не имеют с Гарни и его греко-римскими формами. Если даже окажется верным, что Трдат, как указывал уже Карл Шнаазе[5], будучи спасен от Сасанидов бегством в Рим, вернулся оттуда через 30 лет и соорудил храм в Гарни (во всяком случае, не позднее 300-го года), то это имеет значение для архитектуры Армении лишь постольку, поскольку данная постройка ясно показывает, что церковная архитектура не примыкает к Греции или Риму и не имеет отношения к их архитектурным формам, так что приходится искать другие источники. Это удивит того, кто возникновение армянской христианской архитектуры также склонен искать в эллинистических источниках, тем более, что Гарни должен был играть значительную роль еще в период раннего христианства. Доказательства этому собрал Алишан. Уже в IV веке там, вероятно, строились церкви. Во время правления царя Аршака II (350–367) упоминается епископ Геворк из Гарни, а в конце VI или начале VII века говорится о настоятеле Измаиле оттуда же. Многие патриархи первоначально были

---

[1] Ежегодник Императорского немецкого археологического института (Jahrbuch des kaiserlich deutschen archäologischen Instituts, XXIX, Berlin, 1914, стр. 37 и далее) дает хороший подбор материалов для сравнения; см. ***Ալիշան Ղևոնդ***, Այրարատ, Վենետիկ, 1890 (***Алишан Гевонд***, Айрарат, Венеция, 1890, стр. 364 и далее).

[2] См. ***Ալիշան Ղևոնդ***, Այրարատ, Վենետիկ, 1890 (***Алишан Гевонд***, Айрарат, Венеция, 1890, стр. 400 и 510).

[3] Прим. ред.: речь идет о бронзовой статуэтке Аполлона из собрания русского государственного деятеля, московского генерал-губернатора, а также известного археолога, мецената и коллекционера, графа Сергея Григорьевича Строганова (1794 –1882).

[4] См. ***Թորամանեան Թորոս***, Հայ ճարտարապետութեան շրջանները – Անահիտ, Փարիզ, 1911, թիւ 1–2, յունուար–փետրուար (***Тораманян Торос***, Этапы армянской архитектуры – Анаит, Париж, 1911, № 1–2, январь–февраль, стр. 13).

[5] См. ***Schnaase Carl***, Geschichte der bildenden Künste, 2 Auflage: 8 Bände, Düsseldorf-Stuttgart, 1866−1879 (том III, стр. 322 и далее).

монахами в Гарни, как, например, католикос Согомон (791–792) и Георгий II (877–898); был здесь “католикос Маштоц (898–899) около Тахта похоронен, и над его могилой была построена церковь”. В памятной записке 1423 года Гарни называется городом, “оберегаемым Богом”.

Если обратить внимание на показанную на рис. 161 (I) базилику, то видно, что хотя она и принадлежит к эллинистическому архитектурному типу, тем не менее ничего общего не имеет с формами и украшениями гарнийского храма. Присущие ей эллинистические черты не возникли на месте путем медленной эволюции храма, но заново проникли из Сирии или Малой Азии благодаря определенному движению в армянском христианстве V века. Об этом придется говорить подробнее. Эллинизм христианской эпохи в Армении следует строго отличать от подлинного эллинизма и римской эпохи. Между ними вклинивается это чисто восточное или, скорее, иранское течение, которого придерживались Трдат и Григорий Просветитель при введении нового учения, тогда еще непризнанного Римом в качестве государственной религии.

III. О Б Р А З

Некоторые конструктивные и декоративные черты древнеармянских церковных построек повторяются с таким постоянством, словно они зародились в одно время с этой областью армянского искусства. Армянским архитекторам и в голову не приходит, что можно уклониться от этих принципов. Они существуют изначально, как аксиомы[1]. Сюда, например, относится положение, отличающееся от всех прочих древнехристианских течений искусства, согласно которому постройка должна быть обязательно приподнята над землей на несколько, а иногда и на много ступеней; сюда же относится применение бетона, затем – стандартное применение свода и т. д. Возникает вопрос: а не следует ли причислить к этим основным чертам, как я и указывал с самого начала в каталоге типов, также и купол над квадратом? Как можно объяснить существование чисто лучеобразной формы плана наряду с постройками продольного типа? Имеют ли обе формы местное происхождение, или же они пришли извне, существовали ли они некоторое время параллельно, не соприкасаясь друг с другом, и соединились ли они лишь тогда, когда в этом появилась художественная и религиозная потребность? Подобные вопросы и наблюдения возникают и в области архитектурных украшений. Перед жителями из стран Средиземноморья предстают здесь совершенно непривычные для глаза скошенные венчающие карнизы с ленточным плетением, своеобразные фризы из арочек, треугольные ниши на стенах, декоративные арки. Эти декоративные элементы ничего общего не имеют с привычными для его глаза античными архитектурными элементами, некоторые из которых изредка, но все же встречаются и в Армении. Может, эти новые черты архитектурных украшений, в избытке встречающиеся и в средневековом западном зодчестве, возникли в Армении? А если не в Армении, то где? И как они проникли в Армению?

1. Строительство само по себе

Из двух течений, которые должны быть приняты во внимание в Армении, как первоначальные источники, я рассмотрю сначала то, которое должно было выйти на первый план уже благодаря вековой связи страны с парфянскими Аршакидами в качестве царствующего дома, поскольку царский двор являлся решающим фактором для появления новых форм изобразительного искусства. При этом я рассматриваю строительство отдельно от архитектурного украшательства, к тому же иранской традиции я коснусь вначале вкратце, представив лишь ее характерные черты, в то время как к эллинистической традиции я подойду сразу же и в полном объеме. Этому имеется простое объяснение. То, что было перенято из северо-восточного Ирана, стало исходной точкой для развития армянской формы, следовательно, в главе о Форме я на этом задержусь подольше. В противоположность этому, эллинизм был как бы чуждым телом, которое потеряло значение единого слоя в искусстве и было вытеснено национальным движением после вековой борьбы. Лишь изредка (как,

[1] С моей точки зрения, как специалиста, сущность “Образа” заключается в том, что Теодор Линднер в “Философии истории” называет “инерцией”: “Мыслить исторически означает не что иное, как понимание инерции. Тогда будет лучше понята и непрерывная связь человеческих явлений” (см. ***Lindner Theodor***, Geschichtsphilosophie, Stuttgart, 1912, стр. 11).

например, в Ани) среди обломков вдруг могут обнаружиться отдельные элементы античности, как-то: дверные перемычки и прочее, отделанные в этом духе.

В данной главе я рассматриваю только вопросы Образа, причем не только то, что возникло в Армении в христианскую эпоху в рамках Явления, но и то, что было заимствовано из более древнего искусства – будь то отечественное или чужеземное. И уже в следующей главе буду анализировать Явление в отношении его дальнейшего самостоятельного развития, т. е. с точки зрения Формы. И там вопросов ожидается больше, чем ответов. Многое надо будет перепроверить в исторической части относительно их истинного происхождения.

Среди сохранившихся построек христианской Армении на сегодняшний день преобладают церкви. Я здесь оговариваюсь сознательно, поскольку еще не сделаны обмеры и снимки крепостей и остатков городов, не говоря уже об их раскопках. Выше, в главе о Предмете, я уже высказал по их поводу некоторые соображения, чем и воспользуюсь здесь. Но на первом плане все же остаются церковные постройки, как и при классификации памятников по группам и видам.

Благодаря Джованни Терезио Ривойре, данная глава не лишена некоторых остроумных замечаний. Ривойра суммирует свою характеристику армянских церквей следующим лапидарным изречением: “Армянская архитектура, черпая из римского и римско-византийского источника, отличается от этих образцов отсутствием нартекса”[1]. Получается, что только отсутствие нартекса отличает планы армянских построек от их образцов в Риме и Византии! Приблизительно так думают и все другие исследователи, не исключая, к сожалению, и Милле. Рассмотрим эту проблему.

А. Иранская традиция

Предыдущее введение, которое касалось Явления, может быть, убедило некоторых, что развитие древнеармянской церковной архитектуры не должно рассматриваться под углом зрения Бахмана и Тораманяна, которые исходили из общепринятого мнения о том, что именно эллинизм и Рим составляют ту базу, с опорой на которую и развивалось вообще все христианское искусство, в том числе и армянская христианская архитектура. Принципиально намного правильнее отличать лучеобразную купольную архитектуру от архитектуры продольного типа с цилиндрическими сводами, как две совершенно не зависящие друг от друга основные формы. Такое разделение кажется уместным, когда мы начинаем изучать встречающиеся у армянских построек декоративные формы. Линч, человек хоть и “непосвященный”, но одаренный художественным зрением, полагал, что армянское декоративное искусство следует считать двуликим, если принять во внимание, что, например, в замке в Ани у одной постройки проявляются греческие формы, тогда как в другой господствует дух варваров: “Ани в действительности является музеем архитектурных стилей – характеристика, соответствующая его географическому положению и восприимчивой культуре его жителей”[2]. Этим Линч пытается одновременно дать объяснение своим выводам. На самом деле не все можно объяснить одним лишь географическим положением.

[1] См. ***Rivoira Giovanni Teresio***, Architettura musulmana, Milano, 1914 (стр. 237).

[2] См. ***Lynch Henry***, Armenia: Travels and Studies, in two vol., London, 1901 (том I, стр. 380).

Природа Армении имеет как северный, так и южный характер, и ввиду этого не относится целиком ни к северу, ни к югу. Это не солнечный край, полный богатств, как юг, но все же природа юга проникает глубоко в долины страны, и путнику, спускающемуся с голого плоскогорья, эти долины кажутся раем. Плоскогорье имеет серый и негостеприимный облик, там господствует мертвый камень. Над этой картиной величественно громоздятся древние вулканы. Зелень, покрывающая камни и создающая впечатление альпийских лугов, быстро выгорает. Зима наступает рано. В такой стране мы не можем ожидать фантастического излишества, богатства форм и их игривую смену, а также живую красочность, свойственную южным районам Востока. Армянское нагорье отступает перед орнаментальным богатством Грузии. В противоположность более легкой, стремящейся ввысь архитектуре Грузии с большим разнообразием игривой изобретательности, мы видим здесь простую замкнутую массивность в характерных архитектурных типах. Таким образом, в постройке отражается дух ландшафта с немногочисленными могучими вулканами. Ярче всего дух родной земли проявляется в архитектурных памятниках, когда мы спускаемся с плоскогорья к полям Персии. Мы это чувствовали, когда спускались с Арагаца к Еревану. Ни один политический союз в этих областях и никакая чужая государственная власть не были в состоянии убить живой дух, исходящий из памятников страны, и устранить эти границы природы и духа. У этих границ в борьбе двух культур были зафиксированы высочайшие достижения, объединившие природу и дух в едином, индивидуальном выражении (Звартноц).

С севера Армения ограничена Кавказом. Связь оттуда осуществляется через Грузию с запада или вдоль берега Куры через Албанию. Существенным для нас является иммиграция по естественным путям: по Евфрату – на запад и на юг, по Араксу – на восток. Я всегда учитывал эти природные условия. А теперь приступим к анализу отдельных черт, свойственных армянской церковной архитектуре с самого ее зарождения.

а) Ступенчатое основание

Общий вид армянских церквей в значительной мере определяется ступенчатым основанием, на котором стоят церковные здания. В древнехристианской архитектуре района Средиземного моря и Запада нам подобные цоколи неизвестны; однако такое ступенчатое основание, хотя только одностороннее, имел и римский храм с подиумом (I, рис. 12), в то время как греческий храм, как и армянские церкви, обычно охватывался стилобатом со всех четырех сторон. Ввиду этого можно предположить, что в отношении одинарного и двойного ступенчатого основания мы имеем дело с глубоко укоренившимися традициями, которые были переняты христианской архитектурой Армении от гораздо более древних языческих традиций. При обследовании более древних памятников соседних персидских и месопотамских областей оказывается, что обычай возвышать значительные постройки, будь то мавзолеи, храмы или дворцы, при помощи ступенчатого основания так, чтобы сооружение заметно выступало из всей массы, был общераспространенным явлением[1]. Но, конечно же,

[1] Ср. поверхностное сопоставление у Альфреда Герсбаха: ***Gersbach Alfred***, Geschichte des Treppenbaus der Babylonier und Assyrier, Ägypter, Perser und Griechen – Zur Kunstgeschichte des Auslandes, Heft 114.

речь здесь идет не просто о купольных постройках, а скорее о том, что именно в Армении впервые объединили купол со ступенчатым основанием и тем самым создали новый тип. Ввиду этого я эти два элемента буду разбирать отдельно.

Что касается ступенчатого основания, то имеется удивительный пример древневосточного вида из области архитектуры иранских гробниц (II, рис. 396), а именно – известная гробница Кира в Пасаргадах[1]. В этом памятнике более поздняя армянская форма прежде всего и ярче всего проявляется в том, что ступени не играют роль лестницы, так как они слишком высоки для этого. Небольшая постройка продольного типа стоит на трех относительно более высоких ступенях, над которыми имеются три низкие ступени. Постройку, которая целиком сделана из камня и выглядит как миниатюрное изображение армянской однонефной церкви продольного типа, покрывает двускатная кровля. Подобную ступенчатую форму выявили Жорж Перро и Шарль Шипье[2] на основе наблюдений, проведенных Эженом Фланденом и Паскалем Косте в храмах огнепоклонников в Фирузабаде и дворцовых постройках, для которых возвышение на ступенях или, по крайней мере, на пандусах, было чем-то само собой разумеющимся[3]. То, что можно сказать о древнеперсидской эпохе, в еще большей степени относится к ассирийской эпохе в Месопотамии. При сравнении следует принимать во внимание не только высокие цоколи дворцов в Ниневии, но и высокие ступени пирамидальных храмов. Если бы не были так скудны армянские памятники дохристианской эпохи[4] (храм в Гарни не приходится принимать во внимание, так как он является чисто римским памятником на армянской земле), то у нас не создалось бы впечатления, что склонность церковных строителей IV–VII вв. к ступенчатому основанию являлась как бы данью времени, когда армяне теснейшим образом были связаны со своими восточными и южными соседями, в отличие от христианской эпохи, в особенности после V века, когда они начали входить в контакт с Западом. Кстати, в Сирии и Малой Азии обычно не применялись ступенчатые основания под базиликами с деревянными кровлями, поэтому едва ли эллинистическое влияние могло иметь место именно в Армении.

Я хотел бы считать ступенчатое основание христианской эпохи элементом, имеющим символическое значение: оно предназначено для того, чтобы придать постройке бóльшую внушительность. Возможно, что тут играли роль древнеарийские обычаи, связанные с культами могил и огня. Мы ниже еще не раз вернемся к мысли о том, что чисто купольная архитектура армян тесно связана с древними

---

[1] См. ***Dieulafoy Marcel***, L'art antique de la Perse, Paris, 1884 (часть I, таблица XIX); ***Perrot Georges*** *et* ***Chipiez Charles***, Histoire de de l'art dans l'antiquité. Tome V: Perse, Paris, 1890 (стр. 520 и 597); ***Sarre Friedrich*** *und* ***Herzfeld Ernst Emil***, Iranische Felsreliefs, Berlin, 1910 (стр. 266, таблица XXIX) и, наконец, любой справочник.

[2] См. ***Perrot Georges*** *et* ***Chipiez Charles***, Histoire de de l'art dans l'antiquité. Tome V: Perse, Paris, 1890 (стр. 647).

[3] См. ***Flandin Eugène*** *et* ***Coste Pascal***, Voyage en Perse, Paris, 1851–1854 (таблица XXXVII).

[4] Урартская постройка, изображенная на барельефах в Хорсабаде, хотя и имеет высокий цоколь, но лишена ступеней. Ср. ***Уварова П.С.***, Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического общества, снаряженными на Высочайше дарованные средства, выпуск 5, Москва, 1896 (таблица VI); ***Botta Paul-Émile*** *et* ***Flandin Eugène***, Monument de Ninive, tome II, Paris, 1849 (таблица CXLI).

надмогильными сооружениями. Гробница Кира, поскольку она имеет ступенчатое основание, указывает на подобный путь развития. То же самое можно сказать и о древних алтарях огнепоклонников (II, рис. 489).

Наряду с этим, здесь свою роль играли также чисто конструктивные соображения. Прежде всего я привожу рассуждение Глюка по этому вопросу: “Чтобы придать древневосточным террасам бóльшую прочность на внутреннее давление, им придавали откосы, причем последние редко достигались прямым скашиванием, а скорее – элементарным путем удаления, съема каждого слоя посредством ступеней[1]. В дохристианской Армении также применялось ступенчатое основание, т. е. терраса с откосами – как, например, в укрепленном замке Сардура у подножия скалистого замка в Ване[2]. И здесь применялись громадные тёсаные блоки и крупные ступени. Со всем этим мы снова встречаемся в христианских церковных постройках Армении. Хотя с течением времени мощность ступенчатого основания уменьшается и принимает традиционный характер, продолжая существовать как декоративный элемент, все же упомянутые черты указывают на связь с древневосточными строительными принципами. Среди однонефных построек, прежде всего в Карнуте, бросается в глаза массивность камней, равно как и ступеней (I, рис. 151); здесь тоже высота последних больше, чем их ширина. У шести ступеней, выступающих перед западным фасадом над поднявшейся со временем поверхностью земли, соотношение между шириной и высотой (в сантиметрах, сверху вниз) следующее: 35 x 45, 39 x 36, 21 x 32, 25 x 37, 27 x 44 и 30 x ?. Если бы раскопки обнаружили, что под этими шестью ступенями имеется еще и седьмая, то это также говорило бы за то, что влияние древневосточного образца еще сохранилось, поскольку семь ступеней в астрологической символике вавилонян играют значительную роль и часто применяются в архитектуре[3].

Характерно, что именно в Армении применение ступенчатого основания сохранилось вплоть до начала христианской эпохи. В других восточно-христианских странах, в большей степени находящихся под эллинистическим влиянием, греческий храм со своим стилобатом мог бы иметь большее значение. Однако тот факт, что этого не было, показывает, насколько независимо от греческого храма создавались христианские архитектурные формы. В Северной Месопотамии, где находятся единичные примеры ступенчатых подиумов (например, церковь Эль-Хадра в Хахе), могло иметь место обратное влияние со стороны Армении[4]. Почти во всех других случаях в этой области слой земли и мусора у подножия здания возвышается настолько, что нижние части построек скрыты. В этих краях эллинизм мог более свободно бороться со старыми элементами, чем в замкнутой в себе, консервативной Армении…”.

Столько – из Глюка. В христианской Армении ступенчатое основание, вероятно, вскоре получило другое значение, заключающееся не только в том, чтобы

[1] См. ***Dieulafoy Marcel***, L’art antique de la Perse, Paris, 1884 (часть I, рис. 7, таблица XIX).

[2] См. ***Lehmann-Haupt Ferdinand Friedrich Carl***, Die historische Semiramis und ihre Zeit, Tübingen, 1910 (рис. на стр. 35).

[3] См. ***Winckler Hugo***, Die babylinische Weltschopfung, Leipzig, 1906.

[4] Если только иллюстрация мисс Гертруды Белл верна (см. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (рис. 202).

увеличить внушительность сооружения. При применении бетона с облицовочными плитами опыт мог показать, что плиты в нижней части стен легко отскакивали от давления сверху. У меня создалось впечатление, что поднимание ступеней по цоколю, как мы это видим в Звартноце, а также в соборе Ани, делалось для того, чтобы предотвратить указанное явление. При рассмотрении построек по группам и видам эта точка зрения подтверждается на каждом шагу.

б) Бетон с облицовочными плитами

К и р п и ч. Прежде всего надо установить, что как обожженный кирпич, так и сырец, полностью отсутствуют в древнеармянской архитектуре[1]. Это вытекает из условий почвы. Здесь, следовательно, не могут возникнуть новые способы строительства, базирующиеся на кирпиче, как на стройматериале. Все же следует учитывать с этой точки зрения близость месопотамской низменности, а также то, что там уже в период вавилонского и ассирийского государств (это вытекает из строительных планов, может быть, даже яснее, чем из остатков построек) имелись покрытые сводами постройки малой ширины с толстыми стенами из сырца воздушной сушки[2]. Толщина стен должна была еще более увеличиться, когда вместо цилиндрического свода появился купол. Какой бы значительной ни была роль кирпичного строительства в развитии армянской церковной архитектуры, все же, по всей вероятности, в Армении купол над квадратом мог появиться только посредством кирпичной кладки как переходной ступени от деревянной конструкции. Тем самым мы затрагиваем один из важнейших вопросов происхождения, а именно – вопрос о значении деревянного строительства в Армении. При помощи рис. 397 (II) мы прежде всего обращаем внимание на тот факт, что ислам, применяя кладку из обожженного кирпича для сооружения купола над квадратом, придерживался тех конструкций, которые наблюдаются в Армении при применении бетона. В мечети Ферахабада в Мазандаране (у южного берега Каспийского моря), построенной около 1610 года шахом Аббасом, мы видим большие и малые тромпы в качестве переходных элементов в углах.

Д е р е в я н н о е с т р о и т е л ь с т в о. Тораманян разделяет при этом глубоко укоренившуюся точку зрения историков искусства, которые представляли себе первые христианские церкви не иначе как с деревянными покрытиями. В Армении имелись для этого свои основания. Так, например, в приложении к труду Аристакеса Ластивертци XIII века говорится, что в 1158–1159 гг. была сожжена деревянная церковь в монастыре Иоанна, называемая церковью святого Григора[3]. Речь здесь идет о постройке в Тароне и, вероятно, о том месте близ Арташата, где Григорий Просветитель ввел христианство (подробности см. ниже). Можно ли доверять этому позднему добавлению? Тем не менее, Агатангелос говорит о деревянных перекрытиях у основанных Григорием церквей во имя мучениц в Вагаршапате (об этом также поговорим ниже). На влияние предшествовавших деревянных покрытий могло

[1] Однако, см. приведенные нами выше сведения Иоанна Католикоса и Товмы Арцруни о Двине.

[2] Ср. Österreichische polytechnische Zeitschrift, Band VIII, Wien, 1911 (стр. 241), а также ***Koldewey Robert,*** Das wieder erstehende Babylon, Leipzig 1913 (стр. 90).

[3] См. ***Արիստակէս Լաստիվէրտցի***, Պատմութիւն, Վենետիկ, 1844 (***Аристакес Ластивертци***, История, Венеция, 1844, глава XXI, стр. 94–95).

бы указать удвоение кровель. Если мы рассмотрим постройку в Мармашене (I, рис. 7), то увидим, что в середине ската кровли имеется вертикальная ступень. Можно было бы предположить, что мы имеем дело с остатком влияния базилики, если бы она широко укоренилась в Армении, или сослаться на обычай удваивать покрытие, начиная с севера Китая до Швеции. Однако наиболее простое объяснение вытекает из условия трехнефности, а также из того, что у церквей зального типа средний неф выше, чем остальные.

Теперь я перехожу к купольным постройкам. В своих предположениях Тораманян основывался на сведениях историков о том, что собор в Эчмиадзине уже в V веке имел купол, который до VII века был деревянным[1]. Но при этом Тораманян не считается с возможностью того, что купол в новой постройке Вагана Мамиконяна (483–484 гг.) мог быть задуман из камня, но временно выполнен из дерева, вплоть до того времени, пока католикос Комитас не соорудил его окончательно из камня[2]. Вспомним судьбу октогона в Антиохии – Константин Великий начал его в 331 году, а закончил эту постройку Константинус: “Наибольшее восхищение вызывал устремленный вверх купол, который обеспечивал защиту от жарких солнечных лучей, при этом свет в то время щедро проникал отовсюду”[3]. В 525 году купол при землетрясении обрушился и был восстановлен в дереве архитектором Эфраимом[4]. Следовательно, каменный или кирпичный купол является основным начальным типом, а деревянный – временной заменой. Вероятно, что то же или подобное явление имеет место и в Эчмиадзине, где, к сожалению, отсутствуют более точные сведения о первоначальной постройке[5]. Текст письма Лазаря Парпеци, о котором говорится ниже, или его предисловие о постройке Вагана Мамиконяна 484 года составлены весьма двусмысленно.

Примечательно, что Степанос Таронеци (Всеобщая история: III, 3)[6], который также передает сообщение Себеоса о замене деревянного купола каменным в Эчмиадзине, считает нужным заметить в отношении одной церкви, построенной около 900 года, что купол был возведен из камня. “Он, Смбат (892–917), построил также церковь Спасителя в городе Ширак и увенчал постройку куполом из тёсаного камня”. Следовательно, в отношении IX века можно было бы предположить то же,

---

[1] См.: ***Себеос***, История Геракла (глава XXXV) и ***Macler Frédéric***, Histoire d’Héraclius par l’évêque Sebèos, Paris, 1904 (стр. 77); ***Степанос Таронеци***, Всеобщая история (глава II, 3) и ***Gelzer Heinrich*** *und* ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр. 83), а также ***Հովհաննէս Դրասխանակերտցի***, Պատմութիւն Հայոց, Թիֆլիս, 1912 (История Армении католикоса Иоанна Драсханакертского, Тифлис, 1912, стр. 64).

[2] Примерно в том же духе высказывается и Август Гейзенберг: ***Heisenberg August***, Grabeskirche und Apostelkirche, zwei Basiliken Konstantins: Untersuchungen, Zweiter Teil, Leipzig, 1908 (стр. 102).

[3] См. Sancti patris nostri Joannis Chrysostomi opera omnia… (Opera et studio Bernardi de Montfaucon), Paris, 1718−1738 (том 3, стр. 160).

[4] Ср. данные об источниках в статье Фридриха Вильгельма Унгера во “Всеобщей энциклопедии науки и искусства” (Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaft und Künst, Leipzig, 1818–1889, Sektor II, Band XXXIV, стр. 336).

[5] Эрнст Диц заблуждается, когда полагает, что купола соборов в Босре и Эзре были деревянными (см. ***Diez Ernst***, Die Kunst der islamischen Völker, Berlin, 1915, стр. 16). Ср. ***Vogüé Melchior de***, Syrie Centrale. Architecture civile et religieuse, Paris, 1865 (стр. 61).

[6] См. ***Gelzer Heinrich*** und ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр. 118).

что говорит Тораманян про V век, т. е. что применение камня для возведения купола является чем-то новым, достойным особого упоминания.

Возможно ли, чтобы прежний деревянный купол Эчмиадзинского собора был так же значим, как и деревянная колонна храма Геры в Олимпе, о которой сообщает Павсаний? А может быть, армянская архитектура изначально вообще была деревянной, а не только базиликой с деревянным покрытием? Как видите, я подхожу к вопросу с совершенно другой стороны, нежели Тораманян. Прежде всего придется ответить на предварительный вопрос: мог ли купол вообще быть воздвигнут в дереве? Возможность этого, на первый взгляд, не исключается. Деревянные постройки на Украине состоят из трехкупольных ячеек, которые всегда имеют достойную внимания повторяющуюся конструкцию[1]. Следует сравнить решения, которые показывает Григорий Павлуцкий[2], с решениями Эрнста Бинфилда Гавела[3]. Кроме того, надо обратить внимание на то, что украинские деревянные церкви, как и иранская жилищная архитектура, никогда не исходили из тенденции соединять несколько покрытых куполами пространств в одну органическую единицу, т. е. никогда не стремились создавать пространственное впечатление, а подобно пчелам присоединяли одну ячейку к другой, устраивая сообщение между ними только посредством входов[4]. Эту купольную ячеистую систему из кирпичной кладки мы видим в храме Василия Блаженного в Москве[5]. Я пока не хочу останавливаться на этих вопросах, так как для христианской Армении они уже не имеют значения. Там не было физической возможности строить многочисленные монументальные здания из дерева. В современной Армении я не видел лесов. В Лори и на юге, на склонах Кавказских гор, имеется кустарник, но нет настоящих крупных деревьев. Генрих Гюбшман приводит место из Фавстоса Бузанда, согласно которому Хосров приказал своему полководцу Ваче насадить леса в области Айрарат, “начиная от укрепленного царского замка Гарни и вниз, к долине Мецамора, до холма под названием Двин к северу от большого города Арташата, вниз по течению реки до замка Тикнуни”[6]. Мы ехали как раз по этой местности, и особенно в Гарни я не раз задумывался о бывших

[1] См. ***Павлуцкий Григорий***, Деревянные и каменные храмы – Древности Украины, выпуск I, издание Императорского Московского Археологического общества, Киев, 1905.

[2] Там же, стр. 4.

[3] См. ***Ernest Binfield Havell,*** Indian Architecture, London 1913 (стр. 160, в особенности таблица XIX). Ср. ***Fergusson James***, History of Indian and Eastern Architecture. Vol. I, London,1910 (стр. 314), а также ***Diez Ernst***, Die Kunst der islamischen Völker, Berlin, 1915 (стр. 160, рис. 209).

[4] В принципе подобного же способа в своих проектах придерживался и Леонардо да Винчи. Но Леонардо не имел в виду сооружение какого-либо определенного назначения (в данном случае – церкви, как места для собраний) и преследовал только геометрические идеи. К подобному выводу можно, вероятно, прийти и относительно многоячеистых украинских купольных церквей, которые, возможно, возникли не из самой церковной архитектуры, а на другой почве, например – из строительства жилищ, которые не служат местом для собраний. Обо всем этом поговорим далее.

[5] Ср. снимки Суслова (см. ***Суслов В.В.***, Памятники древнего русского зодчества. Т. 1–2, издание Императорской Академии художеств, С.-Петербург, 1895–1899), весьма полезные также при изучении великорусского деревянного зодчества. Прим. ред.: Суслов Владимир Васильевич (1857–1921) – русский архитектор, реставратор и археолог, исследователь русского зодчества, академик архитектуры.

[6] ***Hübschmann Heinrich***, Die altarmenischen Ortsnamen – Indogermanische Forschungen, XVI, Straßburg, 1904 (стр. 281). Кроме того, см. ***Мовсес Хоренаци,*** История Армении (глава II, 41) и ***Lauer Martin***, Des Moses von Chorene Geschichte Groß-Armeniens, Regensburg, 1869 (стр. 102).

лесонасаждениях в горах. Упомянутое место у Фавстоса Бузанда[1] показывает в этом отношении только то, что уже тогда не имелось лесов для добычи строительного леса, тем более, что в приказе Хосрова говорится только об орешнике и насаждениях для целей охоты. По краям Армянского нагорья когда-то, вероятно, произрастал лес (там и в настоящее время растет виноградная лоза). Однако возникает вопрос: могли ли эти насаждения иметь значение для добычи лесоматериалов в христианскую эпоху?

Все же необходимо упомянуть некоторые тексты, в которых армянские летописцы говорят о возведении в Тифлисе деревянных построек. Так, например, Товма Арцруни по случаю осады города Бога в 853 году пишет: “Этот город был построен из кипарисового леса, как и городские стены, дворцы и жилые дома со всем их оборудованием” (***Товма Арцруни***, История дома Арцруни: III, 9)[2]. Акоп Топчян, который сравнивал другие источники, указывает, что все дома там были построены из сосны и ели[3]. Эти сведения относятся к низовьям Грузии и Куры и не имеют отношения к Армянскому нагорью. Когда Топчян говорит о непроходимых лесах и упоминает о рощах Хосровакерта в 641 году и о существовании девственных лесов в провинции Сюник (Сисакан) к юго-востоку от озера Севан[4], которые в настоящее время называются Карабах (Черный лес)[5] и т. д., то эти сведения о настоящих лесах едва ли относятся к центральной части страны у подножий Арагаца и Арарата.

Этим возражением против предположения о том, что армянская церковная архитектура возникла первоначально из деревянного строительства, мы не хотим, конечно, сказать, что дерево вообще не применялось. Лесной материал находил применение во все времена, например, для изготовления дверей[6]. Степанос Таронеци говорит, что Смбат защитил город Ани “обитыми железом, отлично скрепленными воротами из кедрового дерева” (***Степанос Таронеци***, Всеобщая история: III, 11)[7]. Агатангелос также знает о применении кедрового дерева в качестве строительного материала, но, по-моему, высказывания обоих историков имеют сугубо риторический смысл. Во всяком случае, в Грузии имелось тогда достаточное количество строительного леса, и понятно, что сначала там строились деревянные церкви – как,

---

[1] См. ***Émine Jean-Baptiste***, Faustus de Byzance, Bibliothèque historique en quatre livres – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l’Arménie, T. I, Paris, 1867 (стр. 216).

[2] См. ***Brosset Marie-Félicité***, Histoire des Ardzrouni par le Vartabied Thoma Ardzrouni – Collection d’historiens arméniens, T. I, St.-Pétersbourg, 1874 (стр. 141).

[3] См. ***Thopdschian Hakob***, Politische und Kirchengeschichte Armeniens unter Ašot I. und Smbat I. – Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen, Berlin, 1905, II Abteilung (стр. 127).

[4] См. ***Thopdschian Hakob***, Armenien vor und während der Araberzeit – Հանդէս հայագիտութեան. Zeitschrift für armenische Philologie, Zweiter Band, Marburg (Hessen), 1904 (стр. 50 и 62). О сосновых лесах см. также ***Моисес Хоренаци***, История Армении (глава II, 49) и ***Lauer Martin***, Des Moses von Chorene Geschichte Groß-Armeniens, Regensburg, 1869 (стр. 109).

[5] См. ***Ter-Mowsesjanz Parsadan***, Das armenische Bauernhaus – Mittheilungen Anthropologischen Gesellschaft in Wien, Band XXII (Der neuen Folge – Band XII), Wien, 1892 (стр. 128).

[6] Сохранившиеся грузинские примеры см. ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 131).

[7] См. ***Gelzer Heinrich*** *und* ***Burckhardt Augus***t, Des Stephanos von Taron armenische Geschichte, Leipzig, 1907 (стр. 138).

например, первая церковь в Мцхете[1]. В качестве примера я привожу снимок дверей церкви села Мгвиме, надписи на которой были опубликованы Броссе[2]. Мы видим оба створа в прямоугольной раме с крестообразными брусками, при четырех филенках. Преобладает ленточный орнамент из нескольких полос, сопровождаемый в филенках каймой из кнопок и украшенный простыми цепочками. О виде и происхождении этих орнаментов подробно говорится в моем труде “Алтай-Иран…”[3]. Возможно, что в Армении и Грузии арийская традиция проявляется в предпочтении орнамента из ленточного плетения. Говорят, что такого рода деревянная дверь сохранилась и в церкви Карапета в Муше (Тарон). Надпись опубликована в армянской газете “Բիւզանդիոն” (“Бюзандион”) в 1908 году. Упоминается о двух мастерах: Сааке и Киракосе. Дверь более позднего периода имеется в монастыре Севан, о ней сообщает Алишан[4].

Хотя я не убежден в возможности непосредственной связи древних христианских купольных церквей Армении с деревянным строительством, я все же не исключаю возможности косвенной связи. Путь, по которому мы должны идти, придерживаясь стертых следов для обоснования такого предположения, длинный. Чтобы с самого начала привлечь внимание читателей к этому вопрос, скажу следующее: первые импульсы я вижу в арийских деревянных строениях, из которых развилось иранское жилище из кирпича-сырца, которое, в свою очередь, перейдя в церковную архитектуру Армении, отделилось, стало свободно развиваться, нарастая и укрепляясь таким образом, что, в конце концов, привело к типу, который мы имеем в Мастаре. Такое происхождение армянской купольной архитектуры из арийской деревянной архитектуры подтверждается, как мне кажется, благодаря трем признакам: во-первых, квадратной формой основания, затем – первоначальной установкой свода над углами и, в-третьих, часто встречающейся подковообразной аркой. Я проанализирую эти признаки, поскольку уже теперь можно привести соответствующие примеры, и обобщу результаты ниже, отдельной главой, в исторической части настоящего исследования.

Р а б о т ы в к а м н е. У Фавстоса Бузанда (История Армении: V, 4)[5] в одном месте говорится о войне Шапура II против Папа (369–374), и о том, как союзник персов Урнайр предлагает своим войскам стараться брать греков в плен, а не убивать их, чтобы показать их связанными на триумфальном шествии. Затем он говорит: “…мы их заставим работать в качестве ремесленников и каменщиков при постройке наших городских дворцов”. Из этого, с точки зрения истории искусств довольно мало значащего места, относящегося к 370 году, Ривойра делает довольно смелый

[1] См. ***Гримм Д.И.***, Памятники христианской архитектуры в Грузии и Армении, С.-Петербург, 1866, стр. 4.

[2] См. ***Brosset Marie-Félicité***, Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l’Arménie: exécuté en 1847–1848 (avec un atlas de 45 planches lithographies), St.-Pétersbourg, [1849]-1851 (Атлас, таблица XII, стр. 88).

[3] См. ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917.

[4] См. ***Ալիշան Ղեւոնդ***, Սիսական, Վենետիկ, 1893 (***Алишан Гевонд***, Сисакан, Венеция, 1893, стр. 83–84).

[5] См. ***Émine Jean-Baptiste***, Faustus de Byzance, Bibliothèque historique en quatre livres – ***Langlois Victor***, Collection des historiens anciens et modernes de l’Arménie, T. I, Paris, 1867 (стр. 281).

вывод о том, что греки были мастерами, а армяне – провинциальными строителями, не сто́ящими упоминания[1]. Как будто в указанном месте речь идет о способностях к строительству и о строителях, а не о том, чтобы приобрести толковых чернорабочих[2]. Тот факт, что в этом месте не упоминается об армянах, Ривойра связывает с одним из высказываний Мовсеса Хоренаци о том, что искусство и наука возникли в Армении между 78 и 120 гг. н. э, чем Ривойра хочет подтвердить свое предположение, что армяне в IV веке еще были варварами. Не следует думать, что, например, храм в Гарни был построен армянами. Мы надеемся, что вряд ли кто-нибудь поверит этому. Однако во второй половине первого тысячелетия именно армяне, имевшие выход к Средиземному морю через Коммагену, так же, как и ломбардцы, славились в качестве искусных строителей. Они и в настоящее время пользуются большой известностью от Малой Азии до Константинополя своим умением производить кладку сводов. Священник Григор, д-р Каламкар, рассказывал мне, что своды хаммамов (бань) строились там преимущественно армянами. Район Эрзерума снабжает, по-видимому, всю Турцию рабочими этой специальности. Это соответствует тому, что говорит Страбон (XVI, I–24) о провинции между озерами Урмия и Ван: "…καίπερ ἔδοξαν οἱ Γορδυαῖοι διαφερόντως ἀρχιτεκτονικοί τινες εἶναι καὶ πολιορκητικῶν ὀργάνων ἔμπειροι. διόπερ αὐτοῖς εἰς ταῦτα ὁ Τιγράνης ἐχρῆτο"[3]. Поэтому непонятно, как могут раздаваться голоса в защиту мнения о том, будто бы из некоторых текстов армянских летописцев можно прийти к выводу о позднем возникновении строительства из каменной кладки и бетона. Так, например, приводится несколько мест из писем Иоанна Католикоса, о котором много раз говорилось, что в области искусства он не заслуживает доверия: "Католикос Эзр разобрал церковь Св. Гаяне, которая до этого была построена без украшений и имела темный цвет, и построил ее заново красиво из тёсаного камня на извести. Перед церковью он построил жилище для священников, предназначенных для обслуживания освященного алтаря. Это было началом строительства церковных домов, чего до этого в Армении не было". В другом месте он говорит о втором соборе в Двине 606–607 гг.: "И он (Смбат Багратуни) основал святую церковь, построив ее из тёсаных камней, соединив их раствором с правильной перевязкой. Перед тем она была построена Св. Варданом из кирпича и дерева"[4]. Оба сведения весьма мало достойны доверия; даже грек или сириец вряд ли могли бы дать более превратные сведения о возрасте купольной архитектуры. Иоанн Католикос жил с 899 по 931 гг.[5], а Эзр был като-

[1] См. ***Rivoira Giovanni Teresio***, Architettura musulmana, Milano, 1914 (стр. 203).

[2] В соответствии с этим надо было бы считать производителей работ ответственными за образование исламского смешанного стиля в Иране. См. Der Islam: Zeitschrift für Geschichte und Kultur des islamischen Orients, Straßburg, 1910, Band I (стр. 60 и далее).

[3] Прим. ред.: в книге Стржиговского текст Страбона приведен в оригинале, без перевода на немецкий язык. На русском языке этот отрывок звучит так: "…невзирая на то, что гордиеи *(прим. ред.: гордуеи, гордиены или кардухи)* считались замечательно искусными строителями укреплений и опытными мастерами осадных машин, почему они и выполняли эти работы у Тиграна" (***Страбон***, География, Москва, "Наука", 1964, книга XVI, 1–24, стр. 693, перевод Г.А. Стратановского).

[4] См. Պատմագրութիւն Յովհաննու Կաթողիկոսի ամենայն Հայոց, Յերուսաղէմ, 1843 ("История" Католикоса всех армян Иоанна, Иерусалим, 1843, стр. 71).

[5] Прим. ред.: Стржиговский ошибается. Согласно новейшим исследованиям, Иоанн Католикос, он же – Ованес V (или VI) Драсханакертци, родился около 845 года и умер, вероятнее всего, в 931 году. На патриарший престол Армении он взошел в 897 году и оставался на нем до самой смерти.

ликосом с 630 по 641 гг. Следовательно, между периодом постройки и сообщением Иоанна прошло приблизительно 300 лет. В течение этого времени могли сложиться разные легенды, затемняющие до настоящего времени представление об эволюции армянской церковной архитектуры. Характерно то, как свидетель того времени Себеос описывает постройку нового собора в Двине: Смбат Багратуни собрал "каменных дел мастеров" и в 606–607 гг. заново построил церковь из камней с самого основания.

Может быть, поводом к существующей неуверенности, несмотря на указанное выше свидетельство, послужил не камень, а бетонное ядро, применение которого, возможно, началось не в самой Армении. В дохристианскую эпоху Армения, по-видимому, знала только чисто каменные постройки[1]. Следы таковых еще сохранились в некоторых христианских постройках – например, в грузинском монастыре Гелати. В 1889 году в церкви этого монастыря я измерял квадры, напоминающие подобные квадры в Баальбеке (длиной от 19,21 м до 21 м, шириной от 4 м до 4,26 м и толщиной от 4 м до 4,60 м)[2]. Также в самой Армении я находил в Карнуте камни длиной 2,38 м и высотой 1,02 м, причем я не смог выявить, имеем ли мы в этом случае дело с плитами или с квадрами. Во всяком случае, это исключение. Ниже мы выскажемся по этому поводу подробнее. Облицовочные плиты, как показывают все иллюстрации, обычно имеют размеры среднего квадра, причем кладка его велась так чисто, что легко могло возникнуть заблуждение, будто все армянские церкви строились из обыкновенной каменной кладки. Может быть, роль тут играла и другая причина.

Б е т о н. Ограничить свое внимание только камнетесными работами означает быть несправедливыми по отношению к армянской архитектуре. Как уже было сказано, всюду в Армении ядро стен состоит из бетонного заполнения. Сколь разнообразно ни применялся бетон в Малой Азии[3] и Персии[4] (в Мшатте и Хатре[5]) и других местах, все же армянский способ применения бетона кажется настолько осознанно национальным, что приходится, по крайней мере, признать, что чрезвычайно благоприятные условия вулканической почвы способствовали поразительному развитию этого метода строительства, перенятого в христианский период. Ни римский храм в Гарни, ни халдейские постройки[6] – как, например, развалины в Дашбуруне, у северного подножия Арарата[7], не показывают применения бетона. Удивительно, что эта

[1] Ср. ***Lehmann-Haupt Ferdinand Friedrich Carl***, Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens, Berlin, 1907.

[2] Ср. ***Frauberger Heinrich***, Die Akropolis von Baalbek, Frankfurt am Main, 1892 (стр. 6).

[3] Иллюстрации см. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903.

[4] См. ***Dieulafoy Marcel***, L'art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть IV).

[5] См. ***Strzygowski Josef***, Mschatta. Festschrift zur Eroffnung des Kaiser Friedrich-Museums – Jahrbuch der königlich-preußischen Kunstsammlungen, XXV, Berlin, 1904 (стр. 206 и далее) и ***Andrae Ernst Walter***, Hatra. Nach Aufnahmen von Mitgliedern der Assur-Expedition der Deutschen Orient-Gesellschaft. In zwei Teilbänden, Leipzig, 1908–1912.

[6] См. ***Lehmann-Haupt Ferdinand Friedrich Carl***, Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens, Berlin, 1907 (стр. 72).

[7] См. ***Ивановский А.А.***, По Закавказью. Археологические наблюдения и исследования 1893, 1894 и 1896 гг. – Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического общества, снаряженными на Высочайше дарованные средства, выпуск 6, Москва, 1911 (стр. 37 и далее).

техника не нашла общего применения в стране. Армянин строил таким способом только свои церкви и дворцы и, начиная со времен Ксенофонта до настоящего времени, строит свой дом из бутовой кладки на глине (смешанной с соломой). Он применяет известь лишь в самых редких случаях[1].

Если проследить происхождение армянского бетонного строительства в связи с другими странами, то необходимо прежде всего указать на то, что "opus caementicium"[2] имеет совершенно другой характер. Ривойра считает, что конструкция стен у армян имеет римское происхождение[3].

Шуази как-то сказал, что если лишить римский бетонный свод кирпичных швов, то он окажется однородным массивом, состоящим из гравия и раствора в виде чистой и простой затвердевшей массы. Это одно из тех примитивных, но искусных сооружений, не требующих особого расчета и обладающих громадной мощностью, это – пассивный инструмент могучей воли. Этой грубой системе он противоставляет греко-византийский способ возведения сводов, при котором все основано на расчете и мысли[4]. Спрашивается: какое место занимает армянская архитектура среди этих двух единственно принятых во внимание Шуази в 1883 году великих держав в области архитектуры?

Армянский свод, как и римский, состоит из бетона, однако он, в отличие от последнего, не нуждается в кирпичном каркасе. Означает ли это, что армянскую архитектуру надо оценивать ниже, чем римскую? Но, во-первых, армянская архитектура уже тем отличается от римской, что в ней отсутствует (по крайней мере, когда речь идет о древнехристианской эпохе) какая-либо прочная опора или каркас, хотя бы в системе ребер. Ниже мы увидим, что церковные притворы, подготавливая путь для готики, строились с каменными ребрами, опирающимися на пучковые пилоны, которые служили в качестве несущего каркаса из бетона. Однако для первого тысячелетия остается характерным то, что обнаруживается на рис. 1 (I): армянское сооружение стоит, как монолитная отливка. Как это могло осуществляться, пусть решат техники. У меня такое впечатление, что каменная облицовка являлась одновременно опалубкой, дающей возможность бетонирования. Конечно, при возведении свода эта облицовка сама нуждалась в кружалах. Следовательно, версия о том, что в Армении умели строить своды без кружал, отпадает. С другой стороны, было достигнуто то, к чему современное строительство пришло уже при помощи железа и цемента, а именно – строительство, независимое от условий работ с мелкими элементами. Бетонное ядро дает "конструкцию", а облицовка из плит "архитектуру"[5]. Как обычно принято различать их в немецком языке, первое – это ядро стены (Mauerkern), второе – облицовка (Verblendung). В армянской архитектуре, однако, для того, чтобы создать конструкцию, необходима облицовка. Случай с флорентийскими церквями, которые

---

[1] См. ***Ter-Mowsesjanz Parsadan***, Das armenische Bauernhaus – Mittheilungen Anthropologischen Gesellschaft in Wien, Band XXII (Der neuen Folge – Band XII), Wien, 1892 (стр. 143) и ***Polak Jakob Eduard***, Persien: das Land und seine Bewohner, Leipzig, 1865 (стр. 53).

[2] Прим. ред.: "римский бетон".

[3] См. ***Rivoira Giovanni Teresio***, Architettura musulmana, Milano, 1914 (стр. 238). Ср. в связи с этим также ***Strzygowski Josef***, Vergleichende Kunstforschung auf geographischer Grundlage – Mitteilungen der kaiserlich-königlichen Geographischen Gesellschaft, LXI, Wien, 1918 (стр. 35).

[4] См. ***Choisy Auguste***, L'art de bâtir chez les Byzantins, Paris, 1883 (стр. 4 и далее).

[5] См., например, ***Choisy Auguste***, L'art de bâtir chez les Romains, Paris, 1873 (стр. 2).

с открытым ядром стен сотни лет ожидали своей облицовки, а отчасти ждут и сегодня, в Армении невозможен. В этом заключается целостная, значительная и здоровая строительная мысль. На рис. 399 (II) показан поздний пример из монастыря Амагу. Обратите внимание на декоративную плиту, выступающую из гладкой стены, и использование арки в качестве опалубки для бетона.

Откуда у армян появилась бетонная стена? Создали ли они ее сами в период введения христианства около 300 года? Проникла ли она извне вместе с основной формой, определяющей христианские церкви – куполом над квадратом или церквями продольного типа? К сожалению, армянские писатели (впрочем, как и Витрувий и Плиний), часто упоминая о бетоне, дают мало точных сведений по этому вопросу. Мы в этом случае, как и в случае с Римом, располагаем только тем, о чем говорят сами памятники. Природа страны дает здесь некоторые объяснения, пока же приходится пользоваться практическим опытом, вытекающим из наблюдений. Шуази оставляет открытым вопрос о том, где был изобретен бетон. Однако он не сомневается, что именно римляне впервые использовали его для своего монументального строительства[1]. Но совершенно иной характер армянского бетона все же требует осторожного подхода при решении этого вопроса. Нет ли третьего и общего исходного пункта? Прежде всего я вижу, что армянский бетон не применялся по римскому образцу. Он больше приближается к способу Передней Азии в том отношении, что укладывается в качестве заполнения, без кирпичных ребер между рядами из камней. Но все-таки, по сравнению с Малой Азией, Хатрой и т. д., существует и значительное различие. Мне в этих странах неизвестна ни одна постройка, которая не обрушилась бы после того как отвалились все камни. Там главную роль всегда играет камень при сравнительно тонком заполнении. В Армении же бетонное заполнение настолько толстое, а облицовка из плит относительно тонка, что основным элементом является именно бетон. В Армении приходится считаться с совершенно другой толщиной стен, чем на Западе и на Юге. Это является особенностью проникших с Востока в Армению купольных построек по той простой причине, что там эти постройки первоначально сооружались из сырца и, тем не менее, должны были выдерживать нагрузку купола. Впрочем, бетонные постройки имеются также на родине армянской княжеской династии Аршакидов, по ту сторону Каспийского моря. Я такую постройку привожу на рис. 410 (II). Здесь мне бы хотелось сослаться лишь на то, что Китайский Туркестан, по крайней мере, знает отлитые в гипсе сооружения таких размеров, которые вызывают удивление всякого европейца[2]. Целые стены покрыты мощными скульптурными группами. Из этого можно заключить, что бетон там, как и в Хорасане, не был чем-то неизвестным, хотя при этом нельзя предполагать, что он мог проникнуть сюда из Рима. В связи с этим укажу еще на одну конструкцию, обнаруженную Марком Аурелем Стейном[3] в Хотане, которая состоит из деревянных рам, заполненных глиной и применявшихся не

[1] О подобном предположении в отношении купольной архитектуры см. там же (стр. 12).

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Zentralasien als Forschungsgebiet – Österreichische Monatsschrift für den Orient, Wien, 1914, XL, № 3–6 (стр. 74 и далее) и ***Strzygowski Josef***, Die sasanidische Kirche und ihre Ausstattung – Monatshefte für Kunstwissenschaft, Band VIII, Leipzig, 1915.

[3] Прим. ред.: Стейн Марк Аурель (1862–1943) – венгерский путешественник и этнограф, внесший большой вклад в исследование Восточного Туркестана.

для строительства скромных хижин, а для возведения храмов, стены которых были украшены скульптурой и живописью[1]. Это показывает, как в Центральной Азии умели обходиться без кирпича и камня.

Армяне создали такую бетонную конструкцию для своих церквей, в которой дерево применялось лишь для выравнивания каменной облицовки. Подобная конструкция не подвергалась таким опасностям, как западные базилики. В то время как на Западе только после 1000 года стали искать способы защиты от пожаров, а в связи с этим – обращать внимание на своды, армяне, по-видимому, с самого начала обеспечивали для своих построек пожарную безопасность. Этим и объясняется такое количество сохранившихся до нашего времени построек VII века.

Своды, толщина стен, каменная облицовка и бетон тесно связаны между собой. Я приведу слова Генриха Глюка: “Бетон, во всяком случае, возник и распространился в странах, богатых камнем и применяющих своды. Большая толщина стен была обусловлена сводом”[2]. При применении легкого деревянного перекрытия достаточно было возвести стену толщиной с тёсаный камень, как это имело место у эллинских и эллинистических построек, где укладывались максимум два ряда квадров, которые при помощи системы ложков и тычков соединялись в одно целое. Однако значительная толщина стен при применении сводчатого покрытия делала бесцельным проведение кропотливой тёсаной кладки также изнутри.

При обсуждении вопроса об истоках возникновения бетонной конструкции в Армении, из соседних с ней стран приходится исключить прежде всего Сирию, так как там доминировала чисто тёсаная кладка без сводов (Центральная Сирия, Хауран), исключая случаи, когда в отдельных памятниках проявлялись чуждые художественные течения. Месопотамскую равнину также не приходится непосредственно принимать во внимание. Там стены, несущие громадные своды (Ктесифон) воздвигались из кирпича и раствора и были плодом тысячелетней традиции. Интересно проследить, какой характер принимало это искусство при своем локальном распространении в районах с глинистой почвой, где при сохранении своего основного элемента (свода) оно вынуждено было пользоваться другим материалом (кирпичом). При проникновении свода в Персию (Курдистан) вместо кирпича применялся бут на растворе, так что стены сасанидских дворцов (Сарвистан, Фирузабад)[3] или христианских церквей (Киркук), расположенных в горной части Персии[4], возводились способом, близким к бетону (как этого требовал сам материал), но с применением другой техники. Стены *строились* как кирпичные, но не *заливались*. Это объясняется отсутствием откосных стенок в облицовке, хотя наружные камни при этом не были лишены раствора. Несмотря на то, что они были относительно гладкими, а швы в кладке – более или менее правильными, камни эти все же не были тёсаными. Облицовка наподобие кирпичной кладки в основном кладется на готовую стену (штукатурка).

---

[1] Ср. ***Stein Marc Aurel***, Ancient Khotan, Oxford, 1907 (стр. 246, а также Атлас, таблица III и далее).

[2] В некоторых случаях бетон применялся и тогда, когда свод отсутствовал, но толщина стен была необходима – например, в крепостных сооружениях или античных крепостях стран Средиземноморья.

[3] См. ***Dieulafoy Marcel***, L’art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть IV).

[4] См. ***Bell Gertrude***, Churches and monasteries of the Tûr’Abdin and neighbouring districts – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, IX, Heidelberg, 1913 (стр. 100 и далее).

Однако там, где переход к другому материалу происходит под влиянием античной архитектуры, дела обстоят иначе. Одним из самых характерных примеров является Хатра. Этот населенный пункт расположен в конце скалистого отрога, наиболее выступающего в равнину из персидских горных цепей. Он находится в том месте, где сравнительно легко может быть осуществлена связь с культурой Средиземного моря через северо-месопотамские города. В Хатре месопотамский кирпич заменен камнем, причем здесь свое применение нашла и античная тёсаная кладка. Если посмотреть на ворота, ведущие из переднего двора в северный двор, и на орнаменты входных перемычек и капителей[1], то станет ясно, насколько сильным тут было влияние античной архитектуры. Мощные цилиндрические своды айвана имеют местное, месопотамское происхождение, но они переведены в камень, доставленный со склонов персидского нагорья. Влияние этих трех культур осуществлялось одновременно. И каждая из них при воздвижении стен вносила свою долю: Месопотамия – необходимость усиления стен для несения сводов и принцип облицовки стен, богатая камнем персидская сторона – возможность возводить ядро стен из бута и раствора, а античная архитектура – квадры, служившие облицовкой и, вместе с тем, опалубкой для бетонного ядра.

Подобные рассуждения уместны и применительны ко всем восточным и северным, т. е. эллинизированным районам в пределах окаймляющих месопотамскую равнину горных цепей, т. е. везде, где равнина переходит в горы и где применяются своды. В особенности это касается Северной Месопотамии, где равнинная делювиальная почва (глина, кирпич) постепенно вытесняется горами, и где более широкая область, раскинувшаяся от Таврских гор до Малой Азии, в первые столетия христианства под возрастающим влиянием Востока на эллинизм становится местом распространения этого вида строительства.

Географические и природные условия Армении создали все необходимые предпосылки для того, чтобы именно она представила технику возведения стен в наиболее чистом виде.

Уже в древние эпохи мы можем наблюдать такие переходы от одного материала к другому. Так, например, для облицовки кирпичных платформ в Хорсабаде и в Куюнджике[2] глиняные плитки на равнинных сооружениях заменили тёсаным камнем. В отношении применения квадров на Древнем Востоке мы здесь укажем на одну деталь, которая в ранний христианский период еще проявлялась и в постройках Армении, а именно – на применение крупных каменных блоков, превышающих обыкновенные размеры, в особенности в нижних рядах и в цоколе. В греческих храмах эти блоки назывались “ортостатами”. По-видимому, тут играет роль традиционное отделение каменного цоколя от верхней кирпичной части доисторических построек (Троя), где камни предназначались для защиты более легкой и менее устойчивой кирпичной кладки от действия грунтовой влаги. Однако эти квадры намного меньше, чем блоки древневосточных построек, строители которых, видимо, руководствовались чисто практическими соображениями: возможностью лучше

[1] См. ***Andrae Ernst Walter***, Hatra. Nach Aufnahmen von Mitgliedern der Assur-Expedition der Deutschen Orient-Gesellschaft. In zwei Teilbänden, Leipzig, 1908–1912, том I (таблица XI) и том II (рис. 22, 46 и 256).

[2] См. ***Dieulafoy Marcel***, L’art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть IV, стр. 9).

использовать материал, ограничить работы по теске и повторной пригонке камней, а также по перевозке и укладке бесформенных глыб. Применение таких гигантских квадров давало большие преимущества при возведении мощных цоколей храмов и дворцов (Тахте-Солейман, Стена плача в Иерусалиме и т. д.), так как при этом получались большие щековые стены. Наряду с террасовыми постройками эллинизм на Востоке стал применять гигантские квадры, доводя их в отдельных случаях (Баальбек) до чрезвычайных размеров[1].

О б л и ц о в к а. При облицовке бетона плитами армянская архитектура располагает техникой, в корне отличающейся от всего, что нам известно в этой области на Западе. Так что здесь необходимо рассмотреть до сих пор еще не собранные примеры из истории облицовки. Армянский способ, по-видимому, имеет более древнее происхождение, чем известный египетско-греческий способ. Я приведу некоторые основные данные, чтобы не было сомнения в том, что армянская облицовка стен в принципе и прежде всего развивалась в направлении среднеазиатского искусства.

Как известно, вавилонско-ассирийская архитектура пользовалась облицовкой в самых широких масштабах. Все алебастровые барельефы из Ниневии в Британском музее своим происхождением обязаны такой облицовке стен, причем эти плиты с барельефами ставились рядами, друг над другом. Такая облицовка применялась также у египтян. Наиболее яркий пример облицовки цветным кафелем находим в склепе фараона Джосера в ступенчатой пирамиде Саккары[2]. В эллинический период облицовка стен цветными мраморными плитами нашла широкое применение во дворцах, так что подражание такого рода отделке в Помпеях уже можно определить как первый достойный упоминания способ “инкрустационного стиля”. Этот вид переходит затем в христианскую церковную архитектуру. С такой роскошной отделкой армянская архитектура ничего общего не имеет. Она, скорее всего, соответствует домам и дворцам, обнаруженным в парфянской Хатре в эпоху Сасанидов, которые почти все показывают следы штукатурки на стенах[3]. Судя по находкам в Турфане и Хотане, более чем вероятно, что такое покрытие стен штукатурным декором стало национальной традицией уже в парфянскую эпоху – так же, как в наше время принято покрывать стены материями или обоями. Под влиянием Эллады, Индии и Китая по ту сторону Памира вместо геометрических рисунков стали применять изображения человеческих фигур. Наглядное представление о том, как выглядели рисунки парфянской облицовки стен, дает Варка[4]. Об архитектурных формах, примененных при этом, я буду говорить позже. Здесь я укажу только на то, что примененный там вид клинообразного кирпича можно обнаружить на Балканах вплоть до позднего средневековья. Глазированные черепки и розетки в Месембрии,

[1] По поводу этих мыслей см. ***Diez Ernst***, Die Kunst der islamischen Völker, Berlin, 1915 (стр. VIII). С подобными размышлениями не согласуется приведенная далее (стр. X) теория развития Рихарда Дельбрюка, обоснованная им в работе “Эллинистические постройки в Лациуме” (см. ***Delbrueck Richard***, Hellenistische Bauten in Latium, Band II, Straßburg, 1907, стр. 94).

[2] См. ***Maspero Gaston***, Geschichte der Kunst in Ägypten, Stuttgart, 1913 (стр. 92 и далее).

[3] Ср. ***Andrae Ernst Walter***, Hatra. Nach Aufnahmen von Mitgliedern der Assur-Expedition der Deutschen Orient-Gesellschaft. In zwei Teilbänden, Leipzig, 1908–1912; Mission scientifique en Perse par Jacques de Morgan, Paris, 1895–1904 (том IV, часть I, стр. 371 и далее).

[4] См. ***Dieulafoy Marcel***, L’art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть V, стр.29 и далее).

например, безусловно относятся к традиции, ярким образцом которой является Варка[1]. Армянский способ облицовки имеет параллели в исламской архитектуре. Но последняя лучше сохранила свои богатые рисунки, чем армянская, всецело направленная на само строительство, потому что при облицовке стен штукатуркой исламская архитектура имела лишь декоративные цели – традиция, которая восходит к Алтай-Ирану[2].

в) Купол

Рассмотрев ступенчатые основания и стены, мы теперь переходим к вопросу о происхождении армянского купола. Каталог типов подводит к некоторым весьма важным выводам, которые могут служить для нас исходными пунктами. Во-первых, отметим, что мы не можем доказать, что в Армении имелись чистые круглые постройки и постройки с более чем четырьмя свободно стоящими средними опорами. Во-вторых, мы видим, что в Армении преобладающим архитектурным типом является купол над квадратом, а наряду с ним – чистая конховая форма с четырьмя, шестью и восемью скрытыми средними опорами. Это, может быть, послужит ключом для исследования происхождения всей группы.

К у п о л н а д к р у г о м и в о с ь м и у г о л ь н ы м о с н о в а н и е м. Купол в общем смысле представляет собой полусферический свод-оболочку, перекрывающий пространство между вертикальными стенами[3]. Можно было бы думать, что исходной точкой для применения полусферических сводов-оболочек должна служить постройка круглой формы, т. е. расположенные по кругу стены, требующие также круглого покрытия. Но поскольку в Армении, как было доказано, круглые постройки не сооружались, то здесь приходится искать другие предпосылки для выяснения этого вопроса. Имеются различные исходные точки, могущие выявить происхождение купольной архитектуры. Обращая главное внимание на греко-римское искусство и его христианское продолжение, мы всегда направляем наш взор только в одном направлении[4]. Новейшие исследования фактически обнаружили

---

[1] Ср. ***Gurlitt Cornelius***, Alte Bauten in Bulgarien, Berlin, 1916.

[2] Ср. ***Herzfeld Ernst Emil***, Erster vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen von Samarra (Berlin, 1912), а также ***Strzygowski Josef***, Die sasanidische Kirche und ihre Ausstattung – Monatshefte für Kunstwissenschaft, Band VIII, Leipzig, 1915 (стр. 360) и ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 95).

[3] Другим видом является сегментный купол, т. е. монастырский или крестовый свод, где каждая стена направлена к середине. На Западе этот свод преобладал в течение всех Средних веков. В Армении он встречается над жаматуном в качестве опоры открытой колокольни, как показано на рис. 274 (II). Я привожу пример такого купола из церкви Св. Григора в Кечарисе (II, рис. 400), план которой представлен на рис. 280 (II). Видны несущие арки, выступающие паруса и основания восьми сегментных сводов. Относительно надписей на арках см. ***Լալայեան Երուանդ***, Նոր-Բայազէտի գաւառ. Նշանաւոր վանքեր. Կեչառիս – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1912, գիրք XXII, № 1 (***Лалаян Ерванд***, Ново-Баязетский уезд. Знаменитые монастыри: Кечарис – Этнографический журнал, Тифлис, 1912, книга XXII, № 1, стр. 101–112) и ***Լալայեան Երուանդ***, Նոր-Բայազէտի գաւառ. Նշանաւոր վանքեր – Ազգագրական հանդէս, Թիֆլիս, 1912, գիրք XXIII, № 2 (***Лалаян Ерванд***, Ново-Баязетский уезд. Знаменитые монастыри – Этнографический журнал, Тифлис, 1912, книга XXIII, № 2, стр. 125–148). Одна из надписей слева начинается так: “Я, Иоанн… дал Св. Григору ради спасения наших душ…”. Наличие подобного купола можно предположить в Оромосе над жаматуном (II, рис. 270).

[4] См. ***Altmann Walter***, Die italischen Rundbauten. Eine archäologische Studie, Berlin, 1906.

весьма древнее развитие купольной архитектуры, исходящей из микенской эпохи, которая господствовала также в районе Средиземного моря, пока там не утвердился тип со щипцовой кровлей. Для исследователя искусства весьма важен тот факт, что эта доисторическая купольная архитектура также пришла с Востока[1]. Возможно, отсюда и развилось то явление, которое привело к Пантеону. Однако наша задача состоит не в этом.

Армянская форма не исходит из построек типа Пантеона, т. е. никогда не ставит купол так, чтобы его круг покрывал круг основания, а опирает круглый купол на квадрат или на опоры, расположенные радиально или по осям. Несмотря на такую тенденцию переносить нагрузку от купола на внутренние опоры, в Армении никогда не встречается та форма купольной архитектуры со средними опорами, которая может считаться общепринятой в христианскую эпоху в Сирии, Малой Азии, Константинополе, Италии и прочих странах Запада, а именно – форма с восьмиугольным основанием, вернее – круглое строение с восемью свободно стоящими средними опорами. Октогон Константина в Антиохии явился детищем христианства в Средиземноморье, а базилика Сан-Витале в Равенне является, по-видимому, подражанием данной постройке[2]. Тем более странно, что этот тип не встречается в Армении. Если имеются четыре, шесть или восемь опор, то они выступают к середине в виде стенных пилонов между упорными нишами, т. е. остаются частью ограждающих стен и никогда не стоят свободно[3]. С другой стороны, в армянском церковном зодчестве применяется форма, которая в рамках древнехристианского искусства встречается только как сугубо армянское явление с уклоном в сторону Ирана, а именно – форма с четырьмя свободно стоящими средними опорами. Из всего этого вытекает, что армянская купольная архитектура ничего общего не имеет с прочими христианскими архитектурными течениями, а либо является совершенно самобытной, либо находится в сфере искусства, лежащего в неизученной до сих пор области христианского искусства.

К у п о л н а д к в а д р а т о м. Спрашивается: а как обсужден вопрос о квадратном основании под куполом в греко-римской архитектуре? Шуази не знает его и говорит только о сводах на круглом основании[4]. Вопросу о таких сводах посвящен специальный труд[5]. Йозеф Дурм также в отдельных главах описывает римские купольные своды над круглыми и многоугольными помещениями, при этом он говорит: “Мы обнаружили в западной части римской империи куполы над квадратными помещениями только у небольших надгробных сооружений. А на востоке, у сирийского берега, римским типом свода над квадратом является как раз крес-

[1] См. ***Schuchhardt Carl,*** Der altmittelländische Palast – Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften, Berlin, 1914 (стр. 277 и далее). Кроме того, см. ***Pfuhl Ernst***, Zur Geschichte des Kurvenbaus – Mitteilungen des kaiserlich deutschen Archäologoschen Instituts. Athenische abteilung, Band XXX (1905), Athen, 1905 (стр. 331–374), а также ***Meringer Rudolf***, Mittelländischer Palast. Apsidenhaus und Megaron – Sitzungsberichte (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse, Band 181, Wien, 1916).

[2] Ср. ***Strzygowski Josef***, Byzantinische Denkmäler, Band III, Wien, 1903 (стр. XXIII).

[3] Об одном исключении поговорим ниже.

[4] См. ***Choisy Auguste***, L’art de bâtir chez les Romains, Paris, 1873.

[5] См. ***Isabelle Charles Edouard***, Les édifices circulaires et les domes, classes par ordre chronologique, Paris, 1843.

товый свод”[1]. О том, насколько этот вид свода был известен уже эллинизму, поговорим ниже. Факту, имеющему значение для Запада, мы противопоставим здесь другой факт, имеющий такое же значение для Востока.

Вопросом о роли Востока в развитии купольной архитектуры до сих пор интересовались только Дьелафуа и вслед за ним – Шуази[2]. Знаменательно, что ни один из них не придавал решающего значения армянскому влиянию и не пытался идти теми путями исследования эволюции христианской купольной архитектуры, которые я избрал для себя впоследствии. Шуази, который ближе всего подошел к данной проблеме, все же совершенно упустил из виду значение северо-иранского и армянского влияния. Дворцы Фарса, Фирузабада и Сарвистана обычно считаются последней исходной точкой. До настоящего времени не обращалось внимания на то, что корень развития следует искать на севере Персии, и что развитие это носит национальный характер. Сказанное, естественно, прежде всего относится к “Мусульманской архитектуре” Ривойры[3].

С парусами. При исследовании вопроса о возникновении парусов я сначала исхожу из известного эллинистического вида купола над квадратом, так называемого “висячего купола”, и пользуюсь примером из Сирии. Снимок, которым я обязан покойному Отто Пухштейну, вернее его сотруднику в германской Баальбекской экспедиции, павшему на поле боя Фрицу Тёбельману, был сделан в Джераше, в Центральной Сирии[4]. В “Журнале Немецкого общества Палестины” помещен план города[5], в северо-восточном углу которого можно увидеть термы, среди которых находится купольное здание, эскиз плана которого принц Рупрехт Баварский поместил в “Журнале Мюнхенского общества древностей”[6]. Детали купола есть у Огюста Шуази и Йозефа Дурма[7]. Данная постройка также имеет квадратное очертание. Рис. 401 (II) показывает его в сильном перспективном искажении. Свод в этом случае резко отличается от армянского купола с тромпами в двух отношениях: 1. Стены квадрата основания оканчиваются кверху не горизонтально, а дугообразно. 2. Купол опускается над описанным кругом в паруса между арками и, таким об-

---

[1] ***Durm Josef***, Die Baukunst der Etrusker und Römer, Stuttgart, 1905 (стр. 285).

[2] Последний в своем труде “История архитектуры” (см. ***Choisy Auguste***, Histoire de l’architecture, Paris, 1899), который мы рекомендуем читателю, дополнил собственные детальные исследования архитектуры римлян и византийцев и свел их в единое целое.

[3] См. ***Rivoira Giovanni Teresio***, Architettura musulmana, Milano, 1914. В этой связи см. мою статью “Возникновение крестовокупольной церкви” (Die Entstehung der Kreuzkuppelkirche), которая с 1915 г. находится у издателя “Журнала по истории архитектуры” (Zeitschrift für Geschichte der Architektur) и до сих пор не опубликована (*прим. ред.: Стржиговский ошибается, т. к. статья его на самом деле была опубликована – см.* ***Strzygowski Josef****, Die Entstehung der Kreuzkuppelkirche – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, VII, Heidelberg, 1915, стр. 51–77*). Кроме того, см. ***Strzygowski Josef***, Die bildende Kunst des Ostens, Leipzig, 1916 (стр. 28) и ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 226), а также ***Diez Ernst***, Die Kunst der islamischen Völker, Berlin, 1915 (стр. 78).

[4] Прим. ред.: в настоящее время город Джераш расположен на севере Иордании.

[5] См. ***Schumacer Gottlieb***, Dscherasch – Zeitschrift des Deutschen Palaestina-Vereins, Band XXV, Leipzig, 1902 (стр. 109–176, таблица VI).

[6] См. Zeitschrift des Münchener Altertums-Vereins, IX (1897–1898), München, 1898 (стр. 5).

[7] См. ***Choisy Auguste***, L’art de bâtir chez les Byzantins, Paris, 1883 (таблица XV); ***Durm Josef***, Die Baukunst der Etrusker und Römer, Band 2, Stuttgart, 1905 (стр. 269).

разом, заполняет углы под кругом купола. Этот “висячий купол”, наряду с куполом с тромпами, встречается уже в Персии[1], что меня не удивляет, так как я склонен видеть купол вообще как достижение Ирана, поскольку он не опирается на круглое или восьмиугольное основание[2].

Висячий купол подвергся своеобразной эволюции, подобно той, которая имела место в случае с армянскоим куполом. Мы об этом скажем несколько слов, поскольку предполагается, что эта эволюция произошла в общей иранской стране-прародительнице. Убедительным доказательством тому является мавзолей Галлы Плацидии в Равенне. С армянской точки зрения я бы назвал его однонефным триконхом с прямоугольными упорными нишами, каковые я предполагал в Маджитлу[3] и приведу ниже, как исключение у самого триконха[4]. Конструкция купола над средним квадратом состоит из поднимающихся наподобие башни стен с подвешенной сверху сферической оболочкой (куполом). Эта надстройка (башня) может рассматриваться как барабан купола с окнами, так как в стенах по осям имеются четыре небольших окна. Представление об этом дает внутренний вид мавзолея (II, рис. 402).

С тромпами. Армянский купол на квадратном основании ничего общего не имеет с висячим куполом. Как уже было отмечено выше и как видно из каталога типов, армянский купол снабжен тромпами для перехода от квадрата к кругу или восьмиугольнику купола. Я эту форму подробно анализировал в “Журнале по истории архитектуры”[5] и вторично – в “Амиде…”[6], уверенно отразив все нападки, направленные против моих выводов[7]. Приходится удивляться, что Ривойра знает в Армении только купол с парусами и в своем резюме об армянских куполах говорит: “Здесь нет тромпов, по крайней мере, в церковных куполах; исключением является купол в Одзуне”[8]. Затем он добавляет, что угловые ниши (тромпы) встречаются в зданиях другого типа и в более поздний период. Спрашивается: как возможно такое незнание? Этот случай ярко освещает, в каком запутанном состоянии находится исследование в области архитектуры христианского Востока[9]. Это прежде всего относится ко всем вопросам, касающимся купольной архитектуры. В этой области, как я уже указывал, закрепилось повсеместно господствующее школярское мнение, которое поддержал даже Милле. По-видимому, он не высказывает своего мнения о происхождении купола только потому, что считает его эллинистическое проис-

[1] См. ***Diez Ernst***, Die Kunst der islamischen Völker, Berlin, 1915 (стр. 79).

[2] Относительно Малой Азии см. ***Choisy Auguste***, L’art de bâtir chez les Byzantins, Paris, 1883 (стр. 158 и далее).

[3] Прим. ред.: см. примечание 1 на стр. 122 первой книги первого тома Й. Стржиговского “Архитектура армян и Европа” (Ереван, 2011).

[4] См. ***Hübsch Heinrich***, Die altchristlichen Kirchen, Karlsruhe, 1862 (стр. 31); ***Dehio Georg*** und ***Bezold Gustav***, Die kirchliche Baukunst des Abendlandes, Band I, Stuttgart, 1892 (стр. 45).

[5] См. ***Strzygowski Josef***, Die persische Trompenkuppel – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, III, Heidelberg, 1909 (стр. 1–15).

[6] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 177 и далее).

[7] См. ***Strzygowski Josef***, Das Problem der persischen Kunst – Orientalistische Literaturzeitung, XIV, 1911 (стр. 505–512).

[8] ***Rivoira Giovanni Teresio***, Architettura musulmana, Milano, 1914 (стр. 289).

[9] См. ***Bachmann Walter***, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, Leipzig, 1913 (стр. 50).

хождение в эпоху христианства чем-то само собой разумеющимся[1]. А может быть, он стоит на точке зрения Ривойры, который придерживается того мнения, что все связанное со сводами исходит из Рима, и что Сасаниды были в этом отношении посредниками между Римом и Востоком[2]. Он считает, что римляне были архитекторами, а не декораторами, как греки, и что они первыми применили арки и своды. Что же касается в особенности угловой ниши, то она будто бы была введена в Персию архитекторами Равенны или Южной Италии[3]. И якобы простые ниши, равно как и тромпы, впервые нашли применение в Южной Италии. У Ривойры обе формы изображены рядом: настоящие ниши Сан-Витале в Равенне и тромпы Сан-Джованни в Неаполе[4]. Доказательство такого вывода Ривойра видит в том, что в Армении не встречаются угловые ниши[5]. Они, следовательно, не могли прийти от персов ("i favolosi originatori di simile raccordo"[6]), а скорее проникли к ним уже после того, как парус был перенят армянами.

Из этого ясно видно, что Ривойре совершенно неизвестно о том, что армянская архитектура вначале знала только тромп. Вероятно, это можно объяснить тем, что он судил по фотоснимкам Наапетяна, среди которых нет внутренних видов. Он сам при этом никогда не заходил в армянскую церковь. Этот пример характерен и показывает, как Ривойра и ему подобные создают историю искусств: при своих шовинистических взглядах он был слишком склонен неосторожно утверждать положения, которые опровергаются при простом осмотре построек. Впрочем, объективное рассуждение с самого начала говорит против предположения о зависимости армянской архитектуры от Рима или Византии[7].

Китайский Туркестан и Сейстан (Систан). Я начну с наиболее дальнего на Востоке круга искусства, а именно – центрально-азиатского, в Китайском Туркестане. Там у свободно стоящих построек имеются лишь покрытые сводами помещения, а точнее – только постройки с цилиндрическими сводами и куполом над квадратом. Деревянные кровли, как и круглые и восьмиугольные постройки, здесь также не встречаются. Об этом дает представление снимок из Безеклика (II, рис. 403). Материалом здесь служит высушенный на солнце сырец со штукатуркой. Передний левый угол рядом со средней дверью обвалился, благодаря чему открылся вид на всю конструкцию[8]. План приводит Альберт Грюнведель[9]. Прямоугольное помещение размерами в 3,31 м х 3,90 м и со стенами высотой 2,75 м покрыто полукруглым куполом высотой 2,10 м, который имел, вероятно, овальную в плане форму. Над

[1] См. ***Millet Gabriel***, L'école grecque dans l'architecture byzantine, Paris, 1916 (стр. 72).

[2] См. ***Rivoira Giovanni Teresio***, Architettura musulmana, Milano, 1914 (стр. 122).

[3] Там же, стр. 127.

[4] Там же, стр. 128–129.

[5] Там же, стр. 240.

[6] Прим. ред.: в книге Стржиговского это высказывание Ривойры дается без перевода. В переводе на русский язык оно звучит так: "выдумки (сказки) об этих связях неправдоподобны".

[7] Последней точки зрения, к сожалению, придерживается и Оскар Вульф (см. ***Wulff Oskar***, Altchristliche und byzantinische Kunst, Band I, Berlin, 1914, стр. 225 и 257).

[8] Приведенная мной иллюстрация (II, рис. 403) является фотоснимком профессора Ольденбурга (см. ***Strzygowski Josef***, Zentralasien als Forschungsgebiet – Österreichische Monatsschrift für den Orient, Wien, 1914, XL, № 3–6, стр. 71).

[9] См. ***Grünwedel Albert***, Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan, Berlin, 1912 (стр. 133).

углами устроены ниши – настоящие ниши с полукруглым пилоном, углы которых немного выступают перед стеной[1]. Другой вид показывает снимок из Ходжо (Идикучари) (II, рис. 404)[2]. Это юго-западный угол обрушившегося купола (развалина "T") с заменяющей парус "прикрывающей створкой", как выражается Альберт фон Ле Кок[3]. Он несколько раз приводит план (II, рис. 405), сообщая о результатах раскопок. В северном углу мы видим здание со входом, состоящее из трех параллельных продольных помещений, которые когда-то, по-видимому, были покрыты цилиндрическими сводами[4]. Через среднее помещение можно пройти в квадратную купольную залу, за которой расположено поперечное помещение, покрытое цилиндрическим сводом. На восточной стороне имеется двор, ограниченный с севера поперечной залой. Уже Ле Кок обратил внимание на купольное помещение, доверху засыпанное мусором. Оказалось, что в этом помещении еще в буддийский период была устроена параллельная южной стене опорная стенка. Кроме того, снаружи у западной стены имелся контрфорс. Купол, по Ле Коку, возвышался над стеной квадратной постройки (с длиной сторон 12,50 м) на высоту приблизительно 2,20 метра. "Линия основания купола прикрыта квадратом из глины, украшенным сильно стертым орнаментом в виде лозы. Углы, которые при постановке круглого купола на квадратную постройку оставались открытыми, были соединены с куполом посредством небольших полусферических сводов. Эти угловые своды хорошо сохранились у юго-восточного и юго-западного углов. У обоих северных углов их основания были еще вполне заметны". На сохранившейся самой древней живописи Ле Кок нашел примитивную надпись, сделанную китайскими паломниками, которую он на основании определенного знака относит к 717 году[5]. Сама живопись и, тем более, помещение должны быть старше. На рис. 404 (II) мы видим в углах купола не полусферические ниши, а настоящие тромпы, которые состоят из уменьшающихся в сторону угла квадрата кирпичных арок. По поводу этой конструкции Грюнведель замечает, что она встречается всюду в Турфане[6].

Я начал с построек в Туркестане, так как они возведены из материала, который в

---

[1] Сверху второй ряд ниш числом поменьше (ср.: I, рис. 60).

[2] См. ***Le Coq Albert von***, Chotscho, Berlin, 1913 (таблица LXX б).

[3] В сообщении об археологических работах в Идикучари А. Грюнведель говорит о "широких, прикрывающих сверху раковинообразных створках" (см. ***Grünwedel Albert***, Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902–1903 – Abhandlungen der philosophisch-philologischen klasse der königlich bayerischen Akademie der Wissenschaften, Band XXIV, München, 1909, стр. 38).

[4] См. ***Strzygowski Josef***, Mschatta. Festschrift zur Eroffnung des Kaiser Friedrich-Museums – Jahrbuch der königlich-preuβischen Kunstsammlungen, XXV, Berlin, 1904 (таблица I), где видно, что вход разделен подобным же образом.

[5] См. ***Le Coq Albert von***, Chotscho, Berlin, 1913 (таблица IX). В "Журнале по этнологии" А. Грюнведель относит квадратные купольные помещения с живописью самого раннего типа к периоду до IV века, ближе к эпохе Гандхары (см. Herr Grünwedel hält alsdann einen Vortrag mit Lichtbildern über. Die archäologischen Ergebnisse der dritten Turfan-Expedition – Zeitschrift für Ethnologie, Band 41, Berlin, 1909, стр. 897).

[6] См. ***Grünwedel Albert***, Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902–1903 – Abhandlungen der philosophisch-philologischen klasse der königlich bayerischen Akademie der Wissenschaften, Band XXIV, München, 1909 (стр. 29 A). Хотя это в общем и правильно, но все же следует различать два вида ниш: из горизонтальных рядов кирпичной кладки (Сан-Витале в Равенне) и с тромпами, из вертикальных рядов кирпичной кладки (Сан-Джованни в Неаполе).

других местах не смог сохраниться более 1000 лет, а именно – из сырца воздушной сушки. Такие местности, как Котан и Центральная Сирия, веками оставались заброшенными, пока ученые вновь не нашли к ним дорогу. Их сохранность может быть объяснена отсутствием новых культурных поселений, а также климатическими условиями. Мы не можем ожидать, что увидим такого рода постройки в тех местностях, куда впоследствии постоянно проникал поток мировой культуры, например – в Трансоксании[1] или Хорасане, прилегающих с запада к Китайскому Туркестану. Исследования показали, что и в настоящее время там общепринятым типом построек является квадратный дом из высушенного на солнце сырца, покрытый куполом. Эта форма домов распространена приблизительно до местности южнее Каспийского моря. Она встречается в Афганистане, а насколько широко распространена также в Сейстане, видно по рис. 406 (II). Эту иллюстрацию я взял из статьи Мишеля Карре "Мертвый город в Восточной Персии"[2], где приводятся снимки коменданта Лакоста, который в то время писал книгу "Вокруг Афганистана"[3]. Развалины расположены на склонах горной цепи под названием Кох-и-Куаджа, тянущейся по краю разлива реки Гильменд и афганских озер, к которым она подступает. Осколки и черепица из воздушного сырца, наряду с бесформенными блоками глинобитных стен, указывают на то, что когда-то здесь был сравнительно новый город, построенный на развалинах другого, гораздо более древнего. Рис. 406 (II) показывает уголок этих развалин. Мы видим громадные скученные постройки из глиняного сырца, сильно выветренные. Преобладающей архитектурной формой является покрытый куполом квадратный корпус. Переход от квадрата к кругу скрыт под куполом.

Я до сих пор рассматривал только крупные постройки, служащие для отправления религиозного культа, и дворцы. Но ключом к решению вопроса о происхождении являются, как и в греческом храме, здания утилитарного характера, в данном случае – жилой дом арийцев, сыгравший решающую роль для купольной архитектуры. Само собой разумеется, что предпосылки для купольных построек были иными, нежели для дорийского деревянного дома.

Восточно-иранский купольный дом и своды, перекрывающие углы. Во время работы над Мшаттой, Амидой и Арменией мое внимание было сосредоточено на купольном доме – благо, что под рукой у меня находились также снимки Дьелафуа и других. Ввиду этого я настаивал на поездке в Хорасан. Так как я не располагал свободным временем для этой поездки, то привлек ассистента д-ра Дица к этому мероприятию, к которому по предложению профессора Якоба примкнула баварская группа с естественнонаучными целями. Таким образом, состоялась исследовательская поездка в Хорасан[4], организованная по поручению Института истории искусств при Венском университете (кафедра Стржиговского). Здесь я привожу некоторые из

[1] Прим. ред.: Трансоксания – латинский перевод арабского названия "Мавераннахр", которым арабы обозначали среднеазиатские земли, лежащие к северу от Аму-Дарьи.

[2] См. ***Carré Michel***, Une ville morte de la Perse orientale – L'Illustration, Paris, 27 juin 1908, № 3409 (стр. 434).

[3] См. ***Lacoste Nenri Bouillane de***, Around Afghanistan, London, 1909.

[4] Ср. Mitteilungen der kaiserlich-königlichen geographischen Gesellschaft in München, VIII, 1913 (стр. 185); Österreichische Monatsschrift für den Orient, Wien, 1914, XL, № 3–6 (стр. 220); ***Strzygowski Josef***, Der Wandel der Kunstforschung – Mitteilungen der kaiserlich-königlichen geographischen Gesellschaft, Wien, LXI, 1918 (стр. 20).

собранных снимков касательно этого неразрешенного вопроса[1]: на рис. 407 (II) показан преобладающий тип хорасанского села Кишмар и Алиабад. На снимке видно, что конструктивной ячейкой всего поселка является купол на квадратном корпусе. Соединенные вместе две, три и более ячеек составляют жилой дом или одно из вспомогательных зданий. В данном случае все купола сверху замкнуты, иногда закруглены, а в отдельных случаях наделены заостренным верхом[2]. Это, однако, не является правилом. Рис. 408 (II) является снимком Лоренса и помещен в книге Ксавье Оммера де Гелля "Путешествие в Турцию и Персию"[3]. Как видно, в Хорасане встречаются своды, середина которых открыта или же кое-как прикрыта. Дьелафуа в "Древнем искусстве Персии" приводит снимок Кума, на котором видны купола, имеющие сверху отверстие для света наряду с цилиндрическими сводами[4]. Установленная Дицом граница должна быть, следовательно, перемещена дальше соляной пустыни. Известный рельеф из Ниневии[5] свидетельствует, что такие формы домов встречались еще в Месопотамии. Мисс Белл подтверждает, что до сегодняшнего дня это единственная форма, встречающаяся в деревенской архитектуре Северной Сирии и Северной Месопотамии[6]. Вероятно, границы применения свода или деревянной кровли полностью зависят от наличных строительных материалов, т. е. тесно связаны с условиями почвы и климата. Главной зоной распространения квадратного купольного дома следует считать Иран, на юге которого обнаружены купола ахеменидской и парфянской эпох, служившие в качестве помещений для хранения запасов и ценностей[7].

Простота способа покрытия, начиная с углов с открытой серединой, по-видимому, объясняет широкое распространение этой формы. Исходной точкой здесь является не сам купол, т. е. полусферическое покрытие помещения, а сводчатое покрытие углов. Ряды из необожженного кирпича перекрывают углы в виде стрельчатых арок с небольшой кривизной. Эти арки в середине каждой стены сходятся у отвесной линии над воротами (II, рис. 408). О внутреннем виде такого свода дает представление рис. 409 (II), показывающий часть интерьера крупного караван-сарая у Себзевара, построенного, наверное, шахом Аббасом (1587–1629) уже из обожженного кирпича, а не из высушенного на воздухе и на солнце сырца, как это было принято в народных жилищах. Внизу виден конец квадратной стены, расчлененной нишами. В углу начинаются косо уложенные кирпичи, которые постепенно смыкаются в арку. Справа видна линия, представляющая собой стык с тромпами, перекрывающими следующий угол и полностью видимыми на снимке. Следовательно, здесь мы имеем дело с тромповым или поперечным сводом, но пока не с настоящим

[1] Снимки опубликованы в сообщении об этой экспедиции (см. Arbeiten des kunsthistorischen Instituts der kaiserlich-königlichen Universität Wien, Lehrkanzel Strzygowski, Band VII).

[2] Ср. также ***Diez Ernst***, Die Kunst der islamischen Völker, Berlin, 1915 (стр. 78) и ***Strzygowski Josef***, Die bildende Kunst des Ostens, Leipzig, 1916 (стр. 31 и далее).

[3] См. ***Hommaire de Hell Xavier***, Voyage en Turquie et en Perse, Paris 1859 (таблица LXXVI).

[4] См. ***Dieulafoy Marcel***, L'art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть II, таблица I).

[5] Иллюстрацию можно найти в любом справочнике (см., например, ***Perrot Georges*** *et* ***Chipiez Charles***, Histoire de de l'art dans l'antiquité. Tome II: Chaldée et Assyrie, Paris, 1884, стр. 46).

[6] См. ***Bell Gertrude***, Churches and monasteries of the Tûr'Abdin and neighbouring districts – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, IX, Heidelberg, 1913 (стр. 75).

[7] См. ***Diez Ernst***, Die Kunst der islamischen Völker, Berlin, 1915 (стр. 78).

куполом. У малых построек нетрудно замкнуть возводимый от углов или над ними свод с плоской и заостренной серединой. Но при квадратах с длиной сторон больше 3–4 м приходится применять купол, опирающийся на середину стен. В этом случае тромпы раздвинутся, т. е. не будут смыкаться на вертикали, а будут разделены расположенным между ними куполом. Я привожу характерный пример из снимков, привезенных Дицом из Хорасана.

На рис. 410 (II) видна небольшая купольная постройка в Бус-и-Хоре, южнее старого Нишапура. Считается, что она относится к эпохе Сасанидов. Общим с известными дворцовыми постройками Фарса является то, что она возведена из материалов в своеобразной комбинации: корпус состоит из бутовой кладки на растворе, а купол – из кирпича. Снаружи здание было облицовано плитами, как явно показывают следы разрушения над воротами из одного ряда кирпичной кладки со стрельчатой аркой. Оно сильно напоминает армянские постройки (I, рис. 1; II, рис. 249 и 250). Именно в том месте, где еще видны следы старой облицовки из плит, купол опускается на середину стены. При более внимательном рассмотрении мы видим, что основание купола в этом месте, т. е. между массивно выступающими в углах тромпами, состоит из уложенного зигзагами кирпича, в то время как в самом полусферическом куполе кирпич уложен горизонтально. Более убедителен рис. 411 (II), показывающий внутренний вид постройки. Стены квадратного корпуса ясно видны снизу. Над углом виден стрельчатый тромп. Наклон кирпичей, примененный в начале свода, сохранен и дальше, причем кирпичи стоят почти отвесно в наклоненных друг к другу рядах арок и хорошо видны спереди. Это очень узкие, специально обрубленные и формованные кирпичи, которые внизу, у основания кажутся более широкими. Рядом с тромпом, внизу, имеется ниша с выравнивающим переходом к куполу в виде горизонтальных рядов кирпича. Над нишей устроено небольшое окно с перемычкой из поставленных в ряд кирпичей, которое в настоящее время замуровано. Это окно помещается среди рядов косо уложенных кирпичей, которые заметны снаружи и по вертикали образуют правильные зигзаги. Над всем этим, собственно, и установлен полусферический купол из горизонтальных рядов кирпича. Вновь обращаясь к наружному виду постройки, рассмотрим тромпы, перекрывающие углы. В виде дополнения они примыкают к вписанной в квадрат сферической оболочке купола. Сама сферическая оболочка кверху немного заострена.

Дворцы Фарса. Я перехожу к самым древним из известных нам образцов куполов с тромпами на квадратном основании. Они были обнаружены в персидских дворцах Фарса. Не следует удивляться отсутствию более древних примеров. Причину следует искать в недолговечности материала – быстро выветриваемого необожженного кирпича, а вместе с ним и украшений из плит и штукатурки, которыми были облицованы стены. С другой стороны, Эрнст Диц указывает на текст Ибн ал-Балхи XII века, который в своем сочинении “Фарс-наме” сообщает, что среди развалин Истахра (Персеполь) стояли “три купола”, используемые ахеменидскими царями в качестве складов для продовольственных запасов и казны[1]. Задолго до

[1] См. ***Strange Guy le***, Description of the Province of Fars, in Persia, at the Beginning of the Twelfth Century A. D. Translated from the MS. of Ibn al-Balkhi in the British Museum – Journal of the Royal Aszatic Society, London, 1912 (стр. 1–30, 311–339, 865–889) и ***Diez Ernst***, Die Kunst der islamischen Völker, Berlin, 1915 (стр.78).

этого, во II веке н. э., о другом купольном помещении говорит Филострат Старший (Жизнь Аполлония Тианского: книга I, глава 25), сообщая, что в царском дворце парфянского Вавилона имелся купол, украшенный изнутри сапфирами.

В сохранившихся дворцах Фарса, как и позднее в армянской церкви, ядро стен выложено из бута на густом растворе[1]. Но они довольно существенно отличаются друг от друга в отношении способа облицовки. Внутренние стены в обоих дворцах были покрыты слоем гипсовой штукатурки. В Фирузабаде, однако, снаружи хорошо сохранилась грубая бутовая кладка, особый эффект которой придают расчленяющие плоскость стен ниши. В Сарвистане же стены оставлены гладкими, с облицовкой из тёсаного камня, чистота обработки которого не может сравниться с армянскими стенами, облицованными тёсаными камнями. Вокруг грубо сколотых камней по горизонтали уложены толстые выравнивающие слои раствора. По мнению Дьелафуа, способ этот скорее ахеменидский, чем сасанидский[2]. Не вдаваясь в вопрос о времени этих построек, заметим, что их комплексы, состоящие из помещений со сводами и помещений с тромпами и куполом, весьма соответствуют древним архитектурным формам Китайского Туркестана. Рис. 413 (II) показывает план дворца в Сарвистане. В центре находится купол над квадратом, спереди расположены три помещения, покрытые цилиндрическими сводами, из которых среднее служит передней для купольной залы. Затем следуют двор и покрытые сводами боковые помещения. Все помещения расположены рядом друг с другом, приблизительно по тем же принципам, что и у развалин “T1” в Ходжо (II, рис. 404 и 405)[3]. Насколько приближаются постройки из сырца в Китайском Туркестане к бетонным постройкам Фарса, видно также из необычайной толщины стен купольного помещения. В Ходжо стены имеют толщину 2,50 м при пролете купола 12,50 м, отношение толщины стен к пролету, следовательно, равно 1:5. В Сарвистане стена, согласно Паскалю Косте, имеет толщину 2,50 м при пролете 12,80 м. Размеры и соотношения поразительно близки. Переход произошел, по-видимому, через Хорасан и промежуточные области Афганистана и Сейстана, т. е. через посредство той страны, где и была обнаружена соответствующая данному типу постройка в Бус-и-Хоре. Бетонные постройки Фарса сохранили старые пропорции построек из кирпича воздушной сушки[4]. В купольной зале дворца в Сарвистане переход от основного квадрата к круглому основанию купола решен посредством настоящего тромпа в углу, как мы это видим повсюду в Армении. Рядом с тромпом находится замурованное в настоящее время окно. О барабане, возникшем на основе данной комбинации, поговорим ниже.

---

[1] Отличные снимки имеются в книге Марселя Дьелафуа “Древнее искусство Персии” (см. ***Dieulafoy Marcel***, L’art antique de la Perse, Paris, 1884–1889, часть IV). Иллюстрации Эжена Фландена и Паскаля Косте (см. ***Flandin Eugène et Coste Pascal***, Voyage en Perse, Paris, 1851-1854, таблицы XXVIII, XXIX, XXXVIII–XLII) являются обмерами с дополняющими снимками. См. также ***Perrot Georges et Chipiez Charles***, Histoire de de l'art dans l'antiquité. Tome V: Perse, Paris, 1890 (стр. 563).

[2] См. ***Dieulafoy Marcel***, L’art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть IV, стр. 76).

[3] Прежде всего см. ***Sarre Friedrich und Herzfeld Ernst Emil***, Iranische Felsreliefs, Berlin, 1910 (таблица II: Касри-Ширин).

[4] Подобное наблюдение было проведено в храме Геры (Герайон) в Олимпии, где толщина целлы может быть объяснена только тем, что она строилась из кирпича воздушной сушки, и это учитывалось при возведении каменного цоколя. См. ***Noack Ferdinand***, Die Baukunst des Altertums, Berlin, 1910 (стр. 3).

Здесь я не буду более рассматривать историю древней купольной архитектуры на Востоке и заканчу разговор несколькими словами о Месопотамии в районе Средиземного моря, где Рихард Дельбрюк[1] собрал и тщательно сопоставил соответствующие материалы. По этому поводу он говорит: “Все эти древнейшие купольные формы были раньше, в эпоху более древних восточных культур, созданы из сырца и обожженного кирпича. Затем они были усвоены юго-западным эллинизмом. На ассирийских барельефах уже давно были обнаружены изображения куполов на квадратном основании”. Наша задача показать, каким образом поставленный поперек углов на квадратном основании иранский купол укоренился в Армении.

Точка зрения Дьелафуа по вопросу о происхождении купола с тромпами. Прежде чем самому проанализировать этот вопрос, я считаю нужным сказать несколько слов о том, как Дьелафуа подходит к проблеме о происхождении купола с тромпами. Его теория предлагается с такой уверенностью и разъясняется чертежами, что я думал, будто она основана на фактических материалах, но в действительности эта попытка 1885 года не что иное, как чистая гипотеза. Дьелафуа исходит из различия между способами строительства в районе Тигра и в Иране, обусловленными применением дерева или кирпича для покрытия кровель. При этом он исходит не из местной, традиционной архитектуры, а из наиболее древнего способа возведения сводов путем укладки кирпича выступающими рядами. Он считает, что первоначально купола сооружались таким же образом, как это делалось в продольном направлении при постройке гробницы в Мугейре. Я хотел бы напомнить, что Рихард Леонхард недавно высказал предположение, что тип постройки наподобие известной гробницы (или сокровищницы) Атрея проник из района Черного моря на Крит и в Микены[2]. Леонхард при этом добавляет, что данный тип до сих пор применяется в Армении в качестве подземного дома, т. е. подвала, что имеет немаловажное значение, поскольку из этого следует, что мы должны несколько дольше и подробнее остановиться на теории Марселя Дьелафуа (“Древнее искусство Персии”), согласно которой купол с тромпами мог возникнуть в Армении указанным способом, т. е. стать укоренившейся там формой.

Дьелафуа пытается показать эволюцию купола с тромпами при помощи сопоставленных на рис. 414–416 (II) чертежей[3]. Он полагает, что сначала квадрат покрывали шатровой кровлей из выступающих друг над другом рядов кирпичей. Эта теория может опереться на то, что в армянской церковной архитектуре господствует шатровая кровля. Такие покрытия, однако, в середине четырех сторон давали провес (II, рис. 414), вследствие чего, во избежание обвала, пришлось придать сторонам сводчатую форму (II, рис. 415). Так как при этой конструкции у кромок на стыках свода с гладкими поверхностями прочность была недостаточной, то перешли, по мнению Дьелафуа, к конструкции, показанной на рис. 416 (II). Привожу текст Дьелафуа в оригинале: “1. réduire le diamètre de la coupole terminale en faisant tourner autour des arêtes HK les faces HBβGβ′CK, de manière à ramener les sommets G en P dans le prolongement HBPCK des nappes planes de l’intrados (ce qui revient à faire saillir les

[1] См. ***Delbrueck Richard***, Hellenistische Bauten in Latium, Band II, Straßburg, 1912 (стр. 79).

[2] См. ***Leonhard Richard***, Paphlagonia: Reisen und Forschungen im Nördlichen Kleinasien, Berlin, 1915 (стр. 228 и 231).

[3] См. ***Dieulafoy Marcel***, L’art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть IV, стр. 6 и далее).

matériaux placés dans les angles au détriment des briques de la région moyenne); 2. à la suite de cette correction, substituer aux anciennes courbes brisées et concaves des courbes δ α γ β ε planes continues et convexes”[1]. Тем самым избегали образования ребер. Для более подробных данных следует обратиться к труду Дьелафуа[2]. Я ограничусь этими указаниями и полагаю, что по сравнению с такими выдумками стремление идти по пути истории развития все же следует считать некоторым прогрессом. В остальном я думаю, что купол с тромпами едва ли мог возникнуть в самой Армении, так как там преобладающей архитектурной формой в жилищном строительстве является дом с плоской деревянной кровлей, который скорее мог привести к греческому храму, чем к куполу с тромпами[3]. По этим вопросам д-ру Эдмунду Кюттлеру следовало бы дать в приложении дальнейшие разъяснения на основе собранных во время нашей исследовательской поездки сведений о селениях, домах и домашнем быте в связи с социологической ситуацией в Армении.

Купол Текора. Самым древним сохранившимся на армянской земле куполом является купол в Текоре (I, рис. 24). Венская исследовательская экспедиция состоялась, к сожалению, лишь через год после обрушения купола в августе 1912 года. На основании рис. 389 (II) мы могли только установить, что между несущими арками не было парусов, а продолжалась квадратная форма до своего рода замыкающего камня в верхнем углу, который был уложен поперек и был украшен свободно выступающим листом (или раковиной)[4].

Реконструкция купола возможна на основе фотоснимков и обмеров Тексье[5] и Тораманяна. Я исхожу из рисунка Тексье (II, рис. 389). Сравнение с рис. 417 (II) показывает, что рисунок Тексье неточный. Тексье начертил паруса над несущими арками с клиновой перевязкой, в то время как подобным образом устроены только несущие арки, а не паруса. Я полагаю, что не следует смотреть на чисто горизонтальную кладку камней в конусообразном куполе так, как это делает Шнаазе[6], умалчивая о бетонном ядре и о том, что камни играют роль лишь более или менее толстой плиточной облицовки. В сущности, купол в Текоре был высоким сводом на квадратном

---

[1] Там же, стр. 8. Прим. ред.: в книге Йозефа Стржиговского текст Марселя Дьелафуа приводится на французском языке, без перевода, однако мы считаем нужным познакомить читателя с русским переводом этого отрывка, который звучит так: “1. Уменьшить диаметр венчающего купола, повернув грани HBβGβ′CK вокруг стыков HK таким образом, чтобы вершина G придвинулась к P, продолжая плоские поверхности внутри арки HBPCK (благодаря чему материал в углах начнет пучиться, выступать за счет кирпичей, расположенных в средней части); 2. После таких изменений заменить прежние ломаные и вогнутые кривые δ α γ β ε на непрерывные плоские и выпуклые кривые”.

[2] Кроме того, см. ***Rosintal Josef***, Pendentifs, Trompen und Stalaktiten, Leipzig, 1912 (стр. 35–36).

[3] Относительно западно-азиатского дома см. ***Sarre Friedrich*** *und* ***Herzfeld Ernst Emil***, Iranische Felsreliefs, Berlin, 1910 (стр. 6 и далее). Об армянском крестьянском доме см. ***Ter-Mowsesjanz Parsadan***, Das armenische Bauernhaus – Mittheilungen Anthropologischen Gesellschaft in Wien, Band XXII (Der neuen Folge – Band XII), Wien, 1892 (стр. 125 и далее).

[4] См. ***Dieulafoy Marcel***, L’art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть IV, стр. 6 и далее). Внутренний вид мавзолея Теодориха в Равенне см.: ***Haupt Albrecht***, Das Grabmal Theoderichs des Groβen zu Ravenna, Leipzig, 1913 (таблицы III–IV).

[5] См. ***Texier Charles***, Description de l'Arménie, la Perse et la Mésopotamie, Paris, 1842 (таблица XXVI).

[6] См. ***Schnaase Carl***, Geschichte der bildenden Künste, 2 Auflage: 8 Bände, Düsseldorf-Stuttgart, 1866−1879 (том III, 327, примечание 1).

основании, который кверху постепенно заострялся, начиная снизу, с почти квадратного контура, и переходя к круглой форме. Тораманян дает об этом более точные сведения в “Текоре”[1]. В начале свода он нарисовал небольшие ниши. Но из-за своей незначительной величины они едва видны над скосом купола, возможно, по этой причине Тексье и проглядел их. Рис. 417 (II) показывает наружный вид купола. Он оставался квадратным почти до кровли, наподобие башни. При внутреннем диаметре в 6,90 м и толщине стен 0,72 м кубическая надстройка выступала на углах приблизительно на 4,50 м до перехода в восьмиугольник и возвышалась посередине над щитами на 2,80 м до венчающего карниза. Восьмиугольная часть, соответствующая шатровой кровле, возвышалась в углах приблизительно на 1,10 м, а в середине – только на 0,70 м над квадратной частью. Следовательно, она едва ли была видна издали. В середине каждой стороны барабана имелось по одному небольшому окну шириной всего лишь 25 см, подоконник которого, по Тексье, был скошен вниз.

Купол в Текоре производит впечатление очень древнего типа, приближающегося к иранским образцам. Если бы не было предположения, высказанного Тораманяном в его труде о развитии базилики в купольную постройку, или если бы я имел возможность вновь обратиться к этому вопросу на месте, в самой постройке, то серьезно исследовал бы, не могло ли иметь место обратное явление, т. е. что старое купольное здание было в V веке перестроено в церковь продольного типа в греко-сирийском духе. Пока результаты исследований Тораманяна по праву признаны, надо считать, что в Текоре свод над квадратом является поздним представителем первого, пришедшего с Востока в Армению типа (II, рис. 412), уступившего вскоре место настоящему куполу (I, рис. 60 и далее), опирающемуся на середину арок, причем два ряда ниш в углах служат переходом от квадрата к восьмиугольнику и от восьмиугольника к кругу сферического купола. Свод, пересекающий углы, следовательно, исчезает. Текор является исключением. Его купол представляет собой остаток грандиозного свода, как мы видим это в мавзолее Галлы Плацидии в Равенне. Сравним оба купола по наружному виду (II, рис. 417 и 418). Как церковь Сан-Назаро-э-Чельсо в Вероне существовала в качестве особого вида наряду с другим, более древним видом в Италии, так, вероятно, и форма купола Текора тоже могла одновременно сосуществовать с гораздо более древними, настоящими куполами. Для примера возьмем купол мавзолея Св. Константции близ Рима[2], относящегося к эпохе Константина. Там уже за несколько веков до этого имелся барабан с большими окнами под полусферическим сводом. Этот вид, однако, значительно отличается от описанного выше армянского вида: в римском образце купол опирается на поставленные по кругу двойные колонны, в то время как в армянском типе он опирается на квадрат или на пилоны. Это означает, что в Риме имело место как бы обратное преобразование этой ирано-армянской конструкции в Пантеон[3]. За это говорят мозаики с сильно выраженными персидскими чертами[4], а также тот факт,

[1] См. ***Թօրամանեան Թորոս***, Պատմական հայ ճարտարապետութիւն: Ուսումնասիրութիւն: Ա. Տեկորի տաճարը, Թիֆլիս, 1911 (***Тораманян Торос***, Армянская историческая архитектура. Исследование. А. Собор в Текоре, Тифлис, 1911, стр. 60).

[2] См. ***Hübsch Heinrich***, Die altchristlichen Kirchen, Karlsruhe, 1862 (стр. 4) и ***Dehio Georg*** *und* ***Bezold Gustav***, Die kirchliche Baukunst des Abendlandes, Band I, Stuttgart, 1892 (стр. 34).

[3] Ср. ***Wulff Oskar***, Altchristliche und byzantinische Kunst, Band I, Berlin, 1914 (стр. 246).

[4] Ср. ***Strzygowski Josef***, Seidenstoffe aus Ägypten im Kaiser Friedrich-Museum, Wechselwirkungen

что мавзолеи Св. Констанции и Галлы Плацидии – всего лишь единичные примеры, которым мало где подражали, тогда как в Армении есть многочисленные примеры такого рода, как и в Газе и Иерусалиме.

Мне неизвестно, самостоятельно ли пришли в Риме к введению барабана с окнами по образцу персидской архитектуры (путем перенесения верхнего света базилики), как это произошло в Армении. Но поскольку такое развитие является своеобразной особенностью армянской архитектуры, которая проявилась в Риме еще до возведения мавзолея Св. Констанции, то я обращусь к этому вопросу в главе о Форме.

Исламский купол со стоячими нишами. Существует два вида угловых ниш у куполов. Один вид сохраняет форму тромпа и образует только нишеподобную раму вокруг тромпа (II, рис. 412). Другой вид исходит из формы тромпа и представляет собой правильную нишу, т. е. часть цилиндра, стоящего вертикально в углу, так что в плане прямой угол квадратного основания переходит в трехчетвертной круг[1]. Поскольку этот вид не проявляется в Армении, то я упоминаю о нем лишь для сравнения с более ранним видом, сохранившимся в армянской архитектуре. Собственно говоря, только этим и достигается четкое разграничение между кругом купола и заполнением угла, которое не осуществлялось при поперечных сводах. Этот встречающийся также в Персии и Туркестане вид, как и тромп в баптистерии в Неаполе, доказывающий переход данного иранского мотива в Италию в древнехристианский период, появляется уже в VI веке в базилике Сан-Витале в Равенне[2].

Диц считает, что в исламскую, равно как и в армянскую архитектуру тромп проник из Ирана, видя при этом его вероятную родину в “древнейших оазисах Анау” у Ашхабада и Мерва[3]. Во всяком случае, неправильно считать, что тромп проник в Армению из исламских стран, как полагает Ривойра[4]. Его знакомство с памятниками оказывается сомнительным, когда он утверждает, что в Армении впервые встретил тромпы в Одзуне, и что будто бы основатель этой церкви патриарх Иоанн (718–728) применил их в подражание тому, что увидел во время поездки ко двору халифа. Эта выдумка – так же, как и различные теории, доказывающие влияние Рима и Визнатии на Армению, – ни на чем не основана. Правильнее было бы идти по противоположному пути. К этому мы еще вернемся.

г) Цилиндрический свод

Купол в том виде, в котором он встречается у большинства сохранившихся армянских построек, т. е. купол с тромпами, служащими переходными элементами к подающему свет барабану круглой или восьмигранной формы, является, как мне кажется, созданием армян. Здесь я вынужден буду перейти к вопросу о цилиндри-

---

zwischen China, Persien und Syrien in spätantiker Zeit – Jahrbuch der königlich-preussischen Kunstsammlungen, Band XXIV, Berlin, 1903 (стр. 151) и ***Strzygowski Josef***, Zentralasien als Forschungsgebiet – Österreichische Monatsschrift für den Orient, Wien, 1914, XL, № 3–6 (стр. 80).

[1] Ср. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 181, рис. 102) и там же – об исламском тромпе (стр. 263).

[2] См. ***Hübsch Heinrich***, Die altchristlichen Kirchen, Karlsruhe, 1862 (стр. 19, таблица XXII, 1). Кроме того, см. ***Rosintal Josef***, Pendentifs, Trompen und Stalaktiten, Leipzig, 1912 (стр. 369, примеч. 1), где автор пытается классифицировать различные виды купольных ниш.

[3] См. ***Diez Ernst***, Die Kunst der islamischen Völker, Berlin, 1915 (стр. VII).

[4] См. ***Rivoira Giovanni Teresio***, Architettura musulmana, Milano, 1914 (стр. 213 и далее).

ческом своде, который после купола является вторым решающим элементом. Вопрос о том, следует ли считать, что этот свод проник в Армению из Восточного Ирана, остается открытым.

Цилиндрический свод встречается в кирпичной архитектуре повсюду. Считается, что он применялся в Вавилоне, начиная с царствования Навуходоносора[1], и затем с Востока стал распространяться по всему эллинистическому миру, т. е. от Индии и Центральной Азии до Запада, причем настолько равномерно, что его появление в Армении не является фактом, требующим особого объяснения. Достойно внимания лишь то, что наряду с куполом он стал там почти повсеместно доминирующей формой. Его появление частично связано с вопросом о более древнем виде покрытия из дерева.

Деревянные кровли на церквях, по-видимому, не применялись, за исключением тех случаев, когда они ставились временно, с целью ремонта. Это особенно бросается в глаза, если учесть преобладание деревянной кровли в Сирии, на побережье Малой Азии и ее исключительное господство на древнехристианском Западе. Во время нашей исследовательской поездки мы не встретили ни одной церковной постройки в русской Армении, где имелась бы малейшая необходимость в устройстве деревянной кровли. Я этому вопросу посвятил больше места, чем следовало, так как под влиянием западных взглядов Тораманян считал, что постройки, покрытые цилиндрическими сводами и куполами, первоначально имели деревянные конструкции[2], из чего вытекает, что своды стали появляться в Армении постепенно, приблизительно через сто лет после начала строительства церквей, и что это является результатом архитектурного творчества армян, ввиду чего об этом может идти речь только при рассмотрении проблем Формы. Так как я, в противоположность Тораманяну, убежден, что покрытые сводами постройки продольного типа и квадратные купольные постройки древнее христианских церквей в Армении, то приходится говорить об этих видах уже здесь, при анализе проблемы Образа. По этому поводу мы полностью приводим здесь изыскания Генриха Глюка, чтобы потом больше не возвращаться к этому вопросу. На мой взгляд, для армянской церкви прежде всего характерен купол. Трехнефная постройка, покрытая цилиндрическим сводом, является типом, проникшим в Армению извне. С другой стороны, в однонефных церквях с цилиндрическими сводами могли проявиться следы местных традиций.

Частая смена формы арок (круглые, стрельчатые и подковообразные, наряду с повышенными и овальными) – явление, которое можно наблюдать в персидских постройках того же времени. То, что мы видим в Багаране, который был основан во времена Хосрова Второго, т. е. одновременное наличие всех указанных видов арок у одной и той же постройки, наблюдается также у гигантской постройки того же властителя в Ктесифоне, а именно – у развалин Так-и-Кесры[3].

---

[1] См. ***Koldewey Robert***, Das wieder erstehende Babylon**,** Leipzig 1913 (рис. 2 А на стр. 93).

[2] См. ***Թորամանեան Թորոս***, Պատմական հայ ճարտարապետութիւն։ Ուսումնասիրութիւն։ Ա. Տեկորի տաճարը, Թիֆլիս, 1911 (***Тораманян Торос***, Армянская историческая архитектура. Исследование. А. Собор в Текоре, Тифлис, 1911).

[3] См. ***Dieulafoy Marcel***, L’art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть V).

Б. Эллинистическая традиция: покрытые цилиндрическим сводом постройки продольного типа (Генрих Глюк)

а) Однонефные постройки, покрытые цилиндрическими сводами (Северомесопотамская традиция)

“Среди чистых построек продольного типа мы встречаем в Армении однонефную и трехнефную (базиликальную) форму. Относительно первой надо сказать, что она применялась также для более крупных построек и даже для епископских церквей (Гарни и др.), а не только для часовен – как, например, для часовни церкви Св. Шогакат в Эчмиадзине. Ввиду этого мы должны рассматривать однонефные постройки как самостоятельный тип. Здесь приходится принимать во внимание церкви в Карнуте, Егварде (малая церковь), Гарни, Ани (Дворцовая церковь) и Лернакерте. В Нахичеване была обнаружена только северная стена церкви. Надпись на архаичном фризе последней и надпись с датировкой на Дворцовой церкви в Ани 622 года наводят на мысль о том, что церкви этого типа должны считаться одними из самых древних. В более поздний период церкви типа однонефной залы встречаются только в виде часовен – как уменьшенный вид обычного типа без самостоятельного значения.

Все эти постройки сооружены указанным в главе “Материал и конструкция” способом из бетона с облицовкой тёсаным камнем. При такой облицовке обтёсанные снаружи камни укладываются с чистыми швами без раствора. У однонефных построек часто бросается в глаза значительная величина камней по отношению ко всему зданию, а также их различные размеры. Этим нарушается правильность рядов кладки. Применение крупных камней замечается прежде всего в Карнуте, где (особенно на южной стене) не только входная перемычка, но и прочие камни поражают своими крупными размерами (I, рис. 151). Если в той же постройке мы сравним кладку стен приделов, возведенных в более поздний период на старых фундаментах, то увидим, что эти стены отличаются большей толщиной и массивностью. В Лернакерте средний размер поверхности квадров в нижних рядах составляет 1,35 м x 0,60 м, что при общем размере сооружения (8 м x 22 м) придает зданию тяжеловесность и массивность. Фотоснимок однонефной церкви в Егварде (I, рис. 154) показывает массивность кладки на западной стороне. Массивность кладки уже сама по себе указывает на древний возраст построек, поскольку в памятниках с установленной датой сооружения, начиная с VII века, мы видим довольно равномерную среднюю величину камня во всем здании. Однако надо иметь в виду, что такая кладка из крупных квадров не является правилом для всех более древних построек. С одной стороны, мы можем предположить, что такой вид кладки является отзвуком общевосточной традиции, которая, по всей вероятности, опиралась на местные традиции. С другой стороны, иные памятники, которые, как мы убедимся далее, относятся к начальному периоду христианской архитектуры в Армении, доказывают, что с самого начала христианской эпохи для правильной кладки здесь стали применять камни нормальных размеров (I, рис. 162, Гарни).

Подобной архитектурной формой, возникшей из старой традиции, является ступенчатое основание. Хотя этот мотив продолжал существовать и позже, все же можно сказать, что начиная с VII века, он все более теряет свое значение и свою мощную форму. И в этом отношении, а также ввиду упомянутых выше особен-

ностей, показывающих заметную связь с древневосточной традицией, хронологически на первое место следует поставить Карнут. Мощность ступенчатого основания, которое в настоящее время несколько скрыто наносным грунтом, лучше всего видна с северо-запада (II, рис. 419). Итак, если каменная кладка и ступенчатое основание дают лишь примерные указания для определения исторической принадлежности построек, а христианство между тем усвоило некоторые элементы, ставшие национальными еще до его появления, то форма построек в плане и в разрезе дает более подробные и точные указания о том, на каких основах происходила эволюция строительства однонефных церквей в Армении.

П л а н и о ф о р м л е н и е п р о с т р а н с т в а. Если исключить небольшую часовню церкви Св. Шогакат в Эчмиадзине, то на основании имеющихся образцов можно характеризовать план однонефных церквей как относящийся к удлиненному прямоугольному помещению, простирающемуся с востока на запад, с апсидой, не выступающей перед фасадом на восточном конце, с одним входом на западной стороне и одним или двумя входами на южной стороне. Все прочие детали, видимые на плане, изменчивы. За исключением церкви Св. Шогакат, все эти постройки при своих примерно одинаковых размерах (9 м х 23 м) не имеют характера часовен, а скорее являются церквями; и все же размеры последних, по-видимому, соответствовали потребностям своего времени, если они, даже по примеру Егварда, не были разгружены посредством церковной пристройки. Только в Ани общие размеры церкви меньше (7,50 м х 14 м), но здесь надо учесть, что эта постройка принадлежала целому дворцовому комплексу, и что она, по сравнению с пристроенной позже часовней, может считаться отдельным зданием, а не упрощенным или уменьшенным вариантом какого-либо монументального типа. Отсюда вытекает, что эти здания сами по себе также являются определенным типом.

В древнехристианских странах мы редко встречаем однонефную церковь, как самостоятельный тип, так как она, будучи ограничена в своих размерах в зависимости от типа покрытия, не могла удовлетворять требованиям культа в качестве помещения для молитвенных собраний. Как самостоятельный тип однонефная церковь, кроме Армении, встречается только в Хауране и Северной Месопотамии (Тур-Абдин), т. е. там тоже она не представляет собой одну лишь часовню или небольшую мемориальную церковь. Уже в первые века христианской эры всюду возникают более обширные типы. Тут могло играть роль и то обстоятельство, что для первых, более малочисленных христианских общин требовались меньшие помещения, но одно только это не может решить вопрос о том, почему этот тип встречается именно в отмеченных регионах. Ведь мы находим его еще в то время, когда крупные формы уже имели большое распространение, и в тех городах и поселениях, в которых число церковных построек раннехристианского периода уже позволяет заключить о значительном числе христиан (так, например, в поселке Умм аль-Джималь в Хауране имелось 15 церквей разной величины)[1]. С другой стороны, в иных местностях, например – в Центральной Сирии, однонефный тип совершенно отсутствует даже на самом раннем этапе христианства (IV век), причем и часовни встречаются редко: это объясняется естественными условиями и связанными с ними техническими пред-

[1] См. ***Butler Howard Crosby***, Ancient architecture in Syria – Publications of the Princeton University archaeological expedition to Syria, Div. II, Sect. A, Part 3: Umm Idj-Djimal, Leiden, 1913 (стр. 149–213).

посылками. В приморских восточных странах, куда проник эллинизм и где уже в древности применялись постройки продольного типа с деревянным покрытием, можно было увеличивать помещение церкви в ширину и в длину при помощи средних опор, не создавая этим неудобную диспропорцию. Другим было положение в странах, где традиционно применялись кирпичные своды и где ощущался недостаток в дереве. Пролет сводов был ограничен, если только в ход не пускались всевозможные технические ухищрения (как, например, во дворце Ктесифона), которые в особых случаях давали возможность для создания огромных пролетов[1]. В месопотамских странах, которым для строительства приходилось пользоваться кирпичом, в древности не знали закрытых помещений для собраний; вместо них при благоприятном климате пользовались открытыми дворами. Квадратное помещение, покрытое куполом, и помещение продольного типа, покрытое цилиндрическим сводом, являлись теми исходными единицами, из которых составлялись постройки. При постройке помещений для культовых собраний в тех местностях, где применялся кирпичный свод, этими элементами пришлось воспользоваться и христианству[2]. Поэтому там были только две возможности для оформления христианского храма. Выбирали одну из единиц (купольный квадрат или прямоугольник с цилиндрическим сводом) и старались достичь их максимального расширения. Там, где сказывалось влияние эллинизма, не знавшего купольных построек, предпочтение отдавалось помещениям продольного типа. Так было, например, на севере Месопотамии, где уже со времен Селевкидов эллинизм приобрел большое влияние, тогда как центральная и южная части того же региона, будучи отрезаны от побережья пустыней, издревле соединялись со Средиземноморьем обходным путем через север. В Северной Месопотамии постройки продольного типа с цилиндрическим сводом действительно получили большое значение в строительстве церквей. На первый взгляд, может показаться рискованным связывать происхождение этого типа с древней Месопотамией. Прежде всего обращает на себя внимание одно обстоятельство, касающееся формы плана. В то время как однонефная церковь существует как отдельный тип здания, мы встречаем покрытые сводом помещения на Древнем Востоке (например, дворец Саргона в Ниневии[3]) вплоть до сасанидского периода (например, Фирузабад и Сарвистан) (II, рис. 413), и даже в современном месопотамском градостроительстве – как часть целого комплекса, в котором одно такое помещение примыкает к другому[4]. В этом уже имелось то преимущество, что одновременно представлялась возможность взаимного крепления сводов. Это примыкание устраивалось всегда параллельно, т. е. длинная сторона примыкала к длинной стороне, так как этим достигалось максимальное использование площади. Это, однако, было связано со следующим важным обстоятельством: так как при таком расположении соединяющие входы всегда находились на продольных сторонах, то входящий имел перед собой помещение не в узком продольном, а в широком поперечном направлении.

[1] См. ***Dieulafoy Marcel***, L'art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть IV, стр. 16).

[2] Относительно однонефной церкви в Хауране см. ***Glück Heinrich***, Der Breit- und Langhausbau in Syrien – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, XIV, Heidelberg, Winter, 1916.

[3] См. ***Perrot Georges*** *et* ***Chipiez Charles***, Histoire de de l'art dans l'antiquité. Tome II: Chaldée et Assyrie, Paris, 1884 (рис. 193).

[4] См. ***Dieulafoy Marcel***, L'art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть V, таблица I).

Помещения, распространяющиеся в ширину, получили на Востоке такое же значение, как постройки продольного типа в странах Средиземного моря. Даже дворы, как показывает устройство ворот на продольных сторонах, устраивались на основе такого пространственного ощущения (например, дворец Саргона в Ниневии). Такое преобладание ширины нам кажется обстоятельством, при котором гипотеза о происхождении христианской однонефной постройки с цилиндрическим сводом из древневосточных предпосылок маловероятна. При изоляции отдельного помещения, покрытого цилиндрическим сводом, пространственная ширина теряла свою обоснованность, как только это помещение предназначалось для целей культа и молитвенных собраний. Размещение входов в одной из продольных стен также теряло всякий смысл, т. к. принцип преобладания ширины прежде всего мешал расположению апсиды, которая, как место совершения религиозных обрядов, согласно эллинистической традиции, должна была находиться в поле зрения паствы, т. е. не у продольных стен, а у одной из поперечных. Устройство входов в узкой стене напротив апсиды еще больше подчеркивало продольное направление. Следовательно, получалось отдельно стоящее продольное помещение с цилиндрическим сводом, апсидой у одной узкой стороны, и входом – у другой. Такова однонефная церковь в Армении и в Северной Месопотамии. Из этой формы трудно было бы сделать вывод, что здесь мы имеем дело с преобразованием древнемесопотамского помещения широкого типа, если бы это не подтверждалось отдельными признаками атавизма, сохранившимися в особенности у памятников Северной Месопотамии, в которых шаг за шагом можно проследить этот вызванный христианством процесс преобразования. Он представляет собой борьбу, которую вел христианский эллинизм с местным восточным направлением, при котором отдельная постройка противостояла всему комплексу, а продольный тип – широкому типу. Сюда еще добавляется связанное с христианством стремление к возможно большему пространству для собраний и устройства апсиды.

Показанные Стржиговским, а позднее и Белл церкви Тур-Абдина[1] дают наглядную картину этой борьбы. Попытка сохранить принцип преобладания ширины, несмотря на добавление алтарной апсиды, появляется в главной церкви и в церкви Сорока мучеников в монастыре Мар Габриель, а также в церквях Мар Ибрагим и Мар Убил в Мидьяте, Мар Малка и Мар Якуб в Салахе, Эль-Хадра в Хахе. В качестве общего примера для этих церквей я привожу Мар Ибрагим и Мар Убил в Мидьяте (II, рис. 420 a). Алтарная апсида у церкви этого вида еще не имеет форму открытой в сторону общего помещения апсиды, а представляет собой замкнутую широкую комнату, параллельно прилегающую к главному помещению, с которым она соединена дверью (II, рис. 420 a, слева). Большей частью это помещение разделено на три части, так что наряду с адитоном имеются еще протезис и диаконикон (II, рис. 420 a, справа). Но во всех случаях эта часть простирается по всей ширине главного помещения, так что получается замкнутый комплекс. Форма апсиды, выступающей из прямоугольного купола, чужда местному духу, прививается с трудом и

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910; ***Bell Gertrude***, The Churches and Monasteries of the Tûr'Abdin (Heidelberg, 1910) и ***Bell Gertrude***, Churches and monasteries of the Tûr'Abdin and neighbouring districts – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, IX, Heidelberg, 1913.

выражается только в том, что в некоторых случаях в задней стене апсиды устраивается круглая или многоугольная ниша. Только в Мар Якубе выступает настоящая, внутри круглая, а снаружи многоугольная апсида[1]. Если это широкое сводчатое помещение, выполняя функцию апсиды, служит в то же время для восприятия бокового распора среднего свода, то с противоположной стороны ту же функцию принимает на себя параллельное ему помещение, которое является приделом. Таким образом, создается второе, добавочное помещение, которое могло быть использовано для отделения во время богослужения мужчин от женщин. Вся церковь в целом состоит из комплекса в виде трех расположенных рядом помещений широкого типа. Так как среднее, т. е. главное помещение по высоте и глубине больше, чем боковые, то этот тип снаружи имеет сходство с формой базилики. Однако преобладание ширины помещений, совершенно отделенных друг от друга стенами и связанных между собой только входами, а также положение адитона и входов ясно показывают существенное различие. Этот тип, по-видимому, был больше распространен в конце V и начале VI веков[2], а в некоторых случаях проник через Таврские горы в Малую Азию, где он применялся в пещерных постройках[3].

У второго типа церквей Тур-Абдина решающую роль играет введение апсиды на одной из узких сторон главного помещения. В указанных выше случаях проведение службы было невозможно вследствие замкнутости апсиды. Распространение главного помещения в ширину являлось препятствием. Но как только стали применять принятую в эллинистических странах апсиду, положение изменилось. Апсида, эллинистическое происхождение украшений которой не подлежит сомнению, не являлась больше (как до этого – адитон) замкнутым помещением, а во всю ширину была открыта в сторону нефа и должна была быть доступной взорам молящихся. Если возникала необходимость соединить притвор этого вида с главным помещением широкого типа, то при проявляющейся повсюду в Месопотамии боязни пробивать несущие стены[4] оставалось лишь устраивать апсиду у короткой (торцевой) стены. Эту стену, не несущую на себе нагрузку свода, можно было безопасно пробить во всю ширину апсиды. Наряду с этим высокий амвон давал присутствующим возможность видеть действия культа. В рассматриваемых в данном случае

---

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 236), ***Bell Gertrude***, Churches and monasteries of the Tûr'Abdin and neighbouring districts – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, IX, Heidelberg, 1913 (стр. 71, таблица XI).

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 232) и ***Bell Gertrude***, Churches and monasteries of the Tûr'Abdin and neighbouring districts – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, IX, Heidelberg, 1913 (стр. 66).

[3] Так, например, Токали-килисе *(прим. ред.: Церковь-пряжка, Изогнутая церковь)* в Гёреме, у Аргейской горы, имеет такое же распределение помещений с монументальным убранством (см. ***Rott Hans***, Kleinasiatische Denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kappadokien und Lykien, Leipzig, 1908, стр. 224). Так как под фресками, которые Ротт относит к 802–811 годам, обнаружен второй, более древний слой живописи, то время возникновения этой пещерной церкви приближается к периоду постройки Тур-Абдина. При этом следует иметь в виду, что применение образцов довольно сложного типа при сооружении пещерной церкви доказывает широкое распространение и развитие этого типа.

[4] См. ***Glück Heinrich***, Ein islamisches Heiligtum auf dem Ölberg. Ein Beitrag zur Geschichte des islamischen Raumbaues – Der Islam: Zeitschrift für Geschichte und Kultur des islamischen Orients, Straßburg, 1916, Band VI (4), (стр. 328–349).

церквях Мар Азазиель в Кефр Зехе, Мар Кириакос в Арнасе (II, рис. 420 б) и Мар Филоксенос в Мидьяте ясно видно, как проход, отделяющий апсиду от нефа, придает апсиде характер чуждого элемента, привязанного к замкнутому корпусу церкви. Одновременно заметно стремление сохранить комплексную замкнутость плана путем пристройки боковых помещений в виде проходов или часовен. При таком преобразовании плана одновременно был сделан решительный шаг к тому, чтобы придать главному помещению самостоятельность, независимость от всего комплекса: апсида в качестве элемента крепления цилиндрического свода главного помещения была упразднена, а само церковное помещение разместилось вдоль одной из продольных сторон. Из этого, однако, вытекала необходимость усиления соответствующей продольной стены. Таким образом, мы видим, что у этих церквей северная стена имеет значительную толщину, в то время как южная стена заметно слабее, так как здесь нагрузку брали на себя стены притвора. Благодаря сохранению притвора можно было использовать угол между ним и южной стеной апсиды для устройства диаконикона. Вследствие перенесения апсиды ориентировка главного здания сместилась на 90°, т. е. оно оказалось направленным к востоку не широкой, а длинной стороной. Все же еще сохраняются следы прежней ориентировки в ширину из-за расположения нартекса и входного проема на южной стороне, а также ввиду отсутствия западного портала – главной характерной черты эллинистической постройки продольного типа.

У церквей Мар Сово в Хахе (II, рис. 420 в) и, вероятно, Мар Филоксенос в Мидьяте мы видим результат обрисованного здесь развития, при котором эллинизм смешался с местными формами. Первоначальный вид Мар Сово представлял собой постройку продольного типа с апсидой, выступающее положение которой выравнивалось в плане проходом, покрытым цилиндрическим сводом. Притвор с южной стороны апсиды, несмотря на отсутствие бокового нефа, был сохранен по литургическим причинам. Хотя имеются боковые двери, но портал в западной стене уже снаружи подчеркивает продольное направление. Несмотря на то, что продольный тип церкви стал преобладающим, здесь все же, по-видимому, применялась эллинистическая деревянная кровля, как предполагает мисс Белл, принимая во внимание необычную ширину пролета (11,10 м) и малую толщину стен. Однако возможно, что применение деревянной кровли в этих местах было всего лишь эпизодом, так как впоследствии цилиндрический свод устраивался при помощи декоративных аркад, причем слабые стены разгружались путем пристройки двух боковых помещений, покрытых цилиндрическими сводами по местному образцу, но без нарушения принципа продольного направления. То же самое имело место и в Мар Филоксеносе, где еще видны отверстия для балок[1], и где опорные аркады сводов закрывают обычно имеющиеся в эллинистических базиликах окна, что доказывает более позднее устройство аркад. Гертруда Белл считает, что нет возможности выявить, был ли южный неф построен с самого начала или же он был добавлен лишь при замене деревянного покрытия сводом[2]. Не исключено, что в этих церквях, имеющих только одно помещение, место для мужчин отделялось от места для женщин оградой.

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 197).

[2] Там же, стр. 356.

Таким же образом церкви Мар Ауген (II, рис.420 г) и Мар Юханна, хотя они и входят в монастырский комплекс, являются представителями типа однонефной изолированной церкви[1]. В обеих церквях вместо деревянной кровли применено сводчатое покрытие местного типа. Вход первой церкви еще находится на южной стороне, тогда как у другой церкви вход устроен уже в западной стене. Следует отметить, что у обеих церквей апсида имеет прямоугольный контур наподобие местной формы адитона.

Из сказанного видно, что при создании помещений для культа христианская церковь приспосабливалась здесь к местным условиям, в свою очередь приспосабливая их для своих нужд путем постепенного отказа от комплексности и перехода от широкого помещения к продольному. Не может быть и речи о том, что христианская церковная архитектура могла быть заимствована в готовом виде извне, поскольку перед Месопотамией, по крайней мере, столь же рано, как и в других христианских регионах, была поставлена задача создания собственного помещения для культа. Так же, как и в странах Средиземного моря, христианская церковь и здесь должна была удовлетворяться тем, что уже имелось, и исходить из наличных условий. Эти памятники впервые показывают непосредственную связь с древним дохристианским периодом, которая проявляется еще отчетливее, если обратить внимание на главный элемент этих построек – на своды (см. следующую главу). Рассматривая армянские однонефные постройки, мы видим, что они являются прдуктом той же эволюции, которую мы могли проследить в Северной Месопотамии.

Выше мы уже указали на церковь в Карнуте, как на постройку, сохранившую в наиболее чистом виде восточные традиции, поэтому эта постройка по своему возрасту может, пожалуй, занять первое место. Здесь (II, рис. 416 д) мы видим наибольшее сходство с северомесопотамскими постройками продольного типа. Главное помещение, которое было первоначально покрыто цилиндрическим сводом, имеет в плане такие же пропорции, как и в церквях Тур-Абдина, т. е. в два раза бóльшую длину по сравнению с шириной. Апсида, которая на узкой восточной стене сужается в сторону нефа, в 1861 году еще сохраняла, по словам священника Тер Саргиса, свою начальную неэллинистическую прямоугольную форму как изнутри, так и снаружи.

Сохранилась также апсида на южной стороне (позднее построена заново), равно как и апсида в однонефной церкви Мар Сово в Хахе, несмотря на упразднение южного притвора, продиктованное, вероятно, литургическими причинами. Оба входа на южной стороне, из которых восточный в настоящее время замурован, едва ли в состоянии дать помещению достаточное количество дневного света. Обычно устройство боковых входов оправдывают необходимостью подачи света с южной стороны. Возможно, это тоже было одной из причин, но пробитые впоследствии окна доказывают, насколько мало были пригодны входы для данной цели. Мы считаем, что входы эти являются отзвуком принципа подчеркивания ширины помещения, что сказывается также и в том, что южные входы по преимуществу выделяются более богатыми украшениями, чем западные (Лернакерт)[2]. Последние не имеют обрамления и не особенно выделяются, даже не находятся в середине

[1] Там же, стр. 227.

[2] О значении южных входов см. ***Glück Heinrich***, Der Breit- und Langhausbau in Syrien – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, XIV, Heidelberg, Winter, 1916 (стр. 20 и 81).

фасада. Все эти моменты представляют собой атавизмы, в которых прослеживается влияние старого широкого типа. Сюда надо добавить и мотив, который, начиная еще с Гарни, встречается у однонефных построек и прослеживается в трехнефных церквях вплоть до VIII века (Ерерук, Текор, Одзун)[1], а именно – открытая наружная апсида без соответствующего придела или часовни. Эта форма постоянно встречается в области Тур-Абдина[2]. Там эти апсиды применялись для служб в будние дни, в то время как главным помещением церкви пользовались только по воскресным дням. Таким образом, данный тип армянских построек показывает, что он является результатом северомесопотамской эволюции.

Другие однонефные церкви Армении также развивались в этом направлении, в большей или меньшей степени демонстрируя ту же зависимость. Размеры и пропорции у них такие же, как и в Карнуте. Небольшая церковь в Егварде (I, рис. 155), как Карнут и северомесопотамские церкви продольного типа, у северной стороны апсиды[3] также, по-видимому, имела диаконикон. Это, по крайней мере, видно по ясным следам входного проёма на правой стороне апсиды. Вопрос о форме плана этого помещения может быть решен только путем дальнейших раскопок. Апсида имеет в плане форму полукруга. Сомнительно, принадлежал ли уступ стены у северо-западного угла замкнутому притвору, так как у противоположной стороны не имеется никаких следов соответствующей части, и юго-западный угол был украшен трехчетвертной колонной, от которой осталась на месте барабанообразная база, скромно украшенная четырьмя гладкими кольцами. Можно в крайнем случае предположить, что указанная часть стены простиралась перед этим фасадом в виде стены колонной залы и продолжалась вдоль южного фасада. К такому выводу приводят сваленные в этом месте барабаны колонн, две капители, грубо отделанные под коринфский ордер, обломки арок с двойным зубчатым орнаментом, а также куски архитравов, которые при иных условиях едва ли могли найти применение в постройке[4]. Появление здесь колонн и капителей на античный манер должно казаться странным, если принять во внимание, что античная архитектура в этих краях не создала почти никаких предпосылок, которые могли бы быть восприняты христианством[5]. Это обстоятельство скорее приводит нас к другому источнику, из которого христианство в Армении могло бы, наряду с месопотамскими формами, черпать свои первые архитектурные формы. Сюда относятся те области, куда эллинизм большей частью поставлял свои архитектурные формы для христианской церкви, а именно – Сирия и

[1] Прим. ред.: перечисленные церкви датируются не VIII, а V–VI веками.

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 245, 248 и 256).

[3] Прим. ред.: не у северной стороны, а у южной.

[4] Среди обломков, валяющихся перед порталом, я нашел довольно длинные, похожие на архитравы куски с двойным зубчатым орнаментом и фрагмент арки, у которого тот же орнамент переходит в прямую. Эти куски вместе с имеющимися капителями и отверстиями для анкеража указывают, по-видимому, на существование колонного притвора, средний интерколумний которого был перекрыт аркой. Сирийское происхождение этого мотива подтверждается рядом памятников: см. ***Kohl Heinrich*** *und* ***Watzinger Carl***, Antike Synagogen in Galiläa, Leipzig, 1916 (стр. 147) и ***Glück Heinrich***, Der Breit- und Langhausbau in Syrien – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, XIV, Heidelberg, Winter, 1916 (стр. 55).

[5] О Гарни, единственном античном памятнике в Армении, и о малом значении в той же стране эллинистической и римской архитектуры см. выше.

Малая Азия. Фактически, армянское христианство, наряду с месопотамским, временно находилось под сильным влиянием сирийско-малоазийских миссионерских центров (см. ниже) до того, как там окрепло великое национальное движение VI и VII веков. Так как во время этого движения эллинизм, особенно в поздний период, все более вытесняется, и колонна больше не применяется в качестве свободно несущей опоры, то уже поэтому следует принять для этого памятника весьма раннюю дату. Судя по имеющейся (не расшифрованной) армянской надписи, высеченной в балках и отличающейся от надписей на монументальных фризах конца VI – начала VII веков своими довольно изящными буквами высотой всего в несколько сантиметров, постройку этой церкви можно отнести к эпохе создания армянского алфавита (V век), т. е. к более раннему периоду, чем время постройки соседней трехнефной церкви в Егварде с монументальным фризом, на котором имеются надписи и указана дата сооружения – 570 год. К аналогичному выводу мы придем также при анализе сводов и рассмотрении орнаментов.

Церковь в Г а р н и (I, рис. 161), по образцу церкви в Егварде, имеет в плане апсиду круглой формы с прямолинейным началом и немного сдвинутую к югу западную дверь. Так же, как и в Карнуте, здесь на южной стороне сохранился второй вход – отголосок принципа стремления вширь. На южной стороне апсиды, как и в Карнуте, имелась открытая апсида. Два момента заслуживают особого внимания – субселлий в апсиде и наружные пилястры[1]. Субселлий, по-видимому, применялся только там, где богослужение происходило в присутствии большого числа служителей культа, т. е. прежде всего в местах нахождения епископов (так, например, в Мцхете субселлий трехступенчатый). Гарни также уже в IV веке был резиденцией епископа[2] и сохранил свое церковное значение до средних веков. Если эта церковь являлась епископской, то уже по этой причине она должна быть отнесена к эпохе раннего христианства, так как в более позднем периоде для епископальной церкви потребовалось бы здание бóльших размеров, и строители прибегли бы к типам, допускающим устройство более обширных помещений. Расчленение ограждающих стен пилястрами говорит об особом выделении постройки, так как пилястры имели чисто декоративную функцию. В качестве контрфорсов они не могли играть заметную роль ввиду своей малой толщины и прочности. Кроме того, они лишь приблизительно соответствуют внутренним пилястрам, воспринимавшим нагрузку от подпружных арок цилиндрических сводов. Чисто декоративное назначение проявляется также в тщательной профилировке баз (B) и капителей (A), а также в том, что задний пилястр (A), лишенный даже символической функции опоры, на несколько рядов камней ниже прежнего карниза. Эллинистические признаки проявляются, с одной стороны, в наличии западного входа в здании продольного типа, а с другой – в расчленении стен. Северная Сирия и Месопотамия, под влиянием которых Армения находилась в первые века христианства, в этом отношении тоже имеют решающее значение[3]. Подобный декоративный вид расчленения стен мы встречаем и в Малой

[1] О внутренних пилястрах см. ниже.

[2] См. ***Ալիշան Ղևոնդ***, Այրարատ, Վենետիկ, 1890 (***Алишан Гевонд***, Айрарат, Венеция, 1890, стр. 362).

[3] См., например, церковь Хах в деревне Эль-Хадра (***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910, рис. 204) и расчленение ее главных стен (не барабана) (там же, рис. 201). См. также ***Butler Howard Crosby***, Architecture and other arts, New York, 1903 (стр. 55, 66, 77, 186 и 223).

Азии (Томарза)[1]. На основании сказанного мы можем ограничить дату этой постройки периодом до VI века н. э.

Наиболее чистым образцом однонефной, отдельно стоящей монументальной постройки продольного типа является церковь в Лернакерте (I, рис. 159), где нет нарушающего замкнутость плана диаконикона. Тем не менее, ступенчатое подножие, величина каменных блоков и выделение замурованного в настоящее время южного входа пилястрами с фронтоном при совершенно простом западном входе показывают следы остаточного влияния восточно-месопотамской традиции. При сравнении с другими однонефными постройками следует обратить особое внимание на примененный в плане и разрезе апсиды мотив подковообразного очертания (об этом поговорим ниже).

Таким образом, по своему плану однонефные церкви в Армении включаются в процесс эволюции, проистекающей из смешения восточной традиции (помещение широкого типа) с христианским эллинизмом (помещение продольного типа). При оживленных церковных связях между Арменией и северомесопотамскими областями в первые века официального, признанного в качестве государственной религии христианства, развитие это распространилось также на районы, лежащие по ту сторону Тавра. Сохранившиеся до настоящего времени и известные нам памятники армянского зодчества дают возможность делать выводы относительно их связи с древнемесопотамской архитектурной традицией только с учетом и на основе упомянутых выше атавизмов, которые имеются в их планировке. Те промежуточные ступени, которые встречаются в Северной Месопотамии, здесь пока отсутствуют, если не считаться с тем, что в небольшой церкви в Егварде и, может быть, в Гарни мы имеем дело с южным притвором. Этот вопрос следовало бы выяснить посредством раскопок. У нас есть, однако, еще одно косвенное доказательство происхождения однонефных сводчатых построек из месопотамской традиции: распространение этого типа дальше на север. В Грузии фактически встречаются промежуточные звенья в том виде, в котором они имеются у Мар Кириакоса в Арнасе (II, рис. 420 б), где сохранение южного притвора с архитектонически и орнаментально выделенным главным входом ясно указывает на принцип подчеркивания ширины помещения, несмотря на то, что апсида расположена на востоке[2]. Подобные примеры можно найти и в “Материалах по археологии Кавказа”[3].

Р а з р е з и п о к р ы т и е (цилиндрический свод). Уже в предыдущей главе пришлось указать на цилиндрический свод, как на неотъемлемый элемент однонефной церковной архитектуры. Фактически он является общим элементом для всех

[1] См. ***Rott Hans***, Kleinasiatische Denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kappadokien und Lykien, Leipzig, 1908 (рис. 65–67).

[2] Влияние этой восточно-месопотамской традиции в Грузии в особенности характеризуется тем, что южный притвор применен также у трехнефных построек, представляющих эллинистическую традицию. Так, например, Сионская церковь в Болниси (II, рис. 503) совершенно согласуется по своему характеру с северо-месопотамскими церквями. При этом надо еще указать, что небольшие западные двери были устроены лишь в более поздний период, что видно из формы и материала (кирпич).

[3] См. Христианские памятники. Экскурсия Е. Токайшвили 1902 года – Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического общества, снаряженными на Высочайше дарованные средства, выпуск 12, Москва, 1909 (стр. 61 и 63).

армянских одно- или многонефных построек продольного типа. Хотя, за исключением Дворцовой церкви в Ани, свод в целости не сохранился ни у одной из приводимых здесь построек продольного типа, все же его наличие могло быть установлено у всех дошедших до нас в развалинах постройках. В остальных случаях в пользу наличия свода говорит чрезвычайная толщина стен. С целью подчеркнуть факт общего применения цилиндрического свода в христианско-армянской архитектуре продольного типа я прежде всего перечислю отдельные памятники, доказывающие применение сводов. В этот список я включаю также трехнефные постройки, которые будут рассмотрены в следующей главе.

В церкви в Аштараке свод в боковых нефах частично сохранился во всем пролете (I, рис. 168). Свод среднего нефа сохранился в пяте до 3-го и 4-го ряда камней. Следы от кладки свода еще ясно видны у западной торцевой стены. В Ереруке своды трех нефов полностью обвалились. О прежних сводах сейчас свидетельствуют лишь большой слой обломков и мусора внутри здания, основание цилиндрического свода в северо-восточном углу (I, рис. 178) и пилястры у боковых стен, на которые опирались подпружные арки. Своды башенноподобных боковых помещений местами хорошо сохранились (I, рис. 178). В церкви в Лернакерте (заново покрыта деревянной кровлей) следы прежнего свода еще ясно видны на сохранившейся торцевой стене (I, рис. 158); кроме того, наличие этого свода подтверждают начало свода у верхнего сохранившегося ряда камней боковых стен, а также отдельные сваленные на кровле блоки, обтёсанные с одной стороны по кривизне свода. Последняя подпружная арка апсиды, по сообщению прежнего священника, еще стояла на месте 90 лет тому назад. В Касахе (в настоящее время имеет деревянную кровлю) форма Т-образных пилонов (из чего можно заключить, что имелись поперечные подпружные арки) говорит в пользу наличия цилиндрического свода у среднего нефа. Арки сводов боковых нефов еще сохранились. Обломки сводов лежат перед церковью. Только в церкви Карнута не видно никаких следов бывшего свода. Однако толщина стен и сообщение священника о том, что в 1861 году, когда строилась деревянная кровля, еще существовало начало свода, подтверждают, что постройка была покрыта сводом. В Гарни стоят только апсида и северная стена. Обе церкви в Егварде и часовню церкви Св. Шогакат в Эчмиадзине можно представить только в плане. Тем не менее, можно установить, что все эти церкви были покрыты цилиндрическими сводами, учитывая толщину стен и наличие пилястров.

Эти предпосылки необходимы, чтобы с самого начала подчеркнуть доминирующее положение свода также у построек продольного типа в Армении. Ни в одном из известных памятников не заметен какой-либо след от прежнего деревянного покрытия, которое могло бы быть впоследствии заменено сводом. Поскольку некоторые церкви еще служат для целей культа, их деревянные кровли относятся к новейшему периоду. Однако если принять во внимание, что армяне применяют для покрытия своих жилых домов исключительно древесный материал и в зрелой, развитой форме, и если мы должны считать, что деревянные кровли применялись в светском строительстве в продолжении многих веков при постоянстве этнографических форм, и что (как это подтверждает Ксенофонт) подобные кровли строились также в самые древние времена, то возникает вопрос: каким образом армянская архитектура пришла к применению сводов? В настоящее время даже в самых мелких

постройках, у которых свод повредился и где можно произвести починку свода, предпочитают применять с этой целью дерево. Скорее надо полагать, что в более ранние периоды, когда имелись большие запасы лесоматериалов, деревянные покрытия могли бы применяться в монументальных постройках. Однако, например, большая церковь в Аруче (I, рис. 14) показывает, что именно в местности, где когда-то наверняка имелись богатейшие леса (см. ниже), своды поражали своей особой монументальностью.

То обстоятельство, что в христианские постройки продольного типа в Армении каменные цилиндрические своды внедрились с самого начала, ставит эти постройки в особое положение среди таких же построек прилегающих христианских стран. В Сирии, Малой Азии и, в единичных случаях, в Северной Месопотамии мы находим деревянные кровли там, куда эллинизм имел легкий доступ, где его влияние не наталкивалось на препятствия. В особенности это касается прибрежных стран Средиземного моря и более отдаленных стран, природные условия которых содействовали такому проникновению. Таким образом, деревянная кровля доминирует на севере Центральной Азии, но позднее и лишь в отдельных случаях проникает в бедный лесом южный Хауран[1]. У южного побережья Малой Азии, насколько об этом можно судить в настоящее время, цепь Таврских гор составляет границу распространения построек с деревянными кровлями. Эллинизм, а вместе с ним кое-где и деревянная кровля (Скупи[2]), проникал в страну только в тех местах, где путь вовнутрь страны был более открыт – как, например, в Антитавре (из Киликии в Кесарию Каппадокийскую)[3]. Однако именно здесь, а также в горных областях Северной Месопотамии, куда также проник эллинизм из Антиохии, способствуя основанию там больших городов, обычным типом покрытия является все же не деревянная кровля, а свод. Эти области – центральные части Малой Азии и Северная Месопотамия – образуют пограничные районы Армении к югу и западу. В то время как там, вследствие проникновения эллинизма, свод был частично заменен деревянной кровлей, на Армянском нагорье он являлся не только типичным, но и единственным видом покрытия христианских церквей. Насколько незначительным было влияние эллинизма в Армении, мы уже могли убедиться в предыдущих главах настоящего исследования. Это находит свое подтверждение и столь широким применением там сводчатого покрытия.

Рассмотрим вопрос о сводах подробнее, прежде всего в связи с возникновением и формой армянского свода. Своды строились из того же материала, что и стены. В качестве облицовки применялись красные и серовато-черные вулканические туфы и лавы, сам же свод, равно как и стены, сооружался из бутобетона на густом растворе. Эта типичная для всех армянских сводов техника видна на рис. 168 (I). При возведении менее крупных сводов – как, например, в боковых нефах, обходятся без облицовки, заменяя ее штукатуркой. Своды возводились, по-видимому, при помощи деревянных кружал. В отдельных случаях – как, например, в Аруче (I,

[1] См. ***Glück Heinrich***, Der Breit- und Langhausbau in Syrien – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, XIV, Heidelberg, Winter, 1916.

[2] Прим. ред.: Скупи (Skupi) – укрепленное поселение, военный лагерь древних римлян, основанный ими в конце I века н. э. недалеко от нынешней столицы Македонии города Скопье.

[3] См. ***Rott Hans***, Kleinasiatische Denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kappadokien und Lykien, Leipzig, 1908 (стр. 192 и далее).

рис. 14) еще сохранились отверстия, куда были заделаны балки кружал. Но в тех случаях, когда (как при мелких постройках) стоячие леса не применялись, достаточными точками опор для висячих кружал служили капители пилонов. Свод обычно имеет форму довольно точного полуциркульного свода. Переход от стены к своду в древнеармянских памятниках никогда не отличается горизонтальным связывающим архитектурным элементом (карнизом или обломом). Вертикальная грань стены непосредственно переходит в закругленную поверхность свода. Однако почти полностью доминирует вертикальное членение, что относится также ко всему пространству. Это достигается благодаря подпружным аркам, расположенным параллельно друг другу на расстоянии приблизительно равном их пролетам и опирающимся на пилоны или пилястры. Среди имеющихся памятников только в случае Карнута следует, учитывая отсутствие пилястров, предположить наличие цилиндрического свода без подпружных арок. В то время как переход от стены к своду не отмечался никаким особым архитектурным элементом, это всегда имело место при переходе от пилона (пилястра) к арке. Капители, маскирующие этот переход, как это видно из простой формы, имели не столько декоративное значение, сколько служили, как было упомянуто выше, скорее для того, чтобы дать точки опор для установки кружал, которых не было у перехода стены в свод.

Обратимся к сводам однонефных построек. Мы указали на отголоски влияния месопотамского стремления вширь и установили, что этот принцип был основан на предпосылке месопотамского кирпичного свода. Если принять во внимание, что до принятия христианства свод в Армении не применялся, то возникает вопрос, могла ли соседняя страна – знакомая со сводами Месопотамия – оказать в этом отношении влияние на Армению, и в какой степени при этом имела значение разница в материале. В месопотамской низине своды возводились исключительно из кирпича на растворе. Даже там, где страна на севере переходит в гористый район, кирпичный свод в общем сохраняется, хотя материалом для стен повсеместно служил камень (Тур-Абдин). Однако в отдельных случаях здесь также встречается каменный свод – как, например, в Хатре (II век)[1] или в монастыре Св. Иакова близ Эдессы[2]. То же самое мы видим у западной границы каменистого района низины (например, в Мшатте – кирпич[3], а в Кусейр-Амре – камень[4]. Уже факт одновременного наличия кирпичных и каменных сводов в пограничных районах Месопотамии с преобладанием кирпича в качестве стройматериала говорит за то, что прототипом являлся кирпичный свод. По мере распространения свода в прилегающих странах с каменистой почвой при возведении сводов пришлось перейти к другому материалу. Но переход этот происходил не сразу и не безусловно, как это видно из того, что кирпичный свод продолжал применяться.

Переход к новому материалу был, однако, связан с изменением техники и формы сводов. Самым характерным признаком чисто месопотамского кирпичного

[1] См. ***Andrae Ernst Walter***, Hatra. Nach Aufnahmen von Mitgliedern der Assur-Expedition der Deutschen Orient-Gesellschaft. In zwei Teilbänden, Leipzig, 1908–1912.

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 269).

[3] См. ***Strzygowski Josef***, Mschatta. Festschrift zur Eroffnung des Kaiser Friedrich-Museums – Jahrbuch der königlich-preuβischen Kunstsammlungen, XXV, Berlin, 1904.

[4] См. ***Musil Alois***, Kuseir Amra, 2 Bände, Wien, 1907.

свода, вытекающим из недостатка лесоматериала, является то, что свод возводился без кружал. Старый способ кладки сводов описал Марсель Дьелафуа[1], а недавно и Сомерс Кларк[2], который и в настоящее время наблюдает подобную технику и стройматериалы в верховьях долины Нила. Дьелафуа подробно анализировал эту же технику в Месопотамии при исследовании древних сооружений. В общем здесь надо подчеркнуть следующее: в случае отсутствия кружал при возведении цилиндрического свода возникает необходимость как можно больше приблизить друг к другу обе начальные части сводов, которые в виде консоли выступают из вертикальных стен ввиду опасности потери устойчивости и обвала. Это достигается тем, что нависающая часть выводится по возможности круто, и начало свода делается как можно толще, чтобы подольше удержать центр тяжести в пределах плоскости опоры вертикальной стены[3]. Когда обе начальные части свода до предела сближаются, свод замыкается насаждением колпака. Так как и в этом случае требуются кружала, то кирпич не кладется на ребро в вертикальных арках, а ставится косыми кольцевыми рядами у торцевой стены таким образом, что при схватывании раствора свод мог быть доведен до укладки замковых кирпичей.

Для формирования свода важны следующие технические предпосылки:

1) При отсутствии кружал на месте перехода от вертикальной стены к своду отпадает необходимость в таких архитектурных элементах, как карниз или облом, которые должны стать опорой для кружал, так что стена переходит в свод без горизонтального членения.

2) Из-за стремления возводить начальные части свода по возможности выше и круче свод в разрезе приобретает сильно подчеркнутую эллиптическую форму.

3) При косой кладке кирпичных арок также отпадает вертикальное членение посредством подпружных арок.

Задаваясь вопросами о том, возводился ли армянский свод из камня с самого своего возникновения, и имеются ли признаки, указывающие на переход от кирпичного свода к каменному, мы приходим к следующим выводам:

1. Хотя в древнехристианском церковном строительстве, по всей вероятности, применялись кружала, но, как это ни странно, надлежащим образом не использовались карнизы. Стена, как и у месопотамских образцов, непосредственно переходит в свод.

2. При применении кружал, естественно, нет необходимости в повышении свода и в придании ему эллиптической формы. Почти во всех указанных выше однонефных постройках господствует полукруглая форма сводов, несмотря на то, что эллиптическая форма в качестве атавизма сохранилась у отдельных, наиболее древних построек – как, например, у церкви в Багаране (I, рис. 28).

3. Если эти факторы не противоречат, а скорее подтверждают предположение о том, что армянский цилиндрический свод был перенят из Месопотамии и приспособлен к местной технике возведения при помощи кружал, то остается прежде всего объяснить возникновение расчленяющих пространство подпружных арок, опирающихся на пилястры, которые чужды духу месопотамской сводчатой архитектуры.

---

[1] См. ***Dieulafoy Marcel***, L'art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть IV).

[2] См. ***Clarke Somers***, Christian antiquities in the Nile Valley, Oxford, 1912 (стр. 22 и далее).

[3] См. ***Dieulafoy Marcel***, L'art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть IV, таблицы VIII –XVIII).

В отношении введения подпружных арок у цилиндрических сводов следует прежде всего принять во внимание один фактор, значение которого в Месопотамии и прилегающих странах до настоящего времени не учитывалось, и который в первых веках нашей эры, наряду с продолжающим существовать эллинизмом, играл значительную роль, а именно – арабское влияние. О высокой культуре южной Аравии до настоящего времени едва ли что-либо известно из непосредственных источников. Однако нам известно, что задолго до появления ислама южноарабские племена проникли в древние области Ближнего Востока (Восточная Сирия и Месопотамия), поселились там и основали могущественные государства. Одновременно с их появлением в обеих этих областях на рубеже первого и второго веков нашей эры возникает архитектура, не имеющая ничего общего ни с античной, ни с местной архитектурой, главной характерной чертой которой является высокоразвитая техника сооружения арок. Арки служат для того, чтобы устроить перекрытие при помощи параллельно уложенных длинных и узких каменных плит. На рис. 421 (II) показаны покрытые таким способом[1] помещения во дворце Хатры в Северной Месопотамии. При этом арки до замка заложены кладкой, чтобы на нее уложить горизонтальные плиты. В странах, где ощущался недостаток лесоматериалов или кирпича, эта целиком каменная конструкция, предназначенная для покрытия зданий, нашла самое широкое применение и развитие. При этом преимущество состояло в том, что показанная на рис. 421 (II) ее простейшая форма могла быть легко приспособлена к другим типам покрытий без принципиальных изменений. Так, например, в Хауране внешняя форма греко-римской щипцовой кровли достигалась тем, что закрывающая арку кладка скашивалась в обе стороны[2]. Там, где усваивалось искусство сооружения сводов, обходились без покрытия арок кладкой, укладывая каменные плиты непосредственно на арку по кругу (II, рис. 422)[3]. Таким образом, создавалось впечатление настоящего цилиндрического свода, причем несущие арки устанавливались на расстояниях, соответствующих длине перекрывающих плит. Внутри они имели вид подпружных арок. Поскольку при перекрытии каменными плитами арки были необходимы, они едва ли давали какие-либо преимущества в Месопотамии, где доминировал кирпичный свод, устраиваемый без кружал. Арки оказывались ненужным или даже мешающим элементом при принятой косой кладке отдельных кирпичных кругов. Тем характернее тот факт, что первые следы подпружных арок мы находим в цилиндрическом своде памятника, расположенного на краю горных отрогов Персии, глубоко врезавшихся в Месопотамскую равнину Джебель Хамрин. Здесь мы видим

[1] Постройки такой же конструкции, которые сотнями встречаются в Хауране (Восточная Сирия), могут быть обнаружены также в глубине Аравии: см. ***Vogüé Melchior de***, Syrie Centrale. Architecture civile et religieuse, Paris, 1865 (стр. 47) и ***Butler Howard Crosby***, Architecture and other arts, New York, 1903. Об арабском происхождении этого вида архитектуры см. ***Glück Heinrich***, Der Breit- und Langhausbau in Syrien – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, XIV, Heidelberg, Winter, 1916. О введении арки через арабскую архитектуру в Месопотамию см. ***Glück Heinrich***, Ein islamisches Heiligtum auf dem Ölberg. Ein Beitrag zur Geschichte des islamischen Raumbaues – Der Islam: Zeitschrift für Geschichte und Kultur des islamischen Orients, Straßburg, 1916, Band VI (4) (стр. 343 и далее).

[2] См. ***Vogüé Melchior de***, Syrie Centrale. Architecture civile et religieuse, Paris, 1865 (стр. 48) и ***Glück Heinrich***, Der Breit- und Langhausbau in Syrien – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, XIV, Heidelberg, Winter, 1916 (стр. 22).

[3] См. ***Vogüé Melchior de***, Syrie Centrale. Architecture civile et religieuse, Paris, 1865 (таблица LXXIII).

каменный свод, сооруженный по образцу кирпичного свода. В Хатре, где мы уже обнаружили арабское влияние в виде каменных балочных перекрытий, опирающихся на арки, цилиндрический свод большого южного айвана главного дворца показывает следы, по которым можно заключить, что тут были применены своеобразные подпружные арки. Необходимо подробнее проанализировать этот случай. Боковые стены покрытого цилиндрическим сводом помещения расчленены элементами античной декоративной архитектуры. Над цокольным карнизом возвышаются широкие декоративные пилястры, над которыми простирается легкая карнизная лента (II, рис. 423). Но этот карниз вовсе не указывает на место начала свода, так как стены возвышаются над ним еще на 4 ряда камней в вертикальном направлении, и до этой высоты проделаны также пилоны над карнизом вроде аттика[1]. Отсюда можно проследить вертикальное членение приблизительно на 6–10 рядов камней при помощи двух параллельных пазов в ширину пилястров. Учитывая наличие данных пазов и имеющихся между ними отверстий для крепления, Вальтер Андре справедливо заключает, что в этих местах пилястры из легкого материала (вероятно, из штукатурки) были продолжены в виде декоративных подпружных арок и приставлены к готовому своду[2]. Может быть, необычность такого применения яснее всего сказывается в том, что эти арки не проходили по всему своду, а постепенно сходили на нет. Их чисто декоративное значение показывает, что они здесь являются лишь мотивом, возникшим под влиянием арабских образцов арочных конструкций. Тогда еще не дошли до конструктивного использования этого элемента. То, что не могло быть решено во втором веке нашей эры, нашло свое равитие в трех последующих веках. Месопотамские пограничные страны, в особенности Северная Месопотамия, значение которой было уже выявлено в предыдущей главе, дают нам возможность более ясно осветить этот вопрос. Здесь проявляется непрерывность древневосточной традиции, которая находит свое продолжение и в христианской архитектуре.

Церкви в Тур-Абдине имеют кирпичные своды, несмотря на то, что в остальном они сооружены из камня. Характерным признаком сохранения месопотамской конструкции является то, что ее нижняя часть устроена независимо от верхнего сегментного свода, т. е. нижняя часть, как и стены, возведена из камня, в то время как верхний сегмент закончен кирпичной кладкой (II, рис. 424), вследствие чего цилиндрические своды имеют еще и повышенную форму месопотамских сводов. Данные обстоятельства говорят за то, что здесь, несмотря на возможное изобилие или, по крайней мере, достаточное количество лесоматериалов, кружала все же не нашли широкого применения. Отсутствует также горизонтальный карниз, который имеется только у пяты свода в Салахе[3] (II, рис. 424). Однако он вряд ли наделен иным, не

[1] Из-за низкого расположения карниза под началом свода последний кажется завышенным. Это надо подчеркнуть, поскольку тем самым доказывается как приверженность старой традиции воздвижения кирпичного свода, так и происхождение каменного свода из кирпичного. Показанная здесь завышенная (эллиптическая) форма свода без кружал конструктивно понятна, но безусловное применение кружал в каменном своде можно объяснить лишь как атавистическое сохранение старой формы. См. ***Andrae Ernst Walter***, Hatra. Nach Aufnahmen von Mitgliedern der Assur-Expedition der Deutschen Orient-Gesellschaft. In zwei Teilbänden, Leipzig, 1908–1912, II (стр. 141 и далее).

[2] Там же, стр. 138.

[3] См. ***Bell Gertrude***, Churches and monasteries of the Tûr'Abdin and neighbouring districts – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, IX, Heidelberg, 1913 (стр. 71).

только декоративным значением, что можно заключить по его легкому тонкому профилю, который к тому же продолжается по торцевой стороне. Во всяком случае, и это главное, следует отметить значительный прогресс в конструкции перекрывающего сводчатого колпака. Мы видим, что эти замыкающие своды подразделены на ячейки, отделенные друг от друга цилиндрическими сводами с тем же радиусом, что и у подпружных арок. Не следует поддаваться обману зрения, доверившись фотоснимку, где ячейки производят впечатление наставленных сверху полых пирамид. Этот оптический обман обусловлен характером кирпичной кладки. Свод вполне правильный, циркульный. Благодаря устройству подпружных арок можно было ускорить возведение сводов, так как была возможность строить каждую ячейку в отдельности, в то время как обычный способ косой кладки кирпича от одного конца цилиндрического свода к другому замедлял темп работы. Эта система косой кладки, дающая возможность строить свод без кружал, была заменена гораздо более практичной и остроумной системой, при которой, благодаря диагональному подразделению ячеек на четыре сферических треугольника, можно было вести кладку свода одновременно со всех четырех сторон. При этом паруса, как бы вырастающие из стен, шли в направлении общего цилиндрического свода и, несмотря на возрастающий свес, оставались в работе в висячем положении, поскольку имели небольшие размеры и строились одновременно. Размещение парусов в четырехугольниках вытекало не только из декоративных целей, а было вызвано прежде всего техникой возведения конструкции, а именно – отсутствием кружал и применением подпружных арок. Арки возводились или из того же камня, что и стены, или из кирпича. Так как мы предполагаем, что подпружные арки сооружались до возведения частей сводов, то с точки зрения конструкции это было возможно лишь посредством кружал. Опорами для кружал могли быть либо подобные кронштейнам выступы под пятой арки (Мар Габриель)[1], либо строители не должны были прерывать кривизну свода карнизом или кронштейном – как, например, в Салахе (II, рис. 424) и в Мар Азазиеле[2]. В этом случае концы балок лежали в отверстиях, которые устраивались на стенах специально и по окончании работ заделывались соответствующим материалом. Таким образом, в Салахе (II, рис. 424) во всех местах, где начинается арка, мы видим небольшие камни, соответствующие балкам кружал. Эти камни уложены с менее тщательной перевязкой, чем другие у начала свода, где обычно укладываются крупные длинные квадры. У Белл, в правом нижнем углу снимка Мар Азазиеля, слева от начала арки мы видим заполненные кирпичами отверстия. В Армении также применялся этот метод, с той лишь разницей, что отверстия часто не заполнялись (I, рис. 14).

Очевидно, что применение подпружных арок дает значительные технические преимущества, одновременно мы замечаем, что арки не выступают из свода, но возводятся с тем же радиусом, что и свод, причем опорные точки кружал стремяться скрыть; в этом проявляется все та же боязнь расчленения. В самом начале это наблюдалось и в Армении, где в соответствии с имеющимся материалом цилиндрические своды возводили из камня. Именно в той постройке, которую мы на основе

[1] Там же, таблица III, 1.

[2] Кирпичная фактура подпружных арок на рис. 424 (II) нарисована, на самом деле арки построены из камня.

некоторых других конструктивных элементов можем считать одной из старейших однонефных церквей Армении, а именно – в церкви в Карнуте, цилиндрический свод не имеет подпружных арок. В малой церкви в Егварде, которая уже по внешним признакам должна быть отнесена к периоду до VI века, имелась всего лишь одна арка, в то время как у более поздних однонефных построек количество подпружных арок увеличивается.

Наличие подпружных арок в армянских постройках, покрытых цилиндрическими сводами, нельзя объяснить только подражанием северомесопотамским подпружным аркам. Введение подпружных арок у каменных бетонных сводов не оправдывается конструктивными соображениями, как это имело место в церквях Тур-Абдина. Решающую роль тут могли играть только формальные причины. В этом отношении месопотамская традиция едва ли имела влияние, так как там ясно проявлялось стремление как можно меньше выявлять арки и сделать их, по возможности, совершенно невидимыми, как это видно из того, что им придается тот же радиус, что и своду, и что они окрашиваются, т. е. подделываются под кирпичную кладку верхней части свода[1]. Это стремление можно объяснить местной традицией сохранения цельности свода без расчленения.

В пользу подразделения свода и, следовательно, всего пространства на ряд отдельных секций, как это имеет место у настоящего цилиндрического свода, говорили некоторые данные и в Месопотамии, но сильная местная традиция не позволяла развиться этим тенденциям. Уже там мы выявили, что подобные стремления возникли под влиянием арабской архитектуры и привели ко введению арки. Тем скорее эта тенденция могла прекратиться в тех областях, где не имелось данной традиции, или где она с самого начала не могла привиться. К этим областям принадлежат эллинистические страны Средиземноморья, где уже с древних времен, благодаря применению в архитектуре ряда несущих опор, имелись все предпосылки для расчленения пространства. Однако, уже малая величина пролетов между колоннами при их перекрытии архитравами не могла придать им, по сравнению с общим пространством, самостоятельного значения. Когда в период христианства архитравы были заменены арками, пролеты между колоннами могли быть немного увеличены. Тем не менее, применение колонн не допускало расширения промежутков в такой степени, чтобы все пространство могло быть расчленено на ряд самостоятельных секций. Эллинистическая базилика с колоннами не знала подразделения на пролеты. В тех помещениях, где своду в качестве опоры требовались пилоны, обладавшие большой несущей способностью, расчленение пространства на несколько секций получалось само собой, благодаря большим пролетам, причем соотнесенность пролетов между пилонами с шириной нефа стало обязательным. Это повлекло за собой распространение такого подразделения на нерасчлененный свод, тем более, что к этому давала повод вытекающая из христианского эллинизма трехнефность, которая не могла развиться в месопотамской архитектуре из-за отрицательного отношения к колоннам. Замена несущих колонн более мощными пилонами и обусловленная этим возможность применения больших пролетов повлекла за собой тенденцию к расчленению пространства на секции. Этим был сделан первый шаг к фор-

[1] См. ***Bell Gertrude***, Churches and monasteries of the Tûr'Abdin and neighbouring districts – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, IX, Heidelberg, 1913 (рис. 2, таблица II).

мальному применению подпружной арки, которая под влиянием арабской архитектуры уже применялась в Северной Месопотамии как конструктивный элемент, но не выделялась как элемент формы. От трехнефной постройки подпружная арка перешла затем к однонефной[1].

Кроме того, надо еще рассмотреть особый случай цилиндрического свода в Дворцовой церкви в Ани (I, рис. 150). Здесь свод опирается не на ограждающую стену, а на пилонные аркады, прилегающие к внутренним поверхностям стен, и в этом случае применены подпружные арки, стоящие на кронштейнах выше антрвольтов аркад. Спереди пилоны расчленены парой полуколонн. Богатая и своеобразная орнаментика, украшающая базы и капители, носит совершенно нетектоничный характер и не имеет ничего общего с эллинистическими принципами. Этот вид расчленения стен повторяется в одном из помещений дворца в Звартноце, сохранившемся, однако, только в фундаментах (II, рис. 308). И здесь мы имеем дело с продолговатым помещением, которое с обеих сторон расчленено выступающими пилястрами с двойными колоннами. В несторианском монастыре Мар Тамазкерт в Киркуке (приблизительно в 150 км юго-восточнее Мосула) применена та же система, и свод еще сохранился[2]. Отсутствуют лишь подпружные арки. Как здесь, так и там, материалом является камень. В Киркуке еще видны отверстия для балок кружал. Что касается расчленения стен, то тут не может быть речи о декоративных арках, как в Ани. Благодаря верхнему завершению углублений между пилонами наподобие конх или плоских куполов, эти углубления получают характер ниш в стенах. С тем же принципом расчленения стен, который применен в Ани, в Киркуке и, вероятно, в Звартноце, мы встречаемся также в сасанидских каменных постройках персидского плоскогорья. В упомянутой выше статье[3] я уже говорил о данной архитектурной

[1] Применение в трехнефных постройках подпружных арок могло дать преимущество и в том отношении, что путем продолжения арок на пилонах в виде лизен (лопаток) пилоны усиливались против бокового распора свода. Для вышеприведенного объяснения причин введения цилиндрических сводов с подпружными арками характерно подчеркивание роли, которую играет подпружная арка во второй главной области применения каменных сводов, а именно – в Малой Азии. В соответствии со значительным влиянием эллинизма замена колонн пилонами наталкивается на большое сопротивление. Это выражается в усилении слабого пилона прилегающими к нему полуколонками, что особенно распространено в Бинбир-килисе *(прим. ред.: 1001 церковь).* Цилиндрическому своду требовалась более мощная опора, чем колонна, но так как от нее все же не хотели совсем отказаться, то между двумя полуколонками было вставлено прямоугольное ядро, чтобы получить нужную толщину. Однако из-за узости этого элемента не было возможности получить большие пролеты между арками, а вследствие перевеса эллинистического влияния не развивалось также разделение пространства на секции, что тоже ограничивало применение подпружной арки. У большинства малоазийских церквей эти арки либо совершенно отсутствуют, либо, будучи перенятыми извне, их приспосабливают к местным условиям – как, например, в Бинбир-килисе I. Это проявляется в том, что арки в начале свода сходят на нет, и чтобы получить нужную глубину секции, расстояния между ними приравниваются к двум аркам (см. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903, рис. 8). А во внутренних областях Малой Азии – например, в пещерных церквях Аргея (там же, рис. 116, 118 и 119) мы уже видим форму, принятую в Армении, т. е. подпружную арку, продолженную в виде настенных пилястров.

[2] См. ***Bell Gertrude***, Churches and monasteries of the Tûr'Abdin and neighbouring districts – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, IX, Heidelberg, 1913 (стр. 100, таблица XXVI).

[3] См. ***Glück Heinrich***, Ein islamisches Heiligtum auf dem Ölberg. Ein Beitrag zur Geschichte des islamischen Raumbaues – Der Islam: Zeitschrift für Geschichte und Kultur des islamischen Orients, Straßburg, 1916, Band VI (4) (стр. 343 и далее).

форме, обратив при этом внимание на другую статью, в особенности касающуюся построек типа Киркука[1].

В данном случае необходимо обратить внимание на следующее: вместе со стремлением к увеличению отдельного помещения и отходом от комплексных построек возникла необходимость найти способ восприятия нагрузки от сводов с большими пролетами. Путем расчленения стен посредством ниш удалось достичь расширения пространства с превышением пролета свода и одновременно обойтись более тонкой стеной, тем самым сэкономив материал. В отдельных случаях ниши имели такую глубину, что можно было пробить разделяющие их пилоны, создавая этим небольшие проходы (Сарвистан). Ниши и декоративные аркады становились фактическими опорами свода, в то время как роль стены, к которой они прилегали, сводилась, главным образом, к ограждению пространства.

При переходе от VI к VII веку эту систему мы находим в тех странах, в которых месопотамская сводчатая архитектура распространилась за пределы своих естественных границ, где применялся кирпич, и в которых с переходом к камню и при наличии леса кружал возникали новые возможности. Эти страны образуют пояс каменистых районов, охватывающий Ирак с севера и востока, Иранское нагорье, Северную Месопотамию и Армению. На основе имеющихся памятников пока еще невозможно решить[2], какая из этих стран может претендовать на приоритет в применении данной конструкции. Однако можно с уверенностью предположить, что в более северных странах – в Северной Месопотамии и Армении, где вместе с появлением христианства увеличилось стремление к обширным помещениям, эта система могла получить большее развитие, чем в Иране. В отношении крепления полукруглыми нишами или “крепления конхами” я отсылаю читателей к главе “Форма” настоящего исследования и к упомянутой выше статье Стржиговского (“Сасанидская церковь и ее отделка”). У прямоугольных, покрытых цилиндрическими сводами построек преобладал, по-видимому, менее способный к развитию мотив декоративных арок, который типичен для церквей Тур-Абдина, где он применялся вместо несущих свод массивных стен (II, рис. 420). Несмотря на вероятность того, что эти декоративные арки являются там результатом более поздних реставрационных работ, все же этим выявляется стремление не суживать помещение усиливающими элементами. Эту конструкцию мы встречаем также в Дворцовой церкви в Ани. Цилиндрический свод вырастает из декоративных арок без чисто месопотамского горизонтального элемента, обозначающего начало свода. Подпружные арки начинаются над антрвольтами аркад, опираясь на кронштейны. Эти арки заимствованы из более принятого в Армении вида расчленения однонефных построек, о которых говорилось выше. При декоративной аркаде подпружные арки обычно не используются. В этом сказывается свойственная Армении способность к творчеству, которая при появлении и адаптации различных традиций приводит к новым мотивам и конструктивным комбинациям форм.

---

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Die sasanidische Kirche und ihre Ausstattung – Monatshefte für Kunstwissenschaft, Band VIII, Leipzig, 1915 (стр. 349-365).

[2] Можно лишь догадываться о том, чтó именно исследователи сочтут за первичные сасанидские памятники, т. к. при исследовании нового обычно исходят из уже известного, ставя новое в зависимость от него. Пока нет надобности соглашаться с подобными догадками и предположениями.

Таким образом, относительно цилиндрического свода мы приходим к выводу, к которому пришли еще при анализе плана и распределения помещений. Вместе с проникающим из северомесопотамских миссионерских центров христианством в Армении появляются цилиндрические своды. В Тур-Абдине мы видим среднюю ступень между месопотамским кирпичным сводом без кружал и армянским каменным сводом с кружалами и подпружными арками. Путем включения армянского искусства в христианско-восточное исследование искусства мы получаем новые доказательства возраста и значения северомесопотамских построек. "Хеттский угол", где месопотамское, сирийское и персидское влияние столкнулось с оплодотворяющим эллинизмом, явился тем котлом, где отливались формы, которые стали типичными в христианском искусстве и нашли в нем дальнейшее распространение.

б) Трехнефные постройки, покрытые цилиндрическими сводами (традиция стран Средиземноморья)

Однонефная церковь продольного типа является типом, в общем существовавшим только в первые века христианской эры. То же самое касается и чистого типа трехнефной постройки (без купола). Начиная с конца VI века, этот тип полностью вытесняется другими типами. И тут, по-видимому, сказалось влияние крупных, потрясших мир событий VII века, хотя самой Армении вначале не пришлось страдать в такой мере от натиска ислама. Там, где приходил к власти ислам, христианская архитектура исчезала в своем богатом развитии, в особенности в Сирии, где доминировала базиликальная форма. Иначе обстояло дело в северных горных странах восточной части Средиземного моря. Здесь ислам не играл никакой роли или же имел лишь второстепенное значение, так что христианство могло продолжать существовать как социальный фактор. Тем не менее, оно не могло избежать влияния того большого потока, который еще до ислама полился с востока, и в котором ислам был лишь более интенсивным явлением. Свод, в особенности купол, а вместе с ним и центральная постройка имели здесь своих представителей уже в начальный период христианства (Стржиговский, "Малая Азия…", "Амида…" и т. д.). Но эллинизм и постройки продольного типа все еще являлись доминирующими факторами. В предыдущей главе мы уже видели, что Армения также находилась под влиянием соседних эллинистических стран. Это еще более четко проявляется в форме трехнефной постройки продольного типа. Так как в Армении эллинистические предпосылки почти совершенно отсутствовали, данная форма могла внедриться только вместе с проникновением христианства. Что это действительно было так, т. е. что постройка продольного типа возникла не из армянской традиции, может быть косвенно доказано тем, что в тот момент, когда ее развитие было остановлено продвижением ислама в главных странах распространения базилик (прежде всего – в Сирии), строительство продольного типа в Армении также не развивалось, уступая место постройкам других типов или же ассимилируясь ими[1]. Тем не менее, можно

[1] Следовательно, привнесение базиликальной формы из эллинистических областей могло иметь место только с начала VII века, чему соответствовала оживленная миссионерская деятельность в этих странах в то время. Тем самым для армянских базиликальных построек с самого начала устанавливается срок, раньше которого они не могли появиться. Доказательством возраста трехнефной

допустить, что трехнефная постройка продольного типа в Армении является результатом местного творчества. Кажется естественным считать трехнефный тип развитием однонефного, если учесть, что потребность в больших помещениях могла привести к установке опор. Первый шаг к этому можно заметить в устройстве в однонефных церквях внутренних пилястров, при постепенном отделении которых от стен и возникла трехнефная форма[1]. Выводы, которые были сделаны в предыдущей главе, уже дают основание предполагать наличие обратного процесса, поскольку там был установлен принцип расчленения однонефного помещения при помощи пилястров (и подпружных арок), получивший дальнейшее развитие в виде аркад на пилонах в трехнефных постройках и примененный затем в однонефных. Типичная узость боковых нефов у армянских трехнефных церквей говорит не столько о стремлении перейти от однонефности к трехнефности, сколько о желании сохранить присущий сводчатой архитектуре принцип единства пространства (без введения колонн). Однако этому принципу препятствовала трехнефность, причем факты показывают, что некоторая ее чуждость всегда ощущалась. Уже в VII веке мы видим решения, стремящиеся к тому, чтобы сохранить продольный тип построек (тип Аруча) в виде единого, нерасчлененного пространства (I, рис. 14). Это стремление к единству пространства проявляется на протяжении всей истории армянской архитектуры и показывает, что трехнефная постройка продольного типа является лишь эпизодом, обусловленным влиянием эллинизма на первом этапе армянского христианства. Неудивительно, что этот вторгшийся извне, чуждый армянскому духу элемент был настолько преобразован, что могло возникнуть предположение, будто он является самостоятельным произведением Армении. Далее будет показано, в какой мере эти преобразования были продиктованы существовавшими в стране предпосылками и насколько сказалось здесь заимствование чужого.

К л а д к а с т е н и с т у п е н ч а т о е о с н о в а н и е. Стены трехнефных церквей возводились обычным способом из бутобетона. При этом следует подчеркнуть, что за исключением отдельных мощных входных перемычек (Касах), тут не встречается кладка из крупных квадров, придающих однонефным церквям столь внушительный вид. Хотя в стенах Егварда и Ерерука мы видим камни более крупных размеров, но при равной величине квадров и больших размерах этих церквей крупные камни производят там меньшее впечатление, чем в однонефных постройках. При этом в трехнефных постройках заметно стремление к непрерывным и однородным ложковым швам кладки, что соблюдалось довольно строго. Особо следует указать на чрезвычайно солидную и точную кладку стен в базиликах Ерерука и Егварда, с которой может сравниться только кладка стен в сирийских и малоазийских постройках. Уже в этом можно усмотреть большую зависимость от эллинистических областей.

постройки продольного типа может служить датировка большой церкви в Егварде (приблизительно 570 год н. э), солидная конструкция которой свидетельствует о том, что этот тип уже тогда был освоен в Армении. Имеется также греческая надпись в Ереруке, а также упоминания о подобных постройках в армянской исторической литературе V века.

[1] В залах продольного типа Сарвистана можно было бы усмотреть среднюю ступень. Однако там узкие проходы кажутся скорее признаком того, насколько мало могла развиться трехнефность (введение колонн) даже в период наибольшего влияния эллинизма в Персии, хотя там она так и не достигла своего полного расцвета.

С другой стороны, применение ступенчатого основания является мотивом, свойственным армяно-христианской архитектуре. У трехнефного типа мы также видим стремление выделить церковное здание из всего окружения, возвышая его над общей картиной ландшафта. Там, где нет естественной высокой площадки (как, например, в Касахе и Аштараке), особое внимание обращается на устройство ступенчатого подножия. Так, например, в Ереруке возведена шести-, а может быть, семиступенчатая площадка, которая поднимает церковь над обширной равниной в виде мощного корпуса, к которому доступ со всех сторон дают открытые лестницы. В Егварде две мощные ступени из квадров окаймляют подножие стен. Надо иметь в виду, что этот принцип не нашел применения в базиликах прилегающих странах, и что, как уже говорилось при описании однонефных построек, эти ступенчатые основания являются специфически армянским элементом христианской архитектуры, хотя и происходящим из древневосточной традиции.

Цилиндрический свод и расчленение нефа. Цилиндрический свод в том виде, в каком он встречается в Армении, был выявлен нами при анализе однонефных построек как элемент, который, будучи иноземного происхождения, на основе природных предпосылок получил в Армении свое собственное оформление. У трехнефных построек он также играет решающую роль. При рассмотрении трехнефных построек продольного типа в Армении и в прилегающих областях прежде всего бросается в глаза резкое различие в типе покрытия: на малоазийско-армянском плоскогорье, охваченном с севера горными отрогами, а с юга – хребтами Тавра, преобладает базилика, покрытая цилиндрическим сводом, в то время как в северной и прибрежной Сирии, а также на малоазийских берегах доминирует базилика с плоской кровлей. В самой тесной конструктивной зависимости от этого локального разделения находятся в первом случае применение пилона, а в другом – эллинистической колонны для несения легкого покрытия. Это различие соответствует тому разделению на типы, которые Стржиговский называет восточной (сводчатой) и эллинистической (с плоской кровлей) базиликами[1]. Здесь речь идет не о том, какому из этих двух типов принадлежит пальма первенства. Такая постановка вопроса кажется мне бесцельной, как только приходится учитывать природные условия отдельных регионов. Что же касается специально армянской “базилики”, то необходимо исследовать, какое отношение она имеет к обоим указанным типам, так как из сказанного выше вытекает, что она является внедренной, а не возникшей на родной почве формой.

Что касается покрытия сводом на отдельных опорах, то замечается, что армянская базилика показывает бóльшую близость к малоазийскому, чем к сирийскому типу, который не знает примеров базиликальных построек, покрытых цилиндрическим сводом на пилонах. Малоазийский свод имеет много общего с армянским, поскольку там также доминирующим является бетонный цилиндрический свод. Что касается лесоматериала для устройства кружал, то центральная часть Малой Азии находится в таких же или подобных условиях, как и Армения, т. е. хотя лесоматериалов там мало, но все же их достаточно для того, чтобы удовлетворить потребность в изготовлении кружал[2]. В общем, форма свода в Малой Азии такая же, как и в Армении, т. е. она полукруглая, без выделения начала свода, а иногда – с подпружной

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 42).

[2] См. ***Ramsay William*** *and* ***Bell Gertrude***, The Thousand and One Churches, London, 1909 (стр. 463).

аркой (например, в Бинбир-килисе I)[1]. Было бы, однако, ошибочным считать малоазийскую церковь с цилиндрическим сводом прототипом армянской. Имеются многочисленные признаки, указывающие на то, что Малая Азия также ввела свод в свою архитектуру только в христианскую эпоху, позаимствовав его оттуда же, что и Армения. В Малую Азию уже в дохристианский период внедрились два способа возведения сводов. Во-первых, это ложный свод, который получается путем навесной кладки горизонтальных рядов камней: Богазкёй[2], лидийские могилы и Асарлик[3], могила Тантала у Смирны[4]. Этот примитивный способ возведения сводов, который встречается во всей эгейской культуре (гробница Атрея, гробница в Изопате у Кносса, гробницы Пантикапея), ничего общего не имеет с настоящими сводами и едва ли может рассматриваться как их исходный тип. Принцип конструкции обоих видов сводов слишком различен, и вовсе не случайно, что в тех местах, где ранее применялся ложный свод, настоящий свод впоследствии не возводился. В качестве второго вида следует еще упомянуть о двускатной кровле с персидской (килевой) аркой, которая в такой форме, как она встречается у ликийских скальных гробниц, происходит, по всей вероятности, из деревянной конструкции[5]. В эпоху христианства эта форма, видимо, повлияла на архитектуру Малой Азии, и ее можно считать переходной ступенью к подковообразному каменному своду, потому что и доныне последний встречается именно в лесистых районах (Карадаг, Хасандаг)[6]. Каменный свод в том виде, как он встречается в христианских постройках в центральной части Малой Азии, указывает на восточное происхождение своим отказом от применения горизонтальных элементов, отделяющих начало свода от стены (см. выше). Ранняя датировка памятников с кирпичным сводом говорит об их связи со страной, где применялись такие своды, а именно – с Северной Месопотамией (Нисса)[7]. Во всех случаях в Малой Азии, как и в Армении, переход от кирпича к камню был обусловлен природными предпосылками и произошел вместе со внедрением или после внедрения свода в местную архитектуру[8]. При такой замене материала появилась необходимость в применении кружал. Именно то обстоятельство, что в одной из самых ранних христианских построек Малой Азии был применен свод без кружал, указывает на происхождение христианского малоазийского свода. Из знаменитого письма Григория Нисского видно, в какой мере этот

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 9).

[2] См. ***Winckler Hugo***, Vorläufige Nachrichten über die Ausgrabungen in Boghaz-köi im Sommer 1907 – Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft, Berlin, 1907, № 35 (стр. 1 и далее, таблицы V и XII).

[3] См. ***Perrot Georges*** *et* ***Chipiez Charles***, Histoire de de l'art dans l'antiquité. Tome V: Perse, Paris, 1890 (стр. 317 и далее).

[4] Там же, стр. 49.

[5] На такое же происхождение указывают и подковообразные своды индийских храмов.

[6] См. ***Ramsay William*** *and* ***Bell Gertrude***, The Thousand and One Churches, London, 1909 (стр. 436).

[7] См. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 74).

[8] В пользу первенства кирпича в малоазийском своде говорит Огюст Шуази (см. ***Choisy Auguste***, L'art de bâtir chez les Romains, Paris, 1873, стр. 155), в то время как Гертруда Белл на основании раннего появления ложного свода считает, что именно камень являлся изначальным материалом. Это противоречие разрешается, если подходить к вопросу не только с точки зрения истории, но и в зависимости от местных условий, и считать, что ложный свод не является переходной ступенью к настоящему своду. В этом случае получится, что малоазийский свод, выполненный из местного материала, переводился в кирпич, а кирпич продолжал применяться там, где его изготовление допускалось природой.

характерный месопотамский способ сооружения сводов нашел применение уже в IV веке. Из того же письма мы видим, что вначале Григорию пришлось пригласить иностранных строителей, знакомых со способом возведения сводов без кружал, из чего вытекает, что эта техника была еще незнакома, т. е. не приспособлена к требованиям страны. Я привожу перевод соответствующего текста из книги Стржиговского "Малая Азия – новая страна истории искусства": "…над этими последними восемью арками (восьмиугольника) восьмиугольный корпус возвышается еще на 4 локтя, имея в виду правильное соотношение между окнами, находящимися сверху. Затем следует конус, над которым возвышается в виде острого клина кровля… Таким образом, ты будешь иметь возможность… прислать нам строительных рабочих в нужном количестве. При этом я тебя в особенности прошу позаботиться о том, чтобы некоторые из указанных людей умели строить своды без отдельных опор. Я узнал, что такая конструкция долговечнее, чем с опорами. Недостаток в строительном лесе наводит на мысль о том, чтобы покрыть все здания камнем, так как в нашей местности не хватает лесных материалов на постройку стропил…, однако мы здесь не имеем камня для тёсаной кладки, поэтому материал для здания должен состоять из обожженного кирпича и обыкновенного камня (булыжника)…"[1]. Наконец, в пользу происхождения от месопотамского кирпичного свода говорят также единичные образцы повышенного цилиндрического свода, а также применение подпружных арок (см. предыдущую главу).

Хотя следует признать, что как в Армении, так и в центральной части Малой Азии цилиндрический свод стал распространяться лишь в христианскую эпоху, мы не можем только на основании этого считать, что армянская "базилика" произошла от малоазийской. Многочисленные отличия между этими типами – как, например, большая ширина боковых нефов, применение нартекса, форма пилонов и прочие типичные детали в Малой Азии, по сравнению с малой шириной боковых нефов, отсутствием нартекса, Т-образной формой пилонов и т. д. в Армении, показывают, что мы имеем дело с совершенно различными типами.

Источником происхождения обоих типов следует считать эллинистическую базилику стран, прилегающих к Средиземному морю, деревянная кровля которой была заменена сводом в соответствии с местными природными условиями. Те же условия вызвали изменения и в связанных со сводом элементах конструкции, например – колонна была заменена пилоном.

Несмотря на то, что в Малой Азии, на берегах Средиземного моря, имелись образцы эллинистической базилики с деревянной кровлей, стремление к трехнефности в Армении исходило прежде всего из соседней Северной Сирии, связанной с Арменией Евфратом и перевалами через Тавр. Введение этой формы было, повидимому, вызвано потребностью строить более обширные помещения для церковных собраний в связи с ростом христианских общин. Но не может быть и речи о простом, безо всяких изменений, перенятии сирийской базилики. Как уже было упомянуто, введение трехнефных построек наталкивалось на сильное сопротивление, обусловленное стремлением к единому помещению по образцу месопотамской сводчатой архитектуры. Только одно то благоприятствовало введению трехнефной конструкции, что при изоляции отдельного помещения, как мы можем проследить это на примере Северной Месопотамии, главное препятствие к увеличению сводча-

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 71 и далее).

того помещения состояло в увеличении распора. При трехнефных конструкциях можно было поддерживать равновесие с помощью сводов боковых нефов. Поэтому, чтобы повысить устойчивость, имело смысл делать их как можно более узкими. Но не только это явилось решающей причиной узости боковых нефов. Например, в Малой Азии мы видим, что несмотря на применение сводов ширина боковых нефов соответствует ширине эллинистических базилик, покрытых деревянной кровлей. Там эллинизм оказал гораздо более сильное влияние, чем в Армении, где существенную роль играла восточная традиция и где, по возможности, придерживались принципа единого пространства[1]. При отказе от расчленяющих пространство арок эта традиция уже на раннем этапе привела к тем самостоятельным и свойственным Армении решениям (купольные залы), которые мы встречаем в Аруче (I, рис. 14 и 54), где боковые нефы заменены большими помещениями с цилиндрическими сводами, совершенно открытыми в сторону главного помещения. Именно эти, расположенные под прямым углом к последнему помещения и воспринимают распор. Со временем сводчатые помещения смешанного типа, возникшего из продольного и купольного типов построек, постепенно уменьшались (I, рис. 42 и II, рис. 425, Санаин). Выполняя одну только функцию восприятия распора, они не являлись факторами, увеличивающими пространство.

О с в е щ е н и е. Таким образом, узкие боковые нефы представляют собой средство для укрепления, необходимого ввиду расширения среднего свода (общего пространства). По этой причине пришлось отказаться от одной из главных и характерных черт эллинистической базилики – от верхнего света, получаемого путем повышения среднего нефа (ниже см. главу о Ереруке). В этом опять проявляется сила месопотамской традиции. Для месопотамской сводчатой архитектуры, которая не знала замкнутого помещения для собраний, искусственное освещение не требовалось. Кроме того, естественным было стремление избежать устройства отверстий в стенах, несущих нагрузку от свода, чего не требовалось при легкой деревянной кровле эллинистической базилики[2].

П и л о н ы. Форма пилонов также зависит от ширины боковых нефов. В плане они имеют продолговатую форму, совпадающую с направлением продольных арок. Благодаря выступающим пилястрам, несущим подпружные арки со стороны среднего нефа, пилоны получают Т-образную форму. Подпружные арки цилиндрических сводов боковых нефов опираются на кронштейны, устроенные на высоте начала

[1] В Малой Азии недостаточное укрепление при больших размерах боковых нефов часто приводило к раннему обрушению сводов. При этом вынуждены были прибегать к применению нового способа устранения этого недостатка в виде вертикальных цилиндрических сводов, стоящих на среднем своде. См. Бинбир-килисе I и IV (***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903, стр. 10, 60–61).

[2] По указанным причинам введение окон в армянской архитектуре наталкивалось на сопротивление, невзирая на требуемое христианским культом пространственное развитие. Доказательством этого служат узкие, щелевидные окна. На более свободное устройство проемов можно было решиться только в торцевых стенах, и в этом отношении тип Аруча предоставлял более широкие возможности, так как в нем можно было устроить более крупные окна как на поперечных, так и на продольных сторонах. Малая Азия и здесь шла преимущественно в русле эллинистического течения. Несмотря на значение, которое и там приобретал ориентализм, благодаря введению свода, боязнь перед устройством проемов в стенах была гораздо менее заметной. Эллинистическое влияние со стороны прибрежных областей ощущалось в Малой Азии постоянно.

сводов, или же только на пилястры со стороны стены, так как при выступах этих пилястров с двух сторон и без того узкий боковой неф сужался бы еще больше. В последующем, когда в соответствии со стремлением к объединению пространства боковые нефы все больше теряли свое пространственное значение, уже не было препятствий к тому, чтобы располагать пилястры на обеих сторонах. Обращает на себя внимание, например, узость проходов в соборе Ани (I, рис. 21 и 222). В итоге от трехнефности оставались лишь тесные проходы, как в Санаине (II, рис. 378)[1].

П р и т в о р, ф а с а д и ф р о н т о н. Отсутствие нартекса свидетельствует о враждебном эллинизму восточном консерватизме Армении. В малоазийской и, отчасти, сирийской базилике развитие западного фасада отличается пристройкой нартекса в связи с эллинистическим стремлением к формам продольного типа. Нартекс совершенно отсутствует и у других типов церковных построек Армении I тысячелетия нашей эры, за исключением Ерерука (об этом см. ниже). Только в период позднего средневековья (XIII и XIV века) нартекс в совершенно своеобразной форме приобретает в Армении всеобщую значимость, и его пристраивают даже к более старым церквям (Гаяне, Санаин и другие).

Уже у однонефных церквей Армении и Северной Месопотамии нартекс на западной стороне не применялся, так как вследствие стремления подчеркнуть ширину помещения главной стала южная сторона, которая открылась в процессе развития принципа объединения однонефного плана после упразднения укрепляющего притвора.

Стремление к преобладанию ширины повлияло также на трехнефные постройки. Сирия и тут оказала решающее влияние на трехнефность в Армении. Эллинистический продольный тип здесь также столкнулся с введенным арабами элементом подчеркнутой ширины. Этот элемент продолжал влиять и далее, что выразилось в выделении южной стороны. Этим объясняется отсутствие западного притвора, в отличие от Малой Азии. Не нашло решения и архитектурное оформление главного фасада (за исключением Ерерука, см. ниже). Южная сторона все же сохранила свое значение.

Ю ж н а я с т о р о н а. Южные входы, которые редко встречаются в Азии, всегда есть в Армении, причем они часто декоративно выделяются. В Касахе на западной стороне имеется лишь один вход, и то лишенный всяческих украшений, тогда как на южной стороне есть два входа (I, рис. 173). Западные входы на южной стороне символически обозначаются как вход для верующих рельефом над входной перемычкой (олень у колодца) (II, рис. 448). Выступающий арочный фронтон разрушен (о формальной обработке декоративных барельефов скажем ниже). Восточный вход на южной стороне (II, рис. 330), как и западный, также имеет архитрав с символическим изображением (якорный крест с животными среди виноградных лоз), но, в отличие от других входов, здесь имеется еще и крест над тимпаном. То же самое мы видим и в Ереруке: входная перемычка западной стены имеет здесь почти такое же богатое украшение, как и восточный портал на южной стене, в то время как западный портал на той же стене украшен только крестом. Выделение восточных входов на южной стене объясняется тем, что здесь был ближайший вход в апсиду, который у монастырских построек являлся одновременно ближайшим сообщением с

[1] Прим. ред.: рис. 378 (II) не относится к Санаину, план которого дан на рис. 42 (I).

помещениями для духовенства, расположенными обычно на южной стороне. В то время как западный вход на южной стороне служил входом для паствы, восточный являлся входом для духовенства. Таким образом, западный вход на южной стороне имел меньшее значение, чем остальные. Как уже было упомянуто выше, некоторые исследователи считают, что южные входы устраивались для подачи дневного света. И то, и другое могло иметь место, но в целом южные входы встречаются только в таких областях, где придавали особое значение южной стороне и принципу ширины помещений.

З а п а д н а я с т о р о н а. Западный вход, находящийся на торцевой стене напротив алтарной апсиды, подчеркивает принцип продольного типа помещения и является типично эллинистической чертой. В тех случаях (например, в Тур-Абдине), когда брал верх восточный элемент, входы устраивались на продольной стене, поскольку месопотамская сводчатая архитектура придерживалась принципа подчеркивания ширины помещения (см. предыдущую главу). Вышеуказанное явление типично также для Сирии. И там во многих, притом самых древних церквях отсутствуют как вход в западной торцевой стене, так и нартекс: Бабиска 390 г. н. э., Ба'удех 392 г. н. э., Кседжибе, восточная церковь 414 г. н. э., Дар Кита, церковь Павла и Моисея 418 г. н. э., Каср Иблису 431 г. н. э., Хирбет эл Хатиб 473–474 г. н. э. и т. д.[1] Это является результатом успешной борьбы привнесенного арабами восточного принципа подчеркивания ширины помещения против эллинистической идеи продольности постройки, что и привело к указанному выше явлению[2]. В таких случаях юго-западный вход служил входом для народа. Однако, когда со временем верх взял принцип продольности и усилилось значение западного входа на торцевой стороне, напротив апсиды, юго-западный вход потерял свою былую значимость, что выразилось в уменьшении его украшений. В армянских постройках продольного типа роль юго-западных входов в связи с ослаблением влияния эллинизма стала второстепенной. Интересно, что в сохранившихся одно- и трехнефных армянских церквях продольного типа, многие из которых действуют и поныне, юго-западные, а часто и юго-восточные входы были позже замурованы или закрыты, так что в настоящее время остается только один вход через западный портал на южной стороне. Мы это видим в Карнуте, Касахе, Аштараке и Текоре. Создается впечатление, будто оттесненный эллинизмом принцип подчеркивания ширины помещения вновь приобрел значение. В отдельных случаях из-за расположения церквей у южного края населенного пункта вытекает необходимость иметь вход на северной стороне. В этом случае данные входы принимают на себя функцию южных входов и, соответственно, богато украшаются. Лучшим примером этого может служить церковь в Текоре, причем на южной стороне, хоть и в скромном виде, но все же сохраняется, по крайней мере, один из конвенциональных, т. е. традиционно принятых, условных входов. То же самое относится и к Егварду. Здесь южная стена выделена в качестве главной посредством монументальной ленточной надписи и исключительно богатого украшения (I, рис. 163). Тем не менее, на северной стороне имеются входы, расположенные симметрично по отношению к южным (село в настоящее время рас-

[1] См. ***Butler Howard Crosby***, Architecture and other arts, New York, 1903 (Указатель).

[2] См. ***Glück Heinrich***, Der Breit- und Langhausbau in Syrien – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, XIV, Heidelberg, Winter, 1916 (II, 2).

кинулось к юго-востоку от церкви). В Аштараке (I, рис. 167) южная стена реставрирована, причем южный вход, вероятно, находится на старом месте.

Щ и п е ц. Здесь приходится упомянуть еще об одном мотиве, который наиболее отчетливо выражает связь с эллинистическими постройками продольного типа, а именно – о щипце в форме седловидной двускатной или односкатной кровли. Почти у всех построек продольного типа в Армении мы видим (насколько это возможно при степени их сохранности), что щипец служит наружным завершением свода. Только в Карнуте вместе со сводом исчез всякий след прежнего покрытия. И все же имеющийся в настоящее время пологий щипец дает основание предполагать, что при устройстве новой кровли в прошлом столетии старались придерживаться прежней формы. У Дворцовой церкви в Ани двускатная кровля большей частью еще сохранилась (I, рис. 149). В Лернакерте возвышение торцевой стены над еле заметным следом от начала свода показывает, что здесь имелся щипец (I, рис. 158). В Аштараке еще ясно заметны следы скатов щипца над началом свода у западной торцевой стены (I, рис. 168). В Касахе (I, рис. 169) скос верхнего сохранившегося ряда кладки в южном углу западного фасада над консольным карнизом говорит о том, что здесь раньше имелся щипец. В Ереруке (I, рис. 181) сохранившиеся ряды камней также свидетельствуют о том, что постройка ранее была покрыта двускатной кровлей. В Текоре фронтоны еще сохранились (I, рис. 24). Наконец, сохранение этого мотива в более поздних смешанных типах, состоящих из зданий продольного типа с куполом, как и в развалинах притвора малой церкви в Егварде, у которой, наподобие сирийских образцов, фронтон тоже возвышается над аркой между средними колоннами, подтверждает тесную связь между кровлей со скатами и постройкой продольного типа (об этом см. ниже).

При решении вопроса о происхождении данного мотива не следует исходить из предположения о чисто механическом подражании щипцу покрытой деревянной кровлей базилики. Учет атмосферных осадков при распространении свода в горных районах, прилегающих к месопотамской равнине, заставил искать средства для того, чтобы обеспечить сток воды и защитить своды от проникновения в них влаги. Месопотамские своды в таких мерах не нуждались ввиду сухости климата. Но поскольку в Армении национальная архитектура не применяла щипцов, то остается предположить, что здесь роль играло влияние эллинистической монументальной архитектуры. Такое влияние заметно уже в Северной Месопотамии, где наличие эллинистической деревянной кровли наряду с восточным сводом служило поводом к соединению цилиндрического свода со щипцом. То, что толчок ко введению щипца фактически был дан эллинизмом, видно прежде всего из применения на античный манер обрамляющих щипцы профилированных карнизов. Дальнейшим подтверждением этого, как мне кажется, является то, что фронтон там типичен лишь у сводчатых построек продольного типа. У построек центрально-купольного типа, для которых, как известно, эллинизм не создал типичных примеров, купол, по месопотамскому образцу, виден снаружи. В Армении в качестве существенного признака до сих пор сохранилось профилированное обрамление фронтона. Там тоже купол покрывался остроконечной шатровой кровлей. Эта характерная для Армении форма могла быть принята по образцу эллинистической двускатной кровли. Но все же

можно с уверенностью заявить, что она могла внедриться только под влиянием климатических условий.

Рассмотренные до сих пор мотивы ясно показывают, что в армянской трехнефной постройке продольного типа мы не имеем дело с непосредственным подражанием малоазийской или сирийской базилике. Во всех трех областях, в зависимости от специфических местных условий, эллинистическая базилика подвергалась соответствующим, т. е. характерным изменениям. Общность, которую в некоторых случаях можно констатировать между этими типами, нельзя объяснить взаимным подражанием, скорее всего она является результатом схожих условий, ведущих к схожим явлениям. При этом вопрос касается явлений, зависимых как от конструктивных элементов (свод, пилон), так и от традиционных влияний (отсутствие нартекса, выделение южной стороны, что объясняется стремлением к распространяющимся в ширину помещениям). Иначе обстоит дело с теми мотивами, которые допускают индивидуальную обработку, т. е. не связаны с какими-либо естественными для той или иной страны условиями или традициями. К ним прежде всего относятся все декоративные мотивы или такие, которые не требуют определенной конструктивной формы – как, например, апсиды. Такие мотивы, вероятнее всего, отражают чужеродные черты, так как дают возможность сразу же выявить связи с чужими источниками.

А п с и д а. Среди четырех главных примеров построек продольного типа мы видим четыре различные формы апсид. В зависимости от их положения в корпусе здания мы можем подразделить эти апсиды на две группы: 1) не выступающие из восточной стены апсиды и 2) выступающие апсиды.

К первому типу относятся апсиды Аштарака и Ерерука, которые всегда сопровождаются двумя приделами, дающими возможность осуществить прямолинейный контур восточной стены. В Аштараке апсида в плане имеет подковообразную форму (I, рис. 167). Приделы, в соответствии с узостью боковых нефов и глубиной апсиды, имеют форму, растянутую по главной оси церкви. В Ереруке (I, рис. 177) алтарь составляет полукруг с прямым началом. Приделы выступают за линию северного и южного фасадов, тем самым приобретая широкую форму относительно оси здания. Выступающие апсиды в Егварде и Касахе (I, рис. 164 и 172) снаружи имеют многоугольный контур, а внутри – круглую форму с прямыми началами, причем в Егварде главная апсида спереди расширена в виде продолговатого помещения (немного шире, чем проем самой апсиды), благодаря чему на концах боковых нефов образуется место для небольших боковых апсид. У северо-восточного угла церкви в Касахе (I, рис. 169 и 172) пристроено боковое помещение, имеющее в плане форму неправильного четырехугольника, который, как и в Карнуте, выступает из корпуса здания.

При анализе однонефных построек мы уже видели, что главная апсида, т. е. открытое к нефу нишеобразное помещение, по сравнению с закрытым приделом, является мотивом, возникшим на почве эллинизма. Этот мотив является добавлением к традиционному месопотамскому корпусу, к которому он постепенно приспосабливался. У базилики, во всех тех случаях, когда роль играли восточная традиция образования комплексов или тенденция к замкнутости отдельных построек, заметно стремление включить апсиду в массив корпуса таким образом, чтобы она не выступала из него. В Армении также ясно проявляется это стремление. Мы видим

подобные примеры как в однонефных постройках, так и в базиликах, когда корпус здания еще не составляет одно замкнутое целое. Характерны в этом отношении выступающие за стены церкви апсида и пристроенный придел в Касахе. В Егварде еще сохранена выступающая за пределы постройки апсида, но уже две небольшие апсидоподобные ниши оказались правильно вписанными в общую конструкцию, что было уже значительным шагом вперед. Однако стремление к прямолинейному контуру восточной стороны намечалось еще в древние времена. Мы видим, как апсида в Текоре выступает перед восточной стеной в виде многоугольника с тупыми углами (II, рис. 390). У базилик прямолинейный контур восточного фасада с двумя приделами остается типичным и тогда, когда к постройке добавляется купол (Одзун и другие). В том типе, где выступающие апсиды имеются не только на восточной, но и на других сторонах церкви (Артик, Талиш[1]), заметно стремление к достижению целостности плана путем включения апсид в общий четырехугольник по типу Рипсиме и Мцхета. Всюду мы замечаем тенденцию к созданию замкнутой конструкции и, по возможности, наибольшей компактности плана. В этом проявляется древневосточная традиция, которая применяет кубические или продолговатые, прямоугольные формы, но не знает экседры, так что не допускает никакого членения. Поэтому самые ранние монументальные памятники армянской церковной архитектуры представляют собой как бы эпизод, указывающий на временный разрыв (из-за проникшего вместе с христианством эллинизма) с местной традицией, которая, впрочем, вскоре снова входит в собственное русло.

Сказанное выше подтверждается при анализе вопроса об образовании апсиды в Малой Азии и Сирии. Спрашивается: почему в центральной части Малой Азии продолжается применение простой выступающей апсиды, в то время как в Сирии преобладает апсида, заключенная между приделами при прямоугольном наружном корпусе? Уже по ширине боковых нефов в Малой Азии видно, что здесь стремление к объединению пространства не имело такого значения, как в Армении. В Малой Азии эллинизм оказал гораздо большее влияние, чем там, где уже в самом раннем периоде образовалось национальное христианство. Здесь не возникает, как в Сирии, потребности в диакониконе и протезисе, т. е. в прямоугольном контуре хоровой части. Тем не менее, в Малой Азии мы встречаем оба вида приделов именно в тех областях, которые прилегают к Сирии, и где сирийское влияние проявляется также в других мотивах[2]. Прежде всего это имеет место в Киликии. Но и там, что характерно для промежуточного географического положения (например, в отношении Будрума)[3], несмотря на добавление двух приделов, хоры слегка заметной многоугольной формы выступают вперед снаружи, являясь примером той переходной стадии, которая наблюдается и в Текоре.

В Сирии условия иные. В самых ранних базиликах антично-эллинистические формы проявляются в наиболее чистом виде (Бинин, Джерада, старая базилика Рувейя и т. д.)[4]. Очевидно, что приделы в них были пристроены позже. По крайней

[1] Прим. ред.: здесь следует читать Талин, т. к. в Талише (Аруче) нет таких выступов.

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 162 и далее).

[3] См. ***Bell Gertrude***, Notes on a journey through Cilicia and Lycaonia – Revue Archéologique, Paris, 1906, № 7 (стр. 4).

[4] См. ***Butler Howard Crosby***, Architecture and other arts, New York, 1903 (Указатель) и ***Glück***

мере, можно прийти к выводу, что эта форма не была единой и непривычной, судя по характеру планов данных построек. В V веке н. э. внутренняя форма круглой апсиды настолько приспособилась к плану, что корпус здания со всех сторон кажется замкнутым. В VI веке переходят от круглой в плане апсиды к четырехугольной. Там эллинизму противодействовало влияние арабской архитектуры, которая все активнее вытесняла отмирающий эллинизм своими своеобразными каменными постройками, приобретшими особое значение в северосирийских светских сооружениях, особенно в Хауране. Этой чуждой эллинизму архитектуре, как и месопотамской, также пришлось (ввиду своих конструктивных особенностей) иметь дело с замкнутыми комплексами или архитектурными кристаллами, духу которых противоречили выступающие круглые апсиды. Лишь в самых северных районах Сирии, где эллинизм сохранил свою силу, победил принцип расчленения архитектурной массы. Об этом свидетельствуют формы апсид в Калат-Семане, Калб-Лузе, Басуфане и т. д.

Поскольку мы рассматриваем апсиду с точки зрения ее отношения к целому зданию, то замечаем, что ее вид в каждом отдельном случае зависит от имеющихся конкретных предпосылок. Это в меньшей степени относится к ее формальному облику. Очевидно, что внутри (как в плане, так и в разрезе) применяются простые круглые и подковообразные формы. В то время как подковообразная форма может считаться элементом, связанным с Малой Азией (см. Стржиговский, “Малая Азия…”), простая круглая форма типична для Сирии до VI века. Едва ли возможно выявить какую-либо закономерность при принятии той или другой формы. Только в отношении наружного контура понятно, что в выступающих апсидах применяется не круглая форма, а принятый в Малой Азии многоугольник, так как в Сирии выступающую круглую апсиду уже издавна помещали между приделами при наружном прямом контуре. С другой стороны, выступающие апсиды в Малой Азии всегда имели многоугольный контур, за немногими исключениями в виде эллинистических базилик.

в) Сводчатая базилика в Ереруке

Среди известных армянских трехнефных построек церковь в Ереруке в некоторых отношениях является единственной в своем роде. С одной стороны, она подчиняется общему процессу развития в отношении тех элементов, о которых говорилось выше, но с другой стороны она настолько выделяется своей архитектурно-художественной отделкой, что легко можно прийти к ошибочному выводу, будто встречающиеся у этой постройки детали представляют собой типично армянские черты. В современном искусствознании вообще отмечается склонность рассматривать отдельные выдающиеся памятники как pars pro toto (часть вместо целого), не учитывая того, что именно у монументальных сооружений менее всего выражается дух более узкого, ограниченного слоя в искусстве: личность заказчика, полномочия архитектора и т. д. Именно в таких случаях допускается максимальная свобода в отношении чисто местных, укоренившихся форм. Бывают случаи и времена, когда отдельная личность может стать выразителем и зачинателем нового течения, если

Heinrich, Der Breit- und Langhausbau in Syrien – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, XIV, Heidelberg, Winter, 1916 (II, 5).

для этого повсеместно подготовлена и приспособлена благоприятная почва. Именно тогда проблемы становятся более интересными и глубокими, когда возникает вопрос, насколько индивидуальность может влиять на общество, и почему общество воспринимает одно и отвергает другое.

В то время как до сих пор в рамках трехнефных построек продольного типа мы старались выделить то, что составляет общую черту для Армении, теперь попытаемся обследовать отдельные мотивы, проникшие в Армению как чуждые элементы временного характера или как элементы, имевшие лишь ограниченное значение. При этом мы постараемся выяснить их происхождение, появление и жизнеспособность в Армении.

П р и т в о р с б а ш н я м и. Выше уже упоминалось о том, что в первом тысячелетии н. э. притвор в Армении не укоренился, и что западная стена церквей с наружной стороны не подвергалась особой архитектурной обработке. Единственное исключение в области архитектуры базилик составляет Ерерук. Его западный фасад (I, рис. 177 и 181) на концах имеет две башнеподобные пристройки, которые во всю ширину выступают перед фасадами продольных стен и заходят за угол, выпячиваясь перед западной стеной приблизительно на половину их глубины. В результате перед западной стеной создается помещение в виде сводчатого притвора. Хотя это помещение в настоящее время исчезло, имеющиеся на внутренних углах пилонов выступы, а также остатки начала цилиндрического свода все же свидетельствуют о том, что оно когда-то существовало. Сама западная стена имеет в середине портал, перекрытый так же, как и южные входы, прямой перемычкой, украшенной орнаментами. Над этими входами, на высоте одного этажа, с двух сторон расположены арочные окна с профилированным обрамлением, а выше, в середине, приблизительно на высоте прежнего свода, помещено тройное окно, подразделенное столбами с полуколонками. Эта в остальном неукрашенная стена в нижнем этаже утолщена дополнительной кладкой, расчлененной с обеих сторон входами в виде двух широких полуциркульных арок без профилировки. Средняя арка, украшающая вход, оформлена богаче: две полуколонны, прилегающие к выступающим из стены пилонам, посредством капителей с лиственными орнаментами несут арку несколько подковообразной формы. По обеим сторонам имеются консольные карнизы с различной профилировкой, служащие одновременно импостами для верхних, венчающих арок, расположенных по бокам входа конх (ниш). Вся декоративная стена заканчивается на высоте подоконников верхнего этажа в том месте, где начинается свод, поднимающийся по ширине всего фасада, так что цилиндрический свод оказывается поперек западного фасада. С этой пяты свода на втором этаже начинаются два декоративных пилястра с различными капителями, которые находятся на расстоянии, равном ширине декоративной арки и ниши над входом внизу. Балочное перекрытие над этими пилястрами отсутствует. От передней части, расположенной между боковыми помещениями, ничего не сохранилось. В соответствии с внутренним членением стены и началом сводов у боковых башен следует предположить, что отсюда открывался вид на трехарочную аркаду. Во всей конструкции имеется какое-то противоречие в том отношении, что окна на втором этаже не совсем оправданы, так как они, очевидно, на три четверти своей высоты были закрыты сводом передней галереи, что подтверждается также износом поверхности стен. Казалось бы, можно

прийти к выводу, что вся эта пристройка была добавлена впоследствии, тем более, что декоративное утолщение стены не связано с задней и боковыми стенами. За это могло бы говорить и то, что при устранении передней галереи двери и окна соответствовали бы членению, которое обычно встречается в крупных постройках Армении – как, например, в Талине (I, рис. 199). И тем не менее, мы не считаем, что передняя галерея построена впоследствии. Фасадные башни, которые при своей крепкой перевязке со стенами церкви и ввиду размещения их на общем ступенчатом основании, наверное, входили в первоначальную композицию постройки, своей выступающей формой и началами арок указывают на одновременное возведение передней галереи. Кроме того, вделанные в заднюю стену декоративные колонны западного входа и сами декоративные формы этой пристройки вполне соответствуют формам южной стороны, которые также крепко перевязаны с корпусом церкви и являются ее первозданной частью. Упомянутые “консоли” у западной двери из-за отсутствия фронтона теряют свое основное значение, как части последнего. Эта несуразность, как и неуклюжее выделение главного портала посредством боковых ниш, а также то обстоятельство, что оба пилястра второго этажа, как и окна, должны были большей частью исчезнуть под сводом, отчетливо показывают необычность передней галереи такой конструкции и такого оформления фасада. Создается впечатление, что здесь был перенят чужеродный и уже готовый, развитый элемент с попыткой использовать производимый им конструктивный и художественный эффект. Это мы попытаемся обосновать ниже.

Напомним, что расчленение стены окнами наталкивалось в Армении на сильное сопротивление и никогда не имело такого значения, как в эллинистических областях. Здесь, в Ереруке, мы видим, что окна применены в большей мере, чем это вообще было принято в Армении. Ленточные профили, обрамляющие окна необычайно больших размеров на западной и южной сторонах, подчеркнуто выделяют их из всей постройки. Однако кажется странным, что не только оба западных окна большей частью закрыты сводом, но и южные окна замурованы до половины их высоты без какой-либо особой причины. Закладка окон была, по-видимому, сделана изначально, на что указывает солидная перевязка каменной кладки, которая в точности соответствует способу кладки во всей постройке. Это подтверждается рисунком, опубликованным Алишаном в 1882 году, на котором окна показаны замурованными таким образом, что от них остались лишь круглые отверстия с радиусом, соответствующим верхней арке окна[1]. Считались ли большие окна лишними ввиду того, что верхний свет среднего нефа давал достаточное освещение, или же закладка окон была произведена для защиты от непогоды, неизвестно, но во всяком случае это указывает на безразличное отношение к данному элементу. Если к непривычности его применения добавить и редкость его появления, то мы тем более должны дать определенные объяснения. Передняя галерея, построенная вдобавок к башенному фасаду, неизвестна в Армении на протяжении всего первого тысячелетия н. э., за исключением Ерерука. Та форма притвора, которую мы видим в Армении начиная с XI века, не имеет ничего общего с формой передней галереи в Ереруке. С другой стороны, мы знакомы с нартексом вкупе с башенным фасадом, как с типичной формой для Малой Азии и

[1] См. ***Ալիշան Ղեոնդ***, Շիրակ, Վենետիկ, 1881 (***Алишан Гевонд***, Ширак, Венеция, 1881, стр. 170).

Северной Сирии[1]. При этом бросается в глаза, что этот элемент характерен для "восточной" базилики, в то время как в эллинистической базилике (у берегов Средиземного моря) применяется атриум. Предположение о том, что там продолжалось влияние местной традиции, вытекает из сопоставления башенного притвора с хеттитским хилани[2]. Хотя в настоящее время еще не обнаружены промежуточные звенья (если только таковые отсутствуют в малоазийских пещерных сооружениях)[3], все же совпадение хеттитского региона с местами, где встречается башенный фасад (восточная часть Малой Азии и северная Сирия), придает этому предположению большую вероятность. Результаты раскопок в Богазкёй-Хатти и Зенджирли-Самале служат еще одним доказательством этого соответствия. Возникает вопрос: а каковы были условия в Армении? Населяли ли хеттиты Армению, и не являлась ли она исходным для них местом? Исследование этих вопросов нельзя считать завершенным[4]. Однако значение восточной части Малой Азии в качестве хеттитского центра все более возрастает, а вместе с ней возрастает значение и расположенной между Евфратом и Галисом промежуточной малоазийской страны, т. е. западной части Армении[5]. Так как хеттиты, насколько это возможно проследить, распространялись вдоль окаймляющих месопотамскую низину гор, а Таврский горный хребет принуждал их уклоняться все больше к югу, то Армянское нагорье едва ли можно принять во внимание в качестве объекта более интенсивной хеттитской культуры. Следовательно, здесь нам не приходится ожидать результатов или последствий той традиции, которая выражается в применении башенного фасада.

О к н а и в е р х н и й с в е т. Вышесказанное относится также к применению окон в том виде, как их применили в Ереруке, по сравнению с обычными щелеобразными проемами, никоим образом не расчленяющими массив стены. И в этом отношении Северная Сирия соответствует Малой Азии. Но относительно малоазийских церквей следует заметить, что там количество, ширина и высота окон гораздо ограниченнее, чем у сирийских церквей, что нетрудно объяснить применением свода, требующего большей прочности стен. Спрашивается: оказывал ли тут влияние также и хеттитский фактор? Нет сомнения в том, что при обустройстве христианской церкви в качестве помещения для собраний должна была появиться потребность в освещении. Как возникло это широкое расчленение стены посредством окон, с чем мы встречаемся еще в постройках, возведенных до нашей эры (в Апамее, а позже – в Хассе)[6], и почему мы снова встречаем это расчленение именно в Малой Азии и Северной Сирии, притом большей частью у церквей с башенными фасадами (Эль-Бара, Рувейя, Турманин, Банкуса, кафедральный собор в Эль-Андерине, Бинбир-килисе и т. д.)? Месопотамско-арабский ориентализм в этом слу-

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 55 и 213).

[2] См. ***Puchstein Otto***, Die Säule in der assyrischen Architektur – Jahrbuch des kaiserlich deutschen Archäologischen Instituts, VII (1892), Berlin, 1893 (стр. 8 и далее).

[3] См. ***Rott Hans***, Kleinasiatische Denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kappadokien und Lykien, Leipzig, 1908.

[4] Подробнее об этом см. ***Reber Franz von***, Die Stellung der Hethiter in der Kunstgeschichte – Sitzungsberichte der königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-philologische und historische Klasse, Jahrgang XIII (1910), München, 1910 (стр. 7).

[5] См. ***Landsheere Léon de,*** De la Race et de la Langue des Hittites, Bruxelles, 1891 (стр. 89).

[6] См. ***Butler Howard Crosby***, Architecture and other arts, New York, 1903 (стр. 55 и 220).

чае не может быть принят во внимание. Эллинизм также первоначально не знал такого расчленения. Только в Иране (Персеполь) мы встречаем нечто близкое, причем и в связи с оформлением внутреннего пространства. В отношении как Персеполя, так и Апамеи и сирийских церквей следует указать на особенность, состоящую в том, что ширина проемов окон почти не уступает ширине простенков, и что подоконник лишь немногим выше пола. Последнее обстоятельство вместе с большим количеством окон отмечает Франц фон Ребер, считая это отличительными особенностями дворца в Богазкёй-Хатти[1]. Однако в настоящее время вопрос остается открытым, поскольку здесь можно говорить также о продолжении старой традиции. И все же исследование этих проблем показывает, что между древневосточной эпохой и более известными периодами нашего летосчисления мы не должны видеть непроходимую пропасть и полный разрыв традиций, хотя эллинизм, конечно же, вбил в них существенный клин.

Как башенный фасад, так и верхний свет представляют собой явление, встречающееся в виде исключения в Ереруке. Следы бывшего фонаря для верхнего света еще видны на щипцовой стене (I, рис. 23). Он также типичен для сирийской базилики с деревянной кровлей и в трехнефных постройках применяется только в отдельных случаях. Это приводит и к выводу о том, что в Ереруке мы имеем дело с постройкой, которая должна быть отнесена к возможно более раннему периоду, причем к периоду, когда идея приспособления эллинистической базилики к своду еще не вызрела. Превышение среднего нефа над боковыми, связанное с потребностью в верхнем свете, при недостаточном укреплении всей конструкции и стало, по всей вероятности, причиной обрушения церкви[2].

Если мы считаем описываемые элементы сирийско-малоазийскими и лишь однажды находим их в Армении, то это значит, что здесь мы имеем дело с отдельным, исключительным случаем проникновения архитектурного типа, возникшего из некоего внешнего или произвольного политического акта, не повлиявшего на общий ход развития армянской архитектуры, так что эти элементы, не имея соответствующих предпосылок, не укоренились на армянской почве. Путеводной нитью для объяснения данного случая является история армянской религии и наличие греческой надписи. Сама церковь, по всей вероятности, была построена в период, когда малоазийско-северосирийский элемент играл в Армении известную роль, а греческое влияние, наряду с армянскими национальными устремлениями, все еще являлось решающим фактором. Это прежде всего первая половина V века, когда после аршакидских царей в Армении резко усилилось влияние Византии, а сама страна вступила в более тесную связь с Малой Азией в результате политического и экономического разделения страны. Но это был период, когда под руководством Св. Месропа, католикоса Саака и их учеников области южнее Таврских гор сделались

[1] См. ***Reber Franz von***, Die Stellung der Hethiter in der Kunstgeschichte – Sitzungsberichte der königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-philologische und historische Klasse, Jahrgang XIII (1910), München, 1910 (стр. 44).

[2] То же явление встречается и в Малой Азии у тех церквей, где независимо от свода сохранилось повышение среднего нефа – как, например, в Бинбир-килисе I. Как показал возведенный там второй свод, обвал произошел ранее. Мы эти церкви также должны причислить к наиболее ранним, так как вероятно, что и в них, по мере приспособления к сводчатой архитектуре, стали отказываться от верхнего света.

главными центрами научных, литературных и религиозных устремлений[1]. В пользу этой эпохи говорят также формы деталей, которые ниже будут рассматрены более подробно. Формы фронтонов, портиков с зубцами и античной кимой свидетельствуют о времени, когда античные формы еще существовали в сравнительно чистом виде, т. е. о V веке н. э. Однако на капителях, входных перемычках, оконных профилях и подковообразных арках все более отчетливо проступают черты наступающего ориентализма, что проявляется в последовательном проведении принципа барельефа, который (особенно в эпоху Феодосия) все больше вытесняет пластический принцип. О преобразовании этих форм и их отношении к формам северосирийского региона поговорим ниже.

О б х о д (галерея) (I, рис. 177). Еще одним мотивом, встречающимся не только в Ереруке и подтверждающим вышеуказанную датировку, является выступ боковых приделов апсиды, а в связи с этим и галерея, охватывающая все здание церкви. Кроме Ерерука, то и другое имеется уже в Текоре, а в VIII веке также в Одзуне[2]. В Касахе остались лишь небольшие обломки. Хотя обход в известных памятниках Армении встречается в редких случаях, все же его применение еще в VIII веке дает основание предположить, что он до известной степени укоренился – по крайней мере, в большей степени, чем башенный фасад. Однако при более внимательном его рассмотрении мы едва ли можем признать в нем местный мотив. Прежде всего надо констатировать, что он встречается только в чисто базиликальных или в производных от чистой базилики видах построек. Здесь наше внимание вновь обращается на соседнюю Сирию, где в зданиях светского характера на севере страны широко применялись портики с колоннами и пилонами[3]. Этот мотив нашел применение и в культовом зодчестве: как на западном, так и на боковых фасадах местных церквей – например, на западной, южной и северной сторонах церкви в Кефр Финше, далее на южной и северной сторонах церкви в Серджилле, где на лишенной входов западной стороне и в других местах произошел обвал грунта[4]. Уже возраст Серджиллы (IV век н. э.), где залы с колоннами примыкают к выступающим по бокам приделам апсид, указывает на приоритет Сирии, а способ использования самого мотива – на близость к Ереруку. Относительно обхода (галереи) эти памятники совпадают и в разрезе. В Ереруке от колонн остались одни лишь развалины. В более позднее время в Армении колонны, как свободно стоящие конструктивные элементы, больше не применялись, что является еще одним доказательством ранней датировки памятника и зависимости этого мотива от северосирийской эллинистической культуры. В связи с этим следует обратить внимание на следующее. В Сирии обходы эти имеют плоские покрытия; у светских зданий перекрытия состоят из каменных балок, у церквей они имеют форму односкатных деревянных кровель. Свод, который там вообще не применялся в базиликах, был бы при применении колонн попросту невозможен, так как арки на колоннах были бы не в состоянии выдержать распор свода. То же самое можно предположить и в отношении Ерерука (II, рис. 427–429 а). Покрытие обхода тут исчезло, но по многим причинам

[1] См. ***Ter-Mikelian Aršak***, Die armenische Kirche in ihren Beziehungen zur byzantinischen, Leipzig, 1892 (стр. 33 и далее).

[2] Прим. ред.: правильная датировка церкви в Одзуне – конец VI века.

[3] См. бесчисленные примеры у Говарда Батлера, Мелькиора де Вогюэ и др.

[4] См. ***Butler Howard Crosby***, Architecture and other arts, New York, 1903 (Указатель).

надо думать, что оно было деревянным. На первый взгляд, пилястры на южной и северной сторонах дают основание считать, что здесь был применен цилиндрический свод. Но капители (I, рис. 182) расположены слишком низко по отношению к сегодняшнему верху стены. В сторону обхода на стене нет следов от начала свода. Наружная поверхность украшена зубчатым фризом, который должен был быть частично закрыт подпружными арками, от которых не осталось и следа. Пилястры, по-видимому, служили всего лишь для расчленения стен, как в Касахе, Егварде, Гарни и т. д. Существующий верх стены не является первоначальным. По-видимому, он повышен на несколько рядов камней, чтобы служить опорой для скатов кровель, соответствующих боковым нефам (I, рис. 183). На рисунке, опубликованном Алишаном[1], фактически показано 4 ряда камней выше зубчатого фриза, тогда как в настоящее время имеется только один ряд, а в северо-восточном углу (I, рис. 178) видны лишь остатки второго ряда. Эта высота могла бы вполне соответствовать возрастающему скату кровли обхода, арки которого, должно быть, заканчивались на уровне высоты пилястров. Подпружные арки, перекрывающие пролеты между этими пилястрами и арками, почти достигли бы высоты сводов боковых нефов, так что над обоими цилиндрическими сводами нам остается предположить наличие весьма неправдоподобного плоского покрытия или, по крайней мере, двускатную кровлю над сводом обхода, которая вряд ли была целесообразна, так как башенные пристройки с двух сторон едва ли могли обеспечить сток атмосферных осадков. Наконец, при более чем трехметровом пролете свода и ширине настенных пилястров лишь в 67 см арки обхода высотой в 7 м тоже никак не могли бы устоять перед распором свода. Как в Сирии, так и здесь обход представлял собой лишь декоративный элемент, лишенный какого-либо конструктивного значения для всей постройки и, вероятнее всего, был покрыт деревянной односкатной кровлей[2].

Но как же случилось, что этот элемент (как и прочие чуждые элементы данного сооружения), возникший, вероятно, на почве религиозно-политического рвения с целью возвеличения чужеземного, сохранил свое значение в Армении, в то время как фасад с башней, например, не нашел подражания? Если внимательно рассмотреть обходы других построек, то объяснение этому легко будет найдено. Церкви в Ереруке по типу близка церковь в Текоре. Она также имеет выступающие с боков продолговатые приделы апсиды, к которым примыкает обход, охватывающий здание с юга, запада и севера. Однако следует заметить, что Тораманян, доказавший, что первоначальная базилика была впоследствии превращена в купольную церковь, считает, что крыло апсиды и обход были добавлены в период перестройки церкви. В соответствии с этим в своем плане Текора (II, рис. 393) Тораманян зарисовывает всю структуру сохранившихся стен южной, западной и северной сторон в виде кладки, приложенной к первоначально гладким стенам безо всякой связи с ними. В отдельных случаях так и могло произойти, но не надо делать из этого обобщающего вывода о дальнейших, поздних пристройках. Такую же декоративную облицовку мы видим и на западном фасаде Ерерука, где нельзя предположить возможность дополнительной пристройки. Впрочем, во время нашего пребывания в Текоре, рассмат-

[1] См. ***Ալիշան Ղևոնդ***, Շիրակ, Վենետիկ, 1881 (***Алишан Гевонд***, Ширак, Венеция, 1881, стр. 170).

[2] См. мою реконструкцию на рис. 183 (I).

ривая места изломов, возникших при обрушении здания в 1912 году, мы могли убедиться в том, что внешняя декоративная часть стены (в том числе и места примыкания обхода) была связана с ее бетонным ядром (II, рис. 430), и что апсида со своими приделами принадлежит к тому же периоду перестройки. Существенные дополнения имели место лишь в верхних частях стен, поскольку были обусловлены преобразованием церкви из базилики в крестовокупольную.

Этот обход, по сравнению с Ереруком, решает совершенно другую задачу. Здесь прежде всего ничего не противоречит предположению о том, что данный обход был покрыт сводом, что подтверждается и многими другими обстоятельствами. От арок еще сохранились остатки, показывающие, что здесь имелись массивные пилоны, которые были бы излишними при деревянной кровле. Охватывающие все здание карниз и бровки над окнами (II, рис. 430) настолько выступают, что их можно воспринимать только как импосты свода. Так как карниз принимает над окнами арочную форму, то свод был поднят до уровня высоты данных арок. Это, судя по сохранившемуся угловому пилону, полностью согласуется с предполагаемой высотой наружных арок, импосты которых сохранились в углу северного придела. Свод опирался на подпружные арки, которые начинались с подъема над капителями пилястров (на южной и западной сторонах) или декоративных колонн (на северной стороне). Высоте свода и его односкатной кровли соответствует гладкая поверхность стены без окон, начиная от нижнего и кончая венчающим карнизом боковых нефов. В разрезе всей конструкции (II, рис. 427–429 б) в целом наблюдается постепенное (поступенчатое) уменьшение высоты свода от среднего нефа через боковой неф по направлению к обходу, что соответствует правильной системе укрепления. Необходимость и продуманность этого укрепления видны из того, что после обвала внешнего обхода распор от свода южного нефа сдвинул южную стену, вызвав на ней трещины и частично обвалив ее (I, рис. 24). Во всяком случае, это было причиной полного обрушения свода в 1912 году.

Следовательно, мы ясно видим, что введение и дальнейшее применение обхода в Армении легко объяснить тем, что он в данном случае являлся желательным конструктивным элементом, поскольку при появлении здесь сводчатой базилики возникло затруднение в отношении проблемы преодоления распора. Ввиду этого пришлось прежде всего отказаться от фонаря верхнего света, так как он не позволял укрепить свод среднего нефа при помощи сводов боковых нефов. В связи с этим мы видим, что фонарь верхнего света, введенный в Ереруке по образцу сирийской деревянной базилики, исчезает, и что в Текоре, относящемся к лишь немного более позднему периоду, импост свода среднего нефа находится на той же высоте, что и у боковых нефов. Конструктивное использование обхода в качестве крепления сводов боковых нефов вполне естественно уже по той причине, что боковая пристройка у однонефных построек выполняла эту задачу в соответствии с месопотамскими традициями. Соседняя Грузия дает яркие примеры смешения сирийского обхода с колоннами с перенятой из месопотамской традиции боковой пристройкой (об этом см. ниже).

Хотя возникновение обхода в Армении объясняется превращением его из декоративного элемента в конструктивный, все же нельзя считать (и факты говорят за это), что в Армении он приобрел всеобщее значение и стал типичным. Стремление к объединению пространства еще ранее привело к созданию других способов укреп-

ления. Кроме того, при превращении здания из чисто трехнефного типа в крестовокупольный, первым сохранившимся примером которого является Текор (II, рис. 430), главный распор воспринимается поперечными нефами. В соответствии с этим обход в Одзуне в общем потерял свое значение укрепляющего элемента. Хотя арки и сохранили свою массивность и прочность, но распор был значительно меньше благодаря меньшему пролету свода бокового нефа, а также благодаря разгрузке через поперечный неф купола и тяжести всей постройки. Поэтому высота свода обхода достигает чуть больше половины высоты бокового нефа, и здание по сей день сохранило свою прочность, несмотря на то, что осталась лишь небольшая часть свода обхода.

Наконец, в числе встречающихся в Ереруке отдельных элементов надо выделить и последовательно поднимающийся цилиндрический свод. За исключением Ерерука, где цилиндрические своды верхнего этажа обоих приделов поднимаются в сторону апсиды (II, рис. 431), в Армении нам неизвестен ни один другой случай их применения. С другой стороны, в Малой Азии такие своды часто применялись в качестве крепления среднего свода. На значение этого строительного элемента специально, в связи с его появлением в ранней архитектуре Запада, уже указывал Йозеф Стржиговский[1]. Здесь же появление этой архитектурной формы может служить новым доказательством широкого внедрения сводчатых форм в горных областях Малой Азии".

2. Отделка

После того как в предыдущем разделе было показано, что в армянской архитектуре следует отчетливо различать два течения – одно, характеризуемое куполом и идущее из аршакидского Востока, а другое – проникшее из эллинизированных областей Сирии, Малой Азии и Северной Месопотамии, во второй части настоящего исследования, посвященной проблеме внешнего вида архитектурных украшений, мы можем чувствовать себя более свободно и не опасаться недоразумений, вытекающих из односторонней тенденции считать, что истоки всех явлений искусства происходят из античного мира. Исходя из античных форм, следы которых заметны также в Армении, и из отдельных смешанных форм, мы противопоставим им те архитектурные формы, которые в особенности могут считаться армянскими. При этом за исходную точку мы примем приведенное выше сопоставление. Здесь, следовательно, порядок будет обратным, т. е. сперва будут рассмотрены проникшие в Армению эллинистические формы и, таким образом, дальнейшее исследование будет проведено без учета этого временного, не имеющего связи с иранскими или армянскими формами влияния. Продолжим сообщение Глюка.

А. Эллинистическая традиция

а) Дохристианский эллинизм (Гарни)

"Вполне понятно, что широкое распространение эллинизма, наводнившего со времен Александра Великого весь восточный мир, вряд ли, однако, могло оставить следы в Армении ввиду замкнутости ее географического положения и исторической жизни, и это, разумеется, близко к истине. Имеется лишь один, почти чисто антич-

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 61).

ный памятник, который выделяется из числа всех прочих армянских архитектурных памятников как нечто чужое, а именно – храм в Гарни, о котором говорилось выше. Он полностью выдержан в стиле того времени перед появлением христианства, когда античные формы стран Средиземного моря переживали последний расцвет, но при этом, несмотря на сохранение старых форм, в их формальной обработке уже ясно чувствовалось возрождение восточных традиций. Роскошные украшения ионического храма типа простиля чуть ли не заглушены системой фронтонов и перекрытий, причем до такой степени, что почти нигде не выступает основная поверхность стен. В этом уже проявляется своеобразие поздней античности, тогда как в "классический период" отчетливо выделялись отдельные архитектурно-конструктивные элементы, и декоративные украшения применялись в ограниченной мере, чтобы не нарушить общее впечатление. В частности, это достигалось тем, что орнаментальные элементы, например – акант, давались с полной пластической обработкой и накладывались на стены так, чтобы украшение выделялось на фоне спокойной поверхности камня игрой света и тени, создавая контрастный эффект. В Гарни некоторые фризы созданы по этому образцу – как, например, на лежащем в углу фронтона куске (II, рис. 395). У большинства же образцов (например, II, рис. 432) пластический орнамент настолько заполняет фриз, что фон рельефа совершенно исчезает, и небольшие промежутки производят впечатление не плоскости, а лишь темного фона, на котором украшения выделяются в виде наложенного светлого рисунка. Вместо чисто пластического возникает живописно-цветовое ощущение. Ясно, что при логическом развитии этого эффекта пластика теряла свое значение, так как получалась не лепная модель с игрой светотени, а контраст между светлыми и темными тонами поверхности. Это проявляется при обработке отдельных форм, например – листа и стебля лозы. В то время как на рис. 395 (II) стебель, поскольку он вообще не закрыт пластически обработанной листвой, имеет органически закругленную форму, на рис. 433 (II) он явно прижат к плоскости и наложен на нее в виде полоски. Листья не обработаны искусной волнистой лепкой. Вместо волнистых углублений изображена узкая, темная борозда на светлой поверхности листа. Не всюду этот тип проведен одинаково. Многочисленные и разнообразные переходы от живописных форм к пластическим показывают, что здесь работали разные руки в период, когда оба принципа боролись друг с другом. В общем надо заметить, что у растительных орнаментов, фризов и капителей с изображением аканта (II, рис. 434 и 435) пластика все еще сильно выявлена. У элементов, лишенных растительного характера (пальметт, ким и т. д.), и особенно у украшений (потолочные камни с кессонами, а также нижняя поверхность архитравов, где моделировка света и тени дает меньший эффект) пластика уступает место чисто плоскостным формам. На рис. 436 (II) мы видим узкую ленту, обрамленную бусами, простирающуюся по середине нижней поверхности архитравных балок. В тех местах, где эти балки опирались на колонны, лента заканчивается полукругом. Заполняющий ленту орнамент расположен в одной плоскости, на равномерно углубленном основании. Не случайно, что здесь, где плоскостный принцип уже полностью проявился, появляются мотивы, чуждые античному духу. У двух образцов мы видим выгнутые пальметты, поставленные друг на друга без органической связи. В середине эти пальметты с двух сторон примыкают к ромбу. Полоса на левом куске заполнена прямой лозой, от

которой с обеих сторон под прямым углом ответвляются сердцеобразные листья плюща или винограда. Кончики листьев срезаны рамкой, так как иначе получились бы значительные промежутки, обнаруживающие поверхность основания, что нарушило бы стремление скрыть его. Этому немного примитивному решению противопоставлен образец на камне справа, где окаймляющие бусы заменены простым крученым валиком, и где заполнение состоит из виноградной лозы. Благодаря волнообразной форме стебля, в углублениях которого расположены вьющиеся побеги листьев и кистей винограда, заполняющий декоративный мотив приобрел более свободное композиционное решение. В Лмбатаванке и Аштараке мы нашли каменные балки с аналогичными украшениями. В Лмбатаванке (II, рис. 437) в качестве входной перемычки был, очевидно, использован камень, оставшийся от более старой постройки. Камень уложен так, что украшающий орнамент виден снизу. Здесь мы также видим волнистый стебель, от которого (хоть и менее органично, чем в Гарни) ответвляются кисти винограда, использованные для заполнения поверхности. В одном конце изображена человеческая фигура, наложенная по тому же принципу, без моделировки, с возможно более полным заполнением поверхности[1]. В Аштараке, в северном приделе апсиды, без использования лежит пилон с соответствующим украшением и примерно таких же размеров, но без человеческой фигуры. Принцип такого украшения (как и, по-видимому, его мотивы) не имеет ничего общего с античными образцами. В двух образцах в Лмбатаванке и Аштараке мы видим отдельные фрагменты украшений, распространенных в дохристианской Армении и проявившихся именно в Гарни. Традиционному стилю в особенности соответствует изображение человеческой фигуры в Лмбатаванке, свойственное древневосточной скульптуре. Такие фигуры мы встречаем в хеттитских памятниках Армении. Возможно, в Гарни традиция эта проникла в указанные, менее бросающиеся в глаза места постройки благодаря участию местных мастеров-художников. Вообще следует считать, что там, где применялись эллинистические формы (во фризах и капителях), тенденция к живописно-плоскостным мотивам была основана не только на древнеармянских традициях. В данное время это явление имело место во всех странах Ближнего Востока, хотя и с использованием различных подходов. В условиях отсутствия каких-либо других эллинистических построек мы едва ли можем приписать античной архитектуре в Армении решающую роль, при которой могло бы возникнуть смешение разных стилей. Это ясно проявляется в ходе последующего развития христианской архитектуры. Храм в Гарни представляет собой чуждое для Армении явление, и весьма правдоподобным кажется предание о том, что Трдат пригласил греческих архитекторов, когда задумал построить для своей сестры Хосровидухт дворец, к которому и относился гарнийский храм[2]. Эту постройку соорудили, по-видимому, малоазийские и сирийские архитекторы. За это говорит применение ионического стиля, так как в прочих азиатских странах Ближнего Востока применялся преимущественно коринфский стиль. Техника и обработка скульптурных деталей также подтверждают это, наряду с волнистым орнаментом и стремлением к пластической выразительности. Впрочем, ближайшими параллелями могут

[1] Балка имеет площадь сечения в 3,4 м^2, а длина ее, по всей видимости, достигала 1,25 м.

[2] См. ***Dubois de Montpéreux Frédéric***, Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, Paris, 1839–1843 (том III, стр. 388).

считаться памятники сирийского искусства в том виде, как они существуют в Баальбеке.

Как уже было сказано, проявившийся в отдельных случаях эллинизм не нашел в Армении соответствующей почвы для продолжительного развития. Те эллинистические элементы, которые встречаются в армянской орнаментике в христианский период, проникли в Армению вместе с христианством и не имели никаких предпосылок в дохристианском эллинизме, как это было в эллинизированных областях Ближнего Востока.

б) Христианский (сирийско-малоазийский) эллинизм

Э л л и н и с т и ч е с к а я к о л о н н а. Уже было сказано о том, что эллинистическая колонна встречается в раннехристианской архитектуре Армении лишь в отдельных случаях в самых ранних памятниках, так как она не могла играть роль несущего элемента, т. е. отвечать требованиям сводчатой архитектуры. Исключение мы видим только в галерее Ерерука, где еще было применено сирийское деревянное покрытие, и, может быть, в малой церкви Егварда. В других случаях колонна уже потеряла свое тектоническое значение и стала лишь декоративной формой. В античной архитектуре колонна (а точнее – полуколонна) также иногда служила декоративным элементом, предназначенным для членения стен, но все же она и тогда сохраняла свою тектоническую форму и, по крайней мере, являлась символом действующих сил. Раньше всего она лишилась каннелюр, многое потеряв при этом, как несущий элемент, но и в христианскую эпоху, в большей или меньшей степени, также сохранились утоньшение (энтазис) и сужение кверху. Этот конструктивный прием, вкладываемый эллинизмом в каждый архитектурный элемент, должен был исчезнуть там, где сильнее было воздействие восточной традиции, в которой конструкция была действенна сама по себе и не нуждалась в производящих впечатление символах. Однако затем, при Сасанидах, мы видим колонны (большей частью парные) в качестве чисто декоративных элементов, без упомянутых деталей тектонического характера. В таком виде колонны встречаются в Армении, может быть, даже раньше, чем в известных до сих пор памятниках сасанидской архитектуры – как, например, у входа в церковь Текора, с капителями, украшенными акантами (II, рис. 438). Наряду с этим у той же постройки имеется еще эллинистическая колонна, хотя и в той форме, в которой мало что осталось от эллинизма. Это полуколонны, на которые опирались подпружные арки галереи. Не считая того, что база имеет необычную форму, и что капитель только в общем напоминает черты коринфского стиля, сама колонна потеряла всякое выражение конструктивной силы. Она возвышается без утоньшения, т. е. без энтазиса, и лишь незначительное сужение у верхнего конца (нижний диаметр – 51 см, верхний – 48 см) и соотношение высоты к толщине (приблизительно восьмикратный диаметр) указывают на ее происхождение. В своем роде эти колонны в Текоре являются последними в Армении. Уже колонны входа в Ереруке (I, рис. 182) представляют собой лишь валики без баз, причем даже характерное для Сирии замыкающее верхнее кольцо включено в капитель. В VII веке преобразование уже было закончено. Колонна потеряла всякий признак несущего элемента и стала только декоративным элементом (большей частью в виде парных колонн), у которого даже форма капители никакого отношения к эллинизму не имеет.

Здесь следует еще упомянуть о пилоне с колоннами (пилон с прилегающими полуколоннами), типичном в Малой Азии в качестве опоры для арок нефа[1], но применяемом в Армении (Ереруk, Лернакерт) лишь для расчленения окон (I, рис. 159). При толщине стен, требуемой в сводчатых конструкциях, разделяющая окна колонна, как она часто встречается в Сирии и Малой Азии, была слишком тонка. Ее как бы делили на две части и часть пилона помещали между двумя половинами, чтобы получить нужную толщину. С прекращением эллинистического влияния прекращается и этот способ использования колонн. Нерасчлененное щелеобразное армянское окно становится преобладающим. С прекращением влияния эллинизма сирийско-малоазийская колонна кончает свое существование. В духе восточного архитектурного течения колонна в Армении становится чисто украшающим элементом (полуколонка), причем ее применение и форма зависят от воли архитектора.

Б а з а. В сильно эллинизированных областях восточной части Средиземного моря аттическая база была общепринята также в христианский период. Но и там с переходом к плоским профилям замечается борьба восточного направления с пластической формой базы. Этот процесс перехода к плоским формам, естественно, еще больше усиливается в Армении. Здесь чисто античная форма вообще отсутствует в христианский период. Колонна часто превращается в цилиндр, имеющий почти одинаковый диаметр как внизу, так и наверху, или пилон превращается в призму. Формы баз, встречающиеся у построек продольного типа, показывают профилировку, состоящую, главным образом, из круглого валика, выкружки, полочки и кимы. В малой церкви Егварда (I, рис. 155 В) и в Гарни (I, рис. 161) эти элементы одинаково обработаны и применены вперемежку, вследствие чего не достигается впечатления органического единства. В Ереруке, у лежащей перед южным фасадом базы одной из колонн галереи (I, рис. 182) и во вставленном в северо-восточный угол Текора куске (II, рис. 440), еще ясно заметно влияние эллинизма, которое сказывается в подчинении друг другу отдельных частей, причем основание базы отчетливо показывает свое функциональное назначение бóльшим развитием и более выраженным членением. Сильнее всего это проявляется в Ереруке, где форма базы больше приближается к аттической профилировке, наиболее принятой в эллинистических областях. До известной степени такая подчиненность видна также у пилонов среднего нефа в Текоре (II, рис. 392), где подчеркиваются нижние части, а валик делается рифленым. И в этом архитектурном элементе тоже проявляется исключительное положение Ерерука с точки зрения большей зависимости от эллинизма, в то время как в Текоре замечается преобладание местных влияний. При этом характерно, что в том же Текоре, наряду с близкими к эллинизму формами, появляются и такие формы, которые ничего общего не имеют с этой традицией. Так, например, базы наружных полуколонн (II, рис. 440) своим своеобразным переходом от четырехугольной плиты основания к круглой форме полуколонны указывают на пробуждение самостоятельной армянской творческой силы или, по крайней мере, на проникновение совершенно чуждого эллинизму духа.

Э л л и н и с т и ч е с к а я л и с т в е н н а я к а п и т е л ь. Даже в тех странах, в которых эллинизм приобрел значительное влияние, греческие капители подвергались большим изменениям в отношении как формы в целом, так и трактовки укра-

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 179).

шений. Что касается формы, то изменениям подверглись прежде всего ее конструктивные задачи в связи с введением новых строительных элементов (арок). В то же время в области украшений проявлялось влияние восточной тенденции, которое отмечалось еще в дохристианскую эпоху в виде стремления к живописным формам. При этом с возникновением христианской архитектуры на первый план все больше выдвигались плоские формы вместо пластичных.

С прекращением применения эллинистической колонны в качестве несущего элемента в Армении начинают исчезать также соответствующие формы капителей. Это относится и к капителям пилястров, которые, как известно, в эллинизированных областях переняли украшения капителей колонн. Сюда же относятся все те постройки продольного типа, при рассмотрении которых мы отметили сильнейшее влияние на них эллинистических областей, отчего формы античной архитектуры там удержались дольше и были выражены более отчетливо.

Из трех обычных форм капителей античной архитектуры в христианскую архитектуру Армении перешла только акантовая. В этом отношении Армения последовала примеру стран Средиземного моря, где в христианскую эпоху из числа античных капителей распространилась и сохранила свою основную форму только коринфская капитель. Однако при введении нового строительного элемента – арки, пришлось при отсутствии особых импостов придать капители более сомкнутую и массивную форму, причем в особенности надо было отказаться от глубоко врезанных волют и листвы или, по крайней мере, ограничить их применение. Эти изменения, вызванные новыми конструктивными формами, явились вовремя и вполне соответствовали стремлению к плоской обработке украшений в духе живописи. В Гарни мы уже отметили зачатки этого характерного для всего Ближнего Востока стремления. В лиственной капители (II, рис. 441) переход от пластической обработки к плоской уже ясно выявлен. Три листа аканта еще показывают пластичный изгиб в форме латинской буквы “S”, в то время как оба боковых листа развертываются скорее в плоскости (слева направо), чем в пространстве (спереди назад). Пластический мотив изгиба листа еще сохранен, но характерное для “классической” античной архитектуры перекрывание отдельных листьев, которое дает наибольший пространственный эффект, уже не встречается. Листья уложены на основание почти плашмя, причем их зубцы распределены так, что промежутки между ними представляют собой небольшие темные вырезы, и под ними вообще не видно основания. То же стремление заметно и в отношении промежутков между отдельными листьями. У классической коринфской капители каждый лист представлял собой отдельный росток. Между двумя листьями оставалось достаточное пространство, чтобы листья второго венца или стебель венчающих волют могли простираться вверх в пластической форме. Здесь же листья настолько приближаются друг к другу, что их кончики почти соприкасаются, и кауликулы[1], обработанные поверхностно и нечетко, не имеют места для пластического развития. В итоге вся капитель покрыта сменяющимися светлыми и темными пятнами. Хотя органическая форма отдельных листьев еще сохранена, промежутки между ними начинают приобретать самостоятельное значение.

Сравним капитель пилона в Гарни с украшенными акантом капителями пило-

[1] Прим. ред.: зачаточные, рудиментарные стебли.

нов христианской архитектуры. Их немного (II, рис. 442–447). Среди них приведенные на рисунках 438 (II) и 442–445 (II) составляют отдельную группу, так как имеют почти одинаковый вид и отличаются только незначительными деталями. Есть основание причислить их к одной и той же школе – тем более, что район их распространения охватывает ближайшие окрестности Арагаца (Касах, Аруч, Текор)[1]. Для анализа их стилистических особенностей более всего пригодны показанные на рис. 372 (II) капители полуколонн, обрамляющих входы в Текоре, так как они лучше всего сохранились и при равномерном освещении яснее всего показывают эффект этого вида украшений. Капители начинаются простым или двойным пояском, на который опирается самая капитель, имеющая на всех трех сторонах слегка выгнутый профиль. Сверху имеется простая абака с прямыми кромками, которая либо лишена всяческих украшений (II, рис. 442), либо украшена рядом кружков или вырезами (II, рис. 372, справа).

Орнамент в виде листьев аканта в этом случае не накладывается на поверхность выкружки, а создается благодаря тому, что рисунок выдалбливается как бы своей негативной частью, так что листья ни в одном месте не выступают за простую линию профиля. При этом на боковых частях половина оставлена необработанной. Этим принцип плоскостной обработки доведен до крайности. Акант полностью лишился волнистого изгиба, также совершенно исчезло свисание листьев и их взаимное пересечение. Листья настолько сближены, что касаются друг друга, и между ними получаются ромбовидные вырезы, темный фон которых является единственным средством, чтобы выделить отдельные листья в виде органического целого. Но поскольку эти листья начисто лишены пластического моделирования (и жилы, и впадины заменены глубоко врезанными линиями и надрезами, которые состязаются с темными промежутками между листьями), то теряется всякое восприятие отдельных органических форм, и вся поверхность кажется покрытой рассеянным рисунком из темных и светлых оттенков. Может быть, на капители в Аруче (II, рис. 443 и 444) больше всего осталось от пластики растущего листа. Здесь его середина выделяется двумя отходящими линиями (бывшая средняя жила), так что все еще сохранен контур листа. У капителей полуколонн, обрамляющих двери в Текоре (II, рис. 442), место средней жилы занимает только одна линия, к которой примыкают схематические листья. В соответствии со стремлением к возможно более равномерному заполнению основания и в согласии с принципом плоских форм наподобие живописи совершенно отпадают последние остатки пластически-органического оформления в виде изгибов листьев, а также кауликулы с их завитками.

Все эти капители, по-видимому, относятся к одной школе и к короткому отрезку времени. Их нужно считать примерами продолжения тех принципов, которые намечались в Гарни. При этом необходимо учесть, что переход от пластично-живописных форм к плоским представляет собой главную линию развития архитектурных украшений во всех областях, где когда-либо применялись эллинистические формы. При малом влиянии, которое, по-видимому, оказывал эллинизм в Армении в

[1] Капитель из Аруча (II, рис. 443 и 444), находящаяся в настоящее время во дворе квартиры Гарегина Овсепяна близ церкви Рипсиме, не может относиться к Кафедральному собору в Аруче, ввиду чего мы можем предположить там более древнюю постройку, следы которой должны быть обнаружены.

дохристианскую эпоху, едва ли можно допустить какое-либо развитие из эллинистических форм на местной почве. Мы не находим промежуточных звеньев между Гарни и происходящими от эллинизма формами капителей наиболее ранних христианских памятников Армении, т. е. нет постепенного продолжения принципов на основе развития внутри страны – как, например, во внутренних областях Сирии. Как храм в Гарни явился лишь результатом широкой эволюции в странах Средиземного моря, так и более развитые формы капителей христианской эпохи проникли оттуда в Армению вместе с христианством. Здесь они, однако, почти одновременно со своим появлением подверглись изменениям, вызванным как местными элементами, так и восточным (иранским) влиянием. Эти изменения, которые должны считаться чисто армянскими, легче распознаются, если учитывать общий принцип плоской обработки архитектурных элементов. В отличие от всех остальных областей, где доминирующим стал плоскостной принцип, здесь разложение отдельных форм произошло не посредством смены светлых и темных частей *плоскости*, а с помощью *линий.* Кроме линейной обработки срединных жилок листьев, это прежде всего замечается в формировании их долек, которые на самом деле состоят из двух дорожек, окружающих среднюю ложбинку (см. II, рис. 445, Касах), благодаря чему смена светлых и темных тонов осуществляется сменой выпуклых и вогнутых линий. Яснее всего это проявляется в капителях пилястров апсиды обхода (галереи) в Текоре (II, рис. 439), а также в капители сохранившегося там же пилястра на южной стороне (II, рис. 369), в основе которых лежит одна и та же форма, причем разделение дорожками у них выражено четче, чем, например, у показанной на рис. 442 (II) капители портика в том же Текоре. Создается впечатление, что указанные выше капители являются подражанием последней, хотя бы на том основании, что остаточные следы органически-живописной обработки в них отступили перед рисунком[1]. Такое разделение на дорожки встречается и на фигурных барельефах Армении (о них поговорим ниже) как своеобразное формальное преобразование христианством мотивов, перенятых из эллинистических кругов искусства. Наряду с косой резьбой принцип этот, видимо, перешел к армянам через парфян, одна из династий которых (Аршакиды) продолжала править в Армении[2]. Наблюдая за процессом эволюции монет парфянских царей, которые показаны Дьелафуа в “Древнем искусстве Персии” (X, таблица I)[3], мы ясно видим, что пластичные, хорошо моделированные эллинистические формы постепенно уступают свое место линейной схеме из плоских дорожек. Это соответствует тому процессу, которому в рассмотренных нами капителях подвергся проникший в Армению вместе с христианством эллинизм. Таким образом, и здесь мы встречаемся с явлением, составляющим одну из главных идей настоящей книги, а именно – с влиянием иранского течения, которое в самом зародыше пресекает попытку эллинизма утвердиться в Армении.

То же самое относится и к капителям колонн. Они также подвергаются описанному выше процессу развития. Только их эллинистическое происхождение выраже-

[1] Это подтвердило бы предположение Тораманяна о том, что вся восточная часть постройки впоследствии (но, по-видимому, в относительно ранний период) была изменена.

[2] См. ***Glück Heinrich***, Die beiden “Sasanidischen” Drachenreliefs – Publicationen der kaiserlich osmanischen Museen, Konstantinopel, 1917, № 4 (стр. 22).

[3] См. также ***Petrowicz Alexander von***, Arsaciden-Münzen: Katalog, Wien, 1904.

но ярче, что связано с использованием самой колонны, в пластическом закруглении которой мы видим одно из наиболее характерных проявлений эллинизма. И здесь новая конструктивная задача служить опорой арки вместо прямой балки является решающей причиной преобразования капители. Старая проблема перехода от круглого сечения колонны к четырехугольнику опоры осталась и при применении арки, но здесь, вследствие неравномерного давления, пришлось также устранить глубокие вырезы волют. Капитель, которую я зарисовал перед малой церковью в Егварде (I, рис. 155 C), показывает один из возможных способов сохранения и использования старой формы в новых условиях. Капитель имеет несколько грубую коринфскую форму, хотя и лишена украшающих листьев аканта. У двух противоположных кромок устроены глубокие отверстия в абаке и в верхней части самой капители. Эти отверстия могли служить только для анкеров, из чего следует, что в данном случае применялась арка, обломки которой действительно сохранились. Вряд ли можно предположить, что капители были использованы в таком неотделанном виде, но, с другой стороны, не может быть, что здесь мы имеем дело с незаконченными и не нашедшими применения деталями. Возможно, что капитель имела металлическую оболочку, как это было принято в позднеантичном и христианском зодчестве (Пальмира, Византия)[1]. Я не исключаю, что такого рода обработка капители не только преследовала декоративные цели, но была обусловлена и конструктивными соображениями. Ведь уже тогда стали связывать арку с античной колонной, хотя капители еще сохраняли старую форму и не были приспособлены к новой задаче. Там, где не был встроен импост – как, например, в Мисмийе в Хауране[2], по-видимому, применялась металлическая оболочка, т. е. тогда следовали старому типу декора, но в то время каменное ядро своей массивной формой удовлетворяло новым требованиям. Такой же случай налицо и у однонефной церкви в Егварде, что также говорит в пользу ранней датировки этой церкви.

Само преобразование коринфской капители мы можем наблюдать у портиков Ерерука и северной стены Текора. В Ереруке капитель (II, рис. 447) представляет собой перевернутый усеченный конус, переходящий сверху в прямоугольник, на который уложена прямолинейная абака, не украшенная каким-либо орнаментом. Корпус капители украшен непластичным акантом, с которым мы уже познакомились. Это украшение, однако, гораздо менее схематизировано, чем в описанных выше случаях. Здесь также проявляется тенденция к растворению органических форм в плоскости. Передний средний лист распадается на две части, которые по бокам срослись с угловыми листьями, так что два листа имеют одно общее острие. Этот неестественный для растения вид вытекает из чисто формальных устремлений. Иначе широкая поверхность среднего листа нарушила бы равномерность распределения светлых и темных тонов рисунка. Разрез листа ромбовидным углублением посередине восстанавливает равновесие. Следует обратить внимание на то, что здесь помещены угловые

[1] См. ***Евсевий Кесарийский***, Жизнь Константина (III, 38), где говорится о капители иерусалимского храма Святого Гроба (Гроба Господня). Кроме того, см. приведенный выше пример Авана.

[2] См. рис. 504 (II), который мы заимствовали из книги Мелькиора де Вогюэ “Центральная Сирия. Гражданская и религиозная архитектура” (см. ***Vogüé Melchior de***, Syrie Centrale. Architecture civile et religieuse, Paris, 1865, таблица VII).

листья, которые ясно могут быть распознаны как происходящие от кауликул, отсутствующих у капителей пилястров. Это также является признаком дальнейшего влияния античности на форму капители колонн. Способ резьбы листа яснее всего виден именно в этих угловых листьях. Смена светлых и темных тонов внутри листа достигается своего рода косой резьбой. Однако этот способ резьбы отличается особым своеобразием от способа, принятого в капителях стран Средиземноморья. У разделенных на две части средних листьев особо заметно линейное расчленение. При этом контур листа (если о таковом может идти речь) окаймляется остроконечными полосками. Все в целом производит явное впечатление тиснения. Это может служить косвенным подтверждением упомянутого выше предположение о том, что в Егварде капители имели металлическую облицовку (малая церковь). Кроме того, можно было бы доказать, что применяемый способ резьбы произошел от техники обработки металла, и что продолжала существовать традиция, основанная на древнейших предпосылках[1] и проявляющаяся даже здесь, в базилике Ерерука, несмотря на ее определенно выявленный эллинистический характер.

У капителей больших полуколонн в Текоре (II, рис. 372) обработка форм путем расчленения их на дорожки уже вполне соответствует тому виду, который был установлен нами у капителей пилястров. Лишь общая конструкция левой капители дает возможность распознать ее происхождение из эллинистических областей. Состоящая из трех частей абака входит вовнутрь, хотя и не в такой степени, как в античных образцах. Среднее закругление обработано наподобие углов базы. Под углами абак на слегка вогнутый лист опираются кольца, которые могут считаться едва ли чем-либо иным, как только остатками волют из стеблей. На передней стороне имеется каплеобразная подвеска, как бы имитирующая листопад. Начиная со среднего закругления, к телу капители прилегает своеобразное рогоподобное образование, которое ясно иллюстрирует непонимание при перенятии эллинистических форм капителей, т. к. здесь очевидно “преобразование” тех так называемых гирлянд коринфской капители, которые стали типичными для Северной Месопотамии и Северной Сирии[2]. Этим в данном случае подтверждается переход форм из областей, лежащих за горами Тавра, что вытекает из того обстоятельства, что коринфская капитель встречается в Армении только у построек продольного типа. Таким образом, при рассмотрении лиственной капители вновь обнаруживается историческое значение армянских построек продольного типа, как это было выявлено нами при анализе архитектурных типов. Подтверждается не только отношение к эллинистическим областям, но и приблизительное время построек памятников с неустановленными датами (см. четвертую книгу настоящего исследования под названием “Распространение”).

Уже из последнего примера мы ясно видим схематизацию форм, вытекающую из непонимания незнакомой формы листьев. Это в гораздо большей степени имеет место у капители (II, 372, справа), где самые нижние сросшиеся листья превратились в

[1] См. ***Glück Heinrich***, Die beiden “Sasanidischen” Drachenreliefs – Publicationen der kaiserlich osmanischen Museen, Konstantinopel, 1917 (№ 4) и ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander-und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 136).

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 198).

два ряда полукруглых валиков. Последние признаки листьев и гирлянд совершенно исчезают, а сами листья превращаются в двухстрочные веера. Мы, по-видимому, должны считать, что здесь работали различные местные мастера, которые более или менее успешно справлялись с эллинистическими образцами. Это могло привести также к отказу от украшений в виде акантовых листьев и замене их армянскими мотивами. Так, например, у самой восточной капители северной стороны (II, рис. 438) корпус капители покрыт свободно обработанной виноградной лозой (II, рис. 463–465). Оформление этого мотива ничего общего не имеет с эллинистической лозой. Линейная обработка бороздами ясно проявляется, причем отсутствует даже эффект темных углублений, который еще сохранился у рассмотренных выше капителей в виде отголоска эллинистической живописно-плоскостной трактовки. Обобщая все эти обстоятельства, мы можем назвать данные украшения сугубо армянскими, как мы их уже видели на нижних гранях архитравов храма в Гарни и на рельефах пилонов Лмбатаванка и Аштарака. В Гарни мы также видим мотивы свободно обработанных растений (II, рис. 436). Эти пилоны, украшенные виноградной лозой, показывают закономерное расположение волнистой лозы и тенденцию к композиции из светлых и темный тонов, так что в них армянская форма имеет эллинистически-восточный оттенок. Это армянское направление в области украшений, которое при заполнении поверхностей выражается в свободном рисунке, без эффекта темных углублений, мы еще встретим в дальнейшем, но уже вне области украшения капителей.

Ионическая капитель, которая встречается в Гарни еще в чистом виде, не имеет своего продолжения в Армении. Только ионическая волюта появляется почти без изменений в сочетании с корзинообразным валиком, благодаря чему получается характерная для круглых построек форма корзиночных капителей.

У к р а ш е н и е в х о д н ы х п е р е м ы ч е к. В связи с эллинистической акантовой капителью мы рассмотрим здесь украшения входных перемычек, которые снова показывают, как изменялось течение, проникающее из эллинистических областей в Армению. В Армении, где господствующим элементом является арка, горизонтальное перекрытие входного или оконного проема само по себе кажется чем-то чуждым. Уже то обстоятельство, что горизонтальная, украшенная орнаментами входная перемычка применяется только у построек продольного типа[1] и исчезает вместе с ними, указывает на то время, когда области по ту сторону Таврских гор и, в особенности, Северная Сирия находились в самой тесной связи с Арменией как в культурном, так и в религиозно-политическом отношениях. Эта зависимость яснее всего видна в мотивах украшений.

Главный мотив украшений входной перемычки состоит из кругов, заполненных равноконечным греческим крестом или звездой (I, рис. 163, Егвард и II, рис. 446–447, Ерерук). Этот характерный для Сирии мотив, который встречается в сотнях примеров и украшает в качестве предохраняющего символа входные пере-

[1] Лишь к концу первого тысячелетия н. э. прямая входная перемычка с орнаментикой в духе эллинизма начинает появляться и в постройках, не относящихся к продольному типу – например, в церкви Спасителя в Ани (I, рис. 145) и в главной церкви Мармашена (II, рис. 488). В мотивах четко прослеживается традиция, но при этом в целом создается впечатление несколько нарочито игривого использования старых форм с их чуждым эллинизму духом. Может быть, здесь играет роль своего рода Ренессанс, основанный на византийском влиянии, которое явно проявляется, по крайней мере, в политической жизни Армении (в 1045 году вся Армения оказалась под византийским господством).

мычки церквей[1], безусловно, обязан своим происхождением антиэллинистической тенденции, охватившей всю сирийскую архитектуру и передавшей древневосточные мотивы христианству[2]. Появляющиеся в Ереруке между медальонами пальмы с изящными плодоносными кронами (II, рис. 446) и горные козлы (II, рис. 447) также представляются древними символами, которые встречаются в районе от Сирии до сабейской Аравии[3]. Эти мотивы распространились по всему Востоку. Обрамление кругами, как мы это видим на входных перемычках Ерерука и Касаха (II, рис. 448) в форме переплетающихся волнистых лент, часто украшают ворота и в Сирии[4].

В Текоре украшения входной перемычки повторяются также на входных косяках (I, рис. 37 и II, рис. 372). От входных откосов выступает профиль в виде двух узких неглубоких ступеней. Затем следует выкружка, украшенная ланцетными листьями. По горизонтальной балке у западного входа простирается фриз из одинаковых пальметтовых веток по принципу непрерывной виноградной лозы. Над западным входом северной стороны вместо этого имеется вторая перемычка, украшенная тремя обычными медальонами. Этот вид полного обрамления входа также является общепринятым для Сирии, развившимся под влиянием эллинизма. Только профили там глубже и пластичнее, в соответствии с бóльшим влиянием эллинизма. Пальметтовые ветки на западных входах (I, рис. 37), по-видимому, являются схематизацией акантовых ветвей, составляющих рамки и фризы входов сирийских построек. В отдельных случаях эти украшения были преобразованы в пальметты[5]. Если сопоставить входные перемычки Ерерука и Текора с их подробно рассмотренными выше фигурными изображениями с входной перемычкой южного портала в Касахе, то можно увидеть, что в первых двух постройках в целом и в частностях сохранилась эллинистически-христианская (сирийская) традиция, тогда как в Касахе (II, рис. 448) она исчезла, как временное явление. Хотя в Касахе сюжетное изображение, иллюстрирующее псалом 41, и обрамление (лента из кружков с заполнениями) также выполнены по образцу южного эллинистического круга искусства, все же бросается в глаза совершенно иной способ оформления. В то время как в сирийских архитектурных рельефах для выделения рисунка на плоскости использовался фон в виде маленьких темных крупинок, в Касахе от этого живописного приема отказались, и фон не способствует здесь выделению рисунка фигур, хотя и тут отмечается стремление к возможно более полному заполнению поверхности. Рисунок этих фигур решен в том же роде, что и рисунок на капители рассмотренной нами выше декоративной колонны в Текоре (II, рис. 438). Из этого ясно, что изобразительная пластика, хотя она в предметном отношении берет свои образцы из эллинистического круга искусства, при перенесении в Армению подвергается формальной переработке в соответствии с неэллинистическим духом искусства. Выше я уже указывал на то, что этот способ является развитием иранских (парфянских) принципов. Вместе с косой резьбой он становится типичным для фигурных рельефов

[1] См. ***Butler Howard Crosby***, Architecture and other arts, New York, 1903 (стр. 32).

[2] См. ***Glück Heinrich***, Der Breit- und Langhausbau in Syrien – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, XIV, Heidelberg, Winter, 1916.

[3] См. ***Butler Howard Crosby***, Architecture and other arts, New York, 1903 (стр. 72, 73, 80).

[4] Там же, стр. 135, 137, 239, 262.

[5] Там же, стр. 32, 33 (№ 3).

Армении. Уже в более поздний период (например, в главном памятнике IX века в Ахтамаре[1]) (II, рис. 321–322 и 336–338) этот способ проявляется в еще более совершенном виде, причем относительно сюжета также можно проследить связь с более древними иранскими традициями. При этом следует указать, что простой чертежный (графический) способ (II, рис. 330 и 448, Касах) имеет некоторое родство с армянской народной скульптурой, представление о которой дают фигуры на каменной купели церкви в Текоре (II, рис. 273). Эта скульптура могла, в свою очередь, иметь предпосылки в доисторических каменных рельефах, которые были найдены Левоном Лисицяном во время его поездки в горы Гегарда.

Э л л и н и с т и ч е с к и й к а р н и з. При наличии разнообразных течений на начальном этапе христианства было вполне естественно, что архитектурные элементы, имеющие не конструктивное, а лишь декоративное значение, применялись без особой закономерности. К такого рода элементам относятся карнизы, встречающиеся в Армении в весьма разнообразных формах в самые ранние периоды. Но все же и здесь, до известной степени, можно различить источники происхождения.

При анализе карниза с самого начала приходится исключить месопотамскую страну[2] с его кирпичной архитектурой. Карниз по своему происхождению, в какой бы форме он ни проявлялся, представляет собой элемент, вытекающий из конструкции постройки. В Ираке, где стены построек переходили непосредственно в свод и где не было необходимости в особой защите от атмосферных осадков, карниз не являлся объектом самостоятельного развития. С другой стороны, следует полагать, что эллинизированная Северная Месопотамия была промежуточным звеном в развитии этого архитектурного элемента.

Среди использованных для карнизов мотивов следует упомянуть о зубчатом фризе и о профиле с двойной выкружкой (каблучком), которые встречаются в ранних армянских постройках продольного типа. Ввиду этого можно предположить, что они имеют эллинистическое происхождение.

Зубчатый фриз широко применен в Ереруке. Уже здесь способ его применения носит двоякий характер. С одной стороны, он встречается в качестве карнизного пояска над пилястрами боковых ограждающих стен (I, рис. 182), причем кладка стены над ним возвышается еще на несколько рядов камней. Там это представляет собой лишь выступающую полочку, к нижнему краю которой на равных расстояниях присоединены призматические зубцы. То же самое в виде фриза, завершающего арку апсиды, мы видим и внутри (I, рис. 178), с той лишь разницей, что здесь двойная, а не одинарная полочка. Кроме того, зубчатый фриз с каблучком, как частью всего карниза, встречается и у декоративных фронтонов входов на южной стороне (I, рис. 182). Во втором случае мы ясно видим способ, обычно применяемый в античной архитектуре, что, однако, не относится к первому виду. В античной архитектуре зубчатый фриз не является самостоятельным элементом, он всего лишь часть, подчиненная всему карнизу. Возможно, что первый вид, который мы назовем зубчатой полочкой, был особенно распространен во всей горной зоне Ближнего Востока. В особенности он известен по памятникам в Персеполе и малоазийским надгробным памятникам. Отсюда зубчатый фриз, по-видимому, проник в ионический ордер (в

[1] Прим. ред.: церковь Св. Креста в Ахтамаре построена не в IX, а в X веке (915-921 гг.).

[2] Прим. ред.: под “месопотамской страной” Стржиговский имеет в виду Ирак.

дорийском он еще не встречается) и в связке с профилем с двойной выкружкой (каблучок) нашел то применение, с которым мы знакомы по эллинизму. Уже Жорж Перро и Шарль Шипье подчеркивают разницу между эллинистическим зубчатым фризом и зубчатой полочкой в дохристианское время[1]. Ими же приводятся возражения против точки зрения, соглсно которой иранский зубчатый фриз происходит от смешанных ионических и малоазийских форм. Указанные авторы считают, что во всех странах, где в древности появлялся зубчатый фриз, он возник самостоятельно из деревянной кровли с выступающими концами балок. Эта точка зрения вполне убедительна, но нуждается в более широком подтверждении относительно христианской эпохи. Как в Иране, так и в Малой Азии в зубчатом карнизе легко распознается подражание балкам перекрытия. На скальных барельефах в Нахш-и-Рустеме есть изображения исчезнувших деревянных кровель дворцов в Персеполе[2]. Там же на надгробных башнях Персеполя четко видно фактическое перенесение деревянных элементов в чисто каменную архитектуру[3]. Такое же явление мы наблюдаем и в ликийских каменных гробницах. Нет оснований устанавливать какую-либо взаимную зависимость относительно происхождения указанных форм. Мы даже можем допустить самостоятельное возникновение этого элемента во всех странах, где в жилищном строительстве применялась плоская деревянная кровля, в особенности там, где для защиты стен от действия атмосферных осадков пользовались выступающими стропильными ногами. Такого рода кровли мы находим по всей высокогорной полосе Передней Азии, в Иране, в кавказских странах, вплоть до Малой Азии. И представляется естественным и понятным, что практика выравнивания концов балок этих домов стала мотивом для возникновения такого эффектного элемента украшения, как фриз, который нашел широкое применение и в крупных постройках.

Что касается христианского периода, то зубчатый фриз надо считать продолжением местной традиции, в том числе и в Армении. То, что зубчатый фриз применялся здесь и до греческой эпохи, видно из опубликованного Леман-Гауптом рисунка на цилиндрической печати из Геок-Тепе[4]. Там он, по-видимому, должен был служить венчающим элементом здания, к которому принадлежали “Двери Востока”, петли которых находятся ниже зубчатого фриза. Не может быть сомнения в том, что этот элемент здесь действительно имеет конструктивное значение. В христианскую эпоху зубчатый фриз в качестве венчающего карниза встречается, кроме Ерерука, также в Мрене, Аламане, Багаране, Мастаре и Одзуне, т. е. он не связан с определенной архитектурной формой. Уже это обстоятельство, как и его появление намного раньше эллинистического влияния, может говорить за то, что зубчатый фриз в таком виде является представителем местной, а не эллинистической традиции. Иногда (II, рис. 260) встречается вариант, где промежутки между зубцами не прямоугольные, а подковообразные, т. е. где зубцы расширяются книзу. В такой форме фриз часто применяется в оконных карнизах, причем зубцы заканчиваются точками (I, рис. 26).

[1] См. ***Perrot Georges et Chipiez Charles***, Histoire de de l'art dans l'antiquité. Tome V: Perse, Paris, 1890 (стр. 520 и 523).

[2] См. ***Dieulafoy Marcel***, L’art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть I, таблица X).

[3] Там же, таблицы VI и VIII.

[4] См. ***Lehmann-Haupt Ferdinand Friedrich Carl***, Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens, Berlin, 1907 (стр. 8–9).

Особой разновидностью неэллинистического фриза является шахматный зубчатый фриз в виде двухрядного (малая церковь в Егварде; I, рис. 155) или трехрядного (малая церковь в Талине; I, рис. 190) рисунка[1]. Подробнее об этом будет сказано ниже.

По сравнению с восточным зубчатым фризом эллинистический фриз, т. е. зубцы с профилем кимы, применялся редко и исчез с прекращением эллинистического влияния. Мы находим его у карнизов по обеим сторонам апсиды в Карнуте (I, рис. 152), у упомянутого выше входа в Ереруке и там же, у обрамления окон на западной стороне (I, рис. 177). Ограниченное применение этой формы только в самых ранних памятниках показывает ее зависимость от эллинистического искусства. В Сирии применение зубчатого фриза продолжается едва ли дольше IV века, и лишь в Месопотамии он еще существует некоторое время в отмирающем виде, в качестве части карниза[2]. Возможно, что консольный карниз в том виде, который встречается в Касахе (II, рис. 449), также имеет эллинистическое происхождение, учитывая его явно функциональное значение, противоречащее восточной традиции[3].

Карниз с профилем (каблучок) тесно связан с фронтоном, о роли которого уже говорилось. Применение этого вида карниза было естественным при введении фронтона. Но в отношении применения этого карниза в Армении надо отметить значительную разницу по сравнению с соседними эллинистическими областями. В античной архитектуре карнизы ограничивают фронтон со всех сторон и имеются везде, где заканчивается часть конструкции. У нижней части фронтона карниз находится на уровне балок перекрытия, опирающихся на колонны. У христианских базиликальных построек он в этом месте сохраняется, хотя при отсутствии колонного притвора его тектоническое значение падает (II, рис. 450). И все же карниз в этом месте показывает начало и направление стропильных ног. Его значение исчезает, когда фронтон применяется вместе со сводом. Горизонтальный карниз не имеет значения при применении цилиндрического свода. Сохранение нижнего горизонтального фронтонного карниза свидетельствует о влиянии эллинизма. Его продолжают применять в Северной Месопотамии, причем он теряет свое символическое значение и становится лишь украшающим обрамлением (II, рис. 451), которое применяется также в тех местах, где не действуют механические силы. В Малой Азии мы видим то же явление, что и в Армении. В этих двух регионах характерны те изменения, которые имеют место при ослаблении эллинистического влияния. Так, например, на западном фасаде Текора фронтон еще обрамлен с трех сторон (I, рис. 24). Однако у этой постройки, представляющей собой во всех отношениях пример перехода к национальной армянской архитектуре, мы видим уже такое применение карнизов, которое характерно для всего последующего периода. У фронтонов башенноподобных пристроек (I, рис. 24), выступающих с обеих сторон апсиды, карниз имеется только вдоль линии стропильных ног, в то время как в горизонтальном направлении

[1] В таком виде зубчатый фриз заслуживает отдельного упоминания, так как он сделался обычным элементом более поздней исламской архитектуры и особенно широко применялся в Сирии.

[2] См. примеры, приведенные Стржиговским: ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters (Heidelberg, 1910), а из последних публикаций см. ***Guyer Samuel***, Amida – Repertorium für Kunstwissenschaft, Band XXXVIII, Berlin, 1916 (стр. 193).

[3] Такого же типа консольный карниз, как в Касахе, мы находим также в Малой Азии – в Кизилкилисе у Сиврихисара (см. ***Rott Hans***, Kleinasiatische Denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kappadokien und Lykien, Leipzig, 1908, илл. 102).

есть лишь два выступающих с двух сторон отрезка. Что касается профилировки с двойной выкружкой (каблучок), которая ясно показывает переход к эллинистическим (сирийско-месопотамским) формам, то она продолжает существовать и развиваться вместе с изменениями, зависящими от национального вкуса. С ней соперничает только типично армянский венчающий карниз с ленточным плетением (I, рис. 117 и II, рис. 453).

Профилированные ленты. Уже упоминалось о том, что при перенесении фронтона на сводчатые постройки профилированный карниз в Северной Месопотамии теряет свое тектоническое и символическое значение и превращается в чисто декоративное обрамление. Это особенно ясно видно у отдельных церквей в районе Тур-Абдина, где карниз применяется также для обрамления вертикальных кромок здания, невзирая на действующие механические силы (II, рис. 451). Этот переход от тектонической к чисто декоративной трактовке является отголоском той борьбы, которая происходила между эллинизмом и ориентализмом. С отходом от тектонической трактовки, которая была незнакома восточному декоративному искусству, черты, введенные эллинизмом, находят новое применение. В результате этого в Северной Сирии и Месопотамии мы видим карниз с двумя выкружками (каблучок) в качестве декоративной ленты, обрамляющей и расчленяющей стены и окна построек в виде кривой или ломаной линии (II, рис. 450). В том же виде эти элементы применены и в Армении. Наиболее ранними примерами этого мотива могут считаться ленты, обрамляющие окна в Ереруке (I, рис. 182), и ленты, охватывающие всю постройку и окна в Текоре. В Ани они встречаются также в амвоне церкви Св. Григора (Абугамренц) X века (I, рис. 130) и в отдельных случаях существуют до эпохи сельджуков. От этой профилированной ленты следует отличать плоские кромки, которые применялись, главным образом, для обрамления окон, и которые, начиная с VI века, почти полностью вытеснили указанные ленты. Совершенно неэллинистический характер данного мотива проявляется в виде чисто геометрических форм и рисунков, заполняющих поверхность (плетеные ленты и т. п.), о чем будет сказано ниже. Прежде всего он выражается в том, что профиль становится более плоским, будто вдавленным в плоскость в виде ряда лент – как, например, в обрамлении окон в Ереруке, на западной стороне (I, рис. 181). В этом также проявляется отход от эллинизма. Встречаются и такие эллинистические мотивы, как мотив кессонов в Рипсиме (II, рис. 452) или заполнение из лоз вместо геометрического рисунка в обрамляющих фризах. Хотя в более позднем периоде еще изредка встречаются чисто эллинистические мотивы – например, почти классические ионики в Лмбатаванке близ Артика (II, рис. 505), все же можно сказать, что начиная с VI века эллинизм был побежден также в области украшений. Отныне восточное течение становится доминирующим".

в) Персидский эллинизм

На этом статья Генриха Глюка заканчивается. В моем труде "Мшатта" я пытался, по мере возможности, всесторонне проанализировать значение иранского региона в отношении отмирающей античной архитектуры. Затем я исследовал этот вопрос более подробно в моей книге "Алтай-Иран…", в которой я прежде всего выявил два течения. Оба характеризуются мотивами геометрического типа: в одном случае преобладает геометрическая лоза, в другом – ленточное плетение. В Армении

можно проследить одновременно оба направления, как я уже указывал в “Алтай-Иране…”. Ввиду этого я не собираюсь снова рассматривать вопрос о происхождении, а рассмотрю армянское декоративное искусство лишь на основе имеющихся данных. При этом необходимо строго отличать отдельные памятники, являющиеся результатом смешения самых разнообразных архитектурных течений, от многочисленных чисто армянских, национальных памятников. Сначала я рассмотрю смешанные типы построек, чтобы затем в остальной части моего труда сосредоточить свое внимание на исконно армянских формах. К числу построек, не имеющих выраженного эллинистического характера, но и не относящихся к национальным типам, следует причислить Дворцовую церковь в Ани (622 г.) и Звартноц (650 г.). Обе церкви богато украшены и отражают влияния, которые мы еще не принимали во внимание.

Дворцовая церковь в Ани 622 года представляет собой однонефную постройку, покрытую цилиндрическим сводом с подпружными арками, которые необычным образом опираются не на пилястры, а на настенные кронштейны. Оба пилястра соединены арками, которые только кажутся декоративными, тогда как в действительности они несут свод. При этом предполагалось не сузить свод, а лишь усилить декоративный эффект (едва ли свод был охвачен другим, более старым сводом, как это часто бывает в Малой Азии и Месопотамии[1]) чрезмерно богатыми неармянскими украшениями, охватившими также западную сторону церкви. В целом можно считать, что христианские церковные постройки древней Армении являлись сугубо конструктивными, т. к. они были лишены всяких бросающихся в глаза украшений. Ввиду своего богатого декоративного убранства Дворцовая церковь должна считаться смешанным типом. Ее фронтон (II, рис. 453, обмер Тораманяна) оставляет такое впечатление, будто каменной облицовкой подражали прежней глиняной. В данной постройке античен только сам фронтон, а в самой церкви месопотамское влияние выражено лишь цилиндрическим сводом, опирающимся на подпружные арки. Подобное смешение встречается, наверное, еще в храме Клитумна[2].

В качестве венчающего карниза вместо обычной формы (так называемого гейсона) мы видим в Ани скос с ленточным плетением и две полосы с ланцетными листьями между круглыми валиками под скосом, так что Линч был вправе назвать это украшение “несколько варварским”, проникнутым “диким духом”[3]. При этом он прежде всего имел в виду украшения внутренних пилястров, один из которых изображен в книге Линча[4], причем последний указывает, что снимок Броссе с литографии 1860 года (I, рис. 150) не соответствует действительности. Пилоны имеют в углах полуколонки, а также своеобразные базы и капители. Я привожу рисунки Тораманяна (II, рис. 453 и 454), которые можно распределить в соответствии с внутренним видом церкви (по Броссе) следующим образом: полуколонки с бараньими головами слева, а с розетками – справа от входа, затем фризы с кнопками, розетками, зигзагами, пальметтами, одним словом – пестрая смесь разных рисунков.

---

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 10) и ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 251).

[2] См. ***Holtzinger Heinrich***, Der Clitumnustempel bei Trevi – Zeitschrift für bildende Kunst, Leipzig, 1881 (стр. 317 и далее), а также ***Hoppenstedt Werner***, Die Basilika S. Salvatore bei Spoleto und der Clitumnus Tempel, Halle, 1912.

[3] См. ***Lynch Henry***, Armenia: Travels and Studies, in two vol., London, 1901 (том I, стр. 380).

[4] Там же, стр. 379.

Снизу полуколонки заканчиваются сферическими базами. Бросается в глаза, что в одном случае вместо бараньей головы изображен орел с зайцем в когтях. Между полуколонками простираются три вертикальные дорожки, разделенные глубокими косыми вырезами или узкими полукруглыми нишами. В других местах по стенам поднимаются крученые валики. У Броссе такой валик показан спереди справа (I, рис. 150), другой, в виде перекрывающихся сердец, изображен на рисунке Тораманяна слева вверху (II, рис. 454). Над пилястрами виден тяжелый импост, не гармонирующий с остальными изящными украшениями. Кажется, что во Дворцовой церкви мы имеем дело с сохранившимся благодаря своему материалу памятником, который, возможно, был отделан каким-либо более мягким материалом (может быть, штукатуркой) по способу, принятому в это время в христианской архитектуре Востока.

Звартноц и родственные типы. Выше мы уже пытались дать общую картину, здесь же должны проанализировать только сохранившиеся детали с точки зрения истории развития. Внутри, как и следовало ожидать, имеются лишь чисто конструктивные элементы. Следовательно, в помещении под куполом приходится принимать во внимание только колонны экседр. Стоящие в углах полуколонки не имеют украшений ни у нижних, ни у верхних концов (см. Бана). Если стоять внутри собора лицом к апсиде, то оживление строгой и торжественной конструкции могло быть достигнуто только при помощи мозаичных украшений. И действительно, среди куч обломков были найдены остатки мозаики (II, рис. 339). Однако в трех других упорных нишах имелись такие же богатые корзиночные капители, которые уже были описаны мною в “Эчмиадзинском Евангелии”[1]. Тогда, в 1889 году, на основании нескольких обломков, доставленных в монастырь Эчмиадзин (I, рис. 111) я заключил, что здесь должна была быть мощная и роскошная постройка. Тем временем она была раскопана. При этом оказалось, что каждая из 6 колонн в четырех экседрах, т. е. все 24 колонны имели одинаковые корзиночные капители. Рис. 455–456 (II) показывает вид этих капителей, состоящих из трех частей: абаки на импостном выступе, подушки с волютами и корзины. При общей высоте в 1,07 м на импост приходится 0,24 м, на волюты 0,32 м, на корзинку 0,51 м. Длина сторон импоста 0,96 м, нижний диаметр корзины 0,60 м. Монограмма Нерсеса имеет в диаметре 0,23 м. Эта капитель грубо украшена плоскими украшениями при полном отсутствии встречаемых в Гарни изящных теней ионических капителей (II, рис. 364). Ее эффект рассчитан на то, что черный базальт будет выделяться как темное пятно на цветном фоне красновато-коричневых стен помещения. Своеобразна форма абаки в виде сужающейся книзу усеченной пирамиды. Поверхности откосов абаки имеют на краях три косые полосы. На подушке (II, рис. 457 и 458) видны валикообразные волюты, соединенные крученым шнуром с накладкой, боковые части украшены геометрическим лавровым стержнем с вязкой в середине, над который опять появляется крученый валик с накладкой. Корзина круглая, она украшена четырьмя лентами из трех полос шириной в 4 см при расстоянии между ними в 6 см. Пустые ромбовидные промежутки слегка углублены. Некоторые части этих украшающих элементов напоминают убранство Дворцовой церкви 622 года в Ани, которая была построена лишь на четверть века раньше Звартноца.

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Das Edschmiadsin-Evangeliar, Wien, 1891 (стр. 10).

Эта капитель в Армении единственная в своем роде: в нижней части она выполнена как настоящая, сплетенная из лент корзина. Во всех других случаях капители имеют круглую сферическую форму (II, рис. 363–367), что типично для Армении. Капитель Звартноца выявляет свой не чисто армянский характер греческой монограммой католикоса Нерсеса. На самом деле армянская сферическая капитель, которая в Византии выглядела бы как натуральная корзина, сведена здесь к чему-то среднему, что не позволяет определить ее ни как армянскую, ни как византийскую. Приходится удивляться, что среди сохранившихся памятников имеется только этот, один-единственный пример влияния эллинизма в области купольной архитектуры.

Еще один пример известен мне из числа построек продольного типа. Я назвал его ионической капителью с импостом. Эта капитель находится в музее Ани и происходит из Ерерука (II, рис. 460, сверху). Она изготовлена из желтой лавы и гораздо грубее, чем капители в Звартноце. Под квадратной абакой с длиной сторон 0,82 м имеется опорная часть с волютами высотой вместе с импостом 0,52 м. Импост сужается книзу до длины сторон в 0,55 м. На одной стороне импоста помещена круглая плита с семнадцатиконечной звездой, а на другой – круг с диагонально расположенными ланцетными листьями. Одна сторона отбита. Вторая, также происходящая из Ерерука, капитель в Ани (II, рис. 460, снизу) имеет греческую надпись. Передняя сторона высотой 0,62 м и шириной 0,68 м показывает грубо выполненный бюст святого. Наполовину отбитые боковые части украшены стоящей человеческой фигурой с длинным, опоясанным передником и поднятой кверху, указующей рукой. Кроме того, показан летящий вниз головой орел (или голубь). Относились ли капители Ерерука к среднему нефу, может быть выяснено только после более подробного исследования. Во всяком случае, существует известная связь между Звартноцом и этими обломками, происходящими из греческо-сирийской церкви. Наряду с ионическим импостом в Ереруке и корзиной в Звартноце в последней церкви мы находим также капители с барельефом в виде фигуры орла, которые относятся к базам за четырьмя угловыми пилонами и некогда украшали выступающие в галерее колонны (I, рис. 110). Эти замечательные образцы вначале лучше всего рассмотреть сверху. На рис. 109 (I) видны две базы, стоящие на фундаментах экседры слева. Правее видна корзиночная капитель, наконец, между ней и пилоном купола видна одна из четырех капителей с барельефом в виде орла. Абака, в соответствии с местом установки, имеет трапецеидальную форму (II, рис. 271)[1]. Задняя сторона (I, рис. 110)[2] состоит из толстой плиты, под которой, между сильно суженными углами, выступает круглая средняя часть, украшенная пальметтами. Переднюю часть почти на всю высоту занимает фигура орла, распростертые крылья которого загнуты за угол трапеции и переходят на узкую сторону вместе с пальметтами, продолжение которых мы видели на задней стороне. В трех случаях голова орла повернута вправо и лишь в одном случае он смотрит налево (II, рис. 459). Крылья птицы у верхнего края украшены перекрывающими друг друга кнопками. Перья имеют вид закругленных пластинок с ребрами. Вся отделка грубая, рассчитанная на впечатление, производимое издали.

[1] Также см. ***Strzygowski Josef***, Der Dom zu Aachen und seine Entstellung, Leipzig, 1904 (стр. 36, таблица XXVI).

[2] Прим. ред.: должен быть рис. 111 (I).

Этот вид украшений может отражать эллинистическое или византийское влияние, но наряду с этим заметно и сильное иранское влияние. Я убежден, что преобразование форм античных капителей исходило с Востока. Из Проконнеса и его каменоломен торговым путем весь район Средиземного моря снабжался украшенными таким образом колоннами. Древнейшие армянские купольные постройки не сохранились. В Звартноце мы можем наблюдать только остаточное влияние VII века. В некоторых прежних трудах я уже пытался выявить следы иранских предпосылок, которые, по-видимому, имелись также в отношении Армении, ввиду чего не буду останавливаться на этом вопросе[1]. Лишь упомяну, что перед дворцом в Звартноце, среди ряда пилонов, отделяющих дворец от площади собора (II, рис. 307), я нашел еще одну капитель, которая, вероятно, принадлежала дворцу (II, рис. 309, персидский зал?). Хотя она была сильно разбита, все же можно было полностью восстановить ее начальную форму: чисто импостная капитель с нижним валиком и высокой абакой. Тело импоста, как обычно, переходит из квадратного очертания в круглое[2].

Этим мы закончим описание отделки внутренних помещений Звартноца и перейдем к анализу украшений наружных стен. Об этом дает представление эскиз реставрации Тораманяна (I, рис. 119). Прежде всего мы видим поднимающуюся на трех ступенях ограждающую стену, в которую врезаны входы, опущенные до шестиступенчатого основания. Три ступени между этими входами несут обрамляющие окна декоративные арки на двойных полуколонках с описанным выше богатым украшением антрвольтов. Над этими арками находились, вероятно, те круглые окна, которые показаны на модели Гагика (I, рис. 55) – фактической копии Звартноца в Ани. Точно выявлены еще венчающие карнизы и скосы с ленточным плетением (I, рис. 117 и II, рис. 378–379). Впрочем, следует иметь в виду, что сохранилась и небольшая постройка по типу Звартноца в многогранной церкви Св. Саргиса в Хцконке (I, рис. 102–103). Но поскольку там нет ни круглых, ни каких-либо других окон, то мы в данном случае не имеем дело с точной копией. Представление об украшениях дают рисунки 25 (I) и 99 (I).

В данной главе нас в целом интересует лишь одно: проявляются ли в наружных украшениях следы античных и византийских влияний, и как при этом проявляется воздействие иранской традиции, на которой они зиждятся. Что касается общего вида, то я не в состоянии указать на подобное здание, построенное до 650 года, ни в Риме, ни в Константинополе, ни в Европе или Малой Азии в целом, за исключением мавзолея Теодориха, о котором речь пойдет в заключительной главе настоящего исследования[3]. В общем этот способ облицовочного декора, как он в несколько ином

---

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 118), ***Strzygowski Josef***, Mschatta. Festschrift zur Eroffnung des Kaiser Friedrich-Museums – Jahrbuch der königlich-preußischen Kunstsammlungen, Berlin, XXV (1904) (стр. 355) и ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 196), а также ***Bell Gertrude***, Churches and monasteries of the Tûr'Abdin and neighbouring districts – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, IX, Heidelberg, 1913 (стр. 90) и Byzantinische Zeitschrift, Band XXIII, Lepzig, 1920 (стр. 329–331).

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Byzantinische Denkmäler, Band II, Wien, 1893 (стр. 56 и 216) а также ***Alten Wilken von***, Geschichte des Altchristlichen Kapitells, München-Leipzig, 1913 (стр. 23).

[3] Ср. ***Strzygowski Josef***, Zur Frühgermanischen Baukunst von Hofrat – Zeitschrift für Geschichte der

виде встречается на фасаде Мшатты в Берлине, чужд архитектуре Средиземноморского региона. Иначе обстоит дело при рассмотрении деталей этих украшений. Я пока ограничусь теми элементами, которые были переняты из других областей искусства. Парные колонки с кубическими капителями, следовательно, придется рассматривать лишь впоследствии, в то время как здесь следует рассмотреть богатейшую профилировку с чрезмерной игрой света и теней и с замыкающей виноградной листвой, а также человеческие фигуры и антрвольты, украшенные гранатами и виноградной листвой (I, рис. 115 и II, рис. 360, а также II, рис. 461 и 462, где показана масса сохранившихся обломков).

Полосы из света и теней получаются так же, как и у нижней профилировки пилонов (I, рис. 110), благодаря широкой выкружке между узкими валиками, разделенными дорожками. Правда, в обратном смысле – это аттическая база. Однако, если принять во внимание сказанное выше, то мы увидим, что тут едва ли может идти речь о западном влиянии. Это подтверждается разнообразной вязью из полос. Прежде всего обратим внимание на виноградную лозу, проникшую из индийско-трансоксанских областей[1] и широко распространившуюся в сторону Средиземного моря благодаря Александру Македонскому[2]. Здесь не может быть и речи о желании подражать природе. Толстый стебель прорисован чисто геометрически, кисти винограда и листья безжизненны. Последние вырезаны косой резьбой с углубленными углами листьев. Подобные образования встречаются в Армении только у церквей продольного типа, покрытых цилиндрическими сводами, преимущественно месопотамский характер которых установлен. Так, например, у входных перемычек в Касахе (II, рис. 330 и 448) и у капители в Текоре, которую я привожу по зарисовке Тораманяна (II, рис. 463–465), мы видим импост, украшенный неправдоподобно разрисованной лозой и несколько более натурально выглядящей кистью винограда. Листья служат лишь для заполнения поверхности. Известная нам преимущественно по Сирии форма лозы особенно приметна в заполнении антрвольтов Звартноца. Там к виноградной лозе добавлены гранатовые ветки (I, рис. 113). Я привожу еще и второй пример (II, рис. 466). Обе лозы выходят из одного корня (?) над серединой арки – точно так же, как мы это видим в треугольных панелях Мшатты и в мозаиках полов в Серджилле[3]. О предметном значении этих украшений уже говорилось. Что касается изображений, то надо заметить, что тут мы имеем дело не с подражанием природе – скульптор просто выполняет известные, привычые формы, проникшие сюда по пути из Средней Азии и Индии в Иран и Сирию[4].

Architektur, Jahrgang I, Heidelberg, 1907– 1908 (стр. 247 и далее) и ***Strzygowski Josef***, Die bildende Kunst des Ostens, Leipzig, 1916 (стр. 16), а также ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 196 и 289).

[1] См. примечание 1 на стр. 158.

[2] Там же (стр. 72), а также ***Strzygowski Josef***, Mschatta. Festschrift zur Eroffnung des Kaiser Friedrich-Museums – Jahrbuch der königlich-preuβischen Kunstsammlungen, Berlin, XXV (1904) (стр. 327).

[3] См. ***Butler Howard Crosby***, Architecture and other arts, New York, 1903 (стр. 288) и ***Strzygowski Josef***, Mschatta. Festschrift zur Eroffnung des Kaiser Friedrich-Museums – Jahrbuch der königlich-preuβischen Kunstsammlungen, Berlin, XXV (1904) (стр. 303).

[4] По этому поводу см. ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 71).

В построенном в 650 году Звартноце особого внимания заслуживают мужские фигуры (I, рис. 115), помещенные в антрвольтах под громадными гранатами. Когда-то было 28 таких антрвольтов. Как видно на рис. 462 (II), человек держит в правой руке садовый нож, а левую протягивает за виноградной кистью. Из этого можно заключить, что данная сцена, возможно, символически изображает какой-либо месяц[1]. У человека короткая одежда и подстриженные волосы. Его стоящая на скрещенных ветках фигура изображена до колен. На рис. 468 (II) та же фигура показана еще раз, но в большем масштабе, однако по недосмотру повернута в обратную сторону. Некоторые отдельные детали дадут основания для более правильных выводов. Вторая бородатая фигура (II, рис. 467) с густыми волосами и длиннополой одеждой поднимает обе руки вправо, как-будто что-то режет. Что бы ни изображала данная сцена (вероятно, здесь изображены фигуры виноградарей), важен сам факт изображения человеческих фигур. В отношении оформления бросается в глаза выдержанный передний план с плоской обработкой форм и складки одежды в виде ряда валиков, вырезанных косой резьбой. Достойна внимания и рельефная профилировка арок.

Такие же фигуры, как в Звартноце, встречаются и во внешних украшениях других армянских церковных построек, например – церкви Иринда, которая была построена не позднее VII века. Выше (I, рис. 142) была показана фигура в антрвольте, которую я снова набросал несколькими штрихами (II, рис. 366). Одежда так плотно прилегает к телу показанной анфас полуфигуры, что виден даже пупок. Складки одежды обработаны наподобие полос из многочисленных лент. Другие, совершенно плоско обработанные фигуры в антрвольтах имеются в церкви Апостолов в Карсе первой половины X века (I, рис. 66). Наряду с этими человеческими фигурками в антрвольтах Звартноца и в других местах, имеется ряд примечательных надгробных камней, отличающихся от тех типов, которые были приведены выше (II, рис. 292, 293 и далее). Эти камни находятся в районах древнейших церквей страны. Из них некоторые приводятся в четвертой книге настоящего исследования, в которой говорится о распространении памятников.

Эту имеющую большое значение группу памятников я отношу к периоду постройки Звартноца или к следующим векам до 1000 года. Я полагаю, что указанные памятники связаны с сасанидским христианством или же они дольше, чем чисто архитектурные памятники, следовали тому направлению, которое в V веке возникло в арамейской Месопотамии и проникло в Армению. При этом я руководствуюсь следующими соображениями. По всей вероятности, влияние эллинизма в Армении должно было проявиться не только со стороны бассейна Средиземноморья, но и со стороны Месопотамии и южной Персии. Следовательно, Сасаниды, наряду с сирийцами и греками по ту сторону Тавра, могли создать образцы изобразительного искусства. Мы знакомы с типами ранней месопотамской архитектуры в районе треугольника между городами Эдесса, Нисибис и Амида. Данный круг искусств возник на почве, которая взрастила изобразительное искусство, как это

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Die Kalenderbilder des Chronographen vom Jahre 354 (Berlin, 1888), а также ***Strzygowski Josef***, Die Monatscyclen der byzantinischen Kunst – Repertorium für Kunstwissenschaft, Band XI, Berlin und Stuttgart, 1888 (стр. 23–46) и ***Strzygowski Josef***, Eine trapezuntische Bilderhandschrift vom Jahre 1346 – Repertorium für Kunstwissenschaft, Band XIII, Berlin und Stuttgart, 1890 (стр. 243-260).

видно из Кодекса Рабулы (Евангелие Рабулы) 586 года и из сведений богословской школы в Нисибисе. Сасанидское придворное искусство также придерживается древнеэллинистической, месопотамской школы в своих сохранившихся до нашего времени наскальных рельефах. Не шла ли христианская архитектура надгробных памятников и церквей тем же путем? Следы этого до настоящего времени не обнаружены ни в Месопотамии, ни в южных областях Ирана. Но мне кажется, что своеобразные древнеармянские образцы, которые я уже приводил и еще буду приводить ниже, происходят скорее с Юга, чем с Севера или с Востока. Об этом поговорим далее.

Человеческая фигура: традиция и близость к природе

Я в принципе считаю, что в рамках Явления за Образ можно принять, между прочим, все то, что перенято из других видов искусств. Но при этом, конечно, подчас невозможно сказать даже в виде предположения, чтó именно в армянской архитектуре можно принять за Образ в этом смысле. Однако анализ данного вопроса не будет до конца исчерпан, если не затронуть вопрос о значении Армении в этой большой проблеме: как оказалось возможным, что греки при воспринятой ими от Древнего Востока все возрастающей способности чуть ли не с научной достоверностью видеть и передавать природу отказались от всего этого, и наступило “средневековье”[1], не желающее видеть природу ради нее же самой?

На это мне могут возразить, что в Звартноце и в других местах показаны виноградные листья и ветки гранатов, т. е. изображения, взятые из природы, а также изображения людей и животных. Однако при этом надо иметь в виду, что изображения эти вводились только из-за их символического значения, а не из-за них самих, как в Элладе или в Риме, и не для того, чтобы из них созревала художественная форма, заимствованная у природы. Христианское искусство, поскольку оно перешло на эллинистичексую почву, в особенности там, где имелось чисто греческое население, также увлекалось отображением природы, хотя не исходило из самой натуры (за исключением отдельных случаев – как, например, при создании семитского образа Христа)[2], а заимствовало эти формы и образы из греко-римского искусства[3]. В противоположность этому, в Армении, как и во всех восточных и северных регионах, с начала христианской эпохи возникает отрицательное отношение к натуралистическому изобразительному искусству. Исключением являются лишь изображения неоднократно упомянутых выше основателей церквей, на чем я несколько задержусь.

Изображения основателей. В Армении, где церкви охотно сооружались ради спасения душ, изображения эти настолько многочисленны и разнообразны, что здесь я могу дать только общие указания. Мне кажется, что тут можно различить три группы.

---

[1] О понятии “Средние века” см. ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 238).

[2] См. Der Thürmer, Jahrgang IX, Stuttgart, 1907 (стр. 505).

[3] Про общую область пластики саркофага, в особенности для малоазийской группы, см. ***Strzygowski Josef***, Orient oder Rom, Leipzig, 1901 (стр. 40) и ***Strzygowski Josef***, A sarcophagus of the Sidamara type – The Journal of Hellenic studies, London, volume XXVII, 1907 (стр. 99 и далее).

И з о б р а ж е н и я в с а д н и к о в. О них уже говорилось выше по поводу двух всадников определенно персидского типа в Дворцовой церкви Ани. Там же указывалось на соответствующее изображение всадников в Огузлу. Этот барельеф из села Огузлу, расположенного юго-западнее Александрополя[1], находится над южным входом местной церкви, который при ее реставрации был замурован (II, рис. 469). Видна арка прежнего портика. Внутри этой арки имеется вторая, меньшая арка, украшенная ленточным плетением из трех полос и изображениями животных, которая разгружает продольный барельеф с изображением сидящей на троне Богоматери с двумя всадниками по бокам и парящими сверху в углах ангелами. К сожалению, головы всадников намеренно отбиты и вообще сильно повреждены. Край состоит из фриза с меандром в виде двух полос, в который врезается нимб вокруг головы сидящей на троне Богородицы, в то время как всадники, как и в Ани, лишены священного нимба. Оба барельефа одинаковы по своей композиции, с той лишь разницей, что в барельефе из Ани вместо Богоматери с младенцем изображено дерево. В одном грузинском барельефе подобного рода в соборе Никорцминда на месте Марии стоит Христос. Под конями всадников видны какие-то фигуры. Один из всадников направляет на них свою пику[2].

Другой аналогичный барельеф находится над северным входом Мрена (II, рис. 472)[3]. Там в середине стоит крест, перед которым слева преклоняется спешившийся всадник, а справа видна фигура стоящего человека с мальчиком. Еще правее, у самого края, изображено пальмовое дерево. Возникает вопрос: а относятся ли подобные барельефы с всадниками к группе барельефов с изображениями основателей? Доказательством принадлежности первых к этой группе является, по-видимому, входная перемычка (или ее обломок) в Гндеванке, недалеко от Татевского монастыря в Сюнике, которая, однако, относится к значительно более позднему периоду, чем барельефы Мрена. На рис. 470 (II) между двумя валиками над барельефом показана надпись, которая гласит: “Здесь место упокоения господина Авака, вознесшегося к неувядаемому великолепию”. Год, скорее всего, 806-й, чем 850-й, т. е. следует читать не 1401, а 1357[4]. В полосе, обрамленной плетеными фризами, как и в Мрене, видны оседланная лошадь и спешившийся всадник, который стоит здесь на переднем плане с охотничьим соколом на руке. На земле – высокая ваза, а справа – стоящий на коленях охотник, который целится в горного козла. В Мрене вместо этого представлена, по-видимому, сцена поклонения Кресту. Три фигуры стоят с опущенными руками и согнутыми коленями. Дерево расположено на возвышении из арок и заканчивается распластанной пальметтой. Ветви покрыты своего рода виноградными листьями.

О с н о в а т е л ь п е р е д Х р и с т о м и л и М а р и е й. Я исхожу из несомненно армянского образца барельефа в Мрене[5]. На рис. 471 (II) показан запад-

[1] См. карту Генри Линча.

[2] Фотографию см. ***Уварова П.С.***, Христианские памятники – Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического общества, снаряженными на Высочайше дарованные средства,, выпуск 4, Москва, 1894 (таблица XVIII).

[3] Снимок, к сожалению, неудачный. Я, тем не менее, привожу его, так как барельеф этот еще не был опубликован.

[4] См. ***Ալիշան Ղևոնդ***, Սիսական, Վենետիկ, 1893 (***Алишан Гевонд***, Сисакан, Венеция, 1893, стр. 105).

[5] См. ***Ալիշան Ղևոնդ***, Այրարատ, Վենետիկ, 1890 (***Алишан Гевонд***, Айрарат, Венеция, 1890, стр. 155).

ный портал, вход которого обрушился и в настоящее время замурован. Видно, что балка перемычки наполовину разрушена, быть может с целью дать место пристройке портика, который тем временем исчез. Ясно видна врезанная в барельеф сегментная арка, вдоль которой барельеф срезан, так что от средних фигур видны только ноги снизу и головы сверху. Барельеф является своего рода входной перемычкой, венчаемой круглой плитой, которая охвачена выступающей аркой, украшенной виноградной листвой. В круглом барельефе видны два ангела с державой в левой руке и палкой на правом плече. Плита под этим барельефом имеет трапециевидную форму. На узкой полосе расположены шесть стоящих фигур – по три фигуры справа и слева от середины. Они не выступают над поверхностью, т. к. фон в данном случае выдолблен. Главная фигура находится в середине слева. Это Спас Вседержитель, отмеченный нимбом вокруг креста. Рядом с ним слева стоит, как мне кажется, Павел, а справа – Петр. Эти три средние фигуры имеют нимбы. Затем следует четвертая фигура, одетая точно так же, как и фигуры средней группы, но лишенная, как и две угловые фигуры, нимба. Я полагаю, что она изображает католикоса или епископа, а обе угловые фигуры – князей или основателей. Этот барельеф, при расшифровке его значения, дополняется изображениями на северном портале. На рис. 473 (II) и 474 (II) я привожу два отдельных снимка, которые могут иметь значение при изучении истории армянского костюма. Художественного значения обоих барельефов я здесь касаться не буду, меня здесь интересует лишь содержание и фигуры. Относительно западного рельефа едва ли может быть сомнение в том, что предлагаемая расшифровка правильна, в особенности если учесть надписи об отношении основателя к его постройке.

Подобный вид изображения основателя дают некоторые барельефы грузинской церкви Св. Креста в Мцхете. Выше уже было приведено изображение основателя над восточным окном апсиды (I, рис. 73). Надо думать, что на этом барельефе изображено одно из чудес, совершенных Иисусом Христом. Если же принять во внимание надпись, то не останется сомнений в том, что изображен основатель, стоящий на коленях перед Христом.

Второй такой же рельеф находится на северном скосе главной апсиды, а третий – на южном. Последний рельеф я показываю на рис. 477 (II). На нем опять изображен коленопреклоненный мужчина, стоящий под фигурой с крыльями, которая, как и голова мужчины, сильно повреждена. Наконец, над средним окном южной конхи (I, рис. 73) имеется еще и четвертый барельеф (II, рис. 476), который трудно отличить от первого. Изображенные лица, как и в Мрене, отличаются своей одеждой: у двух из них мы видим свисающий с протянутой руки рукав, другой одет в длинную одежду с узкими рукавами и наплечными украшениями. На нем пояс со свисающими кистями. В надписях всегда упоминается о том, что изображенное лицо просит святого о помиловании: Стефан просит Христа, гюпатос (консул) Адарнассе – архангела Гавриила, затем просьба обращена к Св. Вриле (?) за Патрикиоса Стефаноса и к архангелу Михаилу за Деметриуса. Можно, следовательно, предположить, что мы имеем дело с портретами указанных лиц. К сожалению, головы повреждены. Все же из третьей группы с изображениями основателей видно, что это были настоящие портреты.

О с н о в а т е л ь с м о д е л ь ю п о с т р о й к и. Эта третья группа

изображений показывает основателей в виде барельефов с отдельными фигурами портретного типа и в виде почти круглых скульптур. Наиболее известным образцом этой группы является статуя Гагика (990–1020 гг.) высотой в 3,5 м из музея Ани. Статуя была найдена при раскопках тетраконховой церкви в Ани (построенной в подражание Звартноцу) в 4 м к северу от нее[1]. Согласно Марру, скульптура была собрана Полторацким[2] из 69 обломков[3]. Фигура царя (II, рис. 475) стоит с вытянутыми вперед руками, видимо, когда-то несущими модель постройки (I, рис. 55). Видны следы краски. Большая белая чалма когда-то была выкрашена в красный цвет и разрисована жемчугом, борода и волосы были черными, длинный кафтан был красным – так же, как лента на шее и крест на ней. Статуя была прислонена к стене. Модель в руках царя, состоящая из двадцати частей, была в 3/4 круга и также примыкала к стене[4]. Относящаяся сюда надпись в музее еще не собрана (1913 год). В портретном сходстве головы не может быть сомнения. Своеобразны локоны на висках.

Так как здесь я привожу памятники только с точки зрения их значения для архитектуры, то оставлю в стороне художественный анализ и отсылаю читателей к труду Марра, который подробно рассматривает этот вопрос[5]. Он приводит подобное изображение основателей из Ахпата (II, рис. 353), где две фигуры, одетые точно так же, как и Гагик, держат модель церкви между собой на вытянутых руках. Этот мотив широко распространен и встречается всегда на заднем фасаде церкви, т. е. на щипце восточной стороны над апсидой. Так, например, кроме Ахпата, он встречается в Ариче и других местах[6]. Все примеры, которые я мог бы привести для этой третьей группы, относятся к более позднему времени периода второго расцвета. Возникает вопрос: имеем ли мы тут дело с дальнейшим влиянием, идущим из Византии, или же этот мотив должен считаться характерным для древнеармянских церквей с обратным влиянием на Византию? По своему содержанию – просьбе о спасении души в загробном мире, не исключается возможность его маздеистского происхождения.

В связи с описанными выше барельефами церкви в Ахтамаре 915–921 гг. мы приводим здесь барельеф, изображающий фигуру основателя этой церкви царя Хачика Гагика (904–938 гг.)[7] (II, рис. 478), преподносящего Христу модель церкви и

---

[1] См. ***Марр Н.Я.***, О раскопках и работах в Ани летом 1906 года (Предварительный отчет) – Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, том X, С.-Петербург, 1907 (стр. 20).

[2] Прим. ред.: Полторацкий Семен Николаевич (?–1937) – архитектор и художник, сотрудничал с Н.Я. Марром во время раскопок в Ани, по поручению последнего выполнял реставрационные работы, рисовал и фотографировал архитектурные памятники, снимал копии с фресок. В 1937 году стал жертвой сталинских репрессий (расстрелян).

[3] Левая рука и свисающий с нее рукав доделаны, как и нос, детали одежды и нижняя часть креста.

[4] См. ***Марр Н.Я.***, О раскопках и работах в Ани летом 1906 года (Предварительный отчет) – Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, том X, С.-Петербург, 1907 (стр. 20) и ***Strzygowski Josef***, Zur Frühgermanischen Baukunst von Hofrat – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, Jahrgang I, Heidelberg, 1907– 1908 (стр. 247 и далее).

[5] Здесь постоянно возникает вопрос: а не создает ли статуя впечатления, будто она сделана непосредственно с натуры?

[6] Еще чаще мотив этот встречается в Грузии. Можно, наверное, предположить, что перед Гагиком стояла его супруга Катрамиде.

[7] Прим. ред.: речь идет о последнем князе (904–908 гг.) и первом царе (908–943 гг.) Васпуракана Гагике Втором Арцруни (известен также под именем Гагик-Хачик).

благословляемого за это Христом. Этот барельеф помещен по бокам среднего окна на западной стороне церкви. Христос и Гагик смотрят на зрителя, причем правой рукой Гагик указывает на модель. Это, скорее, не сцена преклонения, а сцена, рассчитанная на зрителя, как алтарная картина Рафаэля "Мадонна ди Фолиньо"[1]. Посредниками между обеими главными фигурами являются два ангела под окном, несущие диск с крестом. Царь облачен в одежду главного священника, украшенную рисунком из переплетенных кругов, заполненных изображениями птиц. Снизу он одет в кафтан с разрезом, украшенный вертикальными полосами с кружками. На голове у него трехконечная корона, а сзади – ореол. Можно было бы сомневаться, изображен ли здесь вообще живой царь. Определенные сведения об этом узнаем из описания данного барельефа у Товмы Арцруни.

Несмотря на принципиально негативное отношение к изображениям вообще, в Армении допускаются изображения основателей с портретным сходством. Это подтверждается рассказом летописца XIII века Вардана[2]. Когда простой монах Соломон в сильно преклонном возрасте был избран патриархом и в 791 году отправился в резинденцию патриархов, его шутя спрашивали, для чего он туда отправился. Он отвечал, что хочет заказать свой портрет, чтобы повесить его на стене в соборе, рядом с другими патриархами. Было, следовательно, принято увековечивать властителей. Это являлось традицией Древнего Востока или Юга.

Я включил изображения основателей в группу персидского эллинизма, так как иранские барельефы на скалах[3] являются образцами подобного обычая в сасанидском придворном искусстве. Весьма возможно, что христианские церкви сасанидского государства также имели изображения основателей, и что Армения в этом отношении находилась под влиянием Юга. Ее собственное искусство, примыкающее к Аршакидам и Северной Персии, чуждо подобным изображениям. В третьей книге настоящего исследования будет подробно изучен вопрос, не является ли аргументом, свидетельствующим о влиянии Юга, также и то предпочтение, которое давалось изображениям всадников, о чем я уже неоднократно говорил[4].

Б. Североиранская традиция

В моем труде "Алтай-Иран…" я пытался показать, какие задачи ожидают исследователя искусства, когда он приступает к изучению истории искусства за пределами Европы и так называемого "Старого света" и сосредотачивает свое внимание на евразийском севере, как на источнике арийского и северного искусства. Мы не должны быть односторонними и считать, что южное искусство, проникшее сперва

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Das Werden des Barock bei Raphael und Corregio, Nebst einem Anhang über Rembrandt, Straßburg, 1898 (стр. 26), где эта точка зрения не рассматривается.

[2] См. ***Ter-Mkrttschian Karapet***, Die Paulikianer im byzantinischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien, Leipzig, 1893 (стр. 58).

[3] Ср. ***Sarre Friedrich*** *und* ***Herzfeld Ernst Emil***, Iranische Felsreliefs, Berlin, 1910, а также ***Diez Ernst***, Die Kunst der islamischen Völker, Berlin, 1915 (стр. XVI).

[4] Ср. ***Strzygowski Josef***, Der koptische Reiterheilige und der heilige Georg – Zeitschrift für ägyptische Sprache, Leipzig, XL, 1903 (стр. 49), а также ***Strzygowski Josef***, Seidenstoffe aus Ägypten im Kaiser Friedrich-Museum, Wechselwirkungen zwischen China, Persien und Syrien in spätantiker Zeit – Jahrbuch der königlich reußischen Kunstsammlungen, XXIV, Berlin, 1903 (стр. 147–178).

по торговым путям, а затем через посредство греков и римлян и, наконец, через христианство, имело решающее значение. От этого страдает научная независимость, идущая на поводу у всеобщего мнения, представленного римской церковью, классическими филологами и теми историографами, которые замкнулись в узких рамках Европы и Старого света. Как в доисторическую эпоху, когда на Севере с появлением ремесел искусство каменного века уступило место новым формам, не исходящим из подражания природе, так и с переселением народов начинается оттеснение южного искусства. Декоративное искусство молодых северных и азиатских кочевых народов начинает приобретать влияние в странах Средиземного моря и всей Европы. С этого момента начинается тот период, который у нас принято называть “Средними веками”[1].

Христианство способствовало оживлению исчезающего эллинистического мира, транспортируя свое искусство, которое зародилось в недрах эллинизма, не принуждая к нему не умеющих читать людей и побуждая их к внутренне сосредоточенному мышлению. Главным доказательством этого является армянское искусство. Мы увидим, что показанные выше образы в виде символических животных, растений и человеческих фигур (II, рис. 321 и далее) отчасти чужды мышлению армян, так как все их стремления были направлены почти исключительно на строительство и украшения. Однако и там искусство стран Средиземного моря, вместе с находящимися под их влиянием странами к югу от Армении, пытается вбить клин в своеобразие искусства этой страны своим отношением к образу. Главное русло национального течения основывалась на связи с восточным Ираном, благодаря аршакидской династии. Прежде всего я проанализирую черты, проникшие в армянское искусство по этому пути, и лишь после этого перейду к рассмотрению развития собственно национальной, самобытной Формы.

До сих пор мы знакомились с постройками продольного типа, покрытыми цилиндрическими сводами, и со Звартноцом. Теперь приступим к анализу основной массы древнехристианских церковных построек Армении, т. е. будем рассматривать общие виды декоративных украшений купольных сооружений. Украшения эти однородны, независимо от того, имеют ли сами постройки лучеобразную в плане форму или относятся к продольному типу. Все, что говорилось насчет строительства, относится также к отделке, которая, как видно в основном по Звартноцу, выполнена необычным для Средиземноморья способом. Уже наружный вид, затем входы, наконец, внутренняя отделка создают впечатление совершенно иного, резко отличающегося от архитектуры стран Средиземноморья мышления. То же впечатление производят входы и внутреннее убранство. Отсутствуют обычные формы колонн и балок в качестве расчленяюших элементов, прежде всего нет аканта. Все это напоминает дорические формы, так как исключены любые природные формы и господствуют только чисто геометрические. Это касается не только самих строительных элементов, но и декора.

Внутреннее убранство армянской церкви поражает простотой. Оно, по-видимому, ограничено лишь чисто конструктивными формами. Не исключено, что в качестве украшения использовалась также живопись. Но прежде всего я хочу заняться

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 238 и далее).

происхождением строительных форм и лишь затем обратиться к тем следам декоративной живописи, которые были обнаружены мною[1].

К такому развитию побудило, видимо, внутреннее строение церкви. Места, где ровные поверхности квадрата стыковались с выпуклыми поверхностями упорных ниш, словно сами напрашивались на украшения. И если Мастара является образцом грубо отделанной формы, производящей впечатление лишь массой и пространством, то Артик является красноречивым представителем той группы, которая стремится сделать это строгое архитектурное единство ближе к сердцу посредством декоративных элементов. Я не думаю, что эти декоративные элементы возникли именно в Армении. Они, скорее, были заимствованы из соседних течений искусства и преобразованы исключительно в соответствии с новой национальной архитектурой. Поэтому я представляю их как Образы, а не как Формы. Начну с Мастары.

П о с т р о й к и с г л а д к и м и с т е н а м и. Фасады не оживляются богатыми украшениями с игрой света и тени или декоративными арками. Действует лишь общая масса со своей замкнутой мощью. Украшения ограничены исключительно бровками над окнами и венчающими карнизами у нижнего края кровли и купола, выступающими горизонтально в виде свисающих зубчатых арочек. Так как после VIII века или даже ранее такие карнизы исчезают, уступая свое место другой форме, то надо предполагать, что они были тесно связаны с первоначальными армянскими архитектурными формами.

а) Висячие карнизы кровель с фризами из арочек

Такие карнизы имеются только у купольных построек и никогда не встречаются у построек продольного типа, покрытых цилиндрическими сводами. С другой стороны, эллинистический зубчатый фриз встречается только у построек продольного типа, за исключением нескольких входов в Ани. Мастара (некоторые части венчающего карниза доделаны при реставрации) (I, рис. 17 и II, рис. 260) и старый тетраконх в Аграке (I, рис. 96) показывают арочки. В особенности у последней постройки ясно видно, что первоначально здесь имелись выступающие полочки, бросавшие глубокую тень на стену (II, рис. 373). Этот фриз своеобразен еще и тем, что трехчетвертные арочки в нем ограничивают светлые точки. Небольшие подковообразные арочки расположены над выступающей перед стеной одинарной или двойной ступенькой и сверху сопровождаются одной или двумя вырезанными линиями. Я также привел наиболее поздний пример Одзуна с окном в южном щипце (II, рис. 377) и привожу здесь еще одну деталь западной стены притвора (II, рис. 479). В углу виден образ Богоматери, рядом и сверху имеются фризы, состоящие из подковообразных арочек. Ясно, что о старом зубчатом фризе не может быть и речи. Относительно происхождения[2] можно было бы предположить, что трехчетвертные круги обозначают круглые деревянные балки перекрытия, над которыми сверху выпучивается масса, так что они представлены в виде вырезов, в противоположность фасадам ликийских гробниц, где эти деревянные балки, изображен-

[1] Об изобразительной живописи уже говорилось выше.

[2] См. также ***Dieulafoy Marcel***, L'art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть V, таблица VI), а также ***Rivoira Giovanni Teresio***, Architettura musulmana, Milano, 1914 (таблица XX).

ные в камне, выступают в виде ряда бляшек[1]. В этом случае кажется, что здесь исходной точкой являются не непосредственно деревянные постройки, а постройки из глины или с гипсовой облицовкой[2].

Глубокий анализ выведет, может быть, на правильный след. Свободно выступающие арочки в Аграке, которые я привожу в качестве образцов первоначального вида, не следует смешивать с более плоской формой, примененной в Мастаре (I, рис. 17 и II, рис. 260). Небольшие трехчетвертные арочки снизу имеют валик. При этом глубокая тень венчающего карниза расчленена на отдельные точки с горизонтальной линией под ними. Следует обратить внимание на то, что кровли за последнее время были реставрированы. Лучше всего первоначально рассчитанный эффект достигнут в Одзуне (II, рис. 377), где отсутствует валик, двойная ступенька захватывает зубцы, трехчетвертные арочки подняты вверх и обрамлены валиком, в то время как в Мастаре по краю проведена врезанная линия. Наглядными примерами применения такого рода венчающих карнизов являются также однонефный триконх в Аламане и крестовокупольная церковь в Мрене (обе постройки относятся к VII веку). В Мрене (I, рис. 217) арочки находятся над ступенькой, а в Аламане (I, рис. 187), где еще сохранился кусок на южной стороне западного нефа, они расположены над ступенькой и ребристым валиком.

Я вспоминал эти фризы с арочками древнеармянских церквей, когда летом 1917 года путешествовал по нашим селам в Верхней Австрии. Там повсюду принято защищать шов между кровлей и стеной (прежде всего выступающие здесь стропильные ноги) от ветра и дождя при помощи прибитых гвоздями свисающих досок, которые почти всегда имеют вырезы в виде арочек, происхождение которых я искал. Вновь обращаясь к армянским образцам, мы видим, что эти фризы являются теми же подвесками и находятся как раз в том месте, где они находились бы в качестве защитных досок деревянных построек. При этом применяются арочки подковообразной формы, т. е. такой, какую принято применять для данной цели повсюду – как в Средней Азии, так и на Севере (об этом речь пойдет ниже). Следовательно, я склонен думать, что фризы с арочками в древнехристианской Армении являлись отголоском старой традиции деревянной архитектуры.

К совершенно иному направлению относятся подобные венчающие карнизы других армянских купольных построек, которые я хотел бы рассмотреть, исходя из тетраконха со средними опорами в Багаране (I, рис. 34 и 85), датированного по времени царствования сасанидского Хосрова (между 624 и 631 гг.). Над надписью, о которой говорилось выше, начинается скос, заканчивающийся полочкой. На этом скосе близко друг от друга видны широкие выступы в форме старых каменных балок, подчеркнутые у нижнего конца двумя ступенчатыми плиточками. Имеет ли это что-нибудь общее с обычно применяемыми в этом месте арочками? В связи с этим можно было бы скорее вспомнить о древнем персидском зубчатом фри-

[1] См. ***Perrot Georges et Chipiez Charles***, Histoire de de l'art dans l'antiquité. Tome V: Perse, Paris, 1890 (стр. 363***)***, ***Dieulafoy Marcel***, L'art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть I, таблица VII) и др.

[2] См. Дворцовую церковь в Ани 622 года. Я исключаю происхождение от нахлесток на швах в палатках (см. ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917, стр. 169 и далее), поскольку хотя и думаю о происхождении из Ирана, но подразумеваю дом, а не палатку. Во всех случаях эту родственную форму тоже следует иметь в виду.

зе[1], но против этого говорит скос, являющийся основанием для фриза, в то время как для древнеперсидских и армянских фризов с арочками характерно свисание фриза, а не его накладка. Этот древнеперсидский мотив встречается в малой церкви Талина VII века (I, рис. 190). Там действительно применен зубчатый фриз, но он состоит из трех рядов зубцов, расположенных в шахматном порядке. В некоторых местах зубцы переходят в настоящие кронштейны. Создается впечатление, что архитектор или мастер-каменщик не понимали старой формы и неуверенно пытались преобразовать ее в собственном духе[2].

Во всяком случае, мне кажется, что фриз с арочками, как и зубчатый фриз, являются отголосками предполагаемой древней деревянной архитектуры. Вместо этого фриза, который всегда встречается при гладкой стене, появляется другая форма (причем двух видов), оживляющая поверхности стен. Более точное исследование этих украшений можно провести только на месте, после выявления многочисленных реставраций, которые были сделаны именно в этом месте (у края кровли). Все же в этом слчуае следует вспомнить о романском фризе из круглых арочек.

П о с т р о й к и с у к р а ш е н н ы м и с т е н а м и. Помимо построек с гладкими стенами, в любом типе зданий можно зафиксировать наличие и применение двух независимых и как бы соперничающих друг с другом видов украшений с точко зрения их использования и совершенствования: например, наружная отделка в виде либо треугольных ниш, либо декоративных арок, тяготение к круглым или прямоугольным формам. Общим, однако, в обоих случаях является то, что они, в отличие от гладкостенных строений, применяют другой венчающий карниз. У трехнефного триконха в Талине встречаются оба вида. У купола, как и в Багаране, имеется скос с зубчатым фризом, который наложен на поверхность в виде рельефа и не свисает, выступая вперед. Он обрамлен сплошной меандровой линией. У двух других верхних карнизов есть скос с ленточным плетением.

б) Восходящие венчающие карнизы, украшенные ленточным плетением

Я буду обсуждать не только профиль карниза, но и его орнамент. В Багаране мы уже видели венчающий карниз с поднимающимся скосом. При фризе с круглыми арочками кровля свисает вниз, в то время как при венчающем карнизе со скосом стена заканчивается кверху. В Багаране встречаются оба вида (I, рис. 34). Скос в качестве элемента перехода стены к арке или своду предпочитают применять и внутри. Возникает вопрос: а не является ли его прототипом облицовка бетона каменными плитами? Если судить по Текору (I, рис. 24), то карниз со скосом оказывается еще теснее связанным с куполом, чем фриз из круглых арочек, так как там мы видим его только под шатровой кровлей с орнаментом в виде ленточного плетения (II, рис. 417). В нижних венчающих карнизах (II, рис. 386) использована гладкая

[1] См. ***Dieulafoy Marcel***, L'art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть I, стр. 15), а также ***Perrot Georges et Chipiez Charles***, Histoire de de l'art dans l'antiquité. Tome V: Perse, Paris, 1890 (стр. 544 и 618).

[2] См. романские постройки Нижней Австрии. Таких примеров нет у Донина (*прим. ред: вероятно, речь идет о настоятеле собора Св. Стефана в Вене Людвиге Донине, авторе книги об истории этого храма*): см. Arbeiten des kunsthistorischen Instituts der kaiserlich-königlichen Universität Wien, Lehrkanzel Strzygowski, Band VII, Wien, 1915. Зато там же приводится пример из Гурка (*прим. ред.: небольшой город в Южной Австрии*).

выкружка, которая при равной глубине применяется во всех случаях, когда отсутствует украшение в виде ленточного плетения. Это украшение связано с прямым скосом. В остатке от старого нижнего венчающего карниза VI века в Аване (I, рис. 77) видна дающая глубокую тень гладкая, низкая выкружка над валиком, перехватывающим свет и усиливающим тень. В Эчмиадзине также доминируют профилированные венчающие карнизы. Фриз из трех полос, по-видимому, возник не в самой Армении, а проник извне. Но откуда?

Стоячий карниз, украшенный ленточным плетением, применяется в армянской архитектуре так же, как и висячий фриз с арочками у одного из главных изломов конструкции, а именно – у перехода стены к кровле. Основание карниза состоит из косо выступающей полочки, которая, по-видимому, служит для закрытия шва между стеной и кровлей[1]. Спрашивается: каким образом ленточное плетение попало именно в это место, подчеркнутое в греческой архитектуре определенными украшениями? Наверное, было бы правильнее в качестве исходного пункта для исследования принять общее в обоих течениях арийской культуры, и лишь после этого отличительное в них могло бы бросить свет на причину различий.

Оба арийские течения искусства – греческое и армянское – проникают с Севера или, соответственно, с Востока на Юг или на Запад. У обоих общее в том, что они коренятся в деревянной архитектуре[2]. Архитектура района Средиземного моря преобразовывает прямоугольную форму дома со щипцовой кровлей в каменное здание, в то время как иранская архитектура применяет квадратную форму с покрытием, опирающимся на середины стен, и пользуется материалами (например, кирпичом воздушной сушки или бетоном), которые требовали особой облицовки, чтобы производить художественное впечатление. В одном случае камень принимает на себя характерную для деревянных конструкций устремленность вверх, в другом наряду со строительной формой побеждает также северная манера заполнения поверхности. К последнему виду прежде всего относится ленточный плетеный орнамент.

Ленточное плетение никогда не являлось конструктивным элементом, как, например, зубчатый фриз, ионики, бусы или консоль, материал которых имеет целевое или предметное назначение. Ленточное плетение всегда накладывается на поверхность материала в виде покрытия или же составляет одно целое с материалом в виде решетки или сетки на темном фоне. Меня интересует вопрос, появился ли этот орнамент на венчающем карнизе как символ некой объективной предпосылки или был введен каким-либо армянским архитектором, получив затем повсеместное распространение. Если восходящий скос карниза, как я и склонен признать, появился в связи с облицовкой каменными плитами, то бесконечные многоленточные узоры, характерные для армянских памятников, переняты в связи с основной функцией облицовки заполнять поверхность, как бы украшая его другим строительным материалом. Бросается в глаза, что этот орнамент всегда применяется у венчающего карниза. Подобное явление, насколько мне известно, встречается только в соответствующий период в мавзолее Теодориха. Проникло ли ленточное плетение туда с

[1] В мавзолее Теодориха эта полочка поставлена вертикально (II, рис. 493).

[2] В отношении Армении или Ирана это придется показать в третьей книге настоящего исследования.

Востока или с Севера, будет исследовано в четвертой книге настоящего исследования.

У меня создалось впечатление, что так же, как и в отношении сферической капители, Север (то есть, возможно, Грузия) мог вытеснить старый венчающий карниз в виде ряда арочек, заменив его фризом из ленточного плетения. Появилось ли одновременно скошенное основание, является другим вопросом. Если мы рассмотрим какую-либо грузинскую постройку, то нас поразит преобладание орнамента в виде плетения из трех полос вместе со сферической капителью.

Нет сомнения в том, что подобного рода украшение существовало уже в VII веке наряду с фризом из трехчетвертных арочек. Главный образец – Звартноц – был разрушен уже в X веке. Венчающий карниз (I, рис. 117) может относиться только к периоду строительства Нерсеса III. Если бы Альбрехт Гаупт хотя бы потрудился ознакомиться с армянскими памятниками, то он бы не высказался таким образом, ссылаясь притом на мою книгу "Алтай-Иран…"[1]: "Для армянских работ такого рода, по всей вероятности, указана чрезмерно ранняя датировка"[2]. То, что применялось в Армении в VII веке, как видим, является результатом развития в предыдущих веках. Ленточное плетение из двух полос встречается уже на куполе Текора и в соборе в Талине (I, рис. 202)[3]. У собора в Аруче 668 года этот орнамент применен на всех венчающих карнизах (I, рис. 235)[4]. Если я назову скос и ленточное плетение "североиранской традицией", то для сравнения надо будет обратиться к моему труду "Алтай-Иран…", а также к главе о древней арийской эпохе в третьей книге настоящего исследования.

в) Полуколонка

Было установлено, что в интерьере Артика, у кромок между основным квадратом и упорными нишами, имеются полуколонки, и что такие же полуколонки служат для украшения упорных ниш снаружи. Эти вертикальные декоративные элементы обращают на себя гораздо больше внимания, чем ступень, которая у отдельных построек (Егвард и Аруч) расчленяют стены или пилоны снизу. Вертикально поднимающаяся по стене или по пилону полуколонка едва ли происходит из античной архитектуры, т. е. не является растянутой в длину колонной[5]. Она никогда не стоит свободно, а всегда прилегает к стене или к пилону, составляя часть стены. Колонна, за исключением Звартноца, в Армении неизвестна; даже в базилике она не нашла применения в качестве свободно стоящей опоры. Как элемент для расчленения стен в Текоре она является единственным примером: ряд колонн, подчеркивающих горизонтальную линию (II, рис. 372). Такое значение полуколонка никог-

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 194 и далее).

[2] См. ***Haupt Albrecht***, Josef Strzygowski, Altai-Iran und Völkerwanderung – Kunstchronik, Neue Folge, Jahrgang XXVIII, 1916–1917, № 30, April, Leipzig, 1917 (стр. 320).

[3] См. рис. 3 (I) и ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 195).

[4] Прим. ред.: рис. 235 (I) не относится к Аручу.

[5] Ср. также ***Schnaase Carl***, Geschichte der bildenden Künste, 2 Auflage: 8 Bände, Düsseldorf-Stuttgart, 1866−1879 (том III, стр. 332).

да не имеет, она всегда стремится вверх в отдельности или попарно. Эта черта совершенно незнакома античности и не кажется чуждой лишь потому, что известна нам по готике. “База” и “капитель” большей частью имеют одинаковые формы, т. е. являются началом и завершением, но рассматриваются как подножие и вершина. Стержень (ствол) представляет собой вертикальный валик, имеющий везде одну и ту же толщину и поднимающийся вверх безо всяких изменений, т. е. без следов какой-либо механической обработки.

При решении вопроса о древнейших прототипах полуколонок прежде всего следует обратить внимание на парфянский образец из Варки, приведенный Дьелафуа в “Древнем искусстве Персии”. Вертикальные валики чередуются здесь со ступенчатыми нишами (II, рис. 480, №№ 2 и 4). На том же рисунке ряд прилегающих плотно друг к другу валиков прерывается широким настенным пилоном (II, рис. 480, № 3). На валиках, как и на самой стене, имеется непрерывный рисунок из глазированных кирпичных конусов[1]. Валики расположены до шести в ряд с переходным четвертым валиком. Следовательно, соединение их декоративными арками невозможно. Они определенно являются одним из примеров применения вертикальных валиков. О сасанидском предшественнике полуколонки в связи с аркой мы будем говорить ниже.

Для выяснения вопроса о происхождении полуколонки указание может дать то обстоятельство, что она часто является парной. В таком виде сасанидская архитектура применяла ее во дворцах Фарса[2] и в Харани[3]. Так как в отношении дворца в Моабе приходится также принимать во внимание исламскую эпоху, надо иметь в виду, что парная полуколонка встречается еще в доисламскую эпоху, а также в несторианских церквях[4]. Следовательно, мы имеем здесь дело с общей иранской формой.

К а п и т е л и и б а з ы п о л у к о л о н о к. Преобладающий тип концов полуколонок, независимо от влияния стран Средиземного моря, состоит снизу и сверху из валика без завершающей выкружки (II, рис. 359). Франц фон Ребер считает, что эта форма происходит от хеттитов. Он полагает, что “торусная” база является нормальной хеттитской формой, “которая, может быть, восходя к хеттитской культуре, распространилась из Персии по всей Передней Азии, включая Ионию”[5]. В Армении, безусловно, также преобладают формы в виде кубиков и шаров, профиль которых соответствует концам полуколонок. У полуколонок, имеющих окончание из кубика и сферы, обе части расположены отдельно, друг над другом. В кубике со свисающим полукругом они сливаются в одно целое. С античной архитектурой ни одна из этих форм ничего общего не имеет. То же самое относится

---

[1] См. ***Dieulafoy Marcel***, L’art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть IV, стр. 46 с моей иллюстрацией и часть V, стр. 29).

[2] Там же, часть IV, таблицы VI и IX.

[3] См. ***Moritz Bernhard,*** Ausflüge in die Arabia Petraea – Mélanges de la Faculté Orientale, III (1908), Beyrouth, 1908 (стр. 420) и ***Diez Ernst***, Die Kunst der islamischen Völker, Berlin, 1915 (стр. 3).

[4] См. ***Bell Gertrude***, The Churches and Monasteries of the Tûr’Abdin, Heidelberg, 1910 (таблица XXVII).

[5] ***Reber Franz von***, Die Stellung der Hethiter in der Kunstgeschichte – Sitzungsberichte der königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-philologische und historische Klasse, Jahrgang XIII (1910), München, 1910 (стр. 60).

и к простому карнизу из профиля с выкружками (II, рис. 378–379). Только в том случае, когда между сферой и кубиком имеется волюта, мы можем предположить влияние ионического стиля.

При обсуждении вопроса о происхождении этих форм я хотел бы исходить из того спорного факта, что на Востоке имеются формы капителей, независимые от Эллады. Я начну с вида, который в Армении не встречается. Рис. 481 (II) показывает колонны мечети аль-Гуюши на вершине горы Мукаттам у Каира, построенной в 1104 году[1]. Капители парных колонн имеют здесь колоколообразную форму, которая одновременно применяется и в качестве базы, но в перевернутом виде: сферическая головка переходит в квадратную плиту посредством шейки. С той поры, как исламская архитектура начала создавать собственные формы колонн (вместо того, чтобы брать колонны из церкви), мы видим у них те же черты, что и у армянских образцов. Между обеими формами имеется промежуточное звено. Ни армянские, ни исламские колонны не являются результатом самостоятельного творчества. Корни их происхождения следует искать в Иране, на который в данном случае можно с уверенностью сослаться. Немецкое Восточное общество раскопало базальтовую капитель родственного типа ассирийской эпохи в Ассуре (Ашшур)[2]. Рис. 482 (II) показывает колоколообразную капитель с круглой верхней частью с отверстиями для лучеобразно сходящихся балок перекрытия (?). В перевернутом виде, с квадратной или круглой плитой, эта капитель встречается в индийских колоннах Ашоки. Персидское происхождение этих колонн общепризнано[3]. Я привожу снимок колонны в Бахире (II, рис. 483), которая, по предположению Смита, является одним из древнейших образцов, возникших вскоре после 257 года до н. э. В обоих этих примерах из ассирийской эпохи и эпохи Ашоки мы ясно видим следы влияния иранской архитектуры, проникшей в Месопотамию и Индию. Впоследствии эти древние формы появились также в армянской и исламской архитектуре. Можно также принять во внимание капитель Эндиркаша в Курдистане (II, рис. 484–485), которую Жак де Морган показывает с деталями[4]. Согласно сообщениям Георга Гюзинга, эта капитель относится к домидийскому периоду, т. е. приблизительно к VII веку до н. э. Я привожу ее рисунок, потому что в сущности она представляет собой кубиковидную или импостную капитель со складками в углах[5]. Снизу капитель имеет форму четырех сердец, т. е. излюбленного персидского мотива. Эти факты ясно показывают,

---

[1] См. ***Berchem Max van***, Une mosquée du temps des Fatimites au Caire – Mémoires de l'Institut égyptien, tome II, Le Caire, 1889 (стр. 605–619). Прим. ред.: в современной научной литературе датой создания мечети аль-Гуюши принято считать 1085 год.

[2] См. Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft, Berlin, Mai 1909, № 40 (стр. 26 и далее, таблица VI-4,), а также ***Alten Wilken von***, Geschichte des Altchristlichen Kapitells, München-Leipzig, 1913 (стр. 48 и далее).

[3] Ср. ***Smith Vincent Arthur,*** A History of Fine Art in India and Ceylon: From the Earliest Times to the Present Day, Oxford, 1911 (стр. 59), а также любой справочник.

[4] См. Mission scientifique en Perse par Jacques de Morgan, Paris, 1895–1904 (том IV, стр. 298). Ср. ***Hüsing Georg***, Der Zagros und seine Völker. Eine archäologisch-ethnographische Skizze, Leipzig, 1908 (стр. 39).

[5] Форма, которая стала популярной в каменоломнях Проконнеса. Ср. ***Strzygowski Josef***, Byzantinische Denkmäler, Band II (Wien, 1893) и ***Alten Wilken von***, Geschichte des Altchristlichen Kapitells, München-Leipzig, 1913 (стр. 14).

что, как я давно и предполагал[1], существовала древнеиранская архитектура, из которой возникли как армянская, так и исламская капители.

С ф е р и ч е с к а я к а п и т е л ь. Я рассматривал ее выше и привожу на рис. 487 (II) еще один пример. Происхождение этой формы надо искать, по-видимому, в обработанных на станке изделиях из дерева. Уже А. Гаупт пытался этим путем объяснить происхождение сферической капители так называемой “крипты Вильперта” в Кведлинбурге[2]. В русском народном искусстве подобные формы встречаются еще в деревянной архитектуре XVIII века[3]. Поэтому мы воспринимаем сферическую капитель всегда как самостоятельную форму – будь то крито-микенский торус (круглый валик), дорическая капитель или родственные им индийские и армянские образцы. Во всех случаях тут проявляется какая-то древняя традиция, хотя едва ли возможно обнаружить нити, связывающие с ней. Сферическая капитель никогда не проникала в христианскую архитектуру стран Средиземного моря. Возникает вопрос: коренилась ли она в Армении с самого начала или же проникла туда извне? В сущности, в Армении ощутимо присутствие ионической сферической капители. Сферическая капитель сама по себе, однако, не была обнаружена среди памятников VII века н. э. И все же при анализе преобладающих восточных черт в армянских памятниках необходимо прежде всего обратить внимание именно на простую сферическую капитель.

Возможно, в небольшом купольном помещении (в грузинском памятнике, построенном в армянском стиле) рядом с церковью Св. Креста в Мцхете, к северу от нее, сохранилась сферическая капитель начала VII века н.э. Речь идет о полуколонке, стоящей слева, рядом с западным окном, у стены перед нишей шириной 0,73 м (II, рис. 487). На этой полуколонке между узкими кольцами лежит широкий валик, служащий опорой для сферической капители, покрытой абакой, с переходом в виде скоса. Справа в стене устроена ниша с косым карнизом, валиком и абакой. Возможно, следовательно, что сферическая капитель на севере существовала еще раньше и была перенята оттуда. Грузинская архитектура, во всяком случае, во все времена широко пользовалась такими капителями.

К у б и к о в а я к а п и т е л ь. Настоящим древнеармянским типом капители полуколонки является кубик. Я привожу его вид, примененный снаружи в соборе в Артике (II, рис. 486), кроме того приводятся капители полуколонок в Талине (II, рис. 356–358), которые уже были описаны выше, но без иллюстраций, а также капитель угловой полуколонки в тетраконхе Аграка (II, рис. 355). Все эти примеры относятся самое позднее к VII веку н.э.

О происхождении этой капители недавно высказался Эмиль Маль[4], не зная,

---

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Mschatta. Festschrift zur Eroffnung des Kaiser Friedrich-Museums – Jahrbuch der königlich-preußischen Kunstsammlungen, Berlin, XXV (1904) (стр. 353).

[2] См. ***Haupt Albrecht***, Die älteste Kunst, insbesondere die Baukunst der Germanen, Leipzig, 1909 (стр. 82), а также ***Zeller Adolf***, Die Kirchenbauten Heinrichs I und der Ottonen in Quedlinburg, Gernrode, Frose und Gandersheim, Berlin, 1916 (стр. 20 и таблица II).

[3] Ср. ***Бобринский А.А.***, Народные русские деревянные изделия, Москва, 1911 (таблицы XXXVII–XXXIX). Таблица XXXVIII (5) показывает интересный пример капители из Архангельской губернии, весьма обычный также для индийской и исламской архитектуры.

[4] См. ***Mâle Émile***, Études sur l’art allemand, II: L’architecture romane – La Revue de Paris, tome quatrième, juillet-août 1916, Paris, 1916 (стр. 496); ср. Monatshefte für Kunstwissenschaft, Jahrgang X,

однако, что она встречается в Армении. Исходя из наличия такой капители у саркофага, обнаруженного в 1905 году в Ламбрате и ныне находящегося в Археологическом музее Милана[1], он счел вопрос исчерпанным. Он полагал, что древнейшие церкви в Ломбардии уже имели такие капители, причем древнейшим примером является церковь Св. Аббондио в Комо, постройка которой была начата в 1013 году. Затем, по его мнению, следует крипта Св. Марка в Венеции и некоторые примеры в Болонье и Модене. Далее он отмечает стремление к более богато украшенным видам капителей и считает, что только немцам в лице епископа Бернварда Гильдесгеймского, как посредника, удалось создать кубиковидную капитель, вместе с которой на север будто бы проникли также ломбардские лизены (лопатки) и карликовые галереи.

Как же можно согласовать с этими утверждениями тот факт, что кубиковидная капитель была распространена в Армении уже в VII веке н.э., т. е. возникла за несколько столетий до этого, еще со времен эпохи расцвета в IV веке н. э. Обратим внимание на район распространения этой капители: Армения, Ломбардия, Германия. Не указывает ли это на северо- или восточно-арийские связи? Если это так, то нельзя ли предположить, что эта форма могла возникнуть из деревянной архитектуры[2]? Следует ли просто отвергнуть это предположение только потому, что до сих пор никто не видел такого древнеарийского деревянного кубика? Греческий храм возник из деревянной архитектуры Севера, хотя еще никто не подозревал, что доказательство этого существует в виде Герайона (храма Геры) в Олимпии.

На основе этих рассуждений мы склонны считать, что прототипом кубической капители является древнеарийский древний вид, который затем был имитирован в камне и встречается на Севере и в Армении. В Ломбардии кубиковидная капитель, по-видимому, также была создана не на месте, а проникла туда из Армении или с Севера. В первом случае следует задать вопрос: не были ли мастера со странным названием “комачини”[3] посредниками – так же, как и в случае с затронутой лишь мимоходом проблеме существования северной или восточной деревянной архитектуры, которая предшествовала армянским или иранским архитектурным формам?

г) Постройки с декоративными арками

Постройки с декоративными арками имеют скошенные карнизы совершенно неантичного характера, украшенные плетеным орнаментом из трех полос. Из этого факта вытекает, что к решению вопроса о происхождении декоративной арки следует подходить в более широком аспекте, чем это делает Бруно Шульц в своей

Leipzig, 1917 (стр. 23).

[1] Об этом см. ниже.

[2] Об этом см. ***Haupt Albrecht***, Die älteste Kunst, insbesondere die Baukunst der Germanen, Leipzig, 1909 (стр. 80) и ***Mâle Émile***, Études sur l’art allemand, II: L’architecture romane – La Revue de Paris, tome quatrième, juillet-août 1916, Paris, 1916 (стр. 498, деревянная капитель в древнегерманской архитектуре, которую, однако, никому не довелось увидеть); кроме того, см. ***Zeller Adolf***, Die Kirchenbauten Heinrichs I und der Ottonen in Quedlinburg, Gernrode, Frose und Gandersheim, Berlin, 1916 (стр. 31).

[3] Прим. ред.: средневековые мастера-каменщики из итальянского города Комо, расположенного у одноименного озера в Ломбардии.

статье “Арочный фриз и щипцовый ряд в романской архитектуре”[1]. Он, между прочим, приходит к заключению, что фриз из арочек происходит из античного ряда ниш, и что зигзаг фасада в Мшатте не является “мотивом, возникшим на неизвестной почве”, а происходит из ряда эдикул римской архитектуры. Надо прочитать это, чтобы оценить полную безответственность таких “исследований”. Для Шульца само собой разумеется, что декоративные арки в Армении имеют римское происхождение. Следует только посмотреть на известную аркаду у Porta aurea[2] дворца Диоклетиана и Спалато, из которой исходит Шульц[3]. Фактически к этому подвел его Ривойра[4], утверждая об Армении, что: 1) тонкие внешние арки происходят из романской архитектуры Равенны, и что 2) собор в Ани (около 1000 года) является древнейшим примером развившегося типа этой архитектуры, исключая церковь Спасителя в Санаине 961 года. Против этого следует возразить, что подобный тип был полностью развит уже в VII веке н. э. (II, рис. 486), и что собор в Ани должен быть особо отмечен лишь в том отношении, что там вместо парных полуколонок применены одинарные, вследствие чего весьма сомнительным кажется мотив его первоначальности.

Можно упомянуть еще об одном предположении, причем тут прежде всего надо указать, что декоративные арки Артика и Талина, наиболее древних примеров с установленной надписью-датой[5], ничего общего не имеют с еще более удивительным расчленением ограждающей стены треугольными нишами. В то время как эти ниши своими тенями производят эффектное впечатление, декоративные арки своим непрерывным рядом оживляют стену. Шнаазе полагал, что толчком к этому виду оформления стен послужили именно ниши, которые обрамлялись аркой на стройных колоннах, и это украшение продолжалось затем на остальной части стены[6]. Об этом, однако, не может быть и речи. Самые древние постройки с тромповыми нишами – как, например, церкви типа Рипсиме, имеют треугольные ниши без арок, а Звартноц, наоборот, имеет декоративные арки без треугольных ниш. Происхождение декоративных арок надо искать в другом месте.

Если Дьелафуа правильно определил эпоху сооружения обоих алтарей огнепоклонников в Нахш-и-Рустеме[7], то надо считать, что декоративная арка встречалась в Иране еще до Кира, и предпосылки ее появления кроются в народной архитектуре[8]. На рис. 489 (II) мы видим высеченное в скале трехступенчатое основание, на котором стоят два сужающихся кверху каменных массива, которые под валиками и зубцами имеют на каждой грани по нише с круглой аркой. Углы массивов охвачены

[1] См. ***Schulz Bruno***, Bogenfries und Giebelreihe in der römanischen Baukunst – Jahrbuch des kaiserlisch deutschen Archäologischen Instituts, Band XXI (1906), Berlin, 1906 (стр. 221–230).

[2] Прим. ред: Золотые ворота.

[3] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 287).

[4] См. ***Rivoira Giovanni Teresio***, Architettura musulmana, Milano, 1914 (стр. 299).

[5] См. ***Sybel Ludwig von***, Christliche Antike: Einführung in die altchristliche Kunst. Band *2*: Plastik, Architektur und Malerei, Marburg, 1909 (стр. 29).

[6] См. ***Schnaase Carl***, Geschichte der bildenden Künste, 2 Auflage: 8 Bände, Düsseldorf-Stuttgart, 1866−1879 (том III, стр. 329).

[7] См. ***Sarre Friedrich*** *und* ***Herzfeld Ernst Emil***, Iranische Felsreliefs, Berlin, 1910 (стр. 88).

[8] Я не заметил возражений со стороны указанных исследователей.

толстыми полуколонками, заканчивающимися сверху тонким валиком, а снизу – плитой. Эта грубая форма могла быть вытеснена ионическим течением в ахеменидской архитектуре, так что дальнейшие образцы мы встречаем уже в собственно пространственной архитектуре, т. е. много позже.

Начнем с основной черты самой декоративной ниши, т. е. без ее украшения двойными полуколонками. В "Малой Азии…" я уже указал на ее происхождение от кирпичной архитектуры, а также с Востока[1]. Если изначально и прежде всего их назначение, наряду с оживлением стены, состояло в экономии строительного материла, то последняя задача в Армении отпадает по причине перенесения арок на каменную облицовку. Ввиду этого декоративные ниши превращаются в плоские арки. Различие делается очевидным при сравнении с боковым фасадом дворца в Фирузабаде, который был построен без облицовки, целиком из бетона. Рисунок 491(II) показывает снимок Марселя Дьелафуа[2]. На рисунке 490 (II) показан эскиз реставрации. Ниши входят глубоко в стену двумя ступенями и отделены друг от друга полуколонкой или полуваликом, не имеющим ни базы, ни капители. Эти полуколонки, вопреки эскизу Дьелафуа, по-видимому, огибают арку ниши так же, как и в барабане церкви Св. Григора (Абугамренц) в Ани (I, рис. 130). Там, однако, применен двойной валик, как он часто встречается в сасанидских и исламских памятниках[3]. Поэтому ни в коем случае нельзя так просто соглашаться с их западно-эллинистическим происхождением.

Против этого говорит также то обстоятельство, что декоративные арки в Армении никогда не встречаются в трехнефных, покрытых цилиндрическими сводами постройках продольного типа. В гораздо большей степени они были отличительными украшениями тех строений, которые приближались к постройкам лучеобразного типа, подобно тому, как треугольные ниши соотносились с фронтоном и формой стены, которой корпус этих зданий был обнесен снаружи. Может быть, для сравнения тут надо было бы привести также круглые пристройки типа маленького причудливого строения в Баальбеке. О группе подобных зданий мы уже говорили. Фактически эта постройка украшена свободно стоящими колоннами не только снаружи. Как и в Звартноце, она имеет ряд отдельно стоящих перед стеной колонн[4]. В качестве примеров я мог бы еще привести многочисленные стены театров и их изображения на дверях и каменных гробах[5], и все-таки имеется принципиальное различие между этим видом и армянским: полуколонки в армянской архитектуре (за исключением более позднего собора в Ани) всегда являются парными и выступают из стены (II, рис. 488). Я считал, что этот мотив, где бы он ни встречался, является проявлением среднеазиатско-иранского круга искусства и отражением восточного влияния, но не доказательством эллинистического влияния со стороны Запада. На

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 39), а также ***Ramsay William*** and ***Bell Gertrude***, The Thousand and One Churches, London, 1909 (стр. 448).

[2] См. ***Dieulafoy Marcel***, L'art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть IV, таблицы IX–XI).

[3] Помимо памятников, упомянутых выше, см. также Султан-хан: ***Sarre Friedrich***, Reise in Kleinasien, Berlin, 1896 (стр. 71 и далее).

[4] См. ***Puchstein Otto***, Erster Jahresbericht über die Ausgrabungen in Baalbek – Jahrbuch des kaiserlisch deutschen Archäologischen Instituts, Band XVI (1901), Berlin, 1901 (таблица IV).

[5] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 210 и далее).

Западе колонны всегда имеют принципиально античные пропорции, т. е. отношение высоты колонны к ее диаметру является постоянной величиной – как, например, в Баальбеке. Тем не менее, ощущение этой закономерности полностью отсутствует и в других армянских постройках, воздвигнутых в античную эпоху. “Колонна” так же, как позже и на Севере (готика), применяется исключительно в виде настенного ребра. Чтобы нагляднее увидеть это различие в самой Армении, сопоставим наружные коллонады продольных построек (II, рис. 372) с высокими плоскими арками купольных зданий (I, рис. 17, 61, 145). Рис. 488 (II) дает нагляднейший пример в виде главной церкви в Мармашене. Я не думаю, что фасад Таки-Кисра является результатом эллинистических предпосылок. Он скорее дает основание считать, что иранский мотив находит в Месопотамии такое же применение со стороны Сасанидов, как в Армении – христианскими Аршакидами.

Если я начну с двойных полуколонок в виде опор для арок, то прежде всего должен иметь в виду купол церкви Эль-Хадра в Хахе[1], которая находится в северомесопотамской области Тур-Абдин. В VI веке н. э., как это видно на рис. 492 (II), она имела чуть ли не квадратный барабан, украшенный нишами с парными полуколонками. Уже этим опровергается утверждение Ривойры о том, что этот мотив в данном месте не встречается до конца X века[2]. Однако в Хахе он, несомненно, был эллинизирован со стороны Запада, чему служат доказательством короткие колонны, капители, украшенные листьями, и базы. Другой памятник отчетливо покажет, как выглядел этот мотив первоначально. Прежде всего я хотел бы указать на распространение ниши в архитектуре второй половины первого тысячелетия н. э., связанной с Востоком.

В связи с этим рассмотрим мавзолей Теодориха в Равенне (II, рис. 493)[3]. Над восьмиугольным основанием возвышается круглая надстройка, которая может считаться армянской, поскольку нижняя часть стены облицована чередой декоративных арок: сверху следует оконная зона и, наконец, все завершается знакомым трехполосным ленточным фризом[4]. Эти восточно-арийские следы в готическом памятнике не являются исключением на Западе.

Примечательно, что готы переняли и принесли на Запад также изображения ниш в виньетках. Лучшим доказательством этого служит Codex Argenteus[5] в Упсале. После этого данные украшения перешли и в рукописи франков[6]. В этих миниатюрах, судя по их стилю, введенному готами[7], арки показаны только в нижнем ряду под

---

[1] Там же, стр. 259.

[2] См. ***Rivoira Giovanni Teresio***, Architettura musulmana, Milano, 1914 (стр. 442).

[3] См. ***Haupt Albrecht***, Das Grabmal Theoderichs des Groβen zu Ravenna, Leipzig, 1913.

[4] См. выше.

[5] Прим. ред.: Codex Argenteus (Серебряный кодекс) – манускрипт перевода Библии на готский язык, сделанного епископом Вульфилой, датируется VI веком.

[6] Примеры см. ***Zimmermann Ernst Heinrich***, Vorkarolingische Miniaturen (Berlin, 1916), а также ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 278 и 290).

[7] Готы, вероятно, распространили также инициалы с рисунками рыб и птиц. Об этом см. ***Strzygowski Josef***, Das Edschmiadsin-Evangeliar, Wien, 1891 (стр. 90), ***Strzygowski Josef***, Der Dom zu Aachen und seine Entstellung, Leipzig, 1904 (стр. 53) и ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander-und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 292).

текстом. Большей частью они расположены там по три в ряд, в малых размерах (вероятно, в виде украшения).

Это лишь одно из течений, а именно – самое северное, которое содействовало распространению декоративных арок во второй половине первого тысячелетия н. э. Другое течение обнаруживается в Сирии, Армении и Византии и оттуда впоследствии проникает во Франкское государство и империю Карла Великого. Это известное применение арки в качестве обрамлений для канонов Евсевия (каноны согласия), расположенных в начале Евангелий для помещения параллельных мест из преданий отдельных евангелистов. Обычно рядом даются четыре столбца текста. До сих пор мы считали источником введения арок Сирию, имея при этом в виду Календарь Филокалуса 354 года нашей эры[1]. Но я все больше склоняюсь к мнению, что и там, как в армянской архитектуре, проявляется влияние восточных элементов Передней Азии. Украшения арками канонов Евсевия столь же далеки от античности, как и орнамент из трех полос, который вскоре стал принадлежностью этих арок. Поэтому при анализе миниатюр Тюбингенского армянского Евангелия 1113 или 893 года[2] я указывал на Персию, как на источник этого мотива[3]. Кроме того, я могу подойти к этому вопросу с другой стороны, учитывая вероятность восточно-иранского происхождения купола и тот факт, что декоративные арки в Армении встречаются только у купольных построек. Ключ к анализу дает украшение тетраконха в Аммане (Восточная Сирия), который в своем роде так же чужероден этой почве, как и Мшатта и арки канонов согласия сирийских Евангелий с их своеобразными орнаментами.

Рис. 494 (II)[4] показывает юго-западный угол замка в Аммане изнутри. Видны карликовые ниши, распространяющиеся также вдоль низа упорных ниш. Выше, в углу среднего квадрата, имеются большие декоративные арки, затем под основанием купола опять следуют карликовые ниши, расположенные по три в ряд (об этом см. ниже). Сбоку видны мощные цилиндрические своды перед конхами, у которых бросается в глаза характерный выступ стены на высоте импоста[5]. Устройство такой облицовки декоративными нишами ново лишь постольку, поскольку она встречается здесь внутри постройки. Как уже было сказано, такие декоративные ниши давно известны по наружному виду сасанидских и исламских построек. Их первоначальное происхождение недавно исследовала Гертруда Белл, исходя именно из указанной параллели[6]. Она полагает, что в этом случае мы имеем дело с эллинистическим

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Die Kalenderbilder des Chronographen vom Jahre 354, Berlin, 1888.

[2] Прим. ред.: вот что по этому поводу еще в 1946 году писал видный историк армянского изобразительного искусства Р.Г. Дрампян: “Стржиговский рассматривал Тюбингенское Евангелие как точную копию армянского Евангелия 893 года, согласно имеющемуся ишатакарану. Позднее оказалось, что этот ишатакаран поддельный, а подлинный ишатакаран, оказавшийся у Хачика Дадяна, ничего не говорит о каком-либо прототипе 893 года. Таким образом, этот подложный ишатакаран ввел в заблуждение Стржиговского, и орнаментированные буквы Евангелия 1113 года не воспроизводят образцов рукописи 893 года. Иначе и не могло быть, т. к. армянские украшенные буквы появляются лишь в XI веке” (см. ***Дрампян Р.***, Изучение армянской средневековой живописи – Известия Академии наук Армянской ССР. Общественные науки, 1946, № 6, стр. 39).

[3] См. Атлас по каталогу армянских рукописей, I (1907), стр. 22 и далее.

[4] Снимок получен мной от профессора Морица Зобернхайма.

[5] См. ***Strzygowski Josef***, Mschatta. Festschrift zur Eroffnung des Kaiser Friedrich-Museums – Jahrbuch der königlich-preuβischen Kunstsammlungen, Berlin, XXV (1904) (стр. 214 и 247).

[6] Дворец и мечеть в Ухайдире. См. ***Bell Gertrude***, Churches and monasteries of the Tûr’Abdin and

преобразованием древневосточного по происхождению фасада. Я не уверен, что это верно, и не следует ли здесь видеть унаследованные Ираном традиции арийцев. Но сначала рассмотрим детали.

Прежде всего обратимся к карликовым нишам (II, рис. 495 и 496). Они состоят из трех регулярно повторяющихся частей: квадратная плита с высеченной в ней подковообразной ступенчатой аркой. Арка состоит из трех ступеней, из которых две украшены висячими треугольниками, отделенными друг от друга узкими полосками. Антрвольты П-образной надставки, а также середина внизу покрыты плоскими орнаментами, которые продолжены на плите, соединяющей между собой столбы с парными полуколонками[1]. Имеется ли при этом какое-либо основание предполагать античное происхождение описанных мотивов? Хотя Амман и находится в районе распространения эллинизма, его архитектура, безусловно, чужда эллинизму. В отношении украшений и архитектуры в Армении также можно отчетливо проследить путь, ведущий в Северный Иран. Мы его рассмотрим в связи с вопросами о материалах и работе. Заснятый Шульцом план[2] (проверка обмеров, сделанная Дьелафуа, подтверждает правильность цифр) показывает толщину внутренних (2,30 м) и ограждающих стен (1,72 м) тетраконха в Аммане. Такая же толщина стен принята во дворцах Фарса, в Туркестане и в Армении, что также указывает на первоначальное применение кирпича-сырца. С этим материалом, как я считаю, связано обильное применение ниш для экономии материала без опасений за его прочность. Об этом уже говорилось выше. Пользуясь снимками замка Аммана, важно выяснить, каким образом эти постройки из кирпичной кладки облицовывались плитами и какая у них была перевязка. Рисунки 494–497 (II) дают в этом смысле ценное разъяснение, прежде всего в том отношении, что постоянно повторяющийся мотив вытекает из данной конструкции, а не должен рассматриваться, как мне возражают Йозеф Карабачек и Эрнст Герцфельд, в качестве подражания античной tabula ansata[3].

В пользу иранского происхождения облицовки ниш говорят также подковообразная арка и вид несущих парных полуколонок. Если с карликовыми нишами в Аммане сравнить ниши в барабане церкви Эль-Хадра в Хахе (II, рис. 492), которые уже показывают характерное эллинистическое преобразование, то, может быть, будет легче понять первоначальную, доэллинистическую основную форму. Главное различие состоит в том, что в Аммане вместо колонн имеются полуколонки, поднимающиеся без базы и капители, соединенные сверху и снизу перекладинами и опирающиеся на плиты, между которыми оставлен вертикальный желобок[4]. Возникает вопрос: а нет ли тут подражания в камне старой перевязке кирпичной кладки (по одному ряду кирпичей сверху и снизу, плюс еще один ряд в виде основания над

---

neighbouring districts – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, IX, Heidelberg, 1913 (стр. 122), а также ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 38).

[1] См. рис. 495 (II) слева. Она является третьим элементом конструкции.

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Mschatta. Festschrift zur Eroffnung des Kaiser Friedrich-Museums – Jahrbuch der königlich-preuβischen Kunstsammlungen, Berlin, XXV (1904) (стр. 351).

[3] По этому поводу см. ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 219 и далее). Прим. ред.: tabula ansata – прямоугольная плита или табличка с треугольными ушками по бокам.

[4] Детали Дворцовой церкви в Ани см. выше.

полуколонками)? Сами полуколонки будто выложены из фасонного кирпича.

В больших декоративных арках между карликовыми нишами указанные здесь признаки проявляются не так ярко. Рис. 497 (II) дает другой вид, а именно – правую сторону южной стены. Как видно, у полуколонок не установлено определенного соотношения между диаметром и высотой. Скорее они представляют собой валики, простирающиеся на любую высоту. В остальном их конструкция вполне соответствует полуколонкам карликовых ниш, за исключением того, что сверху показано два кирпича, один на другом, которые отделены пазом, отсутствующим внизу. Подковообразная арка тоже осталась.

Одновременно с декоративными арками, которые в азиатских постройках опираются на парные полуколонки, на Западе применяются лизены (лопатки), большей частью соединенные двумя круглыми арками. Спрашивается: не одного ли происхождения армянский и западный мотивы, форма одного из которых не вытекает из облицовочной архитектуры, а форма другого основана на чисто кирпичной конструкции? Ривойра считает, что появление лизен (лопаток) следует приписать архитектурной школе Равенны[1]. Против этого я возражал в “Малой Азии…”[2]. Уже Франц фон Ребер считал, не будучи знаком с моими возражениями, что прежде всего следует учитывать так называемую довизантийскую архитектуру, как он определяет архитектуру Константинополя IV и V веков, хотя памятники этого времени не сохранились[3].

Мы рассматривали вопрос о происхождении и распространении декоративных ниш на нижних частях фасадов армянских купольных построек. Эти ниши, как предпочитаемое украшение, встречаются также в местах, где их не следовало бы ожидать. Об этом речь пойдет в следующей главе. Прежде чем продолжить наше исследование, следует задать вопрос: не является ли первоначальным носителем декоративного оформления арками деревянная конструкция, а затем – штукатурка стен. Штукатурка представляет собой один из местных материалов для облицовки стен, который применялся во всей Средней Азии[4]. Геометрический рисунок украшений в целом не производит впечатления, что был создан именно для каменных работ. Он кажется гораздо более подходящим для деревянных построек Дальнего Севера или Средней Германии (в применении со штукатуркой). Я здесь вновь возвращаюсь на ту же колею, по которой шел ощупью в моем труде “Алтай-Иран…”. Относительно Армении, равно как и Севера, часто приходится предполагать перекрещивание предпосылок для дальнейшего развития и взаимовлияния в том обширном районе, который я попытался обозначить как “Алтай-Иран…” и куда следовало бы направить исследовательские экспедиции, сопровождаемые раскопками[5]. Я мог бы и в данном

[1] Ср. ***Rivoira Giovanni Teresio***, Le origini della architetrura Lombarda, Рома, 1907 (стр. 5).

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 38).

[3] См. ***Reber Franz von***, Die byzantinische Frage in der Architekturgeschichte – Sitzungsberichte der königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-philologische und historische Klasse, Jahrgang 1902, München, 1903 (стр. 472).

[4] Мои рассуждения по этому поводу см. ***Strzygowski Josef***, Die sasanidische Kirche und ihre Ausstattung – Monatshefte für Kunstwissenschaft, Band VIII, Leipzig, 1915 (стр. 360 и далее).

[5] Относительно декоративной арки см. ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser

случае считать, что украшения скандинавских деревянных церквей[1], подковообразные арки которых на одинарных или двойных полуколонках так же характерны, как и штукатурные украшения в притворе с реликвиями в церкви Генриха I в Кведлинбурге[2], исходят из общеарийских предпосылок, охватывающих Север и Восток. Надо учесть также роль среднеазиатских штукатуров[3], выполнявших штукатурные работы в Центральной Европе[4]. Эта точка зрения совпадает с выводом Дица, сделанном на основе анализа сасанидско-исламских фасадов с декоративными арками[5]. Для него было бы естественнее просто принять точку зрения Шульца, соответствующую выводам Герцфельда[6], т. е. считать, что указанные декоративные ниши имеют эллинистическое происхождение. Однако Диц, исходя из следов на развалинах Тахла (Tahl), полагает, что в Сейстане действуют те же связи, что и в Армении.

Габриэль Милле также согласен с тем путем, который я избрал уже в “Малой Азии…” для исследования вопроса о происхождении декоративных ниш[7]. Странно лишь его определение эпохи воздействия армянских памятников. Он пишет: “Эллинистическое искусство усвоило этот древний способ и перенесло его в христианское искусство. В IV–VI веках Центральная Сирия, Анатолийское плоскогорье, Равенна, далее (с X до XV века) Армения, Кавказ, Россия, Македония и Сербия сохранили эту вековую традицию”. Если же учесть, что соответствующие армянские памятники отнесены к X–XV векам, то ясно, что решающая роль армянского искусства никогда не будет выявлена. Более того, отношения между Арменией и Константинополем скорее всего будут представлены в неверном свете.

Как возникли деревянные арки показывают скандинавские и индийские постройки. К этому следу я вернусь позже. Для Армении, как мне кажется, путь исследования лежит через облицовочную архитектуру. Правда, доступные для обозрения пещерные строения типа Ургюпа[8] или Ала-килисе (Цветная церковь)[9] в долине Ихлара относятся к первому тысячелетию н.э., но возможно, что с восточным

---

geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 101); относительно сасанидского серебряного сосуда – там же (стр. 78 и 198–201), а относительно мимбара в Большой мечети Кайруана – стр. 203.

[1] См. ***Dietrichson Lorentz*** *und* ***Munthe Henrik***, Die Holzbaukunst Norwegens in Vergangenheit und Gegenwart, Berlin, 1893.

[2] См. ***Zeller Adolf***, Die Kirchenbauten Heinrichs I und der Ottonen in Quedlinburg, Gernrode, Frose und Gandersheim, Berlin, 1916 (стр. 32, таблица II).

[3] См. ***Strzygowski Josef***, Das orientalische Italien – Monatshefte für Kunstwissenschaft, Heft 1–6, Leipzig, 1908 (стр. 16–33).

[4] См. ***Haupt Albrecht***, Zur Entstehung der romanischen Ornamentik – Monatshefte für Kunstwissenschaft, Band VIII, Leipzig, 1915(стр. 309-328); ***Stückelberg Ernst Alfred***, Die Ausgrabungen zu Disentis – Basler Zeitschrift für Geschichte und Altertumskunde, Jahrgang VI, Basel, 1907 (стр. 489-503), а также ***J. S. [Josef Strzygowski]***, Otto Pelka, Ein syro-palästinensisches Räuchergefäß – Byzantinische Zeitschrift, Band XVI, Leipzig, 1907 (стр. 733).

[5] См. ***Diez Ernst***, Die Kunst der islamischen Völker, Berlin, 1915 (стр. 62).

[6] См. ***Sarre Friedrich***, ***Herzfeld Ernst Emil*** *und* ***Berchem Max van***, Archäologische Reise im Euphrat- und Tigris-Gebiet, Band III, Berlin, 1911 (таблица XXXIX).

[7] См. ***Millet Gabriel***, L’école grecque dans l’architecture byzantine (Paris, 1916, стр. 152) и ***Strzygowski Josef***, Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903 (стр. 38 и далее).

[8] Там же, стр. 30. Декоративная арка и здесь имеет подковообразную форму.

[9] См. ***Ramsay William*** and ***Bell Gertrude***, The Thousand and One Churches, London, 1909 (стр. 449). Ср. ***Rott Hans***, Bauspäne von einer anatolischen Reise – Zeitschrift für Geschichte der Architektur, Jahrgang I, Heidelberg, 1907–1908 (стр. 150).

течением их связывает еще и нечто иное.

В этом разделе я до сих пор рассматривал лишь такие виды украшений, неармянское происхождение которых, как мне кажется, могу доказать. Возникает вопрос: а не следует ли причислить сюда также входы и порталы? Милле по поводу входа собора в Ани, который он относит к XII–XIII векам, а также входа церкви Св. Григора в Кечарисе (о чем скажем ниже) высказывает мнение, что в армянских храмах вновь появляется сирийский портик, только более облегченного вида[1]. Если это так, то анализ входов, согласно плану настоящего исследования, относится к данному разделу. Однако я перенесу этот вопрос в историческую часть раздела о Форме, чтобы при рассмотрении восточно-арийского древнего периода исходить из данных, на основе которых создавался армянский тип входов и порталов. А здесь мы еще раз рассмотрим общепринятые образцы армянских архитектурных украшений.

д) Образцы армянского декоративного искусства

В моем труде “Алтай-Иран…” подробно говорилось о том, что в пространствах между Алтаем и Ираном, как бы через ворота между Севером и азиатским нагорьем, на Юг и Запад проникли образцы чисто геометрического орнамента. Основными типами этого декоративного искусства, проникшего с Севера или из Восточного Ирана в Армению, являются ленточное плетение и геометрическая лоза в виде полос для заполнения поверхности. В указанном труде я так часто обращался к Армении, что нет необходимости еще раз касаться этой сферы. И все же я вкратце укажу на некоторые детали.

Н е п р е р ы в н ы е у з о р ы. При описании декоративных форм, применяемых у окон, бросалось в глаза предпочтение, которое давалось непрерывным узорам. Это излюбленная форма заполнения поверхностей, которая не изображает, т.е. форма кочевых и родственных им северных народов[2]. Проникновение данных мотивов в архитектуру указывает на принцип, противоположный принципу, принятому в странах Средиземного моря, где архитектура была пронизана взятыми из природы образами. В данном случае сперва возводилась постройка, после чего, соответственно, поверхность стен украшалась слоем орнамента. Это был способ, принятый как в Средней Азии, так и в Армении. Разница состояла лишь в том, что в Средней Азии применялась штукатурка, керамические, облицовочные плитки и т. п., в то время как в Армении пользовались плитами из туфа. Вследствие этого в Армении заполняющие поверхность украшения быстрее меркнут, чем в исламской архитектуре, которая долго придерживалась иранских образцов. Об этом уже говорилось выше. Лучшим образцом парфянской эпохи (об индо-китайском круге в Туркестане я здесь говорить не буду)[3] являются развалины Варки, где мы видим исключительно непрерывные узоры[4].

Такого рода узоры, по-видимому, играли значительную роль при внутренней

---

[1] См. ***Millet Gabriel***, L’école grecque dans l’architecture byzantine, Paris, 1916 (стр. 170).

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 150).

[3] См. ***Strzygowski Josef***, Die sasanidische Kirche und ihre Ausstattung – Monatshefte für Kunstwissenschaft, Band VIII, *Leipzig,* 1915 (стр. 361).

[4] См. ***Dieulafoy Marcel***, L’art antique de la Perse, Paris, 1884–1889 (часть V, стр. 29).

отделке армянских дворцов, насколько можно считать доказательством этого результаты раскопок замка в Ани, где обломки украшений были перенесены в устроенный там же музей. Орбели говорит о них в своем каталоге музея, а Марр во втором выпуске иллюстрированной серии Ани. Мы видим украшения из штукатурки и дерева. Среди обломков из дерева находится точная копия каменной плиты из церкви Гагика в Ани (№ 70)[1], снимок которой я опубликовал в книге "Алтай-Иран…"[2]. Мы имеем здесь дело с ромбовидным узором из трех полос, смешанным со вторым рисунком из сплетенных кругов с рядами кнопок, наподобие хорошо известных нам рисунков на персидских шелковых тканях. Рис. № 70 а[3] показывает кресты из двух полос, переплетенные трапеции в виде бесконечного рисунка, наподобие коптских деревянных изделий, мозаик в храме Св. Констанцы и дверей базилики Св. Сабины в Риме. Заполнение в замке Ани состояло из геометрических листьев. Другой непрерывный деревянный узор (07, № 15)[4] состоит из чередования шестиугольников и шестиконечных звезд и полностью выдержан в духе исламских многоугольных орнаментов. Другие обломки штукатурных украшений показывают лозу с животными (олень, собака, медведь, павлин) совсем в духе тех, которые были опубликованы мною в "Амиде…"[5], а далее – из Диарбекира[6]. Остатки живописи (голова лошади и лицо человека) указывают на китайское влияние.

1000-й год. Как было упомянуто выше, Гагик построил церковь в Ани, подражая Звартноцу. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что архитектурная форма была скопирована точно, тогда как украшения были приспособлены ко вкусам того времени[7]. На рис. 500 (II) показана форма, которую приняла капитель с орлом. Трапециевидная абака не изменилась. От нее простираются скошенные к кругу грани. Сферические выступы, которые мы видели в Звартноце на задней стороне, здесь перенесены на все четыре грани при отсутствии орла. Изменение претерпела и база, видная на рис. 500 (II) за капителью. Она сделалась восьмигранной. От профилировки остался лишь валик, который в свою очередь получил восьмиугольную форму. Такие изменения встречаются на каждом шагу[8]. В отчетах Марра я в особенности выделяю рисунок 14[9], который иллюстрирует это важное место в антрвольте декоративных арок фасада, где в Звартноце были изображены фигурки мужчин под листвой винограда и граната. Ничего этого нет в Ани в 1000 году. Остались оба узора, которые я особо выделил в моем труде "Алтай-Иран…", т. е. геометрическая лоза и ленточное плетение[10]. Приведу несколько примеров. Рисунок 498 (II) наверху справа

---

[1] Иллюстрации И. Орбели (Анийская серия, вып. III, стр. 29).

[2] См. ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 218).

[3] Иллюстрация И. Орбели (Анийская серия, вып. III, стр. 29).

[4] Иллюстрации Н. Марра (Анийская серия, вып. II, стр. 3).

[5] См. ***Strzygowski Josef***, Amida, Beiträge zur Kunstgeschichte des Mittelalters, Heidelberg, 1910 (стр. 354).

[6] См. Анийская серия, вып. II, стр. 13.

[7] Соответствующие наблюдения, сделанные мной по поводу мюнхенского оригинала и белградской копии см. ***Strzygowski Josef***, Die Miniaturen des serbischen Psalters, Wien, 1906 (стр. 121).

[8] См. ***Марр Н.Я.***, О раскопках и работах в Ани летом 1906 года (Предварительный отчет) – Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, том X, С.-Петербург, 1907.

[9] Там же, стр. 19.

[10] См. ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den

(c) показывает один из антрвольтов декоративных арок с геометрической лозой, которая слева повторяется в двойной арке (a). Ниже (b) виден фриз из чередующихся свастики и двухполосных кругов с узлами, заполненных персидскими пальметтами. Кроме того, рис. 499 (II) показывает арочный фриз из кругов с узлами, состоящих из двух полос и заполненных персидскими пальметтами, подобные которым мы видели в украшениях нижних капителей церкви Сан-Витале в Равенне[1], и еще один ряд справа, заполненный в форме круга. Достойны внимания завершающий мотив и кнопки на листьях[2]. Особенно характерна приведенная Марром в серии Ани деталь (II, рис. 501)[3], похожая, как и многое другое из раннеармянского декоративного искусства, на коптские мотивы, которые были показаны мною в "Коптском искусстве"[4]. На этом я здесь останавливаться не буду. Армения и Северная Месопотамия оказали на Египет решающее влияние.

Особое положение занимает церковь Св. Григора (Абугамренц) в Ани, построенная представителями этого рода до 994 года. Наряду с классическими фризами, Линч видит в этом смесь византийского и готического искусства[5]. Мне неизвестно, сможет ли он привести для этого отдельные доказательства. Прежде всего обращает на себя внимание применяемый всюду ступенчатый фриз. Он простирается в виде горизонтального пояса вокруг окон и ниш с тромпами, затем, в виде венчающего карниза, вокруг выступающих наружу приделов апсид и, наконец, у основания купола внутри и под кровлей снаружи. Может ли здесь быть византийское влияние? Во всяком случае, в соответствии с сирийским или арамейским образцом (Месопотамия была ведущей в этом отношении), данный фриз в виде ленты должен был охватить все здание, переходя из горизонтальной в дугообразную форму. Одновременно встречается ленточное плетение из трех полос под кровлей галереи – так же, как и зубчатый фриз у верха выступающих приделов. Больше всего обращают на себя внимание двойные валики снаружи у купола.

e) Строительство и убранство

Строительство и убранство должны рассматриваться в армяно-арийской архитектуре в отдельности, что вытекает уже из противопоставления греко-арийской архитектуры. Северная архитектура (так называемая "готика") соединяет оба вида

Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 218), далее – пример из церкви Гагика, а также деревянная дверь грузинской церкви в Мгвиме (II, рис. 398).

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 77) и любое справочное издание.

[2] См. ***Strzygowski Josef****,* Kleinarmenische Miniaturenmalerei. Die Miniaturen des Tübinger Evangeliars Ma. XIII, 1, vom Jahre 1113, bezw. 893 n. Chr. Tübingen, 1907 (стр. 17 и далее), где речь идет о "мотиве скоб".

[3] См. Анийская серия, вып. I, таблица VIII, 2).

[4] См. ***Strzygowski Josef***, Koptische Kunst, Wien, 1904 (стр. 73). Старую деревянную дверь церкви Гагика см. ***Орбели И.А.***, Каталог анийского музея древностей*,* Поти*,* 1910 *(*№ 85) и Анийская серия, вып. I (стр. 26). Такие деревянные изделия, по-видимому, часто проникали в Египет исламской эпохи, как показывают таблицы, приведенные в моей книге "Алтай-Иран…" (см. ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917, стр. 88).

[5] См. ***Lynch Henry***, Armenia: Travels and Studies, in two vol., London, 1901 (том I, стр. 381).

архитектурной деятельности, вместе с ростом строительной массы оформляя постройки растительными, человеческими или животными формами, но при этом заполняя окна геометрическими фигурами из камня. Армения идет по путям, далеко уклоняющимся от мотивов стран Средиземного моря.

Армянские церкви представляют собой постройки в узком смысле этого слова, а не произведения архитектуры в роде скульптуры. Работа каменщика всегда остается в плоскости. Стена никогда не становится, как в двух других арийских течениях искусства (антике и готике), элементом, переходящим в реальные человеческие, растительные и животные образы. Армения близка типично северным скандинавским странам с их старыми деревянными церквями. Поверхности этих церквей обрамляются и заполняются исключительно геометрическими орнаментами, даже виноградная лоза остается тем, чем она была на Севере и у кочевых народов Азии, т. е. геометрическим узором. Следует обратить внимание на древние грузинские деревянные двери, снимки которых я приводил выше (II, рис. 398), а до того – в книге "Алтай-Иран…"[1]: они отражают дух, который уже проявился в армянских каменных рельефах, и вполне возможно, что в этом также можно видеть влияние деревянной резьбы Севера – влияние, которое было столь мощным, что все изобразительное искусство Юга не было в состоянии его вытеснить. В этом отношении армянская архитектура глубже коренилась в северном характере, чем та северная архитектура, которую мы называем готикой. Ниже я повторно и подробно займусь вопросом об украшениях армянских построек, их принципах и видах, ввиду чего с самого начала хотел бы указать на немногочисленные исключения.

В Армении нет значительной изобразительной скульптуры в духе более древних восточных культур или греко-римского искусства. Следовательно, изобразительное искусство здесь служит религиозному искусству далеко не в той степени, что архитектура. В Армении первоначально не существовало даже религиозной живописи – такой, какой она была в Византии или на Западе, т. е. служащей для просвещения тех, кто не умел читать. Об этом поговорим дальше. И все же изобразительная скульптура, идущая с Юга и Запада (об этом см. ниже), исключается не полностью. Имеется, как мы видели, специальная область, открытая для данной скульптуры: изображения основателей. Но эта скульптура не оказывает влияния на само строительство в том смысле, что никогда не превращает какой-либо строительный элемент в человеческое изображение.

П о с л е с л о в и е

Я завершаю первую книгу настоящего исследования, уже наметив замысел второй. И в этот момент о. Нерсес Акинян знакомит меня с описанием одной церкви у Григора Нарекаци в его "Истории Апаранка", которую ниже я привожу вкратце в переводе о. Александра Матикяна. Церковь была освящена в 983 году в присутствии братьев Ашота, Гургена и Сенекерима, ставших впоследствии царями Васпуракана[2].

[1] См. ***Strzygowski Josef***, Altai-Iran und Völkerwanderung. Ziergeschichtliche Untersuchungen über den Eintritt der Wander- und Nordfölkler in die Treibhäuser geistigen Lebens, Leipzig, 1917 (стр. 131).

[2] Список царей см.: ***Strzygowski Jozef***, Die Baukunst der Armenier und Europa. Band II, Wien, 1918 (стр. 600).

О дальнейшей судьбе этой церкви известно лишь то, что Симон из Апаранка в XVII веке жалуется на ее запущенность.

Текст гласит приблизительно следующее: “Стефан из Мокка[1] велел построить эту церковь Св. Креста и возвел ее с различными украшениями, почти как небо на земле. Притворы церкви, населенной херувимами, он украсил подобно притворам Сиона. Жилые помещения вокруг настолько прекрасны, что их можно назвать небесными. Они полны оружия для караула, охранявшего эту церковь. Церковь он увенчал куполом. Все вместе было подобно граду во славу Божьей матери: с большими воротами, отличными украшениями, более прекрасными и чудными, чем Ковчег Завета – золотой ларец Моисея. Церковь имела также колокол и была украшена шелковыми и другими тканями, а стены были художественно отделаны разноцветными драгоценными камнями и материалами (фарфор, мозаика?). Затем он окружил ее большой каменной стеной и украсил обрамление дверей четырехугольными камнями с рельефами и лозой, подобно тому, как облачают невесту в венчальный убор. Створы дверей были выложены из дерева разных цветов и слоновой кости. Посреди притвора он поставил очень большую купель из стекла. Занавесы алтаря он изготовил из египетских тканей, целиком из золота, блестящих, с изящными узорами. Амвон он покрыл прекрасным сукном из морского пурпура с острова Елима. Замок купола он связал прочными камнями так прекрасно, как голову царицы. Он украсил церковь изображениями невидимых ныне святых в память об их земной жизни, и все эти многочисленные разрозненные части были сведены воедино, подобно картине с семью глазами в видéнии Зоробабеля. Вокруг церкви были разбиты сады, посажены цветы, лесные и фруктовые деревья, и пущена вода”[2]. Следует прочесть это витиеватое, трудно переводимое описание в связи с тем, что было сказано выше. Я и во втором томе настоящего исследования едва ли смогу использовать это описание. И все же оно будет включено в оглавление книги. Ясно лишь то, что тщательное изучение армянской литературы обещает дать еще много материала. Апаранк расположен южнее озера Ван, недалеко от Ахтамара.

[1] Прим. ред.: Мокк (или Мокс) – историческая провинция Великой Армении, расположенная к югу от озера Ван.

[2] ***Գրիգոր Նարեկացի***, Մատենագրութիւնք, Վենետիկ, 1827 (***Григор Нарекаци***, Книги речей, Венеция, 1827, стр. 19–22).

АЛЬБОМ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 248. Ани. Пастушья церковь. Снимок Тораманяна.
Рис. 249. Тайлар, церковь: вид с юга. Снимок Наапетяна.
Рис. 250. Монастырь Багнайр, группа церквей: наружный вид. Снимок Наапетяна.
Рис. 251. Звартноц, собор: обломок свода.
Рис. 252. Звартноц, собор: обломок свода.
Рис. 253. Ани, кладка стен постройки в стороне долины реки Ахурян. Снимок Тораманяна.
Рис. 254. Текор, церковь Св. Саргиса, внутренний вид: своды, обрушившиеся вместе с куполом. Вид со стороны входа.
Рис. 255. Конструкция стены по Абиху. Разрез. Вид спереди.
Рис. 256. Ани, развалившаяся постройка. Снимок Тораманяна.
Рис. 257. Огузлу, церковь: можно ясно различить старую часть постройки от реставрированной. Снимок Тораманяна.
Рис. 258. Караванк, свод северного придела церкви. Снимок Ермакова.
Рис. 259. Багаран, собор: северо-западный пилон.
Рис. 260. Мастара, квадрат с куполом и опорными нишами на осях. Вид западной упорной ниши.
Рис. 261. Звартноц, собор: раскопки за амвоном.
Рис. 262. Текор, церковь Св. Саргиса: апсида с амвоном.
Рис. 263. Ани, церковь Св. Григора, построенная Гагиком: амвон. Снимок Марра.
Рис. 264. Амагу, церковь Св. Григора: апсида с амвоном. Снимок Ермакова.
Рис. 265. Вагаршапат, церковь Рипсиме, внутренний юго-восточный угол: амвон, алтарь и киворий.
Рис. 266. Ахтамар, церковь Св. Креста, внутренний вид, держатель креста. Снимок Лалаяна.
Рис. 267. Звартноц, собор: амвон с круглой надстройкой.
Рис. 268. Эчмиадзин. Кафедральный собор: план, обмер Броссе.
Рис. 269. Багаран, собор: остаток пристроенного придела на юго-восточной стороне.
Рис. 270. Монастырь Оромос, церковь Иоанна с жаматуном: план. Обмер Тораманяна.
Рис. 271. Звартноц, церковь Св. Григория Просветителя, обход: купель за главной апсидой.
Рис. 272. Эчмиадзин, музей: бронзовый котел.
Рис. 273. Текор, церковь Св. Саргиса: каменная купель.
Рис. 274. Монастырь Оромос, церковь Св. Иоанна с жаматуном: вид с юго-запада. Снимок Тораманяна.
Рис. 275. Ахпат, монастырь: колокольня. Снимок Гримма.
Рис. 276. Монастырь Гегард: план. Обмер Дюбуа.
Рис. 277. Монастырь Гегард: вид с востока. Снимок Ермакова.
Рис. 278. Монастырь Ахтала: вид крепости и церкви. Снимок Лалаяна.
Рис. 279. Монастырь Эчмиадзин: план. Обмер Броссе. 1. Кафедральный собор, 2. Резиденция католикоса, 3. Кельи монахов, 4. Старая типография, 5. Синодальная канцелярия, 6. Библиотека, 7. Трапезная, 8. Типография, 9. Магазин, 10. Пекарня, 11. Семинария, 12. Кельи, 13. Дом паломников, 14. Кухня, 15. Магазин, 16. Сараи, 17. Амбар для зерна, 18. Комнаты для прислуги, 19. Бассейн, 20. Конюшни и сараи,

21. Купальни, 22. Базар, 23. Родники, колодцы, 24. Коридоры, 25. Памятник полковнику Макдональду, А. Газарапат, Б. Скотный двор, В. Передний двор, а) Ворота базара, б) Ворота Газарапата, в) Ворота Мсри-Дурн, г) Ворота Кали-Дурн, д) Ворота купален, е) Ворота Трдата.
Рис. 280. Монастырь Кечарис: план. Обмер Броссе.
Рис. 281. Монастырь Кечарис: вид с юго-запада. Снимок Ермакова.
Рис. 282. Монастырь Оромос: три церкви в долине, вид с юга. Снимок Тораманяна.
Рис. 283. Монастырь Нарекаванк: вид снаружи. Снимок Лалаяна.
Рис. 284. Варзаан, группа построек: церковь справа. Снимок Ермакова.
Рис. 285. Хцконк: надгробный камень рядом с церковью Св. Саргиса. Снимок Смирнова.
Рис. 286. Монастырь Оромос: церковь Св. Иоанна с усыпальницами с двух сторон. Снимок Тораманяна.
Рис. 287. Монастырь Оромос: могилы на южной стороне церкви Св. Иоанна. Снимок Наапетяна.
Рис. 288. Монастырь Оромос, склеп: внутренний вид. Снимок Тораманяна.
Рис. 289. Ошакан, кладбищенская часовня. Снимок Смирнова.
Рис. 290. Норадуз, кладбище: надгробные камни и малая церковь. Снимок Ермакова.
Рис. 291. Эчмиадзин, музей: хачкар из Ошакана.
Рис. 292. Монастырь Кечарис, группа хачкаров между церквями. Снимок Ермакова.
Рис. 293. Татев, хачкар. Снимок Алишана.
Рис. 294. Джгингёл, надгробный камень 1279 года. Снимок Овсепяна.
Рис. 295. Шушанц, надгробный камень Шушан. Снимок Лалаяна.
Рис. 296. Монастырь Санаин, надгробный камень 1184 года. Снимок Тораманяна.
Рис. 297. Джульфа, передняя сторона надгробного камня с изображением барана, 1578 год. Снимок Сарре.
Рис. 298. Джульфа, оборотная сторона надгробного камня с изображением барана, 1578 год. Снимок Сарре.
Рис. 299. Джульфа, надгробный камень с изображением барана. Снимок Ермакова.
Рис. 300. Монастырь Оромос: могила царя Ашота. Снимок Тораманяна.
Рис. 301. Бджни, село и крепость: конструкция домов. Снимок Ермакова.
Рис. 302. Магасберд, остатки замка. Снимок Наапетяна.
Рис. 303. Тигнис, внешний вид замка. Снимок Тораманяна.
Рис. 304. Тигнис, замок: башня с лестницей. Снимок Тораманяна.
Рис. 305. Тигнис, замок: остатки внутреннего помещения. Снимок Тораманяна.
Рис. 306. Звартноц, дворец: общий вид с запада.
Рис. 307. Звартноц: план дворца. Обмер Тораманяна.
Рис. 308. Звартноц, дворец. Западная зала с пилонами.
Рис. 309. Звартноц: капитель импоста.
Рис. 310. Цихедарбаси, развалины дворца: общий вид, 1839 год. Зарисовка Дюбуа.
Рис. 311. Цихедарбаси, дворец: план. Обмер Дюбуа. Надписи сверху, слева направо: Мукерезис или Цихедарбаси. Старое русло Риона. Юг. Церковь. Комната, входная дверь, вестибюль. Камни, погреб. Восток, зала с камином, большая зала для аудиенций, лестница. Крыло, пристроенное позже. Комната, вестибюль. Балкон.
Рис. 312. Ани, Северный дворец: вид с юго-востока. Снимок Тораманяна.
Рис. 313-314. Ани, Северный дворец: планы. Подвал, первый этаж. Обмер Тораманяна.

Рис. 315. Ани, дворец-замок: северо-западный угол (купольная зала из трех частей). Снимок Тораманяна.
Рис. 316. Ани, дворец-замок: план. Снизу север (сторона города). Обмер Тораманяна.
Рис. 317. Ани, городская стена: главные ворота снаружи. Снимок Тораманяна.
Рис. 318. Ани, городская стена: северный угол города. Снимок Тораманяна.
Рис. 319. Ани, городская стена: северо-восточный угол церкви Св. Григора, построенной Тиграном Оненцом. Снимок Тораманяна.
Рис. 320. Ани, раскопки, вход в общественное здание. Снимок Марра.
Рис. 321. Ахтамар, церковь Св. Креста, наружные барельефы: деталь на северной стороне. Снимок Лалаяна.
Рис. 322. Ахтамар, церковь Св. Креста, наружный барельеф: деталь на северном фасаде. Снимок Лалаяна.
Рис. 323. Ани, церковь Св. Григора, построенная Тиграном Оненцом: часть купола.
Рис. 324. Хошаванк (Айкадзор), церковь: деталь южного фасада.
Рис. 325. Гегард, церковь монастыря: часть купола. Снимок Ермакова.
Рис. 326. Ани, городская стена. Лев у главных ворот. Снимок Кюркчяна.
Рис. 327. Дсех, церковь Св. Григора: деталь. Снимок Ермакова.
Рис. 328. Звартноц, собор: капитель с орлом.
Рис. 329. Гегард, монастырская церковь, южная сторона: деталь. Снимок Тораманяна.
Рис. 330. Касах, трехнефная церковь зального типа: восточный вход на южном фасаде. Снимок Тораманяна.
Рис. 331. Хахуванк, церковь: парное окно. Снимок Ермакова.
Рис. 332. Аштарак, церковь: обломок старого декора.
Рис. 333. Ани, Дворцовая церковь: барельеф с изображением двух всадников. Снимок Броссе.
Рис. 334. Ахтамар, церковь Св. Креста. Вид с северо-запада. Снимок Лалаяна.
Рис. 335. Ахтамар, церковь Св. Креста: южная сторона. Снимок Лалаяна.
Рис. 336. Ахтамар, церковь Св. Креста, южная сторона: Св. Саак и звери. Снимок Лалаяна.
Рис. 337. Ахтамар, церковь Св. Креста, южная сторона: Св. Амазасп и звери. Снимок Лалаяна.
Рис. 338. Ахтамар, церковь Св. Креста: восточная сторона. Снимок Лалаяна.
Рис. 339. Звартноц, собор: остатки мозаики.
Рис. 340. Талин, собор: живопись на арке апсиды.
Рис. 341. Ахтамар, церковь Св. Креста: настенная живопись. Снимок Лалаяна.
Рис. 342. Ани, церковь Св. Григора, основанная Тиграном Оненцом, притвор: деталь стены церкви.
Рис. 343. Ани, церковь Св. Григора, основанная Тиграном Оненцом, внутренний вид: юго-восточный угол.
Рис. 344. Эчмиадзин, Кафедральный собор, юго-западный угол. Снимок Ермакова.
Рис. 345. Эчмиадзин, Кафедральный собор: юго-западный угол, современное состояние.
Рис. 346. Иринд, октаконх: крестовый свод входного помещения.
Рис. 347. Монастырь Кечарис, церковь Св. Григора: внутренний вид с востока. Снимок Ермакова.
Рис. 348. Мрен, собор: пилон купола.

Рис. 349. Аламан, внутренний вид купола: северо-восточный угол.
Рис. 350. Внутренний вид армянского купола.
Рис. 351. Мцхет, церковь Св. Креста: боковое помещение, основание купола.
Рис. 352. Талин, собор: купол и упорная ниша на северной стороне.
Рис. 353. Ахпат, главная церковь: вид на кровлю с востока. Снимок Ермакова.
Рис. 354. Ани, церковь Св. Григора, основанная Тиграном Оненцом: вид с востока. Снимок Тораманяна.
Рис. 355. Аграк, тетраконх: кубиковидные завершения угловых полуколонок.
Рис. 356. Талин, собор, восточная апсида: деталь.
Рис. 357. Талин, собор, северная ниша: деталь.
Рис. 358. Талин, собор, южная ниша: деталь.
Рис. 359. Ани, Кафедральный собор: окончания наружных полуколонок. Зарисовки Тораманяна.
Рис. 360. Звартноц, собор: остатки декора.
Рис. 361. Хошаванк (Айкадзор), церковь Св. Григора, внутренний вид: северо-восточный угол.
Рис. 362. Звартноц, собор: корзиночная капитель.
Рис. 363. Бана, церковь: помещение в угловом пилоне. Снимок Тораманяна.
Рис. 364. Гарни, храм: остатки ионической колонны. Снимок Тораманяна.
Рис. 365. Двин, церковь Св. Григора: капители из церкви Св. Саргиса.
Рис. 366. Иринд, октаконх: головки наружных полуколонок.
Рис. 367. Ошакан: восьмигранный пилон со сферической капителью. Снимок Смирнова.
Рис. 368. Ани, церковь Св. Григора (Гагкашен): ионическая капитель со сферической головкой. Снимок Марра.
Рис. 369. Текор, церковь Св. Саргиса: замурованный южный вход.
Рис. 370. Ани, церковь Спасителя: двери. Снимок Кюркчяна.
Рис. 371. Мармашен, северная постройка: декоративная арка и окно южной стены.
Рис. 372. Текор, церковь Св. Саргиса, северная сторона: деталь.
Рис. 373. Аграк, тетраконх: западный вход. Снимок Смирнова.
Рис. 374. Одзун, главная церковь: западный вход и портик.
Рис. 375. Монастырь Кечарис, церковь Св. Григора: западный вход жаматуна. Снимок Ермакова.
Рис. 376. Ани, собор: прямоугольное окно. Снимок Кюркчяна.
Рис. 377. Одзун, главная церковь: окно в южном щипце.
Рис. 378-379. Звартноц, собор: венчающий карниз.
Рис. 380. Текор, церковь Св. Саргиса: апсида.
Рис. 381. Развитие типов армянских церквей по Бахману.
Рис. 382. Эчмиадзин, Кафедральный собор: план. Обмер Тораманяна.
Рис. 383. Эчмиадзин, Кафедральный собор: вид с севера. Снимок Тораманяна.
Рис. 384. Эчмиадзин, Кафедральный собор: вид с юга. Снимок Тораманяна.
Рис. 385. Эчмиадзин, Кафедральный собор: попытка реставрации Тораманяном.
Рис. 386. Текор, церковь Св. Саргиса: вид с юго-запада, современное состояние.
Рис. 387. Текор, церковь Св. Саргиса: план. Обмер Тораманяна.
Рис. 388. Текор, церковь Св. Саргиса: продольный разрез (вид с севера, без боковых входов). Обмер Тексье.
Рис. 389. Текор, церковь Св. Саргиса, внутренний вид: северо-восточный угол.

Рис. 390. Текор, церковь Св. Саргиса: вид с востока.
Рис. 391. Текор, церковь Св. Саргиса: северо-восточный пилон.
Рис. 392. Текор, церковь Св. Саргиса: последовательное развитие трех построек продольного типа по Тораманяну.
Рис. 393. Текор, церковь Св. Саргиса: превращение третьей церкви продольного типа в купольный тип по Тораманяну.
Рис. 394. Гарни, храм: задняя сторона.
Рис. 395. Гарни, храм: угол фронтона.
Рис. 396. Пасаргады, гробница Кира. Снимок Сарре.
Рис. 397. Ферахабад (Мазандаран), мечеть: основание купола. Снимок Дица.
Рис. 398. Мгвиме: деревянная церковная дверь. Снимок Ермакова.
Рис. 399. Амагу, церковь Св. Богородицы: облицовка плитами. Снимок Ермакова.
Рис. 400. Монастырь Кечарис. Церковь Св. Григора: купол жаматуна. Снимок Ермакова.
Рис. 401. Джераш, термы: висячий купол. Снимок Пухштейна.
Рис. 402. Равенна, мавзолей Галлы Плацидии: внешний вид. Снимок Хаммершлага.
Рис. 403. Безеклик. Купольная постройка с тромпами. Снимок Ольденбурга.
Рис. 404. Ходжо, развалины Т1: тромп. Снимок Ле Кока.
Рис. 405. Ходжо, развалины Т1: план. Снимок Ле Кока.
Рис. 406. Кох-и-Куаджа: развалины города, купольные постройки. Снимок Лакоста.
Рис. 407. Деревня Кишмар и Алиабад. Снимок Дица.
Рис. 408. Хорасан: купольная постройка. Снимок Лоренса.
Рис. 409. Себзевар, караван-сарай: деталь. Снимок Дица.
Рис. 410. Бус-и-Хор: купольная постройка. Снимок Дица.
Рис. 411. Бус-и-Хор: купольная постройка, внутренний вид. Снимок Дица.
Рис. 412. Сарвистан, дворец: основание купола. Снимок Дьелафуа.
Рис. 413. Сарвистан, дворец: план. Обмер Косте.
Рис. 414-416. Образование купола с тромпами по Дьелафуа.
Рис. 417. Текор, купол: вид снаружи. Снимок Наапетяна.
Рис. 418. Равенна, мавзолей Галлы Плацидии: внешний вид. Снимок Риччи.
Рис. 419. Дираклар (Карнут), церковь: вид с северо-запада.
Рис. 420. Архитектурные формы церквей Тур-Абдина. Планы: а) Мидьят, Мар Ибрагим и Убил, б) Арнас, Мар Кириакос, в) Хах, Мар Сово, г) Мар Ауген, д) Дираклар (Карнут).
Рис. 421. Хатра, главный дворец: помещение верхнего этажа. Снимок Андре.
Рис. 422. Хасс: надгробные постройки. Зарисовка де Вогюэ.
Рис. 423. Хатра, главный дворец: южный айван. Снимок Андре.
Рис. 424. Салах, Мар Якуб: свод. Снимок Белл.
Рис. 425. Монастырь Санаин, церковь Спасителя, внутренний вид: вид на северо-восточный угол.
Рис. 426. Аштарак, трехнефная церковь, покрытая цилиндрическим сводом: верхняя часть западной стены изнутри.
Рис. 427-429. Разрезы по галереям: а) Ерерук, б) Текор, в) Одзун.
Рис. 430. Текор, церковь: северо-западный угол.
Рис. 431. Ерерук, базилика: ползучие цилиндрические своды боковых помещений.
Рис. 432. Гарни, храм: фрагмент фриза.
Рис. 433. Гарни, храм: фрагмент фриза. Снимок Тораманяна.

Рис. 434. Гарни, храм: капитель и фрагмент карниза. Снимок Тораманяна.
Рис. 435. Гарни, храм: обломки постройки.
Рис. 436. Гарни, храм: нижние грани фрагментов архитравов. Снимок Тораманяна.
Рис. 437. Лмбатаванк, церковь: замурованная каменная балка.
Рис. 438. Текор, церковь: северная апсида галереи и восточный вход на северной стороне.
Рис. 439. Текор, церковь: северо-восточный угол.
Рис. 440. Текор, церковь: база декоративных колонн на северной стороне.
Рис. 441. Гарни, храм: лиственная капитель.
Рис. 442. Текор, церковь: западный вход на северной стороне.
Рис. 443. Капитель из Аруча: передняя сторона.
Рис. 444. Капитель из Аруча: оборотная сторона.
Рис. 445. Касах: капитель.
Рис. 446. Ерерук, базилика: восточный вход на южной стороне. Капитель и входная перемычка.
Рис. 447. Ерерук, базилика: западный вход.
Рис. 448. Касах, церковь: западный вход на южной стороне.
Рис. 449. Касах: а) юго-западный угол с началом фронтона, б) консольный карниз.
Рис. 450. Бакирха, церковь: торцевая стена.
Рис. 451. Салах, Мар Якуб: южная сторона.
Рис. 452. Рипсиме: обрамление окна на западной стене.
Рис. 453. Ани, Дворцовая церковь: декор западного фронтона. Зарисовка Тораманяна.
Рис. 454. Ани, Дворцовая церковь: детали внутреннего убранства. Зарисовка Тораманяна.
Рис. 455-456. Звартноц, собор: внутренние капители. Обмер Тораманяна.
Рис. 457. Звартноц, собор: капитель с монограммой “Narsou”.
Рис. 458. Звартноц, собор: капитель с монограммой “Katholikos”.
Рис. 459. Звартноц, собор: капитель с орлом. Снимок Тораманяна.
Рис. 460. Ани, музей: капители из Ерерука.
Рис. 461. Звартноц, собор: обломки декора, собранные у западного входа.
Рис. 462. Звартноц, собор: обломки декора, собранные у западного входа (продолжение).
Рис. 463-465. Текор, церковь Св. Саргиса: капитель, украшенная виноградной листвой. Снимок Тораманяна.
Рис. 466. Звартноц, собор: антрвольт, украшенный виноградной листвой и гранатами (в перевернутом виде).
Рис. 467. Звартноц, собор: обломки облицовки декоративных арок наружного фасада.
Рис. 468. Звартноц, собор: антрвольт декоративных арок.
Рис. 469. Огузлу, церковь, южный вход: изображение всадника. Снимок Тораманяна.
Рис. 470. Гндеванк: входная перемычка. Снимок Ермакова.
Рис. 471. Мрен, собор: западный вход. Снимок Наапетяна.
Рис. 472. Мрен, собор, северный вход: входная перемычка.
Рис. 473. Мрен, собор, западный вход: деталь слева.
Рис. 474. Мрен, собор, западный вход: деталь справа.
Рис. 475. Ани, церковь Св. Григора (Гагкашен): статуя основателя. Снимок Марра.

Рис. 476. Мцхет, церковь Св. Креста, южная конха: рельеф основателя. Снимок Ермакова.
Рис. 477. Мцхет, церковь Св. Креста, восточная апсида: южная сторона. Снимок Ермакова.
Рис. 478. Ахтамар, церковь Св. Креста, западная сторона: рельеф основателя. Снимок Лалаяна.
Рис. 479. Одзун, притвор: деталь на западной стене.
Рис. 480. Примеры расчленения стен полуколонками: 1. Из дворца Ашурбанипала, 2-4. Из Варки. Рисунок Дьелафуа.
Рис. 481. Каир, мечеть аль-Гуюши: вход со стороны двора. Снимок ван Берхема.
Рис. 482. Ассур, базальтовая капитель (в перевернутом виде).
Рис. 483. Бахира: колонна Ашоки. По Смиту.
Рис. 484-485. Эндиркаш: колонна. Зарисовка Моргана.
Рис. 486. Артик, собор: деталь юго-западного фасада.
Рис. 487. Мцхет: церковь Св. Креста, боковой придел: полуколонка со сферической капителью.
Рис. 488. Мармашен, главная церковь: средняя часть западной стены. Снимок Тораманяна.
Рис. 489. Нахш-и-Рустем. Алтари огнепоклонников с декоративными арками. Снимок Дьелафуа.
Рис. 490. Фирузабад, дворец: попытка реставрации. Зарисовка Дьелафуа.
Рис. 491. Фирузабад, дворец: отделка ограждающих стен. Снимок Дьелафуа.
Рис. 492. Хах, церковь Эль Хадра, купол: декоративные арки. Снимок Белл.
Рис. 493. Равенна, мавзолей Теодориха: отделка декоративными арками. Снимок Гаупта.
Рис. 494. Амман, замок, тетраконх: внутренний юго-западный угол. Снимок Зобернхайма.
Рис. 495. Амман, конховый квадрат. Нижние карликовые ниши: детали. Снимок Пухштейна.
Рис. 496. Амман: конховый квадрат: нижние карликовые ниши. Снимок Пухштейна.
Рис. 497. Амман, конховый квадрат: правая сторона южной стены. Снимок Зобернхайма.
Рис. 498. Ани, церковь Св. Григора (Гагкашен): фрагменты декора. Снимок Тораманяна.
Рис. 499. Ани, церковь Св. Григора (Гагкашен): фрагменты декора. Снимок Тораманяна.
Рис. 500. Ани, церковь Св. Григора (Гагкашен): колонна обхода, детали. Снимок Тораманяна.
Рис. 501. Ани, музей: фрагмент деревянной детали. Снимок Марра.
Рис. 502. Ани, замок: так называемая Усыпальница царских детей. Южная сторона. Снимок Тораманяна.
Рис. 503. Сионская церковь в Болниси: вид с юго-запада. Снимок Ермакова.
Рис. 504. Мисмийе: преториум, внутренний вид. Снимок де Вогюэ.
Рис. 505. Лмбатаванк, церковь Св. Степаноса: детали юго-западной стороны. Снимок Тораманяна.

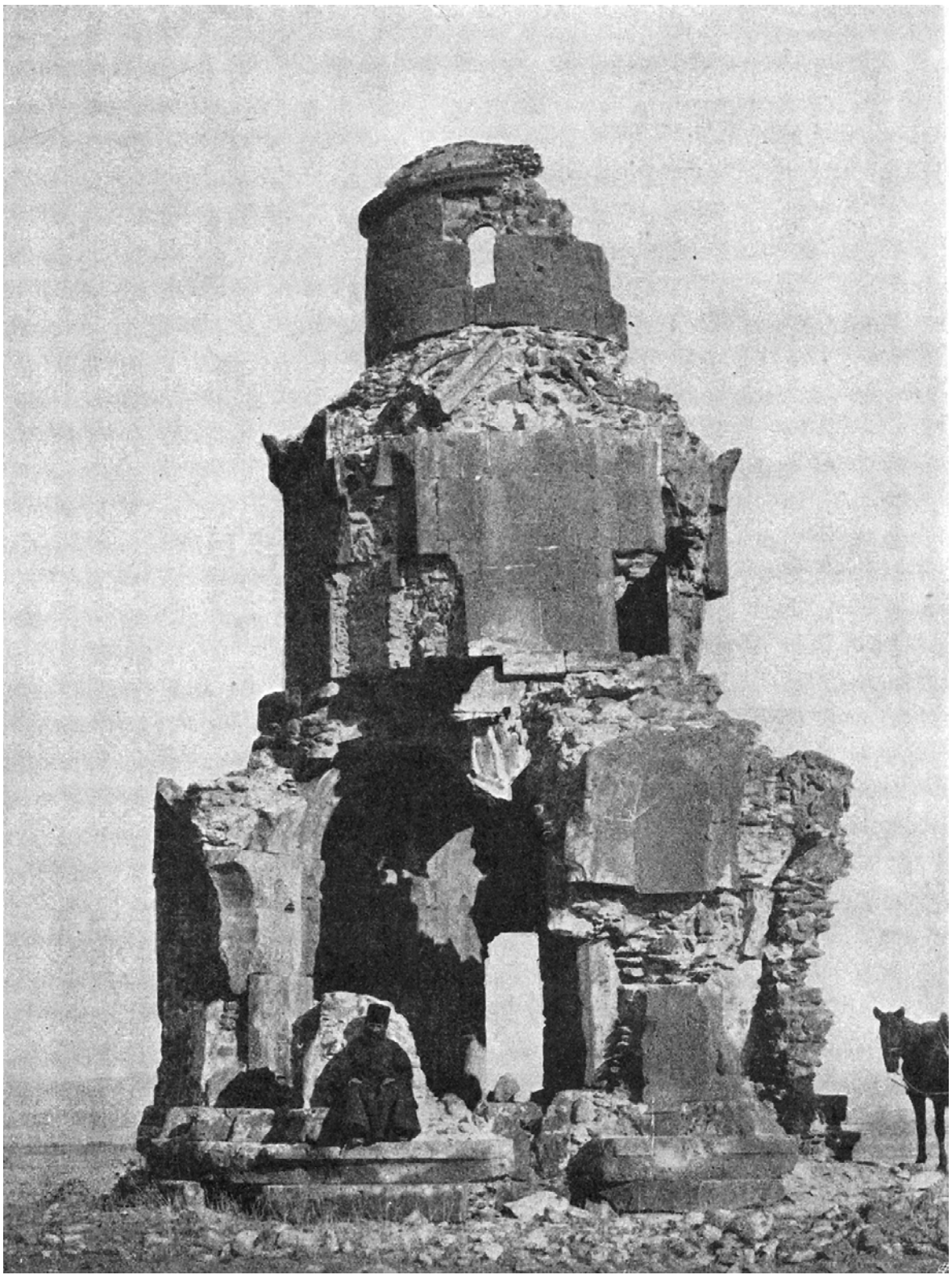

Рис. 248. Ани. Пастушья церковь. Снимок Тораманяна

Рис. 249. Тайлар, церковь: вид с юга. Снимок Наапетяна

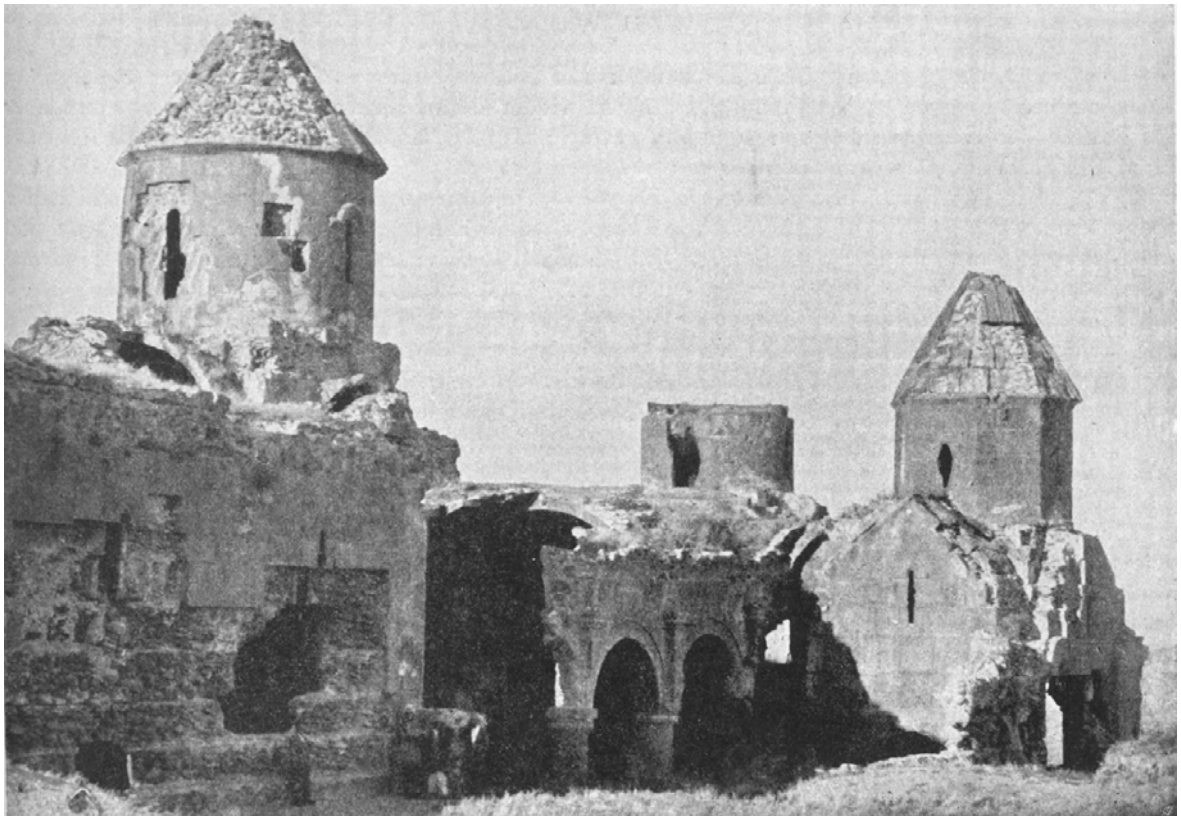

Рис. 250. Монастырь Багнайр, группа церквей: наружный вид. Снимок Наапетяна

Рис. 251. Звартноц, собор: обломок свода

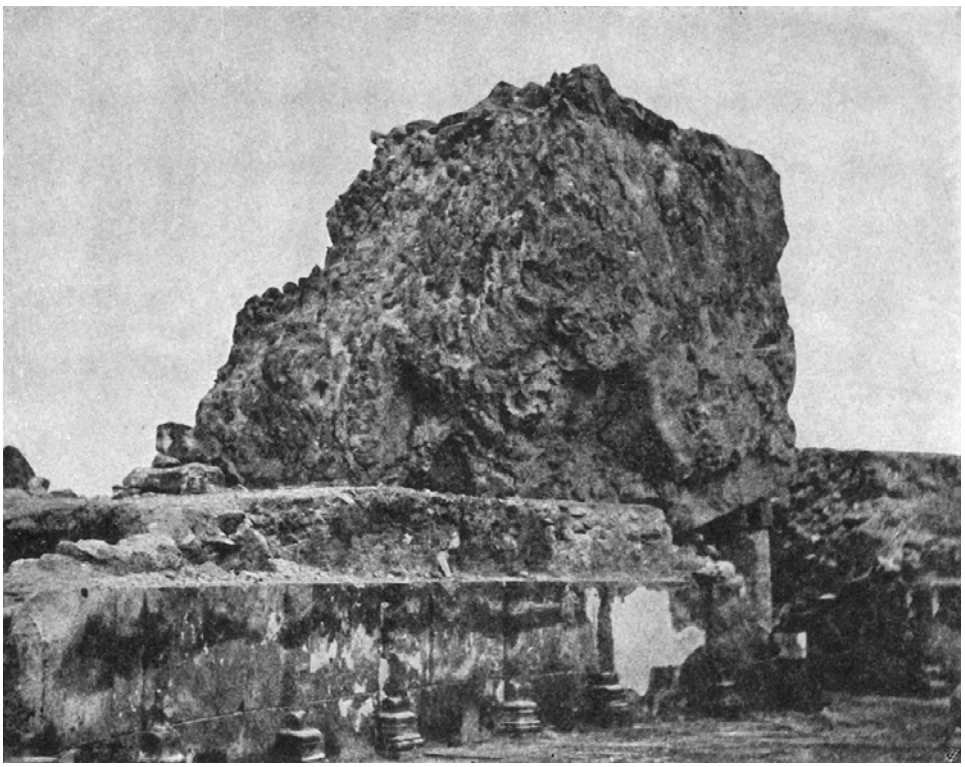

Рис. 252. Звартноц, собор: обломок свода

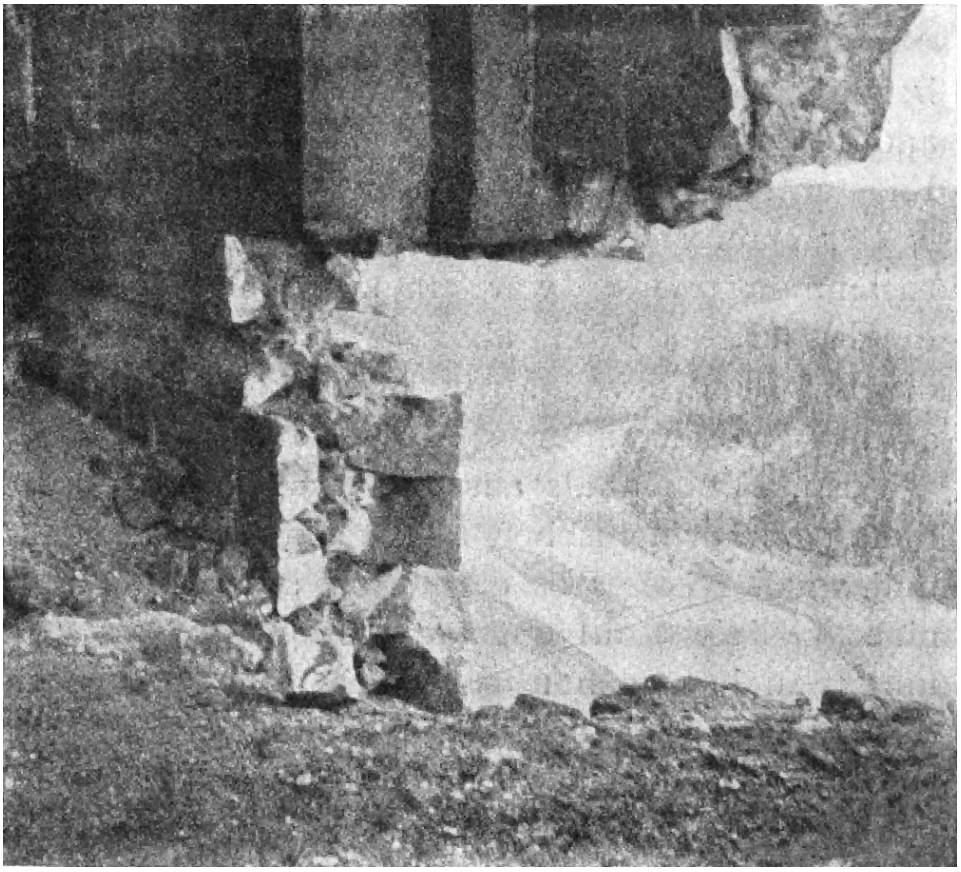

Рис. 253. Ани, кладка стен постройки в стороне долины реки Ахурян. Снимок Тораманяна

Рис. 254. Текор, церковь Св. Саргиса, внутренний вид: своды, обрушившиеся вместе с куполом. Вид со стороны входа

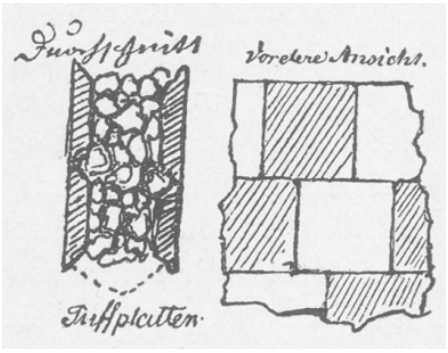

Рис. 255. Конструкция стены по Абиху. Разрез. Вид спереди

Рис. 256. Ани, развалившаяся постройка. Снимок Тораманяна

Рис. 257. Огузлу, церковь: можно ясно различить старую часть постройки от реставрированной. Снимок Тораманяна

Рис. 258. Караванк, свод северного придела церкви. Снимок Ермакова

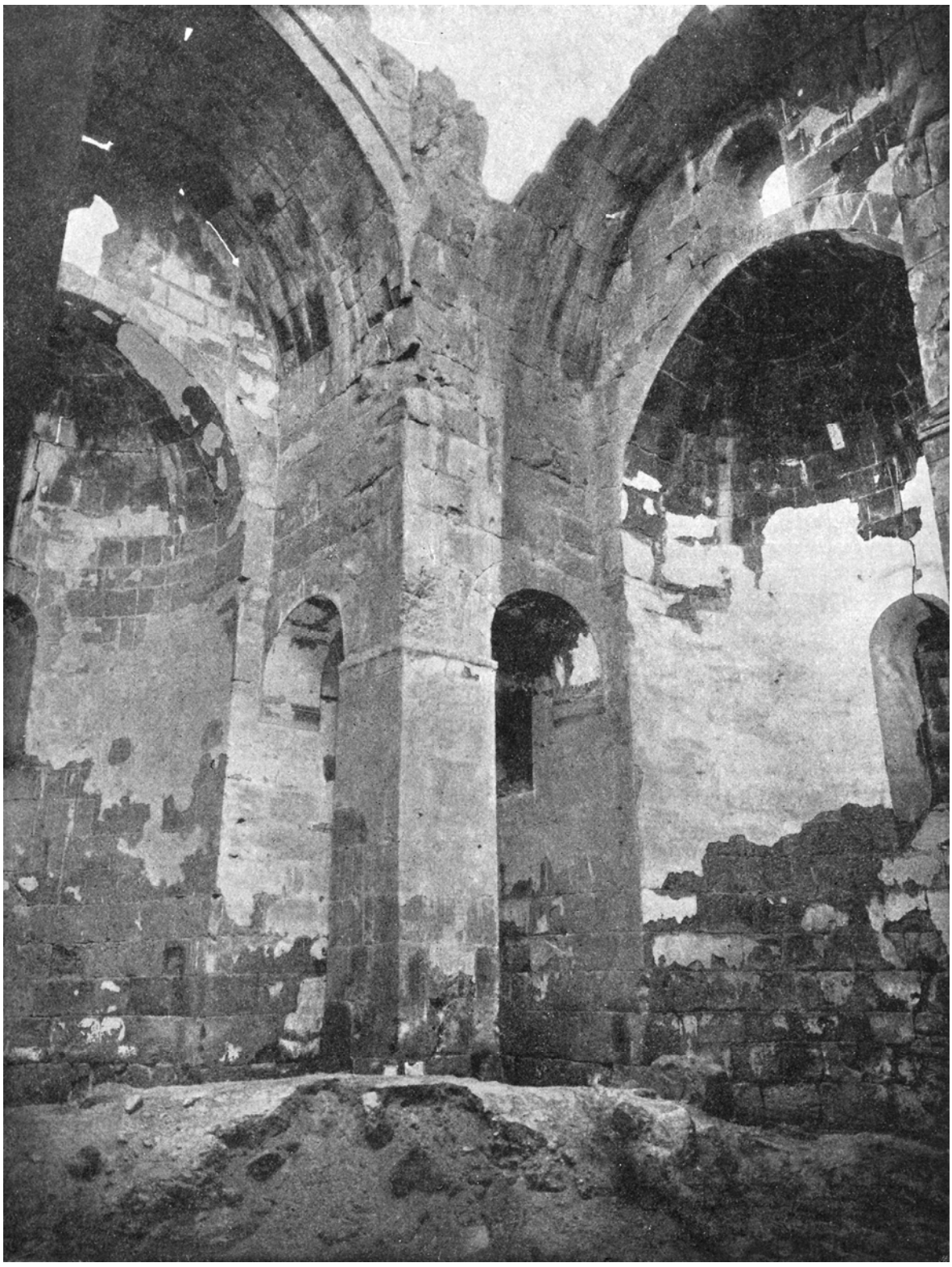

Рис. 259. Багаран, собор: северо-западный пилон

Рис. 260. Мастара, квадрат с куполом и опорными нишами на осях. Вид западной упорной ниши

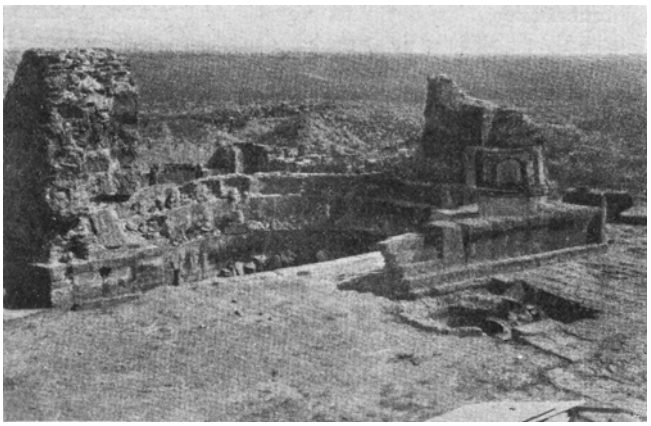

Рис. 261. Звартноц, собор: раскопки за амвоном

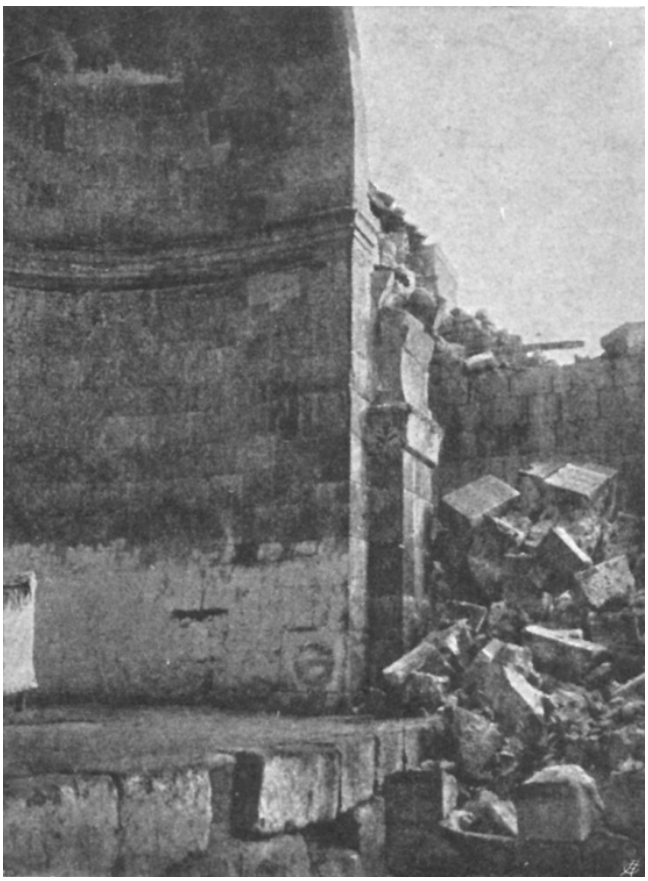

Рис. 262. Текор, церковь Св. Саргиса: апсида с амвоном

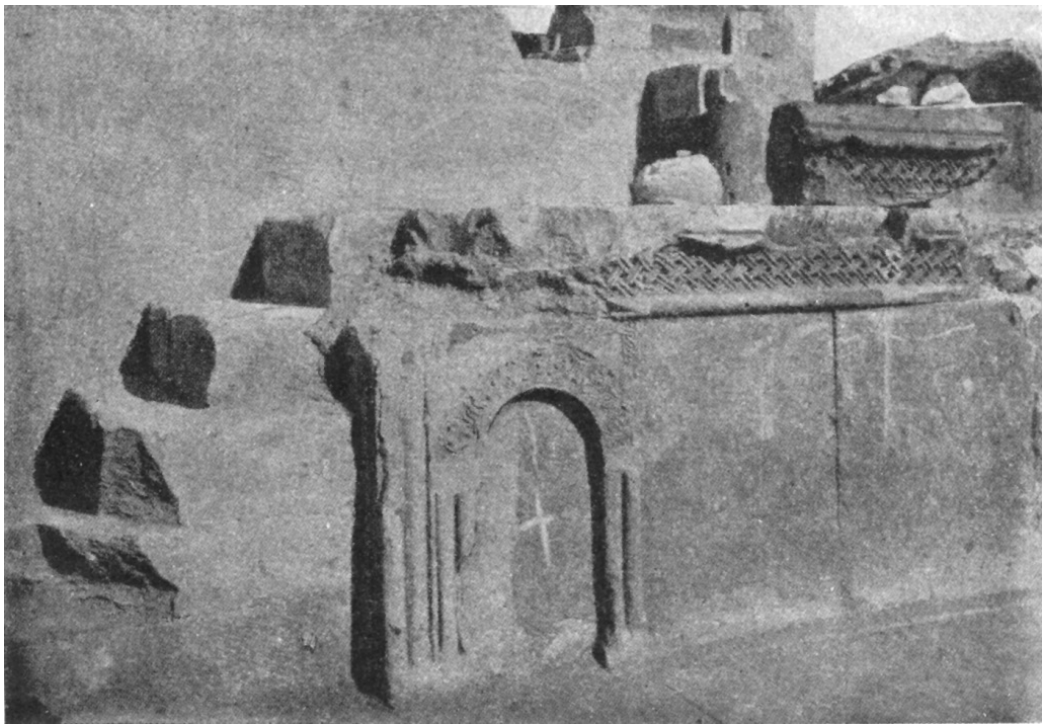

Рис. 263. Ани, церковь Св. Григора, построенная Гагиком: амвон.
Снимок Марра

Рис. 264. Амагу, церковь Св. Григора: апсида с амвоном.
Снимок Ермакова

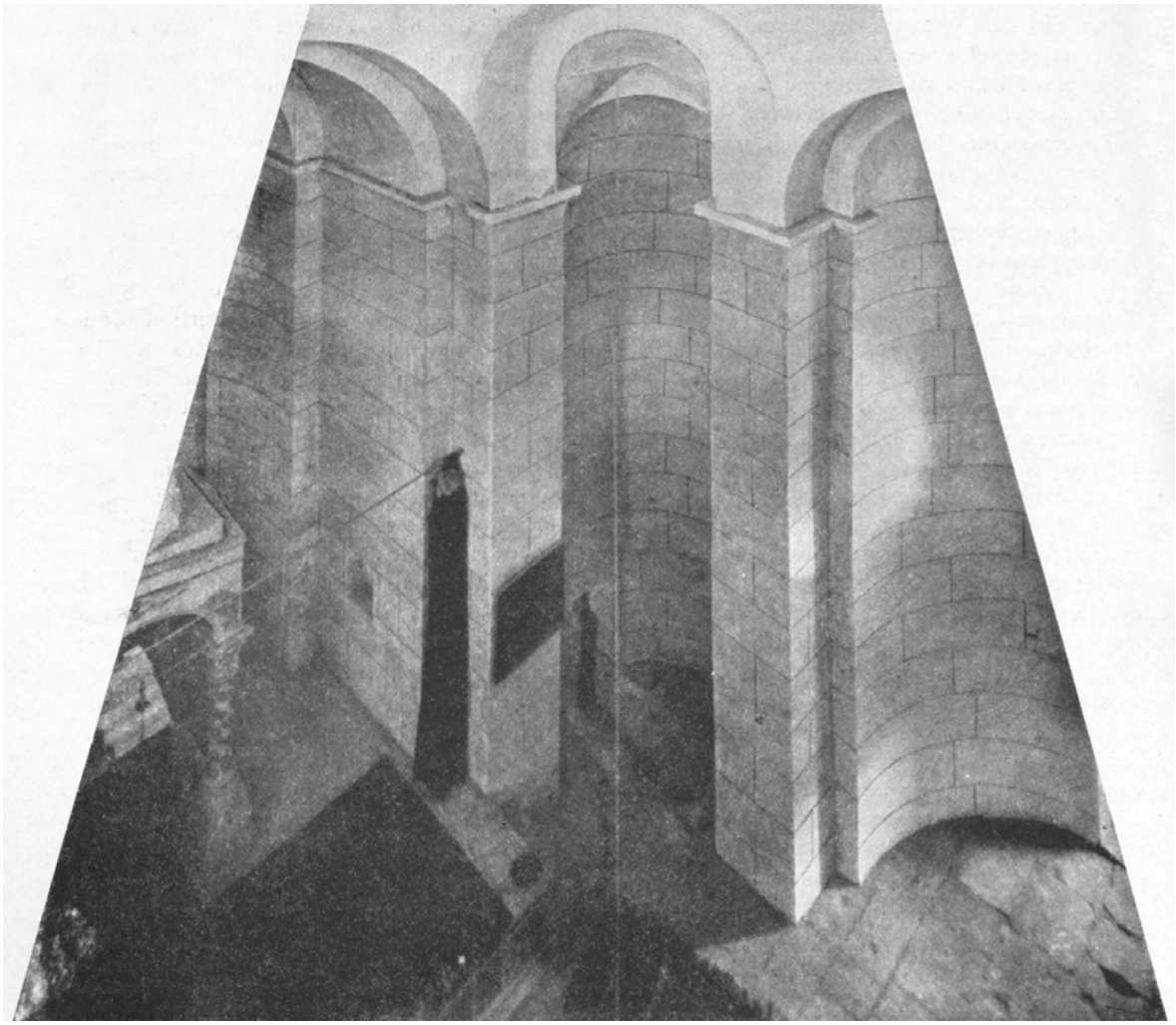

Рис. 265. Вагаршапат, церковь Рипсиме, внутренний юго-восточный угол: амвон, алтарь и киворий

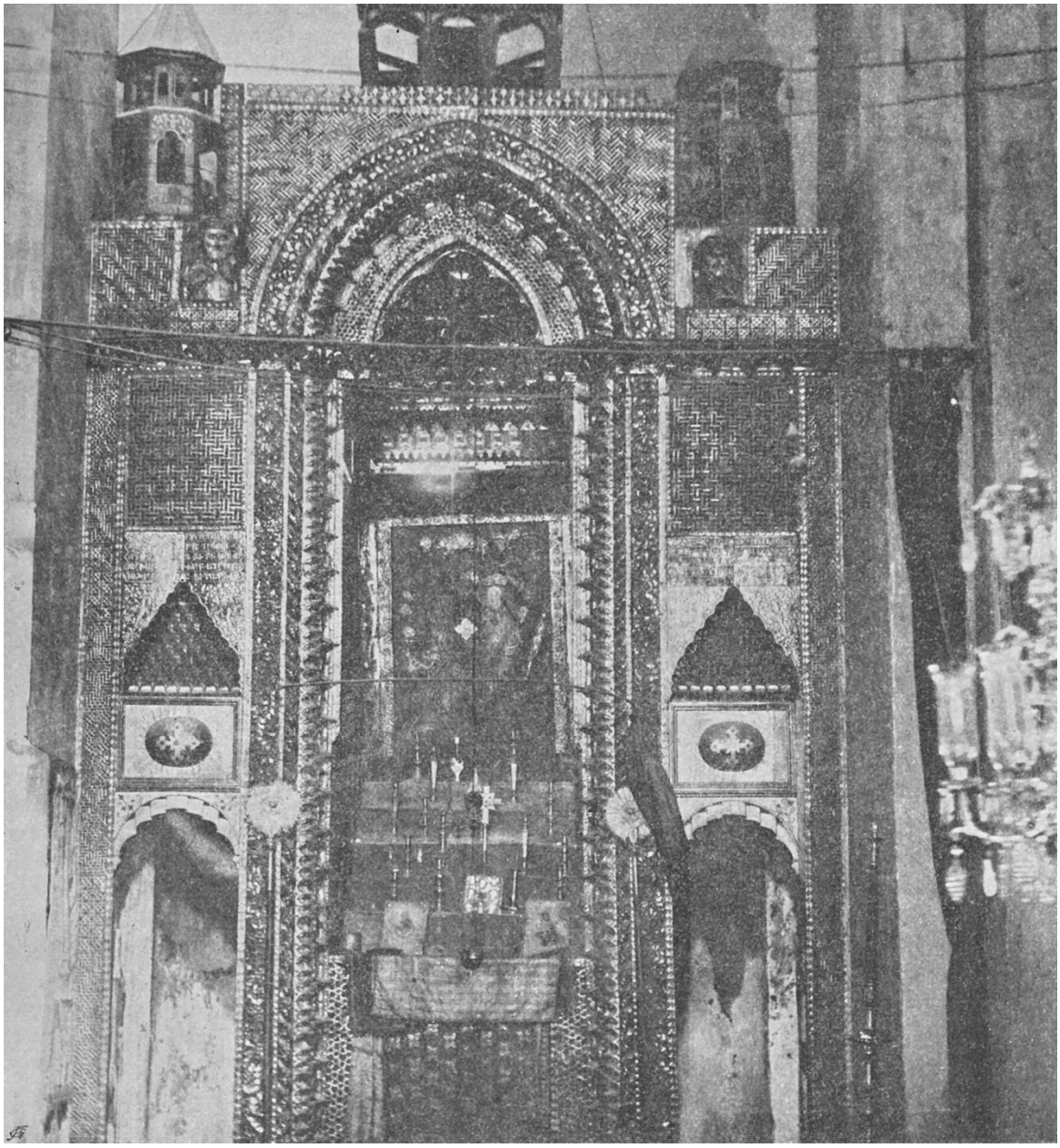

Рис. 266. Ахтамар, церковь Св. Креста, внутренний вид, держатель креста.
Снимок Лалаяна

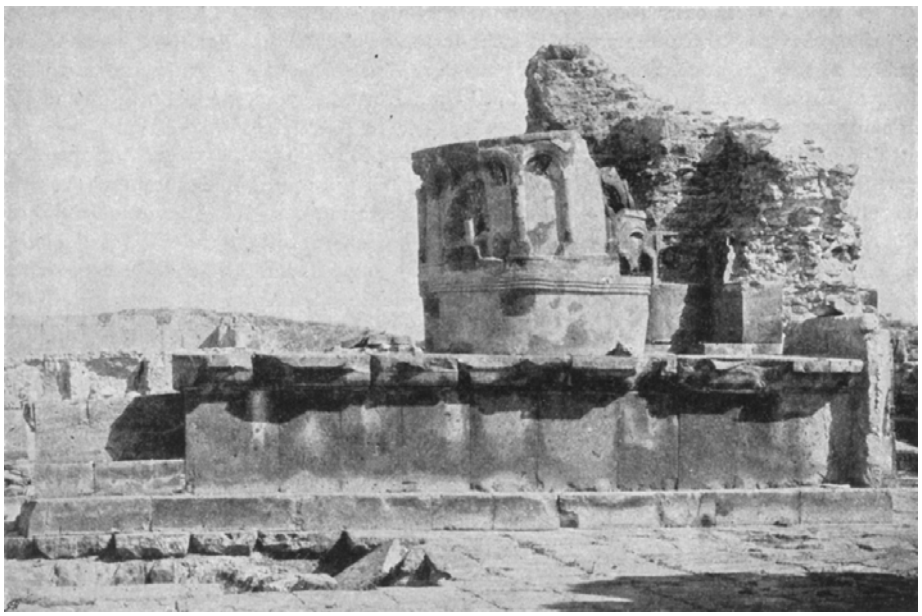

Рис. 267. Звартноц, собор: амвон с круглой надстройкой

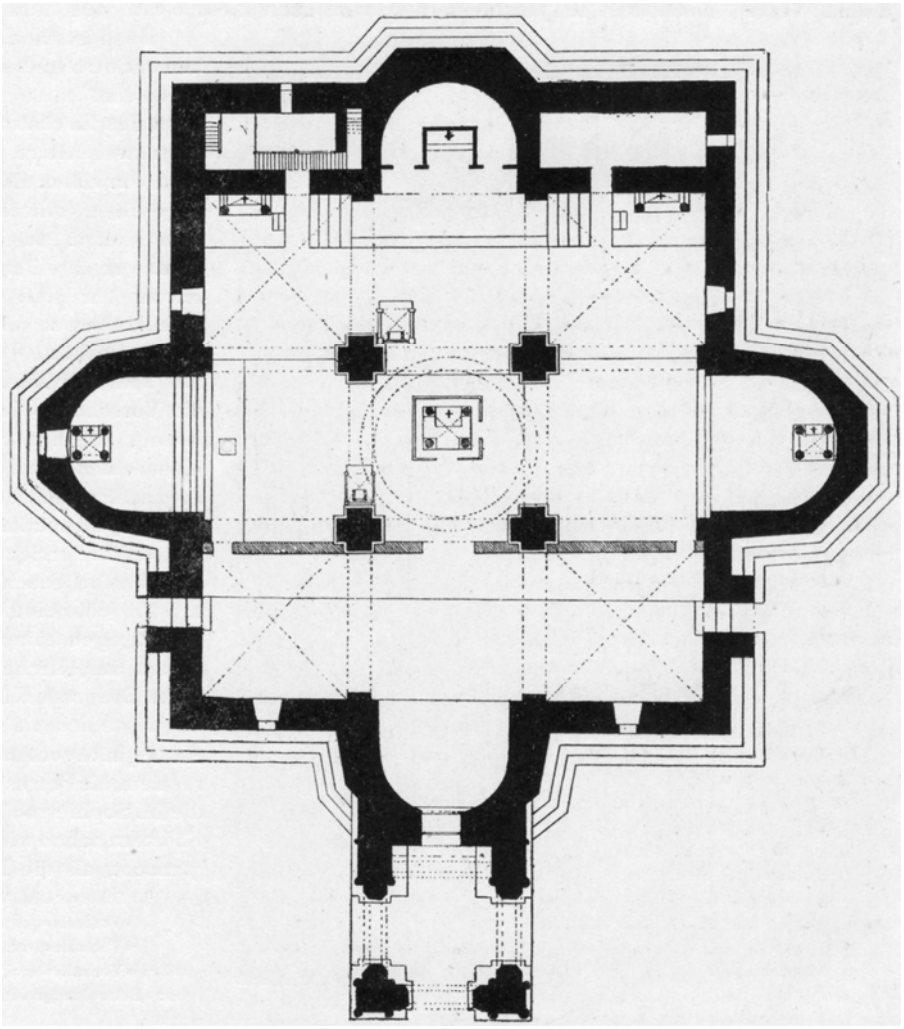

Рис. 268. Эчмиадзин. Кафедральный собор: план, обмер Броссе

Рис. 269. Багаран, собор: остаток пристроенного придела
на юго-восточной стороне

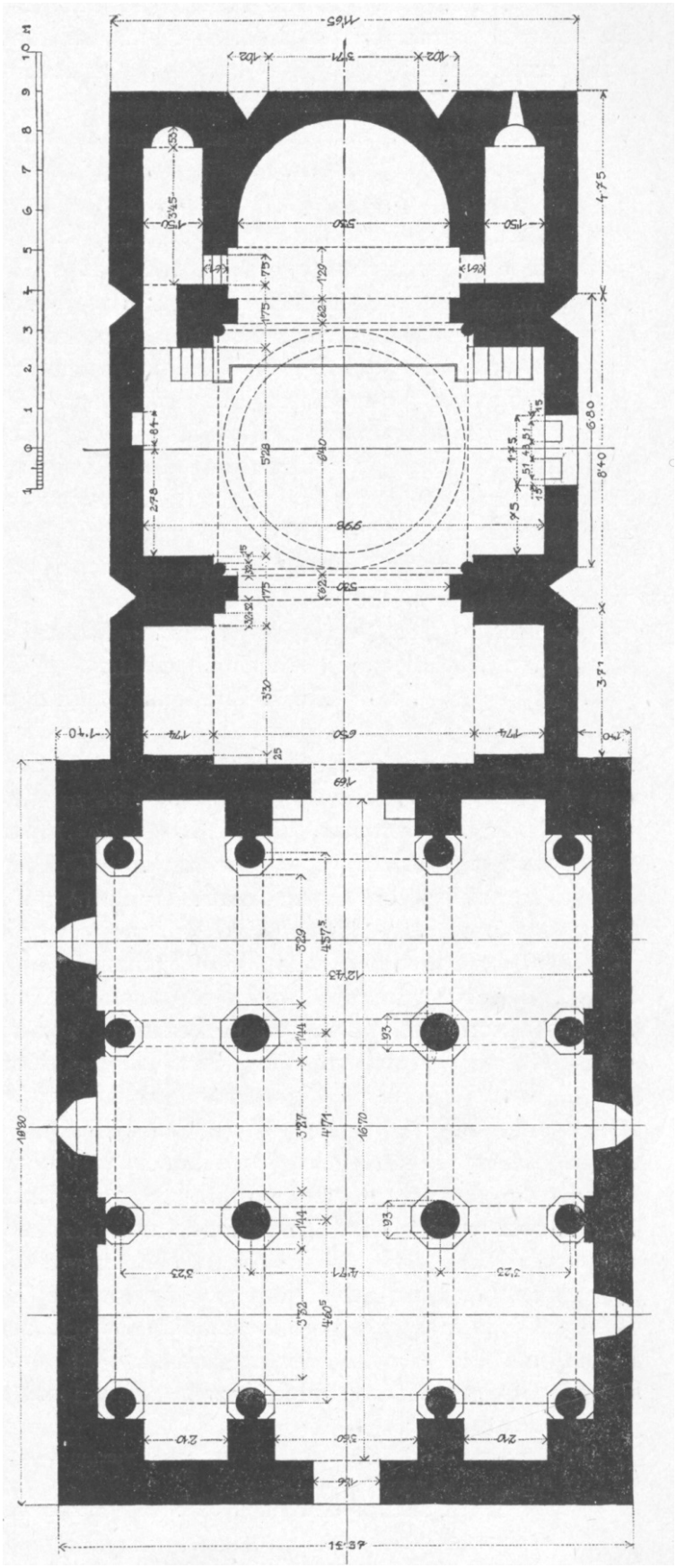

Рис. 270. Монастырь Оромос, церковь Иоанна с жаматуном: план.
Обмер Тораманяна

Рис. 271. Звартноц, церковь Св. Григория Просветителя, обход:
купель за главной апсидой

Рис. 272. Эчмиадзин, музей: бронзовый котел

Рис. 273. Текор, церковь Св. Саргиса: каменная купель

Рис. 274. Монастырь Оромос, церковь Св. Иоанна с жаматуном: вид с юго-запада. Снимок Тораманяна

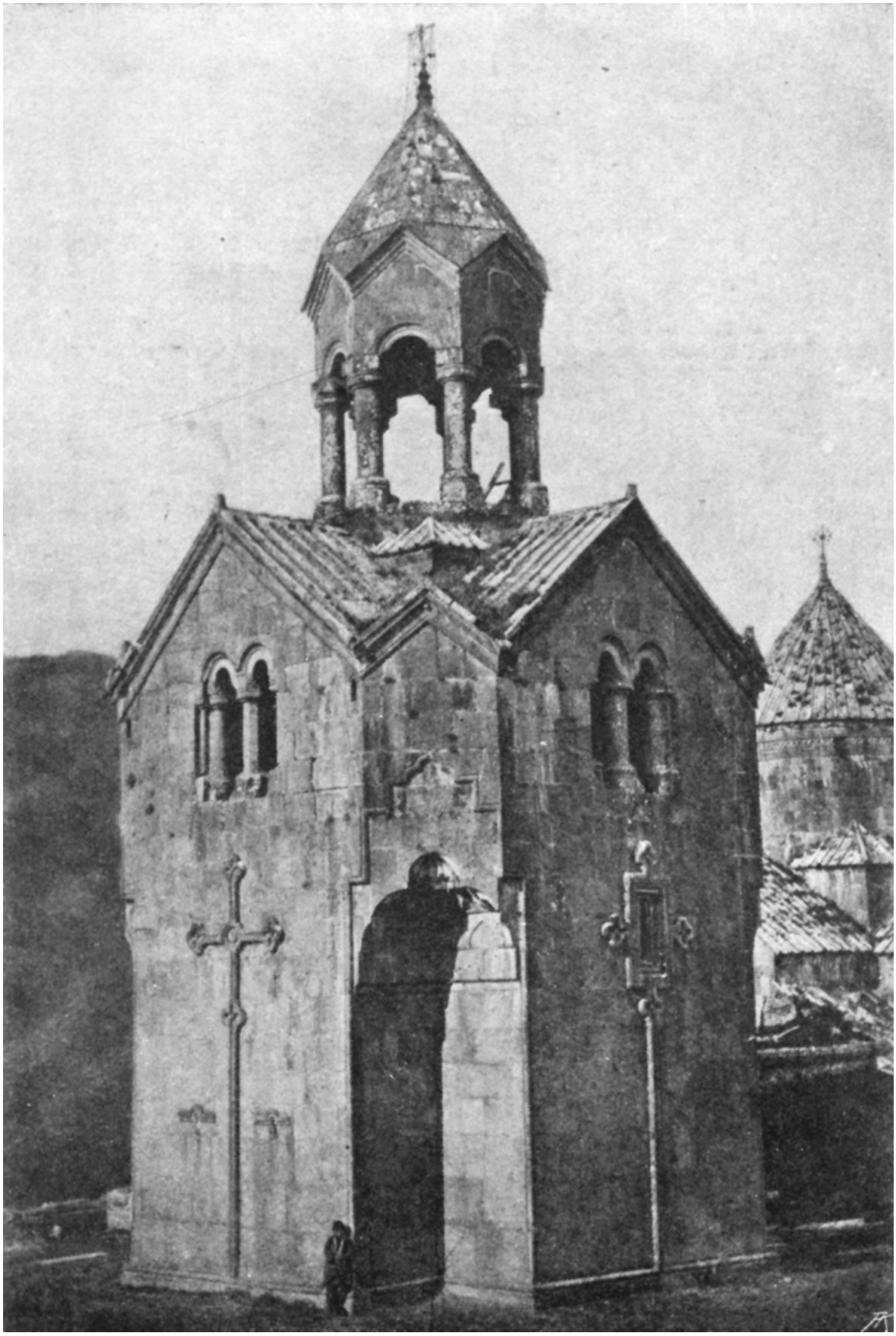

Рис. 275. Ахпат, монастырь: колокольня. Снимок Гримма

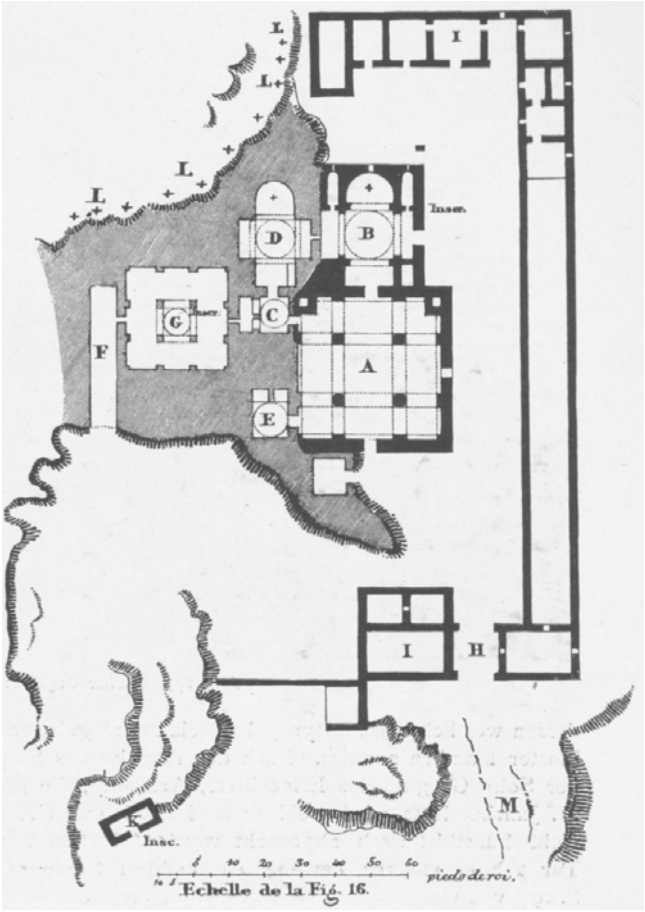

Рис. 276. Монастырь Гегард: план. Обмер Дюбуа

Рис. 277. Монастырь Гегард: вид с востока. Снимок Ермакова

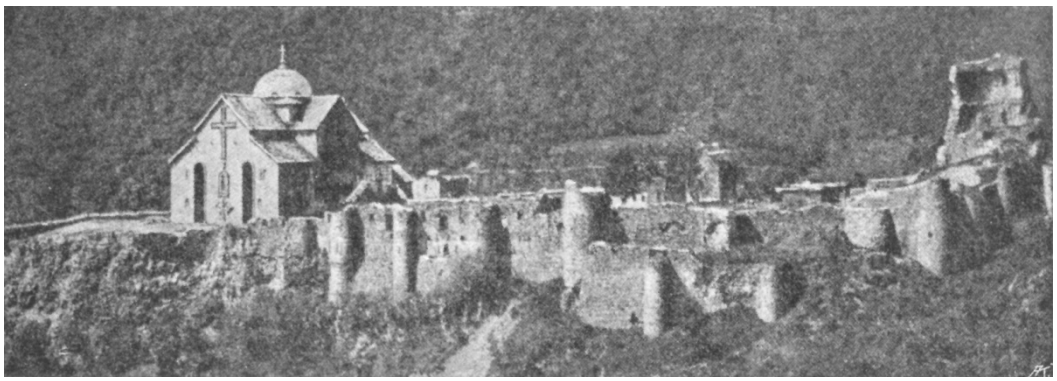

Рис. 278. Монастырь Ахтала: вид крепости и церкви. Снимок Лалаяна

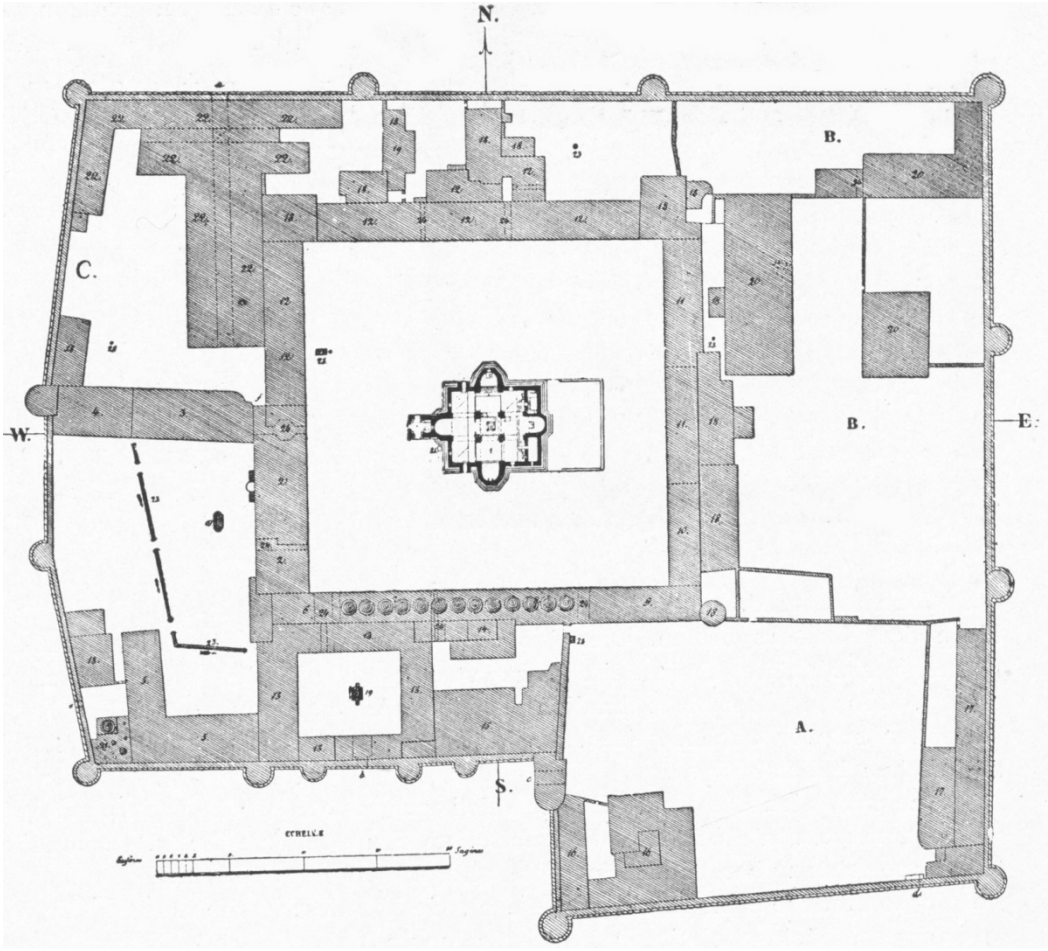

Рис. 279. Монастырь Эчмиадзин: план. Обмер Броссе. 1. Кафедральный собор, 2. Резиденция католикоса, 3. Кельи монахов, 4. Старая типография, 5. Синодальная канцелярия, 6. Библиотека, 7. Трапезная, 8. Типография, 9. Магазин, 10. Пекарня, 11. Семинария, 12. Кельи, 13. Дом паломников, 14. Кухня, 15. Магазин, 16. Сараи, 17. Амбар для зерна, 18. Комнаты для прислуги, 19. Бассейн, 20. Конюшни и сараи, 21. Купальни, 22. Базар, 23. Родники, колодцы, 24. Коридоры, 25. Памятник полковнику Макдональду, А. Газарапат, Б. Скотный двор, В. Передний двор, а) Ворота базара, б) Ворота Газарапата, в) Ворота Мсри-Дурн, г) Ворота Кали-Дурн, д) Ворота купален, е) Ворота Трдата

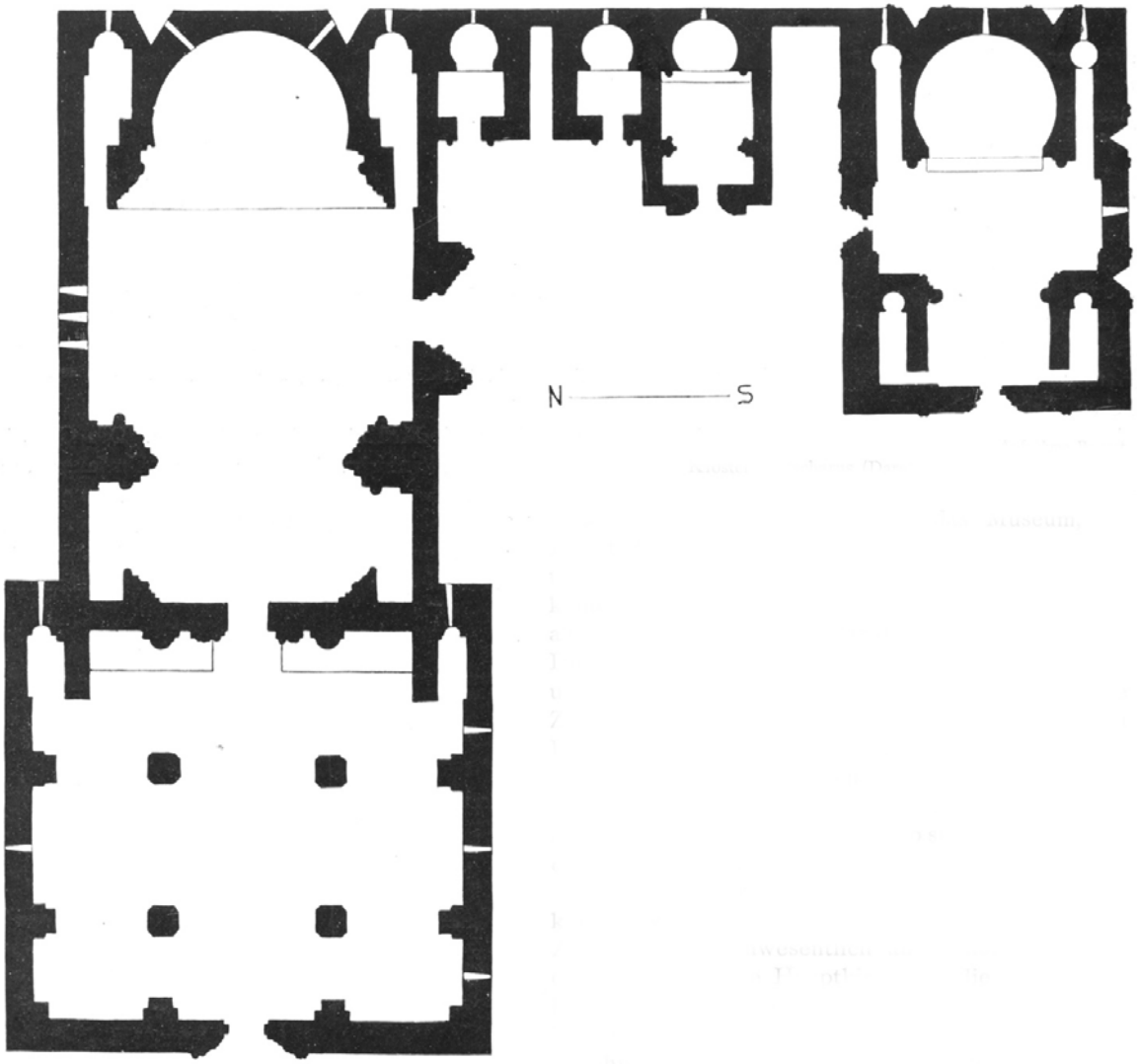

Рис. 280. Монастырь Кечарис: план. Обмер Броссе

Рис. 281. Монастырь Кечарис: вид с юго-запада. Снимок Ермакова

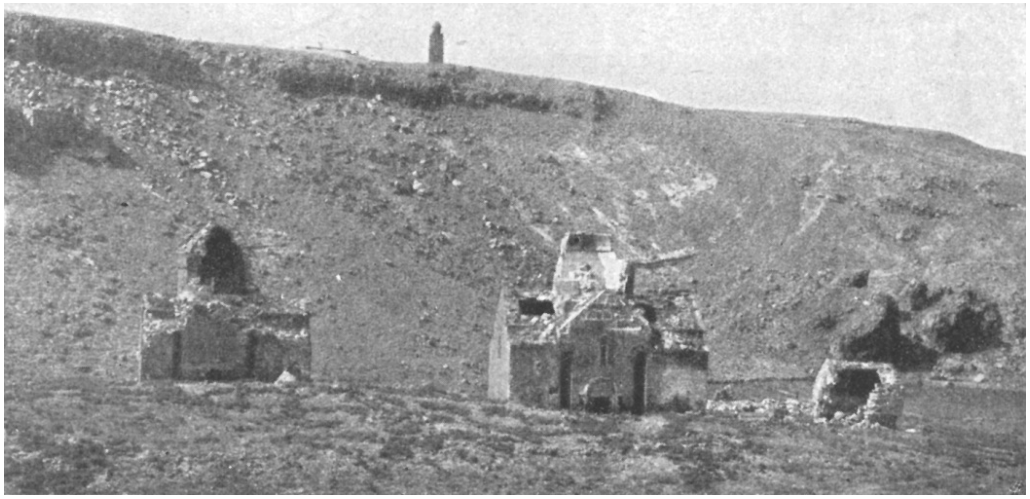

Рис. 282. Монастырь Оромос: три церкви в долине, вид с юга. Снимок Тораманяна

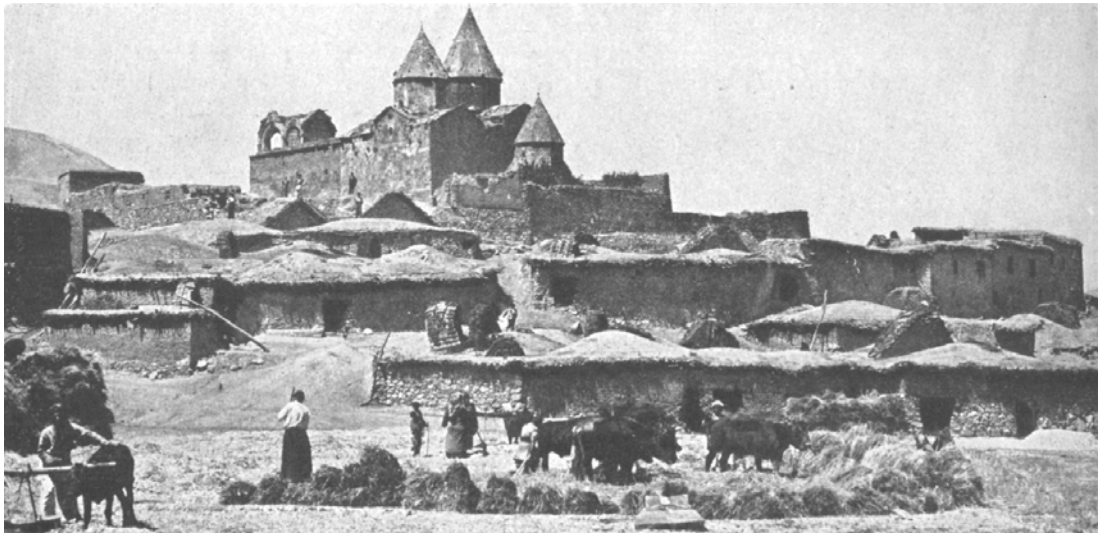

Рис. 283. Монастырь Нарекаванк: вид снаружи. Снимок Лалаяна

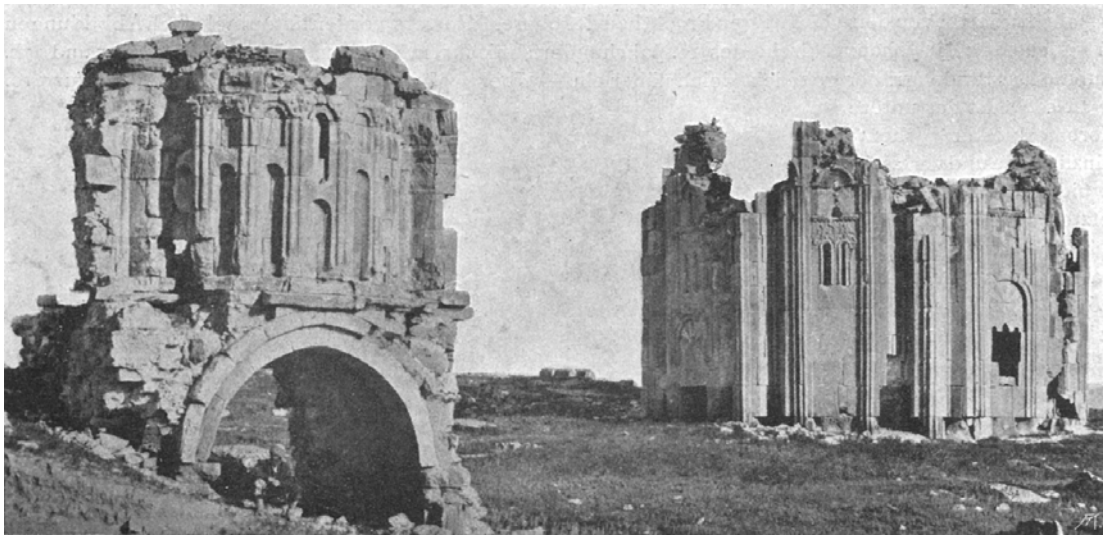

Рис. 284. Варзаан, группа построек: церковь справа. Снимок Ермакова

Рис. 285. Хцконк: надгробный камень рядом с церковью Св. Саргиса.
Снимок Смирнова

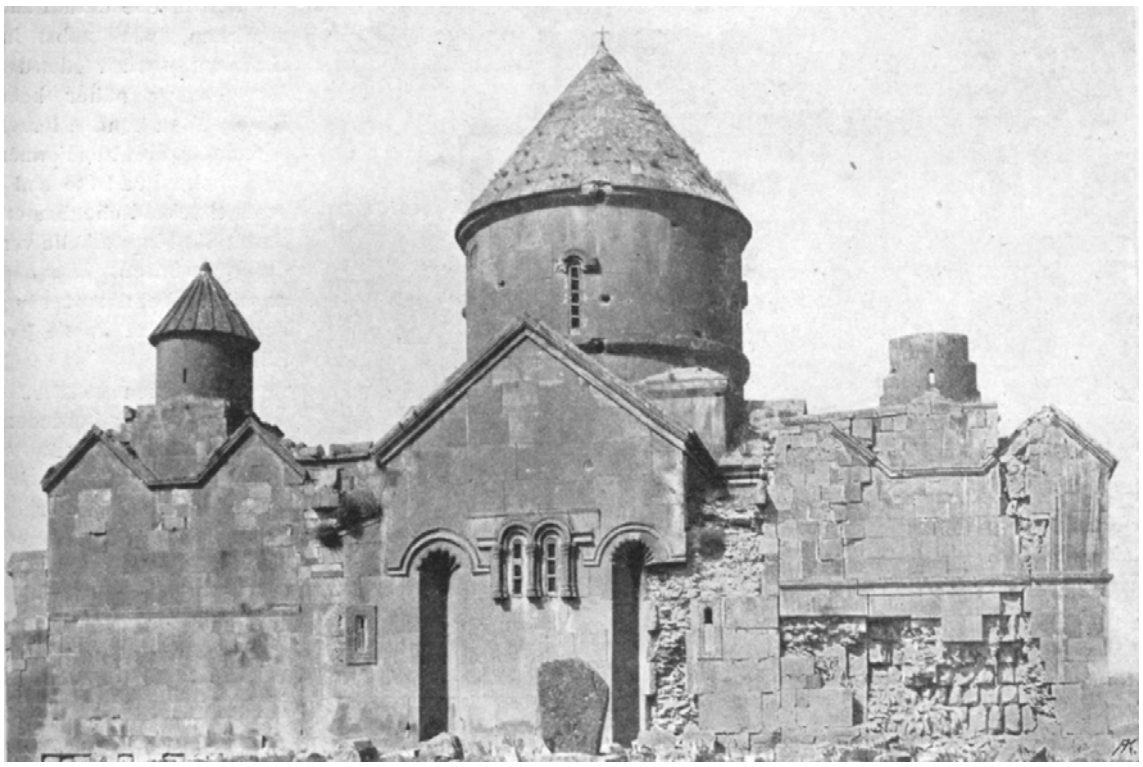

Рис. 286. Монастырь Оромос: церковь Св. Иоанна с усыпальницами с двух сторон. Снимок Тораманяна

Рис. 287. Монастырь Оромос: могилы на южной стороне церкви Св. Иоанна. Снимок Наапетяна

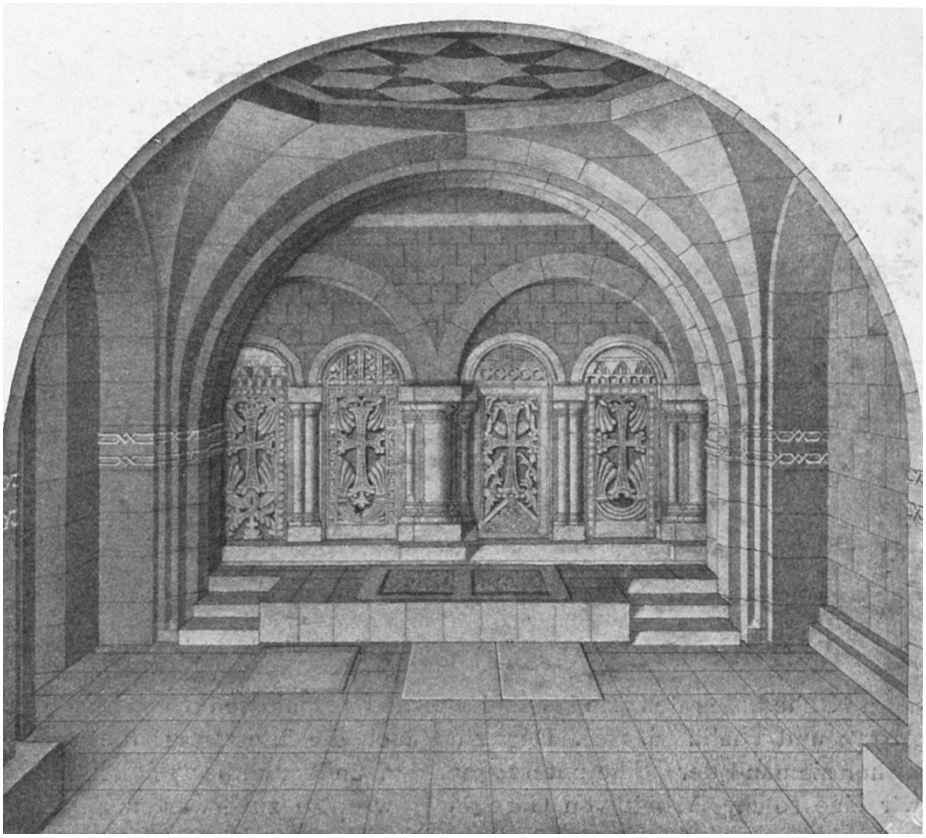

Рис. 288. Монастырь Оромос, склеп: внутренний вид. Снимок Тораманяна

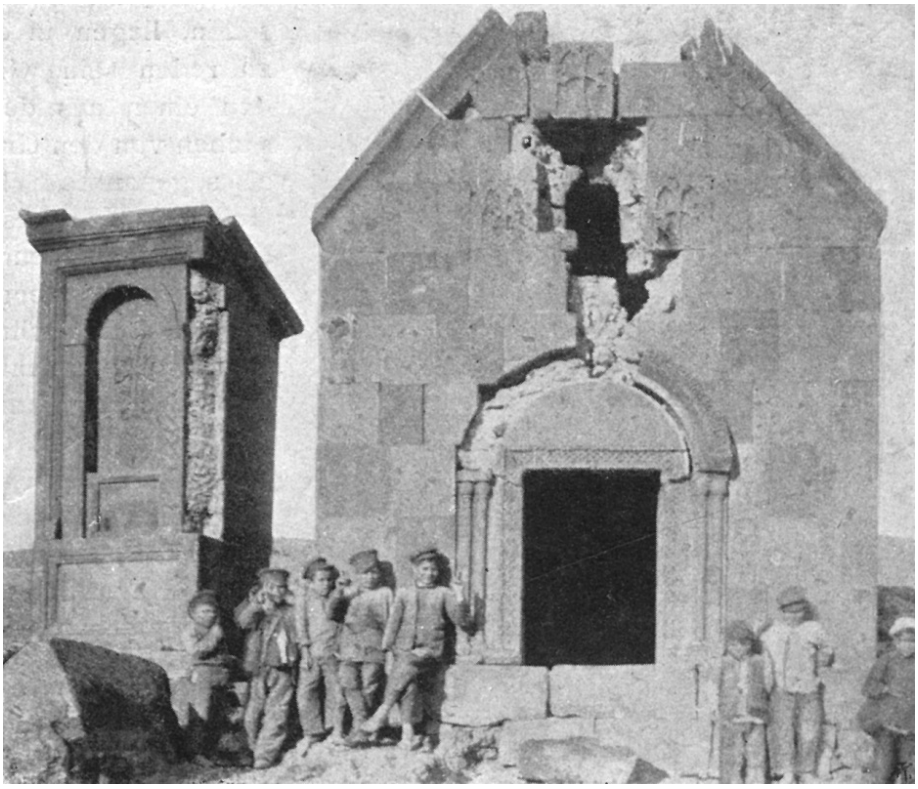

Рис. 289. Ошакан, кладбищенская часовня. Снимок Смирнова

Рис. 290. Норадуз, кладбище: надгробные камни и малая церковь.
Снимок Ермакова

Рис. 291. Эчмиадзин, музей: хачкар из Ошакана

Рис. 292. Монастырь Кечарис, группа хачкаров между церквями.
Снимок Ермакова

Рис. 293. Татев, хачкар. Снимок Алишана

Рис. 294. Джингёл, надгробный камень 1279 года.
Снимок Овсепяна

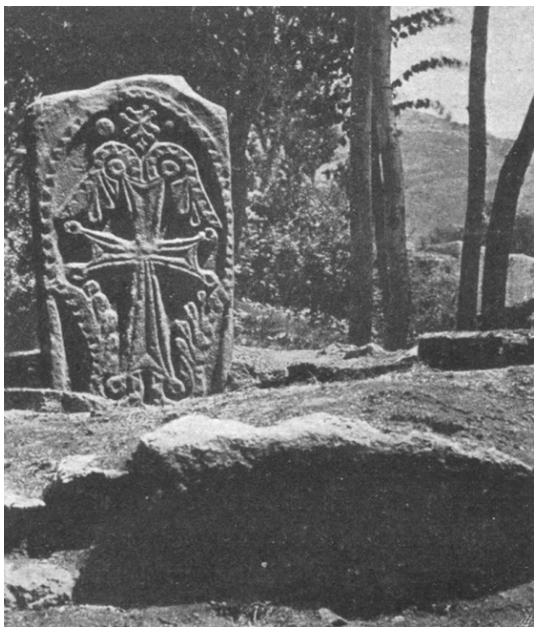

Рис. 295. Шушанц, надгробный камень Шушан. Снимок Лалаяна

Рис. 296. Монастырь Санаин, надгробный камень 1184 года. Снимок Тораманяна

Рис. 297. Джульфа, передняя сторона надгробного камня с изображением барана, 1578 год. Снимок Сарре

Рис. 298. Джульфа, оборотная сторона надгробного камня с изображением барана, 1578 год. Снимок Сарре

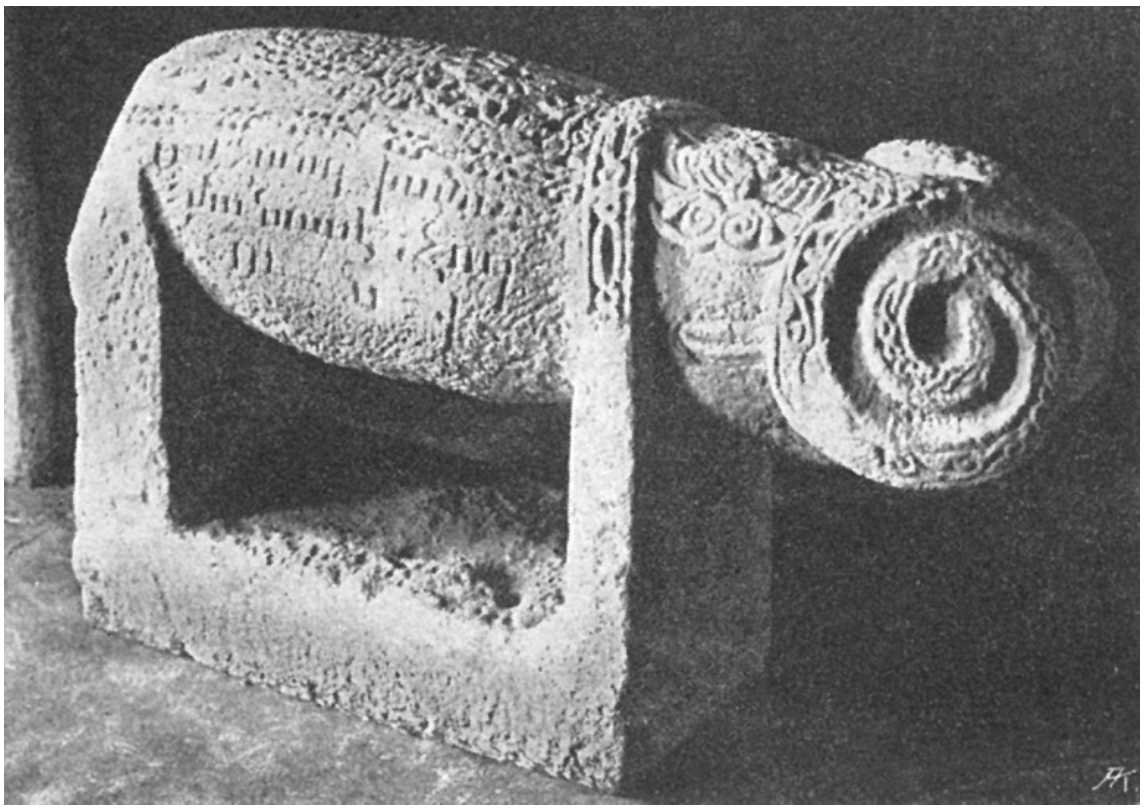

Рис. 299. Джульфа, надгробный камень с изображением барана. Снимок Ермакова

Рис. 300. Монастырь Оромос: могила царя Ашота. Снимок Тораманяна

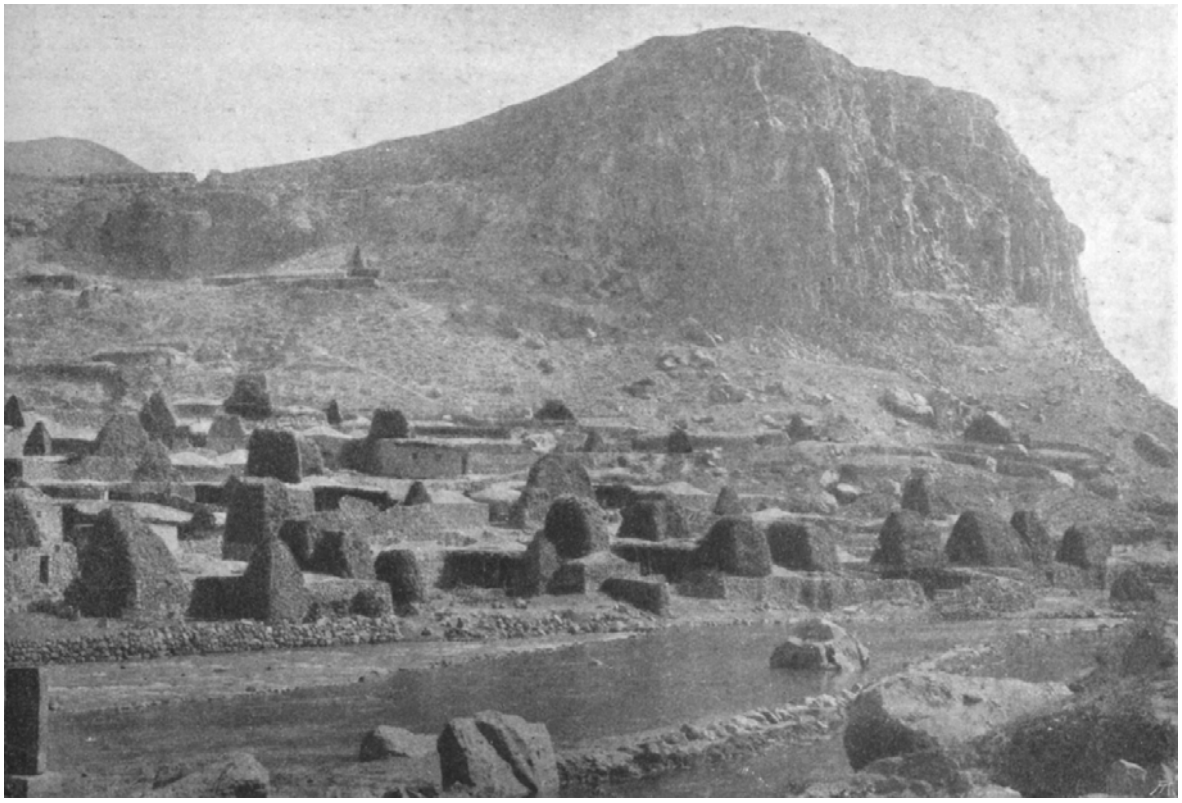

Рис. 301. Бджни, село и крепость: конструкция домов. Снимок Ермакова

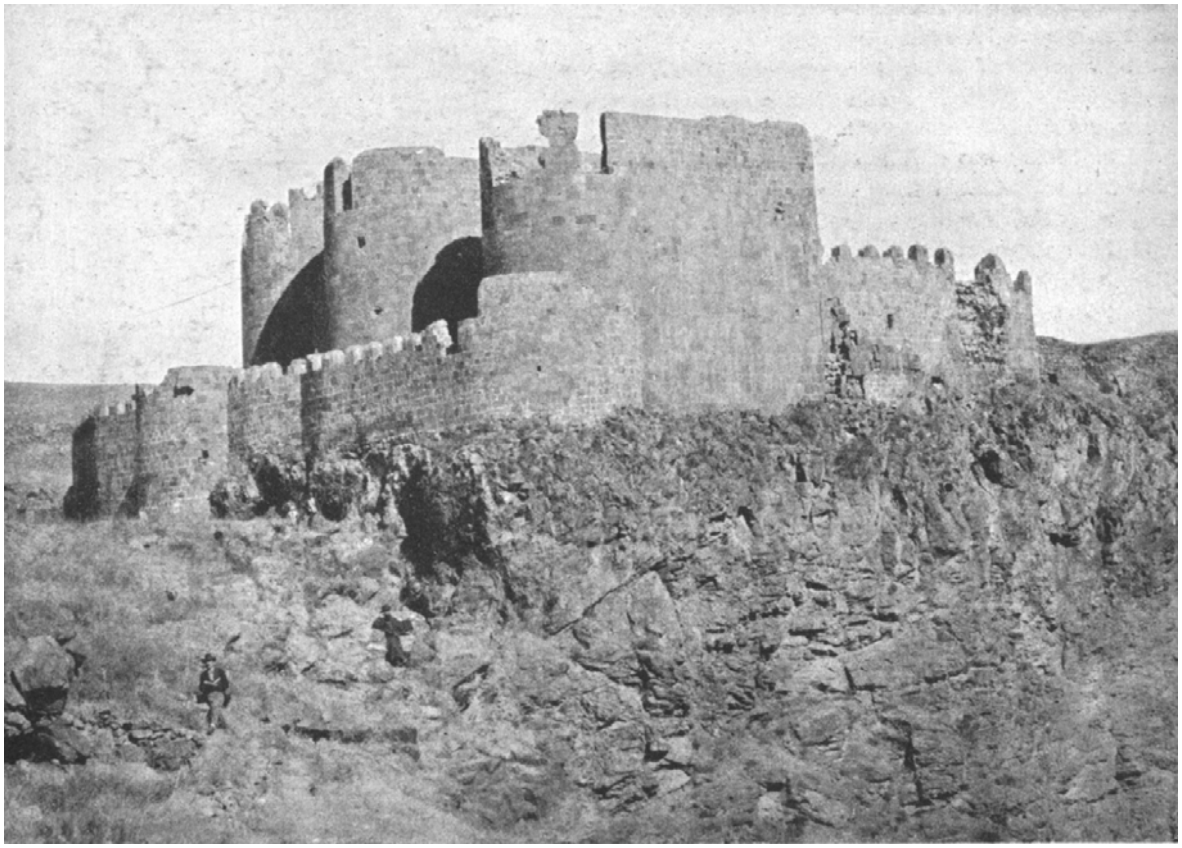

Рис. 302. Магасберд, остатки замка. Снимок Наапетяна

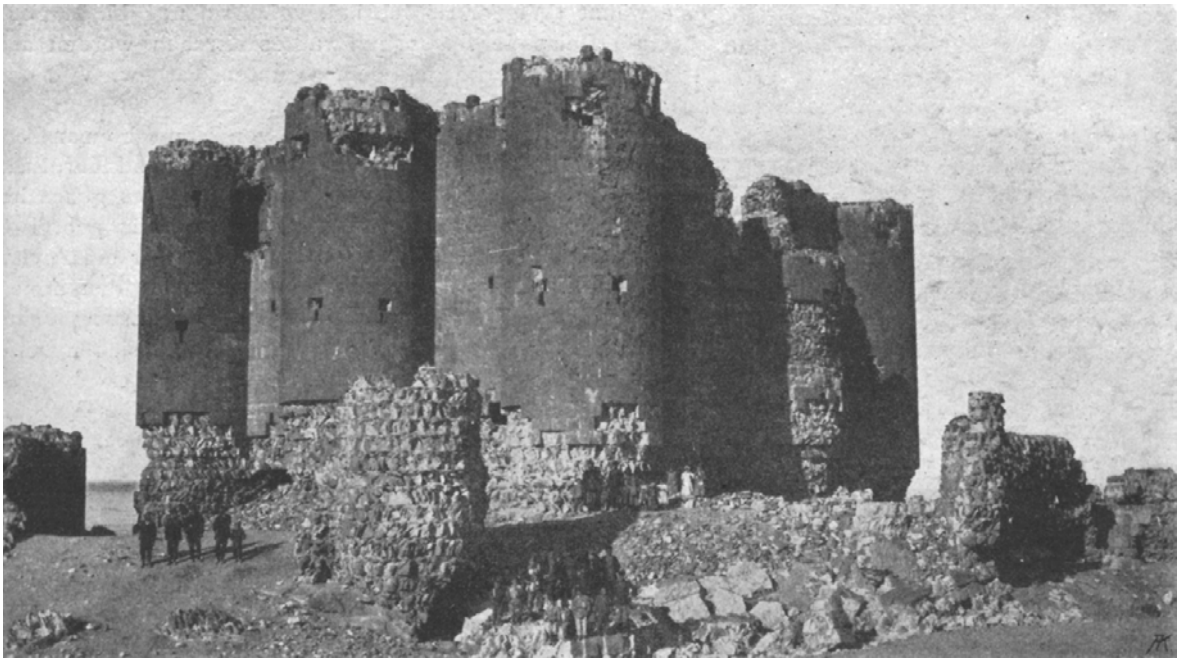

Рис. 303. Тигнис, внешний вид замка. Снимок Тораманяна

Рис. 304. Тигнис, замок: башня с лестницей. Снимок Тораманяна

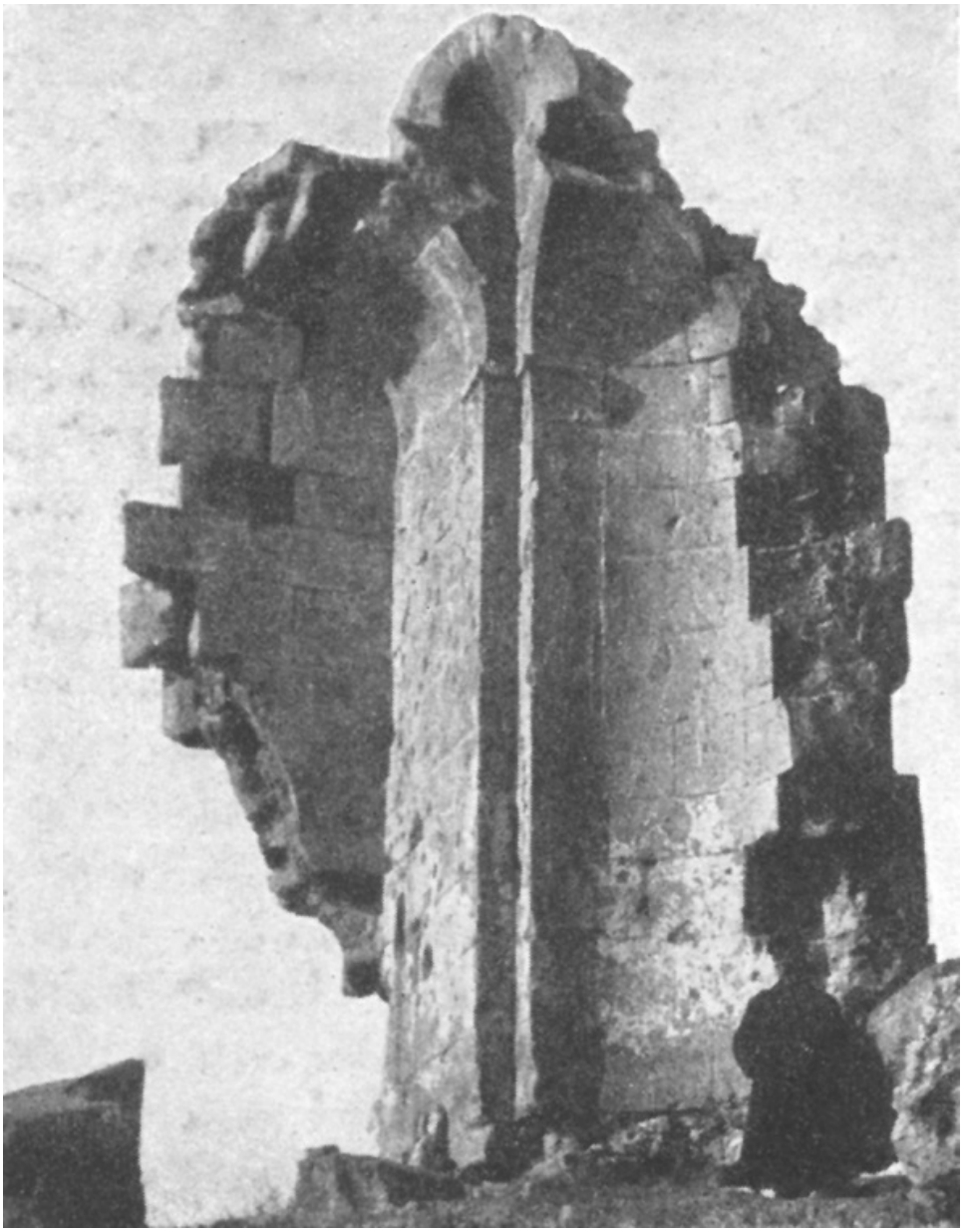

Рис. 305. Тигнис, замок: остатки внутреннего помещения. Снимок Тораманяна

Рис. 306. Звартноц, дворец: общий вид с запада

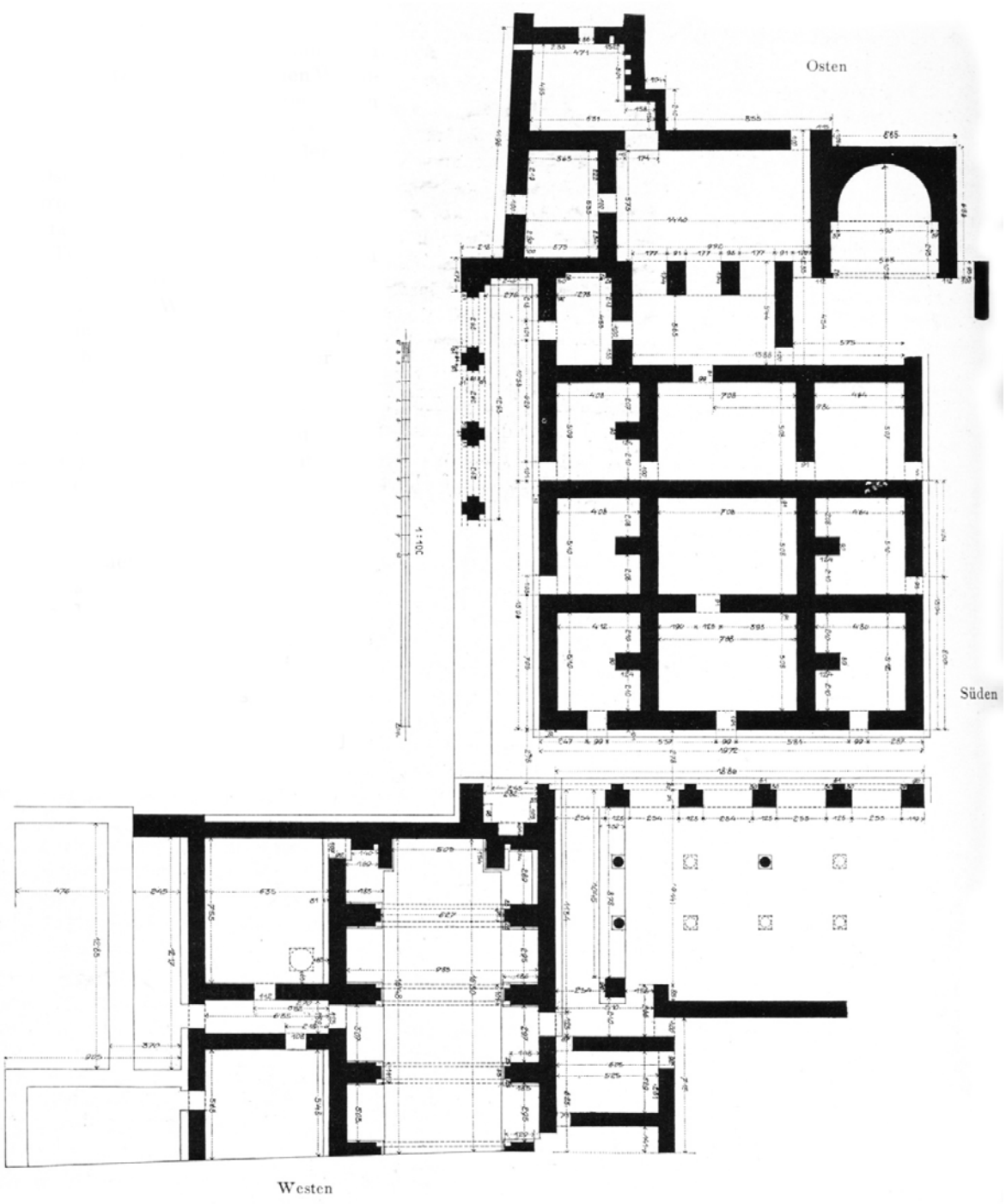

Рис. 307. Звартноц: план дворца. Обмер Тораманяна

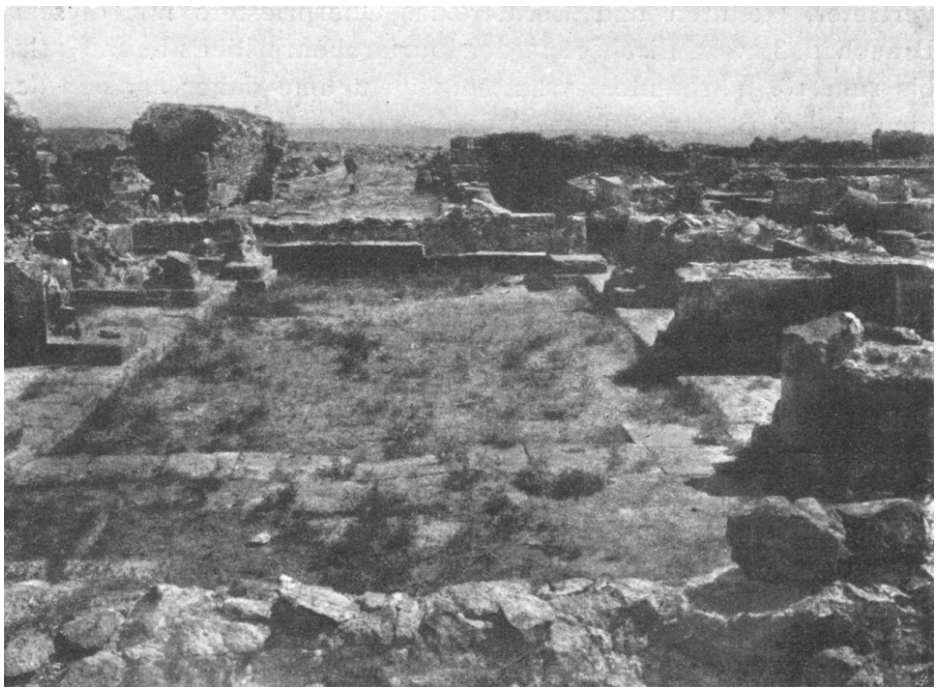

Рис. 308. Звартноц, дворец. Западная зала с пилонами

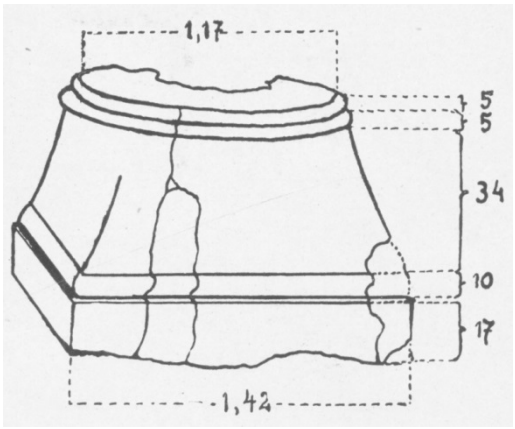

Рис. 309. Звартноц: капитель импоста

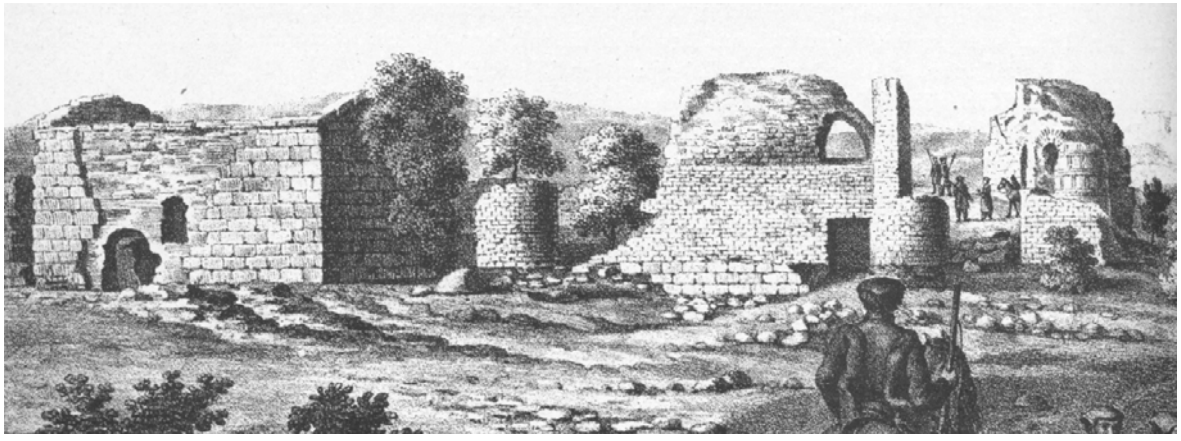

Рис. 310. Цихедарбаси, развалины дворца: общий вид, 1839 год. Зарисовка Дюбуа

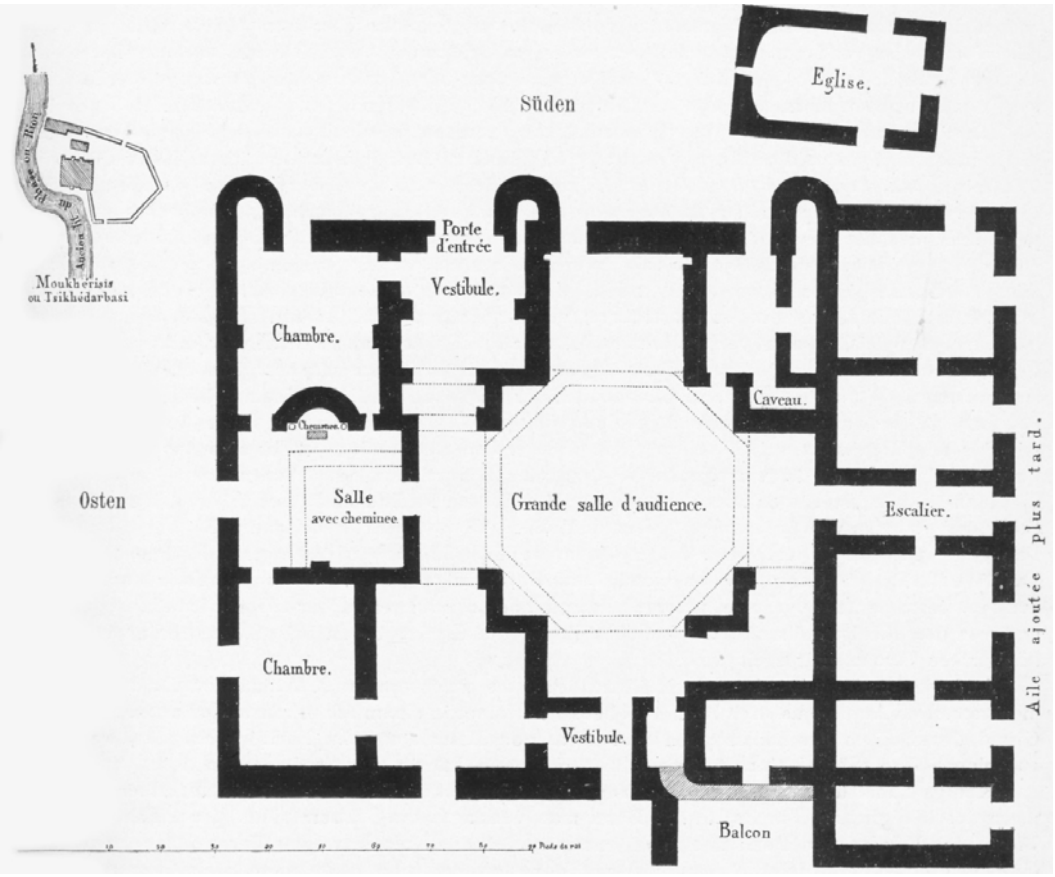

Рис. 311. Цихедарбаси, дворец: план. Обмер Дюбуа. Надписи сверху, слева направо: Мукерезис или Цихедарбаси. Старое русло Риона. Юг. Церковь. Комната, входная дверь, вестибюль. Камни, погреб. Восток, зала с камином, большая зала для аудиенций, лестница. Крыло, пристроенное позже. Комната, вестибюль. Балкон

Рис. 312. Ани, Северный дворец: вид с юго-востока. Снимок Тораманяна

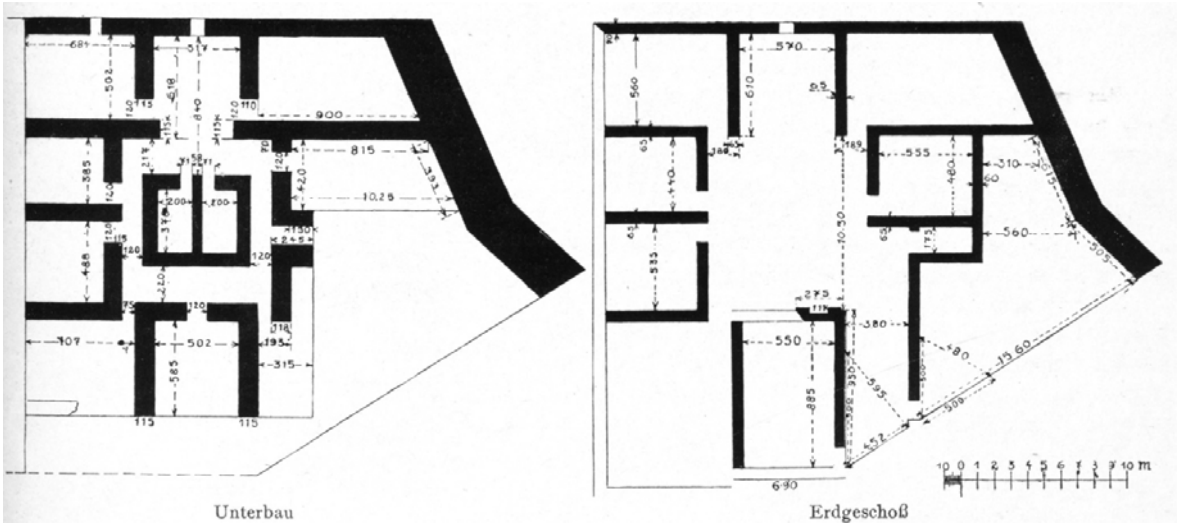

Рис. 313-314. Ани, Северный дворец: планы. Подвал, первый этаж.
Обмер Тораманяна

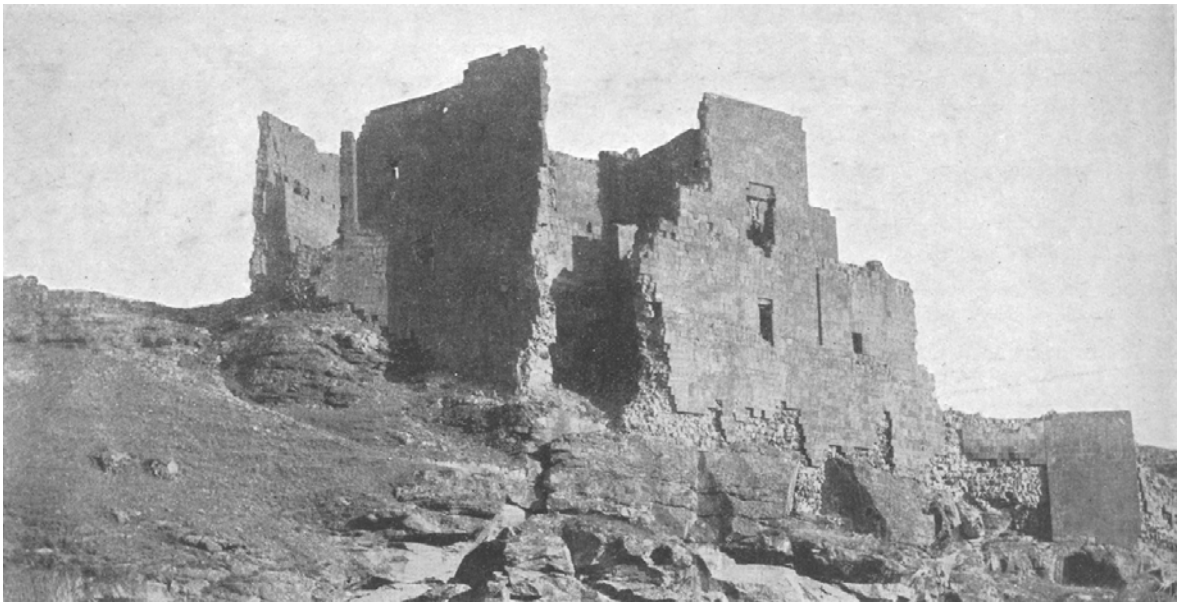

Рис. 315. Ани, дворец-замок: северо-западный угол (купольная зала из трех частей).
Снимок Тораманяна

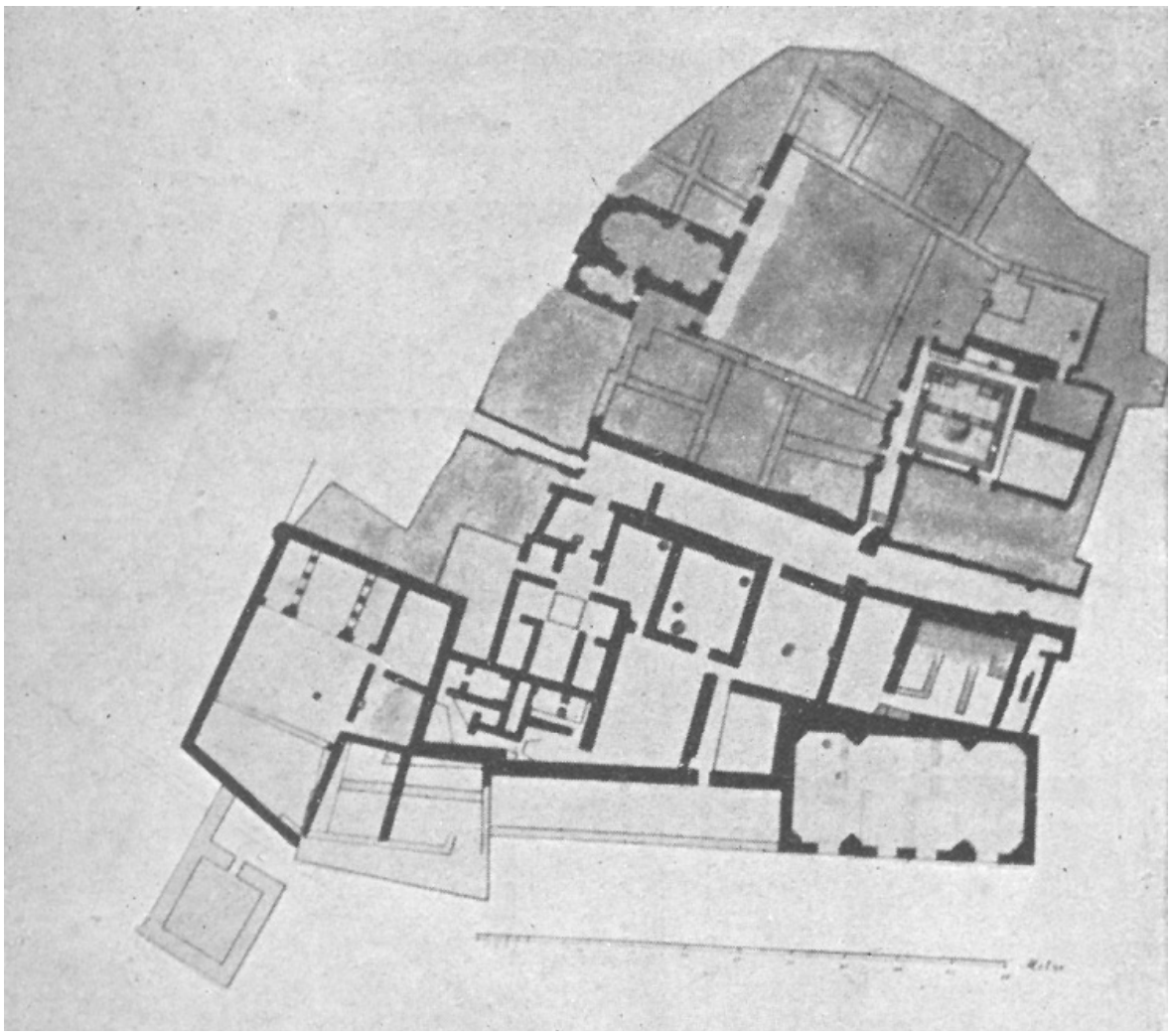

Рис. 316. Ани, дворец-замок: план. Снизу север (сторона города). Обмер Тораманяна

Рис. 317. Ани, городская стена: главные ворота снаружи. Снимок Тораманяна

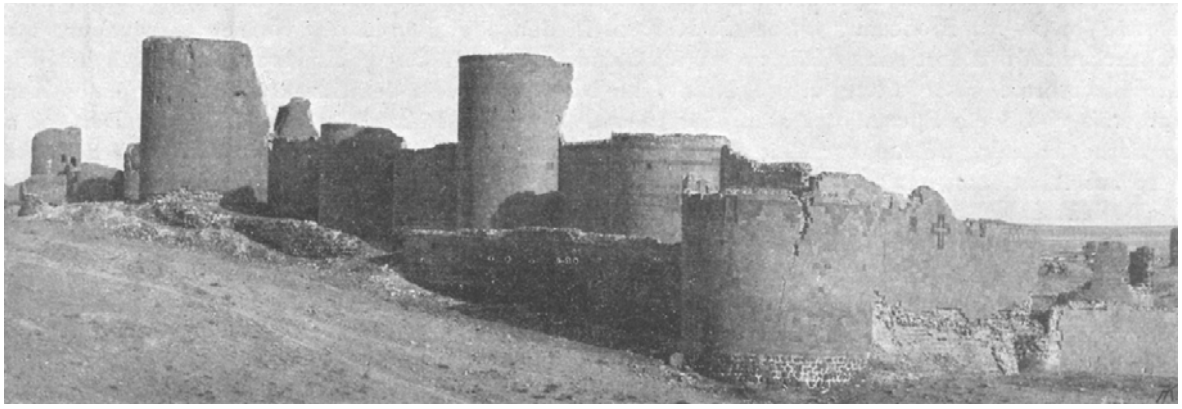

Рис. 318. Ани, городская стена: северный угол города. Снимок Тораманяна

Рис. 319. Ани, городская стена: северо-восточный угол церкви Св. Григора, построенной Тиграном Оненцом. Снимок Тораманяна

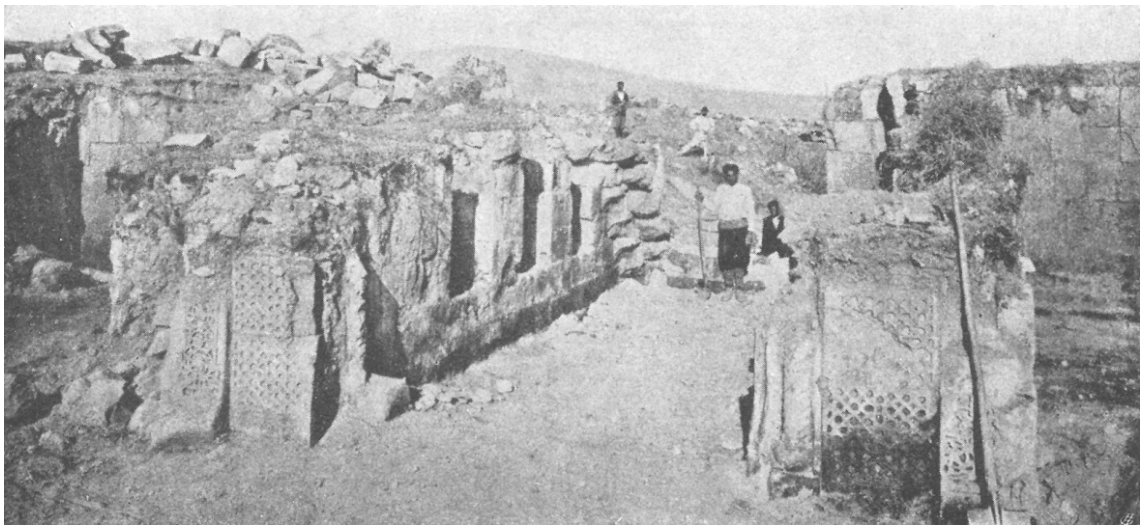

Рис. 320. Ани, раскопки, вход в общественное здание. Снимок Марра

Рис. 321. Ахтамар, церковь Св. Креста, наружные барельефы:
деталь на северной стороне. Снимок Лалаяна

Рис. 322. Ахтамар, церковь Св. Креста, наружный барельеф: деталь на северном фасаде. Снимок Лалаяна

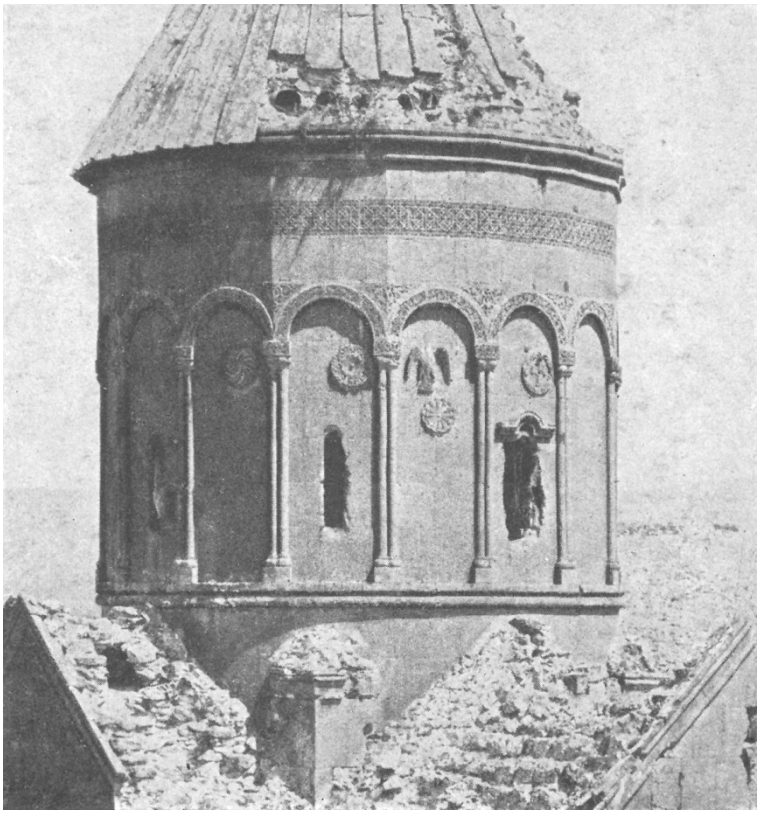

Рис. 323. Ани, церковь Св. Григора, построенная Тиграном Оненцом: часть купола

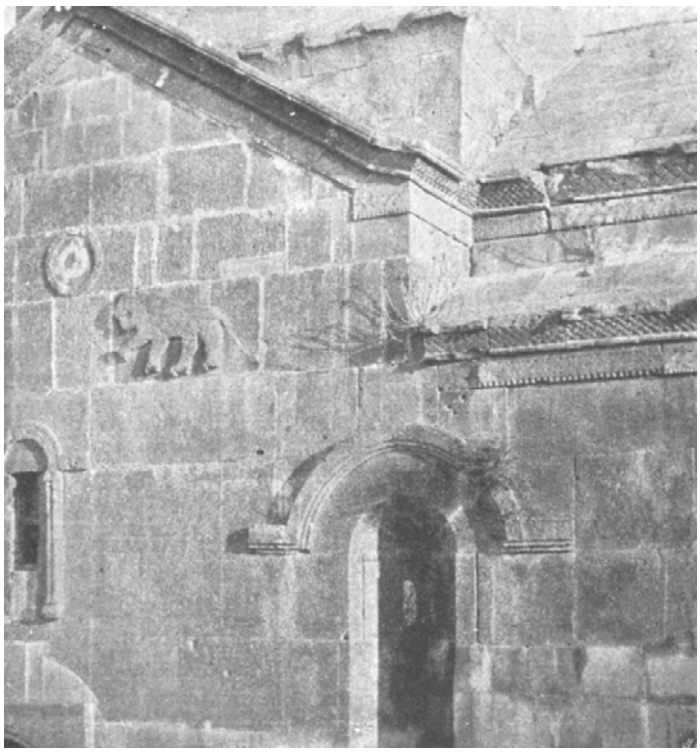

Рис. 324. Хошаванк (Айкадзор), церковь: деталь южного фасада

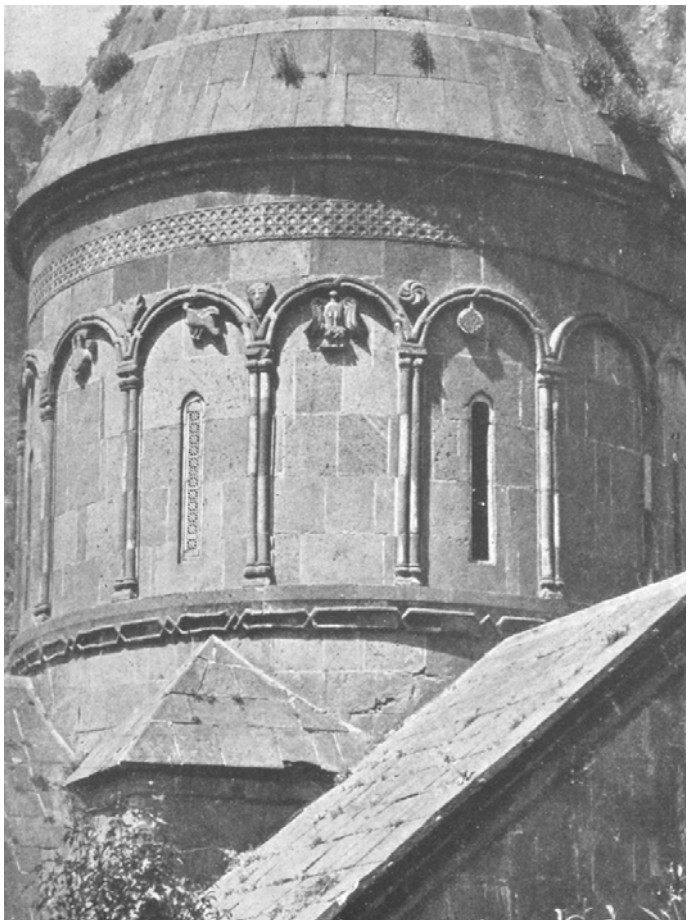

Рис. 325. Гегард, церковь монастыря: часть купола. Снимок Ермакова

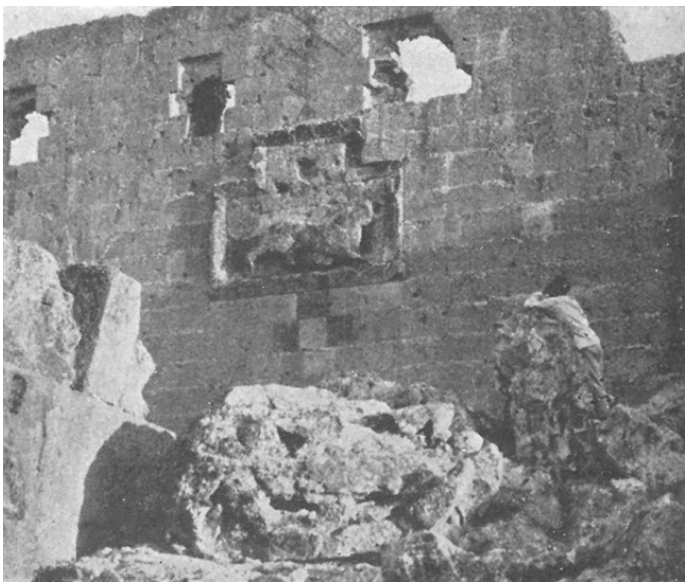

Рис. 326. Ани, городская стена. Лев у главных ворот. Снимок Кюркчяна

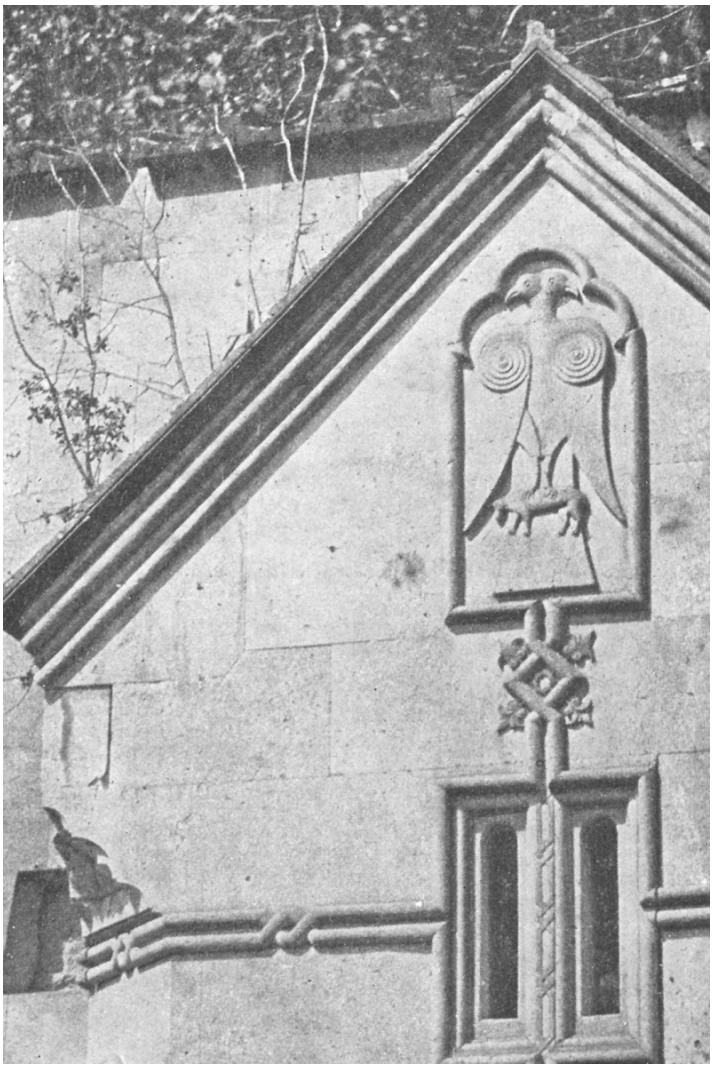

Рис. 327. Дсех, церковь Св. Григора: деталь. Снимок Ермакова

Рис. 328. Звартноц, собор: капитель с орлом

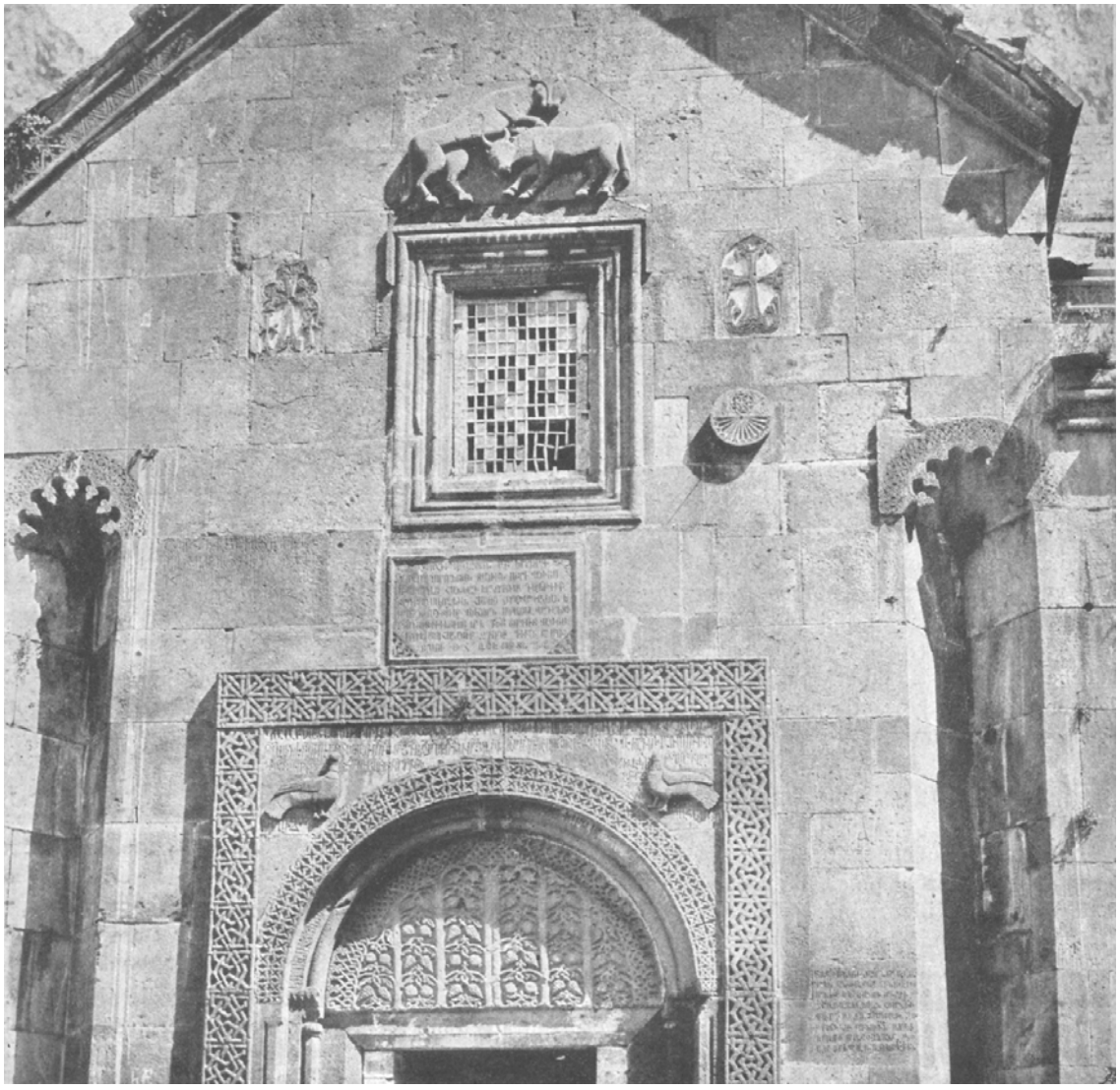

Рис. 329. Гегард, монастырская церковь, южная сторона: деталь.
Снимок Тораманяна

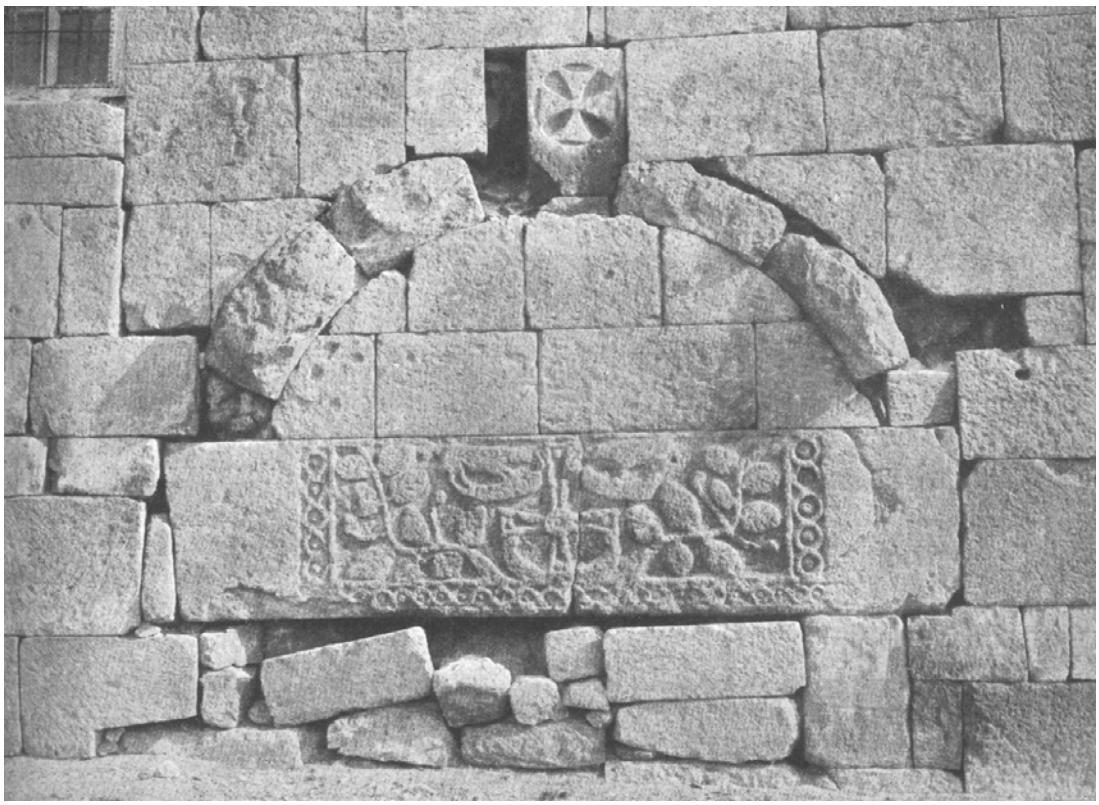

Рис. 330. Касах, трехнефная церковь зального типа:
восточный вход на южном фасаде. Снимок Тораманяна

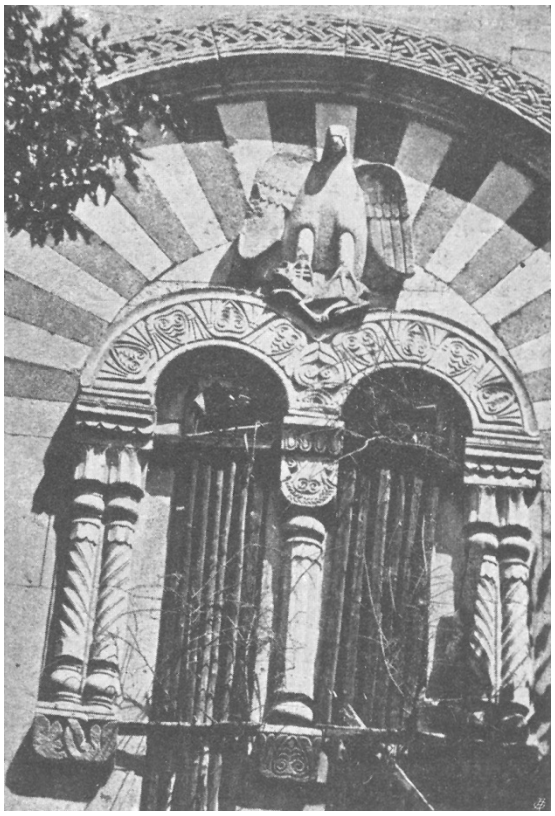

Рис. 331. Хахуванк, церковь: парное окно. Снимок Ермакова

Рис. 332. Аштарак, церковь: обломок старого декора

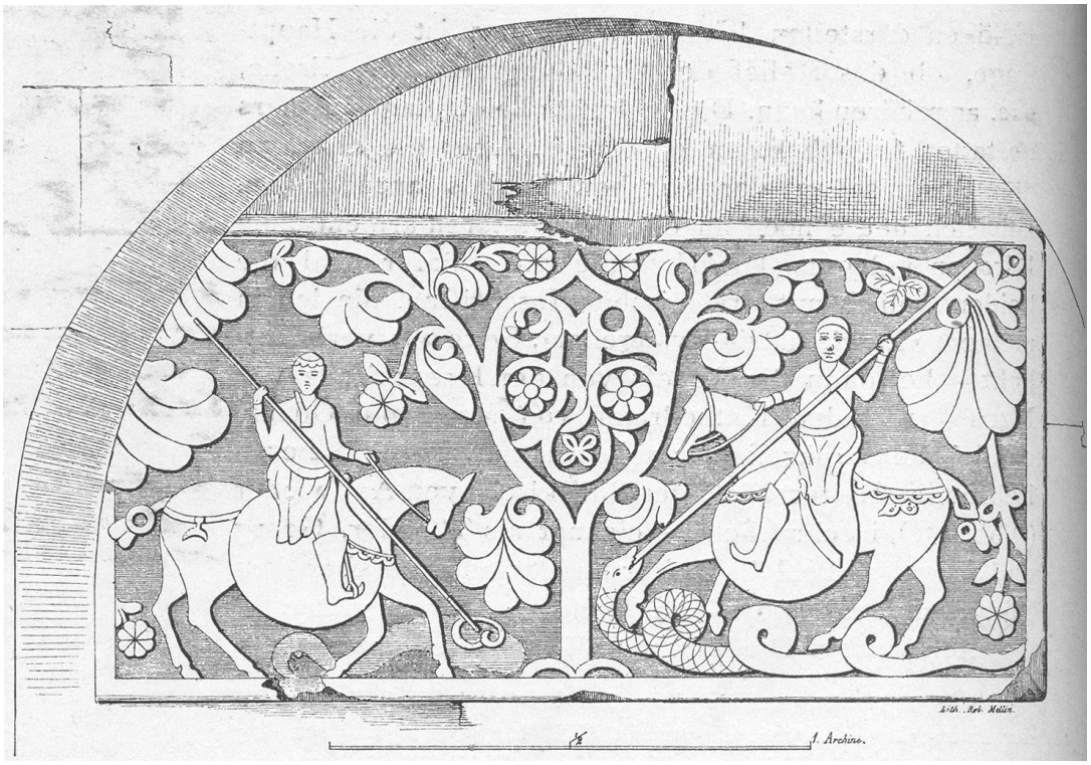

Рис. 333. Ани, Дворцовая церковь: барельеф с изображением двух всадников. Снимок Броссе

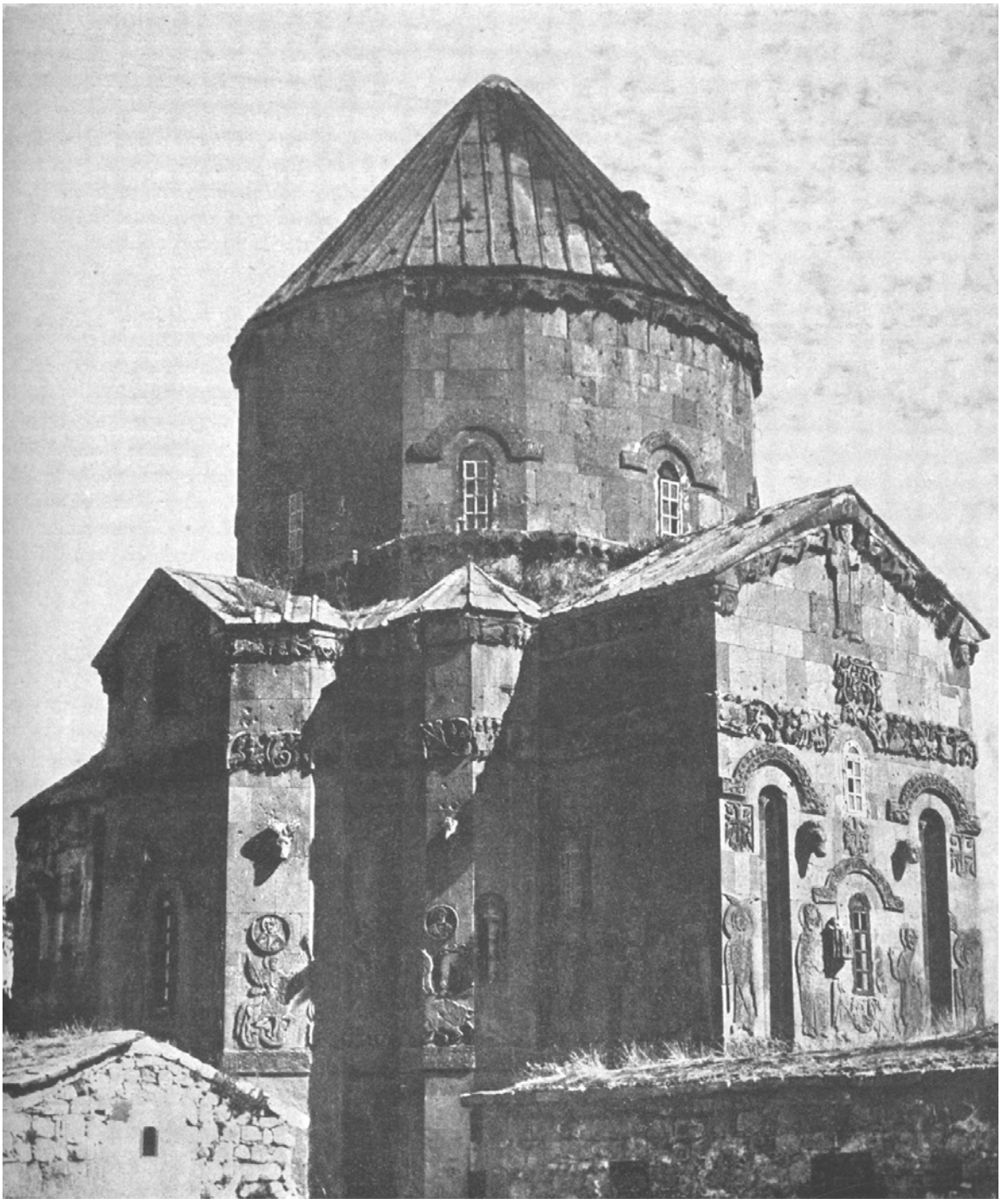

Рис. 334. Ахтамар, церковь Св. Креста. Вид с северо-запада. Снимок Лалаяна

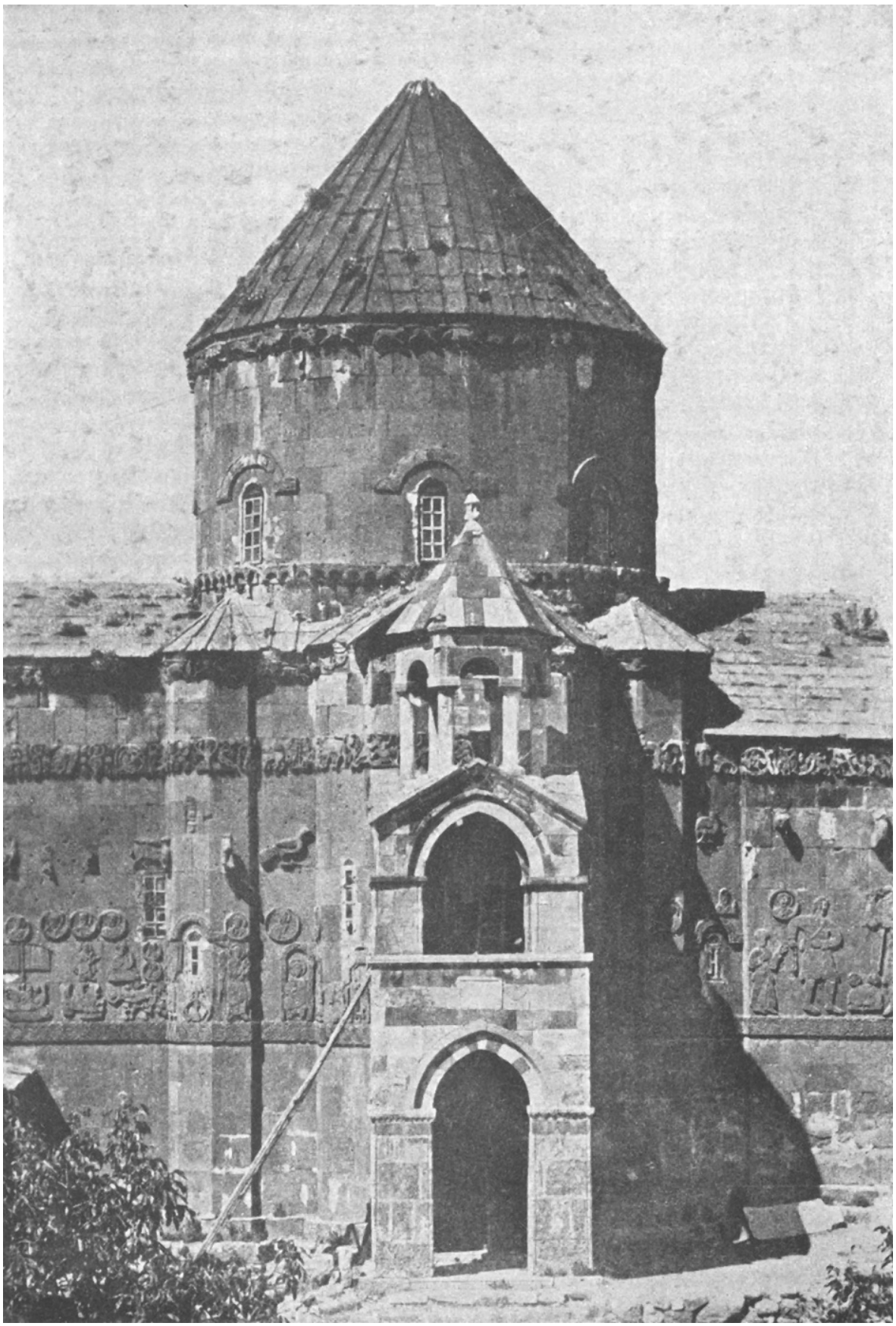

Рис. 335. Ахтамар, церковь Св. Креста: южная сторона. Снимок Лалаяна

Рис. 336. Ахтамар, церковь Св. Креста, южная сторона: Св. Саак и звери.
Снимок Лалаяна.

Рис. 337. Ахтамар, церковь Св. Креста, южная сторона:
Св. Амазасп и звери. Снимок Лалаяна

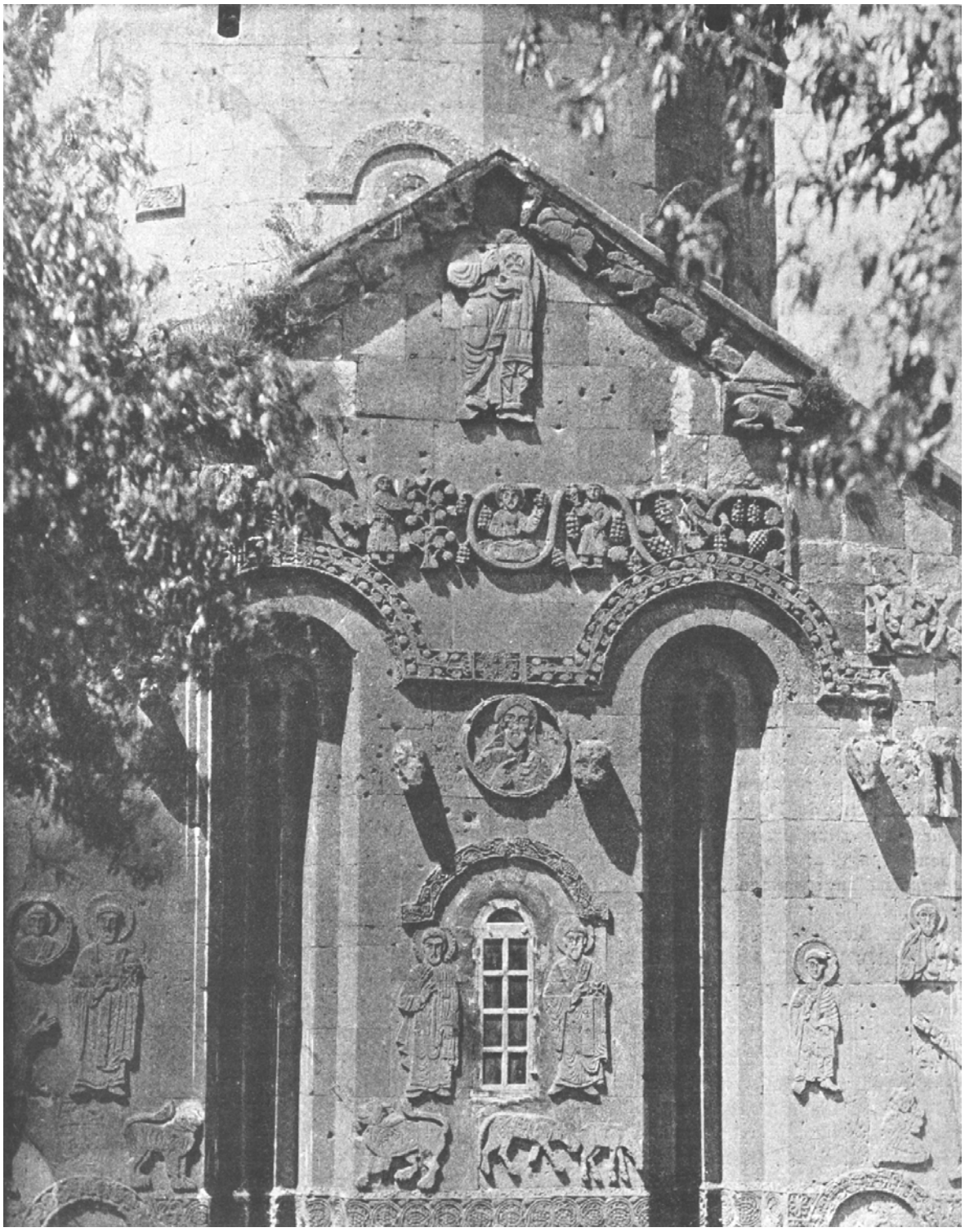

Рис. 338. Ахтамар, церковь Св. Креста: восточная сторона. Снимок Лалаяна

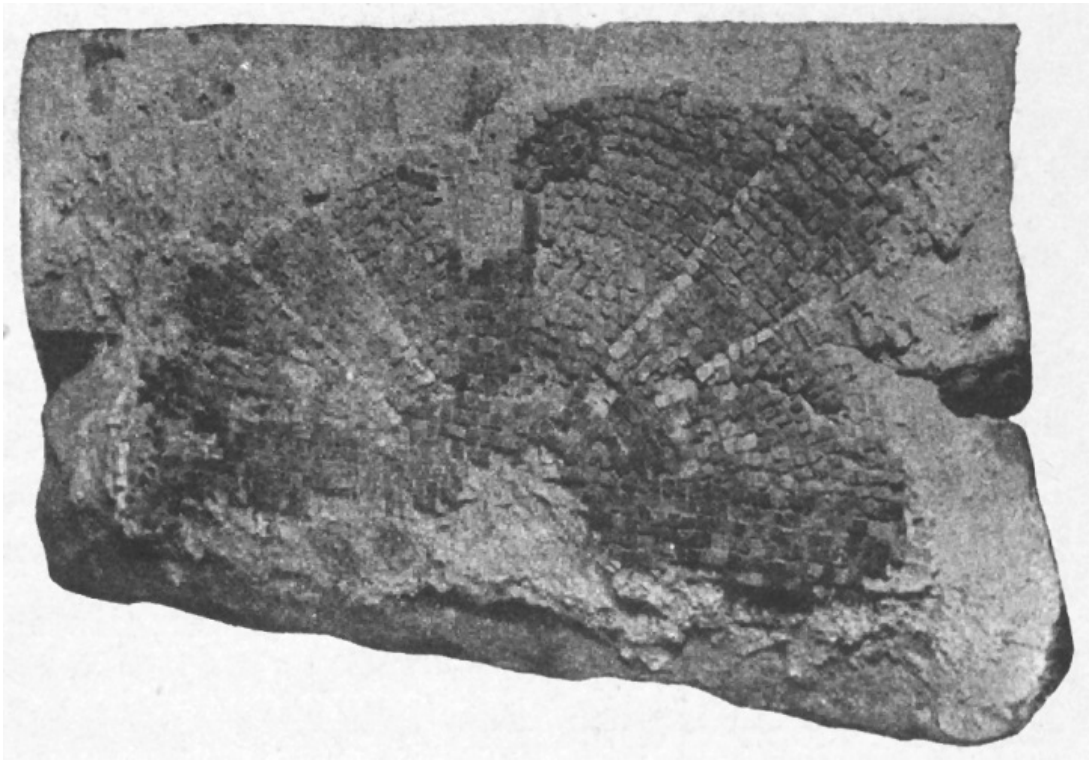

Рис. 339. Звартноц, собор: остатки мозаики

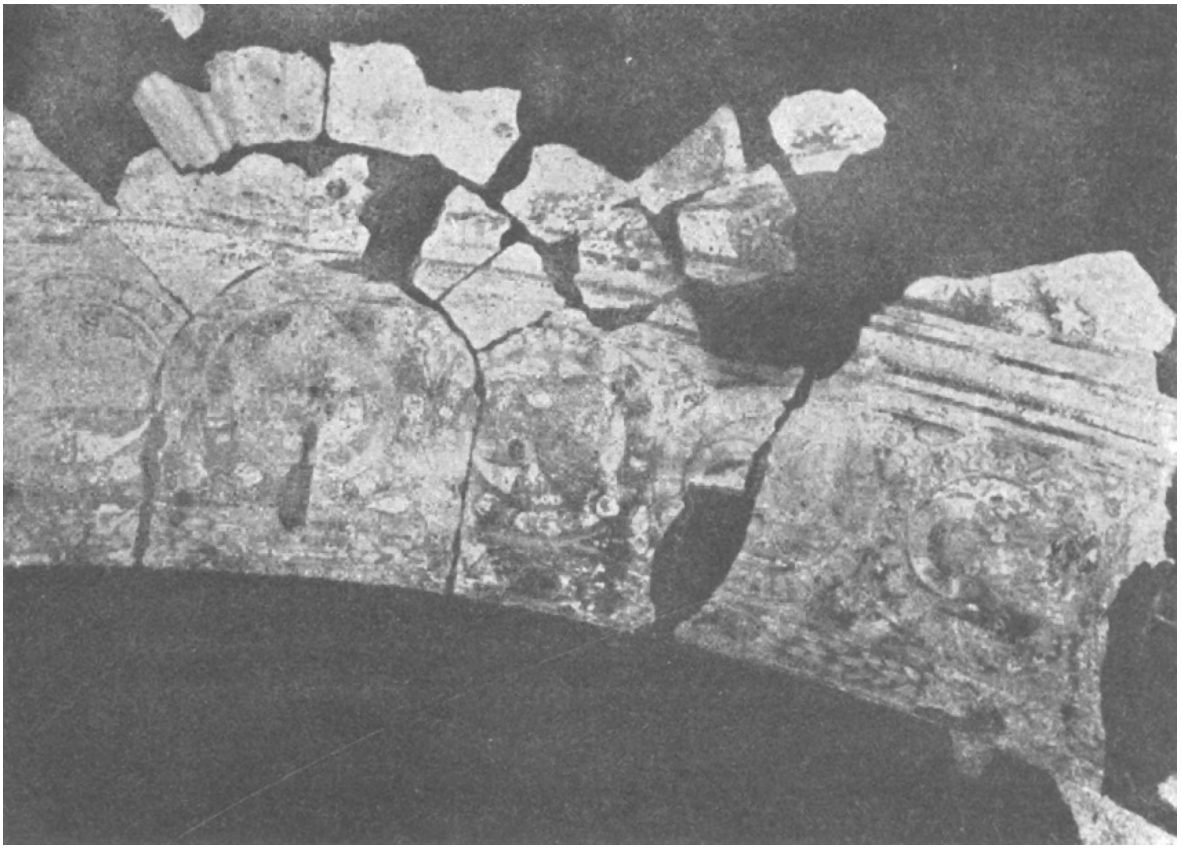

Рис. 340. Талин, собор: живопись на арке апсиды

Рис. 341. Ахтамар, церковь Св. Креста: настенная живопись. Снимок Лалаяна

Рис. 342. Ани, церковь Св. Григора, основанная Тиграном Оненцом, притвор: деталь стены церкви

Рис. 343. Ани, церковь Св. Григора, основанная Тиграном Оненцом, внутренний вид: юго-восточный угол

Рис. 344. Эчмиадзин, Кафедральный собор, юго-западный угол.
Снимок Ермакова

Рис. 345. Эчмиадзин, Кафедральный собор:
юго-западный угол, современное состояние

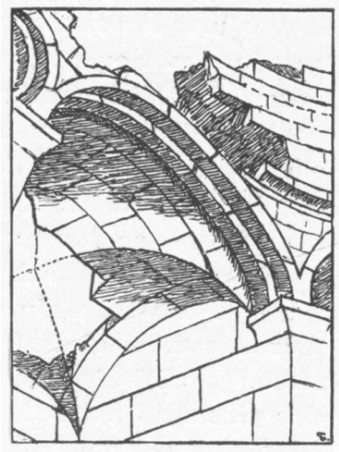

Рис. 346. Иринд, октаконх: крестовый свод входного помещения

Рис. 347. Монастырь Кечарис, церковь Св. Григора: внутренний вид с востока. Снимок Ермакова

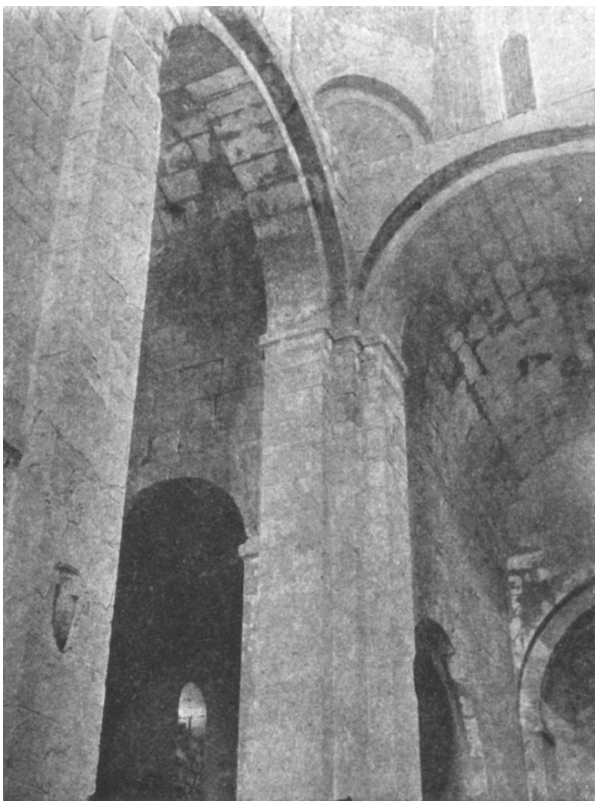

Рис. 348. Мрен, собор: пилон купола

Рис. 349. Аламан, внутренний вид купола: северо-восточный угол

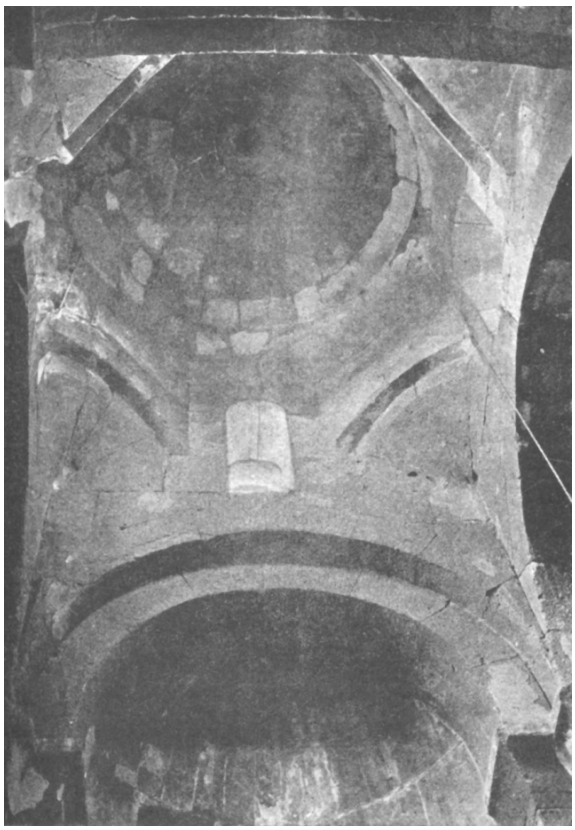

Рис. 350. Внутренний вид армянского купола

Рис. 351. Мцхет, церковь Св. Креста: боковое помещение, основание купола

Рис. 352. Талин, собор: купол и упорная ниша на северной стороне

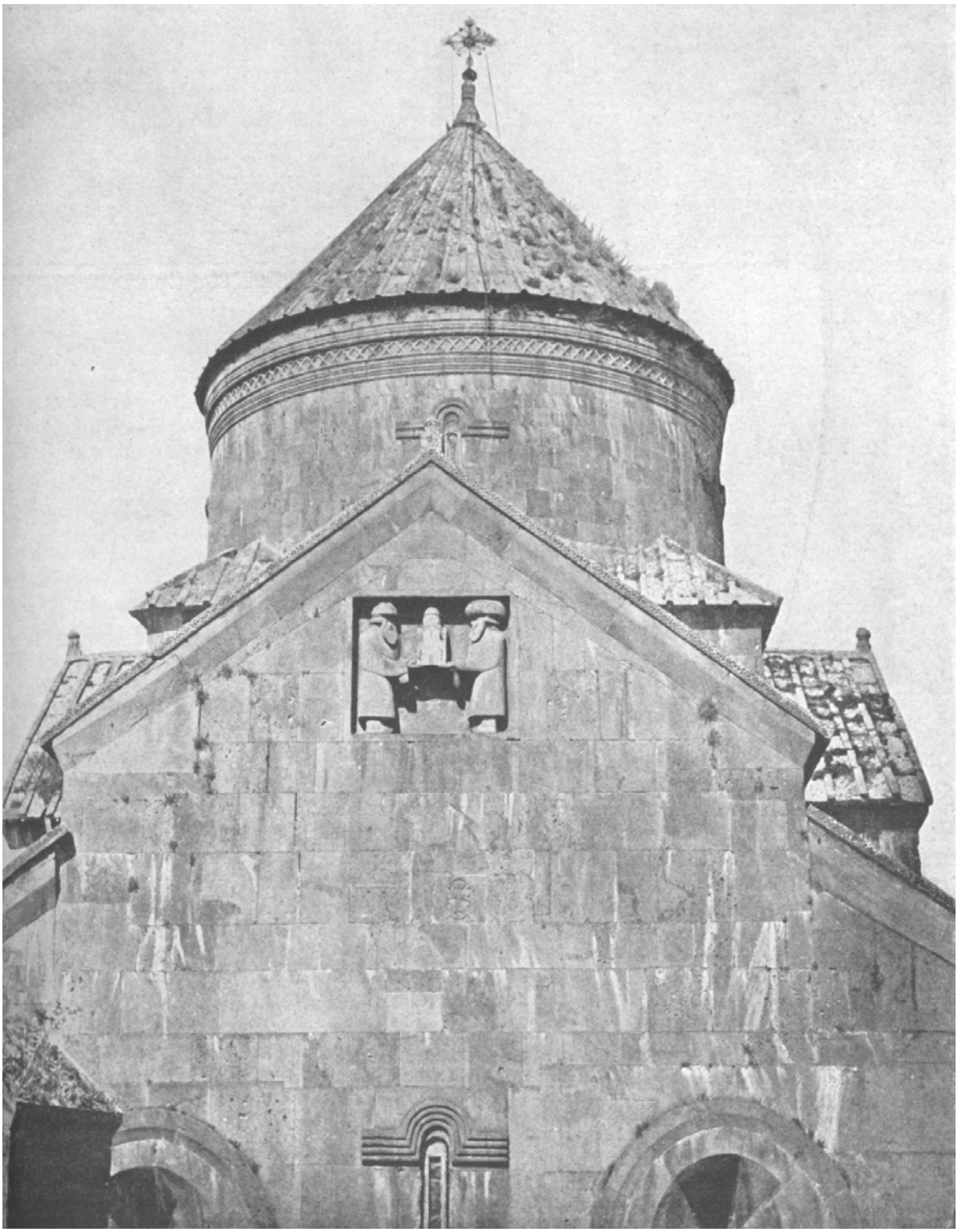

Рис. 353. Ахпат, главная церковь: вид на кровлю с востока. Снимок Ермакова

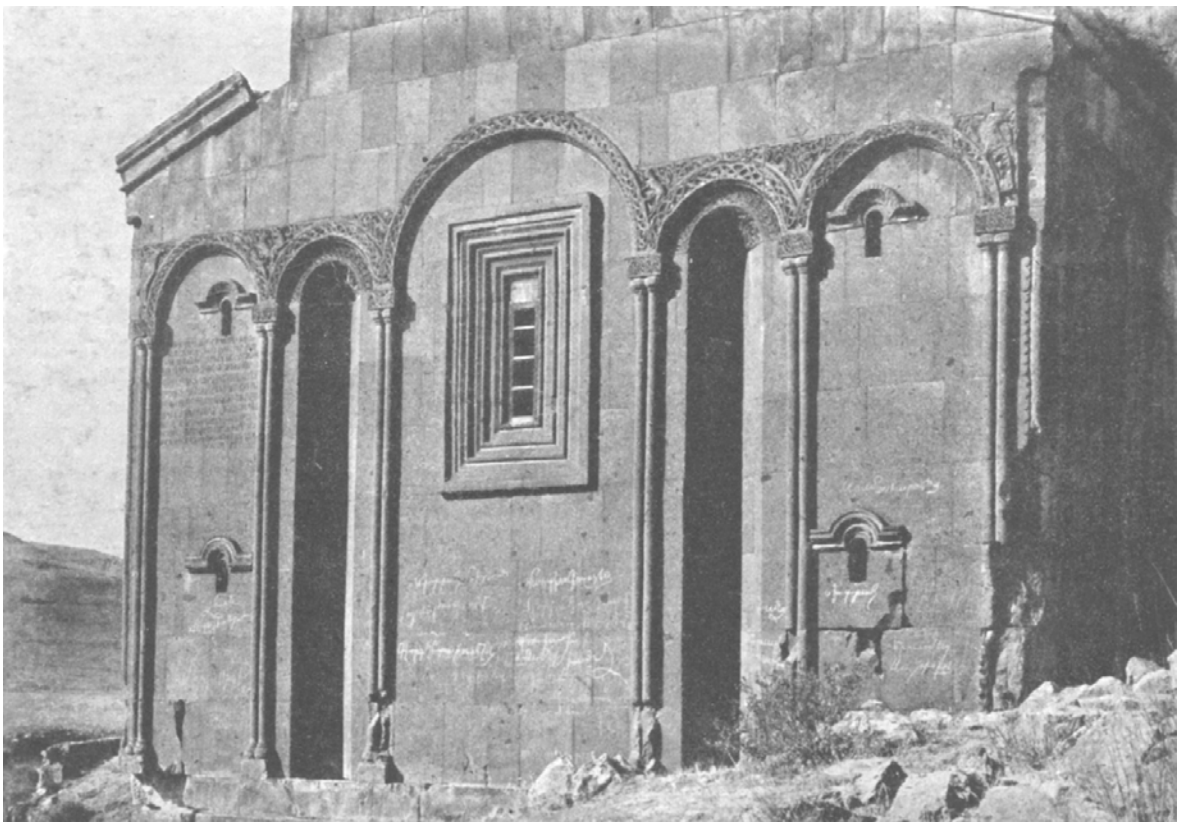

Рис. 354. Ани, церковь Св. Григора, основанная Тиграном Оненцом: вид с востока. Снимок Тораманяна

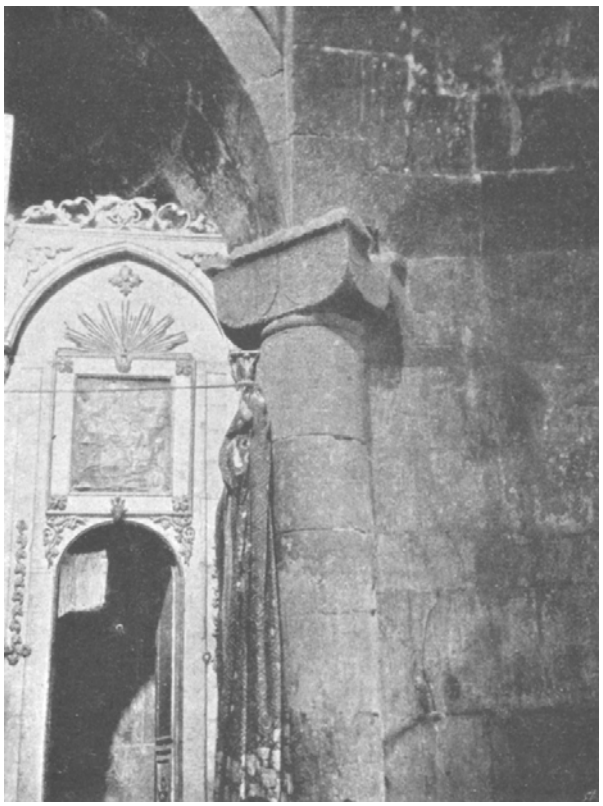

Рис. 355. Аграк, тетраконх: кубиковидные завершения угловых полуколонок

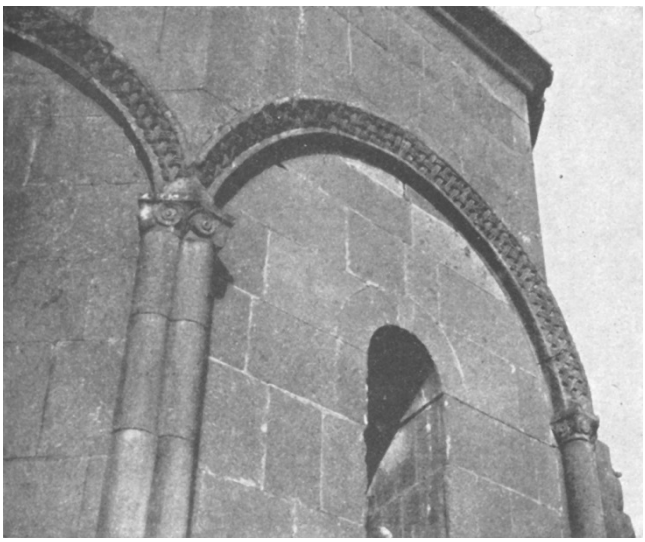

Рис. 356. Талин, собор, восточная апсида: деталь

Рис. 357. Талин, собор, северная ниша: деталь

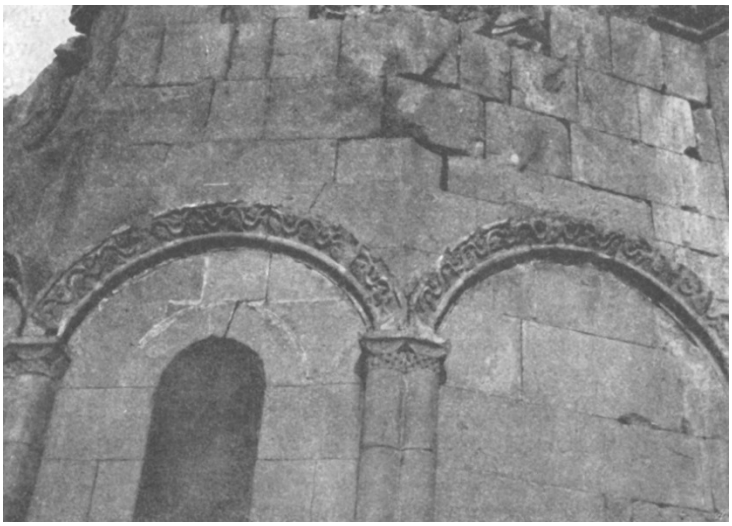

Рис. 358. Талин, собор, южная ниша: деталь

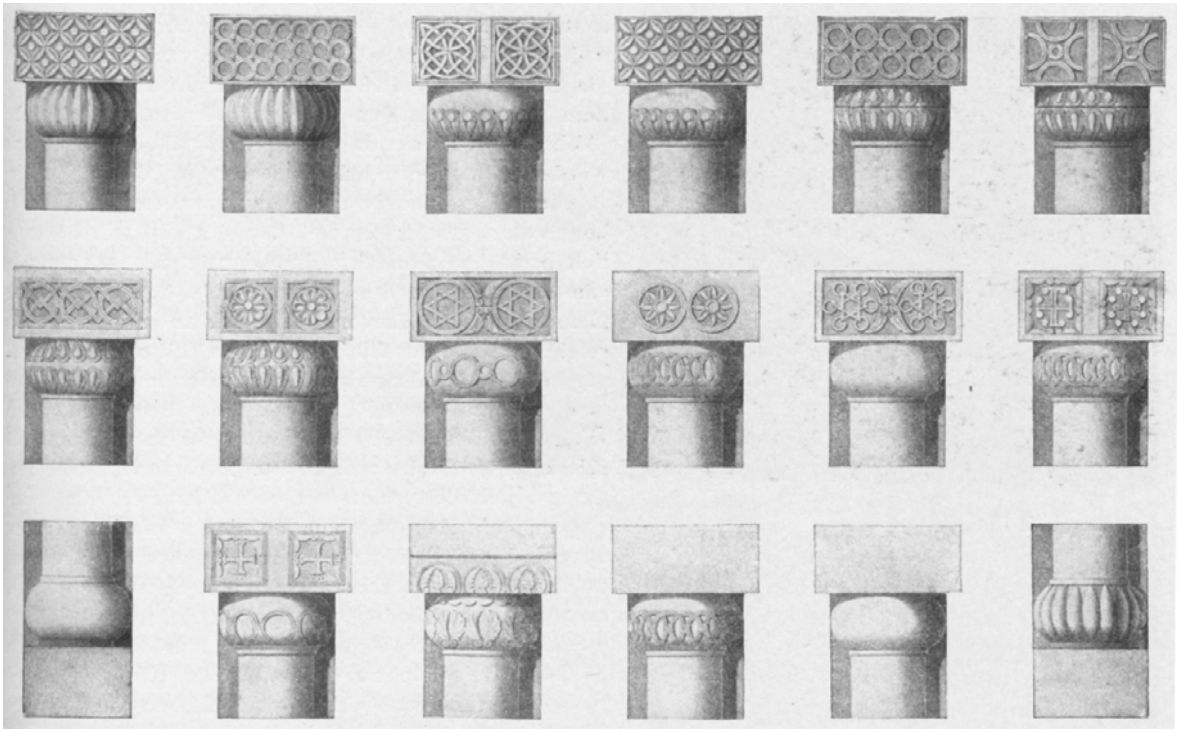

Рис. 359. Ани, Кафедральный собор: окончания наружных полуколонок. Зарисовки Тораманяна

Рис. 360. Звартноц, собор: остатки декора

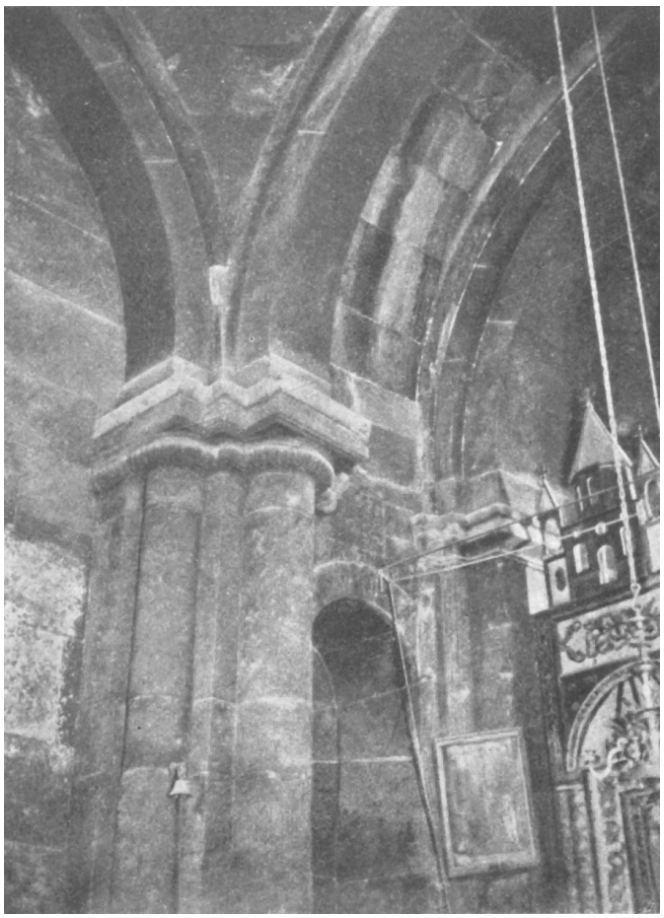

Рис. 361. Хошаванк (Айкадзор), церковь Св. Григора,
внутренний вид: северо-восточный угол

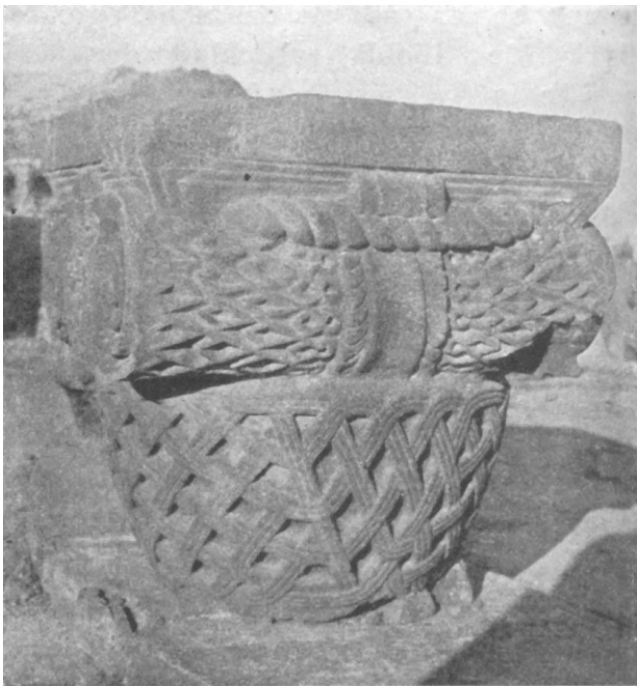

Рис. 362. Звартноц, собор: корзиночная капитель

Рис. 363. Бана, церковь: помещение в угловом пилоне. Снимок Тораманяна

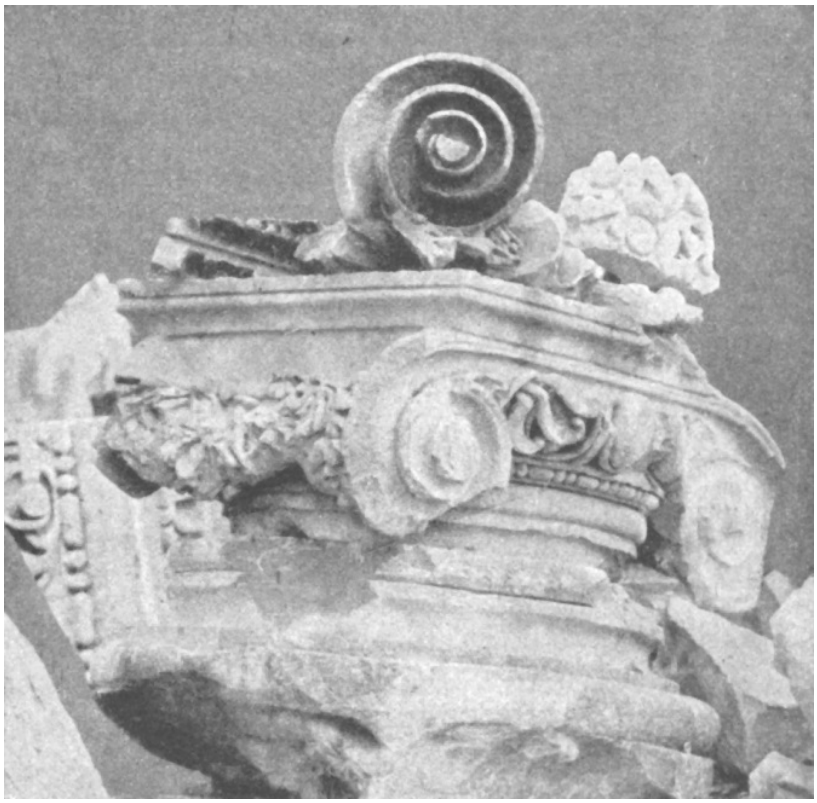

Рис. 364. Гарни, храм: остатки ионической колонны. Снимок Тораманяна

Рис. 365. Двин, церковь Св. Григора: капители из церкви Св. Саргиса

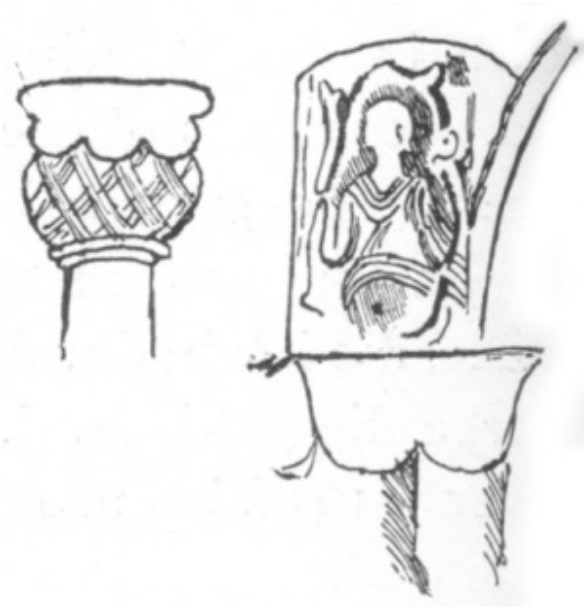

Рис. 366. Иринд, октаконх: головки наружных полуколонок

Рис. 367. Ошакан: восьмигранный пилон со сферической капителью.
Снимок Смирнова

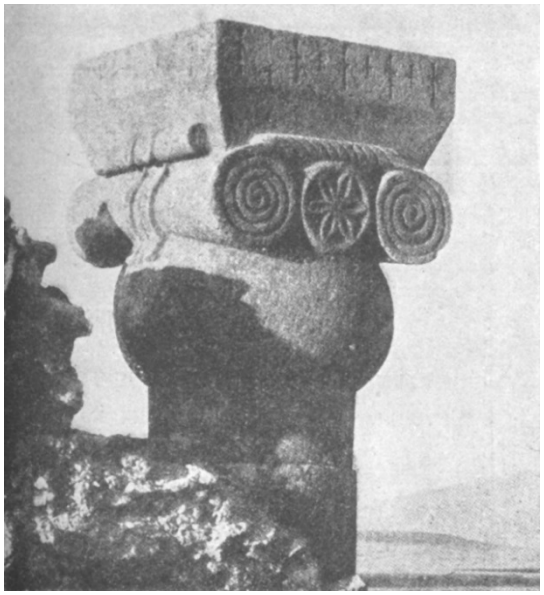

Рис. 368. Ани, церковь Св. Григора (Гагкашен):
ионическая капитель со сферической головкой. Снимок Марра

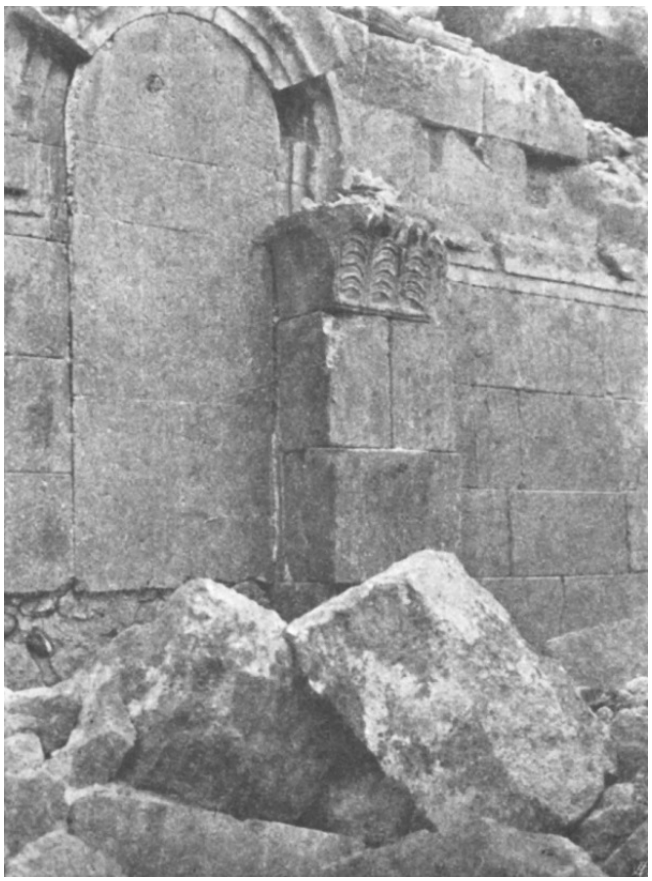

Рис. 369. Текор, церковь Св. Саргиса: замурованный южный вход

Рис. 370. Ани, церковь Спасителя: двери. Снимок Кюркчяна

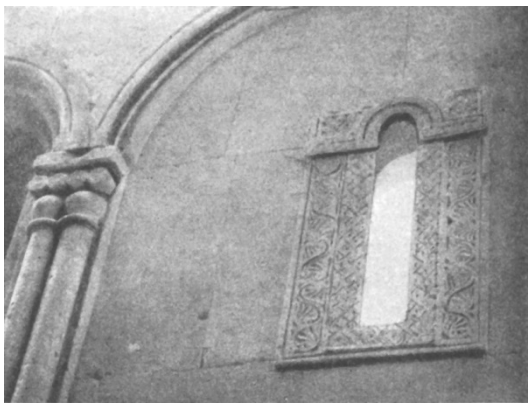

Рис. 371. Мармашен, северная постройка: декоративная арка и окно южной стены

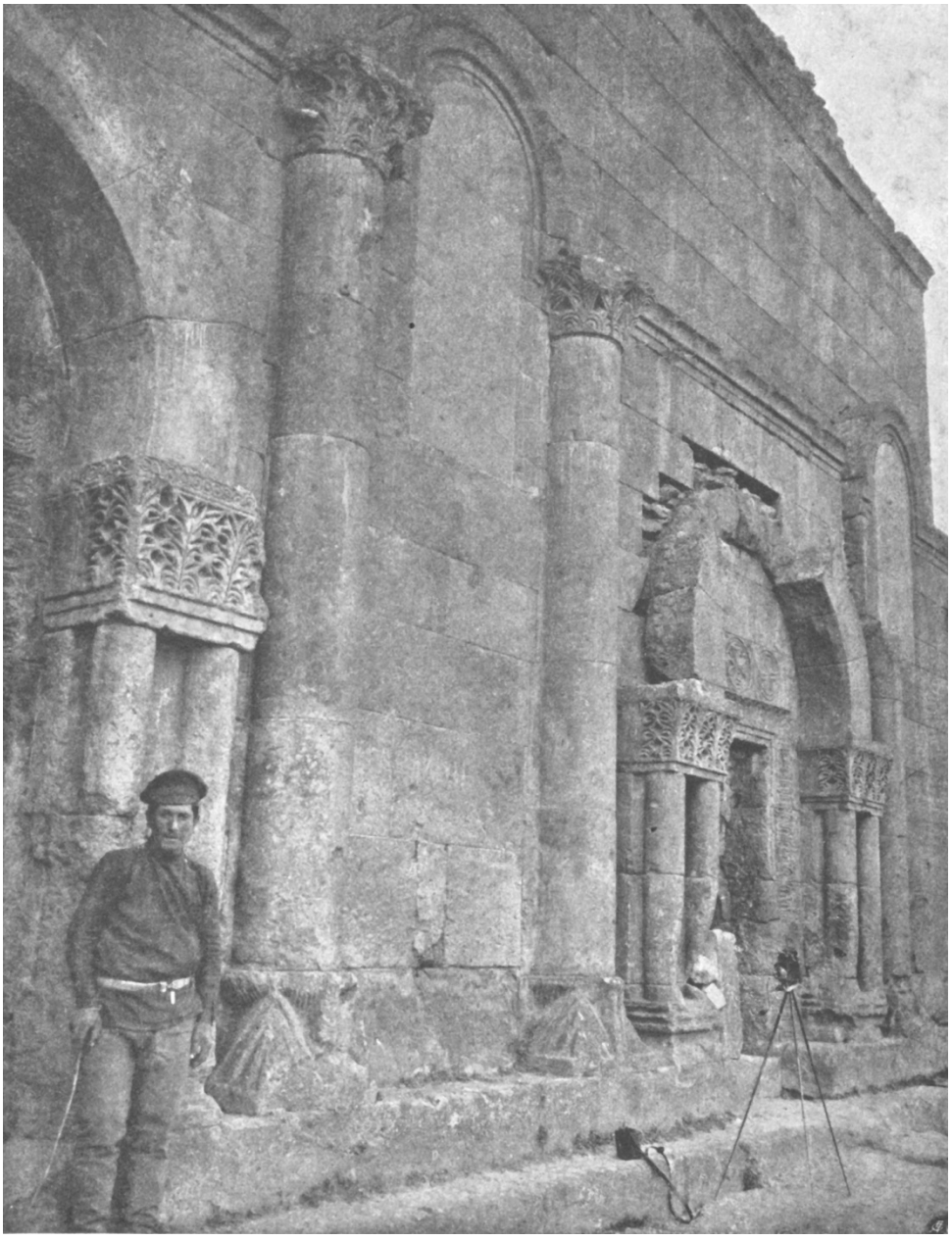

Рис. 372. Текор, церковь Св. Саргиса, северная сторона: деталь

Рис. 373. Аграк, тетраконх: западный вход. Снимок Смирнова

Рис. 374. Одзун, главная церковь: западный вход и портик

Рис. 375. Монастырь Кечарис, церковь Св. Григора: западный вход жаматуна.
Снимок Ермакова

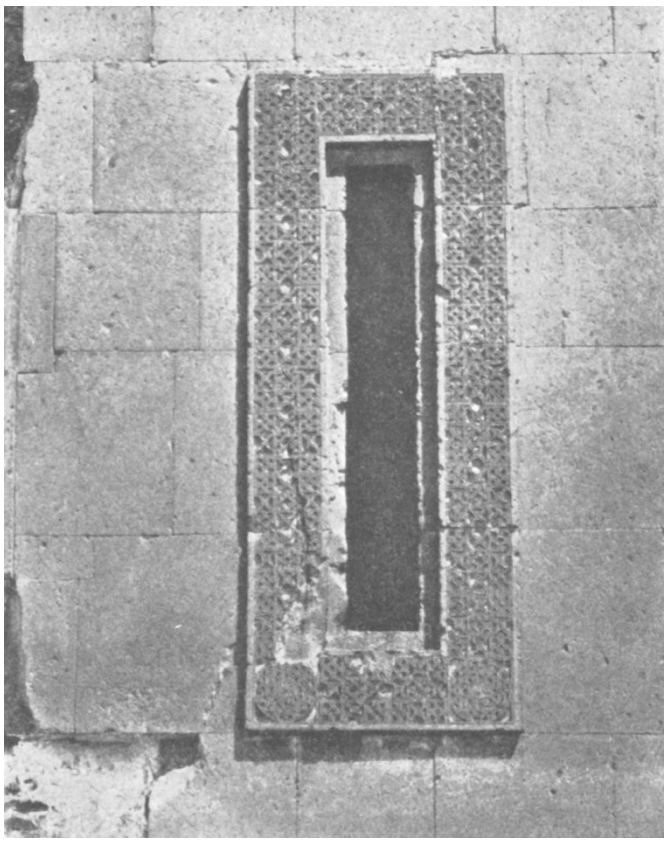

Рис. 376. Ани, собор: прямоугольное окно. Снимок Кюркчяна

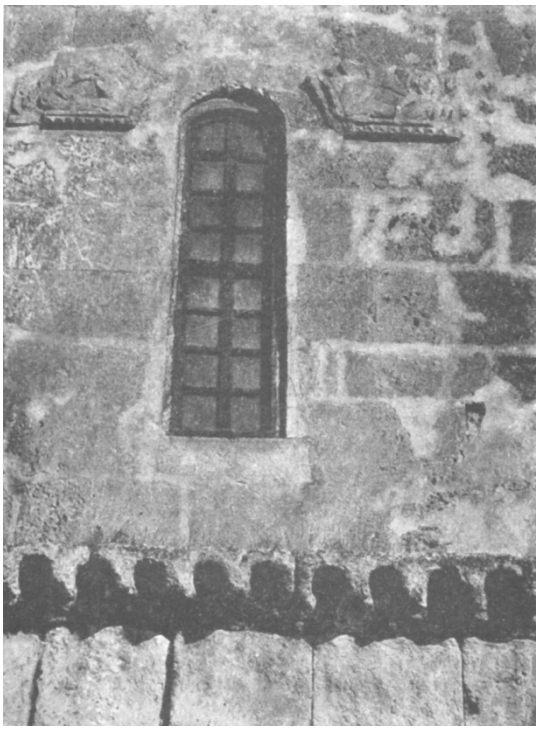

Рис. 377. Одзун, главная церковь: окно в южном щипце

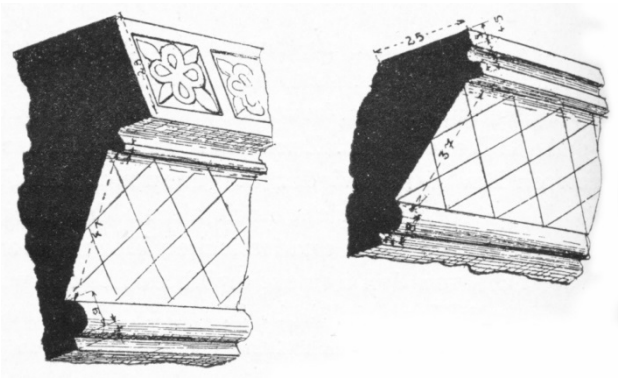

Рис. 378-379. Звартноц, собор: венчающий карниз

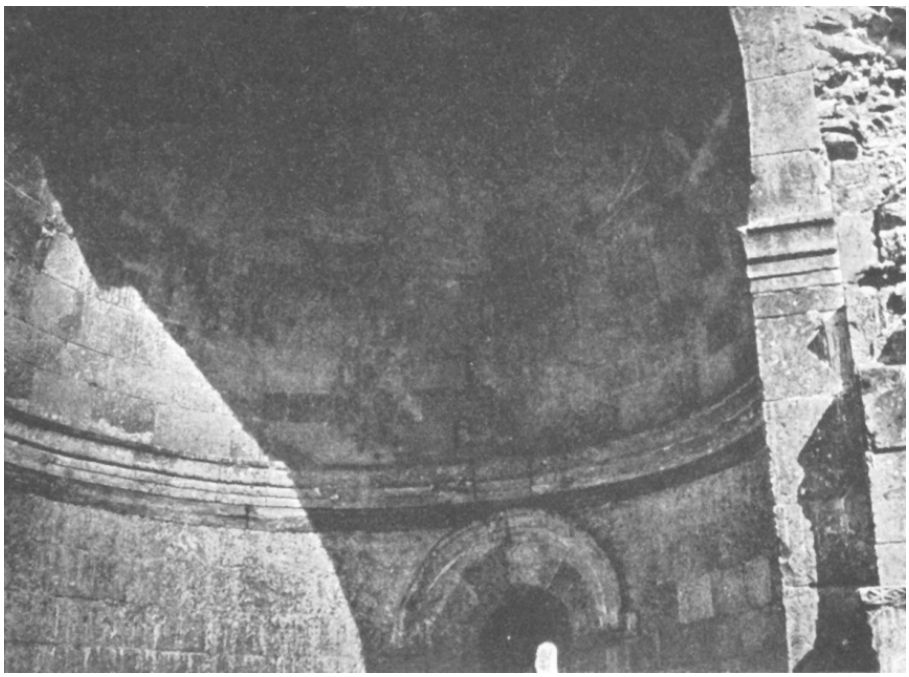

Рис. 380. Текор, церковь Св. Саргиса: апсида

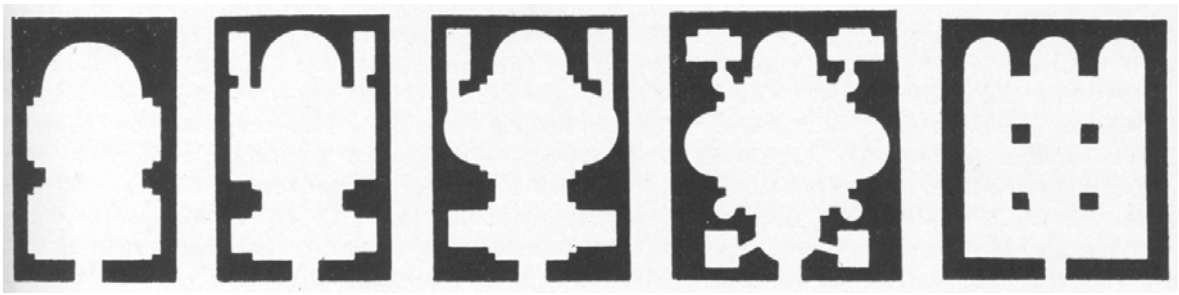

Рис. 381. Развитие типов армянских церквей по Бахману

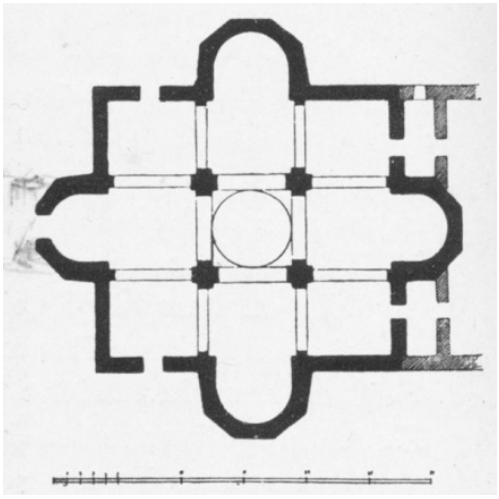

Рис. 382. Эчмиадзин, Кафедральный собор: план. Обмер Тораманяна

Рис. 383. Эчмиадзин, Кафедральный собор: вид с севера. Снимок Тораманяна

Рис. 384. Эчмиадзин, Кафедральный собор: вид с юга. Снимок Тораманяна

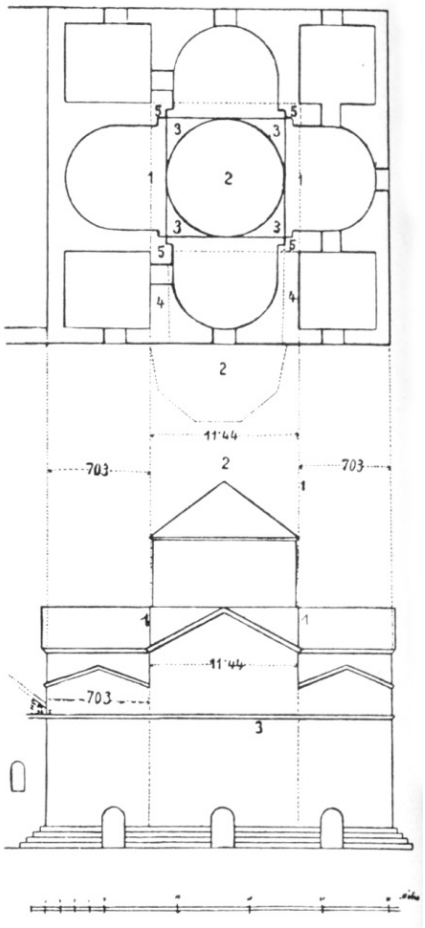

Рис. 385. Эчмиадзин, Кафедральный собор: попытка реставрации Тораманяном

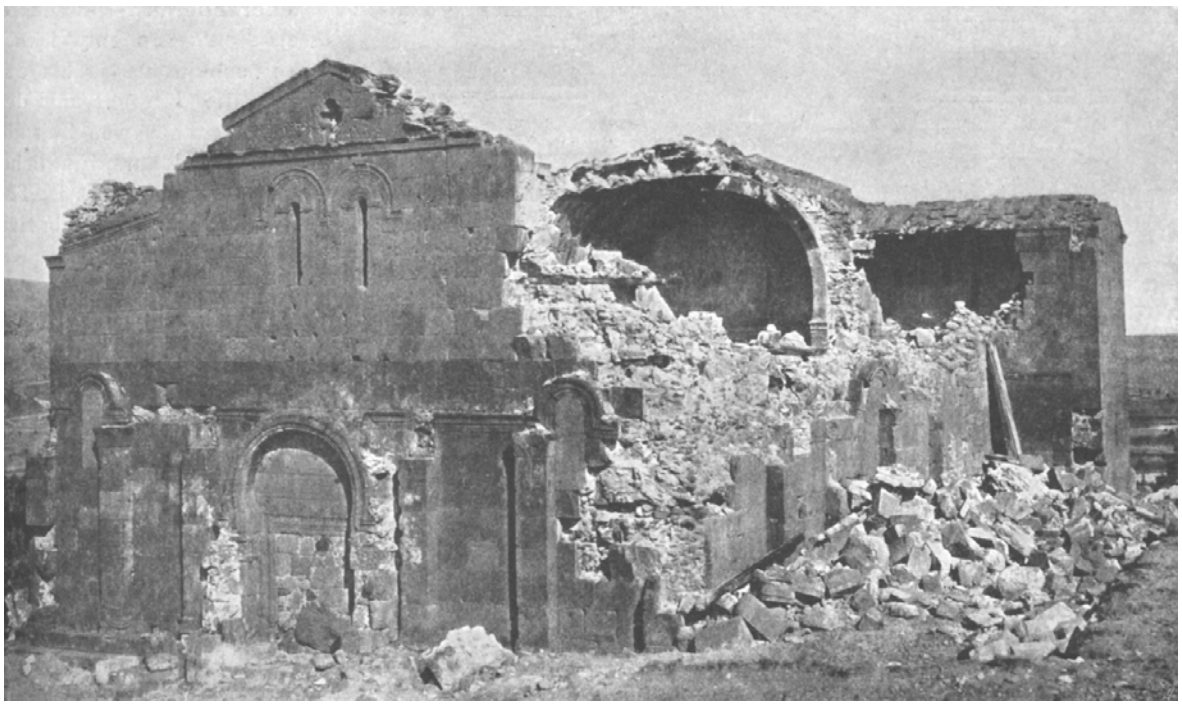

Рис. 386. Текор, церковь Св. Саргиса: вид с юго-запада, современное состояние

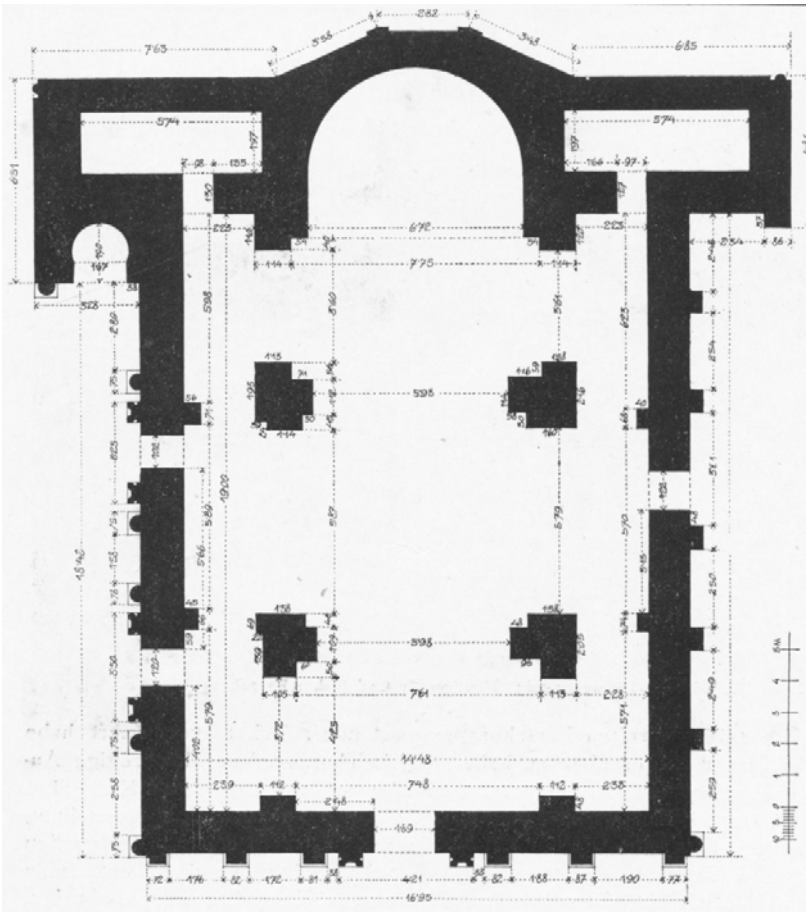

Рис. 387. Текор, церковь Св. Саргиса: план. Обмер Тораманяна

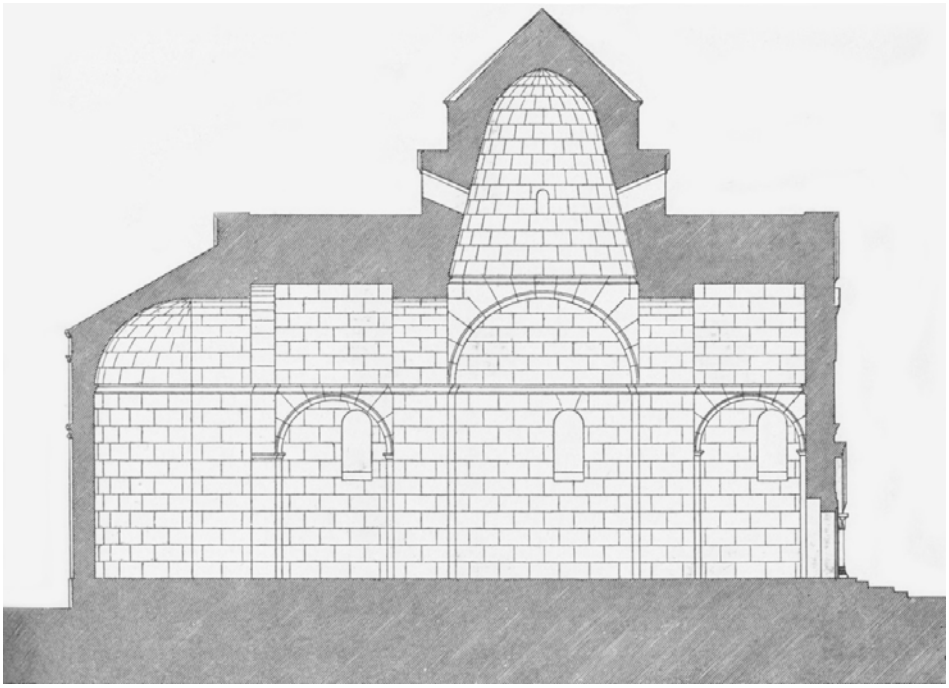

Рис. 388. Текор, церковь Св. Саргиса: продольный разрез
(вид с севера, без боковых входов). Обмер Тексье

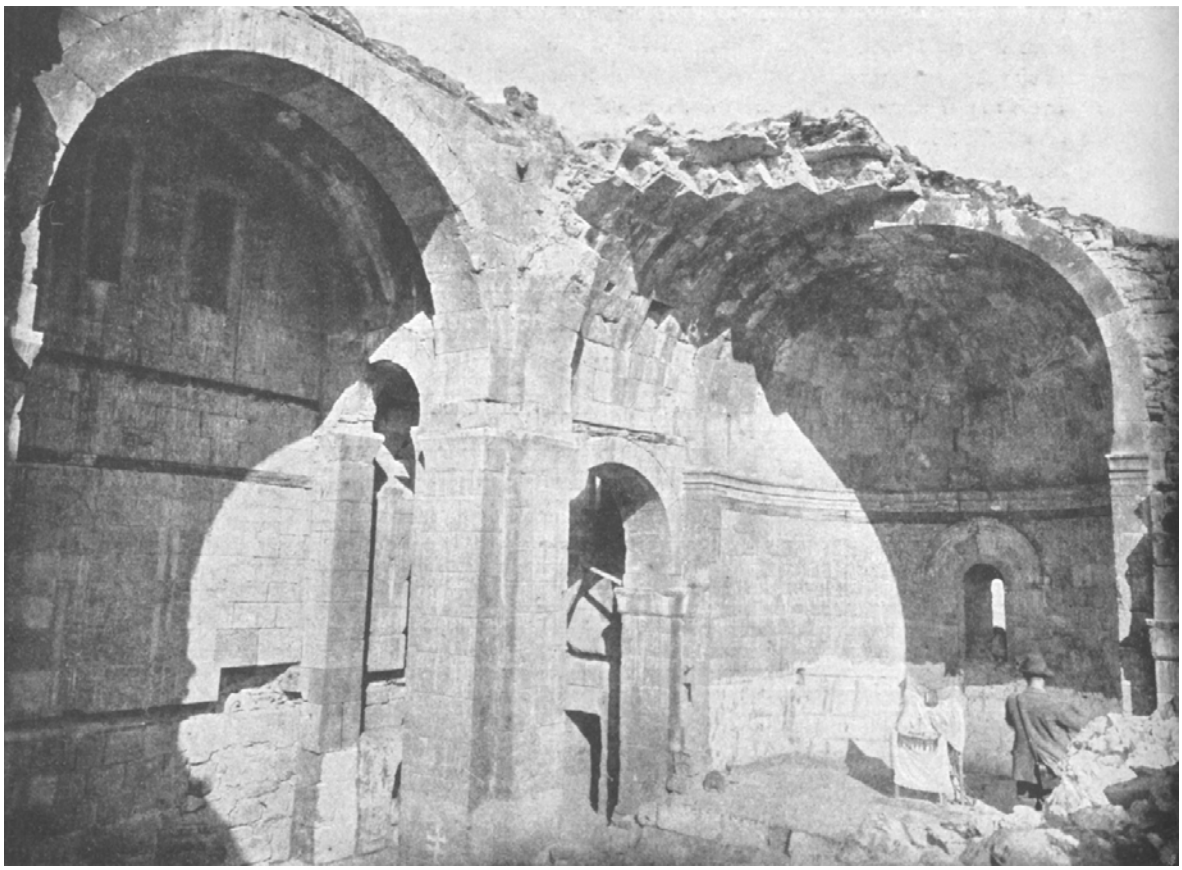

Рис. 389. Текор, церковь Св. Саргиса, внутренний вид:
северо-восточный угол

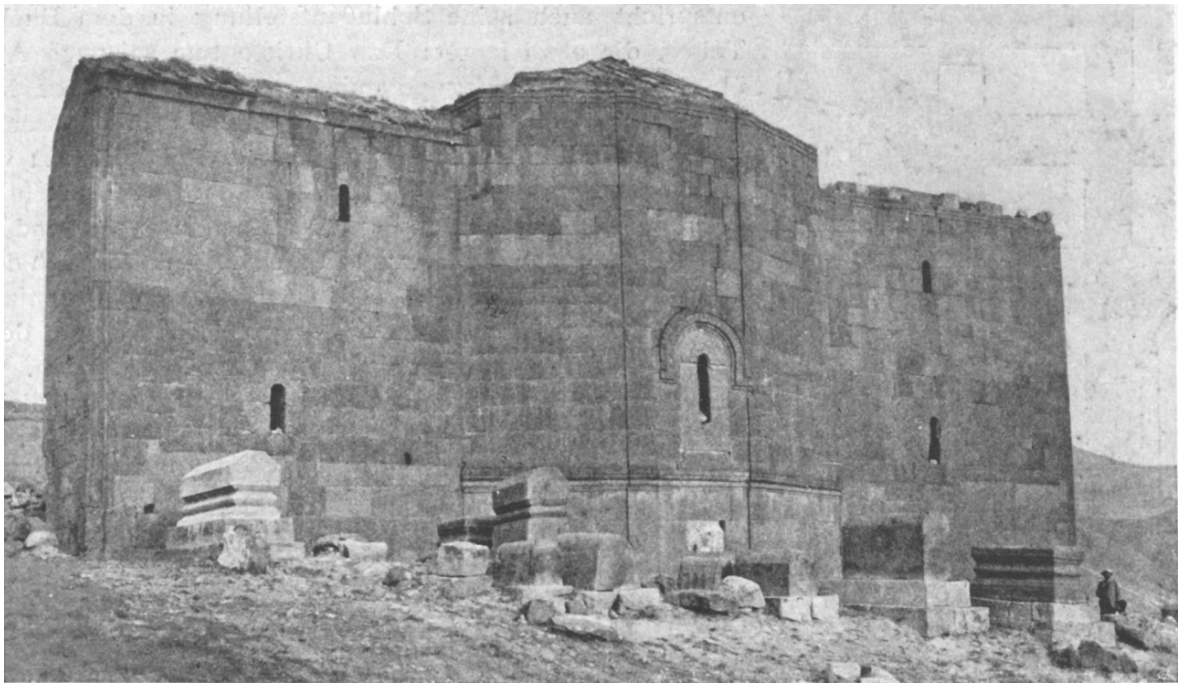

Рис. 390. Текор, церковь Св. Саргиса: вид с востока

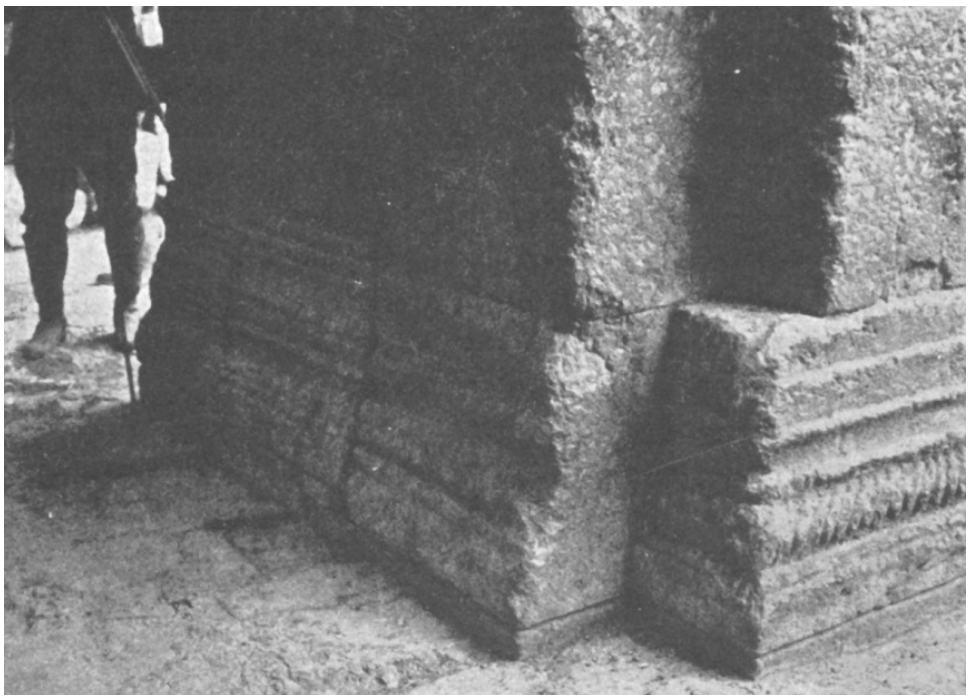

Рис. 391. Текор, церковь Св. Саргиса: северо-восточный пилон

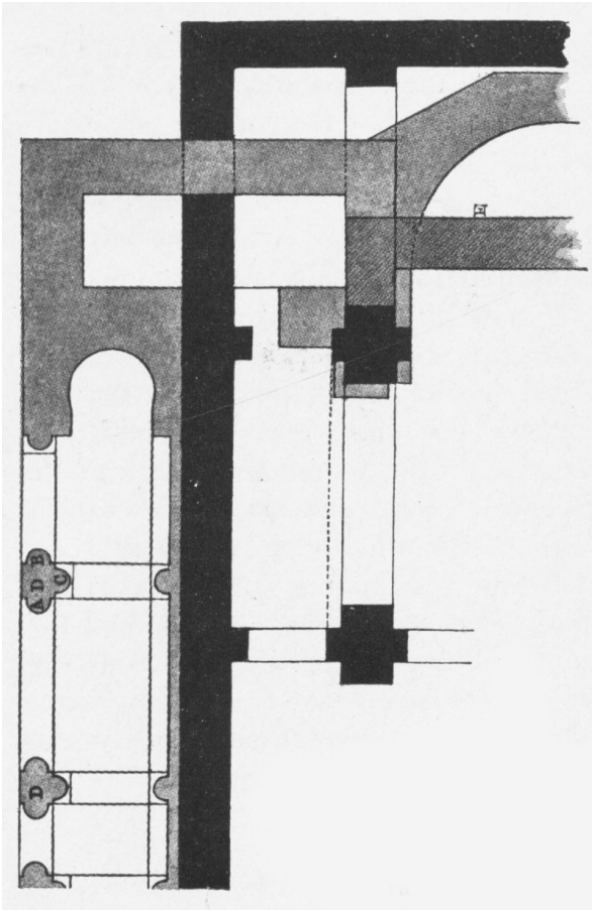

Рис. 392. Текор, церковь Св. Саргиса: последовательное развитие трех построек продольного типа по Тораманяну

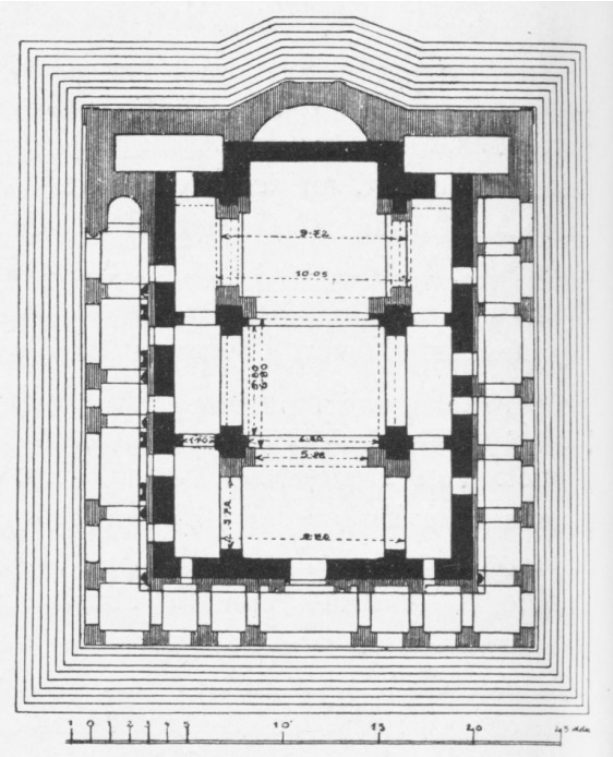

Рис. 393. Текор, церковь Св. Саргиса: превращение третьей церкви продольного типа в купольный тип по Тораманяну

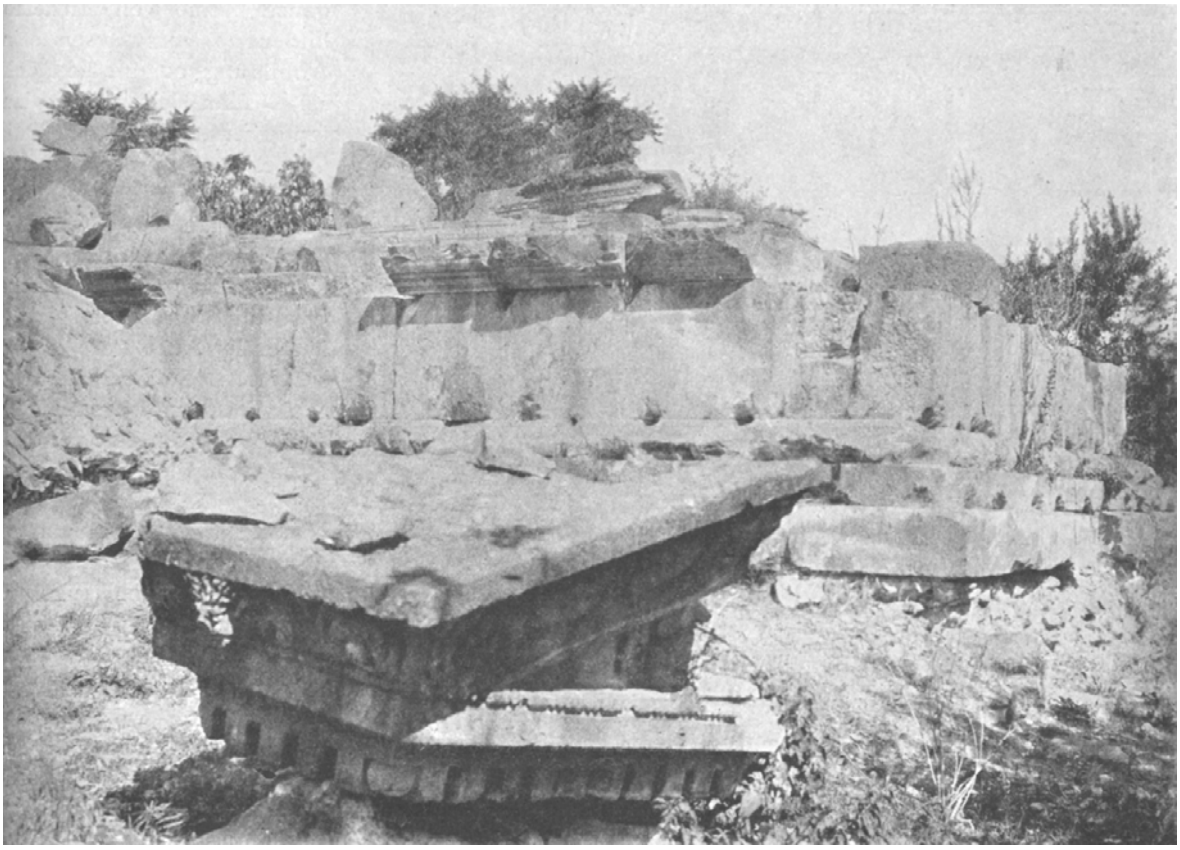

Рис. 394. Гарни, храм: задняя сторона

Рис. 395. Гарни, храм: угол фронтона

Рис. 396. Пасаргады, гробница Кира. Снимок Сарре

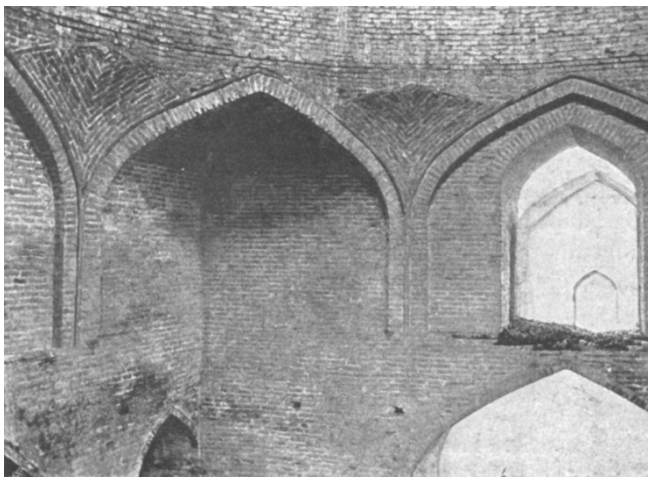

Рис. 397. Ферахабад (Мазандаран), мечеть: основание купола. Снимок Дица

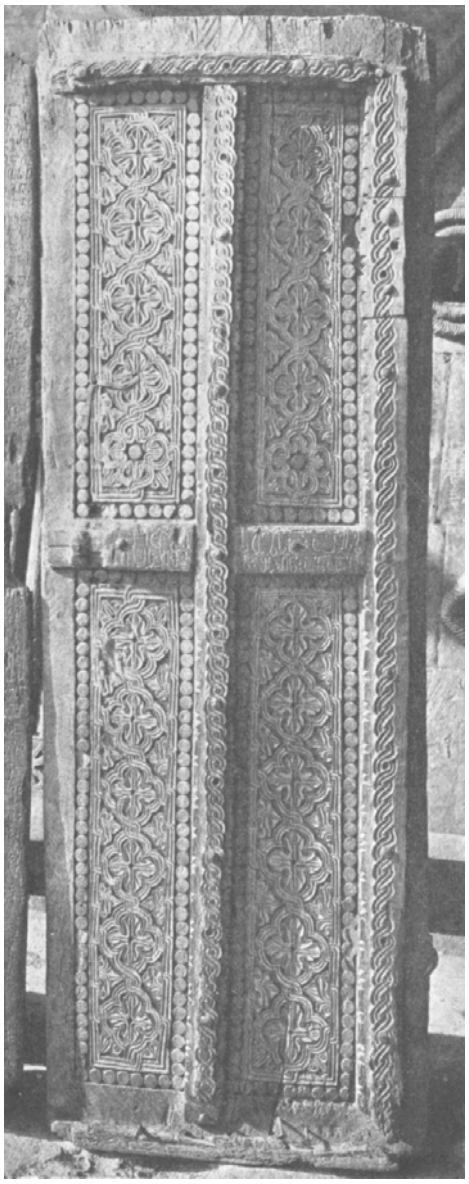

Рис. 398. Мгвиме: деревянная церковная дверь. Снимок Ермакова

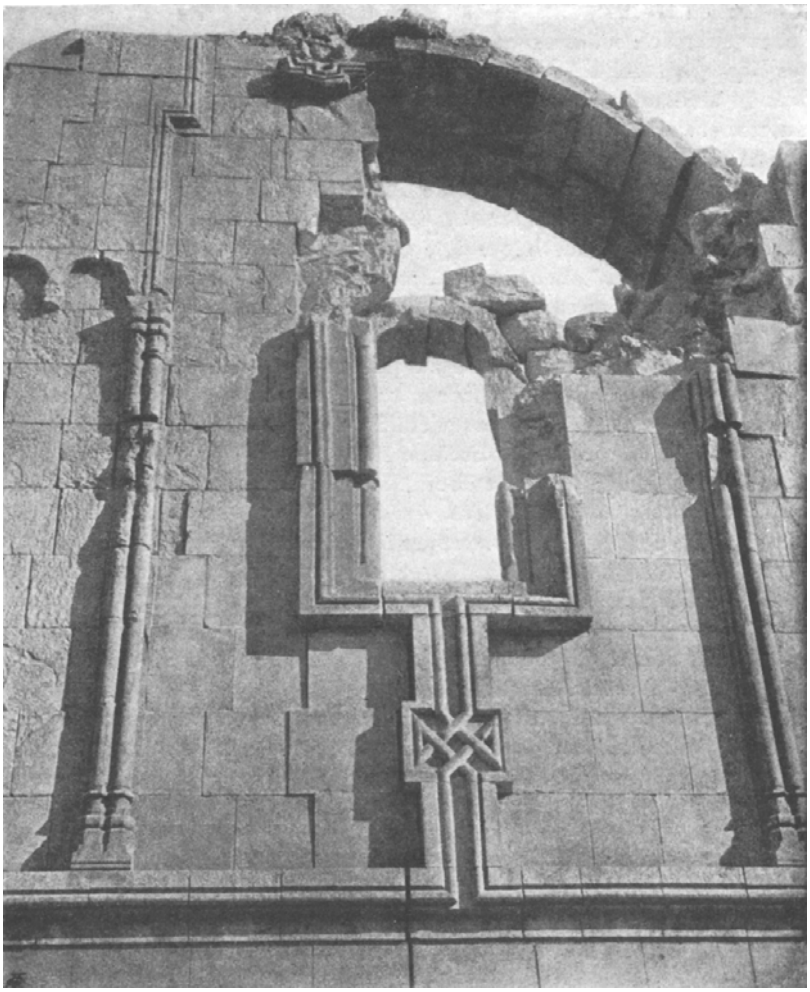

Рис. 399. Амагу, церковь Св. Богородицы: облицовка плитами. Снимок Ермакова

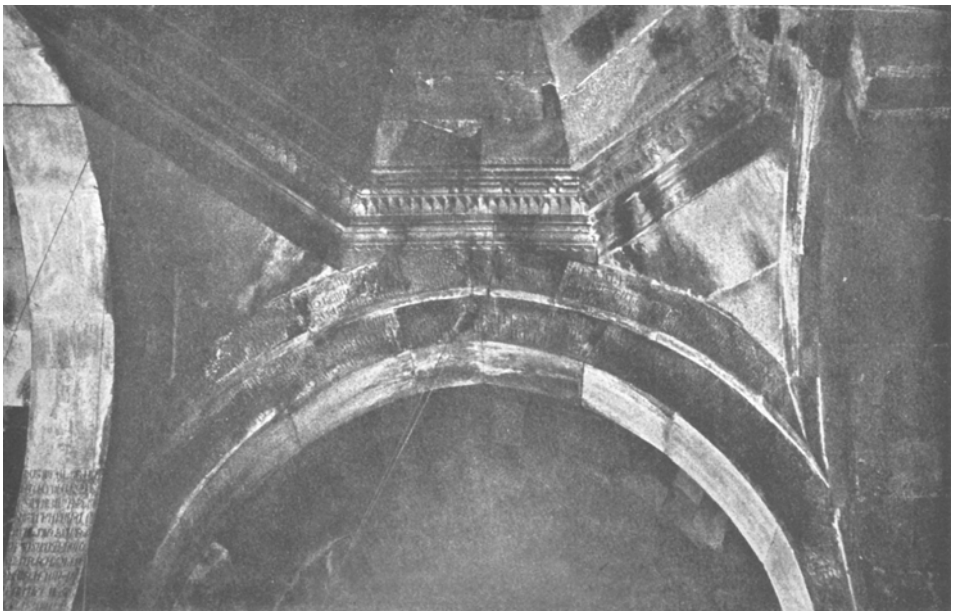

Рис. 400. Монастырь Кечарис. Церковь Св. Григора: купол жаматуна.
Снимок Ермакова

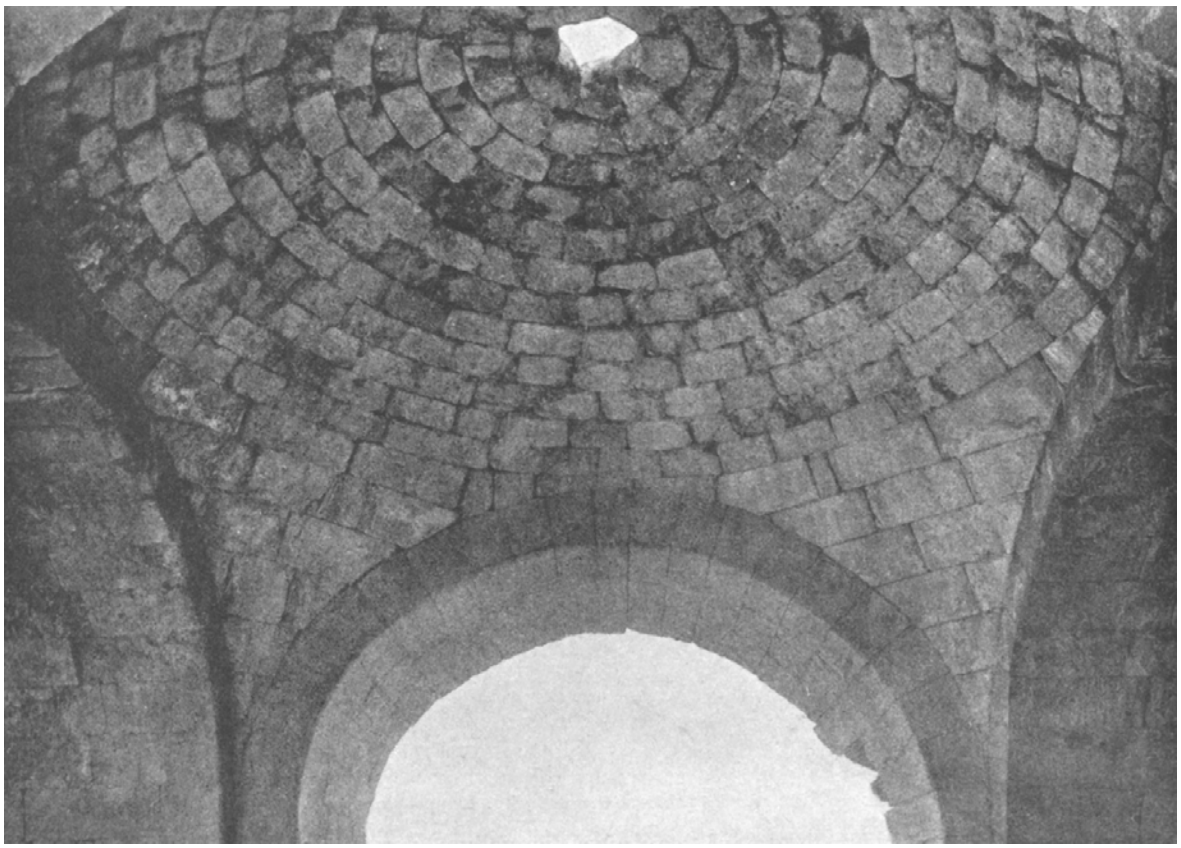

Рис. 401. Джераш, термы: висячий купол. Снимок Пухштейна

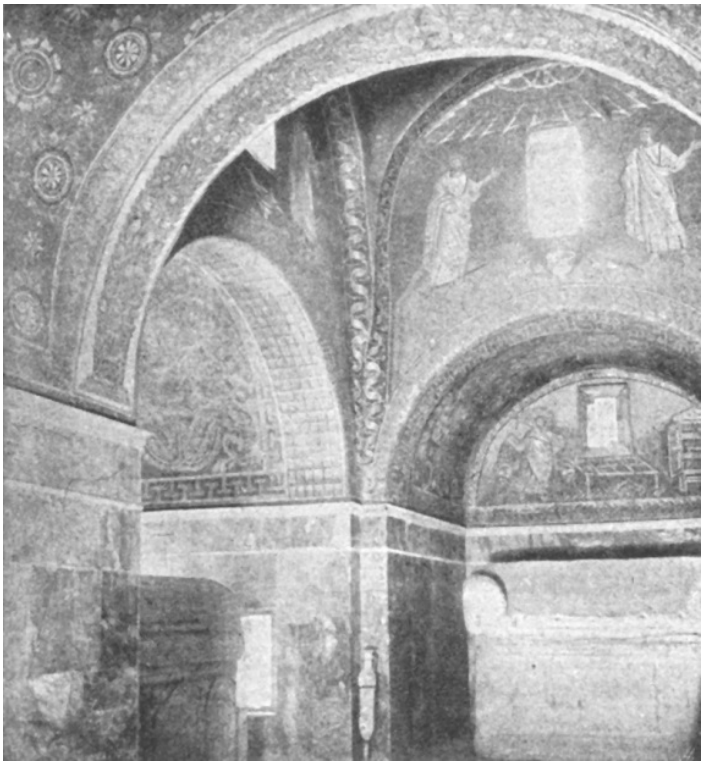

Рис. 402. Равенна, мавзолей Галлы Плацидии: внешний вид. Снимок Хаммершлага

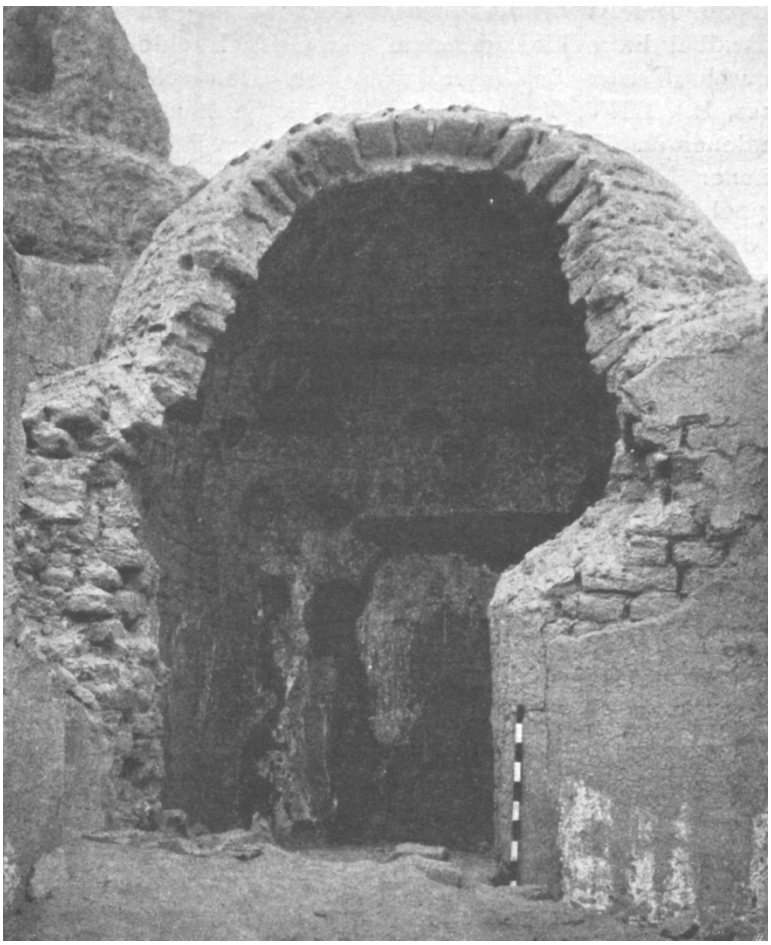

Рис. 403. Безеклик. Купольная постройка с тромпами. Снимок Ольденбурга

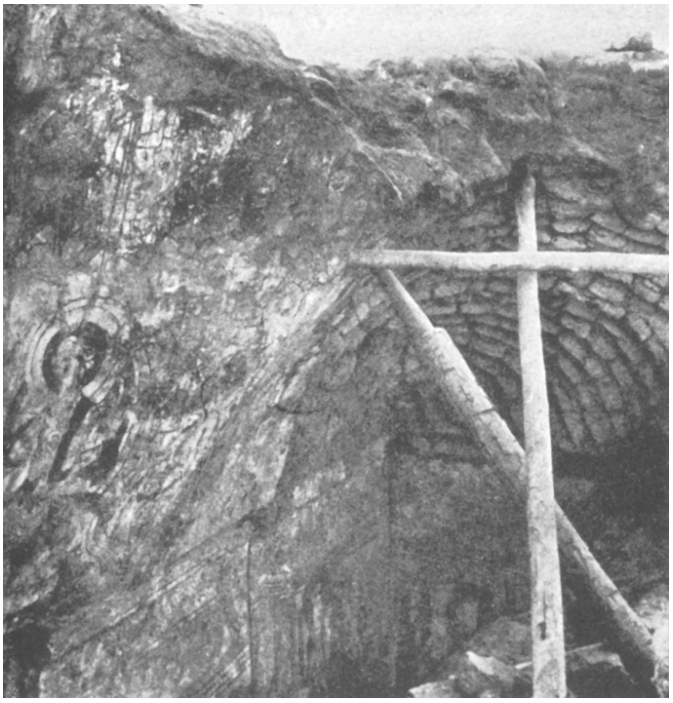

Рис. 404. Ходжо, развалины T1: тромп. Снимок Ле Кока

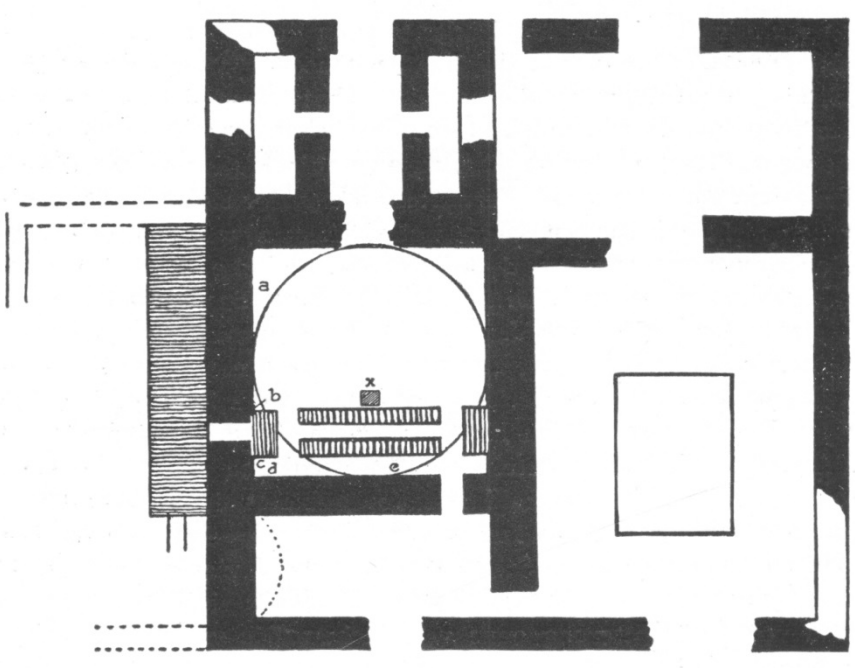

Рис. 405. Ходжо, развалины T1: план. Снимок Ле Кока

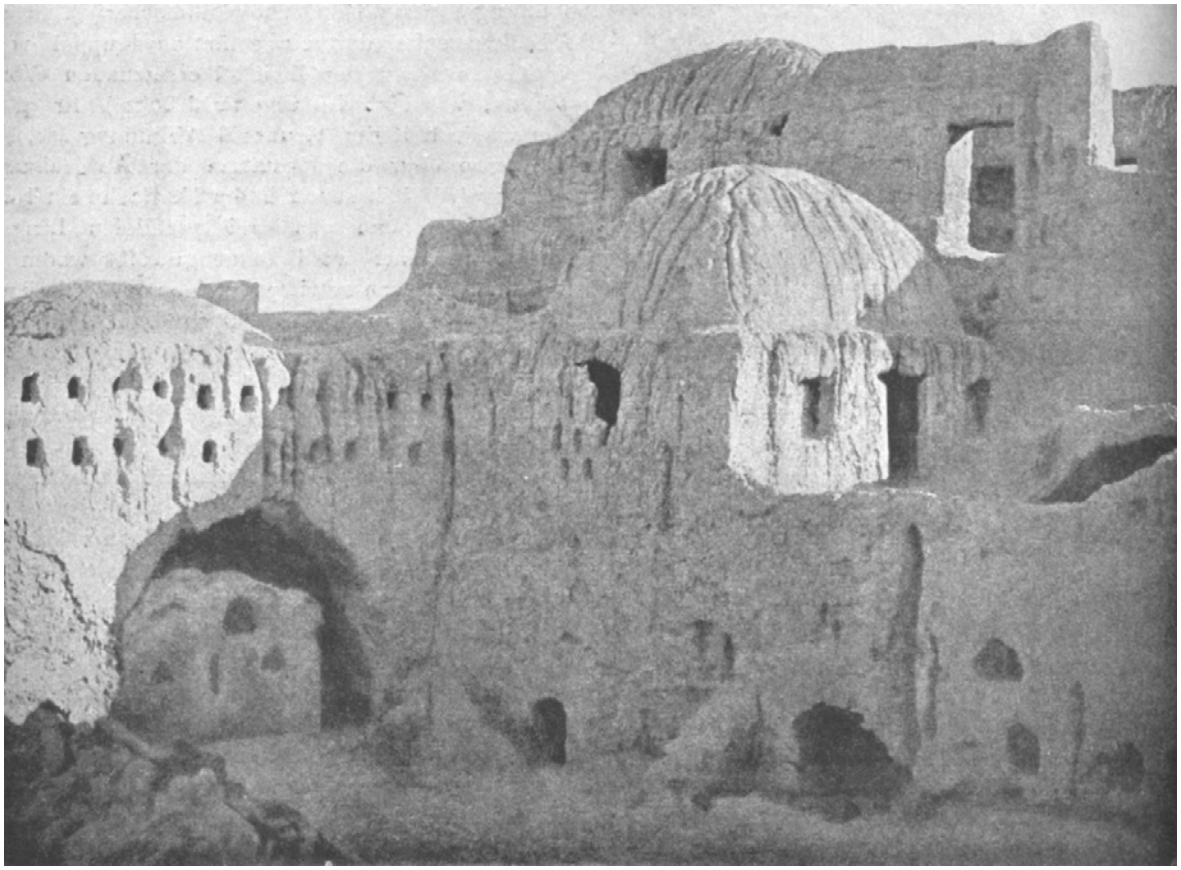

Рис. 406. Кох-и-Куаджа: развалины города, купольные постройки. Снимок Лакоста

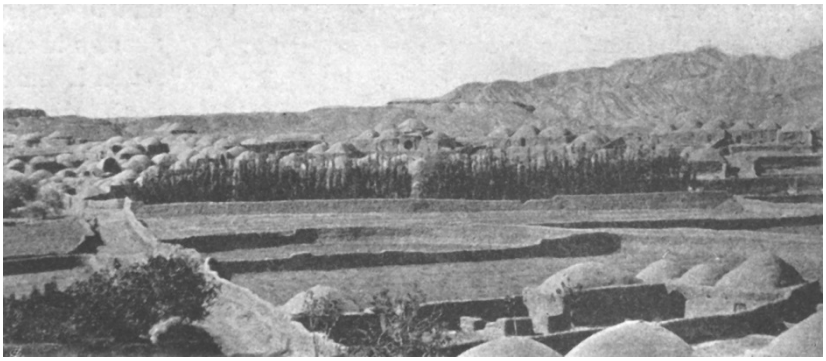

Рис. 407. Деревня Кишмар и Алиабад. Снимок Дица

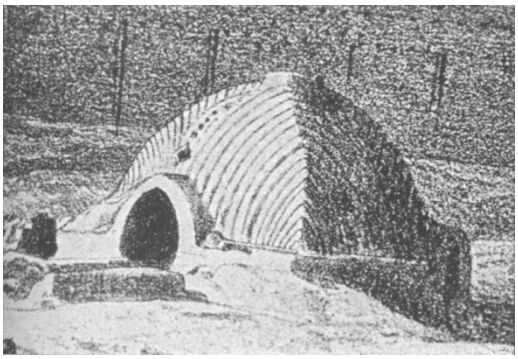

Рис. 408. Хорасан: купольная постройка. Снимок Лоренса

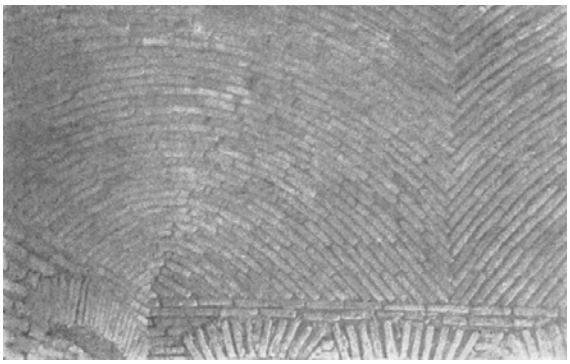

Рис. 409. Себзевар, караван-сарай: деталь. Снимок Дица

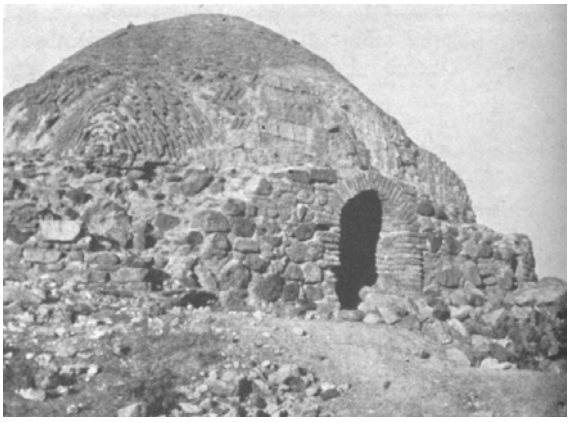

Рис. 410. Бус-и-Хор: купольная постройка. Снимок Дица

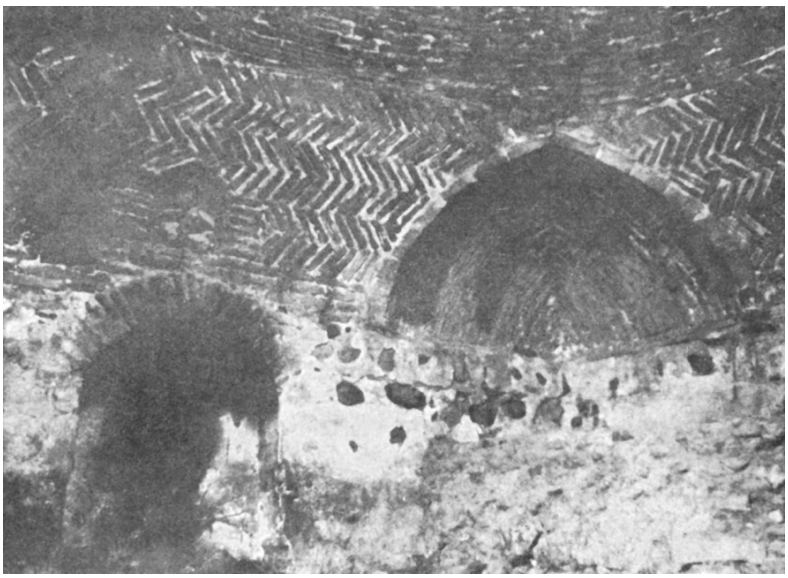

Рис. 411. Бус-и-Хор: купольная постройка, внутренний вид. Снимок Дица

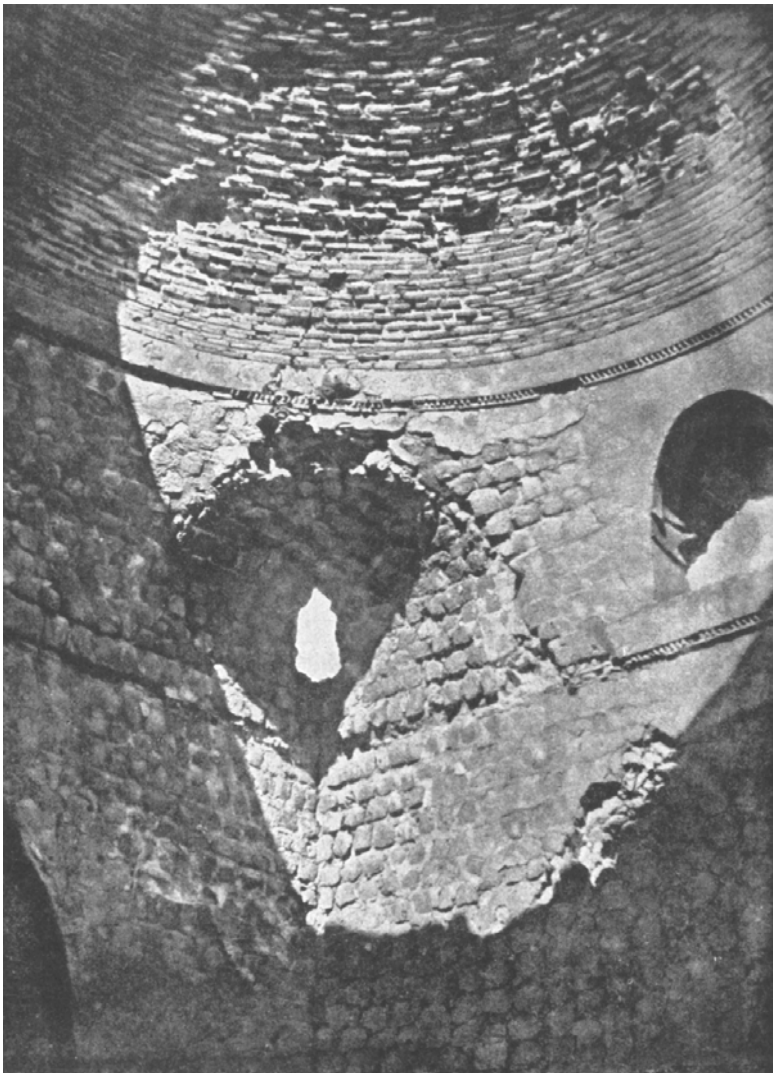

Рис. 412. Сарвистан, дворец: основание купола. Снимок Дьелафуа

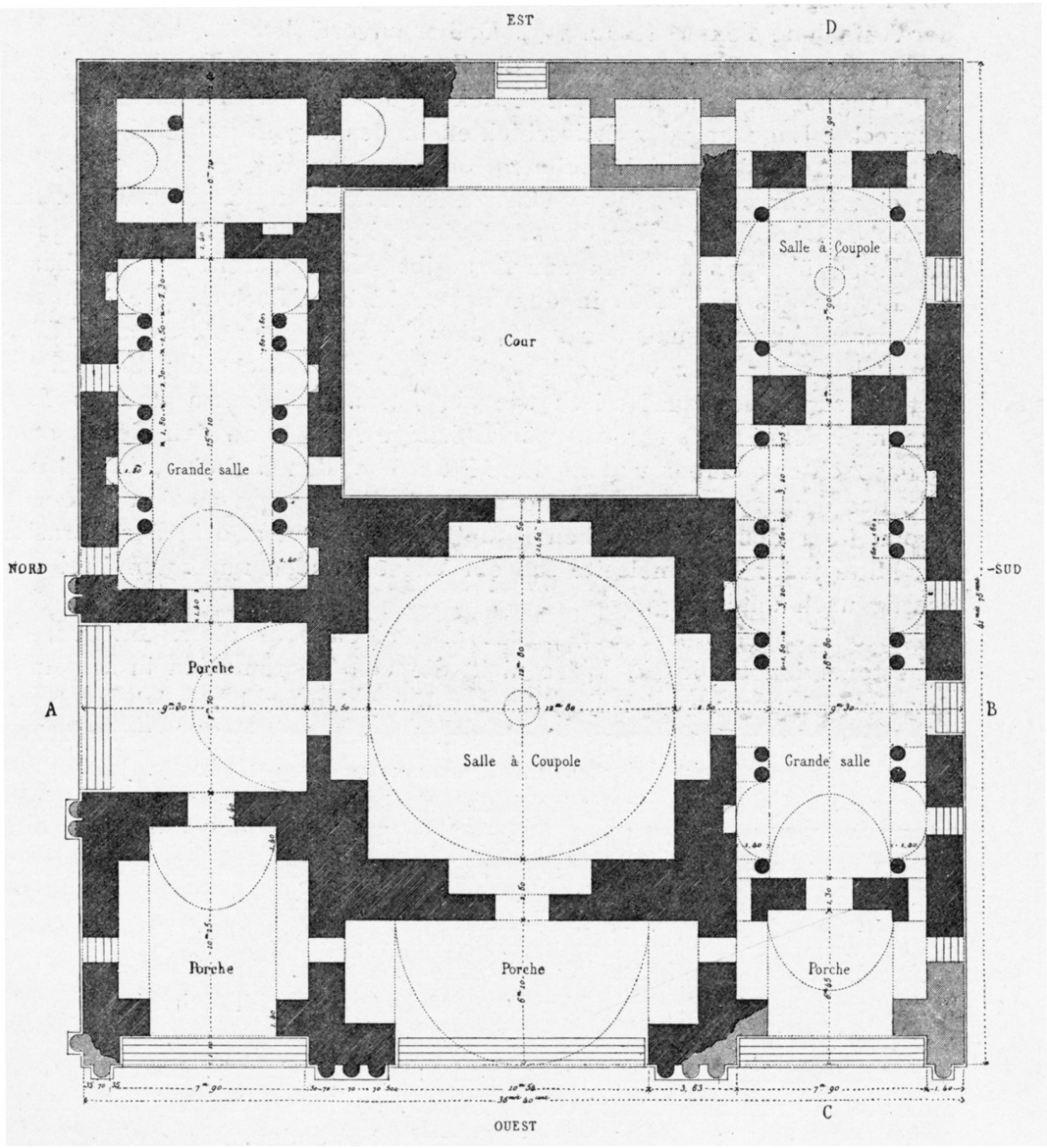

Рис. 413. Сарвистан, дворец: план. Обмер Косте

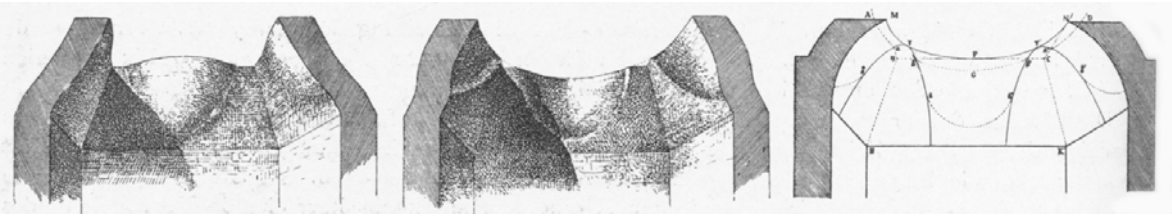

Рис. 414-416. Образование купола с тромпами по Дьелафуа

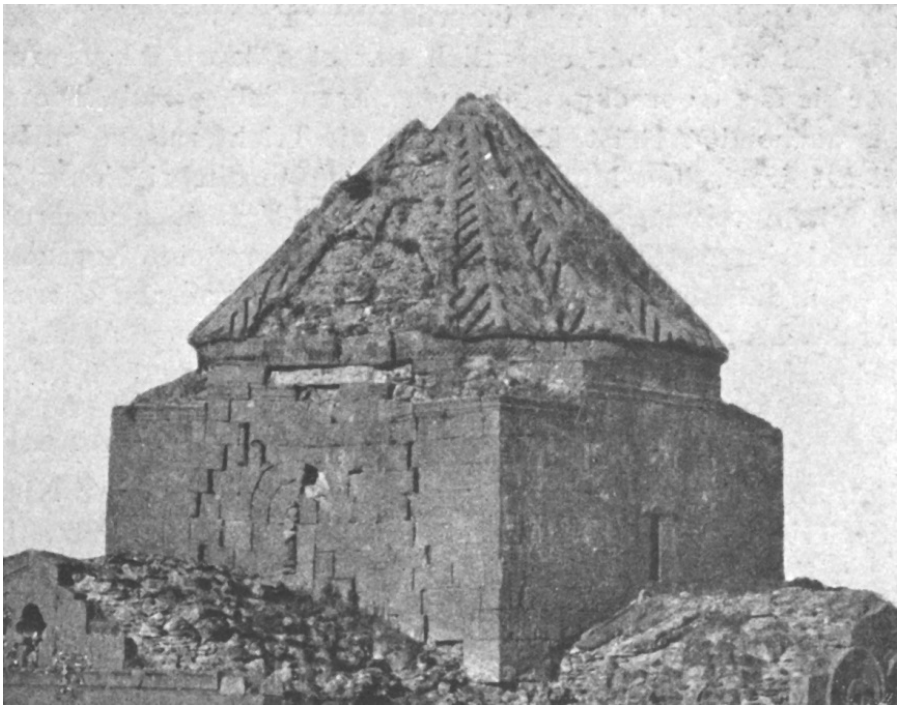

Рис. 417. Текор, купол: вид снаружи. Снимок Наапетяна

Рис. 418. Равенна, мавзолей Галлы Плацидии: внешний вид. Снимок Риччи

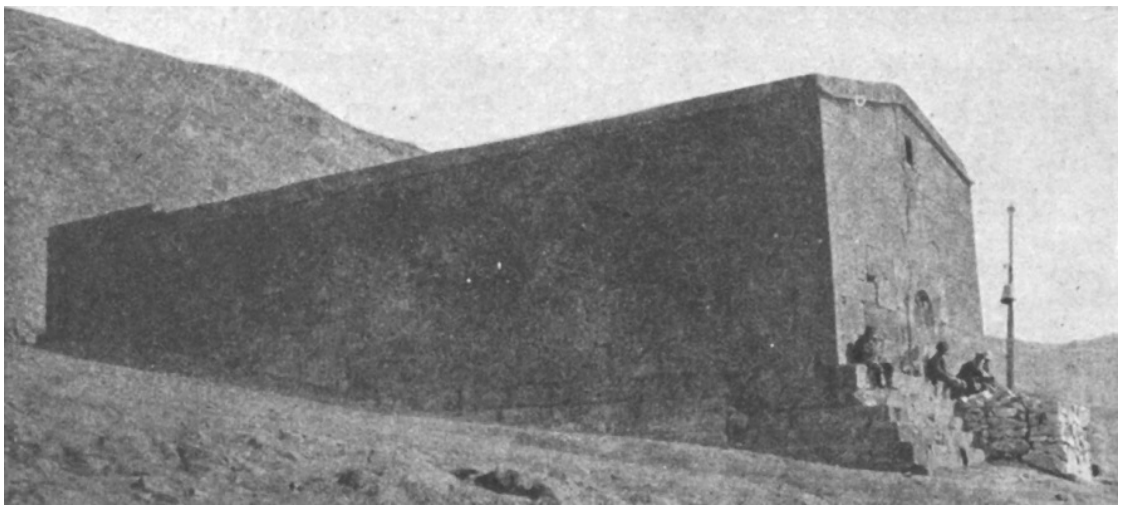

Рис. 419. Дираклар (Карнут), церковь: вид с северо-запада

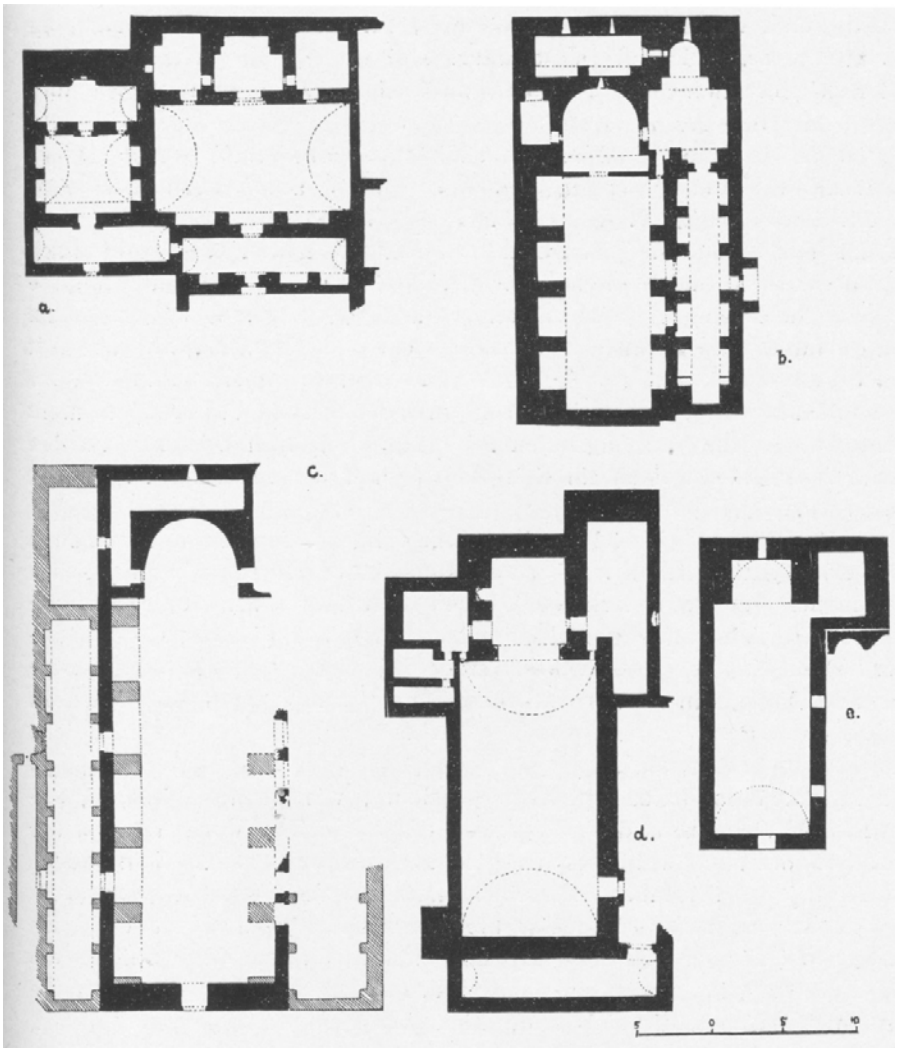

Рис. 420. Архитектурные формы церквей Тур-Абдина. Планы:
а) Мидьят, Мар Ибрагим и Убил, б) Арнас, Мар Кириакос, в) Хах, Мар Сово,
г) Мар Ауген, д) Дираклар (Карнут)

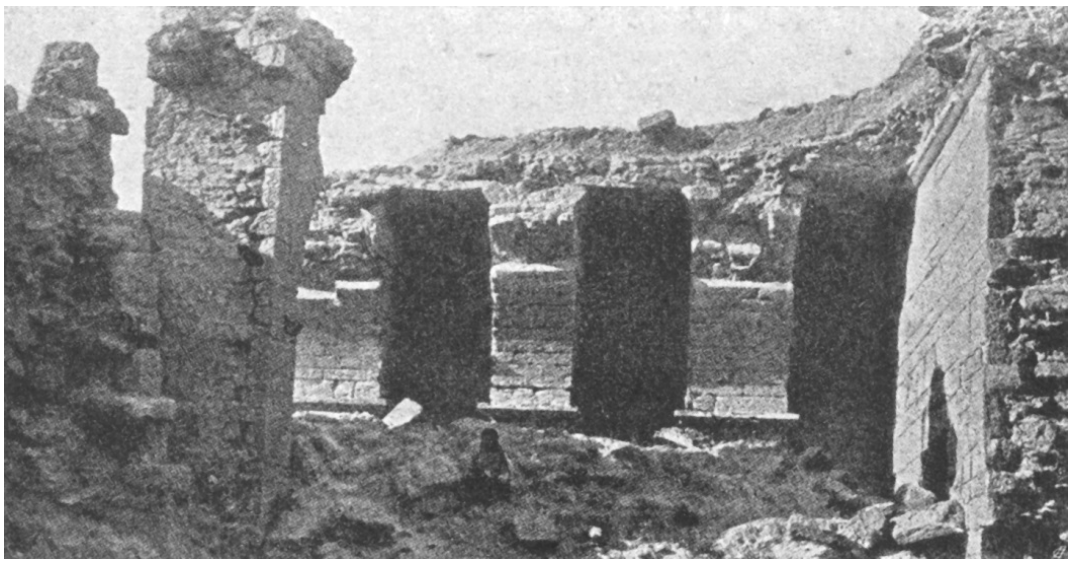

Рис. 421. Хатра, главный дворец: помещение верхнего этажа. Снимок Андре

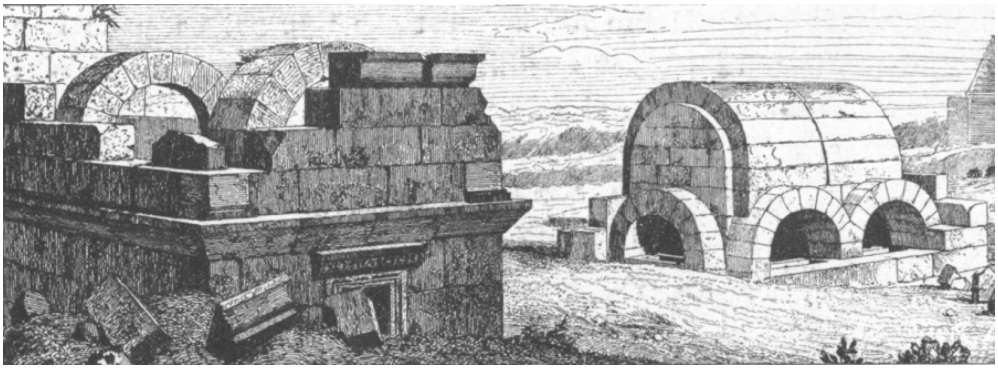

Рис. 422. Хасс: надгробные постройки. Зарисовка де Вогюэ

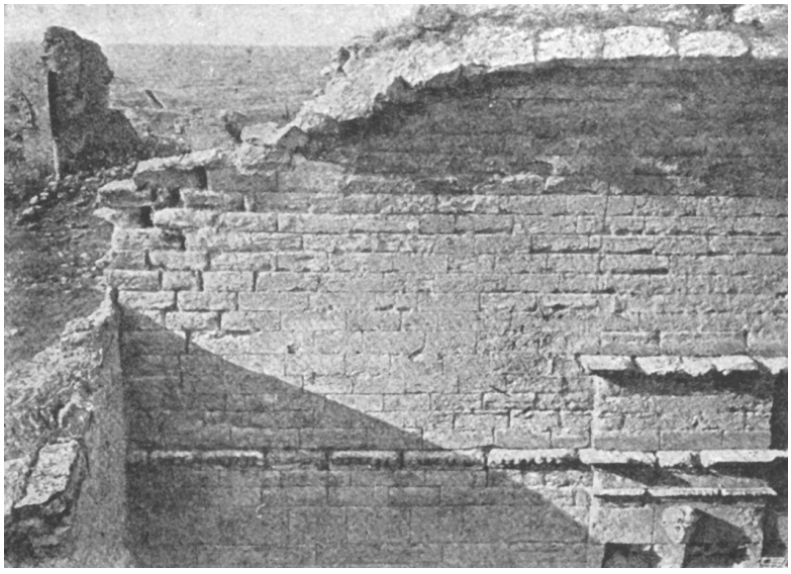

Рис. 423. Хатра, главный дворец: южный айван. Снимок Андре

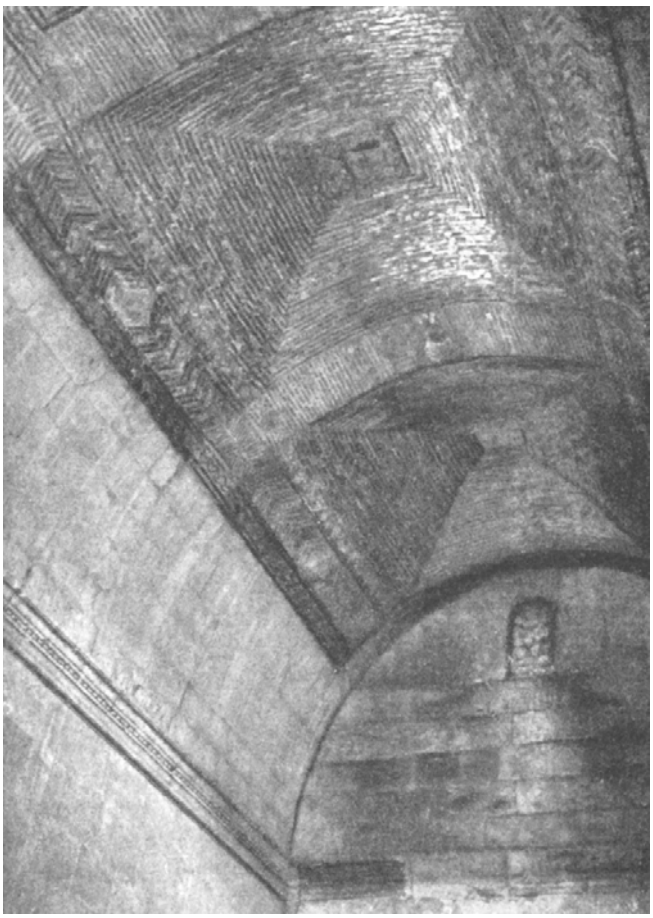

Рис. 424. Салах, Мар Якуб: свод. Снимок Белл

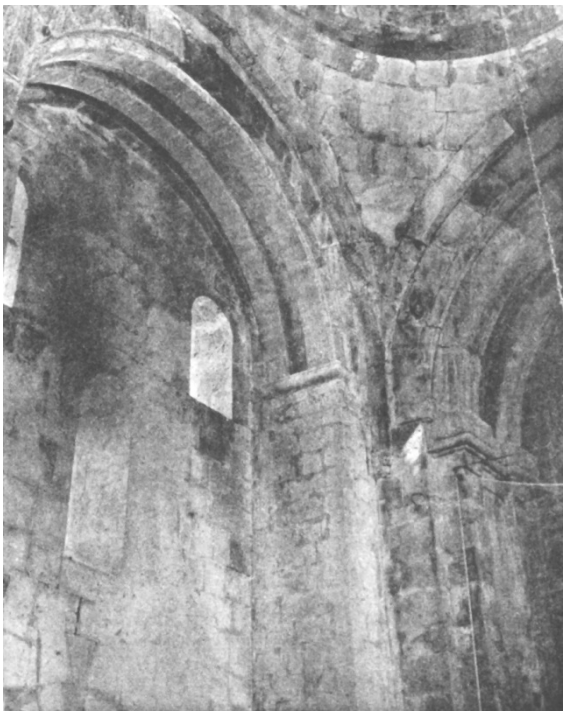

Рис. 425. Монастырь Санаин, церковь Спасителя, внутренний вид:
вид на северо-восточный угол

Рис. 426. Аштарак, трехнефная церковь, покрытая цилиндрическим сводом: верхняя часть западной стены изнутри

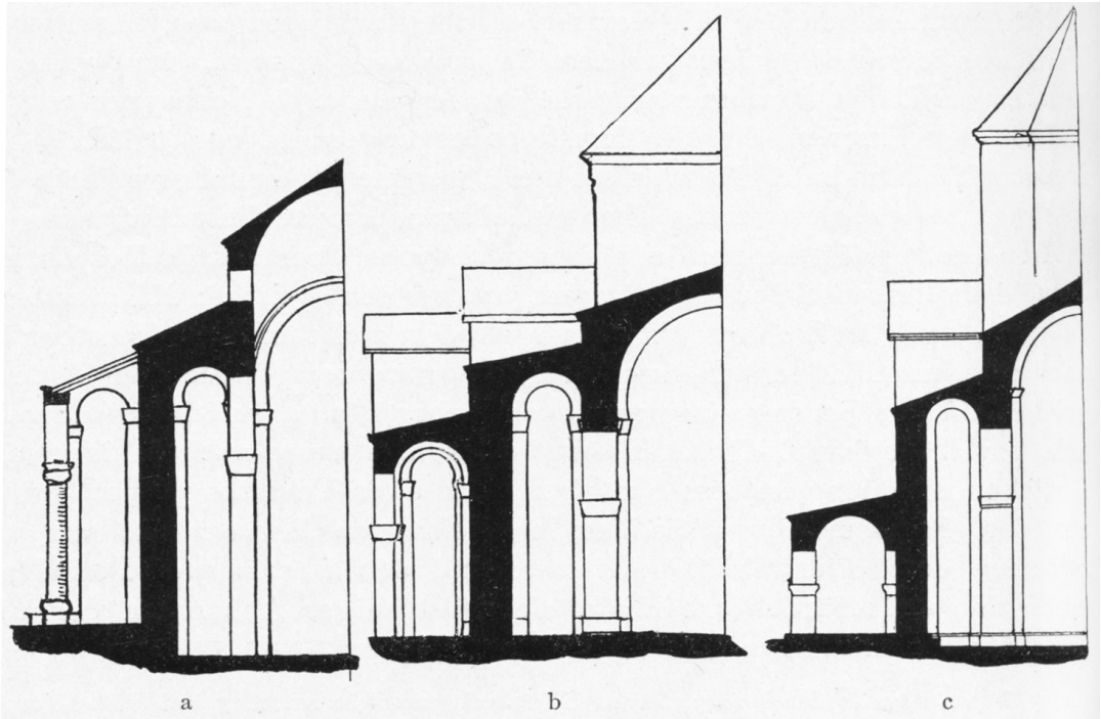

Рис. 427-429. Разрезы по галереям: а) Ерерук, б) Текор, в) Одзун

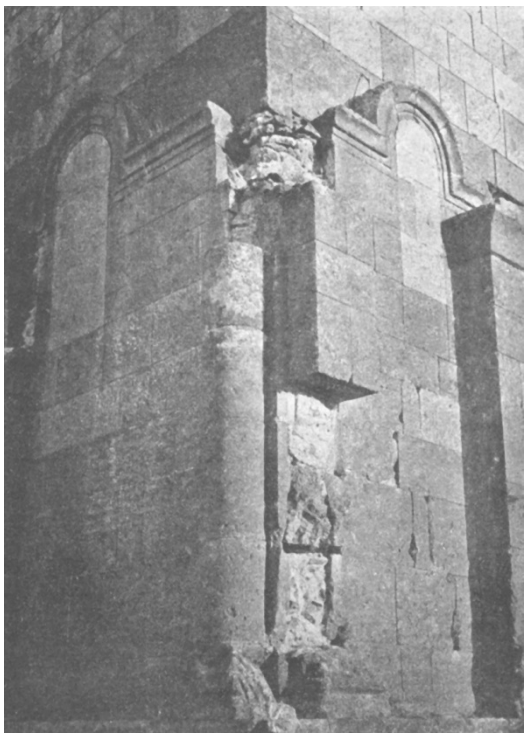

Рис. 430. Текор, церковь: северо-западный угол

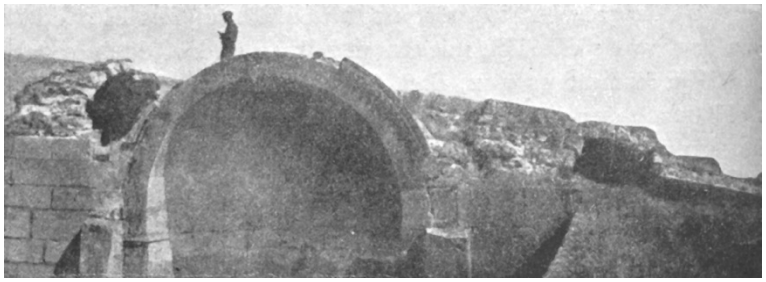

Рис. 431. Ерерук, базилика: ползучие цилиндрические своды боковых помещений

Рис. 432. Гарни, храм: фрагмент фриза

Рис. 433. Гарни, храм: фрагмент фриза. Снимок Тораманяна

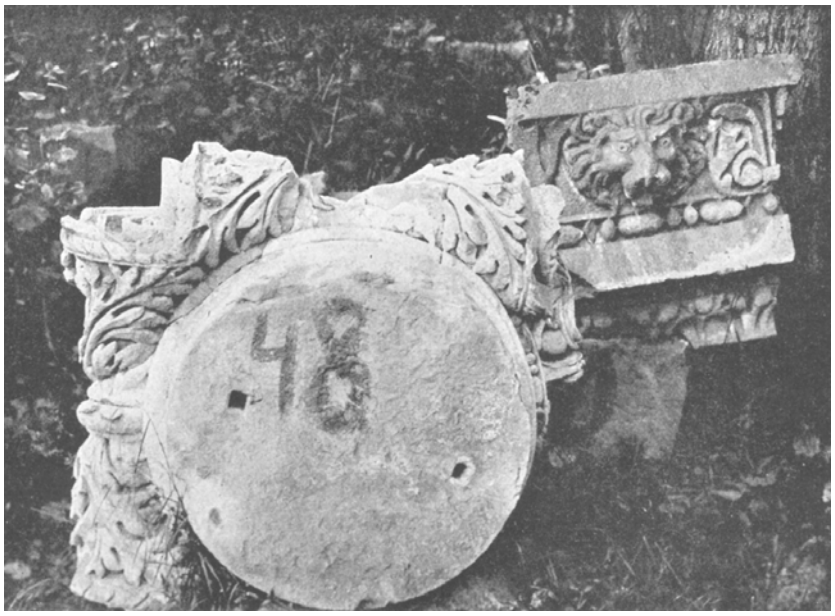

Рис. 434. Гарни, храм: капитель и фрагмент карниза. Снимок Тораманяна

Рис. 435. Гарни, храм: обломки постройки

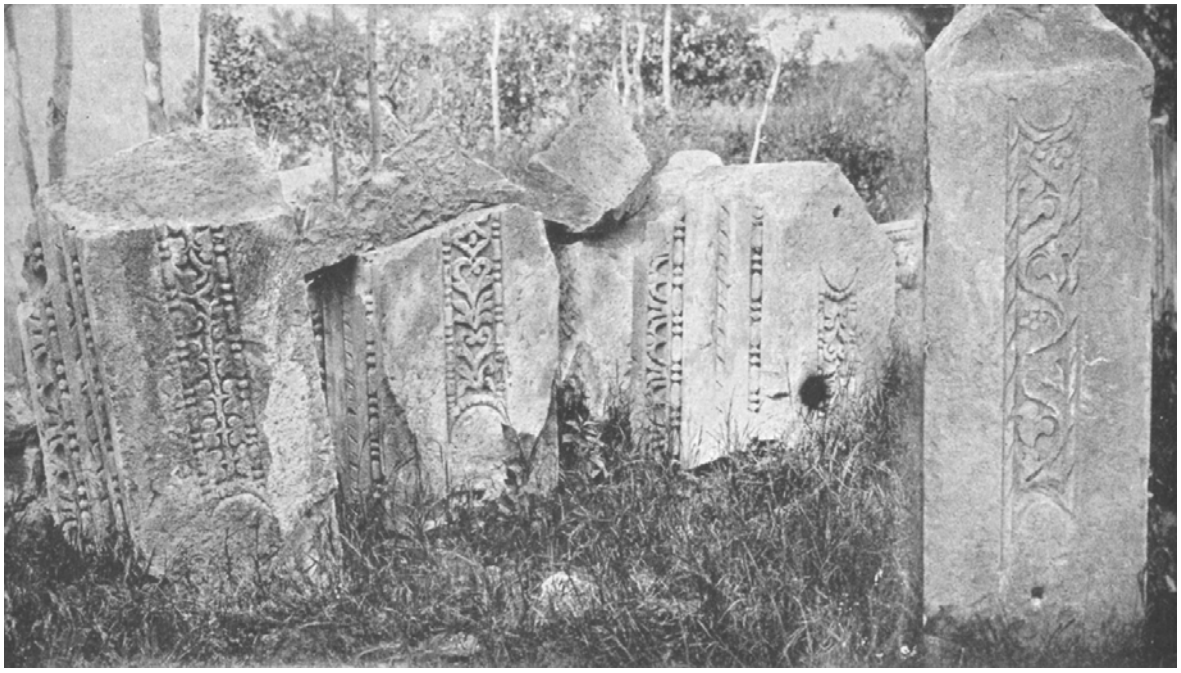

Рис. 436. Гарни, храм: нижние грани фрагментов архитравов. Снимок Тораманяна

Рис. 437. Лмбатаванк, церковь: замурованная каменная балка

Рис. 438. Текор, церковь: северная апсида галереи и восточный вход на северной стороне

Рис. 439. Текор, церковь: северо-восточный угол

Рис. 440. Текор, церковь: база декоративных колонн на северной стороне

Рис. 441. Гарни, храм: лиственная капитель

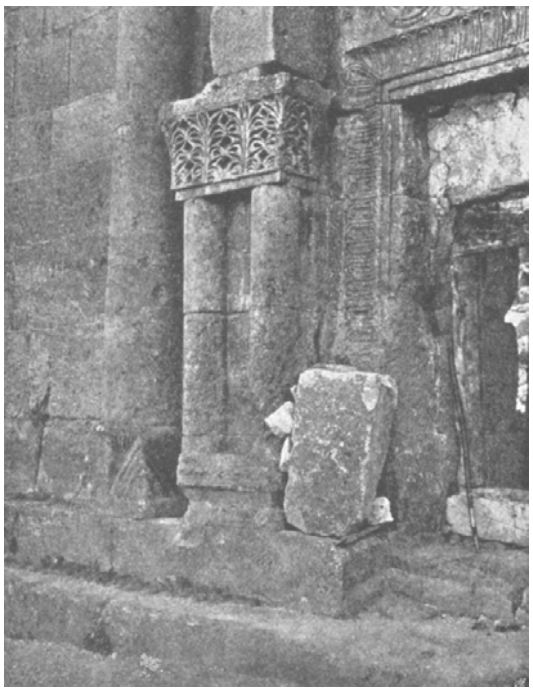

Рис. 442. Текор, церковь: западный вход на северной стороне

Рис. 443. Капитель из Аруча: передняя сторона

Рис. 444. Капитель из Аруча: оборотная сторона

Рис. 445. Касах: капитель

Рис. 446. Ерерук, базилика: восточный вход на южной стороне. Капитель и входная перемычка

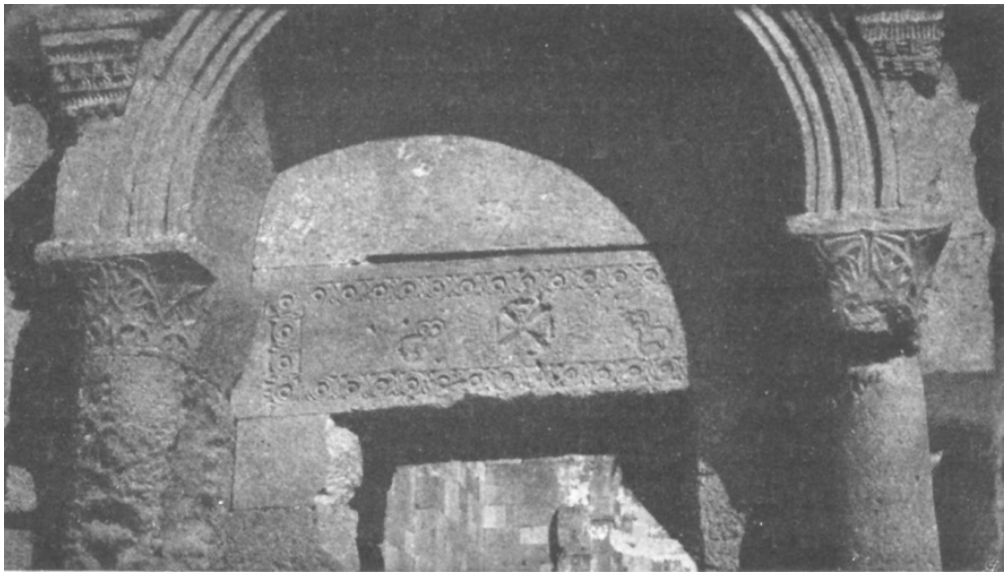

Рис. 447. Ерерук, базилика: западный вход

Рис. 448. Касах, церковь: западный вход на южной стороне

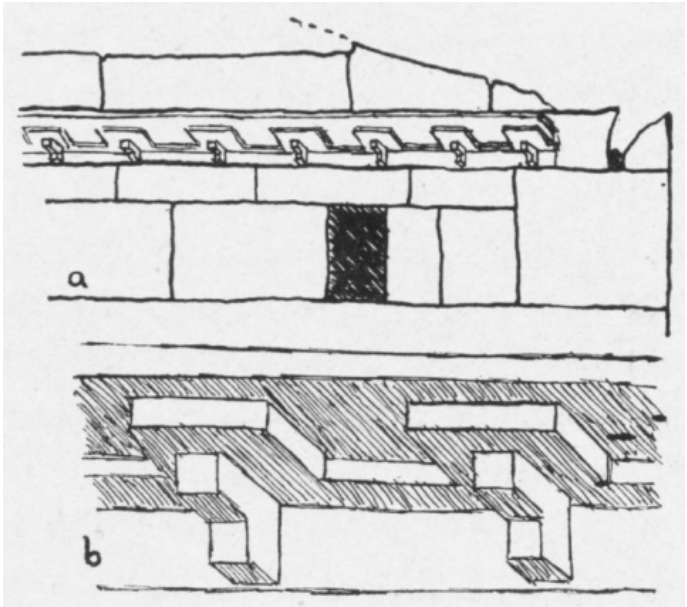

Рис. 449. Касах: а) юго-западный угол с началом фронтона,
б) консольный карниз

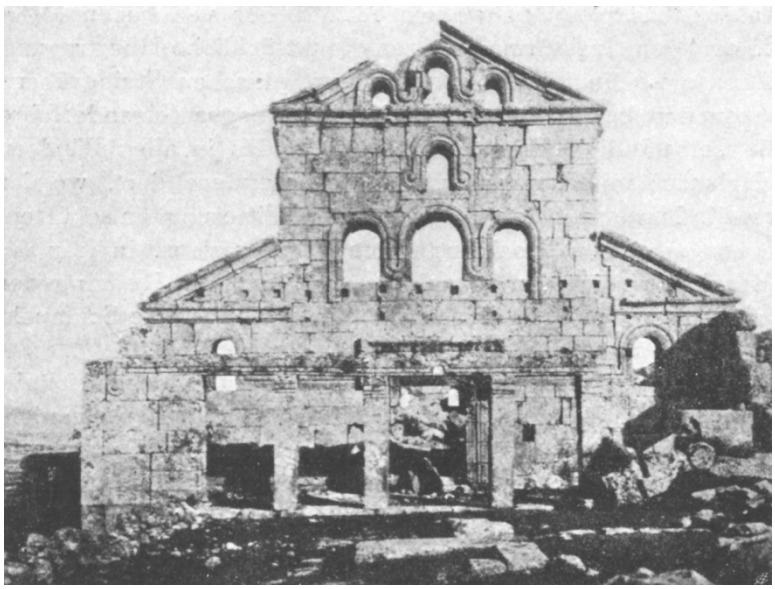

Рис. 450. Бакирха, церковь: торцевая стена

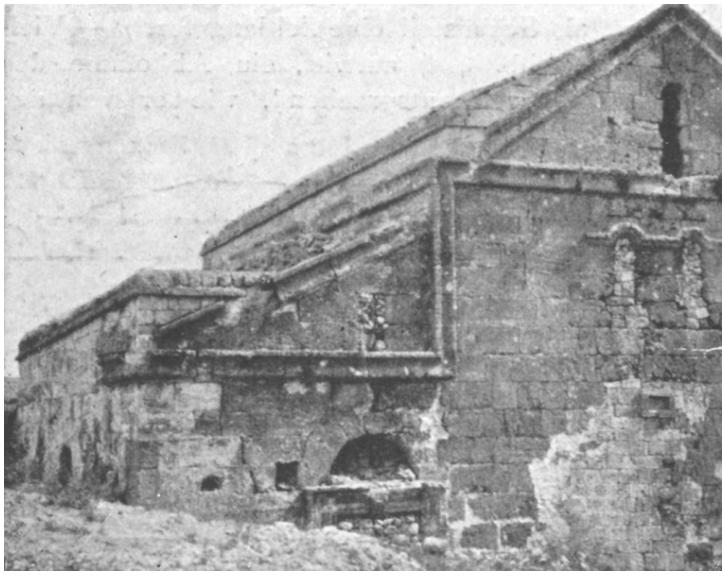

Рис. 451. Салах, Мар Якуб: южная сторона

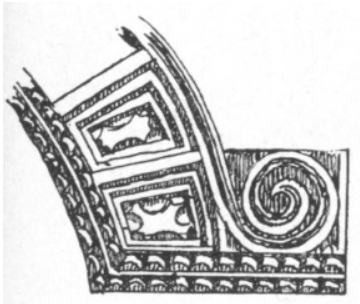

Рис. 452. Рипсиме: обрамление окна на западной стене

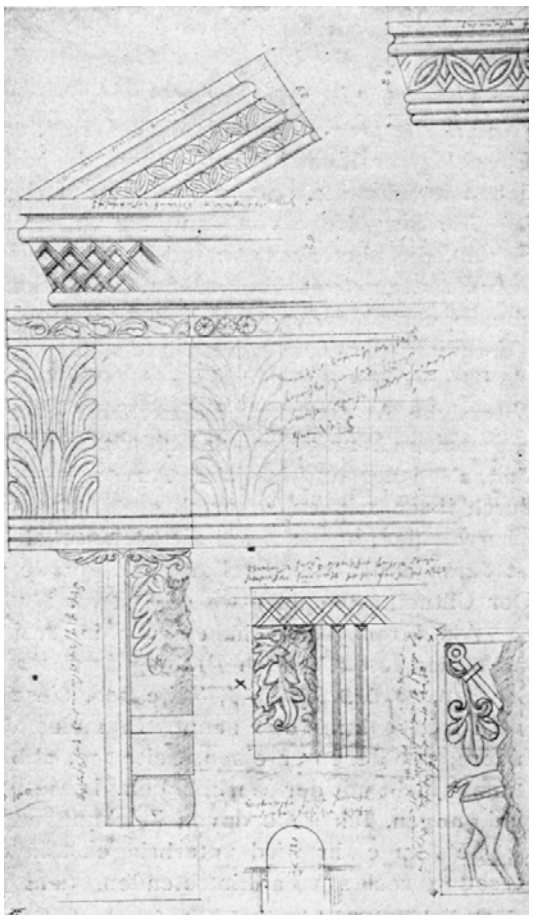

Рис. 453. Ани, Дворцовая церковь: декор западного фронтона.
Зарисовка Тораманяна

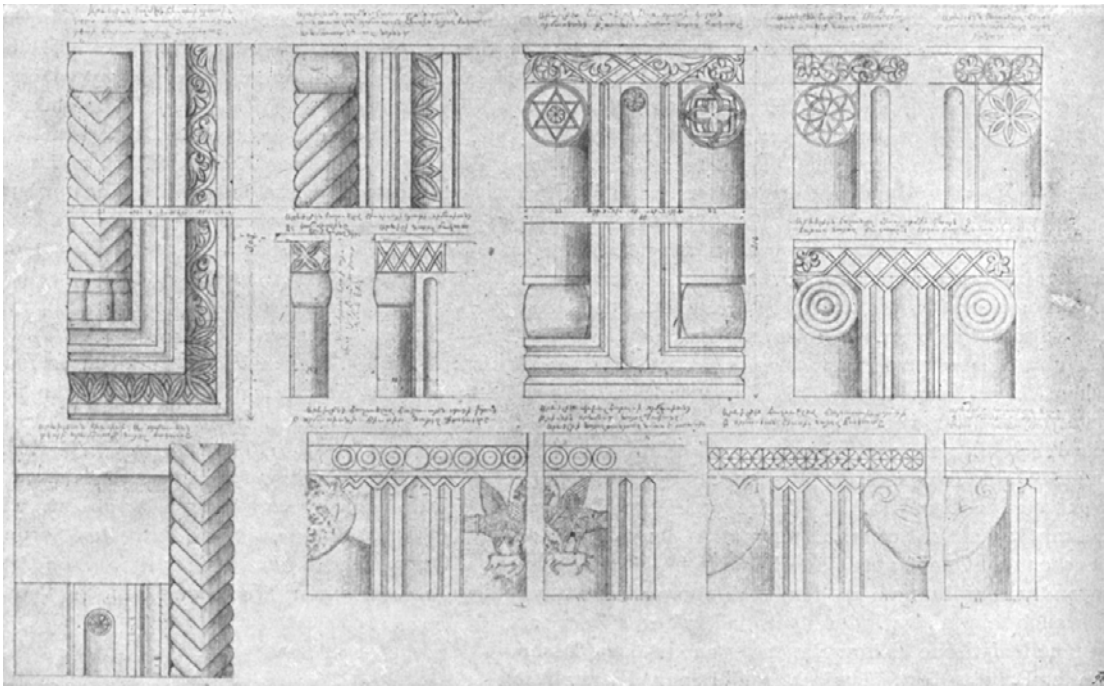

Рис. 454. Ани, Дворцовая церковь: детали внутреннего убранства.
Зарисовка Тораманяна

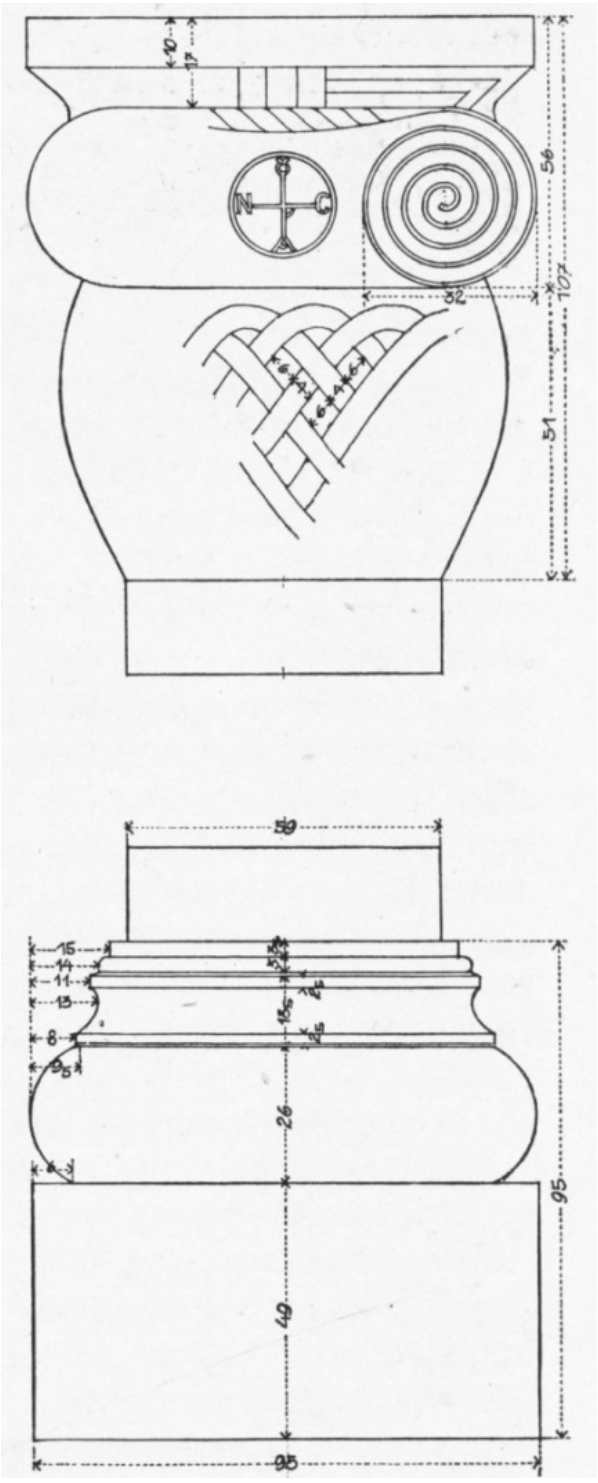

Рис. 455-456. Звартноц, собор: внутренние капители. Обмер Тораманяна

Рис. 457. Звартноц, собор: капитель с монограммой “Narsou”

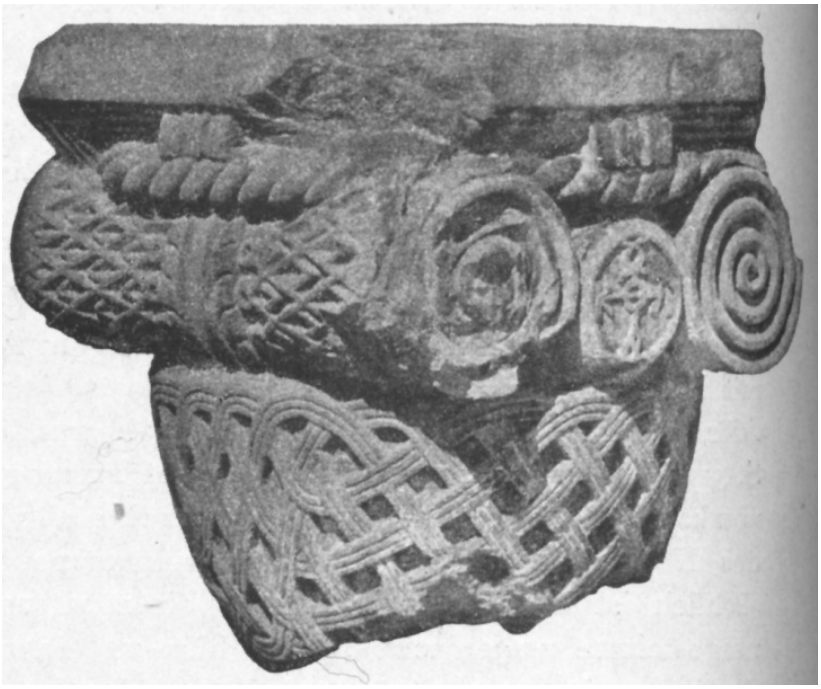

Рис. 458. Звартноц, собор: капитель с монограммой “Katholikos”.

Рис. 459. Звартноц, собор: капитель с орлом. Снимок Тораманяна

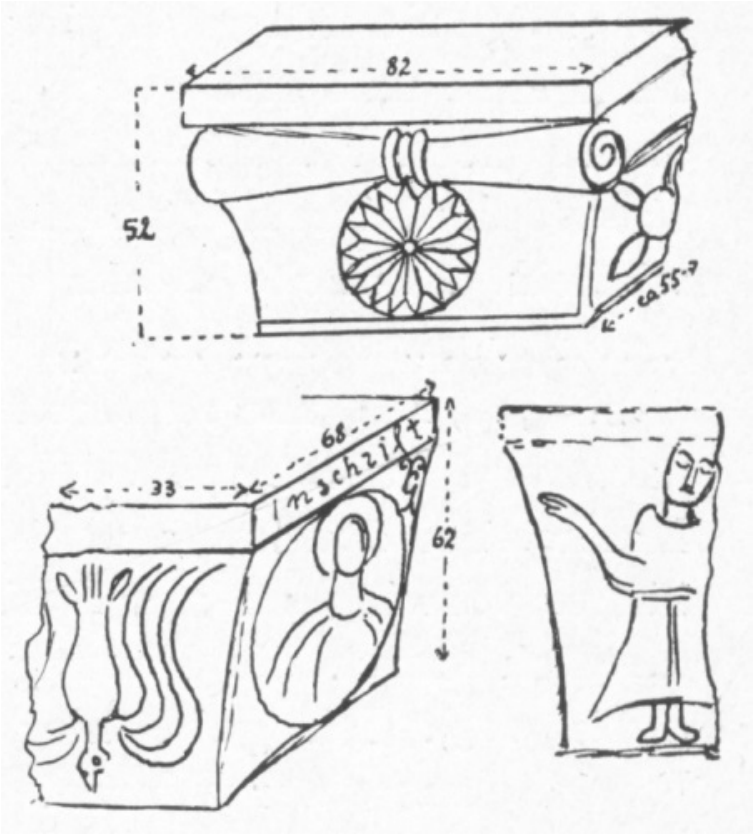

Рис. 460. Ани, музей: капители из Ерерука

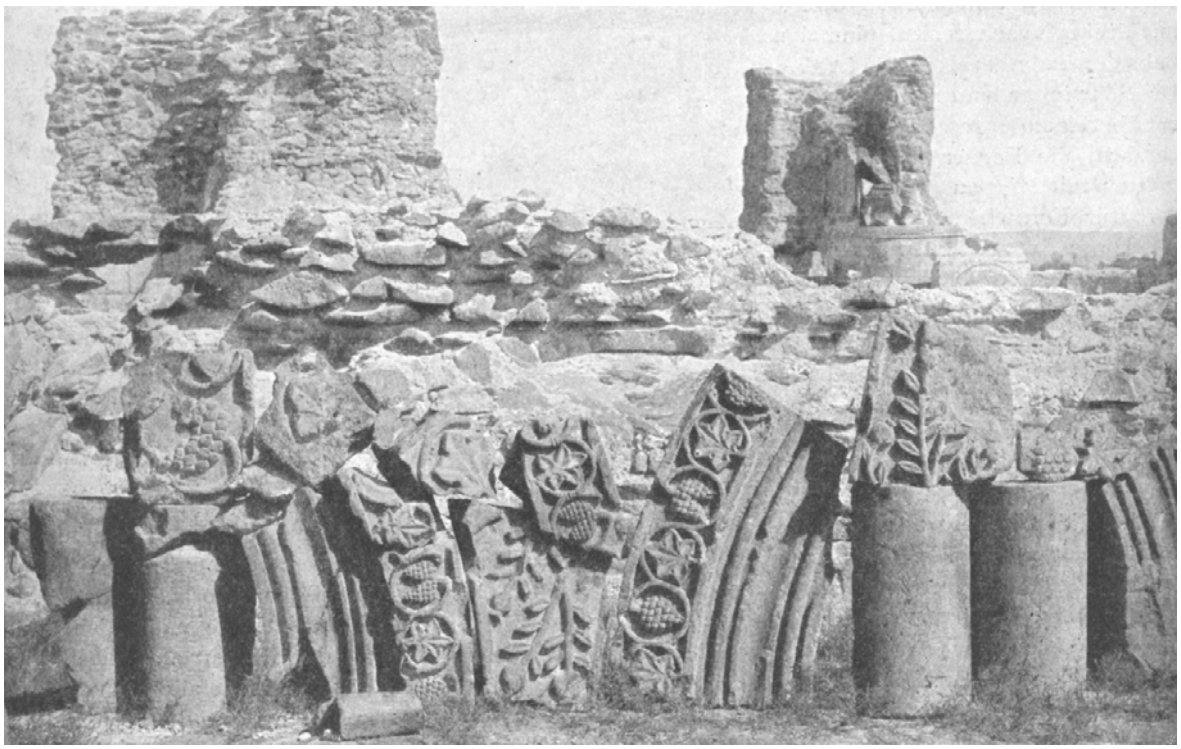

Рис. 461. Звартноц, собор: обломки декора, собранные у западного входа

Рис. 462. Звартноц, собор: обломки декора, собранные у западного входа (продолжение)

Рис. 463-465. Текор, церковь Св. Саргиса: капитель, украшенная виноградной листвой. Снимок Тораманяна

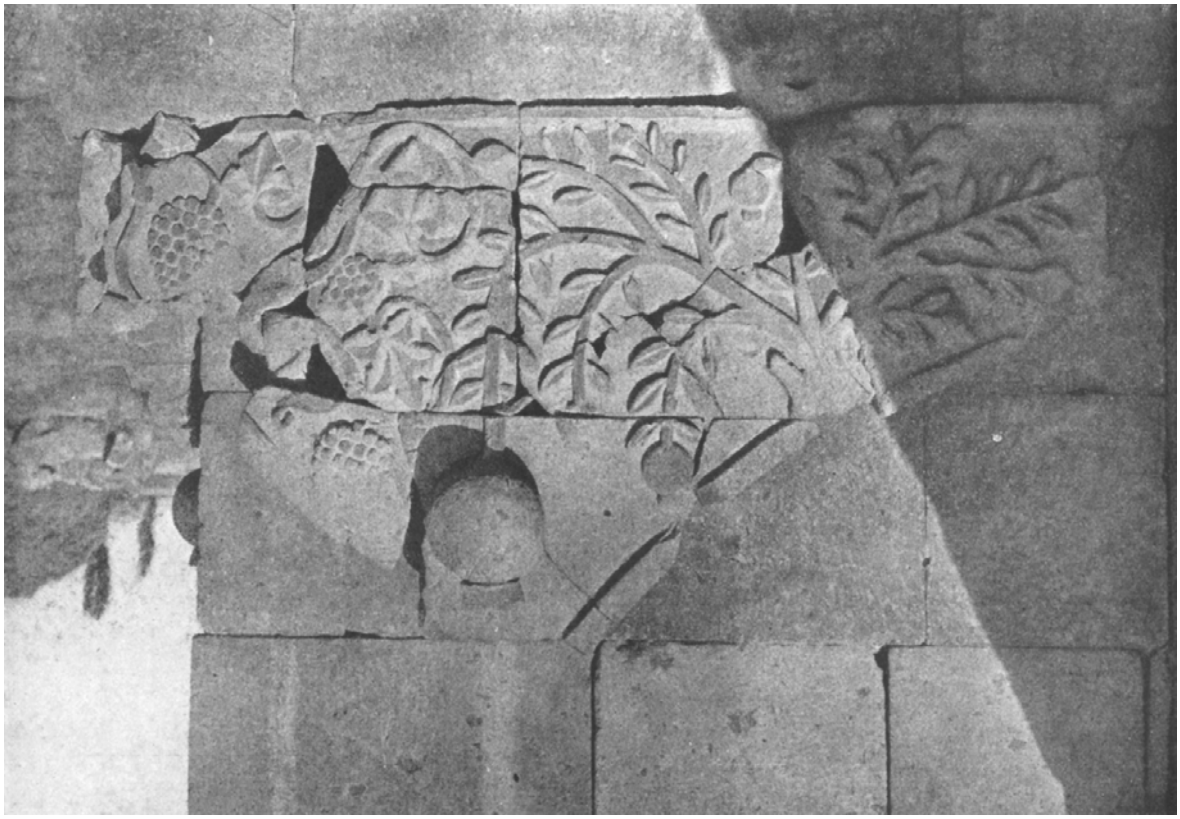

Рис. 466. Звартноц, собор: антрвольт, украшенный виноградной листвой и гранатами (в перевернутом виде)

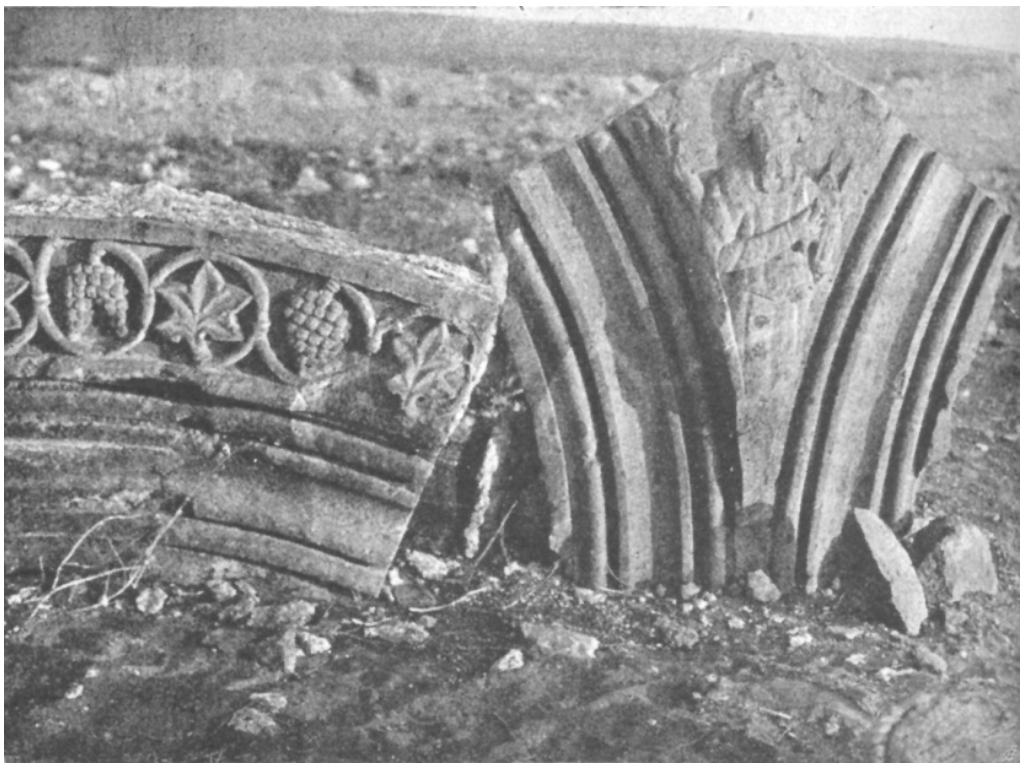

Рис. 467. Звартноц, собор: обломки облицовки
декоративных арок наружного фасада

Рис. 468. Звартноц, собор: антрвольт декоративных арок

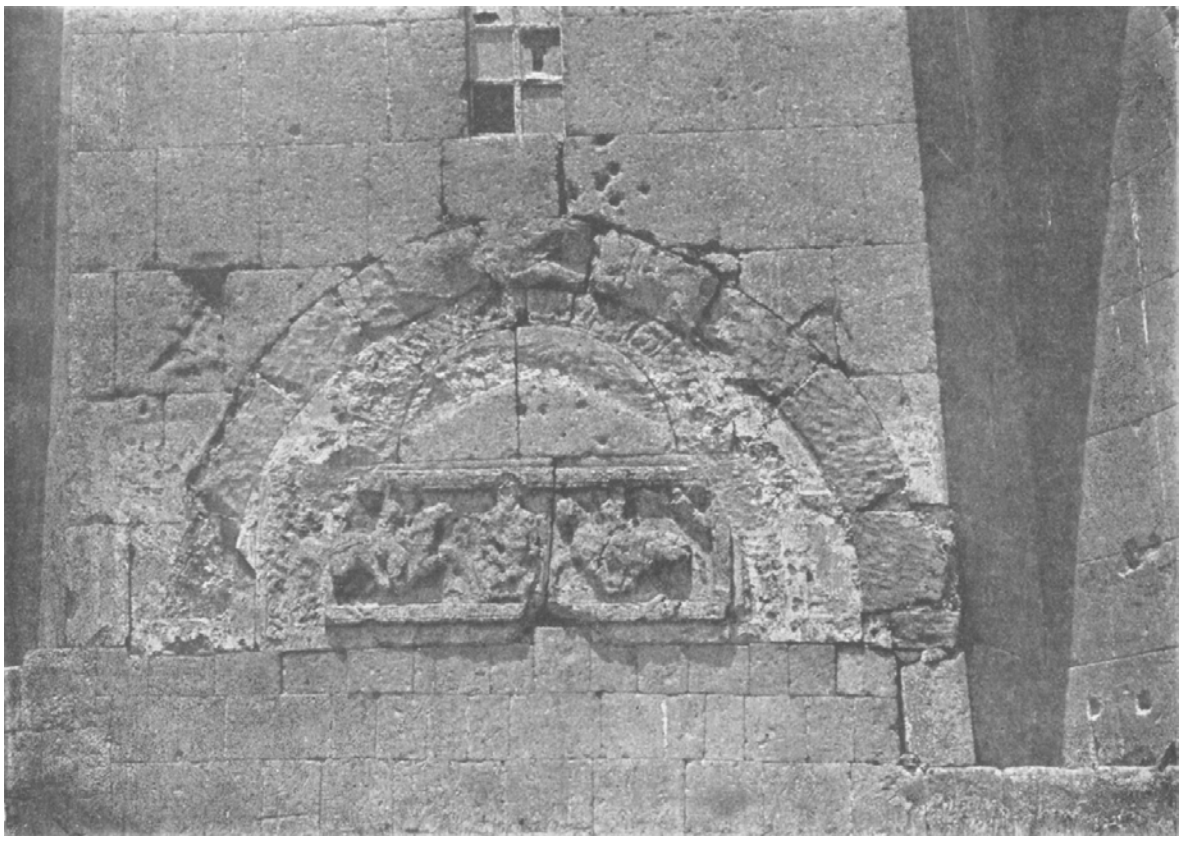

Рис. 469. Огузлу, церковь, южный вход: изображение всадника. Снимок Тораманяна

Рис. 470. Гндеванк: входная перемычка. Снимок Ермакова

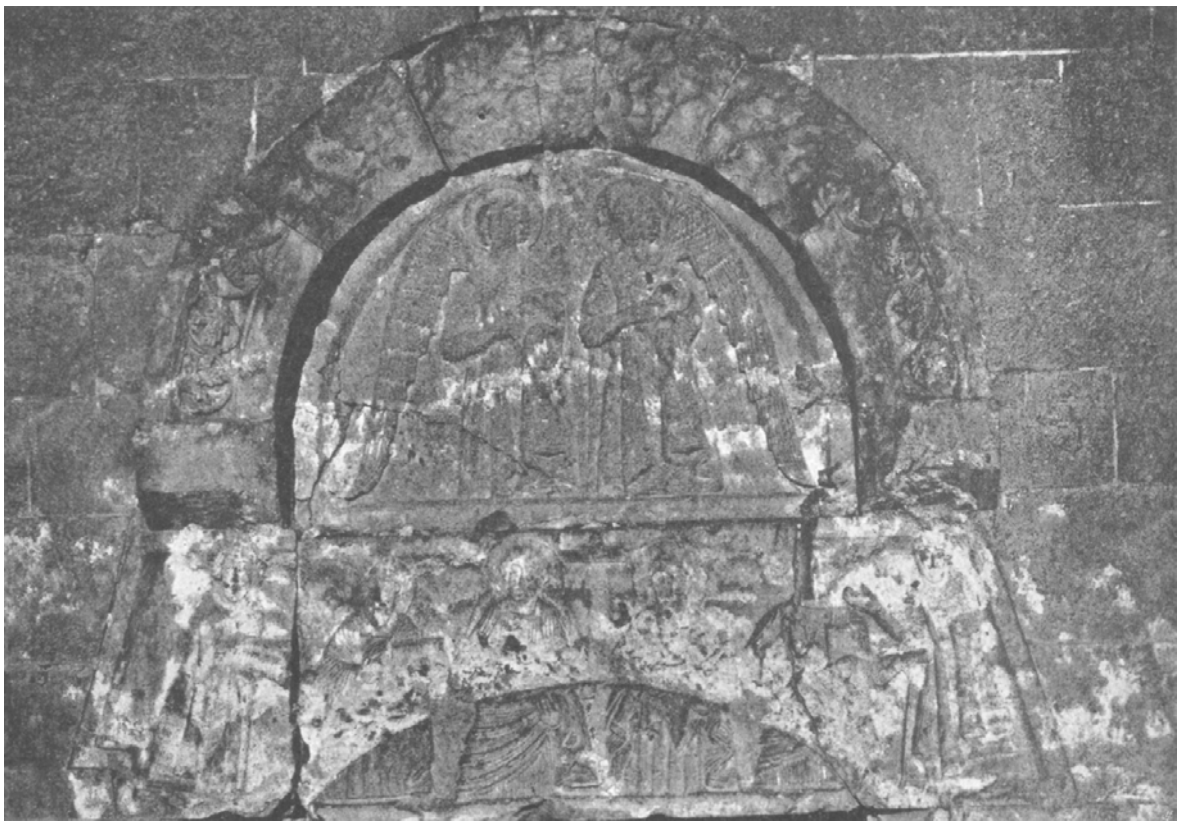

Рис. 471. Мрен, собор: западный вход. Снимок Наапетяна

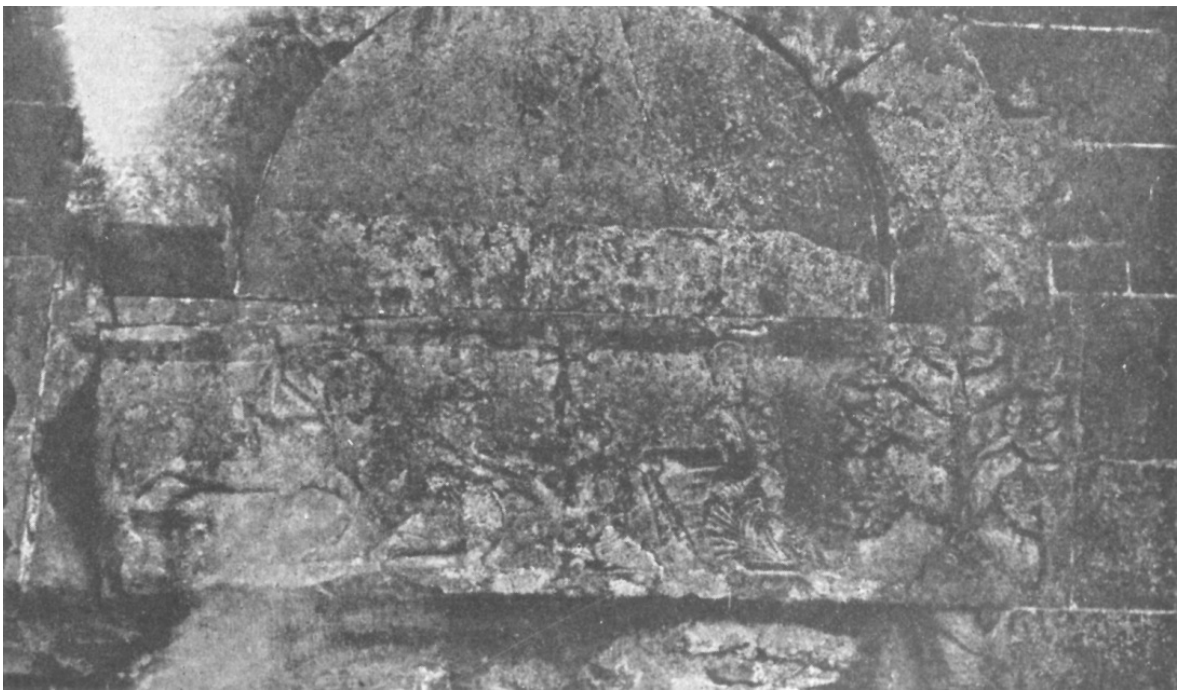

Рис. 472. Мрен, собор, северный вход: входная перемычка

Рис. 473. Мрен, собор, западный вход: деталь слева

Рис. 474. Мрен, собор, западный вход: деталь справа

Рис. 475. Ани, церковь Св. Григора (Гагкашен): статуя основателя.
Снимок Марра

Рис. 476. Мцхет, церковь Св. Креста, южная конха: рельеф основателя.
Снимок Ермакова

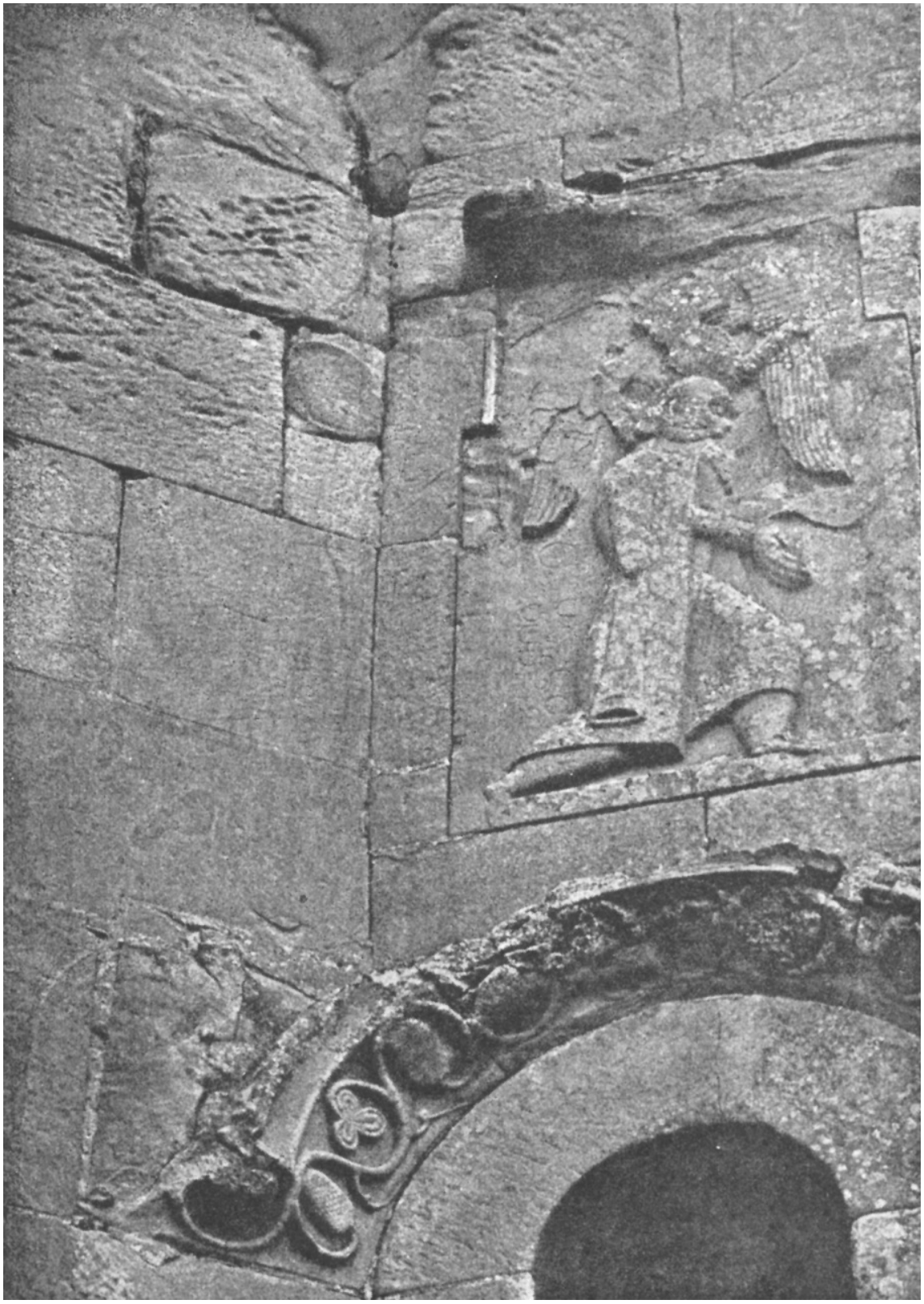

Рис. 477. Мцхет, церковь Св. Креста, восточная апсида: южная сторона.
Снимок Ермакова

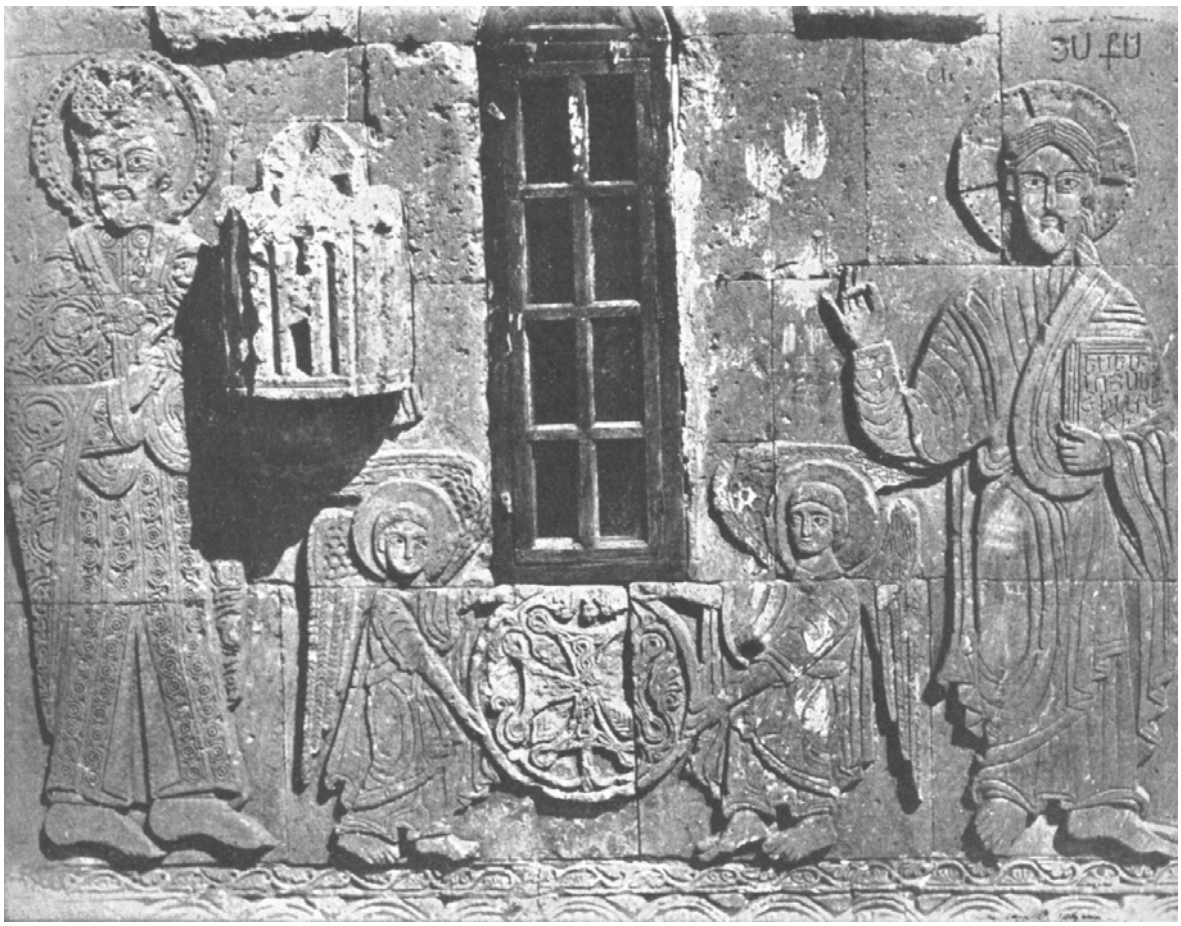

Рис. 478. Ахтамар, церковь Св. Креста, западная сторона: рельеф основателя. Снимок Лалаяна

Рис. 479. Одзун, притвор: деталь на западной стене

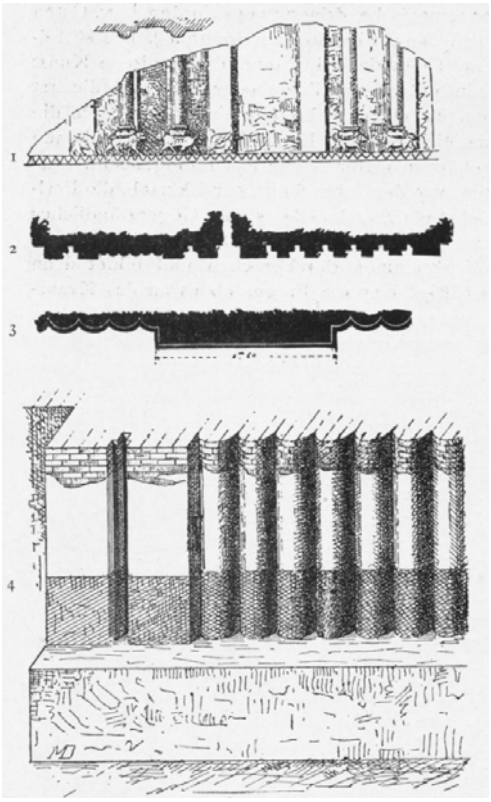

Рис. 480. Примеры расчленения стен полуколонками: 1. Из дворца Ашурбанипала, 2-4. Из Варки. Рисунок Дьелафуа

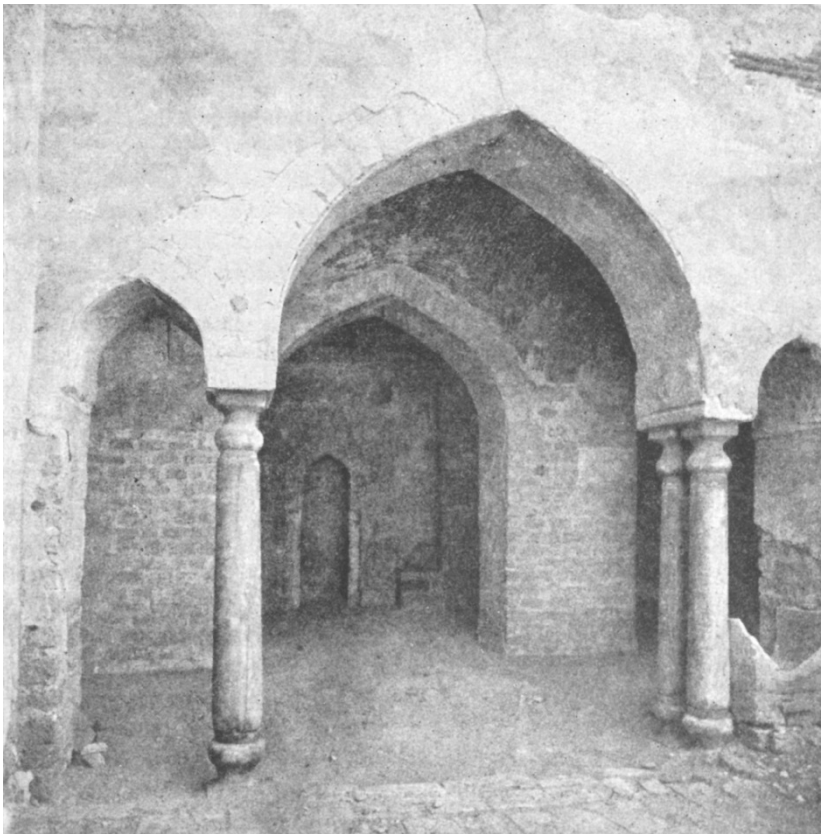

Рис. 481. Каир, мечеть аль-Гуюши: вход со стороны двора. Снимок ван Берхема

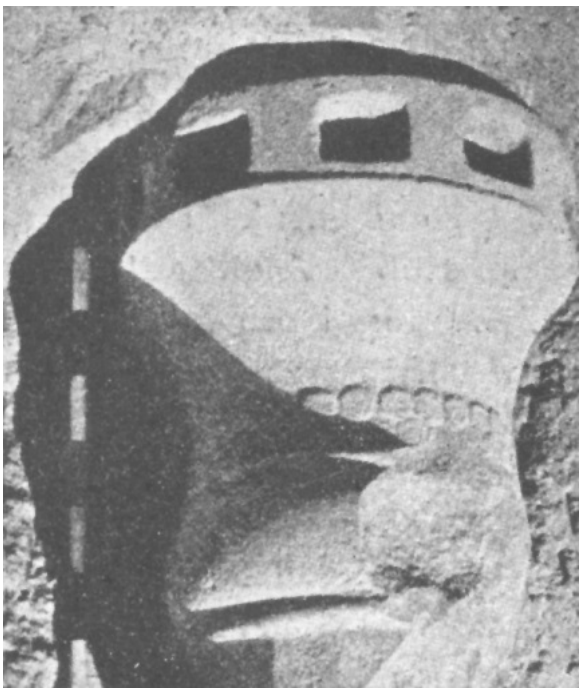

Рис. 482. Ассур, базальтовая капитель (в перевернутом виде)

Рис. 483. Бахира: колонна Ашоки. По Смиту

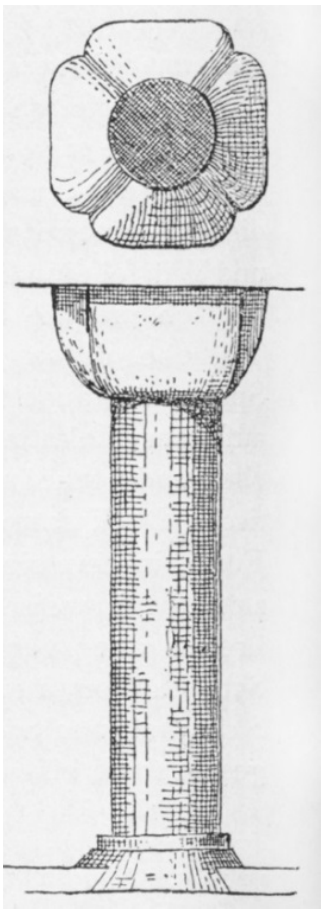

Рис. 484-485. Эндиркаш: колонна. Зарисовка Моргана

Рис. 486. Артик, собор: деталь юго-западного фасада

Рис. 487. Мцхет: церковь Св. Креста, боковой придел:
полуколонка со сферической капителью

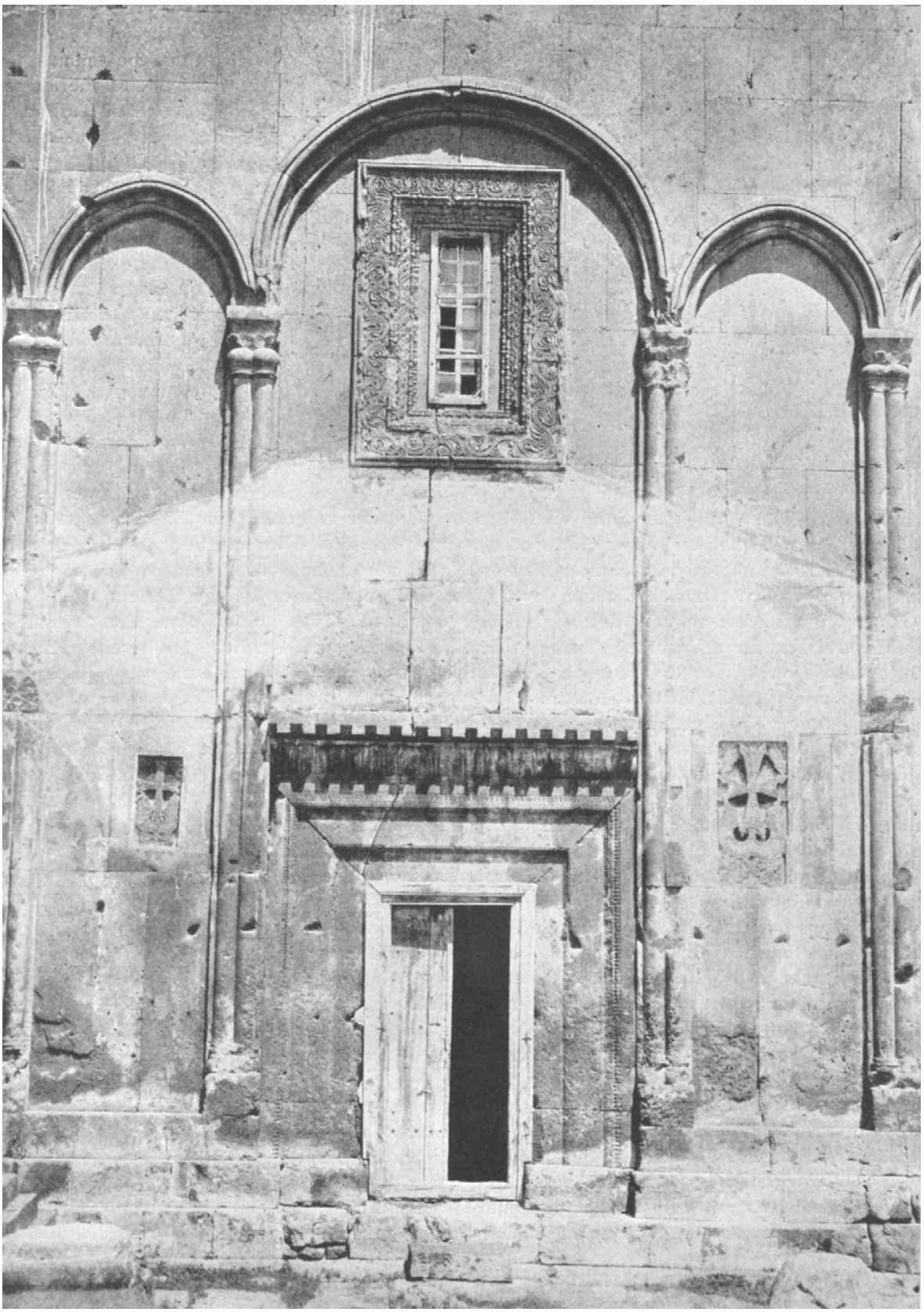

Рис. 488. Мармашен, главная церковь: средняя часть западной стены.
Снимок Тораманяна

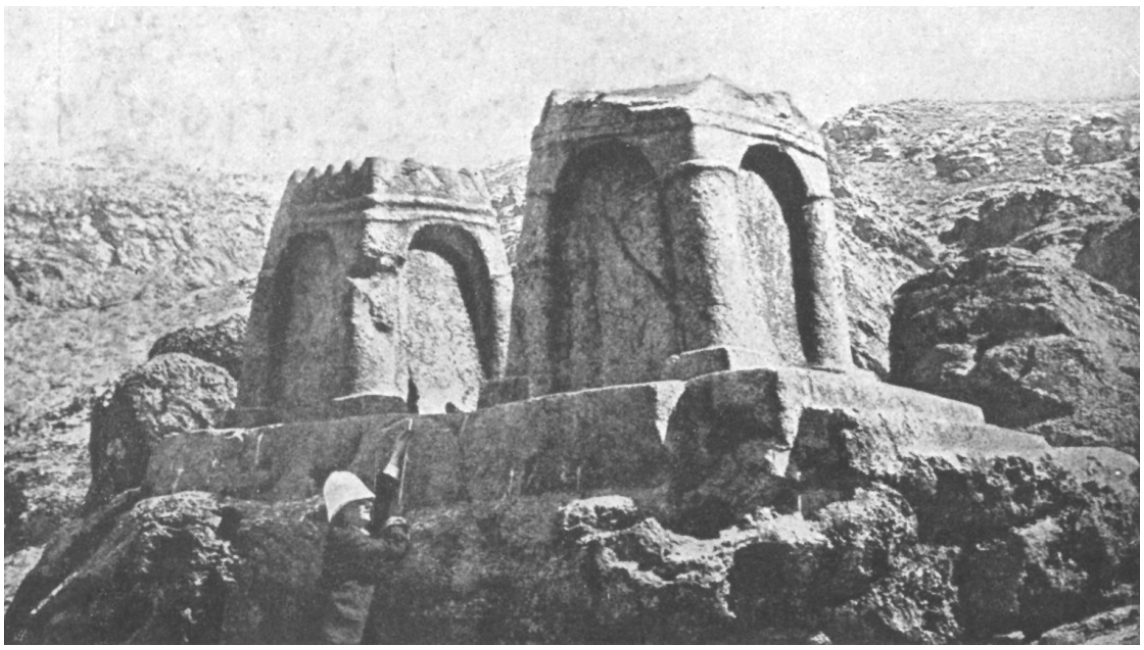

Рис. 489. Нахш-и-Рустем. Алтари огнепоклонников с декоративными арками. Снимок Дьелафуа

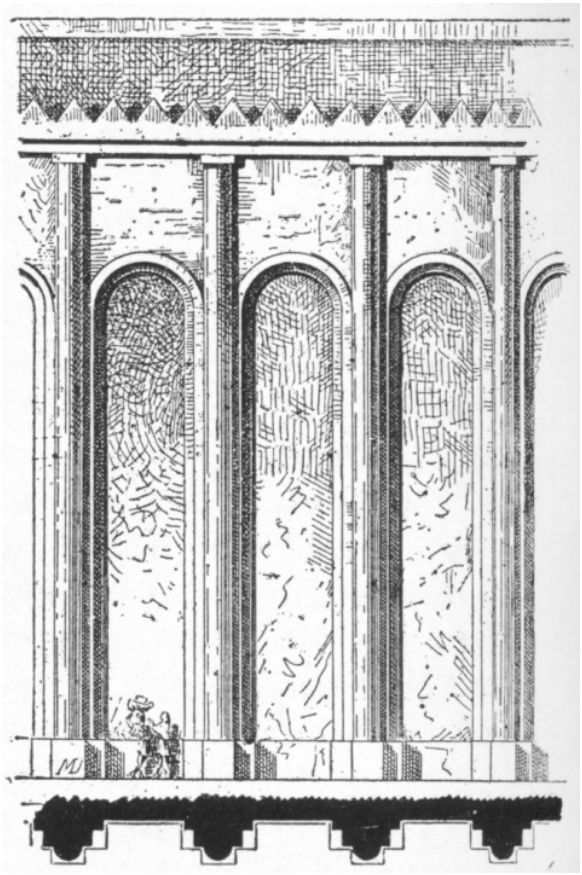

Рис. 490. Фирузабад, дворец: попытка реставрации. Зарисовка Дьелафуа

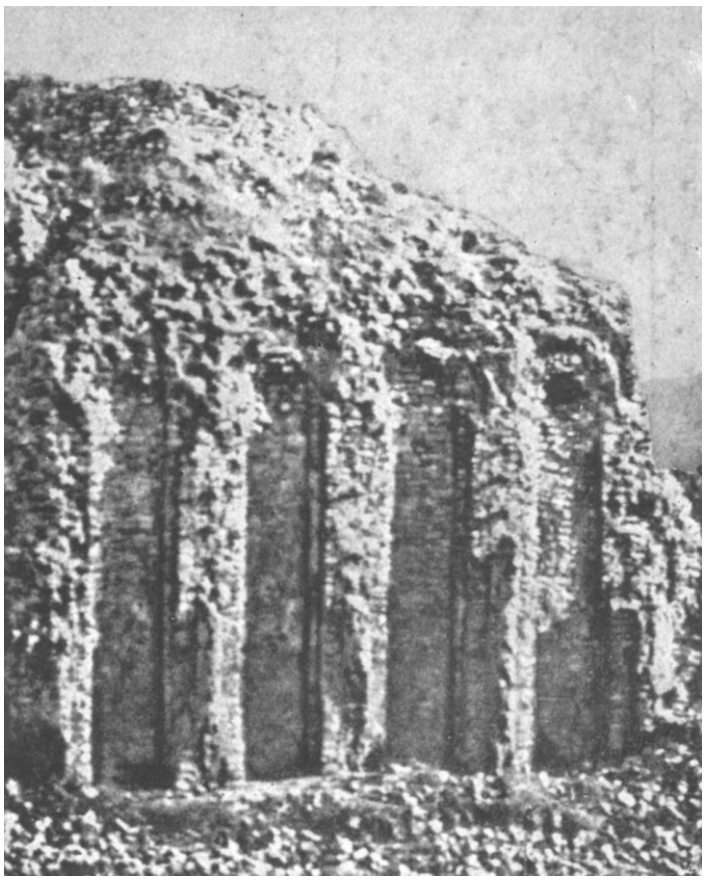

Рис. 491. Фирузабад, дворец: отделка ограждающих стен. Снимок Дьелафуа

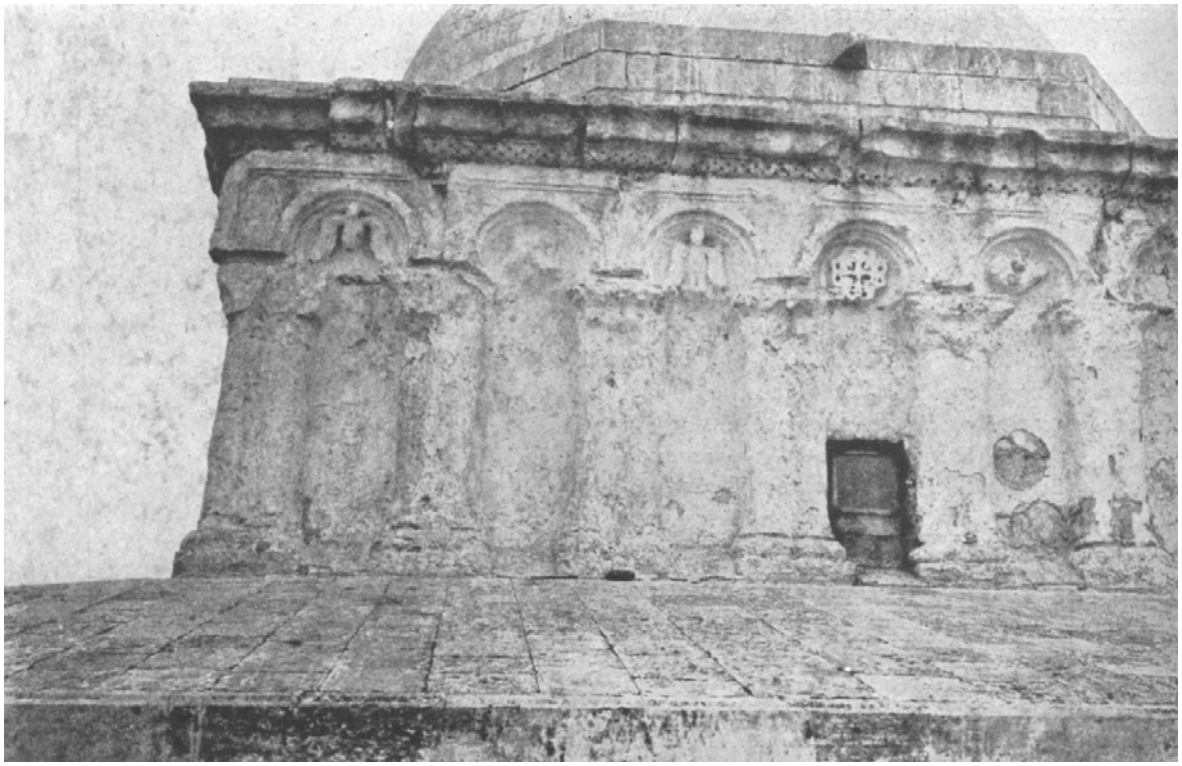

Рис. 492. Хах, церковь Эль Хадра, купол: декоративные арки. Снимок Белл

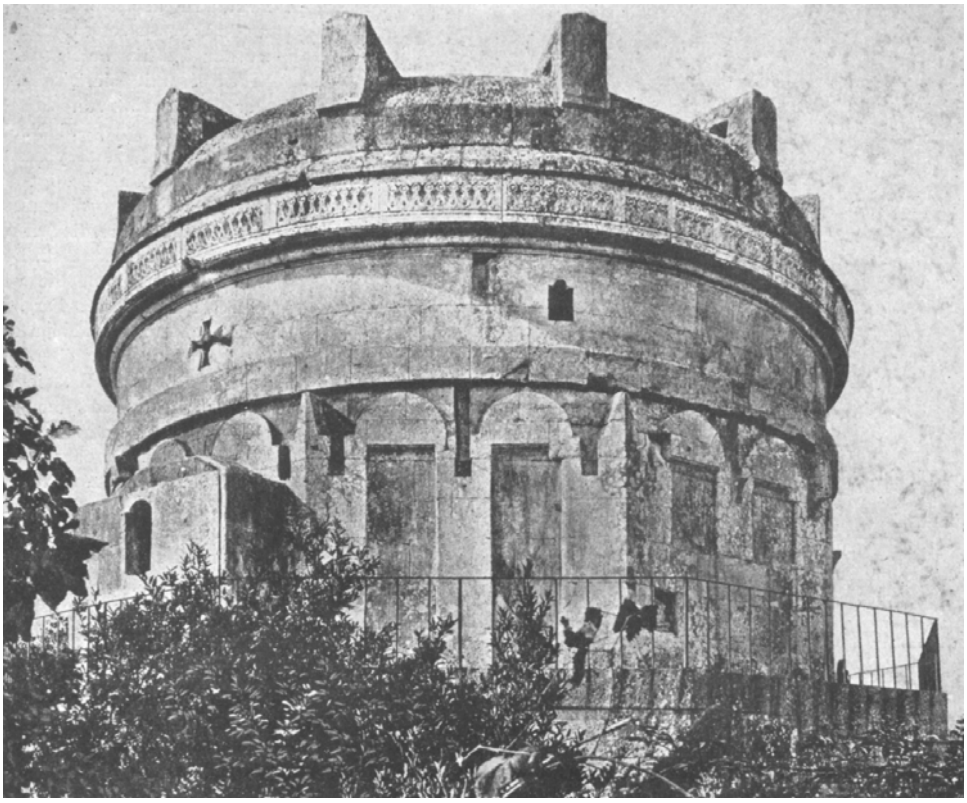

Рис. 493. Равенна, мавзолей Теодориха: отделка декоративными арками. Снимок Гаупта

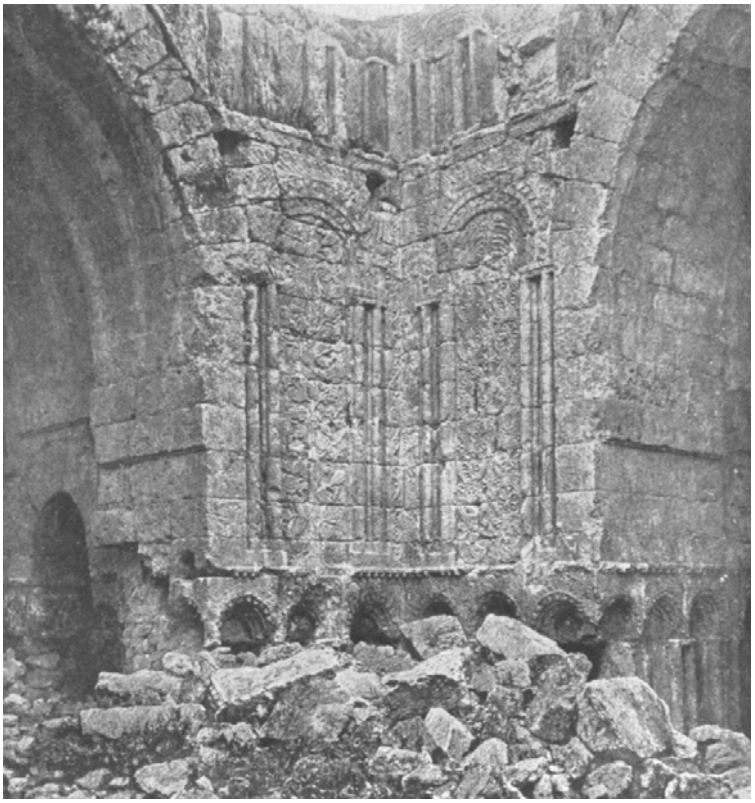

Рис. 494. Амман, замок, тетраконх: внутренний юго-западный угол. Снимок Зобернхайма

Рис. 495. Амман, конховый квадрат. Нижние карликовые ниши: детали. Снимок Пухштейна

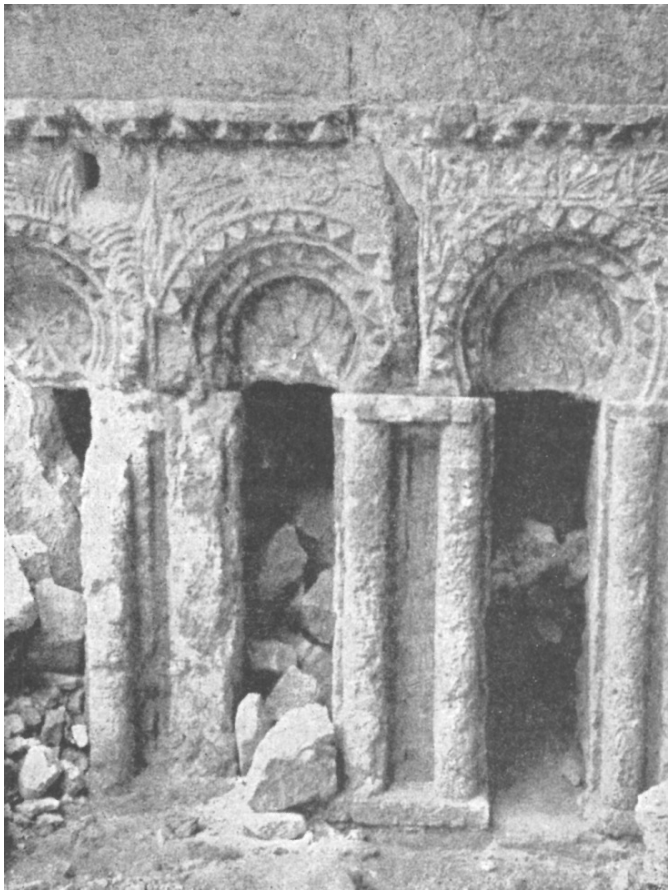

Рис. 496. Амман: конховый квадрат: нижние карликовые ниши. Снимок Пухштейна

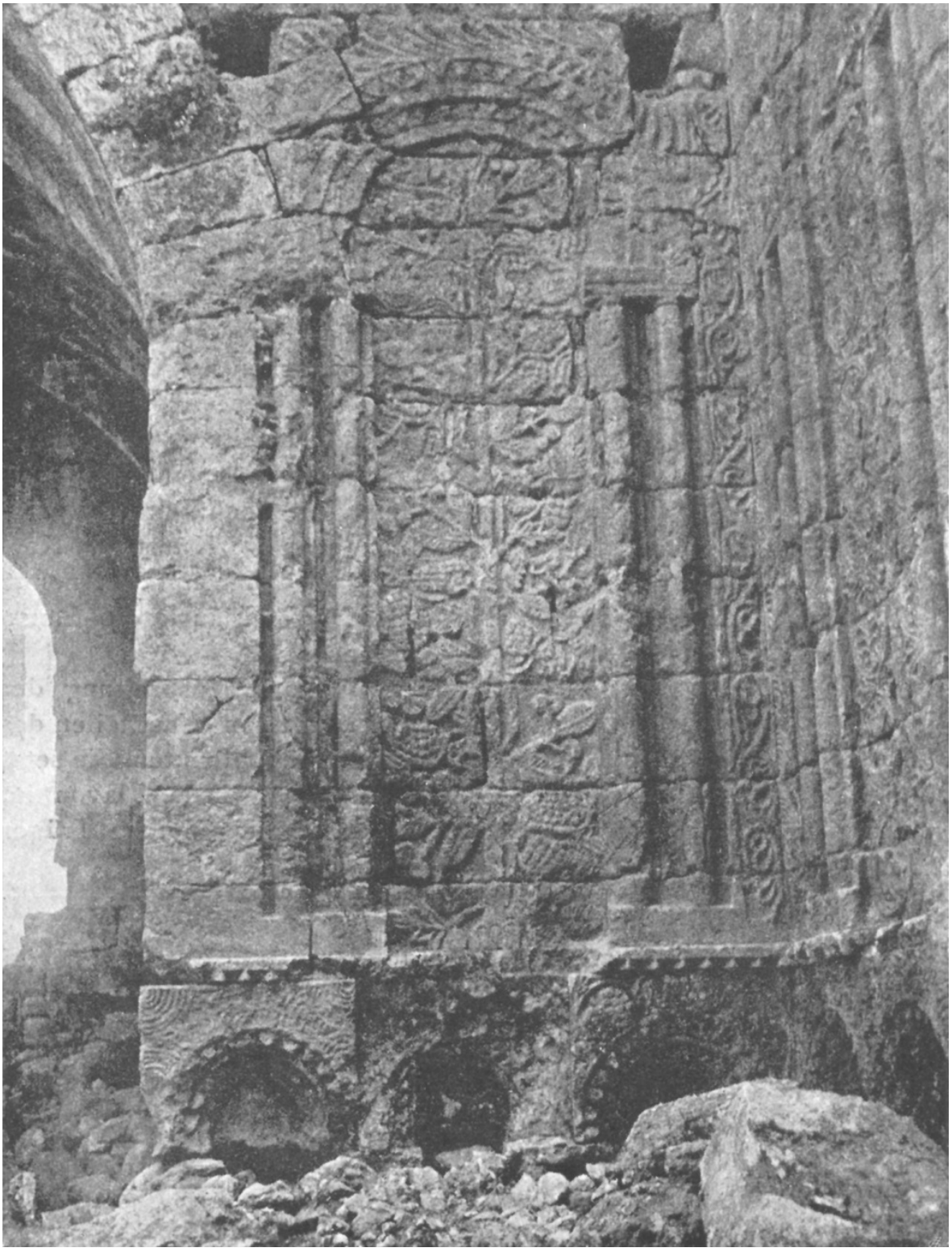

Рис. 497. Амман, конховый квадрат: правая сторона южной стены.
Снимок Зобернхайма

Рис. 498. Ани, церковь Св. Григора (Гагкашен): фрагменты декора.
Снимок Тораманяна

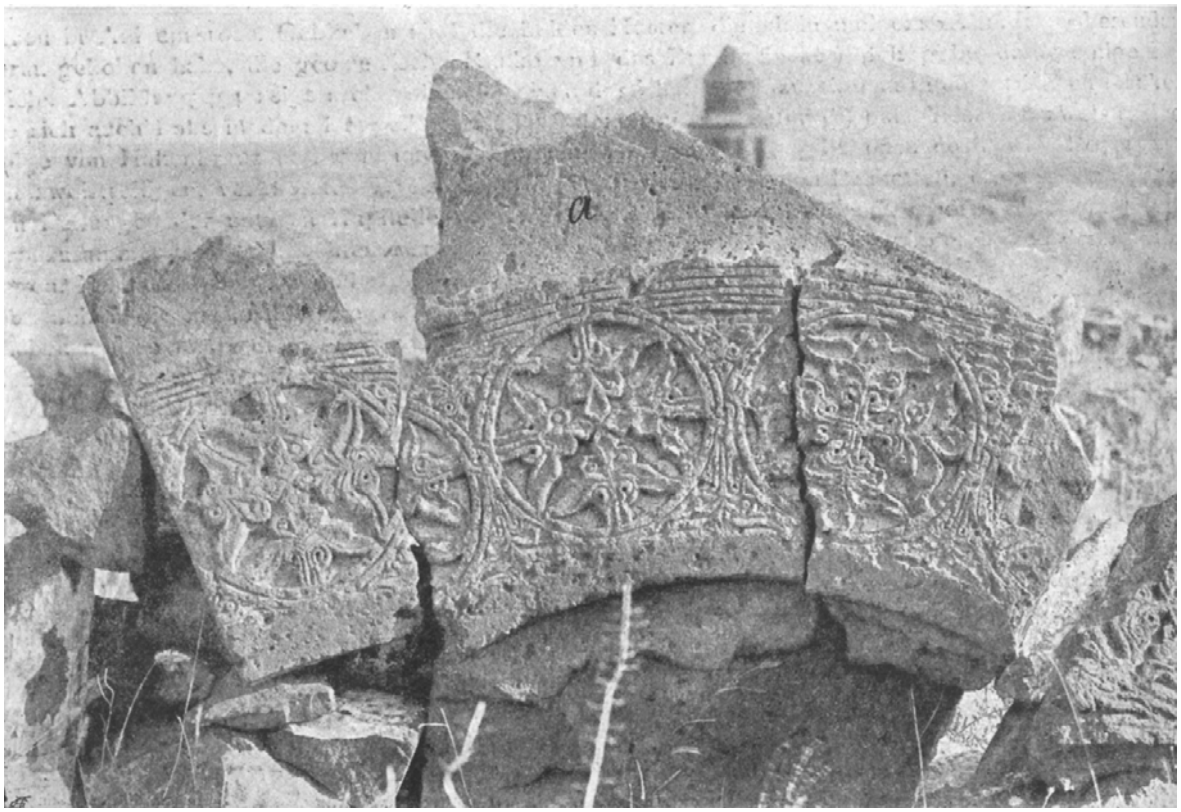

Рис. 499. Ани, церковь Св. Григора (Гагкашен): фрагменты декора.
Снимок Тораманяна

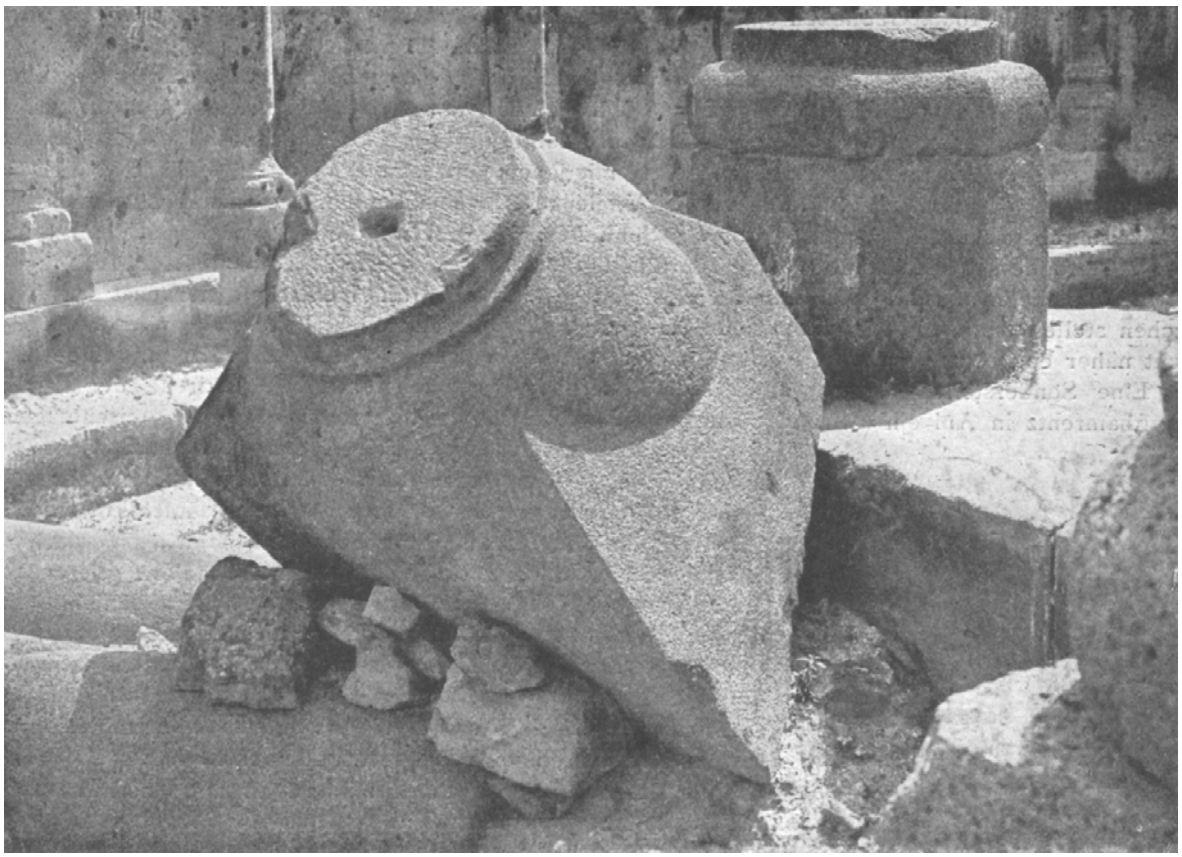

Рис. 500. Ани, церковь Св. Григора (Гагкашен): колонна обхода, детали. Снимок Тораманяна

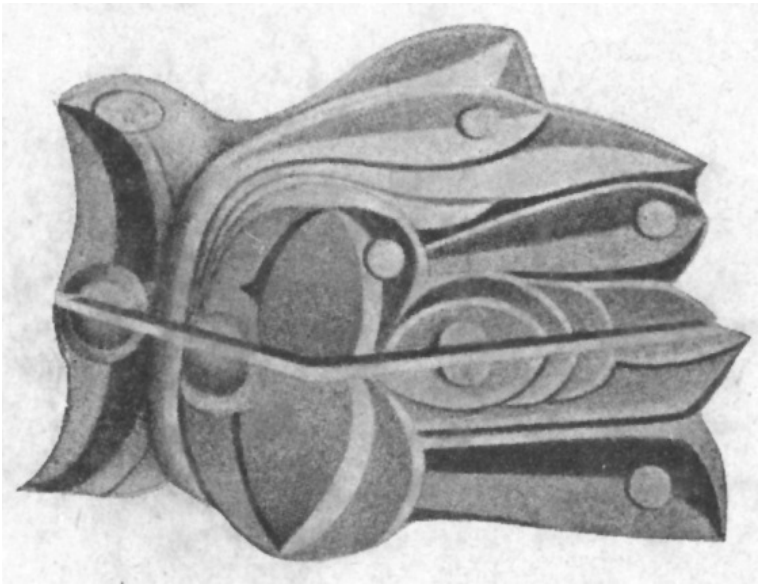

Рис. 501. Ани, музей: фрагмент деревянной детали. Снимок Марра

Рис. 502. Ани, замок: так называемая Усыпальница царских детей. Южная сторона. Снимок Тораманяна

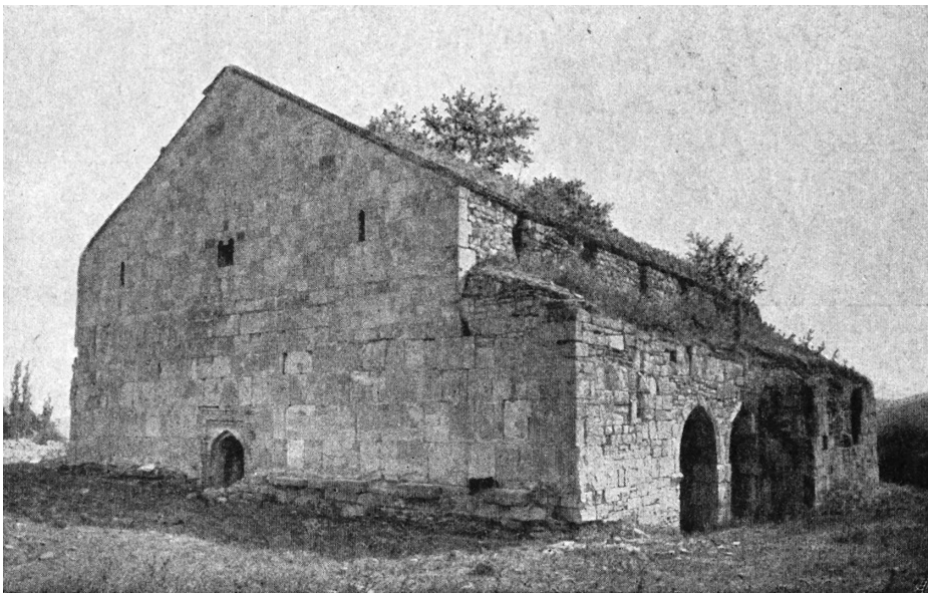

Рис. 503. Сионская церковь в Болниси: вид с юго-запада. Снимок Ермакова

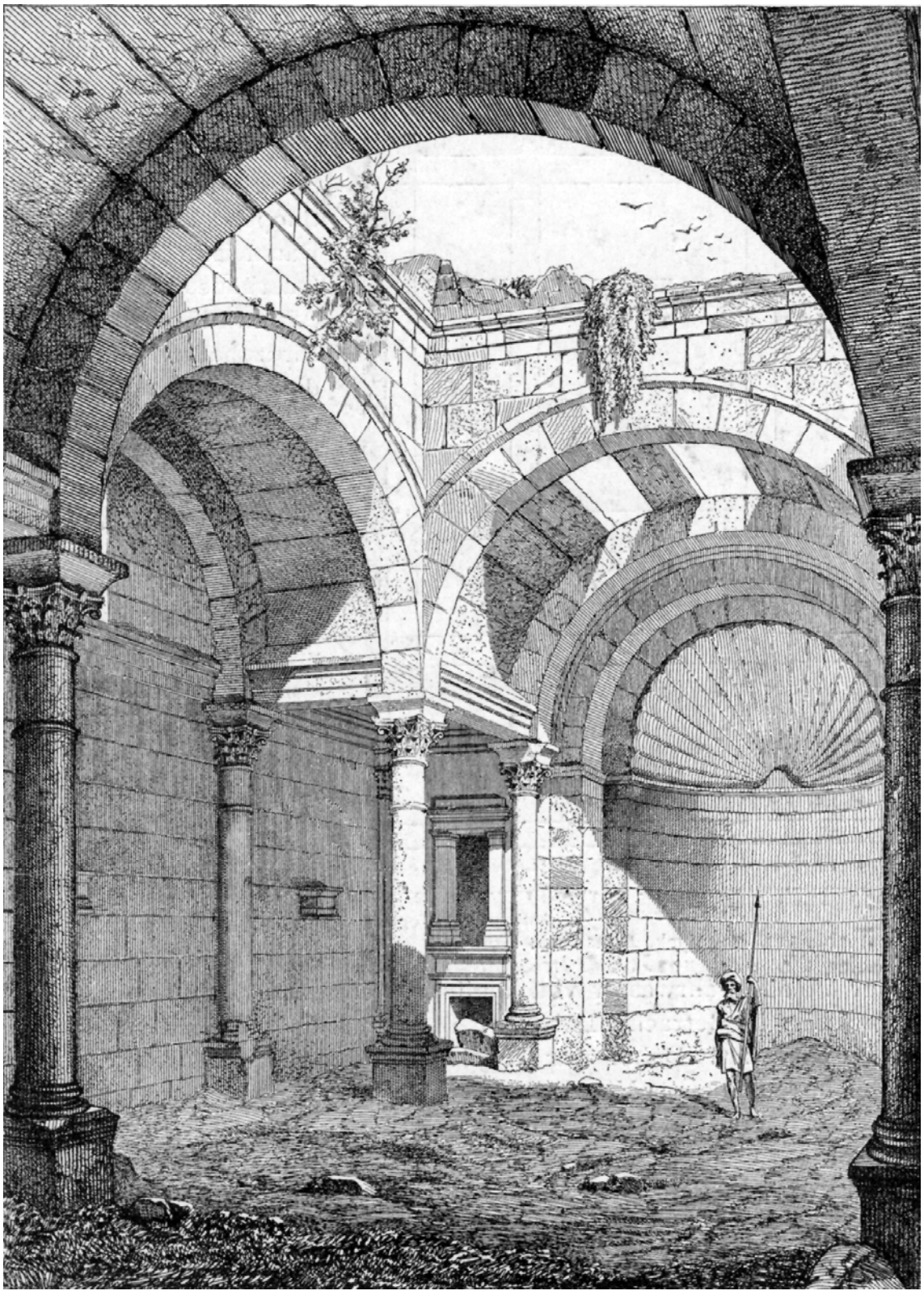

Рис. 504. Мисмийе: преториум, внутренний вид. Снимок де Вогюэ

Рис. 505. Лмбатаванк, церковь Св. Степаноса: детали юго-западной стороны.
Снимок Тораманяна

О Г Л А В Л Е Н И Е

СУЩНОСТЬ 6

I. М а т е р и а л и к о н с т р у к ц и я 9
А. Строительные материалы 9
а) Облицовка из лавы и туфа 10
б) Заполнение: бетон 11
Б. Конструкция 14
В. Строительные работы 19
Духовные ценности 20

II. З н а ч е н и е, ч а с т ь п е р в а я: П р е д м е т 21
1. Церкви … 21
В н у т р е н н и е ч а с т и ц е р к в и (л и т у р г и ч е с к и е т р е б о в а н и я) 23
А. Восточная часть 23
Приделы 32
Б. Средняя часть 36
В. Западная часть 38
2. Монастыри 47
А. Пещерные монастыри 48
Б. Главные монастыри 49
3. Памятники 52
А. Надгробные сооружения 53
Б. Надгробные камни 56
4. Жилища 61
А. Замки 62
Б. Дворцы 64
В. Царские дворцы 69
5. Города 72
А. Города католикосов 73
Б. Столицы царей и князей 74
6. Декоративное убранство: предметное значение 82
А. Изображения животных 82
Б. Изображения растений 85
В. Изображения людей 85
а) Живопись 91
б) Ткани и сосуды 96
Явление: описание общих признаков 98
А. Ступенчатое основание (стилобат) 99
Б. Корпус 100
а) План 101
б) Конструкция 102
В. Отделка 105
а) Треугольные ниши 106
б) Декоративные арки 106
в) Полуколонки и пучковые пилоны 106
г) Входы 113

д) Окна …… 115
е) Фризы ……..... 116
Явление: происхождение архитектурных форм ……. 118
В в е д е н и е ……. 119
а) Собор в Эчмиадзине ……. 122
б) Церковь в Текоре …….. 125
в) Восток, Рим, эллинизм? 130
г) Храм в Гарни …… 132

III. О б р а з 135
1. Строительство само по себе 135
А. Иранская традиция ……..……... 136
а) Ступенчатое основание …….. 137
б) Бетон с облицовочными плитами …….. 140
в) Купол ……. 152
г) Цилиндрический свод …….. 165
Б. Эллинистическая традиция: покрытые цилиндрическим сводом постройки продольного типа (Генрих Глюк) ……. 167
а) Однонефные постройки, покрытые цилиндрическими сводами (Северомесопотамская традиция) …….. 167
б) Трехнефные постройки, покрытые цилиндрическими сводами (традиция стран Средиземноморья) …….. 187
в) Сводчатая базилика в Ереруке …… 198
2. Отделка …….. 206
А. Эллинистическая традиция ……. 206
а) Дохристианский эллинизм (Гарни) ……. 206
б) Христианский (сирийско-малоазийский) эллинизм ……. 209
в) Персидский эллинизм …… 221
Человеческая фигура: традиция и близость к природе ……. 228
Б. Североиранская традиция ……. 232
а) Висячие карнизы кровель с фризами из арочек …….. 234
б) Восходящие венчающие карнизы, украшенные ленточным плетением .. 236
в) Полуколонка ……..... 238
г) Постройки с декоративными арками …… 242
д) Образцы армянского декоративного искусства …… 250
е) Строительство и убранство ……..... 252
П о с л е с л о в и е ……..... 253
Список иллюстраций ……..... 256

ЙОЗЕФ СТРЖИГОВСКИЙ
АРХИТЕКТУРА АРМЯН И ЕВРОПА
(том I, книга вторая)

ՅՈՋԵՖ ՍՏՐԺԻԳՈՎՍԿԻ
ՀԱՅԵՐԻ ՃԱՐՏԱՐԱՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ԵՎՐՈՊԱՆ
(հատոր I, գիրք երկրորդ)

JOZEF STRZYGOWSKI
THE ARCHITECTURE OF ARMENIANS AND EUROPE
(volume I, Book Two)

Компьютерная верстка – Вера Папян
Компьютерный набор – Инесса Авагимова

Заказ N 809
Формат 60 × $84^{1}/_{8}$. Бумага мелованная.
25 печ. лист.
Цена договорная.